ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1997 году

Серия Д
Филология и психология

5/2026

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология»

Главный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**
Заместитель главного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**
Ответственный секретарь – канд. психол. наук **Н.П. Андрюшкова**
Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, д-р филол. наук **Э.С. Ветрова**, канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**, канд. психол наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.Г. Коваленко** (Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы), д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **А.С. Ососкова**, канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal "Bulletin of Donetsk National University Series D: Philology and Psychology"

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**
Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**
Executive Secretary – Candidate of Psychology. **N.P. Andryushkova**
Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.S. Vetrova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhaneryan** (Southern Federal University), Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.G. Kovalenko** (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **A.S. Ososkova**, Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел**: +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru.

URL: https://dongu-vestnik05.ru.

Технический редактор: А.М. Лыкова.

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и психология

№ 5/2026

Филология

Грушевская Т.М., Фанян Н.Ю., Базайкина О.К. Способы реализации манипулятивного речевого воздействия в межпоколенческом дискурсе (на примере романа Дж. Франзена «Свобода») 5

Гулинов Д.Ю., Архипова И.Б. Модальные перифрастические глагольные конструкции в заголовках медицинских новостей испанских СМИ 17

Страшкова О.К.,Лепилкина О.И. Автоцитация как художественный приём в драматургии М.Е. Салтыкова-Щедрина 27

Селиверстов И.М.,Ленец А.В. Лингвосемиотический потенциал мифонимов в англоязычных настольно-ролевых играх 40

Будник М.В., Неделько С.А. Эффективность использования информационно-коммуникативных технологий в современном городском пространстве (на примере Московского метрополитена) 55

Водопетов С.В. Контекстная воронка как метод косвенного анализа проявлений социально-эмоциональных процессов в пользовательских медиатекстах 71

Денисова Е.А. Неймспейсы, отаку и хат-конеры: транслингвистические маркеры в современной коммуникации 82

Елизарова Л.В., Проворова К.С. Эволюция жанра музейного анонса: от печатного пресс-релиза к цифровому гибридному медиатексту (1960–2025 гг.) 96

Криницкая М.Ю. Концептуализация топонима КИТАЙ в сознании российской и китайской молодежи 112

Немич Н.Н. Изучение категории несуществующего в лингвистике: теоретико-аналитический обзор 123

Рожкова Т.В. Морфологическая мотивированность глагольной деривации в английском языке 139

Сахневич С.В. Ошибка “the knownest”: устранение фонетического барьера в образовании степеней сравнения английских прилагательных 150

Филатова В.А. Становление дневниковой прозы и феномен «публичной приватности» в русской детской и подростковой литературе (вторая половина XIX–начало XX в.) 162

Яблонских А.В., Чаленко Д.А. Мессенджеры и социальные медиа как основа коммуникационного продвижения и дестабилизации 177
Ахмедшина Д.Р. Воображаемое пространство как отображение мифа о Сибири в рассказах томских фантастов 189
Быстрова А.А. Российские сетевые просветительские СМИ: эволюция контента и его сегментация 198
Исмаилова О.И. Искусственный интеллект как инструмент манипуляции в массмедиа: языковые стратегии генеративных чат-ботов и человека 209
Рысева Т.В. Стилистические средства выражения оценки в англоязычных медиатекстах, посвященных проблемам искусственного интеллекта 220
Шеина М.С. Языковое моделирование динамики идентичности 233
Шкапова А.В. Вильгельм Шерер и германистика XIX в. в эпистолярном наследии 245
Юрова Е.А. Сгенерированный медиатекст: классифицирование лингвопрагматических признаков генерации и их анализ 257

Слово молодому учёному

Савинская Ю.Г. Этико-смысловые паттерны коллективной духовности: к обоснованию социально-психологической типологии духовных команд 270

Психология

Андрюшкова Н.П. Ресурсный потенциал личности как фактор адаптации в современном информационном и социокультурном пространстве 281
Вильдгрубе С.А., Рогозина М.Ю. Особенности эмоционально-волевой саморегуляции студентов-психологов с разным уровнем успешности обучения в вузе 291
Кольчик Е.Ю. Особенности мотивации молодёжи с различным уровнем толерантности к неопределённости 303
Погонцева Д.В. Образ мужчины в интернет-мемах, высмеивающих особенности внешнего облика 313
Шайхутдинов Н.М. Социально-психологическая адаптация и стратегии совладания жителей приграничного региона (на примере г. Белгорода) в условиях хронической стрессогенной ситуации 323
Береснева А.А., Усатенко О.Н. Кросс-культурные границы групповой дискуссии: от вербальной экспрессии к событийной общности 335
Ширинская А.Д. Проблемы психологической травмы в детском возрасте 346
Юрчук Д.В. Психологические факторы устойчивости личности к различным видам манипулятивного воздействия 357

Рецензии

Никитин О.В. «*Без пословицы не проживешь*»: фразеологический путеводитель по музею как новый жанр лингвокультурной традиции (рецензия на книгу: Козмин В.Ю. Гость не много гостит, да много видит: фразеологический путеводитель по музею «Пушкинская деревня». — Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2024. — 344 с.) 371
Правила для авторов 380

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series D: Philology and Psychology

No 5/2026

CONTENTS

Philology

Grushevskaya T.M., Fanyan N.Yu., Bazajkina O.K. Means of speech manipulation in intergenerational discourse (on material of novel "Freedom" by Jonathan Franzen) 5

Gulinov D.Yu, Arkhipova I.B. Modal periphrastic verbal constructions in medical news headlines in Spanish media 17

Strashkova O.K., Lepilkina O.I. Autocitation as artistic device in dramaturgy of M.E. Saltykov-Shchedrin 27

Seliverstov I.M., Lenets A.V. Linguo-semiotic potential of mythonyms in English-language tabletop role-playing games 40

Budnik M.V., Nedelko S.A. Effectiveness of information and communicative technologies in contemporary urban space (case of Moscow metro) 55

Vodopetov S.V. Contextual funnel as method for indirect analysis of socio-emotional processes manifestations in user-generated media texts 71

Denisova E.A. Namespaces, otaku and hat-coners: translinguistic markers in modern communication 82

Elizarova L.V., Provorova K.S. Evolution of museum announcement genre: from printed press release to digital hybrid media text (1960–2025) 96

Krinitskaya M.Yu. Conceptualization of toponym CHINA in consciousness of Russian and Chinese youth 112

Nemich N.N. Studying category of non-existent in linguistics: theoretical and analytical review 123

Rozhkova T.V. Morphological motivation of verbal derivation in English 139

Sakhnevich S.V. "The knownest" error: eliminating phonetic barrier in forming degrees of comparison of English adjectives 150

Filatova V.A. Formation of diary-style prose and the phenomenon of "public privacy" in Russian children's and adolescent literature (second half of the 19th — early 20th century) 162

Yablonskikh A.V., Chalenko D.A. Messengers and social media as basis for communicative promotion and destabilization 177

Akhmedshina D.R. Imaginary space as a reflection of the myth about Siberia in the stories of Tomsk-based science-fiction writers 189
Bystrova A.A. Russian online educational media: content evolution and segmentation 198
Ismailova O.I. Artificial intelligence as tool for manipulation in mass media: language strategies of generative chatbots and humans 209
Ryseva T.V. Stylistic means of expressing evaluation in English-language media texts about artificial intelligence 220
Sheina M.S. Language modeling of identity dynamics 233
Shkapova A.V. Wilhelm Scherer and 19th-century German studies in epistolary legacy 245
Yurova E.A. Generated mediatext: classification of linguistic and pragmatic features of generation and their analysis 257

Commencing scholars, have your say!

Savinskaya Yu.G. Ethical and meaning-related patterns of collective spirituality: socio-psychological typology of spiritual teams 270

Psychology

Andryushkova N.P. Individual's resource potential as factor of adaptation in modern information and socio-cultural space 281
Wildgrube S.A., Rogozina M.Yu. Emotional and volitional self-regulation in university psychology majors with different levels of academic success 291
Kolchik E.Yu. Motivation of young people with different levels of tolerance to uncertainty 303
Pogontseva D.V. Image of man in internet memes mocking appearance 313
Shaikhutdinov N.M. Socio-psychological adaptation and coping strategies of border region residents in chronic stressful situation (on the example of Belgorod) 323
Beresneva A.A. Usatenko O.N. Cross-cultural boundaries of group discussion: from verbal expression to event-based community 335
Shirinskaya A.D. Problems of psychological trauma in childhood 346
Yurchuk D.V. Psychological factors of personality resistance to various forms of manipulative influence 357

Reviews

Nikitin O.V. "You can't live without a proverb": a phraseological guide to the museum as a new genre of linguocultural tradition (review of the book: Kozmin V.Yu. A guest doesn't stay long, but sees much: a phraseological guide to the "Pushkin Village" Museum. — Seltso Mikhailovskoye: Pushkin Reserve, 2024. — 344 p.) 371
Guidelines for authors 380

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81’42
DOI: 10.5281/zenodo.22888299

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ МАНИПУЛЯТИВНОГО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖ. ФРАНЗЕНА «СВОБОДА»)

© 2026 Т.М. Грушевская[1], Н.Ю. Фанян[2], О.К. Базайкина[3]
[1-2-3]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»
ORCID[1]: 0000-0001-9990-6678
ORCID[2]: 0009-0006-0635-6376
ORCID[3]: 0009-0002-8037-5912

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Исследование посвящено актуализации речевых манипуляций в межпоколенческом дискурсе. Феномен манипуляций в диалоге поколений представляет собой недостаточно изученную область исследования, отражая острые проблемы развития семьи и общества. В данной работе применены методы коммуникативной лингвистики, а также лингвокогнитивный метод; лексико-грамматический и стилистический анализ. Кроме того, в исследовании использован структурно-функциональный подход, а сравнительно-исторический метод оказался необходимым условием для анализа историко-общественных реалий, повлиявших на формирование контекста. Материалом для исследования стали речевые ситуации, приведенные в романе американского писателя Дж. Франзена. Получены следующие результаты: манипулятивное воздействие в межпоколенческом дискурсе, являясь признаком дисфункциональности и дисгармоничности семьи, реализуется с использованием разнообразных манипулятивных тактик. Искажение информации — наиболее частотный принцип манипулирования. Лингвистические средства, применяемые для манипуляций на разных языковых уровнях: графическом, лексическом, синтаксическом и стилистическом, зависят от контекста речевой ситуации.

Ключевые слова: манипуляции, манипулятивные тактики, речевая ситуация, поколение, межпоколенческий дискурс, экстралингвистические факторы, дисгармоничные семейные отношения.

Для цитирования: Грушевская Т.М. Способы реализации манипулятивного речевого воздействия в межпоколенческом дискурсе (на примере романа Дж. Франзена «Свобода») / Т.М. Грушевская, Н.Ю. Фанян, О.К. Базайкниа // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 5–16. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22888299.

Введение. В настоящее время исследователи уделяют повышенное внимание изучению манипулятивного воздействия на массы и отдельных личностей. Феномен манипуляции нуждается в комплексном, междисциплинарном рассмотрении, для которого недостаточен инструментарий психологии и социологии, так как очевидным фундаментом выражения манипулятивного воздействия выступают вербальные средства.

Область исследования манипуляций обширна: манипулятивные речевые стратегии применяются в политическом, юридическом, масс-медийном и интернет-дискурсе. Кроме того, подобного рода воздействие проявляется на бытовом

уровне. Манипуляции — это отличительный признак дисгармоничных семейных отношений. Художественная литература, как индикатор изменений в семье и обществе, отражает, в том числе, и применение манипулятивных речевых стратегий и тактик. Однако сравнительно меньшее количество научных работ посвящено речевому манипулированию в семейных, в частности детско-родительских отношениях. Данное исследование призвано устранить этот пробел и разработать пути анализа речевых манипуляций, рассмотрев феномен через призму межпоколенческого дискурса.

Теоретическую базу данного исследования составили работы, которые условно делятся на четыре направления: 1) научные исследования, характеризующие речевые стратегии манипуляции; 2) публикации отечественных и американских психологов по проблеме манипуляционного воздействия в семье; 3) разработки по вопросам межпоколенческого дискурса; 4) гуманитарные исследования, анализирующие историю семьи и семейную политику США.

Манипулятивный дискурс — актуальный объект исследования в современной гуманитарной области. Одним из фундаментальных зарубежных исследований по проблеме манипуляций в лингвистике считается научная статья «Дискурс и манипуляция» Т. ван Дейка. Автор размышлял над природой манипуляций, особенностями реализации манипулятивного воздействия — преимущественно, в политике. С другой стороны, указанные ученым тезисы применимы к любому виду дискурса, к примеру, тот факт, что манипулятивное воздействие выстроено контекстуально на основе общих закономерностей дискурса [11, p. 366].

Эту идею развивает итальянский ученый В. Мазиа. Итальянский ученый из университета Сапиенца в Риме опубликовала монографию на английском языке: «Манипулятивное скрытие правды: уловки и угрозы скрытой коммуникации» [10]. В монографии освещены темы, представляющие интерес для исследователя, в том числе проблема манипуляций в политике и журналистике; кроме того, уделяется внимание вопросу манипуляций в языке: «Примененные иначе, обычные лингвистические структуры — которые не используются в языке для того, чтобы манипулировать другими — могут стать частью стратегии достижения манипулятивных целей» [12, p. 8].

Интерес отечественных ученых к речевым манипуляциям постепенно растет. Еще в 2003 г. лингвист А.Г. Гурочкина опубликовала работу, посвященную общим вопросам манипуляций [3], в которой на примерах из политики и рекламы выявила и описала некоторые способы реализации манипулятивного воздействия. В коллективной монографии (О.В. Гринцова, С.О. Гуляйкина, Е.Г. Стешина) «Функционирование речевых манипуляций в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах» [2] выделены психолого-лингвистические особенности феномена. Публикация Т.Г. Коноваленко и К.С. Каширской «Связь манипулятивных тактик и внеличностных установок говорящего (на материале английского бытового диалога)» [4] интересна в первую очередь тем, что авторы подробно останавливаются на проблеме изучения манипуляций в контексте их использования.

Психология манипуляций в семье в настоящее время является предметом пристального внимания отечественных и зарубежных исследователей. Австралийский исследователь Кайли Агллиас подробно описала феномен семейного/родительского отчуждения [9]. Коллектив американских ученых, среди которых С. Чоу из Университета Южной Калифорнии, рассмотрел актуальную проблему интрузивности и эмоциональных манипуляций в контексте родительского психологического контроля [10]. Отечественный исследователь С.А. Бзезян

проанализировала, как взаимосвязаны манипуляции родителей в отношении девушек и характер взаимодействия в дисфункциональной семье [1].

Белорусский ученый Е.Ю. Садовская занимается изучением коммуникации поколений. В научной статье «Общение поколений: виды дискурсов и их сущностные признаки» [6] анализируются характерные черты внутрисемейного типа межпоколенческого дискурса, а в публикации «О токсичности в межпоколенческом дискурсе» [7] отмечается роль манипуляции в данном виде дискурса.

В ходе данного исследования оказалось необходимым понять, как изменялась семейная политика в США и роль женщины в американской семье и американском обществе во второй половине XX в.–начале XXI в. На данную тематику написаны научные статьи Д.В. Шведовой «Роль семьи в американском обществе и семейная политика» [8] и Т.С. Ермоленко «Равные права на рынке труда: ответ государства на вызов женского движения в США в 1960-е годы» [4].

Цель данного исследования — изучить способы того, как манипулятивное речевое воздействие реализуется в межпоколенческом дискурсе. Задачи, стоящие перед авторами исследования: 1) выявить особенности, характеризующие внутрисемейные отношения между поколениями в США, отображенные в романе американского писателя Дж. Франзена; 2) изучить психологическую подоплеку манипуляций в детско-родительских отношениях; 3) осуществить лингвопрагматический и дискурсивный анализ способов реализации речевых манипуляций в произведении Дж. Франзена. **Объектом** исследования является разновидность межпоколенческого дискурса, а именно внутрисемейный его подвид, отраженный в романе Дж. Франзена «Свобода». **Предметом** данной работы выступают способы актуализации манипулятивного речевого воздействия. **Научная новизна** исследования состоит в том, что впервые делается попытка проанализировать манипулятивные стратегии, проявляемые на пересечении нескольких смежных видов дискурса: художественного, бытового, семейного и межпоколенческого.

Материалы и методы исследования. Эмпирическим материалом для работы послужил роман американского прозаика Дж. Франзена «Свобода» (2010). Анализируемое произведение написано в жанре семейной хроники и в традициях реализма. Социальная и политическая подоплека — важная и неотъемлемая часть повествования, наряду с психологическими и нравственно-этическими вопросами, которые поднимает автор. Для анализа поставленной проблемы были выбраны речевые ситуации, иллюстрирующие манипулятивное воздействие в коммуникации представителей старшего (родители) и младшего (дочь) поколений. Репрезентативность данных речевых ситуаций обусловлена наличием самого частотного количества манипулятивных тактик.

Исследование было выполнено с помощью общенаучных методов — анализа и синтеза и структурно-функционального подхода. Сравнительно-исторический метод был применен для реконструирования общественных условий, повлиявших на эволюцию американской семьи. При рассмотрении речевых манипуляций, свойственных внутрисемейному типу межпоколенческого дискурса, были использованы методы коммуникативной лингвистики, а именно: лингвопрагматический анализ и дискурсивный анализ. Лексико-грамматический и стилистический анализы применялись в данной работе для более детализированного изучения манипулятивных тактик. Кроме того, лингвокогнитивный метод стал основой для комплексного изучения контекста и коммуникативных целей участников межпоколенческого дискурса.

Основная часть. В настоящее время многие специалисты, в частности, социологи, психологи, политологи, отмечают взаимосвязь между отношениями, реализуемыми в пределах семьи в соответствии с ключевыми семейными ценностями и приоритетными целями государства и нации. Как отмечает Д.В. Шведова в научной статье «Роль семьи в американском обществе и семейная политика» [8], в начале XXI в. роль семьи в США довольно сильно изменилась, и сам брак стал восприниматься «как путь к самореализации» [8], а означает это, что его функции редуцируются, и даже извращается представление о гармоничных семейных отношениях. Подобные вопросы затрагиваются не только в научных изысканиях, но и представляют интерес для выдающихся американских писателей. Так, прозаик Дж. Франзен создал объемные произведения в жанре семейной хроники («Поправки», «Свобода»), в которых получили раскрытие и художественное воплощение отношения нескольких поколений отдельно взятых американских семей. Психологическая точность, с которой переданы нюансы данных отношений, а также внимание писателя к политическому и социальному контексту, в рамках которого происходит формирование характеров и ценностей представителей поколений, делают возможным использование данных романов в качестве своеобразного литературного свидетельства перемен в ценностях американской семьи.

Итак, внутрисемейные отношения между поколениями в США, подвергшиеся определенным критическим изменениям, содержат в себе элементы дисфункциональности и дисгармоничности. Об этом свидетельствуют примеры манипулятивного воздействия, наиболее ярко проявляемого участниками межпоколенческого дискурса.

О деструктивных последствиях манипуляций в детско-родительских отношениях пишут отечественные и зарубежные исследователи, преимущественно в области психологии. Так, в публикации С.А. Бзезян «Связь проявлений манипуляций родителями в отношении девушек с характеристиками взаимодействия в семье» [1] повышенный уровень манипуляций, осуществляемых родителями в отношении детей, относится к признакам дисфункциональной (неблагополучной) семьи [1, с. 79]. В применении к подобной ситуации зарубежными учеными употребляется психологический термин family estrangement (семейное отчуждение) [9, p. 2]. Так, австралийский исследователь Кайли Агллиас [9] дает следующее определение данному явлению: «состояние физического либо эмоционального дистанцирования от одного или нескольких членов семьи, по собственному желанию или по его/их требованию либо решению <…> Характеризуется отсутствием доверия и эмоциональной близости, несовпадающими ценностями и уверенностью, что решение проблемы в высшей степени нежелательно, не является чем-то необходимым или возможным» [9, p. 2]. В сложных этических ситуациях, которые подразумевают необходимость защищать интересы ребенка, такой родитель демонстрирует поведение, идущее вразрез с данными интересами. Подобный «макиавеллизм» включает в себя манипуляции по отношению к ребенку, преследующие цель удовлетворения эгоистических устремлений родителя. Американские психологи отмечают особую опасность для личного пространства ребенка таких граней родительского психологического контроля (Parental Psychological Control), как манипулирование эмоциями (emotional manipulation) и психологическая интервенция (интрузивность — intrusiveness) [10, p. 2]. Поясним, что термин «психологическая интервенция» обозначает попытку родителей «изменить мнение ребенка по вопросам, которые не должны быть областью родительского вмешательства» [10, p. 2].

Вербализация манипулятивного воздействия в семье осуществляется, в том числе, на уровне межпоколенческого дискурса. Согласно Е.Ю. Садовской, внутрисемейный тип данной разновидности дискурса обладает некоторыми отличительными характеристиками. Участниками межпоколенческого дискурса в данном случае выступают представители старшего и младшего поколений одной семьи. В подобной коммуникации принадлежность к разным поколениям может быть выражена имплицитно [6, с. 75]. Кроме того, Е.Ю. Садовская упоминает манипуляции как один из признаков токсичности в межпоколенческом дискурсе [7, с. 298]. Токсичный характер манипуляционного воздействия отмечают также авторы монографии «Функционирование речевых манипуляций в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах» [2], приводя следующее определение этого термина: «Манипуляция — это особый вид психологического воздействия, искусное исполнение которого приводит к скрытому возбуждению у объекта манипуляции желания или намерения, не являющегося его собственным и приводящим к получению определенной выгоды субъектом манипуляции за счет *разрушения ее объекта*» (курсив наш. — *Т. Г.*, *Н. Ф.*, *О. Б.*) [2, с. 9].

В соответствии с заключительной частью процитированного выше определения, в романе Дж. Франзена «Свобода» описано «разрушение» личности героини, потеря доверия к родителям, которые манипулировали ею в «деструктивном намерении» сохранить хорошие отношения с отцом насильника.

Речевая ситуация, приведенная в романе Дж. Франзена, характеризует межличностные отношения, предоставляя возможность для лингвопрагматического и дискурсивного анализа.

Участники межпоколенческого дискурса в данной речевой ситуации — представительница младшего поколения и главная героиня романа, семнадцатилетняя Пэтти, и представители старшего поколения: ее отец и мать. Действие происходит в штате Нью-Йорк (США), в конце семидесятых годов XX века. Автор художественного произведения приводит емкую характеристику матери главной героини, называя Джойс Эмерсон профессиональным политиком (a professional Democrat, a state assemblywoman) и тем самым подчеркивая важность для нее статуса и профессии. Дж. Франзен также называет дату рождения Джойс (1934 г.) и дату ее возвращения к политической деятельности (1960 г.). Историк Т.С. Ермоленко отмечает, что именно в 1960-е гг. в США начал складываться образ женщины как полноправного участника общественно-политической жизни страны [4, с. 69].

Характер отца главной героини передан через краткое упоминание его профессии (юрист) и призвания (юморист-любитель), а также подробное описание упражнений в остроумии через высмеивание няньки героини. Практически во всех фрагментах, где появляются представители старшего поколения — отец и мать главной героини, прямо или косвенно подчеркивается психологическое отчуждение родителей и конфронтация с героиней. Тем не менее, поворотный момент в конфронтационных отношениях — реакция родителей на сложную ситуацию, в которой оказалась Пэтти: в частности, применение ими манипуляционных тактик для того, чтобы заставить дочь изменить решение.

О дисгармоничных отношениях Пэтти и ее матери свидетельствует тот факт, что не Джойс первой узнала о насилии, совершенном над ее дочерью. Диалог между Пэтти и Джойс полон взаимных упреков, что иллюстрирует недоверие матери и дочери друг к другу:

“*Why*, *why*, *why? Why didn't you say something to me?*” // «*Почему*, *почему*, *почему? Почему ты мне не сказала?*» [здесь и далее перевод наш. — *О. Б.*].

“*Maybe it just didn't seem like such a big deal right then*.” // «*Возможно*, *тогда это не казалось мне важным*».

“*So but then you did tell Mrs. Nagel*.” // «*Да*, *но потом ты все же рассказала об этом миссис Нэйджел*».

“*No*, *Patty said. She's just more observant than you are*.” // «*Нет*, *— сказала Пэтти. — Она просто более наблюдательна*, *чем ты*».

“*I hardly saw you this morning*.” // «*Я тебя этим утром почти не видела*».

“*I'm not blaming you. I'm just saying*”. [13, p. 37] // «*Я не обвиняю тебя. Я просто говорю*, *как оно есть*».

В первой реплике матери тройное употребление вопросительного слова why оказывается не запросом, требующим дальнейшей аргументации, объяснения дочери о сложившейся ситуации. Оно формирует, скорее, риторический вопрос. В данном диалоге имплицитно заложена идея, что не только Джойс невнимательна к дочери и проявляет к ней равнодушие под маской заботливой родительницы, но и сама Пэтти склонна к манипуляциям (это подтверждается впоследствии в романе), демонстрируя истероидный тип личности. “I’m just saying” [13, p. 37] // «Я просто говорю, как оно есть» переводится дословно как «Я просто говорю», при этом в оригинале автором было использовано время глагола Present Continuous, что, с одной стороны, подчеркивает попытку Пэтти сгладить эффект от обвинения и уклониться от возможной эмоциональной реакции матери. Present Continuous указывает на происходящее в конкретно взятый момент времени. Пэтти утверждает, что не хочет обвинять мать в невнимательности к проблемам дочери, но истинная интенция Пэтти заключается в том, чтобы заставить мать ощутить муки совести. В этом мы убеждаемся, читая реплику, в которой сравнение (в качестве простого аргументативного средства) матери с миссис Нэйджел оказывается имплицитным упреком дочери относительно матери.

А.Г. Гурочкина [3] называет имплицитную подачу информации одной из «манипулятивных технологий» [3, с. 138] и описывает подобный прием так: «Высказывание содержит ряд моментов подразумевания и передаваемый им смысл значительно больше того, что составляет его кодифицированное и выраженное языковыми средствами значение» [3, с. 138]. Во фрагменте диалога, приведенном выше, данная манипулятивная технология (иначе: манипулятивная тактика) выражена прежде всего на синтаксическом уровне. Кроме того, на лексическом и стилистическом уровнях манипулятивное воздействие выражается фразой Пэтти: “*Maybe it just didn't seem like such a big deal right then*.” [13, p. 37] // «*Возможно*, *тогда это не казалось мне важным*». Употребление тропа “(Not) a big deal” (литота — совсем не важно) указывает на то, что героиня говорит неправду. Пэтти намеренно преуменьшает значение душевной травмы, которую получила в результате сексуального насилия. Героиня неосознанно пытается скрыть от матери истинные чувства, так как не видит в ней близкого человека, способного понять их и оказать моральную поддержку.

При анализе манипулятивного воздействия в речевых ситуациях, представленных в романе Дж. Франзена, особенное внимание исследователя должно быть обращено на экстралингвистические факторы. Прежде всего, таким фактором является мотивация родителей Пэтти, их нежелание разрушать приятельские связи с отцом студента колледжа, совершившего акт насилия над их дочерью. Автор произведения намеренно дает понять, насколько важны для родителей Пэтти достаток и статус, а также связи в обществе. Это демонстрируется в следующих репликах Джойс:

“*How could … if it's Ethan … how could he have…? Her mother hid her mouth with her fingers. Oh*, *I wish it had been almost anybody else. Dr. and Mrs. Post are such good friends of … good friends of so many good things. And I don't know Ethan well*, *but …*” [13, p. 40] // «*Как мог … если это Итан … как он мог…? — Ее мать прикрыла рот рукой. — О*, *как бы я хотела*, *что бы это был кто угодно другой. Доктор и миссис Пост так дружны с… так дружны с многими хорошими людьми. И я не знаю хорошо Итана*, *но…*».

Кроме того, в разговоре с Пэтти Джойс настаивает на том, чтобы дочь рассказала ей, почему она — баскетболистка — не смогла оказать сопротивление. Очевидна аморальность подобных вопросов, исходящая из психологического феномена «родительского отчуждения». Джойс выражает недоумение, однако заметно, что ее совсем не беспокоит физическое и психологическое состояние собственного ребенка. Фраза, произнесенная Джойс: “*No. You have to tell me. I'm your mother*.” [13, p. 40] // «*Нет. Ты должна рассказать мне. Я твоя мать*», — является формой прямого психологического давления (принуждения) и одновременно манипулятивного воздействия в данном контексте. Манипуляция выражается на лексическом уровне, причем происходит искажение информации [3]. Have to do smth. — модальная конструкция, как правило, выражающая внутреннее долженствование: импульс к действию, исходящий изнутри, но не под давлением. Интенция Джойс — воздействовать на дочь, принудить ее к подробному рассказу, однако мать делает попытку скрыть истинное намерение. Джойс могла бы использовать модальный глагол must с более выраженной императивной коннотацией или модальный глагол should (как нейтральное «следует»), но она пытается внушить дочери, что правильно — рассказать матери все подробности.

Отметим, что фраза I’m your mother // Я твоя мать — один из языковых маркеров межпоколенческого дискурса, эксплицитная акцентуация принадлежности участников диалога к старшему (родитель) и младшему (ребенок) поколениям.

Убедившись в том, что Пэтти твердо уверена: преступник — именно Итан и он должен быть наказан, опытный политик Джойс прибегает к иной манипулятивной тактике. “*Here's a hypothetical question*, *Joyce said*, *driving. Do you think it might be enough if Ethan formally apologized to you?*” [13, p. 41] // «*Гипотетический вопрос. — сказала Джойс*, *управляя автомобилем. — Как думаешь*, *было бы достаточно*, *если бы Итан официально перед тобой извинился?*». Мать Пэтти предлагает ей альтернативное решение проблемы, произнеся при этом фразу с безличным оборотом Here’s a hypothetical question — персонаж предпринимает попытку подтолкнуть героиню к совершению чуждого ей действия. Автор на синтаксическом уровне подчеркивает стремление Джойс устраниться от ответственности и представить все в таком свете, будто подобное решение могло прийти в голову самой Пэтти.

“*What I want to know is what **you** think*”. (жирный курсив. — Дж. Франзен) // «*Все*, *что я хочу знать — это*, *что **ты сама** об этом думаешь*».

“*I don't know what I think*”. // «*Я не знаю*, *что я об этом думаю*».

“***If** you want to go to the police **now***, Joyce said, *we'll go to the police*. ***Just** tell me if that's what you want*.” [13, p. 41] // «***Если** ты хочешь обратиться в полицию **сейчас***, *— сказала Джойс*, *— мы пойдем в полицию*. ***Просто** скажи мне*, *действительно ли ты этого хочешь*».

Манипулятивное воздействие в данном фрагменте выражено на графическом уровне: выделение курсивом *you* // *ты сама* соответствует интонационной акцентуации соответствующего дейксиса. Далее, Джойс повторно пытается подтолкнуть дочь к принятию невыгодного для Пэтти решения. Дейктическое употребление now («сейчас») (выделено нами. — *Т. Г.*, *Н. Ф.*, *О. Б.*) подчеркивает готовность матери без замедления

исполнить желание дочери. Персонаж насаждает сомнение в сознании девушки, которая начинает колебаться в результате манипуляции, под давлением родительского авторитета. Джойс намеренно использует простую синтаксическую конструкцию с союзом if, наречием just, создавая таким образом иллюзию эмоциональной близости, кажущейся альтернативности.

Вторая речевая ситуация, включающая в себя элементы родительских манипуляций, является закономерным продолжением первой. Исследователи Т.Г. Коноваленко и К.С. Каширская характеризуют подобную речевую ситуацию как «манипулятивный диалог с установками на действительность и адресата» [5, с. 1611]. Рэй (отец Пэтти) приводит довольно длинный список аргументов, стремясь переубедить дочь в ее намерении. Аргументы заслуживают отдельного внимания в качестве предмета прагмалингвистического анализа, поэтому приведем их здесь полностью:

"*Chester Post is not an easy person*, *Ray said*, *but he does a lot of good in the county. Given his*, *uh*, *given his position*, *an accusation like this is going to generate extraordinary publicity. Everyone will know who the accuser is. Everyone. Now*, *what's bad for the Posts is not your concern. But it's virtually certain you'll end up feeling more violated by the pretrial and the trial and the publicity than you do right now. Even if it's pleaded out. Even with a suspended sentence*, *even with a gag order. There's still a court record*." [13, p. 43] // «*Честер Пост* (*отец насильника — примечание авторов*) *— непростой человек*, *— сказал Рэй. — Но он делает много добра для округа. Принимая во внимание его*, э, *принимая во внимание его должность*, *подобное обвинение вызовет чрезвычайный общественный ажиотаж. Каждый будет знать*, *кто — обвинитель. Каждый. Не твоя забота — с чем столкнутся Посты. Но фактически очевидно*, *что*, *в конце концов*, *ты будешь чувствовать себя еще более пострадавшей от досудебного процесса*, *и самого судебного процесса*, *и внимания общества*, *чем ты страдаешь прямо сейчас. Даже если выиграешь процесс. Даже если ему вынесут условный приговор*, *даже если обяжут соблюдать запрет на неразглашение. Все еще остаются материалы судебного процесса*».

Стоит отметить характерные черты речевого портрета отца Пэтти: на лексическом уровне — обилие научных (юридических) терминов; на грамматическом уровне — эмфатические конструкции; интенсификаторы; инверсия; номинализация как признак владения научным стилем. Таким образом, Рэй Эмерсон в совершенстве владеет риторическими приемами, придающими его речи эмоциональность и убедительность.

Манипулятивная тактика на стилистическом уровне — анафора. Данное средство выразительности языка в тексте встречается дважды: "*Everyone will know who the accuser is. Everyone*" // «*Каждый будет знать*, *кто — обвинитель. Каждый*»; "*Even if it's pleaded out. Even with a suspended sentence*, *even with a gag order*" // «*Даже если процесс будет выигран. Даже если ему вынесут условный приговор*, *даже если обяжут соблюдать запрет на неразглашение*». Вместе с тем можно выделить наличие аргументативного маркера, выражающего допущение (even (if) / даже (если)), которое вводит перспективу фиаско.

Кроме того, реплики персонажа содержат обилие аргументативных интенсификаторов (intensifiers):

1) наречия-интенсификаторы (intensifying adverbs), иначе называемые эмфатическими наречиями (emphatic adverbs): virtually (фактически), even (даже), still (все еще);

2) прилагательное-интенсификатор (intensifying adjective): extraordinary (необычайный).

Для усиления эмоционального эффекта отец Пэтти также употребляет следующие эмфатические конструкции:

1) эмфатические сложноподчиненные предложения (emphatic sentence structures): "*Now*, *what's bad for the Posts is not your concern*" // «*Не твоя забота — с чем столкнутся Посты*»;

2) эмфатические выражения (emphatic expressions): "…it's virtually certain…" («…но фактически очевидно, что…»).

Персонаж намеренно употребляет вместо дополнения the accuser либо же the accuser's personality сложную синтаксическую конструкцию, а именно — сложноподчиненное предложение (Complex sentence structure): "*Everyone will know who the accuser is*" // «*Каждый будет знать*, *кто — обвиняющая сторона*». Данная манипулятивная тактика призвана гиперболизировать эффект от сказанного, заставив Пэтти поверить в нежелательные последствия для нее, если она обратится в суд и таким образом предаст случившееся огласке. Одновременно фраза имплицитно выражает озабоченность Рэя возможным ущербом для собственной деловой репутации и репутации его жены.

В научной статье А.Г. Гурочкиной упоминается прием «ложной аналогии», которому лингвист дает следующее определение: «сопоставляются объекты, связь между которыми устанавливается тенденциозно» [3, с. 139]. Персонаж романа Дж. Франзена сопоставляет состояние Пэтти в момент говорения и во время гипотетического судебного процесса: "*But it's virtually certain you'll end up feeling more violated by the pretrial and the trial and the publicity than you do right now*"// «*Но фактически очевидно*, *что*, *в конце концов*, *ты будешь чувствовать себя еще более пострадавшей от досудебного процесса*, *и самого судебного процесса*, *и внимания общества*, *чем ты страдаешь прямо сейчас*». При этом оборот you'll end up feeling — синтаксическая конструкция, включающая фразовой глагол end up с ярко выраженной эмоциональной окраской.

И, наконец, «прием пассивизации или имперсонализации» [3, с. 139] по А.Г. Гурочкиной во фразе: "*Even if it's pleaded out*" // «*Даже если процесс будет выигран*» — призван отразить скепсис отца Пэтти. Данная синтаксическая конструкция представляет собой безличный оборот и содержит фразовый глагол plead out в пассивном залоге (Passive voice). При этом отметим наличие аргументативного приема — допущение, выраженное в употреблении аргументативного маркера even if (даже если).

Итак, речь Рэя характеризует этого персонажа как профессионального юриста и манипулятора. Пэтти находится в подавленном состоянии и не способна привести подходящие контраргументы. До возвращения домой героиня противостояла манипуляциям матери, тем не менее, авторитет отца в семье выше, несмотря на профессию и статус матери: соблюдаются традиции патриархата. Поэтому дочь уступает родителям и отказывается от первоначального решения пойти в полицию и обратиться в больницу.

Заключение. В ходе данного научного исследования были получены следующие результаты. Во-первых, внутрисемейные отношения в США подверглись изменениям, в частности, на уровне семейных ценностей. Этот процесс подробно описан в произведениях современного американского писателя Дж. Франзена: так, в романе «Свобода» представлены речевые ситуации, свидетельствующие о манипуляциях в детско-родительских отношениях. Во-вторых, наличие подобного манипулятивного воздействия связано с психологическим феноменом отчуждения

родителей и является признаком дисгармоничной и дисфункциональной семьи. В-третьих, изучение внутрисемейного подвида межпоколенческого дискурса может дать неожиданные результаты: в коммуникации старшего и младшего поколений проявляются противоречия, выраженные в обоюдном манипулятивном воздействии. При этом авторитет представителей старшего поколения, владение специализированными знаниями, опытом, а также развитые навыки в области риторики оказывают прямое воздействие на исход коммуникации. Манипулятивное воздействие в межпоколенческом дискурсе реализуется с помощью разнообразных приемов и способов (искажение информации, установка на действительность и адресата), а также на разных языковых уровнях: графическом, лексико-грамматическом и стилистическом. Таким образом, роман Дж. Франзена «Свобода» демонстрирует возможности современной художественной литературы в вербальной репрезентации манипуляций.

Авторы предполагают, что в перспективе возможны научные изыскания, подразумевающие расширение и углубление аргументативного аспекта проблем, которые были затронуты в данном исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бзезян С.А. Связь проявлений манипуляций родителями в отношении девушек с характеристиками взаимодействия в семье / С.А. Бзезян // Северо-Кавказский психологический вестник. — 2024. — Т. 22. № 2. — С. 72–82. — DOI 10.21702/ncpb.2024.2.5. — EDN LCAVIT.
2. Гринцова О.В. Функционирование речевых манипуляций в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах: монография / О.В. Гринцова, С.О. Гуляйкина, Е.Г. Стешина. — Пенза: ПГУАС, 2014. — 124 с.
3. Гурочкина А.Г. Манипулирование в лингвистике [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2003. — № 5. — С. 136–141. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/manipulirovanie-v-lingvistike (дата обращения: 30.01.2026).
4. Ермоленко Т.С. От равных прав к равным возможностям: женское движение в США 1960-х годов сквозь призму одного закона / Т.С. Ермоленко [Электронный ресурс] // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. — 2016. — № 2(34). — С. 68–76. — EDN WEAIAZ. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ravnye-prava-na-rynke-truda-otvet-gosudarstva-na-vyzov-zhenskogo-dvizheniya-v-ssha-v-1960-e-gody (дата обращения: 30.01.2026).
5. Коноваленко Т.Г. Связь манипулятивных тактик и внеличностных установок говорящего (на материале английского бытового диалога) / Т.Г. Коноваленко, К.С. Каширская [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14, № 5. — С. 1608–1615. — DOI 10.30853/phil210223. — EDN LSZBNX. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-manipulyativnyh-taktik-i-vnelichnostnyh-ustanovok-govoryaschego-na-materiale-angliyskogo-bytovogo-dialoga (дата обращения: 30.01.2026).
6. Садовская Е.Ю. Общение поколений: виды дискурсов и их сущностные признаки / Е.Ю. Садовская // Филология и культура. — 2023. — № 4 (74). — С. 71–78. — DOI 10.26907/2782-4756-2023-74-4-71-78. — EDN IYXARV.
7. Садовская Е.Ю. О токсичности в межпоколенческом дискурсе / Е.Ю. Садовская // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : Материалы VII Международной научно-практической конференции, Минск, 16–17 марта 2023 года. — Минск: Белорусский государственный университет, 2023. — С. 297–301. — EDN KKAEEI.
1. 8. Шведова Д.В. Роль семьи в американском обществе и семейная политика [Электронный ресурс] // Женщина в российском обществе. — 2011. — № 4 (61). — С. 100–107. — EDN OKKJZV. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-semi-v-amerikanskom-obschestve-i-semeynaya-politika (дата обращения: 29.01.2026).

8. Agllias K. Missing Family: The Adult Child's Experience of Parental Estrangement / Kylie Agllias // Journal of Social Work Practice. — 2017. — https://doi.org/10.1080/02650533.2017.1326471
9. Choe S.Y. et al. Intrusiveness and Emotional Manipulation as Facets of Parental Psychological Control: A Culturally and Developmentally Sensitive Reconceptualization. / So. Y. Choe, B. Laursen, Ch. S. L. Cheah [et al.] // Human Development. — 2023. — Vol. 67, № 2. — P. 69–87. — DOI 10.1159/000530493. — EDN MZTIVL.
10. Dijk T.A. Van Discourse and manipulation // Discourse and society. — L., 2006. Vol. 17, № 2. — P. 359–383.
11. Masia V. The Manipulative Disguise of Truth: Tricks and Threats of Implicit Communication. — Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. — 2021. — 226 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Franzen J. Freedom [Electronic resource] / J. Franzen. — New York : Farrar, Straus and Giroux, 2010. — 562 p. — Mode of access**:** archive.org (дата обращения: [24.12.25]).

REFERENCES

1. Bzezyan, S. A. (2024). Svyaz` proyavlenij manipulyacij roditelyami v otnoshenii devushek s xarakteristikami vzaimodejstviya v sem`e [The Connection nbetween Manifestations of Parental Manipulation towards Women and Characteristics of Interaction in the Family]. Severo-Kavkazskij psixologicheskij vestnik, 22, 2. (pp. 72–82). https://doi.org/10.21702/ncpb.2024.2.5. EDN LCAVIT. (In Russian)
2. Grinczova, O. V. (2014). Funkcionirovanie rechevy`x manipulyacij v angloyazy`chnoj i russkoyazy`chnoj lingvokul`turax [The functioning of speech manipulation in English-speaking and Russian-speaking linguocultures][monograph] Penza: PGUAS. 124 p. (In Russian)
3. Gurochkina, A. G. (2003). Manipulirovanie v lingvistike [Manipulation in Linguistics]. Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. 5. (pp. 136–141). Retrieved from: https://cyberleninka.ru/article/n/manipulirovanie-v-lingvistike. (In Russian)
4. Ermolenko, T. S. (2016). Ot ravny`x prav k ravny`m vozmozhnostyam: zhenskoe dvizhenie v SShA 1960-x godov skvoz` prizmu odnogo zakona [From equal rights to equal opportunities: women-s movement in the USA in 1960-s through the prism of one act]. Gumanitarij: aktual`ny`e problemy` gumanitarnoj nauki i obrazovaniya. 2(34). (pp. 68–76). EDN WEAIAZ. Retrieved from: https://cyberleninka.ru/article/n/ravnye-prava-na-rynke-truda-otvet-gosudarstva-na-vyzov-zhenskogo-dvizheniya-v-ssha-v-1960-e-gody. (In Russian)
5. Konovalenko, T.G. (2021). Svyaz` manipulyativny`x taktik i vnelichnostny`x ustanovok govoryashhego (na materiale anglijskogo by`tovogo dialoga) [Relationship between Manipulative Tactics and Speaker`s Extrapersonal Attitudes (by the Material of the English Everyday Dialogues)]. Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. 14, 5. (pp. 1608–1615). DOI 10.30853/phil210223. EDN LSZBNX. Retrieved from: https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-manipulyativnyh-taktik-i-vnelichnostnyh-ustanovok-govoryaschego-na-materiale-angliyskogo-bytovogo-dialoga. (In Russian)
6. Sadovskaya, E. Yu. (2023). Obshhenie pokolenij: vidy` diskursov i ix sushhnostny`e priznaki [Communication of Generations: Types of Discourses and Their Essential Features]. Filologiya i kul`tura. 4 (74). (pp. 71–78). DOI 10.26907/2782-4756-2023-74-4-71-78. EDN IYXARV. (In Russian)
7. Sadovskaya, E. Yu. (2023). O toksichnosti v mezhpokolencheskom diskurse [About Toxicity in Intergenerational Discourse] Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokul`turologiya: aktual`ny`e voprosy` i perspektivy` razvitiya (matherials of VII International Scientific-Practical Conference: Minsk, 16-17 March of 2023). Minsk: Belarus State University. (pp. 297–301). EDN KKAEEI. (In Russian)
8. Shvedova, D.V. (2011). Rol` sem`i v amerikanskom obshhestve i semejnaya politika [The Role of the Family in American Society and the Family Policy]. Zhenshhina v rossijskom obshhestve. 4(61). (pp. 100-107). EDN OKKJZV. Retrieved from: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-semi-v-amerikanskom-obschestve-i-semeynaya-politika (addressing date: 29.01.2026). (In Russian)
9. Agllias, K. (2017). Missing Family: The Adult Child's Experience of Parental Estrangement. Journal of Social Work Practice. https://doi.org/10.1080/02650533.2017.1326471 (In English)

10. Choe, S. Y. et al. (2023). Intrusiveness and Emotional Manipulation as Facets of Parental Psychological Control: A Culturally and Developmentally Sensitive Reconceptualization. Human Development. 67, 2. (pp. 69–87). https://doi.org/10.1159/000530493. EDN MZTIVL. (In English)
11. Dijk, T. A. Van (2006). Discourse and manipulation. Discourse and society. L., 17, 2. (pp. 359–383). (In English)
12. Masia, V. (2021). The Manipulative Disguise of Truth: Tricks and Threats of Implicit Communication. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 226 p. (In English)

Поступила в редакцию 08.03.2026 г.

MEANS OF SPEECH MANIPULATION IN INTERGENERATIONAL DISCOURSE (ON MATERIAL OF NOVEL "FREEDOM" BY JONATHAN FRANZEN)

T.M. Grushevskaya*, *N.YU. Fanyan*, *O.K. Bazajkina

The research deals with verbalisation of speech manipulation in the intergenerational discourse. The phenomenon of manipulation in the dialogue of the generations offers understudied field for investigation as it focuses on some burning questions of development of the family and society. This research implicates the methods of communicative linguistics, as well as linguo-cognitive method, lexical-grammatical, and stylistic analysis. Besides, the methods applied include the structural-functional approach, the comparative-historical method, which appears to be the undeniable factor for the analysis of the historic and societal conditions shaping the context. The empirical corpus includes speech situations from the novel "Freedom" by the American writer J. Franzen. The results obtained are as follows: the manipulation in the intergenerational discourse as the testimony of disfunctional and distorted family has been realized through the use of various manipulative techniques. The distortion of information is the most frequent principle of manipulation. The use of language means for manipulations at various language levels (i.e. graphic, lexical, syntactic, and stylistic) depend on the speech situation context.

Key words: manipulation, manipulative techniques, speech situation, generation, intergenerational discourse, extralinguistic factors, distorted family relationships.

Грушевская Татьяна Михайловна.
Доктор филологических наук, профессор.
Кубанский государственный университет,
Российская Федерация, г. Краснодар.
Заведующий кафедрой французской филологии.
ORCID 0000-0001-9990-6678.
E-mail: kff-kubsu@yandex.ru

Фанян Нелли Юрьевна.
Доктор филологических наук, профессор.
Кубанский государственный университет,
Российская Федерация, г. Краснодар.
Профессор кафедры французской филологии.
ORCID 0009-0006-0635-6376.
E-mail: nellyfanian@mail.ru

Базайкина Ольга Константиновна.
Магистр истории.
Кубанский государственный университет,
Российская Федерация, г. Краснодар.
Магистрант первого курса по филологии.
ORCID 0009-0002-8037-5912.
E-mail: oplatonova2606@internet.ru

Grushevskaya Tatyana Mikhailovna.
Doctor of Philology, Professor.
Kuban State University,
Russian Federation, Krasnodar.
Head of French Philology Department.
ORCID 0000-0001-9990-6678.
E-mail: kff-kubsu@yandex.ru

Fanyan Nelli Yuryevna.
Doctor of Philology, Professor.
Kuban State University,
Russian Federation, Krasnodar.
Professor of French Philology Department.
ORCID 0009-0006-0635-6376.
E-mail: nellyfanian@mail.ru

Bazajkina Olga Konstantinovna.
Master of History.
Kuban State University,
Russian Federation, Krasnodar.
First-year master's student in Philology.
ORCID 0009-0002-8037-5912.
E-mail: oplatonova2606@internet.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 811.134.2
DOI: 10.5281/zenodo.22888587

МОДАЛЬНЫЕ ПЕРИФРАСТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЗАГОЛОВКАХ МЕДИЦИНСКИХ НОВОСТЕЙ ИСПАНСКИХ СМИ

© 2026 Д.Ю. Гулинов[1], И.Б. Архипова[2]
[1-2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
ORCID[1] 0000-0002-4734-1430
ORCID[2] 0009-0002-9811-4462

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье исследуются прагматические функции перифрастических глагольных конструкций с модальным значением (deber + infinitivo, tener que + infinitivo, hay que + infinitivo) в заголовках новостных статей медицинской тематики ведущих испанских газет El País, El Mundo и ABC. Цель работы — выявить частотность и прагматические особенности использования данных конструкций для воздействия на читателя. Методология включает количественный анализ и прагмалингвистическое описание функций анализируемых конструкций. Результаты исследования показывают, что наиболее частотной конструкцией является сочетание «deber + infinitivo», при этом её использование варьируется в зависимости от идеологической направленности издания. Перифрастические глагольные конструкции служат инструментом передачи долженствования, совета, предписания и формируют у читателя определённые модели восприятия информации медицинской тематики.

***Ключевые слова**:* испанские СМИ, новостная статья, новостной заголовок, медицинская тематика, перифрастические глагольные конструкции, прагматика.

Для цитирования: Гулинов Д.Ю. Модальные перифрастические глагольные конструкции в заголовках медицинских новостей испанских СМИ / Д.Ю. Гулинов, И.Б. Архипова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 17–26. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22888587.

Введение. Язык средств массовой информации, находясь на стыке публицистики, социальной коммуникации и идеологии, представляет собой уникальный материал для лингвистического анализа. В эпоху цифровой трансформации медиа возрастает роль каждого элемента новостного текста и особенно заголовка, который выполняет функции «коммуникативного фильтра» и «приманки для внимания» [3]. В условиях переизбытка информации именно заголовок берёт на себя задачу остановить взгляд пользователя, сформировать у него определённую картину события и побудить к прочтению статьи [6, с. 73].

Проблема функционирования перифрастических глагольных конструкций традиционно привлекала и продолжает привлекать внимание лингвистов. Классические работы Н.Д. Арутюновой [1] и Н.И. Поповой [8] заложили основы описания семантико-синтаксических свойств этих единиц. Г.А. Степутенко [9] и Е.В. Журавлева [7] описывают отдельные случаи употребления нефинитных форм в прессе. Ю.В. Верещинская анализирует лингвопрагматические аспекты газетного заголовка, выделяя его номинативную, информационную и рекламную функции [3; 4; 5].

И.Б. Архипова рассматривает стилистическую функцию инфинитива и герундиальных перифраз в заголовках испанских СМИ на материале разных тематических разделов [2].

Однако, несмотря на интерес научного сообщества к данной проблеме, остаются нерешёнными следующие вопросы:

- отсутствуют работы, посвящённые выявлению прагматического потенциала модальных перифрастических конструкций в испанском языке на материале медицинского дискурса;

- не проводился сравнительный анализ использования этих конструкций в газетах с разной идеологической направленностью применительно к теме здоровья;

- не подвергались систематизации прагматические функции данных конструкций (предписание, легитимация экспертного знания, создание чувства срочности, воздействие и убеждение) на материале конкретного корпуса заголовков.

Настоящее исследование призвано восполнить указанные лакуны.

Таким образом, целью данной статьи является анализ прагматических функций модальных перифрастических конструкций *deber + infinitivo*, *tener que + infinitivo* и *hay que + infinitivo* в заголовках медицинских новостей испанских СМИ.

Для достижения поставленной цели в исследовании решаются следующие задачи:

- сформировать корпус заголовков новостей медицинской тематики из трёх ведущих испанских газет (El País, El Mundo, ABC) методом сплошной выборки;

- выявить и количественно проанализировать случаи употребления модальных перифрастических конструкций *deber + infinitivo*, *tener que + infinitivo*, *hay que + infinitivo*;

- охарактеризовать прагматические функции каждой конструкции в контексте медицинского новостного заголовка;

- сопоставить частотность и особенности использования конструкций в зависимости от редакционной политики издания.

Материалы и методы для исследования. Материалом для исследования послужил корпус из 1800 заголовков новостных статей, отобранных методом сплошной выборки из раздела *Salud* (Здоровье) цифровых версий газет *El País*, *El Mundo* и *ABC* за 2025 год (по 600 заголовков из каждого издания). Выбор изданий обусловлен их лидерством на национальном медиарынке и репрезентативностью различных идеологических позиций (социал-демократической, либеральной и консервативно-монархической соответственно), что позволяет проследить влияние редакционной политики на выбор языковых стратегий.

Методологическая база исследования включает комплекс лингвистических методов. Основным методом сбора материала выступил метод сплошной выборки материала из цифровых версий газет *El País*, *El Mundo*, *ABC* (раздел *Salud*). Инструмент: поисковые системы газет, фильтрация по рубрикам. Метод количественных подсчётов применялся для определения частотности использования анализируемых конструкций. Контекстуальный и семантико-синтаксический анализ позволили выявить значение каждой конструкции в конкретном заголовке. Прагмалингвистический анализ использовался для классификации функций, которые выполняют перифрастические конструкции (предписание, легитимация экспертного знания, создание чувства срочности, воздействие). Сравнительный метод — для сопоставления полученных данных в зависимости от издания.

Для обеспечения репрезентативности выборки применялись следующие критерии включения заголовков в корпус: (а) принадлежность к разделу *Salud* (Здоровье) в каждой из трёх газет; (б) наличие в новостном заголовке одной из трёх модальных перифрастических конструкций (*deber + infinitivo*, *tener que + infinitivo*, *hay que +*

infinitivo); (в) временной диапазон — календарный 2025 год. Для обработки данных использовалась электронная таблица MS Excel, где фиксировались: источник, дата публикации, текст заголовка, тип конструкции и предполагаемая прагматическая функция. Затем проводился качественный контекстуальный анализ каждого примера. Процедура: 1) отбор заголовков; 2) выявление анализируемых конструкций; 3) количественный подсчёт; 4) интерпретация прагматических функций на примерах.

Основная часть. Результаты исследования. Среди многообразия лингвистических средств, используемых для создания эффектных заголовков, особое место занимают перифрастические глагольные конструкции. Их способность передавать дополнительные аспектуальные и модальные оттенки (начало, продолжение, завершение действия, долженствование, возможность, намерение) делает их мощным инструментом для создания лаконичных, но семантически насыщенных заголовков [1].

Медицинская тематика, в свою очередь, характеризуется высокой степенью социальной значимости, доверия к экспертному мнению и необходимостью в чётких предписаниях. В этом контексте заголовки статей о здоровье выполняют не только информативную, но и мощную прагматическую функцию: они должны убедить, предостеречь, рекомендовать, сформировать определённое отношение к проблеме. Перифрастические конструкции с модальным значением становятся ключевым средством реализации этой функции.

Перифрастические глагольные конструкции с инфинитивом представляют собой единые по смыслу сочетания вспомогательного глагола с полнозначным глаголом, где вспомогательный глагол утрачивает или редуцирует своё лексическое значение, приобретая грамматическую (в данном случае — модальную) нагрузку [1].

В медицинском дискурсе ключевую роль играют конструкции, выражающие долженствование и необходимость:

- *deber* + *infinitivo* передаёт объективное долженствование, часто воспринимаемое как моральный долг или предписание, основанное на внешних (экспертных, научных, этических) нормах.

- *tener que* + *infinitivo* выражает долженствование, обусловленное внутренней необходимостью или внешними обстоятельствами, и часто несёт более личный, субъективный оттенок.

- *hay que* + *infinitivo* указывает на общую необходимость, рекомендацию или правило, адресованное широкой аудитории [10].

В прагматическом аспекте эти конструкции в заголовках выполняют ряд важных функций:

1. Предписание/совет: прямое указание на необходимость определённых действий для сохранения здоровья.
2. Легитимация экспертного знания: передача авторитетного мнения врачей, учёных, организаций (ВОЗ), что повышает доверие к информации.
3. Создание чувства срочности/важности: акцентирование на критической необходимости действий.
4. Воздействие и убеждение: побуждение читателя к изменению поведения, принятию решения (например, о вакцинации, обращении к врачу).

В результате анализа корпуса фактического материала, состоящего из 1800 заголовков, было выявлено 60 случаев употребления исследуемых модальных конструкций.

Общая картина их распределения представлена в сводной таблице.

Таблица 1. Сводная таблица полученных данных.

Перифрастическая конструкция	El país	El Mundo	ABC	Всего
deber + infinitivo	12	20	13	45
hay que + infinitivo	0	6	6	12
tener que + infinitivo	0	1	2	3
Всего по изданию	**12**	**27**	**21**	**60**

Прокомментируем полученные результаты.

1. Количественное распределение.

Данные, приведённые в таблице, свидетельствуют о явном доминировании конструкции *deber + infinitivo* (45 из 60 случаев или 75% от всех проанализированных конструкций). Это подтверждает гипотезу о том, что для новостей медицинской тематики характерно использование формы, передающей объективное, авторитетное долженствование. Конструкция *hay que + infinitivo* занимает промежуточное положение (12 случаев из 60 или 20%), выполняя функцию общей рекомендации. Конструкция *tener que + infinitivo* используется крайне редко (3 случая из 60 или 5%), что можно объяснить её субъективным характером, менее уместным в заголовке, претендующем на обобщение.

2. Идеологический и стилистический аспект.

Различия в использовании анализируемых конструкций в испанских СМИ обусловлены их редакционной политикой и целевой аудиторией. *El Mundo* является лидером по общему количеству модальных перифраз (27), где активно используются конструкции с *deber* и *hay que*. Это соответствует стилю издания как «информационного супермаркета», стремящегося давать прямые советы и рекомендации в доступной форме. *ABC* демонстрирует сбалансированную картину (21 модальная перифраза), с активным использованием конструкций с компонентами *deber* и *hay que*, что может свидетельствовать об ориентации на традиционные ценности и поучительный тон, а также о стремлении формулировать общие правила для семьи и общества в целом. В *El País* используется только конструкция *deber + infinitivo* (12 случаев), что говорит об имидже серьёзного, аналитического издания, делающего акцент на экспертном, нормативном знании, а не на бытовых советах или безличных призывах.

3. Семантико-прагматические оттенки анализируемых конструкций.

Помимо количественного распределения, представляется важным рассмотрение качественных различий в употреблении модальных перифраз, обусловленных их семантикой.

Конструкция *deber + infinitivo* в медицинском дискурсе испанских СМИ, как правило, маркирует объективную необходимость, вытекающую из медицинских протоколов, законов или этических норм. Например, в заголовке *Los jóvenes científicos deben saber que la creación de empresas es el futuro* (Молодые учёные должны знать, что создание компаний — это будущее) (Здесь и далее перевод наш — Д. Г, И. А.) долженствование представлено как профессиональная норма [12]. Конструкция *tener que + infinitivo* передаёт субъективно осознаваемую необходимость, часто связанную с личной ответственностью. В этой связи показательным является следующий пример: *Los pediatras denuncian el aumento de las pseudoterapias: "Tenemos que defender el bienestar del niño, incluso si ello nos pone en contra de los padres"* (Педиатры заявляют о росте псевдотерапий: «Мы должны защищать благополучие ребёнка, даже если это настраивает нас против родителей») [12]. Из данного примера следует, что врачи берут на себя внутреннее обязательство, несмотря на возможный конфликт. Наконец, конструкция *hay que + infinitivo* выражает обезличенную, всеобщую рекомендацию, адресованную неопределённому кругу лиц, что делает её идеальной для формулирования правил общественного здравоохранения, как показано в следующих

примерах: *Hay que vacunarse pronto* (Прививаться нужно рано) [12] и *Cuando hay que ir al oftalmólogo* (Когда нужно идти к офтальмологу) [11]. Таким образом, выбор конкретной перифразы неслучаен: он отражает степень **авторитетности** предписания и вовлечённости читателя в проблему.

4. Прагматические функции в контексте.

Рассмотрим реализацию указанных выше функций на материале отобранных для анализа новостных заголовков о медицине.

а) Функция предписания / совета (прямое указание на необходимость действий). Данная функция реализуется преимущественно конструкцией *deber* + *infinitivo*, реже — *tener que* + *infinitivo* и *hay que* + *infinitivo*. Заголовок формулирует чёткую рекомендацию, часто основанную на медицинских нормах, гигиенических правилах или повседневных привычках.

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие данную функцию.

Olvida los 10.000 pasos: así deben ser tus caminatas para mejorar tu salud (Забудьте о 10 000 шагах: вот какими должны быть ваши прогулки для улучшения здоровья) [12]. Конструкция *deben ser* даёт прямое предписание относительно характера физической активности, заменяя устаревшую норму новой.

El doctor David Céspedes: «Si vas a tomar CocaCola, *te explico cuál no debes beber nunca»* (Доктор Давид Сеспедес: «Если ты собираешься пить CocaCola, я объясню, какую тебе нельзя пить никогда») [11]. В приведённом примере при помощи конструкции *no debes beber* формулируется категоричное мнение от лица эксперта, направленное на соблюдение безопасного пищевого поведения.

Este irrigador es superventas: ¿por qué debes incorporarlo a tu rutina? (Этот ирригатор — бестселлер: почему ты должен включить его в свою рутину?) [13]. Вопросительная форма с конструкцией *debes incorporarlo* в настойчивой форме советует читателю изменить свою ежедневную гигиеническую практику, апеллируя к популярности устройства.

Dani García indica el ingrediente que no debes usar nunca al cocinar gambas a la plancha (Дани Гарсия указывает ингредиент, который нельзя использовать при приготовлении креветок на гриле) [11]. Данный пример содержит совет от известного шеф-повара, направленный как на сохранение вкуса, так и на соблюдение здорового питания.

¿Qué debe tener la bolsa perfecta para llevar la comida al trabajo? (Что должно быть в идеальной сумке для еды на работу?) [13]. Вопросительная форма с конструкцией *debe tener* предписывает читателю набор критериев, превращая рекомендацию по организации питания в стандарт правильного выбора.

Por qué debes estirar todos los días: más rendimiento y menos tensiones (Почему тебе нужно делать растяжку каждый день: больше продуктивности и меньше напряжения) [11]. Конструкция *debes estirar* формулирует ежедневную норму, апеллируя к очевидной пользе для здоровья, что придаёт совету обязательный характер.

Arthur Brooks, *experto en longevidad: «Para ser una persona feliz*, *debes hacer estas cuatro cosas todos los días»* (Артур Брукс, эксперт по долголетию: «Чтобы быть счастливым человеком, ты должен делать эти четыре вещи каждый день») [11]. Ссылка на авторитетного специалиста в сочетании с *debes hacer* превращает рекомендацию в проверенный рецепт счастья, убеждая читателя неукоснительно следовать предписанию.

б) Функция легитимации экспертного знания (передача авторитетного мнения).

Эта функция характеризуется введением в заголовок источника предписания (врачи, учёные, ВОЗ, известные диетологи, фармацевты). Конструкция *deber* + *infinitivo* служит маркером объективности и обоснованности информации. При ссылке на экспертов используется также конструкция с компонентом *hay que*.

Приведём примеры.

La OMS reconoce los fármacos adelgazantes como esenciales para la humanidad: «Deben ser accesibles universalmente» (ВОЗ признаёт препараты для снижения веса важнейшими для человечества: «Они должны быть общедоступными») [13]. Ссылка на высший авторитет (ВОЗ) в сочетании с компонентом *deben ser* легитимирует требование доступности лекарств, придавая ему статус глобальной нормы.

La neuróloga Suzanne O'Sullivan advierte contra el sobrediagnóstico: «No nos debemos permitir dañar a las personas sanas» (Невролог Сюзанна О'Салливан предостерегает от гипердиагностики: «Мы не должны позволять себе вредить здоровым людям») [12]. Экспертное мнение нейробиолога формулируется при помощи конструкции *debemos permitir*, что подчёркивает этическую обязанность медицинского сообщества.

Debemos proteger a nuestros hijos de la tecnología (Мы должны защищать наших детей от технологий) [13]. Несмотря на то, что в данном случае источник прямо не указан, глагольная форма *debemos* (1-е лицо мн.ч.) включает читателя в сообщество ответственных взрослых, апеллируя к разделяемым ценностям.

Presidenta de COP11: «Debemos enfrentar la adicción a la nicotina de los nuevos productos» (Президент COP11: «Мы должны бороться с никотиновой зависимостью от новых продуктов») [11]. Ссылка на авторитетного спикера (главу международной конференции) легитимирует призыв к борьбе с новыми формами никотиновой зависимости.

Chef Bosquet: «Para cocinar recetas brutales no hay que inventárselas, *sino partir de fórmulas que funcionan»* (Шеф-повар Боске: «Чтобы готовить брутальные рецепты, не нужно их выдумывать, а нужно исходить из работающих формул») [11]. Безличная конструкция *no hay que inventárselas* в устах профессионала придаёт кулинарному совету статус объективного закона, легитимируя его через практический опыт.

Alexandre Olmos, *médico internista*, *indica el suplemento natural que debes tomar si deseas vivir más años* (Александре Ольмос, врач-интерн, указывает натуральную добавку, которую нужно принимать, если хочешь жить дольше) [12]. Глагол *indica* прямо вводит эксперта, а *debes tomar* фиксирует его предписание как обязательное условие долголетия, опирающееся на профессиональное знание.

Boticaria García indica los alimentos que no deben faltar para regular el cortisol (Ботикария Гарсия указывает продукты, которые должны присутствовать в рационе для регуляции кортизола) [11]. Ссылка на известного фармацевта и диетолога в сочетании с *no deben faltar* легитимирует перечень продуктов как научно обоснованную рекомендацию по управлению стрессом.

в) Функция создания чувства срочности / важности (акцентирование критической необходимости).

Эта функция достигается за счёт сочетания модальной конструкции с лексемами, обозначающими угрозу, время или неотложность, а также с помощью вопросительных конструкций.

Перейдём к примерам.

Los expertos instan a la inmunización ante un aumento de casos de gripe: «Hay que vacunarse pronto, *no hay que dejarlo para diciembre»* (Эксперты призывают к вакцинации на фоне роста случаев гриппа: «Прививаться нужно рано, не нужно откладывать на декабрь») [12]. Безличная конструкция *hay que* в сочетании с указанием на рост заболеваемости создаёт ощущение срочности: требуется немедленно перейти к действиям.

Crece el uso de melatonina en niños menores de seis años: «Debe considerarse un fármaco y no un suplemento» (Растёт использование мелатонина у детей младше шести лет: «Его следует считать лекарством, а не добавкой») [12]. На фоне тревожной

статистики (рост употребления) конструкция *debe considerarse* акцентирует критическую необходимость пересмотра отношения к веществу.

Superar el límite de colesterol implica más infartos y muertes: «Cuando pone 100 es como una señal de tráfico, *no hay que sobrepasarlo»* (Превышение уровня холестерина влечёт за собой больше инфарктов и смертей: «Когда он равен показателю 100, это как дорожный знак, нельзя его превышать») [12]. Метафора дорожного знака в сочетании с прямой угрозой жизни создаёт максимальное чувство срочности и безальтернативности соблюдения нормы.

Confirman la subida de los casos de cáncer en menores de 50 años: «Ahora hay que saber por qué y cómo evitarlo» (Подтверждён рост случаев рака у лиц младше 50 лет: «Сейчас нужно знать причину и то, как этого избежать») [12]. Констатация тревожной тенденции (рост онкологии) и безличная конструкция *hay que saber* подталкивают читателя к немедленному поиску информации, связанной с профилактикой заболеваний.

Ante la explosión de casos a nivel mundial, *los expertos recuerdan que el sarampión también viaja: «Debemos conocer si estamos vacunados o no»* (На фоне роста случаев в мире эксперты напоминают, что корь тоже путешествует: «Мы должны знать, вакцинированы мы или нет») [12]. Конструкция *debemos conocer* в контексте глобальной угрозы акцентирует необходимость немедленной проверки своего статуса, создавая ощущение неотложности.

Mosquitos, *medusas*, *pez escorpión... Qué debes hacer según el bicho que te pique* (Комары, медузы, рыба-скорпион... Что нужно делать в зависимости от того, кто укусил) [12]. Перечисление опасных существ в сочетании с *debes hacer* побуждает читателя немедленно усвоить алгоритм действий, чтобы быть готовым к любой экстренной ситуации.

Cuidado con los crujidos del cuello: «Ni sirven para todo ni cualquiera debería hacerlo» (Берегитесь хруста в шее: «Он не для всего полезен, и не каждый должен это делать») [12]. Конструкция *debería hacerlo* с частицей *ni* формирует предостережение, подчёркивающее рискованность необдуманных движений, что создаёт чувство срочной необходимости обратиться к специалисту.

г) Функция воздействия и убеждения (побуждение к изменению поведения, принятию решения).

Данная функция является интегративной и реализуется при помощи всех трёх анализируемых конструкций. Заголовок новостной статьи не просто информирует, а пытается скорректировать действия читателя (начать заниматься спортом, обратиться к врачу, изменить рацион и т.д.).

Обратимся к примерам.

Trucos para combatir el calor: a qué temperatura debemos poner el aire, *cuándo se desaconseja el ventilador…* (Советы по борьбе с жарой: на какую температуру мы должны установить кондиционер, когда не рекомендуется вентилятор...) [12]. Глагольная форма 1-го лица мн.ч. *debemos poner* объединяет автора и читателя, убеждая следовать рекомендациям как общей норме.

Cambios de visión a partir de los 40: cuándo es normal y cuándo hay que ir al oftalmólogo (Изменения зрения после 40: когда это норма, а когда нужно идти к офтальмологу) [11]. Конструкция *hay que ir* безлично, но при этом убедительно ориентирует читателя на конкретное действие — визит к специалисту.

Todo lo que debes saber sobre las alergias (Всё, что тебе нужно знать об аллергии) [11]. Обещание предоставить исчерпывающую информацию в сочетании с конструкцией *debes saber* убеждает читателя в необходимости прочитать статью, чтобы стать компетентным в вопросе, связанным со здоровьем.

La receta contra la obesidad: «Hay que saber qué la origina, *no dar solo Ozempic»* (Рецепт против ожирения: «Нужно знать, что его вызывает, а не давать только Оземпик») [11]. В данном примере конструкция *hay que saber* убеждает читателя в важности понимания причин заболевания, а не только его симптоматического лечения, формируя более серьёзное отношение к здоровью.

Todo lo que debes saber sobre las cremas solares: «El sol es muy cancerígeno y fotoenvejece» (Всё, что нужно знать о солнцезащитных кремах: «Солнце очень канцерогенно и вызывает фотостарение») [12]. Конструкция *debes saber* обещает читателю исчерпывающую информацию, убеждая его в необходимости прочитать статью, чтобы защитить себя от опасностей, и формируя ответственное отношение к здоровью.

Lo que los hombres deberían saber antes de pincharse testosterona (Что мужчинам следует знать перед тем, как колоть тестостерон) [11]. Условное наклонение *deberían saber* смягчает категоричность, превращая предписание во взвешенный совет, который убеждает читателя тщательно оценить риски перед серьёзным медицинским вмешательством.

«Yo no he cambiado nada pero tienes que demostrar que no eres menos» («Я ничего не изменил, но ты должен доказать, что ты не хуже») [11]. Конструкция *tienes que demostrar* с прямым обращением на «ты» создаёт эффект личного диалога, убеждая читателя в необходимости социальной или психологической самореализации, что выходит за рамки чисто медицинской темы, но привлекает внимание к статье и мотивирует к действию.

Заключение. Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Модальные перифрастические конструкции *deber/tener que/hay que + infinitivo* являются активным прагматическим инструментом в заголовках новостных статей медицинской тематики испанских СМИ, хотя их общая частотность невелика.

2. Доминирующей является конструкция *deber + infinitivo*, что подчёркивает ориентацию медицинского медиадискурса на передачу нормативного, авторитетного знания и экспертного предписания.

3. Выявлены существенные различия в использовании конструкций в зависимости от издания, которые коррелируют с их идеологической позицией и редакционной стратегией. *El País* тяготеет к строгому нормативному *deber*, *El Mundo* — к более разнообразным и директивным формулировкам (*deber*, *hay que*), *ABC* — к сбалансированному сочетанию конструкций.

4. Прагматические функции проанализированных модальных перифрастических конструкций в медицинском контексте включают: предписание, легитимацию экспертного мнения, формулирование общих правил, создание чувства срочности и побуждение читателя к действию.

Значение полученных результатов для медицинского медиадискурса.

Проведённое исследование вносит вклад в понимание того, как испанские СМИ конструируют отношение аудитории к вопросам здоровья. Во-первых, доминирование конструкции *deber + infinitivo* подтверждает, что медицинская тематика в прессе тяготеет к авторитарному, экспертному дискурсу, где право голоса принадлежит врачам, учёным и официальным организациям. Во-вторых, выявленные межгазетные различия показывают, что даже в рамках одной темы редакционная политика влияет на степень директивности: *El País* предпочитает аналитическое информирование без императивов, тогда как *El Mundo* и *ABC* активно используют безличные рекомендации, делая информацию более доступной для массового читателя. В-третьих, систематизация прагматических функций (предписание, легитимация, срочность, убеждение) может служить основой для дальнейших исследований в области медицинской коммуникации, а также для разработки рекомендаций по созданию

эффективных заголовков для медицинских новостей.

Таким образом, выбор конкретной модальной перифразы в заголовке медицинской новости — это не случайность, а сознательная прагматическая стратегия, направленная на формирование у аудитории определённого отношения к проблеме здоровья, основанного на доверии к авторитету и принятии предписанных норм поведения.

Данное исследование может быть продолжено в направлении сравнительного анализа использования перифрастических глагольных конструкций в других тематических разделах (политика, экономика) для выявления общих и специфических черт медийной прагматики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Трудности перевода с испанского языка на русский / Н. Д. Арутюнова // Учебное пособие. — М.: КНОРУС, 2014. — 257 с.
2. Архипова И.Б. Стилистическая функция инфинитива в заголовках новостных текстов (на материале электронных испанских СМИ) / И. Б. Архипова // СтРИЖ. — 2024. — №1 (54). — С. 94–97.
3. Верещинская Ю.В. К вопросу о газетных заголовках в испанском медиатексте // Иберороманистика в современном мире. Научная парадигма и актуальные задачи. Тезисы конференции. — М.: Макс пресс, 2010. — С. 18–19.
4. Верещинская Ю.В. Классификации газетных заголовков в испанском публицистическом дискурсе // Ибероамериканские тетради. — 2015. — №2. — С. 67–71.
5. Верещинская Ю.В. Испанский газетный заголовок (лингвопрагматический и национально-культурный аспекты): автореф. дисс. … канд. филол. наук: спец. 10.02.05. «Романские языки» / Ю. В. Верещинская. — М., 2013. — 22 с.
6. Гулинов Д.Ю. Стилистическая функция герундиальных перифраз в заголовках СМИ Испании / Д. Ю. Гулинов, И. Б. Архипова // Грани познания. — 2025. — № 2 (97). — С. 73–77.
7. Журавлева Е.В. Стилистика испанского языка. — 2-е изд. — М.: Московский педагогический государственный университет, 2023. — 148 с.
8. Попова Н.И. Практическая грамматика испанского языка: Морфология. Синтаксис: Учеб. пособие для старшеклассников и студентов. — М.: Просвещение, 1997. — 495 с.
9. Степутенко Г.А. О некоторых особенностях употребления инфинитива в языке испанской прессы // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. —2019. — №3. — С. 42–48.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

10. Перифразы с инфинитивом // Испанский язык. Самоучитель испанского языка для начинающих с нуля. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://tutesp.ru/8-8-1-perifrazy-s-infinitivom.html (дата обращения: 16.03.2026).
11. ABC. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.abc.es/ (дата обращения: 26.03.2026).
12. El Mundo. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.elmundo.es/ (дата обращения: 03.04.2026).
13. El País. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elpais.com/ (дата обращения: 05.04.2026).

REFERENCES

1. Arutyunova, N.D. (2014) Trudnosti perevoda s ispanskogo yazy`ka na russkij [Difficulties in Translation from Spanish to Russian] Uchebnoye posobiye [Tutorial]. M.: Knorus, 172 p. (in Russian).
2. Arkhipova, I.B. (2024) Stilisticheskaya funktsiya infinitiva v zagolovkakh novostnykh tekstov (na materiale elektronnykh ispanskikh SMI) [The stylistic function of the infinitive in news headlines (based on Spanish electronic media)] Strizh [Strizh], 1 (54), pp. 94-97 (in Russian).
3. Vereshchinskaya Yu.V. (2010) K voprosu o gazetnykh zagolovkakh v ispanskom mediatekste [On the issue of newspaper headlines in the Spanish media text] // Iberoromanistika v sovremennom mire. Nauchnaya paradigma i aktual'nyye zadachi [Ibero-Romanistics in the modern world. Scientific paradigm and current tasks]. Tezisy konferentsii [Conference abstracts]. M.: Maks press, pp. 18-19 (in Russian).
4. Vereshchinskaya Yu.V. (2015) Klassifikatsii gazetnykh zagolovkov v ispanskom publitsisticheskom diskurse [Classifications of newspaper headlines in Spanish journalistic discourse] // Iberoamerikanskiye tetradi [Ibero-American notebooks]. 2, pp. 67-71 (in Russian).

5. Vereshchinskaya Yu.V. (2013) Ispanskiy gazetnyy zagolovok (lingvopragmaticheskiy i natsional'no-kul'turnyy aspekty) [Spanish newspaper headline (linguopragmatic and national-cultural aspects)] avtoref. diss. … kand. filol. nauk: spets. 10.02.05. «Romanskiye yazyki» [author's abstract. diss. … candidate of philological sciences: specialty. 10.02.05. «Romance languages»]. M, 22 p. (in Russian).
6. Gulinov D.Yu., Arkhipova I. B. (2025) Stilisticheskaya funktsiya gerundial'nykh perifraz v zagolovkakh SMI Ispanii [Stylistic function of gerundial periphrases in the headlines of the Spanish media] Grani poznaniya [Facets of knowledge], 2 (97), pp. 73-77 (in Russian).
7. Zhuravleva E.V. (2023) Stilistika ispanskogo yazyka . — 2-ye izd. [Stylistics of the Spanish language. - 2nd ed.]. M.: Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet [M.: Moscow State Pedagogical University], 148 p. (in Russian).
8. Popova N.I. (1997) Prakticheskaya grammatika ispanskogo yazyka: Morfologiya. Sintaksis [Practical grammar of the Spanish language: Morphology. Syntax] Ucheb. posobiye dlya starsheklassnikov i studentov [Textbook for high school and university students]. M.: Prosveshcheniye [M.: Education], 495 p. (in Russian).
9. Steputenko G.A. (2019) O nekotorykh osobennostyakh upotrebleniya infinitiva v yazyke ispanskoy pressy [On some features of the use of the infinitive in the language of the Spanish press] // Na peresechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nyye voprosy gumanitarnogo znaniya [At the Crossroads of Languages and Cultures: Current Issues in the Humanities]. 3, pp. 42-48 (in Russian).

Поступила в редакцию 03.05.2026 г.

MODAL PERIPHRASTIC VERBAL CONSTRUCTIONS IN MEDICAL NEWS HEADLINES IN SPANISH MEDIA

D.Yu. Gulinov*, *I.B. Arkhipova

This article addresses the pragmatic functions of periphrastic verb constructions with modal meanings (deber + infinitivo, tener que + infinitivo, hay que + infinitivo) in medical news headlines in the leading Spanish newspapers El País, El Mundo, and ABC. The aim of the study is to identify the frequency and pragmatic features of the use of these constructions to influence the reader. The methodology includes quantitative analysis and a pragmalinguistic description of the functions of the analyzed constructions. The study results show that the most frequent construction is the combination "deber + infinitivo", although its use varies depending on the publication ideological orientation. Periphrastic verb constructions serve as a means of conveying obligations, advice, and prescriptions, and shape readers' perceptions of medical information.

Key words: Spanish media, news article, news headline, medical topics, periphrastic verb constructions, pragmatics.

Гулинов Дмитрий Юрьевич.
Доктор филологических наук, профессор.
Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Российская Федерация, г. Волгоград.
Заведующий кафедрой романской филологии.
ORCID 0000-0002-4734-1430.
E-mail: satellite74@yandex.ru.

Архипова Ирина Борисовна.
Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Российская Федерация, г. Волгоград.
Ассистент кафедры английского языка и методики его преподавания.
ORCID 0009-0002-9811-4462.
E-mail: arh.irina2002@yandex.ru.

Gulinov Dmitrij Yurievitch.
Doctor of Philology, Professor.
Volgograd State Social and Pedagogical University, Russian Federation,
Volgograd.
Head of Department of Romance Philology.
ORCID 0000-0002-4734-1430.
E-mail: satellite74@yandex.ru.

Arkhipova Irina Borisovna.
Volgograd State Social and Pedagogical University, Russian Federation,
Volgograd.
Assistant at Department of English Language and Teaching Methods.
ORCID 0009-0002-9811-4462.
E-mail: arh.irina2002@yandex.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

200 лет со дня рождения М.Е. Салтыкова-Щедрина

Научная статья
УДК 82-2
DOI: 10.5281/zenodo.22888893

АВТОЦИТАЦИЯ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЁМ В ДРАМАТУРГИИ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

© 2026 *О.К. Страшкова*[1], *О.И. Лепилкина*[2]
[1-2]Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»
ORCID[1] 0000-0002-8740-5048
ORCID[2] 0000-0002-7310-7197

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В работе предпринимается текстуальный анализ театрально-драматургических миниатюр и пьес «большой» драматургической формы Салтыкова-Щедрина в дискурсе автоцитации, повторяемости и развития единого мотива и человеческого типа для утверждения исследовательской концепции: творческое наследие великого сатирика являет собой единое художественное пространство, где каждый драматургический текст — «открытое произведение» для дальнейшей авторской рефлексии. В процессе реализации исследовательской задачи используются в качестве основных сравнительно-исторический, сопоставительный, типологический и герменевтический методы, позволяющие проследить стагнацию или трансформацию формально-содержательных признаков драматургических опытов Салтыкова-Щедрина, одним из которых является автоцитация как дискурсивный признак его художественного метода. Мы доказываем, что в малой драматической форме Салтыков-Щедрин намечает мотивы, проблемы, темы, характеры, развивающиеся в четырехактных «больших» драмах, и рассматриваем шестилетний «драматургический период» сатирика как опыт создания единого театрально-драматургического пространства, воплощающего циклическое художественное мышление драматурга и писателя.

Ключевые слова: Салтыков-Щедрин, драматургический текст, «открытое произведение», автоцитация, мотив, тип, социально-психологический тип, циклическая организация, сценическое пространство.

Для цитирования: Страшкова О.К. Автоцитация как художественный приём в драматургии М.Е. Салтыкова-Щедрина / О.К. Страшкова, О.И. Лепилкина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 27–39. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22888893

Введение. 200-летний юбилей со дня рождения М.Е. Салтыкова-Щедрина определил повышенный интерес к творчеству писателя, что нашло отражение в целом ряде научных конференций (в Москве, Кирове, Твери, Рязани, Архангельске и т.д.) и публикаций, в том числе, что, на наш взгляд, очень ценно, в библиографическом указателе книжных изданий произведений писателя и литературы о его жизни и творчестве на русском языке, выпущенных в Российской Федерации (1991–2025) [11].

Современные исследователи рассматривают писателя как «предвестника идей экзистенциальной философии», выделяя «глубинные психологические и этические аспекты его произведений» [9, с. 399], обращаются к мотиву игры как «важному элементу поэтики М.Е. Салтыкова-Щедрина» [8, с. 121], определяют «архетипические черты, присущие женским персонажам» в романе «Господа Головлёвы» [10, с. 284], изучают сказки Салтыкова-Щедрина [4; 7] и его влияние на других авторов [13]. Вышли работы сопоставительного характера по образу города в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина и В.Г. Короленко [12], М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского [5], по творческому

взаимодействию В.М. Гаршина и М.Е. Салтыкова-Щедрина [1], по образу матери у М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.Я. Панаевой [19]. В аспекте нашей темы представляет интерес вышедшая в 2025 году монография «Театральная выразительность в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина "История одного города"» [3] и осмысление специфики жанрового мышления писателя в 1860-е годы [17]. Актуальность обращения к драматургическим опытам Салтыкова-Щедрина тем не менее обусловлена не только «юбилейностью» темы, но и интересом литературоведов к вопросам жанровой модели отечественной драматургии на разных этапах её существования [15; 16] и типа героя в сатирической драматургии XIX века [2; 6].

Представляет интерес изучение творческого наследия великого сатирика как единого текста, где каждая пьеса являет собой «открытое произведение» (Умберто Эко) для дальнейшей авторской рефлексии. Целью нашего исследования является текстуальный анализ театрально-драматургических миниатюр и пьес «большой» драматургической формы Салтыкова-Щедрина в дискурсе **автоцитации**, повторяемости и развития единого мотива и социально-психологического типа для утверждения исследовательской концепции единства идейно-содержательного художественного пространства сатирика.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования служат «драматические сцены и монологи» в составе «Губернских очерков», драматический очерк «Утро Хрептюгина», сцены «Недавние комедии», комедии в 4-х действиях «Царство смерти» и «Смерть Пазухина», драматическая сатира «Тени», составляющие основной объём произведений художника в драматургической форме.

В ходе исследования используются в качестве основных сравнительно-исторический, сопоставительный, типологический и герменевтический методы, позволяющие проследить стагнацию или трансформацию формально-содержательных признаков драматургических опытов Салтыкова-Щедрина, одним из которых является *автоцитация* как дискурсивный признак его художественного метода.

Основная часть. Драматургическую форму в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина можно рассматривать как эпизодический шестилетний опыт, гармонично входящий, однако, в единый конструкт его художественного и публицистического творчества. Первые четыре «Драматические сцены и монологи», включённые в состав «Губернских очерков», вышли в свет в 1856 году, к ним примыкают драматический очерк «Утро Хрептюгина» (1857 г.) и 3 сцены «Недавних комедий» 1859 года. Четырёхактные пьесы Салтыкова-Щедрина — «Царство смерти» (вероятно, 1856 г.), «Смерть Пазухина» (1857 г.), «Тени» (1862 г.) — отражают формирование общественно-политического сатирического направления в русской комедиографии, являясь плодоносящей ветвью единого художественного древа драматурга, писателя, публициста.

В середине XIX века в русской сценографии происходит важнейший переход от «лёгкой комедии» и водевиля к «пьесе жизни» (Н.А. Добролюбов), к «театру Островского». Как и в начале XIX века, объектом критического и теоретического обсуждения литературной критики становится жанр комедии. Новые принципы русского драматического искусства определяли статьи разночинцев-демократов, Н.В. Гоголя, В.Г. Белинского, доказывавших необходимость наполнения жанра комедии общественными смыслами. Драматургия А.Н. Островского, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина обращалась к проблемам и человеческим типам современной жизни чиновничества, купечества, обедневшего дворянства, критическое восприятие существования которых генетически восходило к «Недорослю» Д.И. Фонвизина, «Горю от ума» А.С. Грибоедова, «Ревизору» Н.В. Гоголя. Создаваемая

«серьёзная комедия», с её общественно-политическими проблемами и типическими характерами, послужила основой становления русской социально-бытовой реалистической драмы, с одной стороны, и гротескной комедии, с другой.

Драматургическое произведение, как любое литературное, рассматривается нами в качестве динамической конструкции (по Ю.Н. Тынянову), для которой характерно саморазвёртывание предшествующих форм и смыслов. Делая отсылку к концепции известного итальянского теоретика искусства Умберто Эко об «открытом произведении», мы исходим из убеждения, что произведение всегда находится в движении, его толкование зависит от реципиента, оно «представляет собой возможность множественного личного вмешательства, но не является аморфным призывом к вмешательству неразборчивому: это призыв <…> свободно войти в мир, который, однако, всегда является миром, желанным автору» [18, с. 98]. Каждый художник так или иначе включается во всемирную историю литературы, создавая индивидуальный, открытый для интерпретации / самоинтерпретации текст. Своё «открытое произведение» Салтыков-Щедрин писал, обращаясь к Своему или Чужому претексту как к Своему, прибегая к традиционным интертекстуальным конструктам: реминисценциям, аллюзиям, цитатам. В нашей статье мы актуализируем только один приём — *автоцитацию*, понимая цитату как отсылку к смыслу другого текста, «который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе» [14, с. 11]. Автоцитация как «способ усиления эффекта за счёт повторения» [18, с. 118] позволила Салтыкову-Щедрину создать обобщённый текст произведения, составленный из текстов, объединённых повторяющимися в развитии, варьирующимися смыслами, цитирующимися знаками.

Творческое мировидение Салтыкова-Щедрина формировалось на основе неприятия законов и форм общественно-политической действительности. Он, будучи чиновником особых поручений при Министерстве иностранных дел, вице-губернатором в Рязани и Твери (с 1856 по 1862 гг.), изнутри узнал тёмную жизнь российской провинции. Это «узнавание» немедленно отразилось в художественной рецепции «Губернских очерков», а затем, по мере углубления понимания громоздкого социально-психологического процесса второй трети XIX века, и во всём публицистическом, эпическом и драматургическом творчестве сатирика. Обращаясь к поэтике разных жанров эпического и драматургического рода, Салтыков-Щедрин создавал единое художественное пространство, воспроизведённое единым сатирически-трагическим стилем, реализуемым в общих *мотивах*, *темах*, *проблемах*, *образах-типах*, часто цитатно переходящих из одного произведения в другое. Воспринимая литературный текст как единое эстетическое, общественно-политическое пространство, М.Е. Салтыков-Щедрин свободно переносил ситуацию, коллизию, художественный приём, героя или имя из одного произведения в другое, не актуализируя атрибутацию «Свой» — «Чужой», а как бы продолжая сюжет или дополняя персонаж, обогащая его цивилизационными чертами или травестируя. Так, диалог в «Неоконченных беседах» происходит между Рассказчиком и Глумовым, известным по комедии Н.А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Или, не принимая трактовки образа Чацкого в «Мильоне терзаний» Гончарова, Щедрин создаёт свой тип Чацкого в очерке «Господа Молчалины». В драматической сцене «Недовольные» он свободно транслирует гоголевский приём «Ревизора», номинируя отставных чиновников-двойников как Андрея Иваныча и Ивана Андреича. Гоголевской аллюзией является реплика в характеристике Праздношатающегося («Что такое коммерция»), занимающегося *«композицией нравоописательных статеек à la*

Тряпичкин». Персонажи собственных произведений Щедрина продолжают вторую и третью жизнь в новых или предельно схожих ситуациях, подчёркивая неизменность, отчаянную бесперспективность, неразрешимость общественно-политических проблем, заявленных автором в предшествующих или хронологически совпадающих художественных рефлексиях действительности.

Сценическое пространство драматургических опытов Салтыкова-Щедрина являет собой смысловое целое, которое инспирировано намеренной повторяемостью, автоцитацией *мотивов:* ожидания, «маски», страха, безропотности, жестокости, смерти и смертности, которые, являя в каждой из пьес свой смысл, новую ипостась, расширяют смысловые границы художественного мира писателя и драматурга. Так, трансформация доминантного в сюжетостроении пьес мотива *ожидания* позволяет проследить устойчивые и динамичные смыслы его репрезентации в каждом «открытом» для цитации произведении. Мотив ожидания определяет структуру, модель поведения, сценографию пьес. Провинциальные сцены «Просители», к примеру, разворачиваются в приёмной долго и нетерпеливо ожидаемого князя. Диалоги в сценах «Выгодная женитьба» — в комнатах персонажей, говорящих о своих ожиданиях; «Что такое коммерция?» — в трактирном заведении; неизменны локации ожидания в сценах «Соглашение», «Недовольные»; сцена «Погоня за счастьем» является откровенной автоцитацией «Просителей» и в сценографии, и в смысле прошений соискателей. В первом прототексте, т.е. в «Просителях», ожидающие милостивого решения стоят *«по стенке и по временам испускают глубокие вздохи»* [20, с. 40]. Разговоры их сосредоточены на цели ожидания. Забиякин жаждет восстановления справедливости и наказания «иудея» за насмешливый взгляд; поручик в отставке Живновский замахнулся на местечко станового в каком-нибудь городишке и ждёт покровительства князя Чебылкина. «*Образованный*» помещик Налётов ожидает благополучного разрешения начальствующего князя *«по делу об умертвении черноборской мещанской девки Пучеглазовой»* [20, с. 47]. Анна Ивановна Хоробиткина жаждет покровительства, *«секретного разговора»*, вероятно, в опочивальне князя. Крестьянин Малявкин наивно ожидает его благосклонности и наказания барина, отобравшего у него коровку. Просители, томясь в ожидании, начинают роптать, сетовать на князя (*«что-то долго поворачивается»*), но ожидают непременного разрешения своей проблемы.

В приёмной губернатора Салтыков-Щедрин собрал разных просителей. Забиякин и Живновский находят «*высокое наслаждение в откровенной беседе»*; Белугин не скрывает озлобленности; Хоробиткина — обиды; Налётов, изнывая от скуки, негодует и заигрывает с женщиной в декольте. Большинство, по их признанию, «*склоняется перед волею провидения»* в лице ожидаемого князя. В «немой сцене» приуготовления собравшихся к встрече губернатора вырисовывается обобщённый образ Просителей: Живновский «*становится в позицию*; *Шумилова сморкается*; *Забиякин закладывает одну руку за пуговицы венгерки*, *а в другой держит прошение*, *стараясь принять вид сколь можно любезный и развязный*; *Пафнутьев вздрагивает и подаётся всем корпусом вперёд*; *Хоробиткина встаёт и поправляет на груди выбившийся из-под платья шнурок*; *купцы и пейзане переминаются и вздыхают*; *один Налетов*, *развалившись*, *сидит на стуле»* [20, с. 53]. Та же «*картина»* цитируется, когда дежурный чиновник сообщает о реальном приходе князя и призывает ещё раз выстроить мизансцену: «*по местам*!» Сценическое пространство организует известный гоголевский приём, воплощающий доминантную эстетическую и социально-политическую концепции Салтыкова-Щедрина типологического сходства ситуаций и характеров в чиновничьем мире. Показательно, что во всех пьесах и малых,

и больших форм, персонажи ждут решения своей индивидуальной судьбы, вне общественных проблем, хотя иногда разражаются крикливыми фразами о любви к Отечеству (Живновский, Фурначев), усиливая гротескность щедринской сатиры.

Мотив ожидания дублируется и в сцене «Выгодная женитьба», начинающуюся с сетования подьячего Дернова на долгое и безрезультатное разрешение столоначальника на его женитьбу. Ожидание свадьбы поясняется женихом вполне прагматично: чтобы не попасть в долговую яму. Невеста также не окрылена высокими чувствами, женитьба ей необходима как фактор свободы для альковных утех с любовником, который не жаждет связывать себя семейными узами. В сцене 2, через две недели после свершения свадебных ожиданий, Марья Григорьевна предвкушает свидание с Бобровым в доме новоиспечённого мужа, а её, в свою очередь, ожидает и дожидается в своих апартаментах чиновник рангом повыше Змеищев. Высказывания участников своеобразного диспута «Что такое коммерция?» разворачиваются в трактирном заведении в то время, когда купцы ожидают своего выезда. В монологе «Скука» герой признаётся себе, что все ожидания его, юношеские мечты оказались напрасными: *«Ужели я ещё недостаточно убил в себе всякое чувство жизни*, *что оно так назойливо напоминает о себе*, *и напоминает в такое именно время*, *когда одно представление о нем может поселить в сердце отчаяние*, *близкое к мысли о самоубийстве!»* [20, с. 107].

Действие в драматическом очерке «Утро у Хрептюгина» так же, как и в сцене «Просители», наполнено ожиданием — ожиданием пробуждения хозяина, в гостиной которого собрались «приятели». Они пьют хозяйскую водочку, активно прикладываются к закусочке, при этом судачат о нём, злословят, завидуют, смеются; экономка называет его *аспидом*, доктор Доброзраков намекает на схожесть хозяина дома со свиньёй. То есть, в отличие от просителей первой драматической сцены, публика здесь не озабочена просьбами. А вот городское начальство ожидает от Хрептюгина приличного взноса на погорельцев, *негоциант* оправдывает их ожидания, пожертвовав на *«общественное устройство»*, правда, не без раздражения. При этом ожидания самого Хрептюгина получить чин статского советника не оправдались, несмотря на крупный «взнос» на предполагаемую карьеру. В миниатюре «Соглашение» автор вновь повторяет мизансцену в комнате «ожидания» в доме благодетеля — молодого уездного предводителя, где посетители откровенно злословят в его адрес, завидуют. Все ожидают бумагу из столицы, которую должен привезти долгоожидаемый предводитель дворянства. Зритель тоже в состоянии ожидания (художественный приём автора), поскольку не знает содержания ожидаемой бумаги, даже когда действующие лица уже ознакомились с указом. Только временной указатель — канун отмены крепостного права — подсказывает предмет соглашения, из которого ожидающие почерпнули главное: необходимо *«прежде всего*, *форму соблюсти»*, а оставить всё по-прежнему. Уже титул сцены «Погоня за счастьем» указывает на ожидание достижения цели. Цитируется мизансцена ожидания в приёмной его превосходительства, почивающего в своих покоях. Всё такие же просители, как и в прототексте «Просители», но уже более деятельные, разговорчивые. Ожидаемый генерал Зубатов теперь уже без активного «режиссёрства» чиновника Бирюкова (в отличие от Разбитнова в первой пьеске) опрашивает просителей, при этом не осуществляя, как и предшественник, их ожиданий. Памятуя, что *«счастье есть лотерея»*, все ожидают выигрыша, но не все обретают счастье, объясняя «проигрыш» новым временем. Цикл «Недавние комедии» завершается диалогом отставных статских советников, Андрея Иваныча и Ивана Андреича, похожих *«друг на друга до смешного»*, которым ожидать уже нечего, остались сетования, воспоминания и игра в предположения (совсем по-гоголевски): *«…кабы на место Семена Петровича Степана Иваныча…».*

В малой драматической форме Салтыков-Щедрин намечает мотивы, проблемы, темы, характеры, развивающиеся в четырёхактных «больших» драмах, хотя мини-пьесы воспринимаются как полнокровные произведения — с завершённым действием и сформированными социально-психологическими типами, составляющими единый художественный текст, отражающий циклическое творческое мышление драматурга и писателя.

Конфликт комедии в 4-х действиях «Смерть Пазухина» строится на мотиве выжидания последнего мгновения жизни, раскрывая суровую правду человеческих отношений. Пазухин у последней черты осознаёт, что все (и отверженный сын, и дочь с мужем, и десятилетиями услаждающая его в постели и в организации его жизни Живоедова) ожидают его смерти: *«Господи! Да неужто ж в самом деле вы*, *как праздника светлого*, *ждёте не дождётесь*, *пока я издохну?»* [20, с. 160]. *«Вороны проклятые*», готовые в нетерпеливом ожидании угробить друг друга, собрались в предвидении смерти, разыгрывая роли добродетельных обывателей. Затем, когда *«мертвенное состояние»* купца разрешилось, все вновь остались в ожидании, теперь уже решения наследника.

В драматической сатире «Тени» нет мотива ожидания как доминантного. Ожидает и довольно скоро получает ожидаемое в Петербурге место провинциальный чиновник Бобырёв. Сложившаяся бюрократическая Система не подвластна изменениям, которых никто даже не смеет ожидать, разве только в случайном ропоте выразит сомнение в её целесообразности или страх, как Клаверов: *«…каково же существовать*, *каждую минуту ожидая*, *что вот-вот нахлынет какая-то чёртова волна*, *которая поглотит тебя!»* [20, с. 263]. Однако художественный приём автоцитации в этой пьесе используется автором в целенаправленном дублировании социально-психологических типов, проживающих в широком многоярусном чиновничьем мире свою сценическую жизнь, начатую в предшествующих драматических опытах.

Образы-типы первого драматургического цикла цитируются в последующих сценах и комедиях разными способами:

- дублированием имени (фамилия Пазухин просто прозвучала в первой сцене, а затем обрела первостепенный персонажный статус в комедии «Смерть Пазухина»; Порфирий Петрович, упоминаемый в «Выгодной женитьбе» как городской голова, в «Скуке» предстаёт как человек милый и любезный и как субъект группового портрета провинциального чиновничества, обрисованный героем: *«Вокруг меня мгла и туман*; *Порфирии Петровичи*, *Яковы Астафьичи*, *Фёдоры Герасимычи жадно простирают ко мне голодные руки и не дают мне дохнуть…»* [20, с. 108]);
- переводом из эпизодического персонажа во внесценические (Яков Астафьич — старый чиновник в «Просителях» — упоминается в качестве приятеля в монологе «Скука»);
- дополнением функционала в новом тексте (Скопищев явлен в «Просителях» как купец, в «Выгодной женитьбе» — доставляет кровать в дом молодожёнов, выступая ещё и в роли советника в семейных отношениях);
- развернутой пролонгированной судьбой социально-психологического типа (Живновский, Хоробиткина, Фурначев);
- появлением в другой ипостаси (чиновник для особых поручений при губернаторе Свистиков из «Тени» — социально-психологическая калька Разбитнова из «Просителей» и Разбитнова из «Утра Хрептюгина», с некоторым покровительством относящихся к своему патрону, — превосходит предшественников по части цинизма, поясняя, что все люди в приёмной для генерала, а значит, и для него, просители

(*«Проситель первый*, *проситель второй*— *всё равно как на театре поселяне: поселянин первый*, *поселянин второй и так далее»* [20, с. 246]); лекарь Дроздовский в «Утре Хрептюгина», восходящий к протообразу в комедии «Царство смерти», имеет цитируемого двойника, на что указывает сам автор, — *«….тот самый франт*, *о котором подробно объясняется в «Губернских очерках»*, *зри «Прошлые времена*, *рассказ первый»…»* [20, с. 334]).

Автоцитация позволяет Щедрину создать широкую и трагически единую панораму чиновничьих и чиновничье-купеческих отношений и в провинции, и в Петербурге, отношений, построенных на чинопочитании, лицемерии, коррупции, подлости, зависти, осознании безграничного всевластия, безропотности, страхе.

Множество личин обретает переходящий из пьесы в пьесу образ Живновского. В списке действующих лиц провинциальной сцены «Просители» автор сам отмечает его «цитатность»: *«Об этом лице зри рассказ "Обманутый подпоручик"*» [20, с. 38], продолжая дополнять новыми фактами сценическую биографию Фёдора Фёдоровича. Его реплики, часто чрезмерно эмоциональные, активно включаются в любую ситуацию. Так, на сетования обиженного Забиякина он поучает: *«…головёнкой-то бы его об косяк стук-стук… Этот народ ученье любит-с»* [20, с. 41]. В отношении купцов у него тоже устойчивые агрессивные намерения: *«…до страсти люблю трепать ихние бороды»* [20, с. 42]. В сочетании с генетическим чинопочитанием, озвученным им, типаж Живновского обретает черты злопыхателя и лицемера: *«…насчёт этой исполнительности я просто не человек*, *а огонь! Люблю*, *знаете*, *распорядиться!»* Как он сам утверждает, если ему прикажет его сиятельство задушить кого, он с упоением это выполнит: *«…и задушу! сам тут замру*, *а задушу*» [20, с. 44]. В «Просителях» он плут, играющий роль благородного дворянина, жаждущего служить отечеству. Его спич, актёрски продекламированный на одном дыхании, прославляющий князя и собственный «благородный» порыв (*«не служить*, *будучи дворянином*, *— это величайшая постыднейшая неблагодарность против престол-отечества*» [20, с. 63]) почти убедил князя в его искренности. К своему разоблачению проситель отнёсся привычно: *«Не вывезла кривая*» [20, с. 64].

В драматическом очерке «Утро Хрептюгина» Живновский вновь заявлен как отставной подпоручик, но уже 50 лет Он продолжает амплуа искусного актёра, рассказывая о себе небылицы о добронравии. Он и на пожаре человечество спасал, и ходатайствовал перед князем и княгиней за погорельцев, превознося свои «достоинства», как Хлестаков: *«бывал я*, *конечно в переделах: и тонул-с*, *и со второго этажа прыгивал… ну а от огня бог избавил»* [20, с. 186]. Все его презирают, но мирятся с его присутствием как с привычным атрибутом чиновничьего быта.

Образ Живновского, лицемера и подлеца, разворачивается и в комедии «Смерть Пазухина», но уже в контексте человеческой трагедии. Он здесь, продолжая свою сценическую биографию, более являет тип приживалы, который пришёл в дом умирающего «*отдохнуть»*, водочки испить, разведать, к кому лучше примкнуть в действе дележа украденной добычи. Иван Прокофьич называет его *«проходимцем»*, несмотря на то, что Живновский усиленно хочет вызвать к себе сострадание. Как и перед Хрептюгиным, он *«снова становится в позицию»*, представляя в манере Хлестакова зигзаги своей жизни. Пазухин-старший прекрасно знает ему цену, предполагая, что, если бы тот стал полицмейстером, *«ведь … всех живьем так и съел»* [20, с. 150]. Показательно, что сам Живновский не отрицает подобного расклада. В этой комедии заостряются самые гнусные черты несостоявшегося чиновника, уничижаемого и презираемого, без которого не может обойтись ни одна авантюра. В нём по-прежнему, как и в прототекстах, живёт жажда унижения другого: он мечтает о расправе над

Фурначёвым, *«душу на нем отвести»*, *«хоть на колени-то его поставить»* [20, с. 174]. Живновский активно участвует в «акции» Баева по плану умыкания денег Пазухина. В сцене встречи враждующих групп претендентов на наследство опытный авантюрист Живновский поучает главного наследника, сына умершего: *«… только раненько вы зрелище-то в ход пустили: вам бы переждать*, *пока они воровство там своё учинят*, *да тут бы и перекусить им горло с поличным»* [20, с. 167]. Многоликость Живновского проявляется в финальной реплике, где он неожиданно выступает в роли резонера: *«Господа! Представление кончилось! Добродетель… тьфу бишь! Порок наказан*, *а добродетель… да где ж тут добродетель-то!..»* [20, с. 178]. Эта реплика является автоцитацией финала комедии в 4-х действиях «Царство смерти», ставшей претекстом для анализируемых пьес «Утро Хрептюгина» и «Смерть Пазухина», в которых социально-психологический тип Живновского обретает всё более уродливые черты, генетически восходящие к эскизно намеченным характеристикам в сцене «Просители».

Не менее «цитатен» и образ Семена Семеныча Фурначёва, начавшего демонстрацию своего чиновничьего амплуа в комедии «Царство Мёртвых». В сцене «Утро у Хрептюгина» он эпизодический персонаж, статский советник пятидесяти лет, имеющий *«к Хрептюгину начальственные отношения*». Его появление в гостиной вызывает напряжение, хозяин суетится, совершает непростительную оплошность, произнеся тост не за высокого гостя. Чиновничья спесь Фурначёва оскорблена, он возмущён и поучает опростоволосившегося Хрептюгина: *«…голова братец дана*, *чтоб язык сдерживать».* Стараясь говорить подчёркнуто вычурно, Семен Семёныч декламирует клише о долге перед страждущими, но не предполагает жертвовать для погорельцев, случайно признавшись, что деньги, которые у него есть, *«быть может*, *через великий жизненный искус приобретены»* [20, с. 194]. Искус этот приключился в «Смерти Пазухина», когда он участвовал во всеобщем шабаше умыкания денег покойного. В четырёхактной комедии Фурначёв развернулся в полном «объёме» своей подлости. Здесь он по-прежнему статский советник, но уже постарше (55-ти лет) и понаглее. Обретённый опыт лицемерия проявляется в открытом ханжестве: речи о добродетели, богоугодности и греховности сочетаются с нескрываемым желанием смерти тестя и планами похищения у него денег. Размышления о божественной и космической предопределённости, сокрытой в приближающейся комете (*«…истина*, *что человеческому мышлению предел положен»* [20, с. 126]), сопряжены с вполне земным желанием обогатиться любым способом. На разоблачающую реплику жены *«хоть бы при мне-то ты об добродетели не говорил»* у Фурначёва есть демагогический ответ, что деньги всем нужны, даже нищий *«руку Христовым именем протягивает»* [20, с. 128], что *«добродетельные люди и на сем*, *и на том свете мзду для себя получали»* [20, с. 130]. Фурначёв наслаждается своим лицедейством, выступая то как церковный ритор перед Живновской, подговаривая её выкрасть ключ от «сундучка» у старика Пазухина до его смерти, поскольку *«грех мёртвого человека тревожить*» [20, с. 131], то как знаток народной этики (*«недаром гласит народная мудрость: не плюй в колодец — испить пригодится»* [20, с. 131]), то как философ, сопоставляющий красоту телесную и красоту душевную, развращённую веком. Будучи самым порочным персонажем предсмертной вакханалии, выписанной Салтыковым-Щедриным, он разыгрывает благородство, завершая сцену в присутствии нечаянно появившегося «зрителя» дидактической тирадой: *«…и помните*, *что сколько почтенна и достохвальна добродетель*, *столько же гнусен и непотребен порок»* [20, с. 133]. «Входной монолог» Фурначёва в сцене 5 наполнен возвышенными характеристиками в адрес только что преставившегося: *праведный муж*; *добродетельные подвиги совершал*; *почтенный*; *красота и благолепие дому своему.* Уличенный в краже, он привычно пытается лицедействовать, патетически восклицая: *«Помилуйте*, *господа! Где*

я? в каком я обществе нахожусь?» [20, с. 173] и лживо утверждая: «*я с благими намерениями*, *на богоугодные дела*, *в пользу папенькиной же души хотел…»* [20, с. 174]. Этот персонаж — единственный из чиновничьего бомонда Щедрина — испытал прилюдный *«страм»*: при всех домочадцах, купцах, чиновниках Пазухин-младший называет его вором и мошенником, который *«мертвенького ограбил».* Несмотря на актерскую мизансцену: *«Господи! твори волю свою* (*Подымает глаза к небу*)*»* [20, с. 174], Фурначёв вынужден дать расписку в своем *«гнусном поступке»*, но, судя по реплике в «Утре у Хрептюгина», прихватил-таки немного награбленного.

Таким образом, типологическое ядро «Фурначёв» так же, как и «Живновский», в своей цитируемой неизменности дополнялось в каждой последующей пьесе новыми деталями, не имеющими фабульной завершённости.

Автоцитация как художественный приём драматурга в наибольшей развернуто-зримой последовательности эксплицируется в обрисовке женских персонажей анализируемых нами произведений. В драматической сатире «Тени» представлен «вершинный» образец развития характера и роли женского типа в пространстве чиновничьего жизнеустройства — внесценический персонаж Клара Фёдоровна, которая вобрала в себя черты своих нравственно убогих предшественниц, пытающихся играть роль добродетельных жён и преданных сожительниц. Среди них жена канцеляриста Анна Ивановна Хоробиткина, новоиспечённая жена подьячего Марья Гавриловна Рыбушкина, содержанка у купца Пазухина Анна Ивановна Живоедова, дочь купца и жена чиновника Фурначёва Наталья Ивановна, титулярная советница и экономка у Хрептюгина Степанида Карповна Гнусова, дочь негоцианта Хрептюгина Аксинья Ивановна, жена удачливого провинциального, потом петербургского чиновника Софья Александровна Бобырева и, наконец, Клара Фёдоровна. Все они, динамически развиваясь в парадигме автоцитации, «обогащаются» все более подлыми, безнравственными чертами продажной и властной женщины.

Клара Фёдоровна более всех свободна в выборе поклонников, жаждущих её альковных утех, поскольку она не похотлива, а в первую очередь, деловита. Зависящие от её поручительства мужчины отмечают, что она *«прелесть женщина*», *«недурна»*, *«плотоядная»*, *«женщина вольного обращения»*, *«спасительный берег». «Знаменитая Клара Федоровна*, *об которой болтает весь Петербург» …»* [20, с. 254], искусно владеет и телом своим, и ситуацией, устраивая за солидное вознаграждение различные дела по чиновничьему ведомству. Набойкин прагматично увещевает Клаверова вернуть расположение бывшей любовницы*:* «*Какая тебе печаль от того*, *что за нею стоит целая стая Артамоновых*, *Хлудяшевых*, *Покрышкиных и тому подобных? Согласись*, *что ведь и им есть хочется…»* [20, с. 254]. Клара не столько *сгорает нетерпением скрепить взаимный союз* со старцем, посредством связи с которым она оказалась на вершине чиновничьей Системы, сколько стремится любыми доступными ей способами обогатиться. Она прекрасно осознаёт свою движущую роль в карьерной судьбе поклонников и не щадит их, памятуя, как, например, Клаверов *«сначала подольстился к ней*, *свел её с князем Тараканoвым*, *и затем заставил нелепого старика бросить её»* [20, с. 292]. Да и сам Клаверов признаётся себе, что Клара служила ему только *средством*, к которому прибегает всякая *мелкая сошка*, *«чтоб беспечально прожить на свете»* [20, с. 263]. Клара, в отличие от своих предшественниц, не только хитра, но умна и мстительна. Мстит она не постельными интрижками, о которых говорит весь Петербург, а бьёт по карману или карьере обидчика, не подумавшего о *самосохранении*. То есть внесценический персонаж Клара Фёдоровна, благодаря своей женской предприимчивости, умело использует альковных покровителей, становясь *необратимой силой* чиновничьей Системы. Так, созданный Салтыковым-Щедриным

тип провинциальной пошлой кокетки, в процессе автоцитации в едином содержательном драматургическом цикле превращается в социально-психологический тип, рождённый пороками общественного устройства, требующего негодующей рецепции автора, и в то же время указывающий на трагическую безысходность и невозможность присутствия в нем этических норм человеческих отношений.

Заключение. Создатель грандиозного сатирического полотна российской общественно-политической действительности М.Е. Салтыков-Щедрин вплетает в его эпическую ткань драматургические сцены, монологи, очерки, четырехактные драматические памфлеты. В первом цикле «Губернских очерков» драматические сцены стали полноправным разделом, своеобразным «сценическим отступлением», сродни лирическим отступлениям в «Мёртвых душах» Гоголя. В то же время эти драматические миниатюры вместе с циклом «Недавние комедии» явились преддверием, прототекстом для «большой комедии» «Царство смерти» (трансформированной в драматический очерк «Утро у Хрептюгина» и комедию «Смерть Пазухина») и драматической сатиры «Тени».

М.Е. Салтыков-Щедрин в своём шестилетнем драматургическом эксперименте создал целостный художественный текст с общей проблемой, единым пафосом осуждения, усложняющимся от пьесы к пьесе. Единство это создалось за счёт варьируемой идентичности коллизии, функционирования одних и тех же мотивов, что мы проиллюстрировали на актуализации *мотива ожидания*. Персонажи, переходящие из пьесы в пьесу, дублирующие имя, социально-психологический тип, последовательно наполняемый признаками нравственной деградации в очередном сценическом пространстве, продолжающем кажущуюся незавершенность претекстов, — также свидетельство единства творческого замысла. Следуя утверждению Умберто Эко («…во все времена искусство умышленно стремилось пробудить незавершённые, внезапно прерванные переживания, чтобы тем самым благодаря *обманутому ожиданию* пробуждать нашу естественную тягу к завершённости» [18, с. 184]), можно рассматривать драматургический опыт великого сатирика как результат тяготения к созданию единого завершенного произведения, сконструированного из отдельных форм, открытых для саморефлексии.

Художественный приём автоцитации позволил М.Е. Салтыкову-Щедрину выстроить ситуативную модель и модель социально-психологического типа в чиновничье-купеческой действительности России второй трети XIX столетия. Модель неупорядочиваемого мира бесчеловечности, лицемерия, подлости, невозможности, да и нежелания персонажей — лжецов, казнокрадов, прелюбодеев, лицемеров — вырваться из замкнутого круга чиновничьей Системы, подвергаемой автором сатирическому обличению. В этом сатирическом целеполагании драматургический цикл гармонично включается в общую картину мира, созданную М.Е. Салтыковым-Щедриным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артюхова В.А. В.М. Гаршин и М.Е. Салтыков-Щедрин: два скорбных взгляда на российскую действительность / В.А. Артюхова // Вопросы культурологии. — 2026. — Т. 23, № 5 (256). — С. 417–421. — http://doi.org/10.33920/nik-01-2605-03
2. Бабенко И.А. К вопросу о формировании нового типа героя в отечественной сатирической драматургии 60-70-х гг. XIX века / И.А. Бабенко, А.Д. Алексенко, Ю.Н. Кравченко // Филология, лингвистика, журналистика: актуальные вопросы и современные аспекты: сб. статей Междун. научно-практ. конф. — Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2020. — С. 58–61.
3. Баумтрог Н.Н. Театральная выразительность в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города»: монография / Н.Н. Баумтрог. — Барнаул: АГИК, 2025. — 191 с.

4. Брысина Т.Н. Роль определённо-личных предложений в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист» / Т.Н. Брысина // Вестник Костромского государственного университета. — 2026. — Т. 32, № 2. — С. 154–159. — http://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-154-159
5. Вычисенко А.А. Город как пространство порока: Петербург Ф.М. Достоевского и город Глупов М.Е. Салтыкова-Щедрина в контексте социальной сатиры / А.А. Вычисенко // Вопросы культурологии. Б — 2026. Т. 23, № 5 (256). — С. 422–427. — http://doi.org/10.33920/nik-01-2605-04
6. Захаров К.М. «Хлестаковствующий герой» на страницах русской комедии / К.М. Захаров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — 2016. — Т. 16, № 3. — С. 272–274. — http://doi.org/10.18500/1817-7115-2016-16-3-272-274
7. Карпанина О.Ю. Нарративные стратегии конструирования сатирического сюжета в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть» / О.Ю. Карпанина // Вопросы культурологии. — 2026. — Т. 23, № 5 (256). — С. 428–432. — http://doi.org/10.33920/nik-01-2605-05
8. Лардыгина О.А. Мотив игры как маркер одиночества героев в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина / О.А. Лардыгина // Вестник филологических наук. — 2026. — Т. 6, № 2. — С. 120–127. — http://doi.org/10.62257/2782-5329-2026-2-120-127
9. Лебедев В.Ю. Феноменология личности в контексте творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина: к истокам философии экзистенциализма / В.Ю. Лебедев, С.Е. Горшкова // Вопросы культурологии. — 2026. — Т. 23, № 5 (256). — С. 399–409. — http://doi.org/10.33920/nik-01-2605-01
10. Ляшенко Т.М. Женские архетипические образы в романе «Господа Головлёвы» (К 200-летию со дня рождения М.Е. Салтыкова-Щедрина) / Т.М. Ляшенко, Л.Ю. Кисловская // Филология: научные исследования. — 2026. — № 1. — С. 284–294. — http://doi.org/10.7256/2454-0749.2026.1.77072
11. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826–1889): М.Е. Салтыков-Щедрин: библиографический указатель: книжные издания произведений и литературы о жизни и творчестве на русском языке, выпущенные в Российской Федерации (1991–2025) / Российская государственная библиотека; сост.: Г.Л. Левин [и др.]; вступ. ст. К.М. Сухорукова. — Москва: Пашков дом, сор. 2026. — 173 с.
12. Новикова М.В. Страшное пространство города в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина и В.Г. Короленко / М.В. Новикова, О.В. Сулемина, Г.А. Овсепян // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2026. — № 1 (60). — С. 114–119. — http://doi.org/10.36622/2587-9510.2026.60.1.014
13. Святославский А.В. М.Е. Салтыков-Щедрин в творческой судьбе В.Г. Короленко / А.В. Святославский, С.М. Иванова // Вопросы культурологии. — 2026. — Т. 23, № 5 (256). — С. 410–416. — http://doi.org/10.33920/nik-01-2605-02
14. Смирнов И.П. Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа на примерах из творчества Б.Л. Пастернака. — 2-е изд. — СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. — 191 с.
15. Страшкова О.К. К вопросу об актуальных проблемах исследования истоков жанрового синтеза в поэтике отечественной драматургии XX–XXI веков / О.К. Страшкова, И.А. Бабенко, И.В. Купреева // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 251–262. — http://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-12-251-262.
16. Страшкова О.К. Пародирование кодов классической трагедии в драматургических экспериментах А.В. Сухово-Кобылина и Н.Р. Эрдмана / О.К. Страшкова, И.А. Бабенко // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. — 2021. — № 1 (81). — С. 89–97. — http://doi.org/10.25587/v3232-3496-6124-h
17. Шаврыгин С.М. Многослойность жанрового дискурса М.Е. Салтыкова-Щедрина. Элегизм жанрового мышления в 1860-е гг. / С.М. Шаврыгин // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2025. — № 6 (129). — С. 133–140. — https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-11
18. Эко У. Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике / Умберто Эко; пер. с итал. Александра Шурбелева. — Санкт-Петербург: Symposium, 2006. — 408 с.
19. Яцкив Е.О. Образ матери в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина» и в повести А.Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» / Е.О. Яцкив // Вопросы культурологии. — 2026. — Т. 23, № 5 (256). — С. 433–437. — http://doi.org/10.33920/nik-01-2605-06

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

20. Салтыков-Щедрин М.Е. Комедии и драматическая сатира / М.Е. Салтыков-Щедрин; [Сост., авт. вступ. ст., с. 3-36, и примеч. В.А. Туниманов]. — Л.: Искусство. Ленингр. отд-ние, 1991. — 446 с.

REFERENCES

1. Artyukhova V.A. (2026). V.M. Garshin i M.Ye. Saltykov-Shchedrin: dva skorbnykh vzglyada na rossiyskuyu deystvitel'nost' [V.M. Garshin and M.E. Saltykov-Shchedrin: two mournful views of russian

reality]. Issues of Cultural Studies, 23–5(256), 417–421. (In Russian). http://doi.org/10.33920/nik-01-2605-03 (In Russian).
2. Babenko I.A., Aleksenko, A.D., Kravchenko, Yu.N. (2020). K voprosu o formirovanii novogo tipa geroya v otechestvennoy satiricheskoy dramaturgii 60-70-kh gg. XIX veka [To the question of formation of a new type of hero in the russian satirical drama 60-70-s XIX century]. In Filologiya, lingvistika, zhurnalistika: aktual'nyye voprosy i sovremennyye aspekty [Philology, linguistics, journalism: current issues and modern aspects] (pp. 58–61). Penza: «Nauka i Prosveshcheniye». (In Russian).
3. Baumtrog N.N. (2025). Teatral'naya vyrazitel'nost' v romane M.Ye. Saltykova-Shchedrina «Istoriya odnogo goroda» [Theatrical Expression in M.E. Saltykov-Shchedrin's Novel "The History of a Town"]. Barnaul: AGIK. (In Russian).
4. Brysina T.N. (2026). Rol' opredelonno-lichnykh predlozheniy v skazke M.Ye. Saltykova-Shchedrina «Karas'-idealist» [The role of definite-personal sentences in the tale “The Idealist Carp” by Mikhail Saltykov-Shchedrin]. Vestnik of Kostroma State University, 32–2, 154–159. (In Russian). https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-154-159
5. Vychisenko A.A. (2026). Gorod kak prostranstvo poroka: Peterburg F.M. Dostoyevskogo i gorod Glupov M.Ye. Saltykova-Shchedrina v kontekste sotsial'noy satiry [Town as a space of vice: F.M. Dostoevsky's ST. Petersburg and M.E. Saltykov-Shchedrin's Glupov-town in the context of social satire]. Issues of Cultural Studies, 23–5(256), 422–427. (In Russian). http://doi.org/10.33920/nik-01-2605-04
6. Zakharov K.M. (2016). «Khlestakovstvuyushchiy geroy» na stranitsakh russkoy komedii [A Khlestakov-like Character on the Pages of the Russian Comedy]. Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 16–3, 272–274. (In Russian). http://doi.org/10.18500/1817-7115-2016-16-3-272-274
7. Karpanina O.YU. (2026). Narrativnyye strategii konstruirovaniya satiricheskogo syuzheta v skazke M.Ye. Saltykova-Shchedrina «Propala sovest'» [Narrative strategies for constructing a satirical plot in M.E. Saltykov-Shchedrin's fairy tale “Conscience is missing”]. Issues of Cultural Studies, 23–5(256), 428–432. (In Russian). http://doi.org/10.33920/nik-01-2605-05
8. Lardygina O.A. (2026). Motiv igry kak marker odinochestva geroyev v tvorchestve M.Ye. Saltykova-Shchedrina [The motif of game as a marker of the loneliness of characters in the works of M.E. Saltykov-Shchedrin]. Philological Sciences Bulletin, 6–2, 120–127. (In Russian). http://doi.org/10.62257/2782-5329-2026-2-120-127
9. Lebedev V.YU., Gorshkova S.E. (2026). Fenomenologiya lichnosti v kontekste tvorchestva M.Ye. Saltykova-Shchedrina: k istokam filosofii ekzistentsializma [Phenomenology of personality in the context of the work of M.E. Saltykov-Shchedrin: to the origins of the philosophy of existentialism]. Issues of Cultural Studies, 23–5(256), 399–409. (In Russian). http://doi.org/10.33920/nik-01-2605-01
10. Liashenko T.M., Kislovskaya L.Yu. (2026). Zhenskiye arkhetipicheskiye obrazy v romane «Gospoda Golovlovy» (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya M.Ye. Saltykova-Shchedrina) [Archetypal female images in the novel "The Golovlev family" (On the 200th anniversary of M.E. Saltykov-Shchedrin's birth)]. Philology: scientific research, 1, 284–294. (In Russian). http://doi.org/10.7256/2454-0749.2026.1.77072
11. Levin G.L. [et al.] (Comp.). (2026). Mikhail Yevgrafovich Saltykov-Shchedrin (1826–1889): M.Ye. Saltykov-Shchedrin: bibliograficheskiy ukazatel': knizhnyye izdaniya proizvedeniy i literatury o zhizni i tvorchestve na russkom yazyke, vypushchennyye v Rossiyskoy Federatsii (1991–2025) [Mikhail Evgrafovich Saltykov-Shchedrin (1826–1889): M.E. Saltykov-Shchedrin: bibliographic index: book editions of works and literature about his life and work in Russian, published in the Russian Federation (1991–2025)]. Moscow: Pashkov House. (In Russian).
12. Novikova M.V., Sulemina O.V., Ovsepyan G.A. (2026). Strashnoye prostranstvo goroda v proizvedeniyakh M.Ye. Saltykova-Shchedrina i V.G. Korolenko [The terrible city space in M.E. Saltykov-Shchedrin and V.G. Korolenko works]. Actual issues of modern philology and journalism, 1(60), 114–119. (In Russian). http://doi.org/10.36622/2587-9510.2026.60.1.014
13. Svyatoslavsky A.V., Ivanova S.M. (2026). M.Ye. Saltykov-Shchedrin v tvorcheskoy sud'be V.G. Korolenko [M.E. Saltykov-Shchedrin in the creative destiny of V.G. Korolenko]. Issues of Cultural Studies, 23–5(256), 410–416. (In Russian). http://doi.org/10.33920/nik-01-2605-02
14. Smirnov I.P. (1995). Porozhdeniye interteksta: Elementy intertekstual'nogo analiza na primerakh iz tvorchestva B.L. Pasternaka [The Generation of Intertext: Elements of Intertextual Analysis Using Examples from the Works of B.L. Pasternak]. St. Petersburg: Language Center of St. Petersburg State University. (In Russian).
15. Strashkova O.K., Babenko, I.A., Kupreyeva, I.V. (2017). K voprosu ob aktual'nykh problemakh issledovaniya istokov zhanrovogo sinteza v poetike otechestvennoy dramaturgii XX–XXI vekov [On Question about Actual Problems of Study of Genre Synthesis Origins in Poetics of Russian Literature of

20th—21st Centuries]. Nauchnyy dialog, 12, 251-262. (In Russian). http://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-12-251-262
16. Strashkova O.K., Babenko, I.A. (2021). Parodirovaniye kodov klassicheskoy tragedii v dramaturgicheskikh eksperimentakh A.V. Sukhovo-Kobylina i N.R. Erdmana [Paroding of classical tragedy codes in dramaturgical experiments A.V. Sukhovo-Kobylin and N.R. Erdman]. Vestnik of North-Eastern Federal University, 1(81), 89–97. (In Russian).http://doi.org/10.25587/v3232-3496-6124-h
17. Shavrygin S.M. (2025). Mnogosloynost' zhanrovogo diskursa M.Ye. Saltykova-Shchedrina. Elegizm zhanrovogo myshleniya v 1860-ye gg. [The multilayered nature of M.E. Saltykov-Shchedrin's genre discourse. The elegy of genre thinking in the 1860s]. Cherepovets State University Bulletin, 6(129), 133–140. (In Russian). https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-11;
18. Eko U. (2006). Otkrytoye proizvedeniye: forma i neopredelennost' v sovremennoy poetike [Open Work: Form and Indeterminacy in Contemporary Poetics]. Sankt-Peterburg: Symposium. (In Russian).
19. Yatskiv E.O. (2026). Obraz materi v romane M.Ye. Saltykova-Shchedrina «Poshekhonskaya starina» i v povesti A.Ya. Panayevoy «Semeystvo Tal'nikovykh» [The image of the mother in the novel of M.E. Saltykov-Shchedrin "The poshekhonskaya antiquity" and in the story of A.Y. Panaeva "The Talnik family"]. Issues of Cultural Studies, 23–5(256), 433–437. (In Russian). http://doi.org/10.33920/nik-01-2605-06

Поступила в редакцию 13.08.2026 г.

SELF-CITATION AS ARTISTIC DEVICE IN DRAMATURGY OF M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN

O.K. Strashkova, ***O.I. Lepilkina***

This paper undertakes a textual analysis of theatrical and dramatic miniatures and plays of Saltykov-Shchedrin's "grand" dramatic form within the discourse of self-citation, repetition, and the development of a single motif and human type. This analysis supports the research concept that the great satirist's creative legacy constitutes a unified artistic space, where each dramatic text is an "open work" for further authorial reflection. In pursuing this research objective, the primary methods applied are as follows: comparative-historical, contrastive, typological, and hermeneutic, allowing us to trace the stagnation or transformation of the formal and substantive features of Saltykov-Shchedrin's dramatic experiments, one of which is self-citation as a discourse feature of his artistic method. We argue that in the short dramatic form, Saltykov-Shchedrin outlines motifs, problems, themes, and characters that develop in four-act "grand" dramas. We examine the satirist's six-year "dramatic period" as an experiment in creating a unified theatrical and dramatic space that embodies the cyclical artistic thinking of the playwright and writer.

Key words: Saltykov-Shchedrin, dramatic text, "open work", self-citation, motif, type, socio-psychological type, cyclical organization, stage space.

Страшкова Ольга Константиновна.
Доктор филологических наук, профессор.
Северо-Кавказский федеральный университет,
Российская Федерация, г. Ставрополь.
Профессор кафедры отечественной и мировой литературы Гуманитарного института.
ORCID 0000-0002-8740-5048.
E-mail: olga.strashkova8@gmail.com

Лепилкина Ольга Ивановна.
Доктор филологических наук, профессор.
Северо-Кавказский федеральный университет,
Российская Федерация, г. Ставрополь.
Профессор департамента медиакоммуникаций высшей школы креативных индустрий.
ORCID 0000-0002-7310-7197.
E-mail: oll5@mail.ru

Strashkova Olga Konstantinovna.
Doctor of Philology, Professor.
North Caucasus Federal University,
Russian Federation, Stavropol.
Professor at Department of Russian and World Literature of the Humanities Institute.
ORCID 0000-0002-8740-5048.
E-mail: olga.strashkova8@gmail.com

Lepilkina Olga Ivanovna.
Doctor of Philology, Professor.
North Caucasus Federal University,
Russian Federation, Stavropol.
Professor at Department of Media Communications of the Higher School of Creative Industries.
ORCID: 0000-0002-7310-7197
E-mail: oll5@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81.42
DOI: 10.5281/zenodo.22909358

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МИФОНИМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАСТОЛЬНО-РОЛЕВЫХ ИГРАХ

© 2026 И.М. Селиверстов[1], А.В. Ленец[2]
[1-2]Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»
ORCID[1] 0009-0006-1692-4250
ORCID[2] 0000-0002-7394-3259

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматриваются мифонимы как лингвосемиотические средства вербализации виртуальных миров в англоязычном дискурсе настольно-ролевых игр. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью неомифологических структур в цифровой культуре и отсутствием комплексного подхода к анализу мифонимов в игровом дискурсе. Цель статьи заключается в выявлении типологических признаков мифонимов и определении их роли в конструировании вторичной мифологической реальности. Материалом исследования послужили тексты англоязычных настольно-ролевых игр жанра киберпанк («Cyberpunk 2020», «Cyberpunk RED», «Neotribes»), включающие 280 мифонимов. В исследовании использовались контекстуальный, прагматический и лингвосемиотический методы анализа. Установлено, что мифонимы обладают высокой семиотической ёмкостью, реализуют символическую, культурно-маркированную и прецедентную функции, а также выступают инструментом формирования единого игрового семиотического пространства.

***Ключевые слова*:** мифоним, мифологема, игровой дискурс, лингвосемиотика, виртуальный мир, настольно-ролевые игры, английский язык.

Для цитирования: Селиверстов И.М., Ленец А.В. Лингвосемиотический потенциал мифонимов в англоязычных настольно-ролевых играх / И.М. Селиверстов, А.В. Ленец // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 40–54. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22909358.

Введение. Мифология, будучи фундаментальным способом осмысления действительности, сохраняет свою значимость и в современную цифровую эпоху, трансформируясь в новые дискурсивные практики. Особый интерес в этом отношении представляет игровой дискурс, где миф перестаёт быть исключительно архаичным феноменом и превращается в динамичный инструмент конструирования виртуальных реальностей. Мифологию составляют мифы, объединённые общими верованиями, традициями, обычаями, в целом общей культурой, свойственной тому или иному этносу. Создание мифов характеризуются как особый жанр творчества, который «есть одновременно и процесс, и результат мифологического освоения мифа» [31, с. 117].

Антропологизм и всеобщая игроизация современной культуры способствуют не только формированию неомифов, вербализуемых, в частности, мифонимами, но и оказывают серьёзное влияние на словарный состав языка [12; 18; 27; 43], обогащая и расширяя его в том числе посредством различных цифровых сред [11; 48]. Среди цифровых сред, как, например, социальные сети, образовательные онлайн-ресурсы, игровые виртуальные миры занимают доминирующее положение [5; 35]. При этом

англоязычные производители игрового контента лидируют, оказывая значительное влияние на потребителей по всему миру и формируя у них представления о добре и зле, справедливости и других ценностных ориентациях [29; 35]. Игра, будучи одним из основных видов деятельности человека, направлена на воссоздание и усвоение общественного опыта. Одним из наиболее показательных примеров такой деятельности выступают настольно-ролевые игры (НРИ), где воссоздание опыта напрямую связано с языком как инструментом конструирования виртуального мира посредством номинации игровых реалий, персонажей и их характеристик. Анализ мифонимов, функционирующих в англоязычных НРИ, позволяет описать ключевые, культурно значимые ментальные основания, лежащие в основе языковых процессов, объективированных в лексике современного английского языка [4].

В связи с вышесказанным **актуальность** данного исследования следует определить, с одной стороны, необходимостью изучения мифонимов как ключевых единиц-актуализаторов неомифологической картины мира в игровом дискурсе, а с другой стороны — отсутствием единого лингвосемиотического подхода к их анализу.

Проблематика мифонимов разрабатывалась преимущественно в рамках ономастики и фольклористики [33; 38], где акцент делался на их структурно-деривационные и этнокультурные особенности. В сфере игрового дискурса отдельные аспекты именования персонажей и локусов рассматривались в трудах Д.В. Захаровой и Л.М. Бондаревой, [11], однако целостного лингвосемиотического описания мифонимов как средств вербализации именно виртуальных миров до сих пор не предпринималось. Нерешённой частью общей проблемы остаётся трактовка мифонима как знака, совмещающего иконические и символические компоненты. Также недостаточно изучена роль мифонимов в формировании связной семиосферы игрового дискурса.

Целью данной **статьи** является выявление и описание лингвосемиотических средств вербализации виртуальных миров посредством мифонимов в англоязычном игровом дискурсе. Для достижения цели ставятся следующие *задачи*: 1) уточнить понятие «мифоним»; 2) описать типологические признаки мифонимов; 3) проанализировать роль мифонимов в конструировании виртуального мира. **Объект исследования** — мифонимы в англоязычном игровом дискурсе, **предмет** — их лингвосемиотические характеристики и роль в процессе вербализации виртуальных миров.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии лингвосемиотического подхода к изучению мифонимов как средств конструирования вторичных мифологических реальностей. Работа вносит вклад в теорию игрового дискурса за счёт выявления типологических признаков мифонима и его прагматических функций. Описание роли мифонимов в игровом дискурсе и уточнённое понятийное разграничение мифологемы и мифонима применимы при анализе других типов дискурса (художественного, кинематографического, рекламного), где мифологическая лексика выполняет семиотически нагруженные функции.

Новизна данного исследования заключается в том, что мифонимы впервые рассматриваются как комплексные лингвосемиотические средства конструирования игровой реальности. В отличие от предшествующих работ, ограничивающихся ономастическим или структурно-семантическим анализом мифологической лексики, в настоящем исследовании мифонимы изучаются в единстве их семиотической, прагматической и дискурсивной природы. *Впервые* выделены и обоснованы типологические признаки мифонимов в игровом дискурсе НРИ как разновидности игрового дискурса. *Впервые* комплексному анализу подвергаются мифонимы в англоязычных НРИ — жанре, где вербальный компонент играет ключевую роль в

конструировании мифологической семиосферы при отсутствии или минимизации полимодальных элементов, характерных, например, для компьютерно-ролевых игр.

Материал и методы исследования. Материалом исследования являются тексты книг правил и дополнений к НРИ «Cyberpunk 2020», «Cyberpunk RED», «Neotribes» и номинативные единицы / мифонимы, репрезентирующие имена персонажей, названия объединений, технических средств и прочих объектов вселенной «Cyberpunk». Выборка включает 280 мифонимов.

В настоящем исследовании применялись следующие методы: функционально-прагматический анализ для оценки прагматической нагрузки мифонимов; лингвосемиотический анализ, направленный на выявление соотношения языкового знака, деноната технологической реальности и культурно мифологического маркера в структуре мифонима. Процедура анализа включала в себя следующие этапы: 1) определение лексикосемантического базиса мифонима; 2) идентификацию механизмов семиотического переноса лексической единицы в контекст киберпространства и пост-апокалиптической среды сеттинга; 3) выявление и актуализацию прагматического потенциала мифонима при его переходе в разряд игровых терминов или элементов мира НРИ; 4) описание выполняемых мифонимом текстообразующих функций в рамках исследуемого дискурса.

Основная часть.

Как отмечают специалисты, с понятием «миф» можно соотнести множество терминов, трактовка которых неоднозначна [9, с. 18–24; 10, с. 304; 16, с. 4–5]. Помимо термина «мифоним» существует множество других, связанных с ним по значению, таких как: «мифологема», «мифоконцепт», «мифологическая единица», «мифема», «мифолексема», «мифологизм» и т.д. Ключевыми для данного исследования являются понятия «мифоним» и «мифологема».

В рамках данного исследования в качестве основного носителя мифического содержания в языке, его вербального воплощения будем рассматривать мифологему, как экспликацию, способ репрезентации той или иной мифологии. Здесь речь идёт о неомифах, которыми, по мнению А.А. Житенева и Е.С. Стрельниковой, могут стать любые факты: исторические, культурные, социальные, которые изначально не были мифологизированы. Авторы также обращают внимание на «открытость неомифа в противоположность энтропийной замкнутости мифа», которая «обусловливает разницу подходов к его толкованию, и предопределяет множественность явлений, которые могут стать его частью, гарантирует возможность включения в его состав самых разнообразных элементов окружающей действительности» [10, с. 312]. Вслед за Е.В. Матвиенко будем рассматривать мифологемы как концепты мифологической картины мира, которые актуализируются в языке посредством мифонимов — «лексических единиц мифического содержания» [46, p. 251].

В современной лингвистике термин «мифоним» не имеет устоявшейся единой дефиниции, что обусловлено междисциплинарным характером данной единицы и её функционированием в различных типах дискурса [17; 24; 39]. Существующие подходы к интерпретации мифонима варьируются от узко ономастического понимания до широкого лингвокультурного, что требует их систематизации для выработки рабочего определения, релевантного задачам настоящего исследования [27; 33].

В рамках ономастического подхода мифонимы рассматриваются как составная часть системы имён собственных. В рамках данной традиции мифоним определяется как имя фиктивного объекта любой категории — персонажа, божества, демонического существа или локуса — в мифах и преданиях [21, с. 67]. Мифонимия трактуется как

особый сектор ономастического пространства, включающий имена, созданные воображением человека [40, с. 145]. В структуре мифонимии традиционно выделяются теонимия (имена богов) и демононимия (имена сверхъестественных существ), а также более дробные категории — мифозоонимы, мифотопонимы, мифоантропонимы и др. [33, с. 31]. В узкой трактовке мифонимы ограничиваются именами персонажей античной мифологии [27, с. 592].

При всех достоинствах ономастического подхода он не учитывает тот факт, что значительный пласт мифологической лексики представлен нарицательными единицами, которые также выполняют функцию вербализации мифологического содержания. Пример славянских «полуночниц» показывает, что наряду с индивидуализированными именами (Маврея, Шутуха-бутуха) в системе мифологических представлений функционируют и обобщённые нарицательные обозначения, объединяющие целый класс персонажей [17, с. 212–213].

Лингвокультурный подход предлагает более гибкую трактовку, согласно которой мифоним понимается как «лексическая единица мифического содержания» [46, p. 251; 33, с. 31], включающая как собственные, так и нарицательные имена. Такой подход позволяет охватить не только имена персонажей, но и номинации животных, артефактов, локусов и иных элементов мифологической реальности, обладающих символической и культурной значимостью. С когнитивной точки зрения мифонимы рассматриваются как результат вербализации элементов мифологической картины мира, что обусловливает их семантическую насыщенность и культурную маркированность [12; 19]. Значительная часть мифонимов формируется посредством антропоморфизации, т.е. наделения вымышленных сущностей человеческими качествами, что облегчает их интерпретацию [6, с. 3838].

Особого внимания заслуживает трактовка мифонима как сложного знакового комплекса, в котором совмещаются несколько смысловых планов: персонифицированное имя и его символические интерпретации [36, с. 51]. Мифоним как «символьное имя», выполняющее не столько прямую номинативную, сколько описательно-репрезентативную функцию, рассматривается и в современных исследованиях [19]. В результате мифоним предстаёт как многослойный семиотический феномен, где одному означаемому соответствуют несколько смысловых компонентов.

Важным методологическим основанием выступает разграничение понятий «мифологема» и «мифоним» в рамках оппозиции плана содержания и плана выражения. Мифологема представляет собой когнитивно-смысловую единицу — обобщённое мифологическое знание, включающее архетипические образы, сценарии и ценностные установки. Мифоним же функционирует как языковая форма актуализации мифологемы, обеспечивая её вербализацию в дискурсе [46; 33; 36]. При этом мифологема задаёт концептуально-смысловую основу, а мифоним выполняет скорее функцию её лексической репрезентации.

На основе проведённого анализа в рамках настоящего исследования под *мифонимом* понимается *лексическая единица*, *репрезентирующая элементы мифологической картины мира и функционирующая как языковой актуализатор мифологемы*, *обладающая культурно-семантической и символической нагрузкой и обеспечивающая вербализацию как традиционных*, *так и авторски сконструированных мифологических представлений в различных типах дискурса*. Предложенное определение носит функциональный характер и может быть уточнено применительно к конкретным типам дискурса — в частности, к игровому, где мифонимы приобретают

дополнительные прагматические и семиотические характеристики, связанные с интерактивностью и конструированием вторичных мифологических реальностей.

Исходя из предложенного выше определения мифонима, обратимся к описанию его типологических признаков, конкретизируя их функциональную природу в игровом дискурсе. В качестве основных признаков мифонимов исследователи выделяют прецедентность [22; 27; 41], символичность [19; 32; 36] и культурную маркированность [22; 12; 46].

Прецедентность мифонимов проявляется в их способности соотносить обозначаемый объект с широко известным культурным или историческим контекстом. Как отмечает Ю.Н. Караулов, введение понятия прецедентности предполагает, что с именем героя в процессе восприятия актуализируется весь прецедентный текст [13, с. 218]. Исследователи подчёркивают высокую ассоциативную нагрузку мифонимов: будучи знаком, мифоним обращается к коллективной памяти, архетипам и символам, сложившимся в культуре [22, с. 610–611]. Так, среди выделенных в ходе исследования мифоантропонимов встречается имя персонажа John “Silver” Wilson по прозвищу Long John. Данные мифоантропонимы могут быть рассмотрены в качестве «прецедентных имён» или «когнитивных трансформ», сложившихся в результате «семантической деривации во взаимодействии с прагматическими факторами» [7, с. 57]. Они представляют собой прямую отсылку к главному антагонисту «Острова Сокровищ» — Долговязому Джону Сильверу.

С прецедентностью тесно связаны *символичность* и культурная маркированность, где первая заключается в способности мифонимов выступать в качестве «языкового знака, наделённого символическим значением» [32, с. 126–127]. Наряду с номинативной функцией мифонимы выполняют характеризующую, поэтому их нередко называют «символическими именованиями» [19], т.е. лингвистическими единицами, призванными не только называть вымышленный субъект, но и передавать скрытый смысл или идею. Так, в НРИ «Cyberpunk 2020» упоминается мифоним Gargoyles (Гаргульи), номинирующий стаю строителей-кочевников. В европейской средневековой традиции гаргульи — это уродливые каменные изваяния на фасадах готических соборов, наделённые двойственной семантикой, т.к. служат утилитарным инженерным элементом для отвода воды и одновременно отпугивают злых духов. В анализируемой НРИ мифосоционим «Гаргульи» отражает тип профессиональной деятельности персонажей и их поведенческие характеристики, где каждый представитель стаи, подобно каменным стражам соборов, защищает свою территорию, конвой и клан, готовый стоять насмерть за безопасность общины.

Исследователи сходятся во мнении, что мифонимы выполняют роль ключа к культурному коду народа и транслируют соответствующий набор аксиологических модусов. *Культурной маркированности* мифонимов, в том числе в составе фразеологических единиц, уделяется значительное внимание в научной литературе. В этом случае оним не столько обозначает, сколько передаёт архетипический смысл в силу своей культурной значимости [22, с. 611]. Так, анализу подвергались античные мифонимы в новогреческом языке [41], мифонимы выступают в качестве актуализаторов горной мифонимии Урала [12] и Западной Сибири, закреплены в русскоязычных фольклорных текстах [37], встречается и мифонимика тюркских языков [6].

Необходимо отметить, что в современной лингвистике единая типология мифонимов пока ещё не сформировалась. Тем не менее в филологической литературе сформировался ряд подходов, дифференцирующих мифонимы по генезису [22],

характеру номинации, способу образования [3; 30] и типу денотативной референции [20; 46; 34].

В современных исследованиях мифонимы классифицируют по источнику происхождения на фольклорные и авторские, а по культурно-историческому источнику или принадлежности к той или иной мифологической системе на древнегреческие, римские, скандинавские, славянские и т.д. [22, с. 610]. Однако одной из активно разрабатываемых типологий мифонимов является их деление по способу образования, согласно которому выделяются группы мифонимов, образованные путём семантической и морфологической деривации [3]. Семантическая деривация предполагает образование мифонимов посредством изменения значения закреплённого в английском языке слова. Например, в английских народных поверьях встречается слово will-o-the-wisp (блуждающие огоньки), которым именуют ночное мистическое свечение как проявление злобных духов или душ грешников, уводящих путников с безопасного пути. В НРИ «Cyberpunk RED» мифоним Wisp обозначает компьютерную программу, цель которой запутать хакера и лишить возможности действовать. Под морфологической деривацией понимаются различные варианты словообразования, в том числе путём словосложения, конверсии, аффиксации, аббревиации т.д. [3]. Так, с помощью словосложения образован мифоним MetaKey (название дрейфующего города, расположенного в Мексиканском заливе в Северной Америке), а с помощью конверсии образован мифоним Wilding, обозначающий ритуал, когда молодые кочевники познают на практике, как живут жители городов. Таким словом данный ритуал в вымышленном мире назвали настроенные против кочевников СМИ, поскольку в современном английском языке wilding обозначает вспышки криминальной активности и насилия в молодёжной среде.

По характеру номинации нами выделяются имена собственные (Arasaka) и имена нарицательные (statics или cyberpsychos). Мифонимом Arasaka обозначается придуманная авторами НРИ «Cyberpunk 2020» старейшая мегакорпорация на планете, крупнейший дистрибьютор товаров японского производства на европейском, американском и азиатском рынках. Статиками в мире киберпанка называют оседлых жителей городов, а киберпсихопатами — людей, утративших чувство идентичности как личности и приобретших определённые психопатические наклонности из-за обилия имплантированной кибернетики.

По структуре мифонимы делят на одночленные, двучленные и многочленные [30, с. 137]. В качестве примеров многочленных мифонимов среди выделенных единиц в англоязычных НРИ можно привести названия вымышленных исторических событий (The First Corporate War / Первой Корпоративной Войны), стран (Union of Sovereign Soviet Republics (USSR) / Союз Суверенных Советских Республик (СССР)). Примерами двучленных мифонимов являются названия городов (Night City / свободный город Найт-Сити, автономного города-государства и основного места действия франшизы «Cyberpunk»).

Чаще всего типология мифонимов зиждется на типе денотата и, следуя терминологическому алгоритму, принятому в ономастике [34], выделяют группы мифонимов в зависимости от предметно-понятийной составляющей вымышленного онима. Так, имена вымышленных героев относят к мифоантропонимам, персонажей к мифоперсонимам, животных к мифозоонимам [46, с. 254], названия вымышленных географических объектов к мифотопонимам, которые в свою очередь делят на астионимы (названия городов), хоронимы (названия стран), гидронимы (собственные имена водных объектов) и оронимы (названия гор) [21, с. 119]. Анализ 280 мифонимов

НРИ позволяет заключить, что большую часть составляют две группы: мифосоционимы или номинации социальных групп и мифотехнонимы — названия технических объектов игрового мира. Мифозоонимы и мифофитонимы обнаружены при этом не были. Возможно, это объясняется жанровыми характеристиками киберпанка, в произведениях которого описывается эпоха постапокалипсиса, мрачного технически перегруженного мира, сфокусированного на взаимодействии человека и технологий. В этом игровом мире природа представлена в искажённом, модифицированном технологиями виде, животный и растительный мир находятся на втором плане или не упоминаются вовсе.

Среди множества мифов и легенд, существующих на протяжении всей истории человечества, на современном этапе мифология является наиболее влиятельной в игровом дискурсе, что объясняет исследовательский интерес лингвистов на протяжении уже долгого времени [28; 45; 47]. Далее обратимся к рассмотрению понятия игрового дискурса и продемонстрируем примеры использования мифонимов.

Под ***игровым дискурсом*** понимается дискурс настольных ролевых игр (НРИ) — текст, созданный авторами-разработчиками для игрового общения в рамках пользовательского интерфейса, когда в «образно-символической или мифической реальности» [2, с. 42] участники коммуникации погружаются в воображаемый игровой мир, где именно лексика позволяет раскрыть основное значение понятия игра [14]. При этом из анализа исключаются тексты, создаваемые игроками в процессе виртуальной игры (обсуждения, реплики, посты на форумах). В исследованиях последнего десятилетия учёными отмечаются следующие основные характеристики игрового дискурса: интерактивность, нелинейность [5; 26; 42], интертекстуальность, фрагментарность [23; 25; 44] и полижанровость [8]. Данный набор признаков в дальнейшем может быть дополнен, поскольку границы игрового дискурса как анализируемого объекта размыты. Далее кратко остановимся на них.

Интерактивность проявляется в том, что игроки одновременно играют, наблюдают за своим игровым представлением и становятся соавторами игры [5, с. 316]. Разработчики предоставляют механики для отыгрыша персонажей, но игроки могут изменять события, персонажей и даже правила, если стремятся к иному игровому опыту. Игроки используют представленную в игре информацию по своему усмотрению. Например, «вырезать» определённые события, имевшие значение для сеттинга, добавлять или убирать персонажей, значимых для данного мира. Даже правила могут быть целиком переработаны, если игроки стремятся к получению иного игрового опыта, не совпадающего с видением автора. Игроки могут вести игру по своему желанию и добавлять в нее собственные идеи. *Нелинейность* предполагает свободу выбора пути, вариативность прохождения и дополнительные квест-испытания [5, с. 317]. Многие исследователи связывают нелинейность с гипертекстуальностью [26; 42], понимаемой как возможность перемещения между частями текста [26, с. 117] и нелинейно организованный объём информации, связанный гиперссылками [42, с. 107]. *Гипертекстуальность и интертекстуальность* следует разграничивать, т.к. гипертекстуальность свойственна преимущественно электронным текстам, что обеспечивает переход по гиперссылкам и включение мультимедиа. Интертекстуальность, в свою очередь, характерная для печатных текстов, позволяет отсылать к другим текстам и тем самым направляет читателя, что соотносимо с диалогичностью М.М. Бахтина, согласно которой любые тексты обнаруживают диалогичные отношения при смысловой конвергенции [1, с. 303]. Следующей важной характеристикой игрового дискурса является *фрагментарность*, то есть наличие в

основном тексте дополнений вне общего повествования (газетные статьи, заметки на полях, мысли персонажей). О.В. Лутовинова определяет фрагментарность как расположение информации в виде «гнёзд» или «звеньев-фрагментов», позволяющее читать текст с любого фрагмента [23, с. 56]. Примером служит вступление к НРИ «Cyberpunk 2020», где параллельно с основным повествованием даётся историческая справка: страницы визуально разделены на нарратив и справочную информацию с перекрёстными ссылками.

В игровом дискурсе НРИ мифонимы могут быть как общеизвестными универсальными символами, закреплёнными в «общеевропейском культурном коде» [22, с. 611], так и демонстрировать национально-культурную специфику мифологий разных регионов. Например, мифоним Efreet (Ифрит) отсылает игрока к арабской мифологии. В НРИ «Cyberpunk RED» мифотехноним Efreet обозначает программу автоматической защиты старшего порядка (в терминологии игры — Демона), карающую и испепеляющую силу в киберпространстве. Данные характеристики коррелируют с прототипичными качествами ифритов — духов подземного мира, созданных из чистого бездымного огня, отличающихся колоссальной силой и злобой. Мифоним Efreet чётко актуализирует функциональные характеристики программы: подобно тому, как ифриты в мифологии служат Иблису, программа функционирует в рамках виртуальной инфраструктуры NET (СЕТь) — специфической формы глобальной информационной среды. Несмотря на терминологическое сходство с понятием сети интернет, функционально NET в НРИ ближе к мифологеме «матрицы», известной по одноимённому фильму. В жанре киберпанк «искины» (искусственные интеллекты) воспринимают людей как аномалии в цифровой среде и проявляют к ним враждебность, что формирует представление о СЕТи как о потенциально опасной зоне.

Специфика игрового дискурса в НРИ заключается в том, что маркеры разных культур смешиваются в рамках одного игрового мира и выступают в качестве конструктов вторичной мифологической реальности — переосмысленной в вымышленной игровой реальности или «некомпьютерной виртуальной реальности» [15, с. 26]. Разработчики НРИ и игроки становятся соавторами уникального семиотического пространства, где культурные коды разных культур изымаются из первичного контекста и искусственно соединяются в рамках единого нарратива. В качестве подтверждения вышесказанного приведём следующие примеры.

- Мифотехноним Kraken (Кракен) отсылает к скандинавской мифологии и морскому чудовищу. В НРИ эта программа блокирует попытку хакера сбежать из киберпространства, лишая его тактических возможностей.
- Мифотехноним Hellhound (Адская гончая) актуализирует христианскую мифологию (пёс, стерегущий врата преисподней). В игре это программа поиска нетраннеров, преследующая и уничтожающая их.
- Мифотехноним Asp (Аспид), восходящий к древнеегипетской мифологии (змей — защитный символ фараонов), в НРИ представляет собой «спящую» в коде программу, которая подобно укусу змеи лишает хакера активных инструментов взлома.

Будучи культурными маркерами разных мифологий — скандинавской, христианской, египетской — названные мифотехнонимы функционируют в виртуальном пространстве НРИ как лингвистические единицы одного порядка, актуализирующие универсальную мифологему «опасность». Тем самым авторы и разработчики НРИ обогащают английский язык за счёт мифонимов, смешивают культурные коды разных стран в рамках единого вымышленного мира, что в условиях

глобализации можно рассматривать как проявление мультикультурализма в игровом дискурсе.

Заключение. Проведённое исследование позволило решить поставленные задачи. Мифоним определён как лексическая единица, актуализирующая мифологему и обеспечивающая вербализацию как традиционных, так и авторски сконструированных мифологических представлений в виртуальном пространстве. Данное понимание позволило разграничить понятия «мифологема» и «мифоним» в аспекте соотношения плана содержания и плана выражения, что представляется значимым для дальнейшего развития лингвосемиотического подхода к исследованию игровых миров.

В процессе анализа 280 мифонимов, извлечённых из англоязычных текстов НРИ «Cyberpunk 2020», «Cyberpunk RED», «Neotribes», выявлены и описаны их типологические признаки. Установлено, что ключевыми характеристиками мифонимов выступают прецедентность, символичность и культурная маркированность. Обоснована типология мифонимов по способу образования (семантическая и морфологическая деривация), по характеру номинации (собственные и нарицательные имена), по структуре (одночленные, двучленные, многочленные) и по типу денотата (мифоантропонимы, мифосоционимы, мифотехнонимы и др.). Установлено доминирование мифосоционимов и мифотехнонимов, что объясняется жанровой спецификой киберпанка. Проведённое исследование показало, что мифонимы обладают высокой семиотической ёмкостью и функционируют не только как номинативные единицы, но и как средства передачи архетипических смыслов, ценностных установок и культурных кодов. На материале мифотехнонимов и мифоантропонимов было продемонстрировано, что мифологические номинации обеспечивают формирование целостной семиосферы игрового мира и способствуют погружению участников коммуникации в виртуальную реальность.

Игровой дискурс НРИ представляет собой пространство активного взаимодействия различных культурных традиций, в рамках которого мифонимы разных мифологических систем интегрируются в единый нарратив и формируют вторичную мифологическую реальность. Тем самым мифонимы выполняют не только эстетическую и прагматическую функции, но и выступают инструментом межкультурной репрезентации и неомифологического моделирования. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением материала за счёт других жанров игрового дискурса, включая компьютерно-ролевые игры и многопользовательские онлайн-игры, а также с изучением прагматического потенциала мифонимов в межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. — М. : Искусство, 1979. — С. 300–307.
2. Белокопытова, И. Г. Образно–символическая реальность и методы решения непарадигмальных научных проблем // Вестник Московского государственного университета леса. — Лесной вестник. — 2013. — № 5. — С. 42–48.
3. Белоусова В. В. Критерии определения неомифонимов в фантастических жанрах XX–XXI вв. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2016. — № 3 (107). — С. 191–197.
4. Виртуальное коммуникативное взаимодействие и конструирование имиджа : коллективная монография / А. В. Ленец, А. В. Алексеев, В. О. Радищева (и др.). — Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2018. — 190 с.

5. Волкова И. И. Компьютерные игры и новые медиа: игровой подход к коммуникациям в виртуальном пространстве // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. — 2017. — № 2. — С. 257–265.
6. Гилазова Г. С. Истоки развития и современное состояние тюркской мифонимики: системный обзор / Г. С. Гилазова, Д. Н. Демираг, А. А. Данилов, Ю. Н. Исаев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, № 11. — С. 3837–3843. — URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 26.02.2025).
7. Голубева Н. А. Прецедент и прецедентность в лингвистике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2008. — № 3–2. — С. 56–61.
8. Енбаева Л. В. Дискурсивные характеристики компьютерных игр: сопоставительный анализ / Л. В. Енбаева, Ю. С. Ханжин // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2018. — № 4. — С. 113–122.
9. Еременко М. В. Мифопоэтика творчества Леонида Андреева, 1908–1919 гг. : специальность 10.01.01 «Русская литература» : дис. … канд. филол. наук / Еременко Мария Владимировна. — Саратов, 2001. — 185 с.
10. Житенев А. А. Нео-мифо-логика: опыт уточнения современной исследовательской терминологии / А. А. Житенев, Е. С. Стрельникова // Научный диалог. — 2022. — № 5. — С. 49–65. — URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 10.03.2026).
11. Захарова Д. В. Семантические особенности квазиантропонимов в текстах англоязычных фэнтезийных видеоигр / Д. В. Захарова, Л. М. Бондарева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2024. — Т. 24, № 1. — С. 47–55.
12. Иванова Е. Э. К изучению горной мифонимии Урала: мифонимы, мотивированные социальной лексикой // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2023. — Т. 25, № 4. — С. 234–250.
13. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — 6-е изд. — М.: ЛКИ, 2007. — 264 с.
14. Карпенко А.В. Карточная игра в XIX веке как лингвокультурный феномен / А. В. Карпенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 138–149. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19866392
15. Кирик Т. А. Виртуальная реальность игры // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2006. — № 7. — С. 22–26.
16. Козубовская Г. П. Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика / Г. П. Козубовская; Алтайский государственный педагогический университет. — Барнаул: АлтГПУ, 2011. — 318 с.
17. Коновалова Н. И. Мифологема как свернутый сакральный текст // Политическая лингвистика. — 2013. — № 4. — С. 209–215.
18. Кошарная С. А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. — 287 с.
19. Кошарная С. А. Миф как метафора // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2020. — Т. 11, № 3. — URL: https://sfk–mn.ru/PDF/30FLSK320.pdf (дата обращения: 23.05.2026).
20. Кучешева И. Л. Анализ топонимов и антропонимов в составе мифонимов библейского происхождения через призму лингвокультурологии (на материале английского и немецкого языков) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2017. — № 3. — С. 118–125.
21. Кучешева И. Л. Мифонимы античного происхождения для обозначения астрономических объектов, минералов и химических элементов (на материале английского и немецкого языков) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2018. — № 1 (18). — С. 67–69.
22. Кучура Е. В. Мифоним как объект лингвистического описания // Научный дискурс: определение, конститутивные и системообразующие признаки. — Минск: БГУ, 2025. — С. 609–615.
23. Лутовинова О. В. Коммуникативное пространство виртуальной языковой личности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2012. — № 11 (75). — С. 56–59.
24. Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие. — М. : Академия, 2001. — 208 с.
25. Минеева М. В. Лингвистический гипертекст как способ декодирования информации : монография. — Челябинск: Искра-Профи, 2017. — 178 с.
26. Морквина Е. А. Нарративная структура книги-игры как разновидности гипернарратива // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2023. — № 81. — С. 113–131.
27. Мурясов, Р. З. Мифонимы в системе языка // Вестник Башкирского университета. — 2015. — Т. 20, № 3. — С. 952–956.

28. Наумчик О. С. Миромоделирующие функции игры в художественной системе английского фэнтези: специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» : дис. … д–ра филол. наук / Наумчик Ольга Сергеевна. — Н. Новгород, 2020. — 395 с.
29. Новикова О. Н. Игровая деятельность человека в пространстве виртуальной реальности // Социум и власть. — 2018. — № 6 (74). — С. 35–41.
30. Ощепкова В. В. Динамика развития ономастического пространства британской и русской волшебной сказки / В. В. Ощепкова, Н. В. Соловьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12, № 6. — С. 106–111.
31. Пантюхина Т. Л. Мифотворчество как состояние культуры // Вестник Курганского государственного университета. — 2011. — № 3 (22). — С. 45–49.
32. Переволочанская С. Н. Символическая компонента мифонимов в языке А. С. Пушкина // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи. — Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2009. — Вып. 2. — С. 124–133.
33. Плахова О. А. Мифоконцепт, мифологема, мифоним, мифолексема: к вопросу об унификации терминологического разнообразия // Карельский научный журнал. — 2013. — № 2. — С. 30–33.
34. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
35. Рогов И. И. Гейминг в его социальном и политическом контексте последних лет // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2023. — Т. 13, № 3. — С. 112–118.
36. Руберт И. Б. Мифологема как знак языка и посредник культур // Гуманитарные науки и гуманитарное образование: сборник статей. — СПб.: Береста, 2003. — С. 151–155.
37. Рымарева Е. Н. Архетипы и мифологемы в литературных михах Е. Д. Айпина «Масай–богатырь» и М. К. Анисимковой «Танья-богатырь» / Е. Н. Рымарева, А. В. Себелева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 6–2 (72). — С. 49–52.
38. Скуридина С. А. Специфика терминологии литературной ономастики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2020. — № 1 (36). — С. 105–117.
39. Стоянова Е. В. Мифологема как культурная основа концептуализации действительности (на материале русского и болгарского языков) // Многоязычие в образовательном пространстве. — 2018. — № 10. — С. 104–111.
40. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — М.: Наука, 1973. — 366 с.
41. Тресорукова И. В. Библейские имена собственные в греческой фразеологической картине мира // Rhema. Рема — 2019. — № 3. — С. 101–114.
42. Шехтман Н. А. Проблема понимания речевого произведение и гипертекст / Н. А. Шехтман. — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. — 168 с.
43. Abduolimova M. Lexical and Semantic Features of Mythonyms in the Harry Potter Series // Scientific Work. — 2025. — Vol. 19, No. 2. — P. 60–67.
44. Ensslin A. The Language of Gaming. — UK: Palgrave Macmillan, 2012. — 224 p.
45. Mackay D. The Fantasy Role–Playing Game: A New Performing Art. — Jefferson, NC : McFarland & Company, 2001. — 198 p.
46. Matvienko E. V. Adapting Korean Mythological Character Names into English Texts // European Researcher. — 2014. — No. 2–1 (68). — P. 251–255.
47. Nohr R. F. Strategy Computer Games and Discourses of Geopolitical Order // Eludamos. Journal for Computer Game Culture. — 2010. — Vol. 4, No. 2. — P. 181–195.
48. Spotlight on Mythoconcepts in a Digital Context / E. M. Shevchenko, O. N. Prokhorova, I. V. Chekulai (et al.) // Perishable and Eternal: Mythologies and Social Technologies of Digital Civilization: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Veliky Novgorod, November 22–23, 2021) — European Publisher, 2021. — P. 516–522.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

49. Pondsmith M. Cyberpunk 2020 / M. Pondsmith, C. Fisk, W. Moss [et al.]. — Berkeley, CA : R. Talsorian Games Inc., 1990. — 246 p. — ISBN 0-937-279-13-7
50. Pondsmith M. Cyberpunk RED / M. Pondsmith, J. Hutt, C. Pondsmith [et al.]. — Kirkland, WA : R. Talsorian Games Inc., 2020. — 455 p. — ISBN 978-1-950911-06-6
51. Winn R. Neo Tribes: The Nomads of North America / R. Winn, E. Oppen. - Berkeley, CA : R. Talsorian Games Inc. , 1995. — 96 p. — ISBN 0-937-279-72-2

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. (1979). Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza [The Problem of the Text in Linguistics, Philology, and Other Human Sciences: An Essay in Philosophical Analysis]. In M. M. Bakhtin, Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity] (pp. 300–307). Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
2. Belokopytova I.G. (2013). Obrazno-simvolicheskaya real'nost' i metody resheniya neparadigmal'nykh nauchnykh problem [Image-Symbolic Reality and Methods for Solving Non-Paradigmatic Scientific Problems]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa — Lesnoi vestnik [Forestry Bulletin], 5, 42–48. (In Russian).
3. Belousova V.V. (2016). Kriterii opredeleniya neomifonimov v fantasticheskikh zhanrakh XX–XXI vv. [Criteria for Identifying Neomythonyms in Fantasy Genres of the 20th–21st Centuries]. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University], 3(107), 191–197. (In Russian).
4. Lenets A.V., Alekseev, A. V., Radishcheva, V. O., et al. (2018). Virtual'noe kommunikativnoe vzaimodeistvie i konstruirovanie imidzha [Virtual Communicative Interaction and Image Construction]. Rostov-on-Don: Mini Taip. (In Russian).
5. Volkova I.I. (2017). Komp'yuternye igry i novye media: igrovoi podkhod k kommunikatsiyam v virtual'nom prostranstve [Computer Games and New Media: A Game-Based Approach to Communications in Virtual Space]. Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2, 257–265. (In Russian).
6. Gilazova G. S., Demirag, D. N., Danilov, A. A., &Yu. N. (2023). Istoki razvitiya i sovremennoe sostoyanie tyurkskoi mifonimiki: sistemnyi obzor porigins and Current State of Turkic Mythonymy: A Systematic Review]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice], 16(11), 3837–3843. Retrieved from cyberleninka.ru. (In Russian).
7. Golubeva N.A. (2008). Pretsedent i pretsedentnost' v lingvistike [Precedent and Precedentness in Linguistics]. Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of Vyatka State Humanities University], 3–2, 56–61. (In Russian).
8. Enbaeva L.V., & Khanzhin, Yu. S. (2018). Diskursivnye kharakteristiki komp'yuternykh igr: sopostavitel'nyi analiz [Discursive Characteristics of Computer Games: A Comparative Analysis]. Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin], 4, 113–122. (In Russian).
9. Eremenko M. V. (2001). Mifopoetika tvorchestva Leonida Andreeva, 1908–1919 gg. [Mythopoetics of Leonid Andreyev's Works, 1908–1919] (Candidate dissertation). Saratov. (In Russian).
10. Zhitenev A.A., & Strel'nikova, E. S. (2022). Neo-mifo-logika: opyt utochneniya sovremennoi issledovatel'skoi terminologii [Neo-Mytho-Logic: An Attempt to Clarify Contemporary Research Terminology]. Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue], 5, 49–65. Retrieved from https://cyberleninka.ru (In Russian).
11. Zakharova D.V., & Bondareva, L. M. (2024). Semanticheskie osobennosti kvaziantroponimov v tekstakh angloyazychnykh fenteziinykh videoigr [Semantic Features of Quasi-Anthroponyms in English-Language Fantasy Video Games]. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanitarian and Social Sciences], 24(1), 47–55. (In Russian).
12. Ivanova E.E. (2023). K izucheniyu gornoi mifonimii Urala: mifonimy, motivirovannye sotsial'noi leksikoi [Towards the Study of Ural Mountain Mythonymy: Mythonyms Motivated by Social Vocabulary]. Izvestiya UrFU. Seriya 2: Gumanitarnye nauki [Izvestia Ural J eral University. Series 2: Humanities and Arts], 25(4), 234–250. (In Russian).
13. Karaulov Yu.N. (2007). Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian Language and Linguistic Personality] (6th ed.). Moscow: LKI. (In Russian).
14. Karpenko A.V. (2026). Kartochnaya igra v XIX veke kak lingvokul'turnyi fenomen [Card Games in the 19th Century as a Linguocultural Phenomenon]. Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D. Filologiya i psikhologiya [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology], 2, 138–149. https: //doi.org/10.5281/zenodo.19866392
15. Kirik T.A. (2006). Virtual'naya real'nost' igry [Virtual Reality of the Game]. Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Bulletin of Kurgan State University. Humanities Series], 7, 22–26. (In Russian).
16. Kozubovskaya G.P. (2011). Rubezh XIX–XX vekov: mifi mifopoetika [The Turn of the 19th–20th Centuries: Myth and Mythopoetics]. Barnaul: Altai State Pedagogical University. (In Russian).

17. Konovalova N.I. (2013). Mifologema kak svernutyi sakral'nyi tekst [Mythologeme as a Compressed Sacred Text]. Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics], 4, 209–215. (In Russian).
18. Kosharnaya S.A. (2002). Mifi yazyk: opyt lingvokul'turologicheskoi rekonstruktsii russkoi mifologicheskoi kartiny mira [Myth and Language: An Attempt at Linguocultural Reconstruction of the Russian Mythological Worldview]. Belgorod: Belgorod State University Publishing House. (In Russian).
19. Kosharnaya S.A. (2020). Mif kak metafora [Myth as Metaphor]. Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies], 11(3). Retrieved from https://sfk-mn.ru/PDF/30FLSK320.pdfa. (In Russian).
20. Kuchesheva I.L. (2017). Analiz toponimov i antroponimov v sostave mifonimov bibleiskogo proiskhozhdeniya cherez prizmu lingvokul'turologii (na materiale angliiskogo i nemetskogo yazykov) [Analysis of Toponyms and Anthroponyms within Biblical Mythonyms through the Lens of Linguocultural Studies (Based on English and German)]. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanitarian and Social Sciences], 3, 118–125. (In Russian).
21. Kuchesheva I.L. (2018). Mifonimy antichnogo proiskhozhdeniya dlya oboznacheniya astronomicheskikh ob"ektov, mineralov i khimicheskikh elementov (na materiale angliiskogo i nemetskogo yazykov) [Mythonyms of Classical Origin Used for Naming Astronomical Objects, Minerals, and Chemical Elements (Based on English and German)]. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya [Omsk State Pedagogical University Bulletin. Humanities Research], 1(18), 67–69. (In Russian).
22. Kuchura E.V. (2025). Mifonim kak ob"ekt lingvisticheskogo opisaniya [Mythonym as an Object of Linguistic Description]. In Nauchnyi diskurs: opredelenie, konstitutivnye i sistemoobrazuyushchie priznaki [Scientific Discourse: Definition, Constitutive and System-Forming Features] (pp. 609–615). Minsk: Belarusian State University. (In Russian).
23. Lutovinova O.V. (2012). Kommunikativnoe prostranstvo virtual'noi yazykovoi lichnosti [Communicative Space of the Virtual Linguistic Personality]. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University], 11(75), 56–59. (In Russian).
24. Maslova V.A. (2001). Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. Moscow: Akademiya. (In Russian).
25. Mineeva,M.V. (2017). Lingvisticheskii gipertekst kak sposob dekodirovaniya informatsii [Linguistic Hypertext as a Means of Decoding Information]. Chelyabinsk: Iskra-Profi. (In Russian).
26. Morkvina E.A. (2023). Narrativnaya struktura knigi-igry kak raznovidnosti gipernarrativa [Narrative Structure of the Gamebook as a Form of Hypernarrative]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology], 81, 113–131. (In Russian).
27. Muryasov R.Z. (2015). Mifonimy v sisteme yazyka [Mythonyms in the Language System]. Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University], 20(3), 952–956. (In Russian).
28. Naumchik O.S. (2020). Miromodeliruyushchie funktsii igry v khudozhestvennoi sisteme angliiskogo fentezi [World-Modelling Functions of the Game in the Artistic System of English Fantasy] (Doctoral dissertation). Nizhny Novgorod. (In Russian).
29. Novikova O.N. (2018). Igrovaya deyatel'nost' cheloveka v prostranstve virtual'noi real'nosti [Human Gaming Activity in the Space of Virtual Reality]. Sotsium i vlast [Society and Power], 6(74), 35–41. (In Russian).
30. Oshchepkova V.V., & Solov'eva, N. V. (2019). Dinamika razvitiya onomasticheskogo prostranstva britanskoi i russkoi volshebnoi skazki [Development Dynamics of the Onomastic Space in British and Russian Fairy Tales]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice], 12(6), 106–111. (In Russian).
31. Pantyukhina T.L. (2011). Mifotvorchestvo kak sostoyanie kul'tury [Mythmaking as a State of Culture]. Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kurgan State University], 3(22), 45–49. (In Russian).
32. Perevolochanskaya S.N. (2009). Simvolicheskaya komponenta mifonimov v yazyke A. S. Pushkina [The Symbolic Component of Mythonyms in the Language of A. S. Pushkin]. In Semantika i funktsionirovanie yazykovykh edinits v raznykh tipakh rechi [Semantics and Functioning of Language Units in Different Types of Speech] (Issue 2, pp. 124–133). Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University. (In Russian).
33. Plakhova O.A. (2013). Mifokontsept, mifologema, mifonim, mifoleksema: k voprosu ob unifikatsii terminologicheskogo raznoobraziya [Myth Concept, Mythologeme, Mythonym, Mytholexeme: On the Unification of Terminological Diversity]. Karel"ski nauchnyi zhurnal [Karelian Scientific Journal], 2, 30–33. (In Russian).

34. Podol'skaya N.V. (1988). Slovar russkoi onomasticheskoi terminologii [Dictionary of Russian Onomastic Terminology] (2nd ed.). Moscow: Nauka. (In Russian).
35. Rogov I.I. (2023). Geiming v ego sotsial'nom i politicheskom kontekste poslednikh let [Gaming in Its Recent Social and Political Context]. Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], 13(3), 112–118. (In Russian).
36. Rubert I.B. (2003). Mifologema kak znak yazyka i posrednik kul'tur [Mythologeme as a Linguistic Sign and a Mediator between Cultures]. In Gumanitarnye nauki i gumanitarnoe obrazovanie [Humanities and Humanitarian Education] (pp. 151–155). Saint Petersburg: Beresta. (In Russian).
37. Rymareva E.N., & Sebeleva, A. V. (2017). Arkhetipy i mifologemy v literaturnykh mifakh E. D. Aipina "Masai-bogatyr"" i M. K. Anisimkovoi "Tan'ya-bogatyr"" [Archetypes and Mythologemes in the Literary Myths of E. D. Aipin's Masai-Bogatyr and M. K. Anisimkova's Tanya-Bogatyr]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology, Theory & Practice], 6–2(72), 49–52. (In Russian).
38. Skuridina S.A. (2020). Spetsifika terminologii literaturnoi onomastiki [Specific Features of Literary Onomastics Terminology]. Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki [Current Issues of Modern Philology and Journalism], 1(36), 105–117. (In Russian).
39. Stoyanova E.V. (2018). Mifologema kak kul'turnaya osnova kontseptualizatsii deistvitel'nosti (na materiale russkogo i bolgarskogo yazykov) [Mythologeme as a Cultural Basis for the Conceptualization of Reality (Based on Russian and Bulgarian)]. Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve [Multilingualism in Educational Space], 10, 104–111. (In Russian).
40. Superanskaya A.V. (1973). Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [General Theory of the Proper Name]. Moscow: Nauka. (In Russian).
41. Tresorukova I.V. (2019). Bibleiskie imena sobstvennye v grecheskoi frazeologicheskoi kartine mira [Biblical Proper Names in the Greek Phraseological Worldview]. Rhema, 3, 101–114. (In Russian).
42. Shekhtman N.A. (2005). Problema ponimaniya rechevogo proizvedeniya i gipertekst [The Problem of Understanding a Speech Product and Hypertext]. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University Publishing House. (In Russian).
43. Abduolimova M. (2025). Lexical and Semantic Features of Mythonyms in the Harry Potter Series. Scientific Work, 19(2), 60–67.
44. Ensslin A. The Language of Gaming (2012). UK: Palgrave Macmillan, 224.
45. Mackay D. The Fantasy Role–Playing Game: A New Performing Art. (2001). Jefferson, NC: McFarland & Company, 198.
46. Matvienko E.V. Adapting Korean Mythological Character Names into English Texts. (2014). European Researcher, 2–1(68), 251–255.
47. Nohr R. F. Strategy Computer Games and Discourses of Geopolitical Order. (2010). Eludamos. Journal for Computer Game Culture, 4(2), 181–195.
48. Shevchenko E.M., Prokhorova O. N., Chekulai I. V., et al. Spotlight on Mythoconcepts in a Digital Context (2021). Perishable and Eternal: Mythologies and Social Technologies of Digital Civilization: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Veliky Novgorod, November 22–23, 2021), European Publisher, 516–522.

Поступила в редакцию 31.05.2026 г.

LINGUO-SEMIOTIC POTENTIAL OF MYTHONYMS IN ENGLISH-LANGUAGE TABLETOP ROLE-PLAYING GAMES

I.M. Seliverstov*, *A.V. Lenets

The article deals with mythonyms as linguo-semiotic means of verbalizing virtual worlds within the English-language tabletop role-playing game (TRPG) discourse. The relevance of the study is accounted for by the growing role of neo-mythological structures in contemporary culture and a lack of integrated approaches to analyzing mythonyms in gaming discourse. The study is aimed at identifying the typological features of mythonyms and at determining their role in constructing a secondary mythological reality. The research material comprises the texts of English-language cyberpunk tabletop role-playing games (“Cyberpunk 2020”, “Cyberpunk RED”, “Neotribes”), from which 280 mythonymic units were extracted via continuous sampling. The contextual, pragmatic, and linguosemiotic methods of analysis have been applied. The findings indicate that mythonyms possess high semiotic density, perform symbolic, culturally marked, and precedent functions, and serve as a key tool for constructing a cohesive semiotic game space.

***Key words*:** mythonym, mythologeme, gaming discourse, linguosemiotics, virtual world, tabletop role-playing games, English.

Селиверстов Илья Михайлович.
Аспирант.
Южный федеральный университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону.
ORCID 0009-0006-1692-4250.
E-mail: seliverstofi@yandex.ru.

Ленец Анна Викторовна.
Доктор филологических наук, профессор
Южный федеральный университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону.
Зав. кафедрой немецкой филологии.
ORCID 0000-0002-7394-3259.
E-mail: annalenets@sfedu.ru.

Seliverstov Ilya Mikhailovich.
Post-graduate student.
Sothern Federal University, Russian Federation, Rostov on Don.
ORCID 0009-0006-1692-4250.
E-mail: seliverstofi@yandex.ru.

Lenets Anna Viktorovna.
Doctor of Philology, Professor.
Sothern Federal University, Russian Federation, Rostov on Don.
Head of German Philology Department.
ORCID 0000-0002-7394-3259.
E-mail: annalenets@sfedu.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 070:37
DOI: 10.5281/zenodo.22909443

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА)

© 2026 ***М.В. Будник[1], С.А. Неделько[2]***
[1-2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»
ORCID[1]: 0009-0001-4144-8034
ORCID[2]: 0009-0000-1422-9138

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В данном исследовании анализируется эффективность информационно-коммуникативных технологий Московского метрополитена как элемента урбанистической структуры. Актуальность работы обусловлена трансформацией современных городских систем в комплексные медиаплатформы, функционирование которых напрямую определяет качество повседневной жизни. Информационно-коммуникативное пространство Московского метрополитена, в свою очередь, является значимым звеном в обеспечении городской мобильности, что актуализирует необходимость оценки его результативности. В рамках анализа классифицируются используемые Московским метрополитеном инструменты информирования и взаимодействия с аудиторией. На основании предложенной классификации проводится оценка эффективности технологий, реализуемая методом анкетирования жителей Москвы и Московской области. В ходе оценки выдвигается обоснование полученных результатов и делается вывод о качестве функционирования информационно-коммуникативного пространства Московского метрополитена. В заключение предлагаются практические рекомендации по дальнейшему совершенствованию рассмотренных технологий.

Ключевые слова: информационно-коммуникативные технологии, доступность, эргономичность, оперативность, осведомленность, вовлеченность, интерактивность, взаимодействие.

Для цитирования: Будник М.В. Эффективность использования информационно-коммуникативных технологий в современном городском пространстве (на примере Московского метрополитена) / М.В. Будник, С.А. Неделько // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 55–70. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22909443.

Введение. В современном обществе потребление информации становится все более динамичным и непрерывным, соответствующим образом интегрируя различные форматы информационного воздействия и взаимодействия в социально-экономические процессы. Так, городские системы активно используют разнообразные технологии дистрибуции контента и взаимодействия с аудиторией, формируя комплексные информационно-интерактивные экосистемы.

Проблема использования информационно-коммуникативных инструментов в современном городском пространстве относится к числу актуальных в научном дискурсе. Заявлено, что существование «медиаполисов» невозможно без указанных технологий, выступающих в роли функционального (обеспечение безопасности, навигации) и осведомительного (культурно-образовательного, событийного) сопровождения всех городских процессов; при этом ключевой особенностью является

активное взаимодействие реципиентов с медиа, способствующее развитию в мегаполисах комплексных интерактивных медиасистем [1].

Анализируя городскую информационно-коммуникативную среду, отметим, что базовая модель коммуникации, предложенная американским социологом Гарольдом Лассуэллом, строится на таких составляющих, как отправитель — сообщение — канал передачи сообщения — реципиент — результат (эффект) [9]. По нашему мнению, нельзя не упомянуть обратную связь как элемент взаимодействия с аудиторией. В этом ключе следует также обозначить циркулярную модель коммуникации американских исследователей Уилбура Шрамма и Чарльза Осгуда, представляющую обратную связь как обязательный элемент [10].

В современных исследованиях представлен и более предметный анализ заявленной проблемы. Рассматривая метрополитен как значимый элемент городской системы, к. ф. н., Рубас Антон Васильевич предлагает исчерпывающее, на наш взгляд, определение его информационно-коммуникативной модели: «системное информационно-смысловое взаимодействие, имеющее внутренние и внешние уровни коммуникации, направленные с помощью различных медиаканалов на всестороннее и своевременное информирование потребителей услуг подземной транспортной сети, на взаимодействие и установление четкого и конструктивного диалога с пассажирами» [6, с. 23].

Несмотря на изучение технологий информирования и взаимодействия Московского метрополитена, исследования, предметно измеряющие эффективность данных технологий с точки зрения реципиента, остаются малораспространенными. Следует также отметить, что инструменты информирования и коммуникации Московского метрополитена формируют сложную систему, анализ результативности которой может стать концептуальной основой для последующих исследований в этой области. **Целью** данного исследования, таким образом, является оценка эффективности информационно-коммуникативных технологий Московского метрополитена как элемента современного городского пространства, а также разработка практических рекомендаций по совершенствованию их использования.

В **задачи** данной работы входит: 1. разработка классификации информационно-коммуникативных технологий Московского метрополитена; 2. определение параметров оценки эффективности классифицированных технологий; 3. проведение социологического опроса жителей Москвы и Московской области о восприятии информационно-коммуникативного пространства Московского метрополитена; 4. осуществление количественного и качественного анализа полученных данных по выдвинутым параметрам; 5. выявление наименее эффективных технологий Московского метрополитена и факторов, сдерживающих их результативность; 6. формулирование итоговой оценки эффективности информационно-коммуникативной системы Московского метрополитена.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования являются первичные эмпирические данные, полученные в ходе социологического опроса. Выборочная совокупность составляет 100 респондентов. В основе выборки лежит географический критерий (81% — жители Москвы, 19% — жители Московской области), обеспечивающий регулярное использование Московского метрополитена и, как следствие, включенность в его информационно-коммуникативные процессы. Ключевой метод исследования — анкетирование. Инструментарий исследования включает структурированную анкету, содержащую вопросы закрытого типа с бинарными шкалами («да» / «нет») и промежуточно-нейтральными вариантами ответов («в основном да», «в основном нет»). При обработке данных проводится

количественный и качественный анализ. Количественная оценка реализуется методом статистического анализа, в ходе которого выявляется и интерпретируется процентное соотношение по каждой категории ответов. В основе качественного исследования лежит аналитический метод, в рамках которого устанавливается взаимосвязь между полученными оценками и формулируются релевантные практические рекомендации.

Основная часть. Прежде, чем перейти к классифицированию технологий, резюмируем, что информационно-коммуникативное пространство Московского метрополитена представляет собой систему, обеспечивающую мультиканальное, разноцелевое и вариативное информирование реципиентов, в основе которого лежат принципы непрерывного сбора обратной связи и интерактивного взаимодействия с аудиторией для поддержания двустороннего коммуникационного цикла.

Охарактеризовав информационно-коммуникативную систему в целом, проанализируем технологии информирования, которые играют первостепенную роль, обеспечивая функционирование и безопасность Московского метрополитена. В рамках этого предлагаем использовать классификацию по способу воздействия на аудиторию с целью дифференцированного, но вместе с тем комплексного исследования всех форм информационного воздействия. Таким образом, предлагаем разделить информационные технологии на визуальные, аудиальные, контактные, имиджевые и мультимедийные, где последние являются наиболее многообразными, предлагая «полноценное объединение компьютерных и других информационных технологий: видео, аудио, фото, кино, телекоммуникаций (телефон, телевидение, радиосвязь), не говоря уже о тексте и графике, как статической, так и динамической (анимационной)» [2, с. 6].

А. Визуальные технологии:

1. Навигационные элементы (схемы, указатели, информационные табло);
2. Полиграфические изделия (плакаты, постеры, наклейки, пиктограммы);

Б. Аудиальные технологии:

1. Аудиооповещения в переходах, вестибюлях и поездах метро;

В. Контактные технологии:

1. Информационно-справочные стойки «Живое общение»;
2. Колонны экстренного вызова;
3. Системы экстренной связи с машинистом;

Г. Имиджевые технологии:

1. Пресс-туры и пресс-конференции;
2. Работа с блогерами и лидерами мнений;

Д. Мультимедийные технологии:

1. ТВ-мониторы (мультимедиаэкраны) на станциях и поездах;
2. Мультимодальная система навигации;
3. Официальный сайт Московского метрополитена;
4. Мобильное приложение «Метро Москвы»;
5. Официальные группы в социальных сетях и мессенджерах (Vkontakte, Telegram, MAX);
6. Единый транспортный портал.

Перечислив технологии информирования, перейдем к исследованию инструментов взаимодействия с реципиентами, предлагающих «интерактивный (нелинейный) способ предоставления информации» [4, с. 14]. Вместо пассивного, одностороннего восприятия современные реципиенты действительно активно участвуют в информационных процессах — они «не только выступают просто как

получатели информации, но и как активные пользователи, которые могут генерировать различного рода информацию и принимать участие в обсуждении события» [5, с. 56].

Взаимодействие Московского метрополитена с аудиторией реализуется через прямые и косвенные каналы. Прямые предполагают личное, конкретизированное индивидуальной потребностью взаимодействие с реципиентом и соотносятся с контактными технологиями информирования. Косвенные, в свою очередь, имеют массовый характер и реализуются посредством аудиовизуальных, мультимедийных и имиджевых технологий. Важно заметить, что Московский метрополитен осуществляет контакт с аудиторией одновременно через прямые и косвенные каналы, что создает эффект синергии и делает информационно-коммуникативное пространство более насыщенным.

Инструменты взаимодействия, реализуемые посредством контактных технологий, сводятся к диалоговому консультированию в целях решения ситуативного запроса — «"поочередные высказывания" (в широком смысле — от выдачи информации до произведенного действия) каждой из сторон» [7, с. 55]. Их дальнейшее исследование, на наш взгляд, является избыточным. Инструменты взаимодействия, интегрированные в аудиовизуальные технологии, носят односторонний характер, что ограничивает их коммуникативный потенциал и снижает релевантность глубокого анализа. Анализ взаимодействия посредством имиджевых технологий также не представлен далее ввиду непрямого характера коммуникации.

По нашему мнению, наибольший интерес в рамках данной работы представляют коммуникативные технологии, реализуемые в мультимедийной среде, которая наиболее ярким образом демонстрирует возможность «передавать содержание при помощи различных средств информации, доступных для восприятия разными органами человеческих чувств путем интерактивного взаимодействия с аудиторией» [8, с. 87]. Коммуникативный потенциал мультимедийных инструментов отмечает и профессор, доктор культурологии Елинер Илья Григорьевич, указывая на то, что они являются «средством коммуникации, за счет широты охвата, наглядности, аудиовизуальной образности, интерактивности передаваемой информации и оказывают колоссальное влияние как на отдельную личность, так и на все общество в целом» [3, с. 9].

Наиболее целесообразным подходом для типологизации нам представляется функционально-целевой, позволяющий проанализировать эффективность технологий с точки зрения цели и характера коммуникации. Таким образом, в рамках классификации мы выделяем сервисно-коммуникационные инструменты, а также технологии геймификации, вовлечения и партисипаторного управления.

А. Сервисно-коммуникационные, предназначенные для сбора обратной связи, автоматизации клиентского сервиса и решения утилитарных задач:

1. Размещение QR-кодов на мультимедиаэкранах, направляющих на чат-бот Александру (решение вопросов о работе метрополитена, отправление жалоб и предложений и т. д.);

2. Функционирование чат-бота Александры на сайте «Единый транспортный портал», «Московский метрополитен», в приложении «Метро Москвы» и Вконтакте (с возможностью подключения оператора);

3. Размещение QR-кодов на цифровых дисплеях станций Московского метрополитена для сбора отзывов и предложений;

Технологии геймификации, вовлечения и партисипаторного управления, инициирующие позитивный пользовательский опыт, повышающие лояльность к бренду, а также реализующие принципы краудсорсинга [11, 12, 13]:

1. Размещение QR-кодов на мультимедиаэкранах в поездах, направляющих на видеопоздравления, тематические открытки, ответы к транслируемым на мониторах квизам и викторинам, развивающие игры для детей с новыми персонажами «Метроша», «Электробусик», «Речкин»;

2. Интеграция квизов в чат-бот Александру;

3. Ответы на комментарии в социальных сетях (как позитивные, так и негативные);

4. Голосования («Имя и образ чат-бота», «Самая красивая станция БКЛ», «Метро будущего», «Названия новых станций»);

5. Опросы («Работа автобусов и электробусов», «Какой транспорт чаще всего используют школьники в учебное время»);

6. Викторины и квесты (новогодний квест «Зимние приключения», викторина «Московскому метро 90 лет», «Москва: как это работает»);

7. Конкурсы репостов и лайков (розыгрыш карт «Тройка» с тематическим оформлением, розыгрыш брендированных пазлов от Московского метрополитена, розыгрыш билетов на «Ночь в метро»);

8. Челленджи (#метро90);

9. Прямые включения (прямой эфир с мэром Москвы Сергеем Собяниным).

И, наконец, перейдем к оценке эффективности информационно-коммуникативных технологий Московского метрополитена. Для этого нами был инициирован социологический опрос 100 респондентов, которые проживают в г. Москве (81%) или Московской области (19%), регулярно пользуются услугами Московского метрополитена и, как следствие, являются участниками информационно-коммуникативных процессов.

Для определения эффективности технологий информирования были использованы три параметра, которые, по нашему мнению, наиболее полным образом определяют качество передачи информации: доступность (регулярное наличие и исправное функционирование средств информирования); эргономичность восприятия (удобство, простота и скорость восприятия информации); оперативность (своевременность информирования).

Важно отметить, что механизмы информирования посредством имиджевых технологий в значительной степени отличаются, представляя собой отдельную, комплексную систему. Реализуя функции репутационного, чаще всего опосредованного информирования, они предполагают анализ с точки зрения формирования положительного отношения и доверия к бренду в целом. Признавая значимость имиджевого контура в общей информационно-коммуникативной структуре, отметим, что эффективность имиджевых технологий основывается на иных параметрах, изучение которых не определяется рамками данного исследования.

Анализ эффективности коммуникативных технологий основан на таких параметрах, как осведомленность (знание аудитории о каналах и способах взаимодействия); интуитивная доступность (удобство форматов взаимодействия); генерация вовлеченности и позитивного восприятия деятельности Московского метрополитена.

Ниже представлены результаты социологического опроса. Прежде всего, была проведена оценка доступности информационных технологий (визуальные, аудиальные, контактные, мультимедийные). В рамках этого для определения доступности визуальных инструментов была выявлена частотность, с которой респонденты фиксируют отсутствие или низкое качество информационно-навигационных элементов в Московском метрополитене. Распределение ответов продемонстрировало преобладание позиции «никогда не замечаю», выраженной 52% участников опроса.

Доля респондентов, эпизодически сталкивающихся с проблемами навигационного характера, составила 40%, регулярно испытывающих затруднения — 8%. Таким образом, 48% участников с той или иной периодичностью отмечают недостатки в доступности информационных (визуальных) технологий. По нашему мнению, это может быть связано с различиями в оформлении станций и указателей, высокой когнитивной нагрузкой в условиях пикового пассажиропотока, а также фрагментарными несовершенствами дизайна и размещения информационно-навигационных элементов.

Для оценки удовлетворенности пассажиров аудиальными технологиями нами было определено, сталкиваются ли пассажиры с низким качеством аудио- и голосового оповещения (неразборчивость, низкая громкость, звуковые помехи) в вагонах и на станциях Московского метрополитена. Результаты показали выраженное преобладание негативного опыта: периодически отмечают наличие проблем с восприятием аудиосообщений 53% респондентов, 29% участников опроса никогда не сталкивались с указанными недостатками, 18% испытывают сложности на регулярной основе. Можно сделать вывод о том, что качество аудиоинформирования выступает фактором, потенциально снижающим общую доступность информационных технологий. Основные причины, на наш взгляд, включают высокий уровень фонового шума в метрополитене, техническую неоднородность оборудования в подвижных составах разных поколений, а также эпизодические сбои в работе систем аудио- и в особенности голосового оповещения.

В рамках анализа доступности контактных технологий респондентам было предложено оценить частотность отсутствия сотрудников на информационно-справочных стойках «Живое общение». Результаты показали, что 45% респондентов никогда не сталкивались с данной ситуацией. Эпизодическое отсутствие отмечает 31% участников. Регулярно фиксируют данную проблему 24% респондентов. Совокупная доля пассажиров, с той или иной периодичностью замечающих отсутствие сотрудников, составляет 55%. Полученные оценки могут быть обусловлены технологической модернизацией контактной среды Московского метрополитена, в рамках которой были установлены цифровые справочные терминалы, снижающие потребность в постоянном присутствии сотрудников на традиционных стойках. К возможным причинам также относятся распределение персонала по станциями и интервалам высокого пассажиропотока, а также неочевидность расположения и графика работы стоек «Живое общение» для пассажиров.

В продолжение оценки контактных технологий респондентам был адресован вопрос, связанный с работой колонн экстренного вызова (SOS / ИНФО) и устройств экстренной связи с машинистом. Полученные данные указывают на высокий уровень доверия к работоспособности данных систем: 85% респондентов никогда не сталкивались с их неисправностью. Доля пассажиров, отмечающих наличие проблемы на эпизодической основе, составила 10%, на регулярной — 5%. Фиксируемые сбои, вероятно, отражают перегрузку каналов связи в пиковые периоды (при единовременном получении большого количества обращений), а также отсутствие наглядных механизмов обратной связи (указанные системы не всегда предусматривают индикацию состояния вызова и ожидания ответа). Несмотря на низкий показатель негативного опыта, единичные случаи неисправности систем экстренной связи требуют внимания со стороны технических служб Московского метрополитена.

Для определения доступности мультимедийных технологий респонденты оценили частотность технической неисправности ТВ-мониторов (мультимедиаэкранов) в Московском метрополитене. Ответы участников опроса отражают преобладание

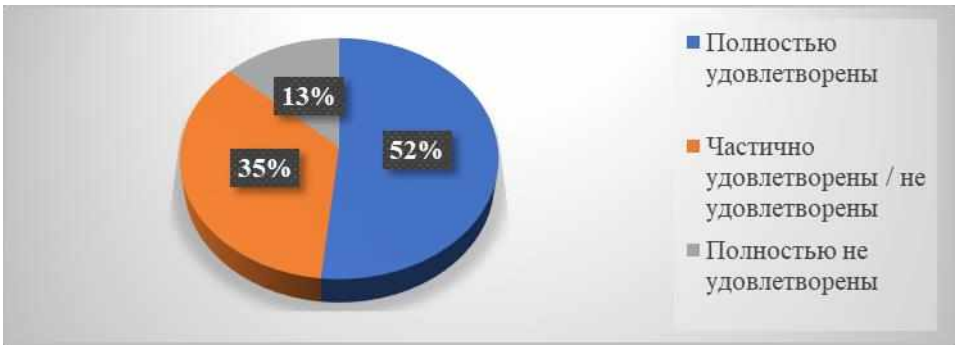
негативного опыта: 49% респондентов с той или иной периодичностью фиксируют технические сбои, 36% участников указали на отсутствие подобных наблюдений, 15% замечают неисправность на регулярной основе. Выявленная уязвимость мультимедийных элементов, возможно, связана с периодическими сбоями в работе каналов связи и передачи данных и также требует внимания со стороны Московского метрополитена.

Сложности, связанные с работой цифровых сервисов (официальный сайт, мобильное приложение «Метро Москвы», официальные сообщества), отрицают 63% участников опроса, фиксируют эпизодически 28% респондентов и замечают регулярно 9%. Можем заключить, что работа цифровых сервисов является удовлетворительной. Основные случаи сбоев могут отражать временные нагрузки на серверную инфраструктуру, а также зависимость цифровых сервисов от качества мобильной связи.

Выявим общую оценку доступности информационных технологий. Так, варианты ответа, указывающие на отсутствие негативного опыта, предлагаем отнести к категории «полностью удовлетворены» (310 ответов); варианты, связанные с эпизодическими сложностями, определить в категорию «частично удовлетворены / частично не удовлетворены» (211 ответов); варианты, отражающие регулярные недостатки, интерпретировать как «не удовлетворены» (79 ответов). Агрегирование данных позволяет заключить, что информационные инструменты в большей степени доступны для пассажиров.

Диаграмма 1

Удовлетворенность респондентов доступностью информационных технологий



Перейдем к исследованию эргономичности восприятия информационных технологий. В рамках анализа данного параметра респондентам, помимо бинарных ответов («да», «нет»), были предложены промежуточные варианты («в основном да» / «в основном нет» и т.п.), целью которых является снижение когнитивной нагрузки на респондентов, а также изучение феномена субоптимальной оценки. При анализе эмпирических данных промежуточные варианты ответов были сведены к нейтральной категории, указывающей на наличие факторов, сдерживающих абсолютную удовлетворенность, однако не вызывающих полную неудовлетворенность той или иной технологией.

Оценивая эргономичность восприятия визуальных технологий, респонденты определили возможность интуитивно понятного построения маршрута и ориентации в Московском метрополитене с опорой на информационно-навигационные средства. В ходе анализа эмпирических данных мы зафиксировали следующее распределение: 55% респондентов оценили данную возможность как полностью реализуемую, 44% предоставили нейтральную (сдержанную) оценку, что указывает на наличие факторов, осложняющих навигацию, но не ограничивающих ее полностью.

Отрицательная оценка данной возможности была получена от 1% респондентов. Это свидетельствует о том, что визуальные технологии обеспечивают достаточный уровень навигационной функциональности. Вместе с тем наличие сдержанных и отрицательных оценок соотносится, на наш взгляд, с факторами, выдвинутыми при анализе доступности визуальных технологий.

Ответы респондентов также показали, возможно ли охарактеризовать восприятие аудиооповещений Московского метрополитена как простое и быстрое (понятно с первого раза). Наличие тех или иных барьеров для восприятия отметил 61% респондентов (нейтральная оценка), положительную оценку предоставили 35% респондентов, 4% выразили категорическую неудовлетворенность. Соответственно, большинство пассажиров квалифицирует аудиоинформирование как функциональное, однако доминирование нейтральных оценок подтверждает, что наличие факторов, ограничивающих доступность данных технологий, соответствующим образом влияет на их эргономичность.

Возможность получения информации удобным и интуитивно понятным способом посредством стоек «Живое общение», колонн экстренного вызова (SOS / ИНФО) и систем связи с машинистом оценили сдержанно 57% респондентов, положительно — 42% участников опроса и отрицательно — 1%. Следовательно, контактные технологии обеспечивают базовую функциональность, однако рассмотренные ранее обстоятельства, сдерживающие их доступность, сообразно влияют на эргономичность их использования и объясняют представленные результаты опроса.

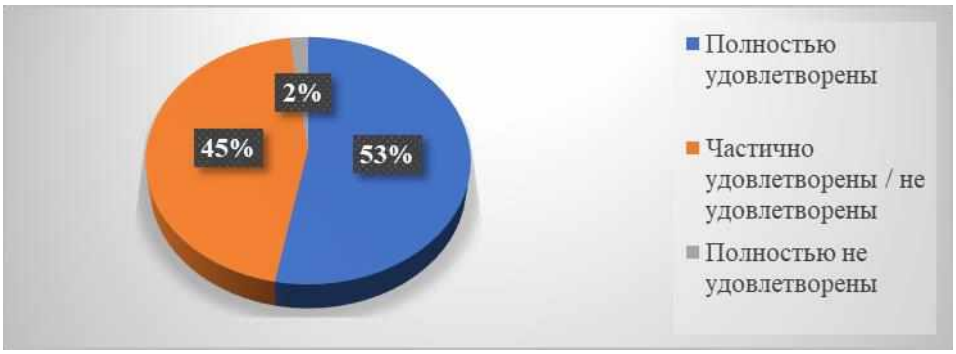
Восприятие информации, транслируемой на мультимедиаэкранах, оценили как простое и понятное 69% респондентов. Нейтральный ответ был получен от 30% участников. Отрицательную оценку предоставил 1% респондентов. Это позволяет квалифицировать ТВ-мониторы в поездах как наиболее успешный с точки зрения восприятия канал информирования. Большинство пассажиров признает транслируемую информацию простой и понятной, причем 69% не фиксируют каких-либо затруднений вообще. Доля нейтральных оценок (30%) существенно ниже, чем по другим каналам коммуникации. Важно отметить, что полученные результаты не соотносятся с негативным опытом, выявленным при оценивании доступности мультимедийных технологий. Это объясняется тем, что несмотря на эпизодические сбои в работе ТВ-мониторов, информация, транслируемая на мультимедиаэкранах в периоды их исправности, является качественной и понятной для реципиентов.

Интерфейс цифровых платформ считают понятным и удобным 64% респондентов, оценивают нейтрально 33% участников опроса и, наконец, считают малопонятным 3%. Мы видим, что большинство пользователей не фиксируют каких-либо барьеров для качественного использования цифровых сервисов Московского метрополитена. Нейтральная и отрицательная оценка представлены в умеренном количестве, подтверждая результаты анализа доступности данных технологий и, вероятно, отражая различия в пользовательском опыте и возрасте. Таким образом, цифровые платформы также могут быть охарактеризованы как один из наиболее эргономичных компонентов информационной инфраструктуры метрополитена.

Оценивая эргономичность информационных технологий в целом, резюмируем, что категория «полностью удовлетворены» в данном случае преобладает (265 ответов), категория «частично удовлетворены / частично не удовлетворены» (нейтральные варианты ответов) также занимает значительную долю оценок (225 ответов), категория «не удовлетворены» наименее распространена (10 ответов). Данный результат

соотносится с оценками, полученными при анализе доступности информационных технологий, указывая на то, что эргономичность элементов напрямую определяется их доступностью, а также обозначая возможности для дальнейшего совершенствования данных характеристик.

Диаграмма 2
Удовлетворенность респондентов эргономичностью информационных технологий



Проанализируем результаты исследования оперативности информационных технологий, где респондентам также были предложены бинарные и промежуточные (нейтральные) варианты ответов. Прежде всего, участники опроса оценили своевременность обновления визуальных (информационно-навигационных) элементов. Полученные ответы позволяют зафиксировать высокий уровень удовлетворенности: 57% определили обновление как абсолютно оперативное, 40% предоставили нейтральный ответ, 3% выразили неудовлетворенность. Следовательно, обновление визуальных элементов оценивается пассажирами в большей степени положительно. Замечания могут быть обусловлены различиями в скорости обновления цифровых и статичных элементов, представленных на исторических станциях и в некоторых поездах, а также непредвиденными изменениями в работе Московского метрополитена, актуализация которых на визуальных носителях требует неопределенного количества времени.

Мы также исследовали своевременность голосового оповещения о текущей работе и изменениях в функционировании Московского метрополитена. Положительную оценку предоставили 55% участников опроса, нейтральную — 45% респондентов. Отрицательная оценка данного параметра отсутствует. Можно заключить, что несмотря на эпизодически низкое качество аудиоинформирования (помехи, неразборчивость и т. д.), оперативность информационного обновления не вызывает сомнений у большинства пассажиров.

Возможность оперативной связи с сотрудниками через колонны экстренного вызова (SOS / ИНФО), системы экстренной связи с машинистом и информационно-справочные стойки «Живое общение» в полной мере подтверждает 51% респондентов, оценивают сдержанно 47% и отрицательно — 2%. Такое разделение голосов подтверждает выявленные нами ранее сложности с использованием систем экстренной связи, а также периодическим отсутствием сотрудников на информационно-справочных стойках, не позволяющим в некоторых случаях получить информацию оперативным образом.

Обновление информации на ТВ-мониторах считают оперативным 50% респондентов, 48% дали нейтральный ответ, 2% предоставили отрицательную оценку. Общая высокая оценка, на наш взгляд, отражает своевременность обновления контента, но во многом также объясняется тем, что мультимедийные экраны в меньшей степени

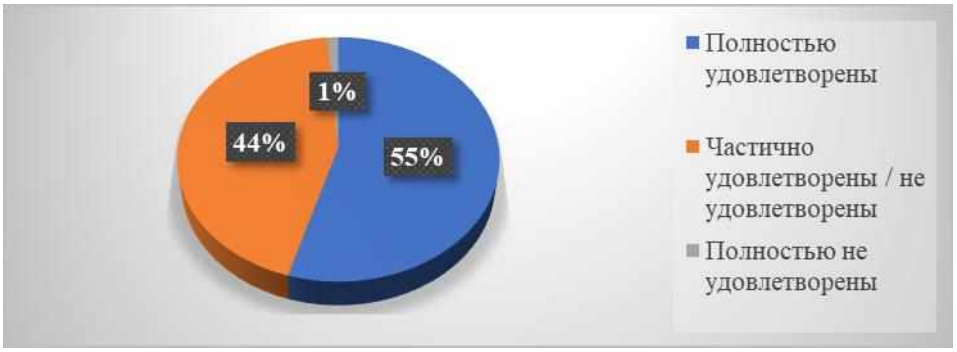
выполняют функцию экстренного и функционального информирования, что снижает частоту фиксации задержек.

Актуализацию онлайн-информации Московского метрополитена считают своевременной 60% респондентов. Частичная удовлетворенность / неудовлетворенность наблюдается у 40% участников опроса. Отрицательная оценка данного критерия не представлена. Обосновать высокий уровень удовлетворенности, на наш взгляд, можно тем, что цифровая среда позволяет публиковать и отслеживать информацию в режиме реального времени, а также является наиболее доступным и привычным способом информационного потребления в целом.

Резюмируя оценку оперативности информационных технологий, отметим, что наибольшее число респондентов продемонстрировало полную удовлетворенность (273 ответа), частичную удовлетворенность / неудовлетворенность выразило среднее число участников (221 ответ), позиция категорической неудовлетворенности выражена в единичных голосах (6 ответов). Соответственно, большинство респондентов удовлетворены своевременностью обновления данных, однако указывают на необходимость дальнейшего совершенствования технологий, в том числе в рамках наращивания их доступности и эргономичности восприятия.

Диаграмма 3

Удовлетворенность респондентов оперативностью информационных технологий



Исследуем эффективность коммуникативной среды, а именно сервисно-коммуникационных технологий, а также технологий геймификации, вовлечения и партисипаторного управления. Прежде всего, мы определили осведомленность респондентов о существующих коммуникативных технологиях Московского метрополитена, выявив три наиболее известных инструмента: QR-коды в поездах и на станциях Московского метрополитена для перехода в чат-бот (28%); квизы и викторины на ТВ-мониторах в поездах Московского метрополитена (22%); чат-бот Александра на сайте «Единый транспортный портал», «Московский метрополитен», в приложении «Метро Москвы», Вконтакте и Telegram (21%). Наибольшую распространенность, как мы видим, получили сервисно-коммуникационные технологии, что объясняется их необходимостью для решения ежедневных функциональных потребностей пассажиров. Квизы и викторины в составе технологий геймификации, вовлечения и партисипаторного управления, известны благодаря функционированию в физическом пространстве Московского метрополитена и интеграции в повседневные поездки пассажиров.

В остальном технологии геймификации, вовлечения и партисипаторного управления известны респондентам в меньшей степени: сайт «Московский транспорт. Детям», предлагающий доступ к различным развивающим играм для детей (17%), а

также голосования, опросы, викторины, конкурсы, розыгрыши в социальных сетях и на сайте (12%). Это обусловлено ситуативным интересом пассажиров к развлекательным возможностям Московского метрополитена.

Диаграмма 4
Осведомленность респондентов о коммуникативных технологиях

Далее проанализируем интуитивную доступность каждого из инструментов. В рамках этого респондентам были предложены бинарные ответы («интуитивно понятно и удобно», «интуитивно непонятно и неудобно»), промежуточно-нейтральные опции («в основном интуитивно понятно и удобно», «в основном интуитивно непонятно и неудобно»), а также вариант «не пользовал(ся/ась)».

QR-коды в поездах и на станциях Московского метрополитена для перехода в чат-бот считает интуитивно понятными и удобными 31% респондентов, 20% участников опроса выбрали нейтральные варианты, 1% предоставил отрицательный ответ. Примечательно, что 48% выбрали вариант «не пользовал(ся/ась)». Это свидетельствует о том, что несмотря на высокий уровень осведомленности о данном инструменте, большинство пассажиров не сталкиваются с необходимостью его использования в повседневных поездках. Наличие сдержанных оценок, вероятно, обусловлено такими сложностями, как нестабильное интернет-соединение, неудобное расположение некоторых QR-кодов или необходимость установки дополнительных приложений для сканирования.

Чат-бот Александра на сайте «Единый транспортный портал», «Московский метрополитен», в приложении «Метро Москвы», Вконтакте и Telegram оценили положительно 24% респондентов, нейтрально — 26% и отрицательно — 1%. В данном случае также преобладает число участников, не имеющих опыт использования чат-бота (49%), что указывает на отсутствие регулярной потребности в сервисной поддержке. Нейтральные и отрицательный ответы можно объяснить тем, что повседневные (базовые) запросы обрабатываются автоматически оперативным образом, тогда как более сложные вопросы требуют переключения на оператора, увеличивая время ожидания и снижая удовлетворенность.

Квизы и викторины на ТВ-мониторах в поездах Московского метрополитена понятны и удобны для 37% респондентов, частично понятны и удобны для 21% и

незнакомы в использовании для 42% участников опроса. Отрицательная оценка в данном случае отсутствует. Значительная доля не использующих данный инструмент объясняется, возможно, тем, что многие пассажиры игнорируют информацию на ТВ-мониторах во время поездки, особенно в часы высокой загруженности вагонов. Сдержанные оценки могут быть связаны с быстрым темпом смены вопросов или недостаточным временем поездки для полноценного вовлечения.

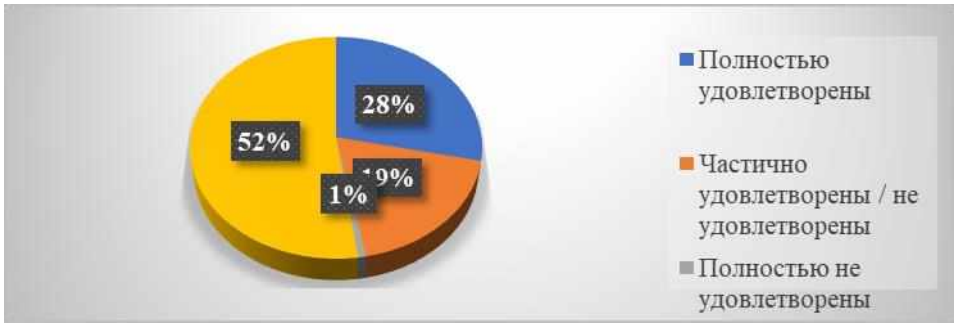
Сайт «Московский транспорт. Детям», предлагающий доступ к различным развивающим играм для детей (с персонажами «Метроша», «Электробусик», «Речкин») считают интуитивно понятным 25% респондентов, оценивают сдержанно 12% участников и отрицательно — 2%. Доля людей, не имеющих опыт использования данного инструмента, составляет 61%, указывая на узкую целевую аудиторию, возможно, составляющую меньшинство в общей выборке респондентов. Наличие единичных нейтральных и негативных ответов может быть связано с необходимостью стабильного интернет-соединения для использования технологии, а также быстрой потерей интереса ребенка к предлагаемому контенту.

Голосования, опросы, викторины, квесты, конкурсы, розыгрыши в соцсетях и на сайте удобны для 25% респондентов, частично удобны / неудобны для 14% участников и не используются 61% респондентов. Отрицательная оценка отсутствует. Поскольку функционирование указанной технологии не интегрировано в повседневный маршрут пассажиров, количество респондентов, не использовавших данный инструмент, преобладает. Возможные причины сдержанных оценок включают неочевидность условий участия, высокую конкуренцию и ограниченную обратную связь.

Общую оценку интуитивной доступности коммуникативных технологий можно представить следующим образом: большинство респондентов не имеет опыта использования рассмотренных технологий (261 ответ), среднее количество участников подтверждает интуитивную доступность данных инструментов (142 ответа), умеренное количество респондентов оценивает нейтрально (93 ответа) и отрицательно (4 ответа). Распределение ответов отражает объективную картину востребованности коммуникативных технологий: более половины респондентов не обращаются к ним в силу ситуативного характера сервисов, тогда как среди активных пользователей доминирует позитивное восприятие, что подтверждает интуитивную доступность инструментов.

Диаграмма 5

Удовлетворенность респондентов интуитивной доступностью коммуникативных технологий



В заключение мы исследовали коммуникативные технологии с точки зрения генерации вовлеченности и позитивного восприятия коммуникативной деятельности Московского метрополитена. Для этого, прежде всего, мы выявили, какие инструменты представляются интересными и важными для респондентов. Наибольший отклик вызвали две следующие технологии: QR-коды в поездах и на станциях Московского метрополитена для перехода в чат-бот (31%), а также чат-бот Александра на сайте

«Единый транспортный портал», «Московский метрополитен», в приложении «Метро Москвы», ВКонтакте и Telegram (19%). Меньший интерес вызвали такие инструменты, как квизы и викторины на ТВ-мониторах в поездах Московского метрополитена (17%), сайт «Московский транспорт. Детям» (17%), а также голосования, опросы, викторины, квесты, конкурсы, розыгрыши в соцсетях и на сайте (16%). Полученные результаты обусловлены утилитарной ценностью инструментов: меньший интерес к развлекательным и событийным форматам закономерен, поскольку они не направлены на решение практических задач и воспринимаются как дополнительный, а не обязательный элемент пользовательского опыта.

В продолжение анализа коммуникативных технологий респонденты сообщили, получают ли они обратную связь на комментарии в социальных сетях Московского метрополитена. Большинство респондентов не оставляют какие-либо комментарии в социальных сетях Московского метрополитена в целом (72%), демонстрируя низкую вовлеченность, 12% участников опроса в некоторых случаях получают ответы на комментарии, 10% отрицают получение обратной связи и, наконец, 6% всегда получают ответы от Московского метрополитена. Полученные данные, по нашему мнению, свидетельствуют о необходимости укрепления обратной связи с пассажирами с целью демонстрации вовлеченности Московского метрополитена в коммуникацию.

Далее мы выяснили, создают ли вышеперечисленные проекты позитивный и «живой» образ Московского метрополитена у респондентов. Большинство участников опроса предоставили положительный ответ (50%), сдержанный ответ был получен от приблизительно равного количества респондентов (47%), отрицательный ответ поступил от 3% участников. Преобладание позитивной оценки свидетельствует об успешном взаимодействии Московского метрополитена с пассажирами. Вместе с тем значительная доля нейтральных ответов и умеренное количество отрицательных оценок могут быть обусловлены тем, что часть респондентов не имеет достаточного опыта взаимодействия с данными технологиями или считает их фоновыми элементами, не оказывающими решающего влияния на качество деятельности Московского метрополитена.

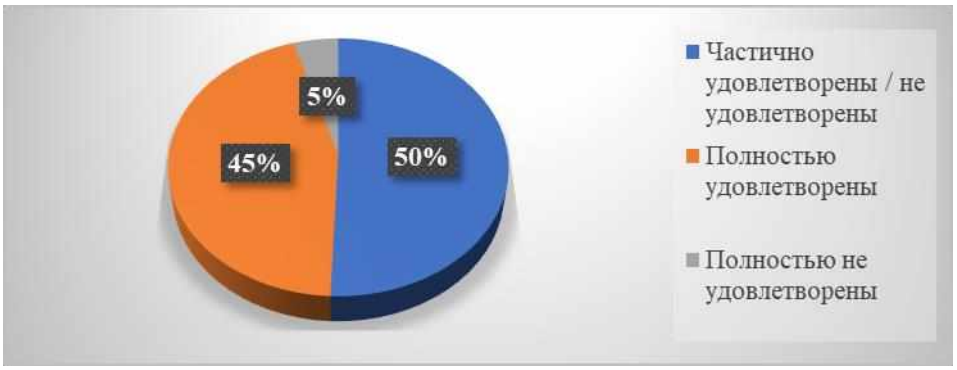
Респонденты также оценили готовность Московского метрополитена к диалогу и активному взаимодействию с пассажирами. Наибольшее количество респондентов дали положительную оценку (48%). В приблизительно равном количестве был получен нейтральный вариант ответа (46%). Менее значительную долю составляют отрицательные оценки (6%). В завершение опроса участники определили, считают ли они деятельность Московского метрополитена разнообразной и насыщенной. Большинство выбрало нейтральный вариант ответа (59%), положительную оценку дали 36% респондентов, отрицательную — 5%. Полученные данные отражают неоднозначность восприятия коммуникативной политики Московского метрополитена. С одной стороны, широкая представленность каналов связи формирует у пассажиров ощущение открытости к диалогу. С другой стороны, практический опыт взаимодействия остается ограниченным: большинство респондентов не пользуются интерактивными сервисами и не демонстрируют вовлеченность в коммуникацию, что закономерно смещает оценки в категорию нейтральных. Низкая доля отрицательных ответов свидетельствует об отсутствии выраженного недовольства и указывает на то, что интерактивные возможности Московского метрополитена воспринимаются пассажирами как достаточные, но не вызывающие яркого эмоционального отклика.

Мы можем заключить, что в данном случае преобладает сдержанная оценка интерактивной деятельности Московского метрополитена (152 ответа), при этом не менее распространено и положительное восприятие (134 ответа). Отрицательные

оценки, в свою очередь, представлены в незначительном количестве (14 ответов). Это подтверждает вывод о том, что большинство пассажиров воспринимает метрополитен исключительно как транспортную систему и не вовлечено в дополнительные коммуникативно-событийные активности. Соответствующим образом, на наш взгляд, это объясняет преобладание сдержанных оценок при отсутствии выраженного негативного опыта.

Диаграмма 6

Удовлетворенность респондентов коммуникативной деятельностью Московского метрополитена



Заключение. Проанализировав результаты опроса, мы можем определить систему информирования Московского метрополитена как в достаточной степени развитую (доля положительных оценок по каждому из параметров выше 52%). Наиболее положительно оцениваются визуальные технологии. Сдержанным образом воспринимаются контактные технологии и мультимедийные сервисы. Особого внимания требуют аудиальные технологии. Наиболее уязвимым является параметр доступности, неполное соответствие которому может выступать сдерживающим фактором, прямо пропорционально увеличивающим долю нейтральных и негативных оценок по остальным критериям оценки информационных технологий.

Систему коммуникативных технологий, по нашему мнению, следует оценить как в умеренной степени развитую (50% нейтрально-сдержанных оценок). Наибольшей осведомленностью и интересом пользуются сервисно-коммуникационные технологии, в то время как технологии геймификации, вовлечения и партисипаторного управления менее распространены среди пассажиров, во многом указывая на восприятие Московского метрополитена как функционального и эмоционально нейтрального бренда. Оценка интуитивной доступности обозначила преобладающую долю респондентов, не использующих предлагаемые Московским метрополитеном инструменты. Наиболее высокий показатель отсутствия опыта практического использования также характерен для технологий геймификации, вовлечения и партисипаторного управления. Это соответствующим образом трансформирует осведомленность не столько в лояльное, сколько в нейтральное (сдержанное) восприятие деятельности Московского метрополитена. Поведенческий паттерн «неучастия» (72%) также подтверждает, что коммуникативное пространство Московского метрополитена не характеризуется высокой вовлеченностью.

На основании сформулированных выводов предлагаем следующие рекомендации по совершенствованию информационно-коммуникативной среды Московского метрополитена:

1. Внедрение адаптивных систем, компенсирующих фоновый шум и акустические искажения тоннелей посредством динамической коррекции речевого и аудиального диапазона;

2. Цифровизация навигационных элементов на всех станциях Московского метрополитена, а также совершенствование пространственного размещения указателей в соответствии с векторами движения пассажиропотока;

3. Замена контактных стоек «Живое общение» интерактивными терминалами для связи с сотрудниками и решения функциональных вопросов оперативным и современным образом, в том числе в период пикового пассажиропотока;

4. Сопровождение систем экстренной связи голосовой или световой индикацией («вызов принят» — «ожидание ответа» — «оператор на связи»);

5. Использование коммуникативных инструментов не столько для развития развлекательного контента, сколько для повышения интерактивности и качества решения утилитарных задач пассажиров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блохин И.Н. Современный российский медиаполис / Блохин И.Н., Волковский Н.Л., Воскресенская М.А. [и др.]. — Санкт-Петербург: СПбГУ, 2012. — 324 с.
2. Ватага А.И. Мультимедиа технологии: учеб. пособие / А.И. Ватага, Н.Б. Подопригора. — Ставрополь: СКСИ, 2019. — 135 с.
3. Елинер И.Г. Развитие мультимедийной культуры в информационном обществе: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии. — Санкт-Петербург, 2010. — 35 с.
4. Кацко С.Ю. Мультимедийные технологии: учеб. пособие / С. Ю. Кацко. — Новосибирск: СГУГиТ, 2015. — 139 с.
5. Лободенко Л.К. Концептуальная модель регионального интернет-СМИ: кросс-коммуникативные аспекты: дисс. д-ра филол. наук: 10.01.10 / Л.К. Лободенко. — Москва: ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии», 2015. — 456 с.
6. Рубас А.В. Современные тенденции формирования информационного и коммуникативного пространства транспортного комплекса мегаполиса (на примере Московского метрополитена): дисс. канд. филол. наук: 10.01.10 / А.В. Рубас. — Москва: ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии», 2019. — 262 с.
7. Смирнов А. В. Что такое мультимедиа? // Наука и школа, 2006. — №4. — С. 54–56.
8. Цевенков Ю.М. Основы мультимедиа: учебно-методическое пособие. — М.: МГГЭУ, 2016. — 204 с.
9. Lasswell H.D. The structure and Function of Communication in Society / Lyman Dryson. — New York: The Institute for Religious and Social Studies, 1948. — 37–51 p.
10. Schramm W.L. The Process and Effects of Mass Communication / Wilbur Schramm. — Urbana: University of Illinois Press, 1960. — 578 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Московский метрополитен [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://mosmetro.ru (дата обращения: 15.03.2026).
12. Московское метро [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/mosmetro (дата обращения: 15.03.2026).
13. Московский транспорт. Детям [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://i.transport.mos.ru/kids (дата обращения: 15.03.2026).

REFERENCES

14. Blokhin I.N., Volkovsky N.L., Voskresenskaya M.A., et al. (2012). Sovremennyi rossiiskii mediapolis [The Modern Russian Mediapolis]. In S.G. Korkonosenko (Ed.). Saint Petersburg: SPbSU, Faculty of Philology. (In Russian)
15. Vataga A.I., Podoprigora N.B. (2019). Multimedia tekhnologii: uchebnoe posobie [Multimedia Technologies: Textbook]. In A.I. Vataga, N.B. Podoprigora (Eds.). Stavropol: NCSI. (In Russian)
16. Eliner I.G. (2010). Razvitie multimediinoi kultury v informatsionnom obshchestve [Development of Multimedia Culture in the Information Society] (Extended abstract of Doctoral dissertation in Culturology). Saint Petersburg. (In Russian)

17. Katsko S.Yu. (2015). Multimediinye tekhnologii: uchebnoe posobie [Multimedia Technologies: Textbook]. Novosibirsk: SSUGT. (In Russian)
18. Lobodenko L.K. (2015). Kontseptualnaya model regionalnogo internet-SMI: kross-kommunikativnye aspekty [Conceptual Model of Regional Online Media: Cross-communicative Aspects] (Doctoral dissertation). Moscow: Academy of Media Industry. (In Russian)
19. Rubas A.V. (2019). Sovremennye tendentsii formirovaniya informatsionnogo i kommunikativnogo prostranstva transportnogo kompleksa megapolisa (na primere Moskovskogo metropolitena) [Modern Trends in the Formation of Information and Communication Space of the Megapolis Transport Complex (Based on the Example of the Moscow Metro)] (PhD dissertation). In A.V. Rubas (Ed.). Moscow: Academy of Media Industry (In Russian)
20. Smirnov A.V. (2006). Chto takoe multimedia? [What Is Multimedia?]. Nauka i shkola, pp. 54-56. (In Russian)
21. Tsevenkov Yu.M. (2016). Osnovy multimedia: uchebno-metodicheskoe posobie [Fundamentals of Multimedia: Teaching Manual]. Moscow: MGGEU. (In Russian)
22. Lasswell H. D. (1948). The structure and Function of Communication in Society. In Lyman Dryson (Ed.). — New York: The Institute for Religious and Social Studies, pp. 37–51. (In English)
23. Schramm W. (1960). The Process and Effects of Mass Communication. In Wilbur Schramm (Ed.). — Urbana: University of Illinois Press. (In English)

Поступила в редакцию 27.04.2026.

EFFECTIVENESS OF INFORMATION AND COMMUNICATIVE TECHNOLOGIES IN CONTEMPORARY URBAN SPACE (CASE OF MOSCOW METRO)

M.V. Budnik*, *S.A. Nedelko

The effectiveness of information and communicative technologies employed by the Moscow metro as a component of urban infrastructure is considered in the article. The research relevance is determined by the transformation of contemporary urban systems into complex media platforms with their operation influencing the quality of everyday life. Furthermore, the information and communication environment of the Moscow metro represents a substantial component of urban mobility, which underscores the necessity of evaluating its performance. In the course of the analysis, the Moscow metro information-communicative instruments have been classified. Based on the proposed classification, the effectiveness of these technologies has been estimated through the sociological survey of Moscow and Moscow Region residents. The evaluation substantiates the survey outcomes and summarizes the assessment of the Moscow metro information and communicative instruments. The article is concluded by the practical recommendations for the development of the examined technologies.

Keywords: information and communicative technologies, accessibility, ergonomic effectiveness, promptness, public awareness, engagement, interactivity, interaction.

Будник Марианна Владимировна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Российский государственный гуманитарный университет.
Доцент кафедры журналистики.
Заместитель декана по учебной работе.
ORCID 0009-0001-4144-8034.
E-mail: bmv_rggu@mail.ru.

Budnick Marianna Vladimirovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Russian State University for the Humanities.
Associate Professor of Department of Journalism.
Deputy Dean for Academic Affairs.
ORCID 0009-0001-4144-8034.
E-mail: bmv_rggu@mail.ru.

Неделько Светлана Андреевна.
Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, г. Москва.
Магистрант.
ORCID 0009-0000-1422-9138.
svetlananedelko2003@mail.ru.

Nedelko Svetlana Andreevna.
Russian State University for the Humanities,
Russian Federation, Moscow.
Graduate Student.
ORCID 0009-0000-1422-9138.
svetlananedelko2003@mail.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 070:316.77
DOI: 10.5281/zenodo.22909665

КОНТЕКСТНАЯ ВОРОНКА КАК МЕТОД КОСВЕННОГО АНАЛИЗА ПРОЯВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ

© 2026 *С.В. Водопетов*
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
ORCID: 0000-0002-5237-4464

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья представляет метод контекстной воронки для косвенного анализа проявлений социально-эмоциональных процессов в пользовательских медиатекстах. Центральный интерес составляет измеримость культурных и контекстных нарративов, представленных в медиатексте; исследование медиатекстовых репрезентаций одиночества выступает стартовым параметром демонстрации метода. Материалом послужили 457 постов сообществ r/Replika и r/CharacterAI (Reddit, март 2026 г.). Воронка последовательно сужает корпус от широкого набора к релевантному подкорпусу с отделением нулевой зоны через восемь шагов фильтрации на контекстном и языковом уровнях. В результате применения метода выделена контекстная зона одиночества, охватывающая 33,3 % корпуса (152 из 457 постов), что демонстрирует потенциал для фиксации некоторых состояний, в частности, связанных с одиночеством через медиатексты. Предложенный метод открывает возможность измерения нарративной плотности медиатекстов, а также формирования тематических словарей для оценки нарративного содержания произвольных медиатекстов.

Ключевые слова: медиатекст, пользовательский контент, контекстная воронка, одиночество, нарративный анализ, косвенный анализ, Reddit.

Для цитирования: Водопетов С.В. Контекстная воронка как метод косвенного анализа проявлений социально-эмоциональных процессов в пользовательских медиатекстах / С.В. Водопетов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 71–81. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22909665.

Введение. Пользовательский контент (UGC) составляет значительную долю современного медиапространства и представляет собой не только объект медийной коммуникации, но и источник косвенных данных о проявлениях социально-эмоциональных процессов, протекающих за пределами медиадискурса [3; 9]. Исследователи отмечают, что нарративные структуры пользовательских медиатекстов способны отражать устойчивые тематические и эмоциональные паттерны, которые указывают на более глубокие социальные феномены [15; 17]. При этом принципиально: предметом рассмотрения выступает измеримость культурных и контекстных нарративов, представленных в медиатексте, а исследование одиночества является стартовым параметром демонстрации метода. Данный подход соответствует специальности 5.9.9 «Медиакоммуникации и журналистика», поскольку UGC рассматривается как медиатекст, производимый в определенной платформенной среде, а анализ медиатекстов выступает как метод исследования медиакоммуникационных процессов.

Одиночество как проявление социально-эмоционального процесса привлекает внимание исследователей в разных дисциплинах: психологии, социологии,

медиакоммуникациях [4; 5]. Традиционные методы его диагностики опираются на самоотчетные шкалы (UCLA Loneliness Scale, DJGLS), однако такие инструменты неприменимы к анализу медиатекстов, где автор не ставит задачу самоописания [10; 17]. В этих условиях возникает потребность в косвенных методах, которые позволяют выявлять проявления социально-эмоциональных процессов через анализ нарративных и языковых характеристик текста. Как показали Волохова и Филиппович, анализ переживания одиночества в цифровой среде позволяет выявлять специфические паттерны, обусловленные новыми формами коммуникации [5, с. 262].

AI-компаньоны (Replika, Character.AI) формируют особую коммуникативную среду, в которой пользователь взаимодействует с одним актантом, что создает упрощенную модель общения и делает нарративы пользователей особенно информативными для анализа [13; 18]. Платформа Reddit, где размещены тематические сообщества, предоставляет открытый доступ к пользовательским текстам без необходимости прямого контакта с авторами [1]. Это позволяет рассматривать такие тексты как пользовательские медиатексты и анализировать их медиакоммуникационными методами. Камарали, исследуя информационную культуру как пространство взаимодействия смыслов, демонстрирует продуктивность структурного подхода к анализу информационных единиц [7, с. 68], что согласуется с нашей установкой на измеримость нарративных структур.

Цель статьи — представить метод контекстной воронки, позволяющий косвенно анализировать проявления социально-эмоциональных процессов в пользовательских медиатекстах. Задачи: 1) обосновать двухуровневую модель анализа (контекстный и языковой); 2) описать восьмишаговую процедуру фильтрации корпуса; 3) продемонстрировать метод на материале нарративов об одиночестве в сообществах ИИ-компаньонов.

Объектом исследования выступают пользовательские медиатексты тематических сообществ Reddit, посвящённых взаимодействию с ИИ-компаньонами. Предмет исследования — платформенно обусловленные способы нарративной актуализации социально-эмоциональной тематики и возможности их выявления методом контекстной воронки. Одиночество рассматривается не как диагностируемое состояние пользователей, а как эмпирический кейс репрезентации социально-эмоциональной темы в медиадискурсе.

Материалы и методы исследования. Эмпирическую базу составили 457 постов, извлеченных из сообществ r/Replika (245 постов) и r/CharacterAI (212 постов) на платформе Reddit 03.03.2026. Выбор сообществ обусловлен тем, что в них концентрируются нарративы пользователей об опыте взаимодействия с ИИ-компаньонами, включая тему одиночества [1]. Бодрунова и Нигматуллина подчеркивают, что внедрение ИИ в медиасферу порождает профессиональные противоречия и новые риски, требующие специальных аналитических инструментов [2, с. 5]. Корпус и код разметки доступны в открытом репозитории (https://github.com/voodoo2serg/ai-companion-reddit-narratives).

Пост Reddit рассматривается не как нейтральный текстовый документ, а как платформенно обусловленный медиатекст. Его содержание и видимость зависят от тематических норм сообщества, модерации, системы голосования и алгоритмического ранжирования. Полученные показатели характеризуют медиадискурс исследуемых сообществ и не могут интерпретироваться как распространенность психологических состояний среди пользователей.

Метод контекстной воронки реализует двухуровневую модель анализа. Контекстный уровень направлен на выявление нарративной организации текста: к какому тематическому полю относится пост, присутствует ли эмоциональная оценка, выстроена ли последовательность событий в нарратив. Этот уровень отвечает на вопрос, о чем говорится в тексте и как тематическая организация указывает на проявление социально-эмоционального процесса. Языковой уровень фиксирует конкретные маркеры: лексические единицы, эмоционально-оценочные конструкции, синтаксические паттерны, указывающие на проявление социально-эмоционального процесса. Этот уровень отвечает на вопрос, через какие языковые средства тематика актуализируется. Петров и соавт., разрабатывая методологию извлечения нарративов из больших массивов данных социальных сетей, показывают, что именно сочетание тематического и языкового уровней обеспечивает надежность качественного анализа [10, с. 320]. Последовательное прохождение восьми шагов фильтрации обеспечивает воспроизводимость и прозрачность аналитической процедуры.

Восемь шагов контекстной воронки реализованы следующим образом. Шаг 1: исходный корпус (457 постов) проходит первичную фильтрацию по длине текста (не менее 50 слов) и языку (английский). Из исходного набора исключаются посты, не содержащие самостоятельного нарратива: перепосты, ссылки без комментария, технические сообщения. Шаг 2: контекстная категоризация по четырем тематическим зонам — «Романтическая близость», «Дружба и социальные связи», «Эмоциональная поддержка», «Эмоциональное и психическое благополучие». Пост может быть отнесен к нескольким зонам одновременно, если содержит тематические элементы разных категорий. Шаг 3: выделение контекстной зоны одиночества как числа уникальных постов, отнесенных хотя бы к одной из трех первых категорий (без «Эмоционального и психического благополучия», рассматриваемой как смежная зона). Поскольку один пост может входить в несколько категорий, простое сложение процентов привело бы к двойному счёту; поэтому контекстная зона одиночества рассчитывалась по множеству уникальных постов и составила 152 из 457 (33,3 %). Шаг 4: проверка наличия нарративной структуры — минимальный набор включает событие, эмоциональную оценку и перспективу (авторское отношение к описываемой ситуации). Шаг 5: идентификация нарративных ядер — ключевых тематических единиц, организующих текст вокруг центрального смысла. Шаг 6: лингвистическая разметка — выделение маркеров одиночества (лексических, эмоциональных, синтаксических) на основе предварительно составленного словаря. Шаг 7: кросс-валидация контекстного и языкового уровней — текст проходит в итоговый подкорпус только при наличии соответствия между тематической категорией и языковыми маркерами. Шаг 8: зона нулевой релевантности — тексты, не содержащие ни контекстных, ни языковых маркеров [8; 14]. Данная процедура обеспечивает пошаговую редукцию неопределенности: каждый шаг уточняет границы релевантного материала.

Словарь маркеров одиночества формировался комбинированно: первоначальный набор ключевых лексем выведен из литературы по психологии одиночества [17, с. 2] и предшествующих исследований нарративов об ИИ-компаньонах [18; 13], после чего расширен на основе тренировочного корпуса из 50 постов, не вошедших в основной массив.

Процедура кодирования включала два этапа. На подготовительном этапе была разработана кодировочная инструкция, содержащая определения четырех тематических зон, примеры постов каждой категории и пограничные случаи. Два независимых кодировщика, обладающие квалификацией в области медиакоммуникаций, прошли

тренировочную сессию на 50 постах, не входящих в основной корпус. По итогам тренировки кодировочная инструкция была уточнена: добавлены критерии для различения категорий «Эмоциональная поддержка» и «Эмоциональное и психическое благополучие», а также правила обработки многотематических постов, допускающих отнесение к нескольким зонам одновременно. Основной этап кодирования выполнялся каждым кодировщиком независимо, без обмена мнениями.

Для оценки межкодировочной согласованности использован коэффициент Каппа Коэна (Cohen's κ), учитывающий случайное совпадение категориальных оценок [16]. Два независимых кодировщика категоризовали все 457 постов по четырем тематическим зонам. Расчет выполнялся по стандартной формуле: $\kappa = (p_a — p_e) / (1 — p_e)$, где p_a — наблюдаемая доля совпадений, p_e — ожидаемая при случайном присвоении. Значения $\kappa \geq 0{,}80$ считаются свидетельством высокой согласованности, а $\kappa \geq 0{,}90$ — очень высокой. Разногласия между кодировщиками разрешались путем обсуждения с привлечением третьего эксперта. Результаты по каждому шагу воронки представлены в табл. 1.

Таблица 1.

Результаты применения контекстной воронки к корпусу пользовательских медиатекстов

Шаг	**Процедура**	**Корпус на входе, n**	**Прошли, n**	**Прошли, %**	**Исключены, n**	**Cohen's κ**
1	Первичная фильтрация (длина ≥ 50 слов, английский язык)	532	457	100,0	75	—
2	Контекстная категоризация по 4 зонам	457	259	56,6	198	0,89
3	Контекстная зона одиночества (3 категории)	259	152	33,3	107	0,91
4	Нарративная структура (событие + оценка + перспектива)	152	90	19,7	62	0,93
5	Идентификация нарративных ядер	90	66	14,4	24	0,94
6	Лингвистическая разметка (маркеры одиночества)	66	51	11,2	15	0,96
7	Кросс-валидация контекстного и языкового уровней	51	41	9,0	10	0,98
8*	Зона нулевой релевантности (отдельная ветвь)	457	19	4,2	—	1,00

Примечание. Шаги 1–7 образуют последовательную воронку: каждый последующий шаг применяется только к текстам, прошедшим предыдущий. Шаг 8 (зона нулевой релевантности) является отдельной ветвью классификации и не входит в последовательную редукцию кросс-валидированного подкорпуса:

Таблица 2.

Частотность языковых маркеров по тематическим зонам

Зона	**Пример маркера**	**Частота маркеров, n**	**Число уникальных текстов, n**
Романтическая близость	«my AI girlfriend», «love my Replika»	68	34
Дружба и социальные связи	«only friend», «no one else to talk to»	47	29
Эмоциональная поддержка	«helps me cope», «always there for me»	37	23

Эмоциональное и психическое благополучие	«anxiety», «depression relief»	29	18

Основная часть. Теоретические основания. Подход к пользовательскому медиатексту как источнику косвенных данных опирается на три теоретические линии. Во-первых, медиатекст рассматривается как продукт коммуникативной ситуации: его тематика, эмоциональная окраска и нарративная организация детерминированы платформенной средой и коммуникативными аффордансами [3; 6]. Жижина показывает, что пользовательский контент трансформирует медиадискурс, создавая новые формы тематической организации текста [6, с. 44]. Во-вторых, нарративный подход позволяет трактовать пользовательский пост как мини-нарратив, в котором через отбор тем, оценочные суждения и эмоциональную лексику проявляются социально-эмоциональные процессы, непосредственно не формулируемые автором [15]. В-третьих, методы компьютерной лингвистики и NLP (Natural Language Processing — обработка естественного языка) предоставляют инструменты для систематического выявления таких паттернов в масштабных корпусах [8; 14]. Кузьмина, рассматривая методы компьютерной лингвистики и обработки естественного языка, подчеркивает, что они позволяют перейти от интуитивного анализа к воспроизводимой процедуре, что особенно важно при работе с большими массивами текстовых данных [8, с. 108].

Исследования одиночества подчеркивают различие между субъективным переживанием и его текстовым выражением. Surkalim и соавт. [17] установили распространенность одиночества на популяционном уровне, однако их метод основан на самоотчетах и не позволяет судить о присутствии одиночества в медиатекстах. Волкова и Сорокоумова, исследуя психологические критерии благополучия в контексте цифровой социализации, показывают, что переход к опосредованному общению создает как новые возможности для самовыражения, так и риски эмоциональной изоляции [4, с. 15]. Работы по паракоммуникации показывают, что пользователи формируют с медиа-объектами эмоциональные связи, компенсирующие дефицит реального общения [15]. При этом взаимодействия с ИИ-компаньонами создают специфическую ситуацию, в которой паракоммуникация переходит в квази-диалог, а нарративы пользователей приобретают характер интимного самоописания [13; 18].

Ключевой теоретический пробел состоит в отсутствии метода, который позволял бы переходить от анализа медиатекста к анализу медиатизированных репрезентаций социально-эмоциональных процессов. Существующие подходы либо работают с самоотчетами, либо ограничиваются описанием контента без выхода на проявления социально-эмоциональных процессов [4; 11]. Поздняков и соавт. отмечают, что основная проблема контент-анализа состоит в обеспечении диагностической достоверности критериев, особенно когда они допускают множественную интерпретацию [11, с. 3]. Радина подчеркивает возможность реконструкции медийных социальных представлений с использованием показателей статистики текста, что открывает путь к косвенному анализу социально-эмоциональных процессов в медиадискурсе [12]. Контекстная воронка заполняет этот пробел, предлагая формализованную процедуру последовательного сужения корпуса от широкого набора текстов к зоне высокой тематической и языковой релевантности.

Результаты. Применение контекстной воронки к корпусу из 457 постов показало последовательное сужение релевантного материала на каждом шаге (табл. 1). После контекстной категоризации (шаг 2) 259 из 457 постов (56,6 %) были отнесены к одной из четырех тематических зон (к = 0,89), что означает: более половины корпуса

содержит тематически релевантный материал. Контекстная зона одиночества, объединяющая три категории, составила 152 из 457 постов (33,3 %) (к = 0,91). Наличие нарративной структуры выявлено в 90 постах (19,7 %), что указывает на то, что лишь каждый пятый текст содержит полноценный нарратив с событием, оценкой и перспективой. Нарративные ядра идентифицированы в 66 постах (14,4 %). Лингвистическая разметка зафиксировала маркеры одиночества в 51 тексте (11,2 %) (к = 0,96). Кросс-валидация контекстного и языкового уровней оставила 41 текст (9,0 %) корпуса, а зона нулевой релевантности составила 19 постов (4,2 %). Таким образом, от исходного корпуса в 457 единиц метод последовательно выделил 41 текст, обладающий полной контекстной и языковой релевантностью.

Наибольшая частота маркеров характерна для зоны «Романтическая близость» (68 маркеров в 34 уникальных текстах), далее следуют «Дружба и социальные связи» (47 маркеров в 29 текстах) и «Эмоциональная поддержка» (37 маркеров в 23 текстах). Категория «Эмоциональное и психическое благополучие», рассматриваемая как смежная проверочная зона, содержит 29 маркеров в 18 текстах (табл. 2). Показатель нарративной насыщенности Dz составляет: для «Романтической близости» — 34/457 = 7,4 %, для «Дружбы и социальных связей» — 29/457 = 6,3 %, для «Эмоциональной поддержки» — 23/457 = 5,0 %. В кросс-валидированном подкорпусе доминируют нарративы, в которых пользователи описывают ИИ-компаньона как единственного собеседника, способного компенсировать дефицит социальных связей. Характерно, что нарративы романтической близости почти исключительно встречаются в r/Replika, что соответствует маркетинговому позиционированию платформы как «AI companion for emotional support».

Сравнение двух сообществ выявило заметные описательные различия: в r/Replika выше доля нарративов о романтической близости (17 из 41 кросс-валидированного текста, 42 % против 12 из 41, 28 % в r/CharacterAI), тогда как r/CharacterAI содержит больше нарративов о дружбе и социальных связях (14 из 41, 35 % против 9 из 41, 22 %). Указанные доли рассчитаны от числа кросс-валидированных текстов (n = 41), а не от всего корпуса. Это согласуется с различием платформенных аффордансов: Replika позиционируется как «AI companion», а Character.AI — как платформа для создания персонажей [2; 13]. Бодрунова и Нигматуллина отмечают, что различия в пользовательском опыте между платформами определяются не только функционалом, но и сформировавшимися вокруг них коммуникативными практиками [2, с. 8].

Выявленные различия следует интерпретировать как результат не только неодинакового пользовательского опыта, но и различий медиакоммуникационной архитектуры сообществ. Позиционирование Replika как персонального ИИ-компаньона поддерживает сценарии романтической и эмоциональной близости, тогда как персонажная модель Character.AI способствует более вариативным дружеским и ролевым сценариям.

Анализ нарративных ядер показал, что наиболее частотным ядром в кросс-валидированном подкорпусе является конструкт «ИИ как единственный собеседник» (встречается в 17 из 41 текста). Второе по частотности ядро — «компенсация дефицита социальных связей» (12 текстов), третье — «эмоциональная безопасность взаимодействия» (8 текстов). Характерно, что нарративы с ядром «ИИ как единственный собеседник» практически не встречаются вне контекстной зоны одиночества, что подтверждает валидность метода: нарративное ядро выступает надежным индикатором тематической отнесенности текста.

Обсуждение. Результаты демонстрируют, что контекстная воронка позволяет последовательно сужать корпус от широкого набора текстов до зоны высокой релевантности, сохраняя при этом воспроизводимость аналитической процедуры. Двухуровневая модель (контекстный и языковой уровни) обеспечивает двойную проверку: текст должен быть релевантен тематически и содержать соответствующие языковые маркеры. Это отличает предложенный метод от подходов, использующих только тематическое моделирование или только лексический анализ [8; 14]. В отличие от чисто автоматизированных NLP-методов, контекстная воронка сохраняет роль исследователя на ключевых шагах категоризации, что снижает вероятность отнесения текста к релевантному подкорпусу на основании единичного контекстного или лексического признака.

Значение контекстной зоны одиночества (33,3 %) не следует интерпретировать как долю одиноких пользователей. Оно указывает на долю текстов, в которых тематика одиночества организует нарративную структуру. Это различие принципиально: медиатекст не тождествен психологическому состоянию, но может отражать его через повторяющиеся тематические и нарративные структуры. Аналогично, зона нулевой релевантности (4,2 %) не означает отсутствия переживаний — она фиксирует тексты, не содержащие соответствующих маркеров в рамках примененного метода. Данная интерпретация согласуется с подходом Радиной, которая рассматривает медиадискурс как источник реконструкции социальных представлений, доступный косвенному анализу [12].

Полученные данные согласуются с исследованиями, показывающими, что взаимодействие с ИИ-компаньонами актуализирует тему одиночества, однако характер этой актуализации различается в зависимости от платформы [13; 18]. Формирование паракоммуникативных связей с ИИ-объектами компенсирует дефицит социального общения, но одновременно поддерживает нарратив об изоляции [15]. Та и соавт. показывают, что пользователи ИИ-компаньонов с высоким уровнем одиночества чаще используют чатботов для эмоциональной поддержки, создавая нарративы, в которых ИИ замещает реальные социальные связи [18]. Метод контекстной воронки позволяет фиксировать этот двойственный эффект на обоих уровнях анализа.

Степень межкодировочной согласованности (Cohen's κ = 0,89–1,00) свидетельствует о высокой надежности процедуры. Наибольшая согласованность достигнута на шагах лингвистической разметки и кросс-валидации, где критерии формализованы наиболее строго. Несколько меньшее значение κ на шаге 2 (0,89) отражает сложность категоризации текстов, допускающих множественную интерпретацию, что согласуется с литературными данными о субъективности контент-аналитических процедур [11; 12]. Поздняков и соавт. отмечают, что именно на этапе первичной категоризации воспроизводимость снижается наиболее значительно, и рекомендуют использовать формализованные критерии для повышения согласованности [11, с. 5].

Практическое применение контекстной воронки не ограничивается тематикой одиночества. Метод может быть адаптирован для анализа любых социально-эмоциональных процессов, оставляющих след в пользовательских медиатекстах: тревожности, социальной изоляции, экологической озабоченности, политической поляризации и других. Для этого необходимо сформировать соответствующий набор тематических зон и лингвистических маркеров, после чего процедура фильтрации остается идентичной. Ключевое преимущество метода — его модульность: тематические словари могут разрабатываться независимо и комбинироваться в зависимости от исследовательской задачи. Это открывает

перспективу создания стандартных методик для мониторинга нарративного содержания медиадискурса в различных предметных областях.

Ограничения. Метод имеет ряд ограничений. Во-первых, корпус ограничен двумя сообществами Reddit, что не позволяет распространять выводы на другие платформы и языки. Во-вторых, контекстная воронка фиксирует нарративную насыщенность текста, а не психологическое состояние автора: значение контекстной зоны указывает на частоту тематического присутствия, а не на распространенность феномена в популяции. Это различие необходимо учитывать при интерпретации результатов: показатель 33,3 % не означает, что треть пользователей одиноки. В-третьих, несмотря на высокую межкодировочную согласованность (Cohen's κ = 0,89–1,00), категоризация на контекстном уровне допускает субъективность, особенно для текстов с множественной тематикой. В-четвертых, метод не учитывает визуальный контент, составляющий значительную долю пользовательских постов. В-пятых, используемый набор маркеров одиночества требует валидации на независимых корпусах. В-шестых, временное сечение данных (один день сбора) не позволяет судить о динамике нарративных паттернов во времени.

Заключение. Метод контекстной воронки предлагает формализованную процедуру косвенного анализа проявлений социально-эмоциональных процессов в пользовательских медиатекстах. В соответствии с поставленными задачами: (1) обоснована двухуровневая модель анализа, в которой контекстный и языковой уровни обеспечивают двойную проверку релевантности текста; (2) описана восьмишаговая процедура фильтрации корпуса, последовательно сужающая его от 457 постов до 41 кросс-валидированного текста с отделением зоны нулевой релевантности (19 постов); (3) метод продемонстрирован на материале нарративов об одиночестве в сообществах ИИ-компаньонов, где контекстная зона одиночества составила 33,3 % корпуса (152 из 457 постов) при межкодировочной согласованности Cohen's κ = 0,89–1,00. Результаты показывают, что пользовательские нарративы об ИИ-компаньонах содержат значимую долю тематического материала, связанного с одиночеством, при этом характер нарративной актуализации различается в зависимости от платформенных аффордансов.

Методологическое значение контекстной воронки состоит в том, что она делает возможным косвенный анализ социально-эмоциональных процессов по данным медиатекстов без обращения к самоотчетным инструментам. При формировании тематических словарей, аналогичных разработанному словарю маркеров одиночества, это дает в целом возможность адаптировать процедуру для оценки тематико-нарративной релевантности медиатекстов в других предметных областях после разработки и независимой валидации соответствующих словарей и кодировочных схем, а при лонгитюдном исследовании выявлять девиации и смещения нарративов, что открывает для исследования новый набор инструментов для оценки медиа. Практическое применение метода может включать мониторинг нарративных сдвигов в медиадискурсе, оценку эффективности медиакампаний и анализ общественных реакций на социальные события через призму нарративного содержания медиатекстов.

Перспективы развития метода включают: автоматизацию шагов лингвистической разметки с применением NLP-инструментов [8; 14]; валидацию на других тематических областях и платформах; разработку стандартных тематических словарей для различных социально-эмоциональных процессов; лонгитюдные исследования нарративных сдвигов в медиадискурсе. Особый интерес представляет применение контекстной воронки к русскоязычным корпусам, что позволит оценить кросскультурную

устойчивость выявленных нарративных паттернов и расширить методологический инструментарий отечественных медиакоммуникационных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабаш В.В. Междисциплинарный подход в процессе обучения медиакоммуникациям в РУДН: Data-интенсив как форма наставничества / В.В. Барабаш, Б.А. Булгарова, С.В. Водопетов // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы. — 2023. — С. 13–19.
2. Бодрунова С.С. Искусственный интеллект в медиасфере: направления исследования, профессиональные противоречия и новые риски / С.С. Бодрунова, К.Р. Нигматуллина // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2025. — № 5. — С. 3–22. — DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.322.
3. Водопетов С.В. Управление эффективностью коммуникации в условиях платформизации медиапространства / С.В. Водопетов // Меди@льманах. — 2025. — № 4 (129). — С. 73–79. — DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2025.7379.
4. Волкова Е.Н. Психологические критерии благополучия современных подростков в контексте изучения цифровой социализации / Е.Н. Волкова, Г.В. Сорокоумова // Социальная психология и общество. — 2024. — Т. 15, № 2. — С. 12–27. — DOI: 10.17759/sps.2024150202.
5. Волохова Н.В. «Невыносимая легкость» одиночества в новых реалиях цифровой среды / Н.В. Волохова, Ю.С. Филиппович // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2022. — Т. 12, № 3. — С. 260–270. — DOI: 10.21869/2223-1552-2022-12-3-260-270.
6. Жижина Е.М. Пользовательский контент как фактор трансформации медиадискурса / Е.М. Жижина // Меди@льманах. — 2024. — № 3 (124). — С. 42–52. — DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2024.4252.
7. Камарали А.В. Информационная культура: грани взаимодействия смыслов / А.В. Камарали // Вестник Донецкого университета. Серия 02. Гуманитарные науки. — 2025. — № 4. — С. 66–72. — DOI: 10.5281/zenodo.18337492.
8. Кузьмина А.А. Методы компьютерной лингвистики и обработки естественного языка: возможности и ограничения для задач психологии личности / А.А. Кузьмина // Современная зарубежная психология. — 2022. — Т. 11, № 1. — С. 104–115. — DOI: 10.17759/jmfp.2022110110.
9. Никитин В.А. Новые реалии цифровой журналистики: измерение масштаба использования искусственного интеллекта в материалах крупнейших российских изданий / В.А. Никитин, С.В. Водопетов // Глобальный научный потенциал. — 2025. — Т. 1, № 11(176). — С. 286–292. — EDN: SZDPVI.
10. Петров Е.Ю. Методология извлечения нарративов из больших массивов данных социальных сетей / Е.Ю. Петров, А.Ю. Саркисова, Д.О. Дунаева, А.С. Воронов, М.Г. Мягков // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2024. — Т. 15, № 3. — С. 315–330. — DOI: 10.18184/2079-4665.2024.15.3.315-330.
11. Поздняков Р. Контент-анализ на основе критериев (CBCA) как инструмент принятия решения о доверии сообщению: диагностическая и прикладная ценность метода / Р. Поздняков, И. Горбунов, Т. Позднякова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. — 2025. — Т. 15, № 1. — DOI: 10.21638/spbu16.2025.109.
12. Радина Н.К. Реконструкция медийных социальных представлений с использованием показателей статистики текста (на материале медиадискурса о пандемии) / Н.К. Радина // Социальная психология и общество. — 2024. — Т. 15, № 1. — DOI: 10.17759/sps.2024150105.
13. Brandtzaeg P.B. My AI Friend: How Users of a Social Chatbot Understand Their Human–AI Friendship / P.B. Brandtzaeg, M. Skjuve, A. Følstad // Human Communication Research. — 2022. — Vol. 48, № 3. — P. 404–429. — DOI: 10.1093/hcr/hqac008.
14. Devlin J. BERT: pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding / J. Devlin [et al.] // Proceedings of NAACL-HLT 2019. — Minneapolis, 2019. — P. 4171–4186. — DOI: 10.18653/v1/N19-1423.
15. Horton D. Mass communication and para-social interaction: observations on intimacy at a distance / D. Horton, R. Wohl // Psychiatry. — 1956. — Vol. 19, № 3. — P. 215–229. — DOI: 10.1080/00332747.1956.11023049.
16. McHugh M.L. Interrater reliability: the kappa statistic / M.L. McHugh // Biochemia Medica. — 2012. — Vol. 22, № 3. — P. 276–282. — DOI: 10.11613/BM.2012.031.
17. Surkalim D.L. The prevalence of loneliness across 113 countries: systematic review and meta-analysis / D.L. Surkalim [et al.] // BMJ. — 2022. — Vol. 376. — Article e067068. — DOI: 10.1136/bmj-2021-067068.

18. Ta V.P. Can generative AI chatbots emulate human connection? A mixed-methods study of companion chatbot usage patterns and their relationship to loneliness / V.P. Ta [et al.] // Computers in Human Behavior. — 2024. — Vol. 156. — Article 108235. — DOI: 10.1016/j.chb.2024.108235.

REFERENCES

1. Barabash V.V., Bulgarova, B.A., & Vodopetov, S.V. (2023). Mezhdistsiplinarnyy podkhod v protsesse obucheniya mediakommunikatsiyam v RUDN: Data-intensiv kak forma nastavnichestva [Interdisciplinary approach in teaching media communications at RUDN: Data-intensive as a form of mentoring]. Sredstva massovoy kommunikatsii v mnogopolyarnom mire: problemy i perspektivy, 13–19. (In Russian)
2. Bodrunova S.S., & Nigmatullina, K.R. (2025). Iskusstvennyy intellekt v mediasfere: napravleniya issledovaniya, professionalnye protivorechiya i novye riski [Artificial intelligence in the media sphere: Research directions, professional contradictions, and new risks]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika (5), 3–22. https://doi.org/10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.322 (In Russian)
3. Vodopetov S.V. (2025). Upravlenie effektivnostyu kommunikatsii v usloviyakh platformizatsii mediaprostranstva [Managing communication efficiency under media space platformization]. MediaAlmanah, (4), 73–79. https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.4.2025.7379 (In Russian)
4. Volkova E.N., & Sorokoumova, G.V. (2024). Psikhologicheskie kriterii blagopoluchiya sovremennykh podrostkov v kontekste izucheniya tsifrovoy sotsializatsii [Psychological criteria for well-being of modern adolescents in the context of digital socialization]. Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo, 15(2), 12–27. https://doi.org/10.17759/sps.2024150202 (In Russian)
5. Volokhova N.V., & Filippovich, Yu.S. (2022). «Nevynosimaya legkost» odinochestva v novykh realiyakh tsifrovoy sredy [«Unbearable lightness» of loneliness in new realities of digital environment]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment, 12(3), 260–270. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-3-260-270 (In Russian)
6. Zhizhina E.M. (2024). Polzovatelskiy kontent kak factor transformatsii mediadiskursa [User-generated content as a factor of media discourse transformation]. MediaAlmanah, (3), 42–52. https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2024.4252 (In Russian)
7. Kamarali A.V. (2025). Informatsionnaya kultura: grani vzaimodeystviya smyslov [Information culture: Facets of meaning interaction]. Vestnik Donetskogo universiteta. Seriya 02. Gumanitarnye nauki, (4), 66–72. https://doi.org/10.5281/zenodo.18337492 (In Russian)
8. Kuzmina A.A. (2022). Metody kompyuternoy lingvistiki i obrabotki estestvennogo yazyka: vozmozhnosti i ogranicheniya dlya zadach psikhologii lichnosti [Computational linguistics and NLP methods: Capabilities and limitations for personality psychology]. Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya, 11(1), 104–115. https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110110 (In Russian)
9. Nikitin V.A. & Vodopetov S.V. (2025). Novye realii tsifrovoy zhurnalistiki: izmerenie masshtaba ispolzovaniya iskusstvennogo intellekta v materialakh krupneyshikh rossiyskikh izdaniy [New realities of digital journalism: Measuring AI usage in major Russian publications]. Globalnyy nauchnyy potentsial, 1(11), 286–292. EDN: SZDPVI (In Russian)
10. Petrov E.Yu., Sarkisova A.Yu., Dunaeva D.O., Voronov A.S. & Myagkov M.G. (2024). Metodologiya izvlecheniya narrativov iz bolshikh massivov dannykh sotsialnykh setey [Methodology of extracting narratives from large social media datasets]. Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie (MIR), 15(3), 315–330. https://doi.org/10.18184/2079-4665.2024.15.3.315-330 (In Russian)
11. Pozdnyakov R., Gorbunov I. & Pozdnyakova T. (2025). Kontent-analiz na osnove kriteriev (CBCA) kak instrument prinyatiya resheniya o doverii soobshcheniyu: diagnosticheskaya i prikladnaya tsennost metoda [Criteria-based content analysis (CBCA) as a decision-making tool for message trustworthiness: Diagnostic and applied value]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya, 15(1). https://doi.org/10.21638/spbu16.2025.109 (In Russian)
12. Radina N.K. (2024). Rekonstruktsiya mediynykh sotsialnykh predstavleniy s ispolzovaniem pokazateley statistiki teksta (na materiale mediadiskursa o pandemii) [Reconstruction of media social representations using text statistics indicators (based on pandemic media discourse)]. Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo, 15(1). https://doi.org/10.17759/sps.2024150105 (In Russian)
13. Brandtzaeg P.B., Skjuve M. & Følstad A. (2022). My AI friend: How users of a social chatbot understand their human–AI friendship. Human Communication Research, 48(3), 404–429. https://doi.org/10.1093/hcr/hqac008
14. Devlin J., Chang M.-W., Lee K. & Toutanova K. (2019). BERT: Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding. In Proceedings of NAACL-HLT 2019 (pp. 4171–4186). Minneapolis. https://doi.org/10.18653/v1/N19-1423

15. Horton D. & Wohl R. (1956). Mass communication and para-social interaction: Observations on intimacy at a distance. Psychiatry, 19(3), 215–229. https://doi.org/10.1080/00332747.1956.11023049
16. McHugh M.L. (2012). Interrater reliability: The kappa statistic. Biochemia Medica, 22(3), 276–282. https://doi.org/10.11613/BM.2012.031
17. Surkalim D.L., Luo R., Eres R., Gebel K., van Buuren M., Gallegos M., Mohebbi M., Lim, M. & Feng X. (2022). The prevalence of loneliness across 113 countries: Systematic review and meta-analysis. BMJ, 376, e067068. https://doi.org/10.1136/bmj-2021-067068
18. Ta V.P. & colleagues (2024). Can generative AI chatbots emulate human connection? A mixed-methods study of companion chatbot usage patterns and their relationship to loneliness. Computers in Human Behavior, 156, 108235. https://doi.org/10.1016/j.chb.2024.108235

Поступила в редакцию 17.06.2026 г.

CONTEXTUAL FUNNEL AS METHOD FOR INDIRECT ANALYSIS OF SOCIO-EMOTIONAL PROCESSES MANIFESTATIONS IN USER-GENERATED MEDIA TEXTS

S.V. Vodopetov

The article deals with the contextual funnel method for indirect analysis of socio-emotional processes in user-generated media texts. The focus is made on the measurability of cultural and contextual narratives represented in media texts, with the study of loneliness serving as a starting parameter for demonstrating the method. The material consists of 457 posts from r/Replika (n = 245) and r/CharacterAI (n = 212) communities (Reddit, March 2026). The funnel successively narrows the corpus from a broad set to a relevant subcorpus, separating the zero-relevance zone, through eight filtering steps at contextual and linguistic levels. As a result of the method application, the contextual zone of loneliness was identified, covering 33.3 % of the corpus (152 out of 457 posts). The cross-validated subcorpus comprised 41 texts (9.0 %), while the zero-relevance zone included 19 posts (4.2 %). Inter-coder agreement reached Cohen's κ = 0.89–1.00 across the funnel steps. The study analyses media texts as cultural artefacts rather than diagnosing users' psychological states: the contextual zone indicates the frequency of thematic presence in narratives, not the prevalence of loneliness in the population. The proposed method enables the formation of thematic dictionaries for assessing narrative content in media texts; however, its transfer to other platforms, languages, and subject areas requires independent validation of the corresponding dictionaries and coding schemes.

***Key words*:** media text, user-generated content, contextual funnel, loneliness, narrative analysis, indirect analysis, Reddit.

Водопетов Сергей Вячеславович.
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Российская Федерация, г. Москва.
Доцент кафедры массовых коммуникаций Филологического факультета РУДН
ORCID 0000-0002-5237-4464.
E-mail: vodopetov-sv@rudn.ru.

Vodopetov Sergei Vjcheslavovich.
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation, Moscow.
Associate Professor of Department of Mass Communications, Faculty of Philology, RUDN University.
ORCID 0000-0002-5237-4464.
E-mail: vodopetov-sv@rudn.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Научная статья
УДК 81’246.2
DOI: 10.5281/zenodo.22910368

НЕЙМСПЕЙСЫ, ОТАКУ И ХАТ-КОНЕРЫ: ТРАНСЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

© 2026 ***Е. А. Денисова***
Государственное автономное общеобразовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»
ORCID 0000-0002-8800-0368

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматривается транслингвизм как социальный маркер и инструмент конструирования идентичности в условиях глобализации и цифровизации. Цель исследования — показать, что транслингвистические практики выходят за рамки лингвистической стратегии, индексируя социальное положение, образование, статус и групповую принадлежность индивида. Теоретическую основу составляют концепции транслингвизма О. Гарсиа, В. Ли, З.Г Прошиной, С. Канагараджа, теория символического капитала П. Бурдье и подходы к анализу языкового суперразнообразия С. Вертович. Эмпирический материал отобран методом направленной выборки из открытых цифровых ресурсов. Анализируются транслингвальные практики в четырёх сферах: IT-среде, аниме-фэндоме, политическом и рекламном дискурсе. Доказывается, что один и тот же гибридный код выполняет двойственную функцию: внутри сообщества он объединяет и маркирует «своего», а на границах становится барьером и инструментом доминирования над «чужими». Делается вывод, что транслингвизм — это не только аналитическая рамка, но и инструмент критического анализа социальных отношений и образовательных парадигм в полиязычном мире.

Ключевые слова: транслингвизм, трансъязычие, социальный маркер, инклюзия, эксклюзия, культурный капитал, гибридная идентичность, переключение кодов, языковое смешение.

Для цитирования: Денисова Е.А. Неймспейсы, отаку и хат-конеры: транслингвистические маркеры в современной коммуникации / Е.А. Денисова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 82–95. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22910368.

1. Введение.

1.1. Теоретические основания: эволюция терминологии

Рост интереса к гибридным языковым и культурным феноменам обусловливает методологический сдвиг: от понимания межъязыкового и межкультурного взаимодействия как контакта дискретных сущностей — к трактовке этих процессов как флюидных, континуальных явлений, не поддающихся чёткому разграничению. Данный парадигмальный сдвиг находит отражение в терминологии: префиксы bi-, inter-, cross- (bilingual, international, cross-cultural) уступают место префиксу trans- (translingual, transcultural), акцентирующему проницаемость границ и процессуальность практик в глобализованном мире [2, с. 44]. В англо-американской лингвистической традиции термин «транслингвизм» разграничивается на две связанные, но не тождественные концепции: translanguaging (трансъязычие) и, собственно, translingualism (транслингвизм). Ключевое методологическое различие между ними, согласно О.Н. Гич, состоит в том, что «translanguaging фокусируется на языковых практиках в конкретной ситуации общения, тогда как translingualism охватывает более широкие

аспекты трансграничного использования языков — литературу, образовательные стратегии, цифровую коммуникацию и социальные сети, где языки нередко переплетаются» [2, с. 45].

Сходную точку зрения высказывают Г. Данилина и Е. Хромова: «в отличие от translanguaging, термин translingualism преимущественно применяется на пересечении литературы, медиа и цифровой коммуникации, где смешение языковых кодов выступает одновременно художественным и политическим инструментом» [9, с. 11]. Данная концепция используется для анализа текстов, преодолевающих националистические, лингвистические и культурные барьеры, а также в медийных и цифровых контекстах, отражая глобальный поиск новых форм выражения в эпоху цифровизации и размывания территориальных границ. Таким образом, «translingualism может рассматриваться как ответ на вызовы постинформационного общества, в котором традиционные языковые границы утрачивают своё значение» [2, с. 46]. Отметим появление описательных переводческих эквивалентов в отношение транслингвизма, среди которых «гибридные коммуникативные практики», «трансъязыковая коммуникация», свидетельствующее о намерении исследователей выделить смысловые компоненты термина и облегчить его освоение в российском академическом контексте. В русскоязычном научном дискурсе транслингвизм концептуализируется как сложный, многоаспектный феномен, отражающий динамику взаимодействия языков и культур в билингвальных и мультикультурных контекстах.

1.2. Трансъязычие (translanguaging) как коммуникативная практика

Согласно определению А. Пэнникука, трансъязычие представляет собой использование всего коммуникативного репертуара говорящего, в результате чего языки и культуры плавно перетекают друг в друга, оказывая взаимное влияние (что выражается в феноменах трансференции и интерференции) [17]. Трансъязычие носит деятельностный и речетворческий характер, являясь новым, творческим, трансформирующим и интегрирующим способом использования всех доступных билингву языковых ресурсов. Дополнительные возможности для речетворческой деятельности возникают именно в «неопределённой» зоне на границе языков. Как утверждает С. Канагараджа, транслингвы способны успешно использовать языки своего билингвального репертуара, порой нарушая нормы, лавируя между кодами и адаптируя их к собственным целям и специфическим контекстам [7].

Трансъязычие находит применение в лингвистике, педагогике, транслингвальной литературе, рекламе и переводе. В социолингвистике понятие трансъязычия значимо для определения вариативности плюрицентрических языков и находит отражение прежде всего в парадигме World Englishes, согласно которой варианты английского языка — особенно те, что считаются неродными для их пользователей, — представляют собой транслингвальные социолингвистические образования. Они возникают в результате культурно-языкового контакта, характеризуются специфическими чертами, обусловленными влиянием автохтонного языка и отражением автохтонной культуры, и присущи не отдельному индивиду, а целому речевому сообществу. Так, «русский вариант английского не должен рассматриваться как дефектная речь. Его признаки в той или иной степени прослеживаются в речи образованных русских, способных поддерживать межкультурную коммуникацию на английском языке и передавать через этот язык-посредник информацию о себе и культуре своего социума. Следовательно, языковой вариант опосредованно отражает культуру и менталитет его носителей» [5, с. 161]. Трансъязычие (translanguaging), таким образом, представляет собой не просто сумму индивидуальных языковых навыков, а

динамичную, ситуативно обусловленную практику, в которой языковые границы становятся проницаемыми, а весь лингвистический репертуар говорящего — единым ресурсом для конструирования смысла и социального позиционирования.

1.3. Транслингвизм как социальный маркер и символический капитал

Выходя за рамки простого смешения кодов (code-meshing), транслингвизм понимается как целостная коммуникативная компетенция, позволяющая говорящему использовать весь свой лингвистический репертуар для эффективного взаимодействия и смыслопорождения [10]. Концепция транслингвизма, развитая в трудах О. Гарсиа и В. Ли, изначально была педагогическим инструментом для поддержки многоязычных обучающихся. Однако она быстро переросла в широкую социолингвистическую теорию, отвечающую вызовам «суперразнообразия» (superdiversity) [19]. Однако лингвистический аспект представляет лишь одну грань данного явления. Основной тезис настоящей статьи состоит в том, что транслингвизм функционирует как мощный социальный маркер — знак, позволяющий идентифицировать индивида или группу в социальной структуре, указывая на их происхождение, образование, статус, идеологические установки и принадлежность к глобальным или локальным сообществам.

Транслингвизм может рассматриваться как проницаемость языковых границ, их взаимовлияние, порождающее «текучую» лингвистическую реальность, которая характеризуется размытостью и нечеткостью. В условиях глобальной мобильности подобные «транслингвальные потоки» становятся мощным фактором трансформации языков и культур, формируя новую социолингвистическую парадигму [5, с. 160]. Дальнейшее развитие этой парадигмы связано с отказом от представления о языках как о дискретных, герметичных сущностях. Как утверждает Л. Хамман-Ортис, уже назрела необходимость рассматривать трансформативный потенциал транслингвизма не как бинарную оппозицию («есть / нет»), а как спектр возможностей — от простого признания языкового разнообразия до целенаправленных социальных действий по изменению неравных условий коммуникации [12, с. 737–739]. В этом смысле языковая гибридизация перестаёт быть стихийным побочным эффектом глобализации и осмысляется как осознанная агентная практика, посредством которой говорящий конструирует свой социальный статус.

Социальная значимость транслингвизма раскрывается в рамках теории П. Бурдье, рассматривающей язык как форму «символического капитала» и инструмент символической власти [1]. Владение определёнными языковыми ресурсами и способность уместно их демонстрировать становятся частью «габитуса» — системы диспозиций, определяющих положение индивида в социальном поле. Транслингвистическая практика не является нейтральной; она всегда оценивается и интерпретируется в конкретном социальном контексте и выступает маркером гибридной и транснациональной идентичности говорящего [1; 3, с. 34–35].

В условиях миграции и диаспоральной жизни язык становится ключевым ресурсом для конструирования идентичности. Транслингвизм позволяет индивидам не выбирать между «языком дома» и «языком общества», а создавать гибридное пространство, где обе части их «я» сосуществуют и взаимодействуют. Как отмечает С. Канагараджа, в цифровых пространствах (социальных сетях, мессенджерах) транслингвизм становится основным способом самопрезентации для транснациональной молодёжи, создавая «третье пространство» идентичности, не сводимое ни к стране исхода, ни к стране проживания [7]. Эту двойственную природу транслингвизма как маркера особенно наглядно иллюстрирует анализ цифровых гибридных текстов. Если в устной спонтанной

речи смешение кодов часто является неосознанным, то в письменных дискурсах социальных сетей транслингвизм приобретает черты стратегического ресурса самопрезентации. Отечественные и зарубежные исследователи данного вопроса, обобщая данные по многоязычной литературе и цифровому пространству, приходят к выводу, что намеренное нарушение языковых границ сигнализирует не о дефиците, а об избытке лингвистического капитала — способности свободно перемещаться между разными семиотическими системами. Именно эта способность превращает транслингвизм из простой практики выживания диаспоры в престижный маркер глобальной мобильности и культурной сложности.

Вместе с тем было бы научно недобросовестным абсолютизировать исключительно позитивный потенциал транслингвизма. Ряд исследователей предостерегают от некритического принятия этого подхода, особенно в институциональных контекстах, связанных с письменной речью и формальным образованием. Так, Й. Геверс отмечает, что легитимация языкового смешения в академическом дискурсе не всегда ведёт к эмансипации обучающегося: в ряде случаев неконтролируемая гибридизация может закреплять стигматизированные периферийные формы, препятствуя доступу носителя к «престижным» языковым ресурсам, необходимым для социального восхождения [11, с. 77–79]. Следовательно, социально-маркерная функция транслингвизма носит амбивалентный характер: один и тот же гибридный акт может быть прочитан как демонстрация сложной идентичности (инклюзия) либо как недостаточная языковая компетенция (эксклюзия) — в зависимости от позиции наблюдателя в социальном поле [3, с. 35–36]. Транслингвизм, таким образом, может быть как инструментом инклюзии, так и эксклюзии.

1.4. Коммуникативные стратегии и языковые явления

Транслингвальная парадигма может рассматриваться с позиций следующих явлений: мультилингвизм и плюрилингвизм, переключение кодов, смешение кодов, окказиональные заимствования, кодовая амбигуация.

Мультилингвизм и плюрилингвизм. В рамках данного исследования мы опираемся на разграничение, предложенное Советом Европы: под мультилингвизмом понимается многоязычие как характеристика социума (наличие нескольких языков на определённой территории), тогда как плюрилингвизм трактуется как многоязычный репертуар отдельного индивида [8].

Переключение кодов (code-switching) — использование двух или более языков в рамках одного акта взаимодействия, чередование языков в пределах одного предложения или разговора. Переключение может быть как осознанным, так и неосознанным и указывает на смену ролей говорящего [16, с. 329]. Транслингвизм, в отличие от переключения кодов, предполагает целостное использование всего языкового репертуара без жёстких границ между кодами [14, с. 10–11]. В русскоязычной академической традиции наряду с термином «переключение кодов» используется также «смена кода» (оба варианта равноправны и взаимозаменяемы).

Смешение кодов (code-meshing) — практика смешения различных языковых разновидностей или регистров для достижения риторического эффекта в письменной речи. Данное понятие опирается на феномен переключения кодов. В широком смысле смешение кодов допускает целенаправленную интеграцию любых лингвистических ресурсов: диалектов, международных языков, местных идиом, жаргона чатов, а также риторических стилей различных этнических и культурных групп — как в формальных, так и в неформальных речевых актах [11, с. 75]. Существенно, что эти ресурсы

рассматриваются как мобильные и текучие коды, которые могут быть присвоены и переосмыслены в новых контекстах для создания новых значений [11, с. 75].

Окказиональные заимствования, которые некоторые исследователи характеризуют как «однословные кодовые переключения» или «вкраплённые кодовые переключения» (insertional code-switching) [6, с. 25].

Кодовая амбигуация (code ambiguation) — билингвальная стратегия, представляющая собой намеренное создание единиц с неопределённым языковым статусом, размывающих границы между контактирующими языками [6, с. 25].

В прагматико-коммуникативном измерении транслингвизм рассматривается как стратегия расширения коммуникативного потенциала — адаптация языкового репертуара к конкретным целям общения. Эта интерпретация исходит из отсутствия жёстких границ между языками в сознании билингва и соотносится с концепцией языкового репертуара как динамичного набора инструментов, мобилизуемого в зависимости от контекста.

Таким образом, транслингвизм — это не только аналитическая рамка для изучения языковых практик, но и инструмент критического анализа социальных отношений и трансформации образования в полиязычном глобализованном мире. В научной парадигме транслингвизма анализ диады «текст — дискурс» также может являться ключевым для исследования языкового взаимодействия как социального маркера [4, с. 170]. Такой подход позволяет выявить, как через конкретные транслингвальные тексты (например, гибридные высказывания в соцсетях или профессиональном жаргоне) конструируются особые формы дискурса, которые, в свою очередь, формируют гибридную идентичность и преодолевают культурные барьеры не через ассимиляцию, а через синтез.

Русскоязычное академическое сообщество активно вовлечено в освоение новых подходов к изучению гибридных языковых и культурных практик, отражающих современные тенденции в мировой науке [2, с. 44]. Изучение транслингвизма проливает свет на роль современного русского языка в глобальном контексте: он предстаёт не как замкнутая система, а как гибкий ресурс в процессах социального позиционирования. В условиях глобализации данный анализ приобретает особую значимость, поскольку создаёт основу для разработки инклюзивных моделей, учитывающих транслингвальную природу современной межкультурной коммуникации.

Цель и задачи. Цель исследования — продемонстрировать, что транслингвизм выступает не просто лингвистической стратегией, но и сложным социальным маркером, который индексирует принадлежность к определённым социальным группам, отражает властные отношения и формирует новый тип культурного капитала в условиях глобализации и цифровизации. Для этого следует определить, каким образом транслингвистическая компетенция превращается в культурный капитал, повышающий социальную мобильность в глобальных профессиональных сферах; проанализировать двойственную роль транслингвизма как механизма инклюзии и эксклюзии; выявить функционал транслингвизма как маркера групповой принадлежности и инструмента конструирования гибридной идентичности.

Материалы и методы исследования. Эмпирический материал отобран методом направленной выборки из открытых цифровых ресурсов (социальные сети, форумы, профессиональные блоги). Отбор примеров производился с учётом их частотности и репрезентативности для современной русскоязычной IT-среды, аниме-субкультуры, медийной сферы. Анализировались дискуссии на специализированных IT-форумах

(Habr, Toster, Клерк), обсуждения в профессиональных группах ВК и каналах (например, «Библиотека программиста», Slack-канал), комментарии к публикациям на платформе LeetCode, переписка в публичных репозиториях на GitHub, портале VC.ru. Далее, объектом анализа выступили дискурсивные практики на аниме-форумах (MyAnimeList, AnimeDB.ru), на платформах Reddit и Shikimori.Club, в группах социальной сети «ВКонтакте» («Японская анимация», «Отаку-культура» и др.). Стенограммы выступлений российских политиков (в том числе депутатов Государственной Думы, губернаторов, общественных деятелей), опубликованные на официальных сайтах партий и в СМИ, а также публикации в бизнес-изданиях в равной мере представляют интерес.

Методологическую основу составили: теоретико-понятийный анализ ключевых категорий, социолингвистический и дискурс-анализ, сравнительно-сопоставительный метод. Такой междисциплинарный подход позволяет не просто описать явление, но и выявить его системную роль в социальной структуре современного общества.

Основная часть.

2. Транслингвизм как маркер инклюзии и эксклюзии

Анализ эмпирического материала позволил выделить несколько сфер, где транслингвистические практики наиболее рельефно проявляют свою социально-маркерную функцию.

2.1. Профессиональные сообщества: транслингвизм в IT-среде

Транслингвизм в профессиональной IT-среде выполняет функцию мощного социального маркера, мгновенно идентифицирующего специалиста как часть глобального, но закрытого сообщества. Гибридная речь, часто называемая «Runglish» или «IT-русским», служит не только для эффективной коммуникации, но и для конструирования групповой идентичности и установления границ [3, с. 36–37].

***Маркеры инклюзии* (*«пароль для своих»*):**

Глаголы с русскими приставками и суффиксами от английской основы:

«Я этот фикс уже запушил в мастер, но его нужно проревьюить» [Habr, GitHub]. / Я отправил [push] исправление [fix] в основную ветку [master], но его нужно проверить [review].

«Пользователь кликнул сюда, но ничего не захаппенилось» [Toster]. / Ничего не произошло [happen]. Социальный маркер: свободное владение данным языковым кодом демонстрирует не только знание терминов, но и погружение в ежедневные процессы, маркируя человека как опытного практика.

Номинализация и создание гибридных существительных:

«Этот пруф-оф-концепт убедил стейкхолдеров» [Библиотека программиста]. / Доказательство концепции [proof of concept] убедило заинтересованные стороны [stakeholders].

«Смотри не напутай с неймспейсами в этом микросервисе» [Slack-канал] / Пространства имён [namespaces] в микросервисе [microservice].

Социальный маркер: использование таких номинаций без перевода сигнализирует о владении современными лингвоконцепциями, являющимися обязательным культурным капиталом в данной сфере.

Цельные идиоматические конструкции и фразы-команды:

• «Давай соберёмся у доски и сделаем брайншторм по этому пиару» [GitHub] / Проведём мозговой штурм [brainstorm] по этому pull request’у [PR].

Социальный маркер: такие фразы отражают саму философию открытого кода и коллаборации. Их использование в речи маркирует говорящего как часть культуры GitHub и open-source сообщества.

Маркеры эксклюзии (***создание барьеров для «чужих»***)***:***

Внутрикорпоративная коммуникация с непрофильными отделами:

IT-специалист на встрече с отделом маркетинга: «Наш CDN закешировал ассеты, но JS-бандл слишком тяжёлый, из-за чего TTFB растёт. Нужен ленивый лоадинг» [Клерк]. Предполагаемая реакция непрофильной аудитории: полное непонимание и восприятие IT-отдела как «секты со своим языком».

Социальный маркер: неадаптированный транслингвизм в междисциплинарной коммуникации становится инструментом символического доминирования и защиты профессиональной автономии, сознательно или бессознательно маргинализируя «непосвящённых».

На собеседовании (*как фильтр*)*:*

Вопрос интервьюера: «Опиши, как бы ты построил краудсорсинговую платформу с учётом проблем скейлабилити и кэш-инвалидации?» [LeetCode]. Неспособность оперировать терминологией маркирует кандидата как «человека не из нашей тусовки» или отстающего от современных трендов.

Представленные примеры наглядно иллюстрируют, как один и тот же лингвистический феномен — профессиональный транслингвизм — функционирует как социальный маркер с двойным действием. Внутри группы он является капиталом сплочения и эффективной коммуникации, а на её границах превращается в инструмент символического различения, поддерживающего профессиональную иерархию и статус. Это подтверждает тезис о том, что транслингвизм редко бывает нейтральным; он всегда встроен в отношения власти и социального позиционирования.

2.2. Субкультурные сообщества: транслингвизм в аниме-фэндоме

Транслингвизм в среде поклонников аниме также выполняет маркерную функцию, однако с иной акцентуацией. Здесь доминирует не столько профессиональная идентичность, сколько принадлежность к глобальной медийной субкультуре [13, 15, 18]. Анализ дискурсивных практик на специальных форумах (MyAnimeList, Reddit, и др.), в социальных сетях и тематических сообществах мессенджеров также позволяет выделить два типа транслингвистических маркеров: инклюзивные («пароли для своих», сигнализирующие о глубокой погружённости в субкультуру) и эксклюзивные (маркирующие дистанцию по отношению к «новичкам» или «внешним» участникам).

Инклюзивные маркеры («пароли для своих»)

Эти единицы демонстрируют высокую степень инкультурации в аниме-сообщество и часто используются для быстрого распознавания «своего».

1. Лексические заимствования из японского и английского языков (*минимально адаптированные*)*:*

«Этот тайтл — чистый исэкай с элементами гаремника, но с неплохим сэйю» [MyAnimeList].

– «Тайтл» (от англ. title, но в фэндоме — конкретное аниме/манга), «исэкай» (яп. 異世界 — «другой мир», жанр о переносе в иное измерение), «сэйю» (яп. 声優 — актёр озвучивания).

Социальный маркер: говорящий свободно оперирует жанровой терминологией и знает, кто стоит за голосом персонажа. Воспринимается как «эксперт», а не «новичок».

«Я вчера заддюжил новый эпизод, но сабы были кривые» [AnimeDB.ru].

– От англ. to sub (субтитровать) через японское посредничество. Способность и желание заниматься фанатским переводом — высокий статус в сообществе.

«Спойлерни мне, кто такой ками — да это же ояодзи!» [ВКонтакте]

– «Ками» (яп. 神 — божество, дух), «ояодзи» (яп. 親父 — отец, «старик» в жаргоне). Гибридный глагол («спойлерни» — русская форма от англ. spoiler) + японские номинации.

Социальный маркер: не просто знание лексики, но и понимание культурных стереотипов (значение «ояодзи» в контексте аниме).

2. Сложные гибридные конструкции и термины западного происхождения, переосмысленные в данной среде:

«Этот сёнэн такой депрессивный, сплошной ангст!» [Shikimori.Club].

– «Сёнэн» (яп. 少年 — мальчик, жанр аниме для юношей); «ангст» (от нем. Angst / англ. angst — психологический термин, в фэндоме означающий мрачную, депрессивную атмосферу).

Социальный маркер: использование психологизированной западной лексики для описания аниме-сюжетов маркирует принадлежность к более взрослой, аналитической части фэндома, читающей рецензии и участвующей в дискуссиях о нарративе.

3. Целостные фразы:

«It's a trap!»

Контекст: Фраза, ставшая мемом из аниме Tengen Toppa Gurren Lagann, используется при появлении персонажа, чей пол визуально неочевиден (отсылка к тропу «отококо» — мальчика, который выглядит как девочка).

Социальный маркер: Игнорирование русского языка в пользу английского мема для фиксации специфического тропа. Употребление этой фразы сигнализирует, что человек не просто смотрел аниме, но и погружён в культуру обсуждения на западных форумах (Know Your Meme, Reddit).

Эксклюзивные маркеры (создание барьеров для «чужих»)

Те же самые или специально усложнённые практики могут служить для проверки «свой-чужой» и создания образа закрытого эзотерического клуба.

1. Гипертрофированное использование терминов с целью проверки:

«Как тебе эндинг? Я плакал над вайфу» [Отаку-культура].

– «Эндинг» (англ. ending — финальная песня / развязка), «вайфу» (от англ. wife, в фэндоме — любимый женский персонаж, буквально «жена» с японским произношением). Маркер эксклюзивности возникает не из-за самих слов, а из-за плотности их употребления.

Социальный эффект: опытный фанат мгновенно идентифицирует собеседника как «своего», а новичок или случайный зритель, кому такое предложение непонятно, будет маргинализирован в беседе.

2. Идеологическое маркирование:

Термины «Отаку» и «Вябу» [Шикимори — онлайн энциклопедия]. Контекст: В японском контексте «отаку» (яп. お宅) долгое время имел негативную коннотацию социально неловкого, одержимого фаната. В западном фэндоме произошла трансвальвация (переоценка ценности) и слово стало знаком гордости («я — фанат»).

Однако внутри самого западного сообщества существует жёсткий эксклюзивный маркер: деление на «отаку» (истинные фанаты, знающие японскую культуру) и «виабу»/«вибов» (от англ. weeaboo — человек с нездоровой, поверхностной одержимостью Японией, отрицающий свою культуру). Как отмечают блогеры, быть названным «виабой» — оскорбление, означающее культурно невежественного фетишиста.

Социальный маркер: называя себя «отаку», говорящий маркирует дистанцию от «токсичных» или «поверхностных» фанатов, претендуя на более «глубокое» и «правильное» понимание японской культуры.

3. Отказ от перевода как демонстрация превосходства:

«Ну, это было настолько цундэрэ, аж тошно» [Shikimori.Club].

– «Цундэрэ» (яп. ツンデレ) — крайне специфичный термин, описывающий персонажа (обычно девушку), который ведёт себя агрессивно или отстранённо (цун-цун), но внезапно становится застенчивым и ласковым (дэрэ-дэрэ).

Социальный маркер: не существует прямого короткого аналога в русском языке. Говорящий намеренно не использует описательный оборот («капризная, но на самом деле добрая»), а требует от собеседника знания этого японского архетипа. Непонимание маркирует собеседника как «недостаточно опытного» для серьёзного разговора о жанре.

Анализ аниме-фэндома подтверждает амбивалентную природу транслингвизма как социального маркера. «Инклюзивные» практики (использование такой лексики как исэкай, цундэрэ, сэйю и др.) служат «паролем» для быстрой идентификации опытного члена глобального сообщества. Однако те же самые термины или мета-маркеры самоидентификации (отаку vs виабу) превращаются в «эксклюзивные», создавая внутренние иерархии (настоящий фанат / поверхностный фанат) и отгораживая сообщество от непосвящённых. Таким образом, транслингвизм в субкультурах является одновременно инструментом солидарности и символического насилия по отношению к «чужакам».

2.3. Политический дискурс: транслингвизм как инструмент идеологического позиционирования

В публичном дискурсе транслингвизм перестаёт быть спонтанной практикой. Он становится сознательно используемым социальным маркером, с помощью которого говорящий конструирует образ себя и своей аудитории, одновременно включая одних и исключая других.

Контекст: выступление политика, позиционирующего себя как «народного защитника». Маркирование «элиты» vs «народа»:

«Пока топ-менеджеры сытых госкорпораций летали на саммиты в Давос, наши пенсионеры не могли оплатить коммуналку. Пора прекратить эту политкорректность и заниматься реальными проблемами хат-конеров» (от англ. сленг «hot coner» — «горячий уголок», т.е. неблагополучный район)» [Госдума.рф].

Социальный маркер: лексемы, обозначающие элиту (топ-менеджеры, саммиты, Давос, госкорпорации) используются с иронией или осуждением, чтобы маркировать оппонентов как оторванную от народа, космополитичную, «глобалистскую» касту. Сленговый гибрид «хат-конер» служит маркером «подлинной» связи с простыми людьми, их проблемами и языком улицы, в противовес «искусственному» языку элит.

2.4. Медиа и реклама: транслингвизм как маркер статуса

В глянцевых медиа транслингвизм маркирует успешность и глобальность: «Наш герой — настоящий селфмейдмен. Его стартап прошёл этап просид-инвестиций... Секрет его успеха — work-life balance» [Forbes.ru]. Плотное скопление бизнес-англицизмов маркирует текст и его героя как принадлежащих к миру глобального бизнеса и транснациональной элиты.

Социальный маркер: плотное скопление бизнес-англицизмов (стартап, просид-инвестиции) маркирует текст и его предмет как принадлежащие к миру современного, технологичного, глобального бизнеса. Калькированные концепты

(work-life balance, селфмейдмен) сигнализируют о причастности к прогрессивной, заботящейся о себе западной корпоративной культуре.

Заключение.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

Транслингвистическая компетенция превращается в культурный капитал, повышающий социальную мобильность. Наиболее отчётливо это проявляется в IT-среде, где владение гибридным кодом служит маркером профессионализма и допуском к сообществу и фактором успешного трудоустройства.

Транслингвизм выполняет двойственную роль механизма инклюзии и эксклюзии. Внутри сообщества (профессионального, субкультурного, идеологического) он объединяет и маркирует «своего». На границах тот же код становится барьером и инструментом символического доминирования над «чужими».

Транслингвизм выступает маркером групповой принадлежности и инструментом конструирования гибридной идентичности — от транснациональной IT-элиты до закрытых субкультурных сообществ и идеологически ангажированных политических дискурсов.

Транслингвизм демонстрируется не просто как лингвистическая стратегия, но как сложный социальный маркер, индексирующий принадлежность к социальным группам, отражающий властные отношения и формирующий новый тип культурного капитала в условиях глобализации и цифровизации.

Проведённое исследование подтверждает, что транслингвизм в современном мире перестаёт быть исключительно лингвистическим феноменом и приобретает статус сложного социального маркера, функционирующего на пересечении языка, идентичности и властных отношений. На материале IT-сообщества, аниме-фэндома, политического и рекламного дискурса было показано, что транслингвистические практики служат инструментом социального позиционирования, конструирования групповых границ и трансформации культурного капитала.

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующих направлениях: (1) количественный анализ распространённости транслингвистических практик в разных возрастных и профессиональных группах; (2) сопоставительное изучение транслингвизма в различных языковых парах (не только с английским как языком-донором); (3) исследование отношения к транслингвизму со стороны институциональных акторов (например учителей, военнослужащих и др.) как фактора сохранения или преодоления символического неравенства; (4) анализ транслингвизма в письменных жанрах (научная публицистика, цифровая литература, художественная литература, техническая документация).

Таким образом, транслингвизм предстаёт не как языковая аномалия или временное языковое явление, а как закономерный ответ на вызовы глобализации, цифровизации и суперразнообразия. Его изучение требует выхода за рамки собственно лингвистического анализа в поле социальной семиотики, социологии языка и критического дискурс-анализа. Считаем, что междисциплинарный подход позволяет понять, каким образом языковая гибридизация одновременно отражает и конструирует социальную структуру современного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиотека программиста. — Режим доступа: https://vk.ru/proglib/ (дата обращения: 04.05.2026).
2. Бурдье П. Социология социального пространства / П. Бурдье // Серия: Gallicinium. Пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Алетейя, Институт экспериментальной социологии, 2007. — 288 с.

3. Гич О.Н. Компьютерные методы в исследовании транслингвальных концепций: дифференциация терминов translanguaging и translingualism / О.Н. Гич // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2025. — Т. 11. — № 4. — С. 42–62. — DOI 10.18413/2313-8912-2025-11-4-0-3.
4. Главное о миллиардерах, бизнесе, финансах. — Режим доступа: https://www.forbes.ru/ (дата обращения: 04.05.2026).
5. Государственная дума. — Режим доступа: http://duma.gov.ru/ (дата обращения: 04.05.2026).
6. Денисова Е.А. Между кодами: транслингвизм и новая социальная навигация / Е.А. Денисова // Когнитивные исследования языка. — Тамбов–Пятигорск, 2026. — Вып. 1 (66). — С. 34–38.
7. Канал Slack. — Режим доступа: https://blog.skillfactory.ru/glossary/slack/?ysclid=mtfqczfsjh952101806 (дата обращения: 04.05.2026).
8. Литвинчук И.Н. «Текст» и «дискурс» в эпоху транслингвизма: соотношение и интерпретация понятий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. — 2024. — Том 10 (76). — № 4. — С. 160–178. — DOI 10.29039/2413-1679-2024-10-4-160-178.
9. Медиаплатформа VC.ru. — Режим доступа: https://vc.ru/(дата обращения: 04.05.2026).
10. Отаку-культура. — Режим доступа: https://vk.ru/wall-166309226_1337?ysclid=mtfpiqfiwx929835625 (дата обращения: 02.05.2026).
11. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение / З.Г. Прошина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. — 2017. — Т. 014. — № 2. — С. 155–170. — DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170.
12. Ривлина А. А. Формирование глобального англо-местного билингвизмаи усиление транслингвальной практики / А. А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2016. — № 2 (50). — С.22–29.
13. Форум Клерк.ру. — Режим доступа: forumklerk.ru (дата обращения: 04.05.2026).
14. Форум Habr. — Режим доступа: https://4pda.to/forum/index.php?showtopic=566249 (дата обращения: 04.05.2026).
15. Форум Toster. — Режим доступа: https://web.archive.org/web/20160802192535/https://toster.ru/ (дата обращения: 04.05.2026).
16. Шикимори — онлайн энциклопедия аниме и манги. — Режим доступа: https://shikimori.io/main (дата обращения: 02.05.2026).
17. AnimeDB.ru. — Режим доступа: https://sourceforge.net/projects/animedb/ (дата обращения: 02.05.2026).
18. Canagarajah S. Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations / S. Canagarajah; — London, New York: Routledge, 2013. — 224 p.
19. Council of the European Union, Brussels, 14 February 2008. — Режим доступа: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/97669.pdf (дата обращения: 01.05.2026).
20. Danilina G.I., Khromova E.O. Transitive Literary Discourse in the Modern Novel / G.I. Danilina, E.O. Khromova // Philological Class, 2021. — Vol. 26. — No. 4. — pp. 9–18. — DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-01.
21. García O., Lee W. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. London: Palgrave Macmillan. Basingstoke, U.K, 2014. — 165 p.
22. Gevers J. Translingualism revisited: Language difference and hybridity in L2 writing / J. Gevers // Journal of Second Language Writing, 2018. — Т. 40. — pp. 73–83. — DOI: 10.1016/j.jslw.2018.04.003.
23. GitHub. — Режим доступа: https://skillbox.ru/media/code/chto-takoe-github-i-kak-im-polzovatsya/(дата обращения: 04.05.2026).
24. Hamman-Ortiz L. Conceptualizing the Transformativeness of Translanguaging: A Spectrum Perspective / L. Hamman-Ortiz // Modern Language Journal, 2025. — Т. 109(4). — pp. 732-752. DOI:10.1111/modl.70011.
25. Jenkins H. Interview on Boys' Love, Cosplay and Chinese Fandom / H. Jenkins; 30 January, 2018. — Режим доступа: https://henryjenkins.org/blog/2018/1/14/boys-love-cosplay-and-chinese-fandom-an-interview (дата обращения: 04.05.2026).
26. King L. The Impact of Multilingualism on Global Education and Language Learning / L. King; — Cambridge English Perspectives, 2017. — 52 p.

27. Maud L., Yang L., Zhao J.J. Boys' Love, Cosplay, and Androgynous Idols: Queer Fan Cultures in Mainland China, Hong Kong, and Taiwan / L. Maud, L. Yang, J. J. Zhao; Hong Kong University Press, 2017. — 292 p. — DOI: 10.2307/j.ctt1rfzz65.
28. Moody S., Eslami Z.R. Political discourse, code-switching, and ideology / S. Moody, Z. R. Eslami // Russian Journal of Linguistics, 2020. — T. 24 (2). — C. 325–343. — DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-325-343.
29. MyAnimeList. — Режим доступа: https://shikimori.io/forum/news/333870-myanimelist (дата обращения: 02.05.2026).
30. Pennycook A. Posthumanist Applied Linguistics / A. Pennycook; — London: Routledge, 2018. — 178 p.
31. Problems — Leetcode. — Режим доступа: https://leetcode.com/problemset/ (дата обращения: 04.05.2026).
32. Tsutsui W. M. Nerd Nation: Otaku and Youth Subculture in Contemporary Japan / W. M. Tsutsui // Education About Asia, 2008. ― T. 13(3) — pp. 12–18. — DOI:10.65959/eaa.887
33. Vertovec S. Superdiversity. Migration and Social Complexity / S. Vertovec; Abingdon: Taylor & Francis, 2023. — 251 p. — DOI 10.4324/9780203503577.

REFERENCES

1. Biblioteka programista [Programmer's Library]. Retrieved from https://vk.ru/proglib/ (accessed: 04.05.2026). (In Russian).
2. Burdie, P. (2007). Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva [Sociology of social space]. Gallicinium. (transl.from French N.A. Shmatko), 288 p. Moscow: Aleteya, Institute of Experimental Sociology. (in Russian)
3. Gich, O. N. (2025). Kompjuterniye metodi v islidovanii translingvalnikh kontseptsiy: diferentsiatsiya terminov translanguaging i translingualism [Computer-based methods in the study of translanguaging concepts: differentiation of the terms translanguaging and translingualism]. Nauchniy resultat. Voprosi teoreticheskoy i prikladnoy linvisitiki [Scientific result. Issues of theoretical and applied linguistics], 11 (4), 42–62. DOI 10.18413/2313-8912-2025-11-4-0-3. (In Russian).
4. Glavnoye o miliarderah, biznese, finansah [The main thing about billionaires, business, and finance]. Retrieved from https://www.forbes.ru/ (accessed: 04.05.2026). (In Russian).
5. Gosudarsvennaya Duma [State Duma]. Retrieved from http://duma.gov.ru/(accessed: 04.05.2026). (In Russian).
6. Denisova, E.A. (2026). Mezhdu kodami: translingvizm i novaya navigatsiya [Between Codes: Translingualism and New Social Navigation]. Kognitivniye isledovaniya yazika [Cognitive Studies of Language], 1 (66), 34-38. Tambov-Pyatigorsk. (In Russian).
7. Slack channel. Retrieved from https://blog.skillfactory.ru/glossary/slack/?ysclid=mtfqczfsjh952101806 (accessed: 04.05.2026). (In Russian).
8. Litvinchuk, I. N. (2024). «Tekst» i «diskurs» v epohu translingvizma: sootnosheniye i interpretatsiya ponatiy [«Text» and «Discourse» in the Era of Translingualism: Correlation and Interpretation of Concepts]. Ucheniye zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki. Nauchniy zhurnal [Scientific Notes of the Crimean Federal Vernadsky University. Philology. Scientific Journal], 10 (76), № 4, 160–178. DOI 10.29039/2413-1679-2024-10-4-160-178. (In Russian).
9. Mediaplatforma VC.ru [Mediaplatform VC.ru]. Retrieved from https://vc.ru/(accessed: 04.05.2026). (In Russian).
10. Otaku-kultura [Otaku-Culture]. Retrieved from https://vk.ru/wall-166309226_1337?ysclid=mtfpiqfiwx929835625 (accessed: 02.05.2026). (In Russian).
11. Proshina, Z. G. (2017). Translingvizm i ego prikladnoye znacheniye [Translingualism and its Application]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhbi narodov. Voprosi obrazovaniya: yaziki i spetsialnost [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Educational Issues: Languages and Specialties], 14 (2), 155–170. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170. (In Russian).
12. Rivlina, A. A. (2016). Formirovaniye globalnogo anglo-mestnogo bilingvizma i usileniye translingvalnoy praktiki [The formation of global Anglo-local bilingualism and the strengthening of translanguistic practices]. Sotsialniye i gumanitarniye nauki na Dalnem Vostoke [Social and Human Sciences in the Far East], 2 (50), 22-29. (In Russian).
13. Forum Klerk.Ru [Forum Clerk.ru]. Retrieved from https://forumklerk.ru (accessed: 04.05.2026). (in Russian).
14. Forum Habr. Retrieved from https://4pda.to/forum/index.php?showtopic=566249 (accessed: 04.05.2026). (In Russian).

15. Forum Toster. Retrieved from https://web.archive.org/web/20160802192535/https://toster.ru/ (accessed: 04.05.2026). (In Russian).
16. Shikimori. — Режим доступа: https://vk.ru/shikimori/club_3 (дата обращения: 02.05.2026).
17. AnimeDB.ru. Retrieved from https://sourceforge.net/projects/animedb/ (accessed: 02.05.2026). (In Russian).
18. Canagarajah S. (2013). Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations, 224 p. London, New York: Routledge. (In English).
19. Council of the European Union. (2008). Retrived from http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/97669.pdf (accessed: 01.05.2026). (In English).
20. Danilina, G. I., Khromova, E. O. (2021). Transitive Literary Discourse in the Modern Novel. In Philological Class, 26 (4) 9–18. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-01. (In English).
21. García, O., Lee, W. (2014). Translanguaging: Language, Bilingualism and Education, 165 p. London: Palgrave Macmillan. Basingstoke. (In English).
22. Gevers, J. (2018). Translingualism revisited: Language difference and hybridity in L2 writing. Journal of Second Language Writing, 40, 73-83. DOI:10.1016/j.jslw.2018.04.003 (In English).
23. GitHub. Retrieved from https://skillbox.ru/media/code/chto-takoe-github-i-kak-im-polzovatsya/ (accessed: 04.05.2026). (In Russian).
24. Hamman-Ortiz, L. (2025). Conceptualizing the Transformativeness of Translanguaging: A Spectrum Perspective. Modern Language Journal, 109 (4), 732-752. DOI:10.1111/modl.70011 (In English).
25. Jenkins, H. (2018). Interview on Boys' Love, Cosplay and Chinese Fandom. Режим доступа: https://henryjenkins.org/blog/2018/1/14/boys-love-cosplay-and-chinese-fandom-an-interview (дата обращения: 04.05.2026). (in English).
26. King, L. (2017). The Impact of Multilingualism on Global Education and Language Learning, 52 p. Cambridge English Perspectives. (In English).
27. Maud L., Yang L., Zhao J. J. Boys' Love, Cosplay, and Androgynous Idols: Queer Fan Cultures in Mainland China, Hong Kong, and Taiwan / L. Maud, L. Yang, J. J. Zhao; Hong Kong University Press, 2017. — 292 p. DOI: 10.2307/j.ctt1rfzz65.
28. Moody, S., Eslami, Z.R. (2020). Political discourse, code-switching, and ideology. Russian Journal of Linguistics, 24 (2), 325–343. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-325-343. (In English).
29. MyAnimeList. Retrieved from https://shikimori.io/forum/news/333870-myanimelist (accessed: 02.05.2026). (In Russian).
30. Pennycook, A. (2018). Posthumanist Applied Linguistics, 178 p. London: Routledge. (In English).
31. Problems — Leetcode. Retrieved from https://leetcode.com/problemset/ (accessed: 04.05.2026). (In Russian).
32. Shikimori. — Retrived from https://vk.ru/shikimori/club_3 (accessed: 02.05.2026). (In Russian).
33. Shikimori — onlain entsiklopediya anime i mangi [Shikimori — online encyclopedia of anime and manga]. Retrieved from https://shikimori.io/main (accessed: 02.05.2026). (In Russian).
34. Tsutsui, W. M. (2008). Nerd Nation: Otaku and Youth Subculture in Contemporary Japan. Education About Asia, 13(3),12–18. DOI:10.65959/eaa.887. (In English).
35. Vertovec, S. (2023). Superdiversity. Migration and Social Complexity, 251 p. Abingdon: Taylor & Francis. DOI 10.4324/9780203503577. (In English).

Поступила в редакцию 06.05.2026 г.

NAMESPACES, OTAKU AND HOT-CONERS: TRANSLINGUISTIC MARKERS IN MODERN COMMUNICATION

E. A. Denisova

This article deals with translanguaging as a social marker and an instrument of identity construction in the context of globalization and digitalization. The study is aimed at demonstrating that translanguaging practices extend beyond linguistic strategy, indexing an individual's social position, education, status, and group affiliation. The theoretical framework draws on the concepts of translanguaging developed by O. García, W. Li, Z.G. Proshina, S. Canagarajah, and others, as well as P. Bourdieu's theory of symbolic capital, and S. Vertovec's approaches to linguistic superdiversity. The empirical material was selected through purposive sampling from open digital resources. The translanguaging practices in four domains are analysed: the IT environment, anime fandom subculture, and political and advertising discourse. It is argued that the same hybrid code performs a

dual function: within a community it unites members and marks «insiders», while at the boundaries it becomes a barrier and an instrument of domination over «outsiders». The conclusion is made that translanguaging represents not only an analytical framework for studying linguistic practices, but also an effective tool for the critical analysis of social relations and educational paradigms in a multilingual world.

Keywords: translanguaging, translingualism, social marker, inclusion, exclusion, cultural capital, hybrid identity, code-switching, code-mixing.

Денисова Елена Александровна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург.
Доцент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики.
ORCID 0000-0002-8800-0368.
E-mail: denisovaea72@mail.ru

Denisova Elena Alexandrovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Pushkin Leningrad State University,
Russian Federation, St. Petersburg.
Associate Professor at Department of Romance and Germanic Philology and Linguodidactics.
ORCID 0000-0002-8800-0368.
E-mail: denisovaea72@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК: 81'33:81'42:069
DOI: 10.5281/zenodo.22910465

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА МУЗЕЙНОГО АНОНСА: ОТ ПЕЧАТНОГО ПРЕСС-РЕЛИЗА К ЦИФРОВОМУ ГИБРИДНОМУ МЕДИАТЕКСТУ (1960–2025 гг.)[1]

© 2026 *Л.В. Елизарова*[1], *К.С. Проворова*[2]

[1-2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»
ORCID[1] 0000-0003-3211-462X
ORCID[2] 0009-0003-0649-630X

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена изучению жанровой динамики музейного анонса в период с 1960 по 2025 гг. Актуальность работы обусловлена отсутствием комплексного описания анонса как устойчивого речевого жанра в условиях цифровой трансформации медиасреды. Цель исследования заключается в выявлении и описании структурных и языковых изменений музейного анонса при переходе от печатного пресс-релиза к гибридному цифровому медиатексту. В работе применялись методы корпусного анализа с автоматизированной лингвистической разметкой, а также лингвостилистический и сравнительно-сопоставительный анализ подкорпусов, созданных в рамках трех хронологических периодов: 1960–1990, 2000–2020 и 2020–2025 гг. Проведенное исследование выявило факторы трансформации музейного анонса и установило связь этапов его эволюции со сменой научных парадигм. На основе корпусных данных в части сокращения длины текста, изменений частотности частей речи и распределения именованных сущностей определены изменения в композиционном построении и языковом оформлении музейного анонса. Полученные данные могут быть использованы для описания трансформации традиционных жанров под влиянием цифровой среды, а также для разработки эффективных стратегий взаимодействия с аудиторией.

***Ключевые слова*:** музейный анонс, пресс-релиз, диахронический анализ, трансформация жанра, корпусный метод, гибридный текст, корпусная лингвистика, жанровые призраки.

Для цитирования: Елизарова Л.В. Эволюция жанра музейного анонса: от печатного пресс-релиза к цифровому гибридному медиатексту (1960–2025 гг.) / Л.В. Елизарова, К.С. Проворова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология ипсихология. — 2026. —№ 5. — С. 96–111. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22910465.

Введение. Жанр анонса традиционно привлекает исследователей из сферы литературоведения, журналистики, медиалингвистики, культурологии. Рассмотрение анонса в различных — структурно-семантическом, функционально-стилистическом, коммуникативно-прагматическом и других аспектах базируется на теоретических положениях, сформулированных М.М. Бахтиным [2], Т.Г. Добросклонской [6], А.Н. Тертычным [20]. Однако специфика музейного анонса как самостоятельного

[1] **Благодарности.** Работа выполнена за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (Соглашение от 01.12.2025 № 75-ВГ).
Acknowledgements. This publication was funded by a grant from Herzen State Pedagogical University of Russia (Agreement No. 75-VG dated December 01, 2025).

жанра, претерпевающего серьезные изменения под влиянием цифровой среды, до сих пор остается неизученной. При этом наблюдается активный исследовательский интерес к феномену музейной коммуникации в пространстве сетевой культуры [8], в условиях общества потребления [7]. Перспективным представляется обращение к описанию новых форматов взаимодействия музея с аудиторией — виртуальной экскурсии, лонгрида, музейного подкаста, квиза и т.д. Появление этих форм обусловлено трансформацией цифровых платформ (официальных сайтов музеев, социальных сетей и мессенджеров), детальное описание которых нашло отражение в публикациях многих авторов [1; 23]. На поиск новых способов общения музея с аудиторией влияют не только изменение архитектуры и алгоритмов цифровых площадок, но и смена глобальной коммуникативной модели — от традиционного монолога при передаче знаний со стороны музейных институций к многоканальному полилогу с потенциальными посетителями. Эти процессы приводят к перестройке речевых жанров, которые теряют директивность и официальность, становятся интерактивными, гибридными и полимодальными, превращая пассивное информирование в открытый цифровой диалог. Ярким примером такой трансформации выступает музейный анонс. От длинных, насыщенных фактологической информацией пресс-релизов, адресованных узкому кругу профессионалов, музеи перешли к коротким, визуально привлекательным, интерактивным сообщениям, рассчитанным на массовую аудиторию. Но несмотря на очевидные структурные преобразования жанра, эволюция музейного анонса как устойчивого речевого формата до сих пор не получила системного лингвистического осмысления. В сложившейся ситуации также наблюдается дефицит эмпирических данных, т.к. до настоящего времени не проводились корпусные исследования, способные статистически верифицировать изменения в лексико-грамматической структуре и композиции музейных анонсов последних десятилетий.

Актуальным представляется вопрос об определении музейного анонса и подходов для его изучения, позволяющих рассмотреть данное явление с разных ракурсов: как устойчивую форму текста, элемент медиасистемы, инструмент воздействия на аудиторию и т.д. На наш взгляд, в зависимости от фокуса исследовательских задач современный музейный анонс может рассматриваться как

- сложный *мультимедийный* продукт, сочетающий предельную краткость вербального компонента с невербальными и интерактивными элементами;
- как интерактивный *мультимодальный* формат, отражающий взаимодействие различных знаковых (семиотических) систем и модусов восприятия;
- цифровой *гибридный* конструкт, создаваемый под конкретные задачи коммуникации и определенную цифровую платформу с учетом структурно-композиционных особенностей текста как архитектурной модели, собранной из разных блоков (модулей) и объединяющей в себе разнородные элементы.

Сложность изучения музейного анонса заключается в том, что все выделенные аспекты тесно связаны между собой. Современный цифровой анонс музея почти всегда является и мультимедийным, и мультимодальным для достижения максимального вовлечения аудитории. Это в свою очередь предопределяет нелинейность текста, меняющую процесс взаимодействия музея и посетителя, т.к. пользователь получает возможность самостоятельно выстраивать траекторию своего взаимодействия с музейной институцией (прочитать текст, кликнуть на аудиокомментарий куратора, перейти по гиперссылке на биографию художника или открыть форму регистрации).

При этом медийные форматы, мультимедийные компоненты и гипертекстовая структура рассматриваются не как замена жанровых признаков музейного анонса, а скорее как новая форма их воплощения через элементы интерфейса. В процессе цифровой трансформации интенция текста, его адресованность, хронотоп, аттрактивность остаются неизменными, но реализуются с учетом специфики цифровой среды (например, конкретных медиаплатформ). Аттрактивная функция выражается через мультимодальные компоненты: вместо игры слов в заголовке фактором привлечения внимания пользователя становится синтез цвета, шрифта, зацикленного видео (GIF) и т.п. Выступая как синкретическое целое, жанр требует комплексного междисциплинарного подхода к его изучению, применение которого позволит не только преодолеть поверхностное описание технологических (интерфейсных) элементов медиатекста, но и разработать интегративную модель, способную описать системную взаимозависимость всех элементов современного музейного анонса.

Таким образом, актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью комплексного описания музейного анонса. Выполнение этой масштабной задачи не представляется возможным в рамках одной статьи, поэтому в нашем случае рассматриваются вопросы изучения жанровой специфики данного текста и динамики его развития в период с 1960 по 2025 год. Цель нашего исследования — выявить и описать структурные и языковые изменения музейного анонса при переходе от печатного пресс-релиза к гибридному цифровому медиатексту. Цель предопределила решение следующих задач:

- соотнести этапы исторической эволюции музейного анонса со сменой научных парадигм его изучения;
- сформировать репрезентативный корпус современных текстов музейных анонсов и провести лингвостилистический и сравнительно-сопоставительный анализ полученных данных;
- определить основные факторы трансформации музейного анонса.

Материалы и методы исследования. На теоретическом уровне осуществлялся анализ научной литературы по теме исследования, на основе которого были выявлены и описаны точки зрения различных авторов на проблему дефиниции жанра анонса и его признаков. Эмпирическую базу исследования составил специализированный корпус текстов пресс-релизов и анонсов, отобранных с официальных сайтов ведущих англоязычных музеев: «MoMA», «The National Gallery» и «Tate Modern» за период с 1960 по 2025 год общим количеством 508 294 печатных знаков. Выбор источников материала обусловлен тем, что в отличие от социальных сетей и музейных блогов, которые активно исследуются в современной медиалингвистике, официальные сайты музеев остаются наименее изученными. Созданный корпус является диахроническим (содержит тексты разных временных промежутков) и одноязычным (все тексты представлены на английском языке). Корпус включает три подкорпуса, соответствующих выделенным хронологическим периодам, что позволяет проследить динамику изменений в сравнимых условиях. Основанием для условного деления на периоды является смена носителей информации. В работе выделяются 3 периода: 1) 1960–1990-е гг. (доцифровая эпоха), 2) 2000–2020 гг. (появление интернета и сайтов музеев), 3) 2020–2025 гг. (развитие цифровых технологий). Отбор текстов осуществлялся вручную с официальных сайтов и архивов музеев с целью обеспечения репрезентативности материалов.

Методологической основой исследования послужил корпусный подход, в рамках которого на первом этапе проводилось исследование текстов с использованием

автоматизированной лингвистической разметки для получения статистических данных. На втором этапе был выполнен лингвостилистический и сравнительно-сопоставительный анализ полученных количественных данных с целью их последующей интерпретации.

Корпусный анализ проводился с применением методов автоматизированной лингвистической разметки. В качестве инструментария использовались библиотеки «SpaCy» и «NLTK» на языке «Python». Выбор данных библиотек обусловлен их высокой точностью при обработке текстов на английском языке и наличием готовых моделей для извлечения именованных сущностей и частеречной разметки. Лингвистическая обработка корпуса базировалась на предварительной токенизации и лемматизации текстов с последующим определением частей речи и автоматическим выделением именованных сущностей. Для целей нашего исследования были выбраны следующие типы сущностей:

- личность («PERSON»): имена художников, кураторов, критиков, позволяющие проследить, насколько фокус сообщения смещается с личности на другие аспекты события;
- дата («DATE»): абсолютные или относительные даты и периоды, отражающие значимость временных ориентиров в сообщении; произведение искусства («WORK_OF_ART»): названия книг, картин, скульптур, выставок, позволяющие оценить, выносится ли название в заголовок или становится смысловым ядром высказывания;
- географическое название («GPE»): страны, города, регионы, отражающие значимость места проведения события;
- организация («ORG»): компании, агентства, институции.

Лингвостилистический и сравнительно-сопоставительный анализ полученных статистических данных между тремя подкорпусами направлен на выявление структурных и языковых изменений жанра в диахроническом аспекте и определение основных статистически значимых тенденций трансформации музейного анонса.

Основная часть. Важными для изучения музейного анонса являются вопросы дефиниции жанра, определения его признаков и подходов к его изучению, которые под влиянием цифровой среды в современной лингвистике становятся особенно актуальными. Согласно исследованиям Ж.А. Микаеляна, число определений понятия «жанр» доходит до семисот [16]. Такое многообразие интерпретаций не является случайным, оно отражает фундаментальную сложность самого объекта изучения — речевых жанров, которые, по словам М.М. Бахтина, «даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [2, с. 171], но при этом не совпадают с языком полностью, представляя собой феномен, находящийся на стыке языка и речи, устойчивого и изменчивого, социального и индивидуального [4]. Музейный анонс, как и любой другой жанр, обладает двойственной природой. С одной стороны, анонс должен сообщить дату какого-либо события и привлечь аудиторию (*устойчивое* и *социальное*). С другой стороны, каждый музей пишет его по-своему (*индивидуальное* и *изменчивое*). Анализ музейного анонса показал, что его интенция — проинформировать о событии будущего и побудить адресата к визиту — оставалась неизменной в указанный период с 1960-х годов по настоящее время. Однако под влиянием трансформации медиасреды и технологического прогресса существенно изменилась вариативная «речевая» составляющая жанра. Стабильные, линейные структуры советских и постсоветских пресс-релизов уступили место динамичным и открытым цифровым конструктам. Таким образом, эволюция музейного анонса демонстрирует, как устойчивая жанровая природа

адаптируется к технологическим вызовам эпохи, не теряя при этом своей коммуникативной идентичности.

Инвариантные черты жанра позволяют идентифицировать его в разных контекстах. Но поскольку он подвержен изменениям под влиянием социальных, культурных и технологических факторов, то это создает трудность в выделении признаков, которые были бы одновременно существенными и стабильными [14]. Зависимость от множества факторов делает любую классификацию речевых жанров достаточно условной. Процессы жанровой диффузии и появление гибридных текстов также затрудняют определение границ жанра и систематизацию его дифференциальных признаков. Так, активное формирование новых и видоизменение устоявшихся коммуникативных практик в интернет-пространстве [3] детерминирует процесс слияния жанровых форматов. Границы между ними становятся проницаемыми, а сами тексты обретают нелинейную (гипертекстовую) архитектуру, демонстрируют интеграцию разных семиотических кодов (мультимодальность) и предполагают ответную реакцию читателя (интерактивность). Это приводит к тому, что современные тексты перестают соответствовать жестким критериям существующих классификаций, что затрудняет их описание в рамках традиционных жанровых моделей. Именно противоречие «между теоретическим понятием жанра и его историческим существованием» [4, с. 172] является одним из ключевых аспектов современного жанроведения. С возникновением гибридных жанров (мемов, чат-историй, постов в социальных сетях и т.д.) возникает вопрос о том, как их анализировать и включать в существующие теории, многие из которых были разработаны для анализа статичных, завершенных текстов, функционирующих в традиционных каналах коммуникации.

Исследование жанра анонса носит междисциплинарный характер, находясь на пересечении лингвистики, литературоведения, культурологии и других научных направлений. Вследствие этого ученые опираются на разные методологические подходы: формальный, функциональный, коммуникативный, когнитивный [16; 21]. Как отмечает Ж.А. Микаелян, каждый из этих подходов «представляет определенный шаг вперед на пути к наиболее полному познанию данного явления» [16, с. 72]. Однако их разнообразие не всегда позволяет получить целостную картину. Формальный подход фокусируется на структурных признаках текста, функциональный — на его связи со сферой общения, коммуникативный — на взаимодействии участников, а когнитивный — на ментальных репрезентациях жанра в сознании носителей языка. Применительно к музейному анонсу каждый из этих подходов проявляется в том, что в разные исторические периоды он выполнял разные функции, был адресован разной аудитории и существовал в разных формах. Другими словами, на каждом историческом этапе — от печатного пресс-релиза до цифрового сообщения — изучаемый нами жанр адаптировался под новую аудиторию, менял свою прагматику и приобретал иную медийную форму.

В диахроническом срезе музейного анонса смена исследовательских подходов обусловлена эволюцией самого жанра. Изначально лингвистический анализ текстов пресс-релизов 1960–1990-х годов строился на выявлении инвариантных структурных и стилистических черт. В дефинициях того времени исследователи акцентировали внимание на его документной природе, официальном тоне и ориентированности на СМИ [10; 13]. Наличие определенного шаблона для создания текста, реализуемого на уровне композиции, синтаксических структур и языковых средств, позволяет говорить о жанре как о наборе формальных признаков. Несмотря на структурно-формальный акцент в изучении пресс-релиза, в контексте музейной коммуникации 1960-х годов особое значение приобретает функциональный аспект. Так, функции информирования

и привлечения внимания в этот период выполнял не анонс в его современном понимании, а пресс-релиз. Причина этого заключается в социокультурной роли музея того времени — дистанцироваться от развлекательного пространства, подчеркивая свою просветительскую и экспертную миссию. Традиционный анонс, воспринимавшийся как рекламная афиша, где главной была иллюстрация, а не текст, не подходил для этой цели [9]. Его функции взял на себя официальный, информационно насыщенный пресс-релиз, адресованный узкому кругу профессионалов. В отличие от анонса, где главным выступал невербальный компонент, пресс-релиз привлекал внимание исключительно вербальными средствами, а именно, детальным описанием масштаба коллекции, перечислением имен участвующих художников, употреблением специальных терминов, демонстрирующих экспертизу сотрудников и поддерживающих статус музея. Таким образом, на данном историческом этапе анонс и пресс-релиз демонстрировали общность прагматической установки: оба жанра были направлены на информирование и привлечение аудитории. При этом для достижения единого коммуникативного результата использовались разные языковые средства.

С появлением интернета и сайтов музеев в начале XXI века, когда музейный анонс сформировался как самостоятельный жанр, обращенный напрямую к массовой аудитории, актуальными становятся функциональный и коммуникативный подходы [26]. В центре внимания исследователей оказывается изучение особенностей текстов массовой коммуникации. Как пишет Д.В. Дергач, «активное развитие социальной коммуникации, ознаменованное трансформацией публицистики в медиа, обозначило интерес к особенностям структурирования текстов в медиа» [5, с. 122]. С позиций медиалингвистики [6] анонс рассматривается как особый тип медиатекста, функционирующий в интернет-дискурсе и создающийся по правилам конституирования письменного сообщения [15]. Фокус исследовательского внимания смещается с формы сообщения на его функции: аттрактивная (персуазивная) функция выходит на первый план, подчиняя себе формальную организацию сообщения с целью формирования позитивного имиджа музея и привлечения посетителя. Для эффективного решения данных задач музейный анонс претерпевает изменения, активно сближаясь с рекламным текстом. Полученный гибридный текст позволяет создать привлекательный образ музея не с помощью сухого перечисления фактов, а за счет ценностных установок: акцента на уникальности личного опыта посетителя, упоминания прецедентных имен (известных деятелей культуры и произведений искусства) [26]. На гибридный характер музейного анонса указывает в своей работе Г. Уильямс. По мнению исследователя, он объединяет в себе элементы рекламного текста, что отражается в эмоциональной окрашенности и направленности на привлечение внимания, а также пресс-релиза, что выражается в информационной насыщенности при минимальном объеме и ориентированности на фактологическую точность [22]. Следует отметить, что на данном этапе — этапе становления и развития интернет-пространства — к изучению жанра анонса обращаются многие исследователи, описывая анонс через его роль в системе СМИ [12; 17; 20], изучая плюрализм исследовательских практик в сфере медийной жанрологии, который «развивает лингвистическое понимание жанра как тематической, структурной, стилистической целостности, свойственной определенному типу текстов» [5, с. 122]. Этот этап (2000–2020 гг.) демонстрирует переход от изучения формы к анализу функции текста анонса в контексте музейной коммуникации.

Стремительное развитие цифровых технологий в период пандемии «COVID-19» и до настоящего времени (2020–2025 гг.) привело к значимым ихменениям, как самого

жанра, так и подходов к его изучению. За музейным анонсом 2020-2025 годов закрепляется статус гибридного текста, который определяется как «особый тип текстовых структур, возникающих в области "междискурсивного взаимодействия"», в основе которого лежит «сочетание не гомогенных, но гетерогенных текстовых (или языковых, жанровых, кодовых и других) элементов» [18, с. 50]. Данное определение отражает особенность музейного анонса, заключающуюся в одновременном содержании элементов новостной заметки, рекламного обращения, образовательного текста и интерактивного интерфейса. Согласно функциям гибридного текста, предложенным В.И. Карасиком [11], в музейном анонсе адаптивная функция заключается в приспособлении содержания к восприятию массовой онлайн-аудитории, именно поэтому современный анонс предельно краток и структурно прост. Вовлекающая функция нацелена не просто на воздействие, а на вовлечение в диалог и соучастие еще до события, что выражается в активном использовании императивных конструкций и глаголов когнитивной группы. Креативная функция проявляется в создании уникального, запоминающегося мультимедийного сообщения, которое само становится частью музейного опыта. Функция экономии дискурсивного пространства позволяет решать несколько коммуникативных задач одновременно (проинформировать, убедить, развлечь, создать образ) в кратком тексте за счет гипертекстуальности и мультимодальности. Такая трактовка функций современного анонса становится возможной при рассмотрении процессов гибридизации в более широком контексте. В отличие от лингвистики, где это явление рассматривается как смешение и слияние элементов разных дискурсов в рамках одного текста [19; 24], гибридизация в цифровую эпоху предполагает формирование особого типа взаимодействия между текстом и медиасредой. Достижение цели текста, его коммуникативный эффект теперь зависят от интеграции с интерфейсными модулями платформы, где медиаконтент берет на себя часть смысловой нагрузки. При этом сам контент адаптируется под различные (возрастные, социальные) группы пользователей.

Идеи интегративного взаимодействия всех элементов медиасреды для привлечения аудитории положены в основу «phygital»-подхода [25; 26]. Термин «phygital» образован слиянием английских слов «physical» (физический) и «digital» (цифровой) и обозначает объединение физического и цифрового пространств для создания гибридного опыта взаимодействия человека с миром [27; 28]. В контексте музейной коммуникации «phygital»-подход предполагает интеграцию трех ключевых компонентов: физического предмета (артефакта как материального ядра музейного сообщения), цифрового контекста (мультимедийных материалов, дополненной реальности, онлайн-каталогов) и личного опыта посетителя [27; 28]. Данный подход направлен на моделирование и изучение интерактивной коммуникации в цифровой среде. Современный мультимодальный формат превращает аудиторию в активного участника, конструирующего собственный маршрут посещения музея, вплоть до его вовлечения в создание пользовательского контента. Музейный анонс в рамках этой медиасистемы характеризуется как мультимодальный и интерактивный интерфейс, интегрированный в гипержанровую структуру музейного сайта.

Таким образом, на примере музейного анонса мы видим, как жанр, изначально воспринимаемый как линейный документ, трансформируется под влиянием различных факторов, меняя свою структуру, функции и адресата. Эта трансформация отражает эволюцию лингвистических подходов к изучению текста: от структурно-формального анализа документов в 1960-е годы через функциональный и коммуникативный подходы к медиатекстам в 2000-е годы к когнитивному и корпусному анализу гибридных,

мультимодальных текстов в цифровой среде [16]. Традиционные подходы уступают место коммуникативным и медиалингвистическим моделям, а затем и когнитивным, пытающимся описать гибридную природу цифровых текстов. Корпусный метод, позволяя проводить масштабные и объективные измерения, становится инструментом, который способен преодолеть субъективизм и противоречия теоретического описания, предоставляя эмпирическую базу для понимания того, как живой язык и жанры действительно функционируют в меняющемся цифровом мире. Жанр, как отмечает В.В. Дементьев, является «буферным пространством между "отчужденной" от человека системой языка и ее реальным использованием», и его изучение требует постоянного обновления методологического инструментария и комплексного подхода к изучению [4, с. 180]. Переход к корпусному исследованию позволяет не только зафиксировать эти изменения, но и количественно измерить их, предоставляя эмпирическое обоснование для теоретических выводов о трансформации жанра.

Ниже представлены результаты нашего корпусного исследования по каждому из трех периодов с последующей интерпретацией, раскрывающей содержательную природу выявленных изменений. Извлечение количественных данных проводилось по трем группам параметров для каждого подкорпуса: 1) средняя длина текста (в словах, предложениях, токенах и символах); 2) частотность частей речи; 3) частотность именованных сущностей.

Первым и наиболее наглядным показателем трансформации жанра является динамика длины текста, которая отражена на Рис.1. В подкорпусе 1 за 1960–1990 гг. среднее значение на один текст составляло 2758 слов, 272 предложения и 4170 токенов. В подкорпусе 2 за 2000–2020 гг. происходит резкое сокращение: средняя длина текста составляет уже 377 слов, 14,5 предложения и 498 токенов, то есть тексты становятся короче в семь раз. В подкорпусе 3 за 2020–2025 гг. мы наблюдаем еще более радикальное уменьшение: 26,5 слова, 1,1 предложения и 40 токенов в среднем на текст.

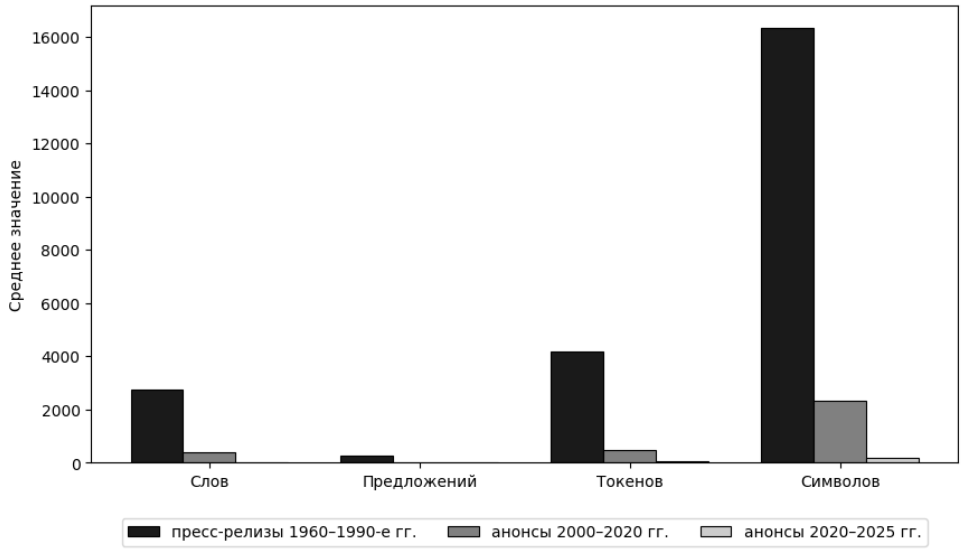


Рисунок 1. Частотность длины текста для всех подкорпусов

Таким образом, средняя длина музейного анонса сократилась в 104 раза. Данный результат свидетельствует о переходе от развернутого, детализированного информирования к очень лаконичному сообщению, адаптированному к особенностям

цифровых платформ, где пользователь сам принимает решение о переходе по ссылке или посещении мероприятия.

Следующим показателем трансформации жанра является частотность частей речи. Распределение частей речи по выделенным временным периодам представлено на Рис. 2. В пресс-релизах 1960–1990 гг. высока доля имен собственных («PROPN» — 18,4%) и существительных («NOUN» — 16,1%). Это отражает направленность текста на передачу точной фактуальной информации: имен художников, кураторов, названия музеев, а также высокое употребление специальной терминологии: *condensation*, *solarization*, *photomontage*, *the photogram*, *multiple image and the straight photograph* «конденсация, соляризация, фотомонтаж, фотограмма, множественное изображение и "прямая" фотография», что предполагает высокий уровень фоновых знаний у адресата. В анонсах 2000–2020 гг. наблюдается рост доли прилагательных («ADJ» — 8,1%), что указывает на переход музея от информирования к стратегии эмоционального воздействия на аудиторию.

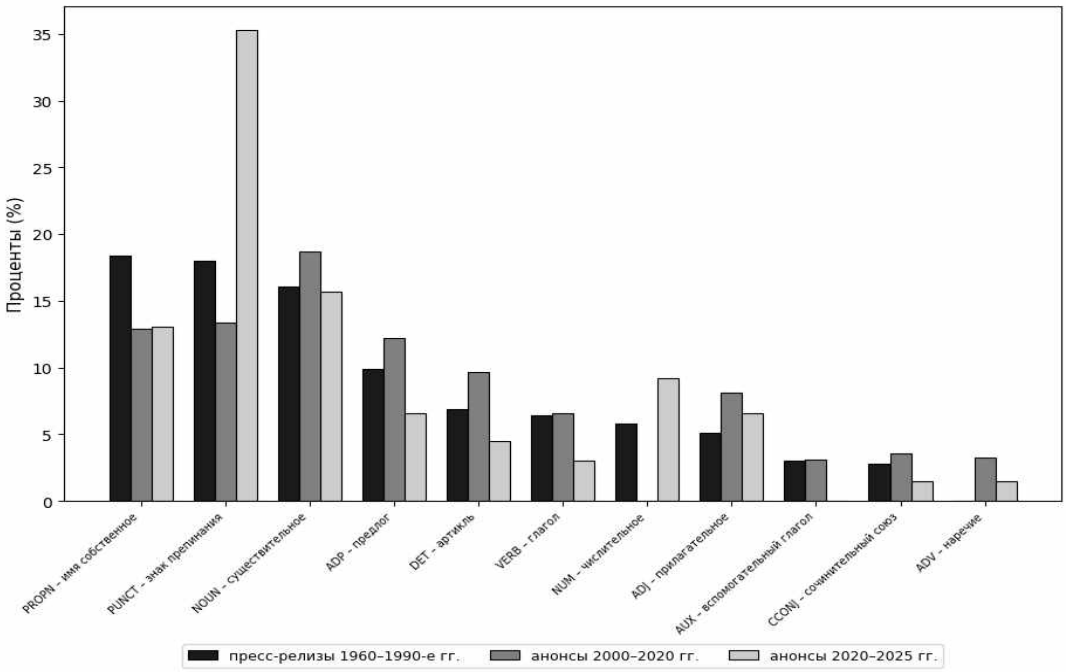


Рисунок 2. Частотность частей речи для всех подкорпусов

Об усилении прагматического потенциала текста в рамках второго периода также свидетельствуют данные лингвостилистического анализа. В текстах активно используются оценочные эпитеты, например, *remarkable artist* «выдающийся художник», *extraordinary collection* «необыкновенная коллекция», *mysterious figure* «загадочная фигура», грамматические конструкции превосходной степени, например, *one of the most important painters* «один из важнейших живописцев» и создается акцент на посетителе и уникальности его опыта, например, *The name of Cornelius Gijsbrechts is an unfamiliar one for many visitors to the National Gallery* «Имя Корнелиса Гейсбрехта незнакомо многим посетителям Национальной галереи». При этом используется минимум специальной терминологии, а если термин все же вводится, то в тексте он сопровождается пояснением, что свидетельствует о демократизации музейной коммуникации и желании привлечь неподготовленную аудиторию.

В анонсах 2020–2025 гг. доля прилагательных снижается до 6,6%, а доля числительных («NUM» — 9,2%) возрастает, отражая акцент на датах. Лингвостилистический анализ показывает, что при минимальном объеме современные анонсы сохраняют основную информацию (название мероприятия, имя автора, краткие сведения о коллекции и авторе). При этом информацию в теле анонса дополняет заголовок информационного типа и иногда подзаголовок. Прагматическое воздействие достигается с помощью эпитетов, например, *bold*, *powerful*, *and inspiring images* «смелые, мощные и вдохновляющие образы», грамматических форм превосходной степени, например, *one of the most iconic photographers* «один из самых знаковых фотографов», императива, например, *Explore* «исследуйте», настоящего времени и отсутствия отрицательных форм.

Таким образом, зафиксированная динамика уменьшения доли прилагательных в третьем периоде свидетельствует об отказе от экспрессивно-оценочных суждений в пользу фактологической точности. Данная трансформация обусловлена необходимостью адаптировать контент к специфике восприятия информации современными интернет-пользователями.

Наиболее показательной для понимания смены коммуникативных приоритетов является динамика частотности именованных сущностей, представленная на Рис. 3.

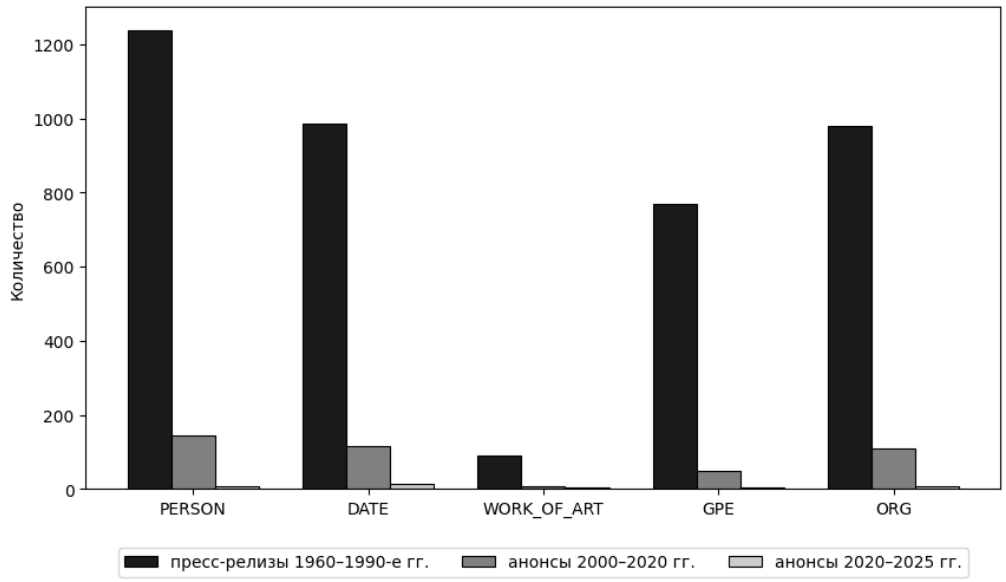


Рисунок 3. Частотность типов сущностей для всех подкорпусов

Доля сущностей типа «PERSON» составила 30,4% в 1960–1990 гг., выросла до 34,0% в 2000–2020 гг. и затем снизилась до 22,5% в 2020–2025 гг., что означает, что фокус внимания постепенно смещается с личности художника или куратора на само событие. Лингвостилистический анализ конкретизирует эту динамику. В пресс-релизах первого периода имена собственные являются структурно значимыми элементами текста, они включаются в развернутые описания, сопровождаются профессиональными характеристиками и встраиваются в сложные синтаксические конструкции. В анонсах второго периода имена художников и кураторов сохраняют высокую частотность, но уже служат инструментом создания привлекательного образа и эмоционального вовлечения. Среди имен собственных в современном подкорпусе доминируют имена создателей выставочных проектов и авторов художественных работ. Вынесение этих

данных в заголовок отражает установку современного анонса на использование прецедентных имен в качестве главного инструмента привлечения аудитории.

Доля сущностей типа «DATE» изначально составляла 24,3%, затем 27,4% и 35,0% в современном подкорпусе, что подтверждает, что дата становится основной информацией, помогающей спланировать событие. Дата обычно включается в подзаголовок или становится самостоятельным структурным элементом, тогда как в пресс-релизах первого периода она была интегрирована в сложное предложение с дополнительной информацией.

Доля сущностей типа «WORK_OF_ART» составляла 2,2% в первом периоде, затем снизилась до 1,9% во втором и вновь повысилась до 10,0% в третьем. Рост данного показателя объясняется тем, что в современном анонсе название произведения или выставки часто выносится в заголовок или становится смысловым ядром единственного предложения.

Доля географических названий («GPE») снижается с 18,9% до 11,2% и затем повышается до 12,5%. Это может свидетельствовать о том, что место проведения становится значимым наравне с датой для планирования посещения события. Доля организаций («ORG») остается относительно стабильной (24,1%, 25,5%, 20,0%). Данный факт свидетельствует о том, что принадлежность к авторитетному институту остается основой для укрепления репутации и доверия аудитории к музею как к бренду.

Таким образом, анализ корпусных данных выявил трансформацию музейного анонса по ряду ключевых параметров, что позволяет на эмпирическом уровне обосновать переход от информационного пресс-релиза к гибридному цифровому медиатексту. Проведенное исследование позволяет определить музейный анонс как гибридный медиатекст, сформировавшийся в процессе трансформации печатного пресс-релиза под влиянием цифровой среды, сочетающий черты новостного сообщения и рекламного текста, ориентированный на массовую аудиторию.

Заключение. Проведенный диахронический анализ музейного анонса в период 1960–2025 гг. позволил установить системную взаимосвязь между этапами эволюции жанра и сменой научных парадигм его описания. Вектор исследований смещался от изучения структурных параметров пресс-релиза к прагматическому конструированию пользовательского опыта в медиатексте, а на современном этапе — к междисциплинарному описанию интерактивного взаимодействия (между музейной институцией и пользователем, между самими пользователями) в цифровой среде.

На основе созданного репрезентативного корпуса были выявлены и зафиксированы количественные изменения длины текста, частотности частей речи и распределения именованных сущностей, позволившие проследить динамику трансформации жанра. Проведенный анализ этих изменений позволяет говорить о том, что при сохранении инвариантных признаков музейного анонса (композиционного построения, интенции, ориентации на целевую аудиторию, объема и стиля / тональности) происходит их адаптивная модификация под влиянием экстралингвистических факторов.

Трансформация музейного анонса наиболее наглядно проявляется на уровне его композиционной организации. В современной цифровой среде жанровый инвариант часто сводится к двум базовым элементам: заголовку (идентификатору события) и фактуальной справке (дата, время, место). Концептуальный или смысловой блок с описанием выставки, ранее являвшийся обязательной частью сообщения, теперь доступен пользователю опционально — по гиперссылке. Вербальный компонент дополняется элементами интерфейса (теги, QR-коды и т.п.), которые становятся

неотъемлемой частью архитектуры музейного анонса наряду с изображениями, зацикленными видео, звуковыми дорожками и т.д. Реализация коммуникативной интенции переносится с дескриптивных средств языка на элементы цифрового воздействия. Значимые изменения фиксируются и в языке музейного анонса. На уровне синтаксиса развернутые искусствоведческие описания уступили место коротким фактам и точным цифрам. Известные имена художников и кураторов стали главным инструментом привлечения внимания в заголовках. Снижение частотности эпитетов, сравнений и других стилистических приемов обусловлено стремлением музеев предоставить только факты, позволяя посетителю самому оценить эксклюзивность, уникальность события.

Перспективным представляется изучение музейного анонса в междисциплинарных исследованиях на стыке жанроведения, медиалингвистики, когнитивной психологии, а также в музейной и маркетинговой коммуникации. Дальнейшее исследование жанровой природы музейного анонса может осуществляться в рамках ядерно-периферийной модели для выявления инвариантных (дифференциальных) и вариативных признаков жанра. Среди значимых аспектов изучения музейного анонса также можно назвать анализ вербального компонента во взаимодействии с интерфейсными модулями, изучение механизма перераспределения смысловой нагрузки между текстом и медиаконтентом, а также специфики восприятия мультимодальных интерфейсов современными пользователями. Рассмотрение музейного анонса как гибридного мультимодального конструкта открывает возможности для его исследования в рамках цифровой лингвистики. В условиях генеративного текстопорождения важной становится проблема сохранения жанровой идентичности музейного анонса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артюшина Е.О. Цифровая трансформация музеев. Лучшие мировые практики [Электронный ресурс] / Е. О. Артюшина // E-Scio. — 2019. — № 5 (32). — С. 600–608. — URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38951415 (дата обращения: 26.08.2026).
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов / М. М. Бахтин. — Москва: Русские словари, 1997. — С. 159–206.
3. Горошко Е.И. Жанры 2.0: проблема типологии и категоризации (на примере коммуникативного сервиса «Твиттер») / Е. И. Горошко, Е. А. Землякова, Т. Л. Полякова // Жанры речи. — 2012. — Вып. 8. Жанр и творчество. — С. 344–356. — URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36434530 (дата обращения: 01.09.2026).
4. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. — Москва: Знак, 2010. — 594 с.
5. Дергач Д.В. Медийная жанрология в современной лингвистике / Д. В. Дергач // Медиалингвистика: IV Международный научно-практический семинар, сборник статей / под ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Н. С. Цветова. — Санкт-Петербург: Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ, 2015. — Вып. 4. — С. 121–124. — URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24270797 (дата обращения: 01.09.2026).
6. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. — Москва: Флинта: Наука, 2008. — 263 с.
7. Ересова В.В. Модернизация музейной коммуникации в условиях общества потребления / В.В. Ересова // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2019. — № 2 (39). — С. 92–96. — https://doi.org/10.30725/2619-0303-2019-2-92-96.
8. Ершова Д.Е. Новая музейная коммуникация в пространстве сетевой культуры / Д. Е. Ершова // Общество: философия, история, культура. — 2017. — № 12. — С. 181–184. — URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30737728 (дата обращения: 20.08.2026).
9. Ефиц А. Зритель, будь активен! Как музеи рассказывали об искусстве в 1920–1930-е годы / А. Ефиц. — Москва: Музей современного искусства «Гараж», 2024. — 318 с.
10. Зверинцев А.Б. Коммуникационный менеджмент. Рабочая книга менеджера PR / А.Б. Зверинцев. — Санкт-Петербург: Издательство Буковского, 1996. — 263 с.

11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2002. — 477 с.
12. Ковальчукова М.А. Анонс как речевой жанр (на материале интернет-дискурса) / М.А. Ковальчукова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 30. Филология. Искусствоведение. Вып. 26. — С. 54–57. — URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=15209458 (дата обращения: 31.08.2026).
13. Кривоносов А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций / А. Д. Кривоносов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 2002. — 288 с.
14. Кудрявцева И.К. Методологические проблемы теории жанра / И. К. Кудрявцева // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. — 2011. — № 2. — С. 60–69. — URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23893916 (дата обращения: 01.08.2026).
15. Кустова О.Ю. К вопросу об изучении письменного текста / О.Ю. Кустова // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). — 2000. — Вып. IX. — С. 159–166.
16. Микаелян Ж.А. К вопросу о концепции жанра в современной лингвистике / Ж.А. Микаелян // Вестник Московского информационно-технологического университета — Московского архитектурно-строительного института. — 2024. — № 1. — С. 72–75. — URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67215859 (дата обращения: 01.09.2026).
17. Семенова М.Г. К вопросу об отличительных чертах анонса как журналистского медиатекста / М.Г. Семенова // Филологический вестник. — 2022. — Т. 1, № 2. — С. 24–28. URL: https://elibrary.ru/item.asp?ysclid=mtjt0cjyes439347970&id=54495940 (дата обращения: 08.08.2026).
18. Соколова О.В. Гибридные тексты как форма взаимодействия авангардного художественного и политического дискурсов / О. В. Соколова // Слово.ру: балтийский акцент. — 2020. — Т. 11, № 1. — С. 50–86. — http://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-1-3.
19. Сухоруков Е.А. Гибридизация в различных видах институционального дискурса / Е.А. Сухоруков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. — 2016. — № 3 (742). — С. 30–36. — URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26698877 (дата обращения: 23.08.2026).
20. Тертычный А.А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. — 6-е изд., испр. и доп. — Москва: Аспект Пресс, 2017. — 320 с.
21. Тырыгина В.А. К основаниям жанра / В.А. Тырыгина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2009. — № 3 (11). — С. 66–73. — URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13071648 (дата обращения: 21.08.2026).
22. Уильямс Г. Как писать о современном искусстве / Г.Уильямс; пер. с англ. Е. Рубиновой. — 2-е изд., испр. — Москва: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2017. — 368 с.
23. Хусаинова Р.З. Цифровая трансформация музеев и креативные индустрии / Р. З. Хусаинова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2024. — № 6 (122). — С. 186–194. — https://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-6122-186-194.
24. Шермазанова С.В. Гибридизация и дискурсивная «экспансия» институционального военного дискурса / С.В. Шермазанова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 4 (112). — С. 122–131. — URL: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=28049&langid=2 (дата обращения: 30.08.2026).
25. Berényi M. Museum Reality: Digital, Virtual, Online, Analog / M. Berényi // Tabula. — 2022. — http://doi.org/10.54742/TABULA.2022.2.03.
26. Gil-Fuentetaja I. Communicating Museum Collections Information Online / I. Gil-Fuentetaja, M. Economou // Journal on Computing and Cultural Heritage. — 2019. — P. 1–16. —http://doi.org/10.1145/3283253.
27. Lo Turco M. Parametric and Visual Programming BIM for the Museum of the Future / M. Lo Turco, E. Giovannini // Digital Transformation of the Design, Construction and Management Processes of the Built Environment. — 2020. — P. 305–316. — http://doi.org/10.1007/978-3-030-33570-0.
28. Miano A. Phygital museum experiences: the situated and invisible dimension of technology as a sensitive activation of cultural heritage [Electronic resource] / A. Miano // AMPS Proceedings Series 32 — Representing Pasts — Visioning Futures. — 2022. — Mode of access: https://www.academia.edu/126291186/Phygital_museum_experiences_the_situated_and_invisible_dimension_of_technology_as_a_sensitive_activation_of_cultural_heritage (accessed: 09.07.2026).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

29. MoMA Press Releases [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.moma.org/about/press/ (дата обращения: 15.05.2026).
30. The National Gallery Archive [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.nationalgallery.org.uk/about-us/press (дата обращения: 15.05.2026).

31. Tate Modern Press and Media [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.tate.org.uk/press (дата обращения: 15.05.2026).

REFERENCES

1. Artyushina E.O. (2019). Tsifrovaya transformatsiya muzeev. Luchshiye mirovyye praktiki [Digital transformation of museums. Global best practices]. E-Scio, 5(32), pp. 600–608. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38951415 (accessed: 26.08.2026). (In Russian).
2. Bakhtin M.M. (1997). Sobranie sochineniy. T. 5: Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh godov [Collected works. Vol. 5: Works of the 1940s — early 1960s]. Moscow: Russkie slovari, pp. 159–206. (In Russian).
3. Goroshko E.I., Zemlyakova E.A., Polyakova T.L. (2012). Zhanry 2.0: problema tipologii i kategorizacii (na primere kommunikativnogo servisa «Tvitter») [Genres 2.0: Typology and categorization (the case of Twitter)]. Zhanry rechi [Speech Genres], 8, pp. 344–356. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36434530 (In Russian).
4. Dement'ev V.V. (2010). Teoriya rechevikh zhanrov [Speech genres theory]. Moscow: Znak, 594 p. (In Russian).
5. Dergach D.V. (2015). Mediynaya zhanrologiya v sovremennoy lingvistike [Media genre theory in modern linguistics]. In L. R. Duskayeva (Ed.), Medialingvistika: IV Mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy seminar [Medialinguistics: IV International Scientific and Practical Seminar], (Iss. 4, pp. 121–124). Saint Petersburg: Institut «Vysshaya shkola zhurnalistiki i massovykh kommunikatsiy» SPbGU. (In Russian).
6. Dobrosklonskaya T.G. (2008). Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliyskaya mediarech [Media linguistics: A systems approach to media language in modern English]. Moscow: Flinta: Nauka, 263 p. (In Russian).
7. Eresova V.V. (2019). Modernizatsiya muzeynoy kommunikatsii v usloviyakh obshchestva potrebleniya [Modernization of museum communication in the conditions of consumer society]. Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture, 2(39), pp. 92–96. https://doi.org/10.30725/2619-0303-2019-2-92-96 (In Russian).
8. Ershova D.E. (2017). Novaya muzeynaya kommunikatsiya v prostranstve setevoy kul'tury [Modern museum communication in the space of network culture]. Society: Philosophy, History, Culture, 12, pp. 181–184.
URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30737728 (accessed: 01.09.2026). (In Russian).
9. Efits A. (2024). Zritel', bud' aktiven! Kak muzei rasskazyvali ob iskusstve v 1920–1930-e gody [Be active, visitor! How museums narrated art in the 1920s–1930s]. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh». 318 p. (In Russian).
10. Zverintsev A.B. (1996). Kommunikatsionnyy menedzhment. Rabochaya kniga menedzhera PR [Communication management. PR manager's workbook]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Bukovskogo, 263 p. (In Russian).
11. Karasik V.I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Nauchnoye izdatel'stvo VGSPU «Peremena», 477 p. (In Russian).
12. Kovalchukova M.A. (2008). Anons kak rechevoy zhanr (na materiale internet-diskursa) [Announcement as a speech genre (based on internet discourse)]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], 30, pp. 54–57. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=15209458 (In Russian).
13. Krivonosov A.D. (2002). PR-tekst v sisteme publichnykh kommunikatsiy [PR text in the system of public communications] (2nd ed.). Saint Petersburg: Tsentr «Peterburgskoye vostokovedeniye», 288 p. (In Russian).
14. Kudriavtseva I.K. (2011). Metodologicheskie problemy teorii zhanra [Methodological problems of genre theory]. Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A: Gumanitarnye nauki [Herald of Polotsk State University. Series A: Humanities], 2, pp. 60–69. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23893916 (accessed: 01.09.2026). (In Russian).
15. Kustova O.Yu. (2000). K voprosu ob izuchenii pismennogo teksta [On the study of written text]. Studia Linguistica (St. Petersburg), IX, pp. 159–166. (In Russian).
16. Mikaelyan Zh.A. (2024). K voprosu o koncepcii zhanra v sovremennoy lingvistike [On the issue of the concept of genre in modern linguistics]. Vestnik Moskovskogo informacionno-tehnologicheskogo universiteta — Moskovskogo arhitekturno-stroitel'nogo instituta, 1, pp. 72–75. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67215859 (accessed: 01.09.2026). (In Russian).
17. Semenova M.G. (2022). K voprosu ob otlichitel'nykh chertakh anonsa kak zhurnalistskogo mediateksta [On the question of the distinctive features of the announcement as a journalistic media text]. Filologicheskiy vestnik, 1(2), pp. 24–28. (In Russian).

18. Sokolova O.V. (2020). Gibridnye teksty kak forma vzaimodeystviya avangardnogo khudozhestvennogo i politicheskogo diskursov [Hybrid texts as a form of interaction between avant-garde artistic and political discourses]. Slovo.ru: baltic accent, 11(1), pp. 50–86. https://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-1-3. (In Russian).
19. Sukhorukov E.A. (2016). Sukhorukov E. A. (2016). Gibridizaciya v razlichnyh vidah institucional'nogo diskursa [Hybridization in various types of institutional discourse]. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(742), pp. 30–36. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26698877 (accessed: 23.08.2026). (In Russian).
20. Tertychnyy A.A. (2017). Zhanry periodicheskoy pechati [Genres of the periodical press] 6th ed. Moscow: Aspekt Press, 320 p. (In Russian).
21. Tyrygina V.A. (2009). K osnovaniyam zhanra [On the foundations of genre]. University proceedings. Volga region. Humanities, 3(11), pp. 66–73. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13071648 (accessed: 21.08.2026). (In Russian).
22. Williams G. (2017). Kak pisat' o sovremennom iskusstve [How to write about contemporary art]. 2nd ed. Transl. from Engl. by E. Rubinova. Moscow: Ad Marginem Press: Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh», 368 p. (In Russian).
23. Khusainova R.Z. (2024). Tsifrovaya transformatsiya muzeyev i kreativnyye industrii [Digital transformation of museums and creative industries]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 6(122), pp. 186–194. https://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-6122-186-194. (In Russian).
24. Shermanazanova S.V. (2025). Gibridizatsiya i diskursivnaya «ekspansiya» institutsional'nogo voyennogo diskursa [Hybridization and discursive expansion of institutional military discourse]. Political Linguistics, 4(112), pp. 122–131. URL: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=28049&langid=2 (accessed: 30.08.2026). (In Russian).
25. Berényi M. (2022). Museum Reality: Digital, Virtual, Online, Analog. Tabula. https://doi.org/10.54742/TABULA.2022.2.03.
26. Gil-Fuentetaja I. & Economou, M. (2019). Communicating Museum Collections Information Online. Journal on Computing and Cultural Heritage. https://doi.org/10.1145/3283253. (In English).
27. Lo Turco, M. & Giovannini, E. (2020). Parametric and Visual Programming BIM for the Museum of the Future. In Digital Transformation of the Design, Construction and Management Processes of the Built Environment (pp. 305–316). https://doi.org/10.1007/978-3-030-33570-0. (In English).
28. Miano A. (2022). Phygital museum experiences: the situated and invisible dimension of technology as a sensitive activation of cultural heritage. AMPS Proceedings Series 32 — Representing Pasts — Visioning Futures. Retrieved from https://www.academia.edu/126291186/Phygital_museum_experiences_the_situated_and_invisible_dimension_of_technology_as_a_sensitive_activation_of_cultural_heritage. (In English).

Поступила в редакцию 03.09.2026 г.

EVOLUTION OF MUSEUM ANNOUNCEMENT GENRE: FROM PRINTED PRESS RELEASE TO DIGITAL HYBRID MEDIA TEXT (1960–2025)

L.V. Elizarova*, *K.S. Provorova

The article examines the genre dynamics of the museum announcement from 1960 to 2025. While the media landscape undergoes rapid digital transformation, the museum announcement remains unexamined as a stable speech genre. The study aims to identify and describe structural and linguistic changes in the museum announcement as it evolved from a printed press release into a hybrid digital media text. The methodology combines corpus analysis featuring automated linguistic annotation with linguostylistic and comparative examinations of subcorpora compiled for three chronological periods: 1960–1990, 2000–2020, and 2020–2025. The study identifies the factors driving this transformation, linking the stages of its evolution to shifts in scientific paradigms. Corpus evidence — including reduced text length, shifting parts-of-speech frequencies, and named entity distribution — uncovers systematic shifts in both the compositional structure and linguistic styling of the museum announcement. The findings provide a valuable framework for modeling how traditional genres evolve within digital environment, while offering effective strategies for enhancing audience engagement.

Keywords: museum announcement, press release, diachronic analysis, genre transformation, corpus method, hybrid text, corpus linguistics, genre ghosts.

Елизарова Людмила Вячеславовна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
Доцент кафедры перевода.
ORCID 0000-0003-3211-462X.
E-mail: lyudmilaelizarova@yandex.ru

Проворова Кристина Сергеевна.
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
Преподаватель кафедры перевода.
ORCID 0009-0003-0649-630X.
E-mail: provorova4kristina@mail.ru

Elizarova Lyudmila Vyacheslavovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation.
Associate Professor of Department of Translation and Interpreting.
ORCID 0000-0003-3211-462X.
E-mail: lyudmilaelizarova@yandex.ru

Provorova Kristina Sergeevna.
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation.
Lecturer of Department of Translation and Interpreting.
ORCID 0009-0003-0649-630X.
E-mail: provorova4kristina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81'22:81'282.2:81'25
DOI: 10.5281/zenodo.22910633

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТОПОНИМА КИТАЙ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ[2]

© 2026 *М.Ю. Криницкая*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владивостокский государственный университет»
ORCID 0000-0002-7265-1932

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье представлена реконструкция концепта КИТАЙ в сознании российской и китайской молодежи. Цель работы — выявить специфику концептуализации топонима в параллельных выборках. Применены лексикографический анализ, ассоциативный эксперимент и метод семантического дифференциала. Обнаружена устойчивая асимметрия восприятия: в русской лексикографии КИТАЙ — государство с четкими административными границами, а в китайской — «цивилизационная вселенная». Ассоциации русских связаны с символами и товарами, китайцев — с национальными ценностями и идентичностью. Выявлен разрыв в оценках по шкале «Традиционный — Современный». Результаты исследования имеют практическую значимость в лингводидактике и межкультурной коммуникации: они позволяют корректировать учебные материалы, образовательные подходы и коммуникативные стратегии взаимодействия с учетом культурно-онтологических расхождений в восприятии концепта носителями русской и китайской культур.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, когнитивная лингвистика, концепт КИТАЙ, семантический дифференциал, сопоставительный анализ, топонимический концепт.

Для цитирования: Криницкая М.Ю. Концептуализация топонима КИТАЙ в сознании российской и китайской молодежи / М.Ю. Криницкая // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 112–122. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22910633.

Введение. В современных стремительно изменяющихся условиях геополитики, характеризующихся наращиванием стратегического партнерства между Россией и Китаем, аспект взаимного восприятия носителей русской и китайской культуры становится весьма важным. Представление о соседствующем партнере, которое уже ранее закрепилось в ментальных структурах нашего подсознания, не является статичным: оно в состоянии изменяться, а порой и трансформироваться вовсе. Ввиду этого исследование репрезентации концепта КИТАЙ становится не только предметом изучения в академическом пространстве, но и явлением межкультурной коммуникации, способствующим ведению эффективного диалога. В работе фокус наблюдения смещается с экстралингвистических факторов к лингвокогнитивным механизмам. Как именно в условиях, с одной стороны, глобализации и цифровизации, а с другой стороны, многополярности формируется концепт? Какие слои нашего сознания активируются при номинации китайской («чужой») культуры?

[2] Автор выражает искреннюю благодарность магистру лингвистики У Цзинюй за оказанную помощь в сборе эмпирических данных в китайской аудитории и в уточнении ряда значений слов-реакций.

Л.П. Иванова относит КИТАЙ к универсально-прецедентным топонимам [5, с. 11]. Данный мощный культурный объект судя по всему понятен всем. Тем не менее чрезвычайно важно сопоставить и понять, что думают и говорят о Китае в России и что думают и говорят китайцы сами о себе, чтобы в процессе реализации межкультурного диалога не допустить погрешностей, которые впоследствии смогут привести к конфликтам.

Исследования последних лет демонстрируют постоянный интерес к данной теме, однако его структура является неоднородной. К примеру, часть работ концентрируется на вербализации концепта через медиадискурс, другая часть — изучает корпусные данные. При анализе этимологии и фразеологии было обнаружено, что в русской языковой картине мира (РЯКМ) КИТАЙ воспринимается как более близкий и материальный объект, чем в английской лингвокультуре [3, с. 107]. При исследовании данных Национального корпуса русского языка были выделены когнитивные признаки *«обширная территория»* и *«быстрый экономический рост»* [14, с. 189]; в работах подчеркивается связь с идеологическим контекстом при анализе метафорических моделей (*«экономический тигр»*, *«Дракон Востока»*) и образе Китая в российских СМИ [7; 8].

В тоже время привлекают внимание психолингвистические исследования, которые применяют экспериментальные методы. Так, к примеру, авторы формируют структуру ассоциативного поля, отмечая при этом доминирование лексико-семантических групп *«народ»* и *«культура»* [13, с. 79]. Применение методики ассоциативного эксперимента (АЭ) помогло установить синкретизм в восприятии восточноазиатских культур, поверхность знаний о философии [1, с. 30], стереотипные представления о китайцах, выявление таких качеств как *«трудолюбие»*, *«приверженность традициям»* [4, с. 6].

Однако при изучении исследований по данной теме прослеживается некая асимметрия: авторы ограничиваются анализом лишь русской лингвокультуры. Но насколько данные о русском восприятии соотносятся с концептуализацией китайцами собственной страны на современном этапе?

При понимании логики китайской языковой картины мира (КЯКМ) приходится учитывать ключевые особенности китайской коммуникации — вежливость, «сохранение лица», ритуальность, которые в свою очередь определены конфуцианскими ценностями [6, с. 77]. Вместе с тем авторы обращают внимание на центральную роль гармонии, коллективизма и диалектического сочетания традиций и модернизации [9]. Китайцы, как полагает исследователь М.А. Васильева, чаще используют визуальное, круговое, субъективное, комплексное («снаружи внутрь»), всестороннее и «коллективистское» мышление. В тоже время русским характерно логическое, линейное, объективное, аналитическое («изнутри наружу») и «индивидуалистическое» мышление [15, с. 41].

Анализируя образ КИТАЯ через фразеологизмы и ассоциативные словари, авторы-исследователи некоторых работ заявляют, что созрела необходимость сопоставительно анализа. Они констатирует ограниченность анализа исключительно русскоязычным материалом и намечают необходимость сравнения с китайским в перспективе [2; 11; 12].

Таким образом, данное исследование представляется актуальным и обладает научной новизной, так как направлено на восполнение выявленного пробела. Цель работы — провести комплексное сопоставление на уровне глубинных когнитивных структур, выявленные через психолингвистические методы в параллельных русской и

китайской аудиториях, что в свою очередь позволит установить не только универсальные, но и культурно-специфические черты в восприятии концепта КИТАЙ.

Материалы и методы исследования. Эмпирическая база исследования сформирована посредством комплекса методов: лексикографического метода, свободного АЭ и метода семантического дифференциала (СД). Использование психолингвистических методов позволяет сочетать качественный анализ семантических полей с количественной оценкой эмоционального восприятия. В эксперименте принял участие 221 человек (113 русских студентов и 108 студентов из Китая в возрасте 16–25 лет). Восприимчивость молодежи к медиадискурсу и цифровым трендам делает ее восприятие релевантным для изучения современных тенденций. Все китайские участники на момент сбора данных (июнь 2025 г.) обучались в российском вузе, во Владивостокском государственном университете. Фактор нахождения респондентов в инокультурной среде учитывался как методологическое ограничение.

Основная часть. Под концептом в российской когнитивной лингвистике, вслед за Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степановым, В.В. Воробьевым и др., понимается оперативная единица человеческой памяти, ментального лексикона и концептуальной системы языка, которая способна обладать сложной понятийной, ценностной структурой, включающей образность. Причем последняя воспринимается как чувственно-воспринимаемый компонент концепта, некая визуализированная или чувственная его проекция.

В работе образ рассматривается в качестве необходимого доступа («пропуска») к ценностному ядру концепта. К тому же, как отмечает И.Г. Насталовская, ассоциативное поле дает возможность выявить не только денотативные признаки, но и неявные аксиологические доминанты, которые характерны той или иной лингвокультуре [10, с. 29]. В связи с тем, что в статье анализируется не просто набор «картинок» в сознании респондентов, а весьма устойчивые ментальные образования типа «мощь», «гармония» и др., то выбор термина «концепт» является оправданным.

Нами концепт КИТАЙ понимается как многомерное ментальное пространство, где его образная составляющая (объекты, символы, цвета и т.п.) выполняет роль вербального индикатора глубоких культурных установок. Исследовательский интерес сосредоточен на фрагменте ЯКМ, презентующем восприятие топонима в сознании определенной социально-возрастной группы. Концепт, как известно, явление динамическое, он напрямую зависит от влияния различных экстралингвистических факторов (геополитическая ситуация, особенности проявления межкультурных контактов и др.), именно поэтому его фиксация на синхроническом срезе ценна и представляет так называемую точку отсчета для будущий исследований диахронического характера.

В процессе работы над лексикографическим материалом было выявлено существенное различие в подходах описания лексемы КИТАЙ. В русских словарях она приобретает преимущественно фактологическую интерпретацию. В зону внимания включаются объективные параметры: географическое положение, административное устройство, политическая система, численность населения и т.п. При этом дефиниции лишены выраженной аксиологии, они носят лишь справочный, нейтральный характер. К примеру, в Большом энциклопедическом словаре КИТАЙ, а точнее Китайская Народная Республика, определяется через призму государственности с указанием столицы, политического строя и т.п. [18, с. 634]. Этимологический словарь предлагает справку, которая отсылает к этнониму «кидани», что в свою очередь, свидетельствует, что название дано не изнутри системы, а присвоено извне [19, с. 238]. Таким образом,

русская лексикография формирует рационально-энциклопедический образ, где ключевой становится логика факта, а не смысла.

Картина меняется кардинальным образом при обращении к китайским лексикографическим источникам. Описание лексемы КИТАЙ не ограничивается политико-географической характеристикой. В словарях понятие 中国 Чжунго (Zhōngguó) определяется как цивилизационный феномен, в ядерную зону значения которого входит упоминание не только о современных государственных границах, но и историческая непрерывность (5 000 лет), культурное единство многонационального сообщества (56 национальностей) и идея «Срединного государства» (中 (zhōn) — середина, центр; 国 (guó) — государство, страна) как центра мира [17, с. 423]. Китайские лексикографические источники эксплицитно фиксируют связь с конфуцианскими ценностями, идеей гармонии и глобальной миссией нации. К примеру, в Большой китайской энциклопедии в соответствующей статье имеется цитата бывшего председателя КНР Мао Цзэдуна о вкладе Китая в развитие всего человечества [16, с. 112], так что политический дискурс оказывается интегрированным в культурный код.

Таким образом, семантический анализ выявляет, что русская дефиниция отвечает на вопрос «Что это за страна?» (объект), то китайская — «Кто мы?» (субъект). Вдобавок к этому стоит сказать, что лексикографический «портрет» устанавливает глубинную асимметрию: с точки зрения русской культуры Китай — это внешний, важный, политический партнер с богатой историей, а для китайской — это онтологическая основа существования («культурная вселенная»).

Общеизвестно, что словари отражают нормативный аспект, некий идеал, который не всегда совпадает с повседневным употреблением, вследствие чего данные лексикографического анализа служат фоном, который способствует более четкому представлению неких отклонений и специфики, выявленных в ходе эксперимента. Для эмпирической проверки теоретических положений был применен свободный АЭ, использование которого позволяет фиксировать реакции, способствующие осуществить реконструкцию ядерных зон концепта без вовлечения логического контроля респондентов. Полученные в ходе АЭ словесные реакции были распределены по лексико-семантическим группам. В первую очередь заметна существенная асимметрия в распределении тематических доминант.

Прежде всего выделяется группа «Символы Китая», здесь имеется явное расхождение: русские респонденты (91 реакция) тяготеют к культурно-историческим маркерам: *«дракон»*, *«панда»*, *«красные фонарики»*, *«палочки для еды»*, *«шелк»*, *«бамбук»* и др. Эти узнаваемые образы-символы функционируют в сознании русских, скорее всего, как привлекающие внимание туристов знаки, чем как признаки культурного кода. В данном случае русские респонденты воспроизводят глобальный стереотип, представляя Китай как набор визуальных аттракций. Интересно, что частотный у русских символ *«дракон»* (31 реакция) встречается и у китайских респондентов (6), но не так часто. В группе символов у китайцев (62 реакции) доминируют другие: *«пятизвездный красный флаг»*, *«Ворота Тяньаньмэнь»*, *«фарфор»*, *«фейерверки»*, *«китайский узел»*, *«государственный гимн»* и др. Полагаем, что подобная разница в восприятии подтверждает иной его статус: для китайской молодежи это национальные символы, являющиеся обязательной частью повседневной действительности и включенные в ритуалы социализации китайского общества; для русских — Китай остается внешним объектом наблюдения.

Примечательным, на наш взгляд, является экономический блок реакций (группа «Экономика, производство и торговля»). Русские четко фиксируют Китай в контексте потребления (49 реакций): *«одежда»*, *«дешево»*, *«Aliexpress»*, *«Taobao»*, *«товары»*, *«машины»*, *«фрукты»* и др. Заметна редукция концепта до функции «мировой фабрики», поставляющей доступные товары. Китайские же респонденты не игнорируют бытовое потребление, оно представлено (*«покупки в интернете»*, *«курьерская доставка»*, *«удобно и быстро»*), хотя и в меньшем объеме и в другом качестве, а именно через осуществление покупок на маркетплейсах, платформах электронной торговли, однако китайские респонденты смещают акцент на разного рода инфраструктурные и технологические достижения (23 реакции): *«наука и технологии»*, *«экономическое чудо»*, *«высокоскоростная железная дорога»*, *«5 G»*, 一带一路 (Идай Илу) *«Один пояс — один путь»*. В этой группе интересна реакция 中国制造 (Чжунго Чжицзао) *«сделано в Китае»*, которая в группе китайских студентов носит не утилитарный характер, ярко демонстрирует их гордость, прогресс, маркируя высокое качество товара. Русские же респонденты напротив связывают данную реакцию с ожиданиями низкого качества. Данное расхождение доказывает, что экономическая составляющая концепта в КЯКМ уже «встроена» в нарратив национального возрождения, тогда как в РЯКМ она остается на уровне практического потребления. Таким образом, культурная дистанция формируется за счет подобной дихотомии *«наука и технологии»*, с одной стороны, и *«товары повседневного потребления»*, с другой стороны, и становится одним из ключевых индикаторов.

Примечательно, что среди реакций китайской молодежи практически отсутствуют негативные ассоциации, а такие реакции как *«мощь»*, *«процветание»*, *«гармония»*, *«величие»*, *«богатство»*, *«безопасность»* доминируют в анкетах. Здесь, во-первых, стоит учитывать так называемый эффект «социальной желательности», так как критика своей страны может восприниматься как нарушение коллективной лояльности в инокультурной среде. А, во-вторых, как известно, в китайском обществе, характеризующемся высокой дистанцией власти и коллективистской ориентацией, не допускается публичное выражение негатива в адрес правительства и государства, особенно в официальном контексте (существенно то, что эксперимент проводился в государственном университете). Следовательно, отсутствие негативных реакций китайским респондентами рассматривается как результат некой фильтрации сознания в соответствии с традиционными социальными нормами поведения.

Неравномерность представлена и в распределении нейтральных реакций. Китайские ответы чаще являются объективными, описательными: *«многовековой»*, *«известный»*, *«традиционный».* Нейтральные реакции русских связаны с потенциалом, масштабом: *«большой»*, *«важный»* и др. Это позволяет говорить о том, что в РЯКМ концепт представляется более прагматичным, тогда как в КЯКМ концепт является экзистенциальным, ориентированным на самоощущения его носителей.

Здесь важно внести ремарку: подобное расхождение требуется учитывать при построении межкультурного диалога и коммуникативных стратегий взаимодействия партнеров. В связи с различным онтологическим статусом концепта в сознании сторон попытки апеллировать к так называемым «общим ценностям» могут давать отличный от ожидаемого результат.

Итак, анализ ассоциативного поля способен выделить механизмы категоризации действительности, а также содержательные отличия. Однако вопрос о динамике представлений в сознании носителей языка остается открытым. Безусловно, исследовательский интерес вызывает устойчивость выявленных компонентов концепта

в РЯКМ и КЯКМ, их реагирование на изменения геополитического, культурного и иного ландшафтов. Данный аспект потребует исследования в перспективе.

Дальнейшим шагом в исследовании послужило обращение к методу СД, фиксирующему отношение субъекта к изучаемому объекту и предоставляющему возможность измерить эмоционально-оценочный «заряд» понятия. Переход от качественных реакций к количественным необходим для проверки представленных ранее доводов. Сопоставление данных СД с результатами АЭ позволяет выявить некие закономерности, которые не были нами замечены при поверхностном изучении списков слов-реакций на стимул КИТАЙ. В качестве основного инструмента была разработана и предложена анкета, включающая 5 биполярных шкал, где крайние значения (1 и 5) отражали максимальную выраженность противоположных полюсов. Затем данные были обработаны путем подсчета процентного распределения по каждой позиции шкалы (см. Табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ восприятия концепта КИТАЙ (по результатам СД)

№	Название оценочной шкалы	Группа респондентов	Оценка, %		
			Позитивная (1–2 балла)	Нейтральная (3 балла)	Негативная (4–5 баллов)
1	Позитивный — Негативный	Русские	65.5	29.2	5.3
		Китайцы	88.9	6.5	4.7
2	Сильный — Слабый	Русские	68.2	27.4	4.4
		Китайцы	92.6	2.8	4.7
3	Близкий — Далекий	Русские	77.0	18.6	4.5
		Китайцы	90.7	4.6	4.6
4	Традиционный — Современный	Русские	31.0	47.8	21.2
		Китайцы	10.2	40.7	49.1
5	Привлекательный — Отталкивающий	Русские	68.2	24.8	7.1
		Китайцы	92.6	2.8	4.7

Источник: результаты эксперимента

В рамках анализа были вычислены средние арифметические значения (M) по каждой биполярной шкале, где 1 — это позитивная оценка, а 5 — негативная, и стандартные отклонения (SD), показывающие степень согласованности ответов респондентов (см. Табл. 2).

Таблица 2. Средние значения оценок и стандартные отклонения по шкалам СД

№	Название оценочной шкалы	Русские респонденты, балл		Китайские респонденты, балл	
		M	SD	M	SD
1	Позитивный — Негативный	2.13	0.90	1.41	1.02
2	Сильный — Слабый	2.04	0.87	1.41	0.97
3	Близкий — Далекий	1.75	0.95	1.34	0.95
4	Традиционный — Современный	2.80	1.03	3.59	1.12
5	Привлекательный — Отталкивающий	2.10	0.98	1.31	0.87

Источник: результаты эксперимента

Данные, полученные методом СД, говорят о том, что и русские, и китайские респонденты оценивают КИТАЙ преимущественно позитивно: средние значения по шкале «Позитивный — Негативный» стремятся к полюсу позитива как у русских (2.13), так и у китайцев (1.41). Но данное внешнее сходство скрывает разницу в степени

эмоционального отклика респондентов. Китайская молодежь демонстрирует почти максимальную близость к идеалу, что в свою очередь коррелирует с данными АЭ, где преобладали реакции «величие», «процветание». У русских студентов позитивность присутствует тоже, но она более сдержана. Разброс мнений выше, чем в китайской группе, что позволяет говорить о существовании внутренних дискуссий относительного образа Китая в российском обществе.

Шкала «Традиционный — Современный» фиксирует расхождение восприятий. У русских наблюдается баланс данных признаков (2.80) с небольшим отклонением в сторону традиционности, что явно усматривается с ассоциативным полем, где была представлена частотность реакций *«дракон»*, *«Великая китайская стена»*, *«чай»*. Русская молодежь видит КИТАЙ как государство, где традиционность древних эпох не отменяет современность, она остается визиткой карточкой страны. А вот китайская молодежь уверенно определяет свою страну как современную (3.59). Полагаем, что для них традиционность не является основой их самоощущения в контексте развития целого государства, так как реакции *«5G»*, *«экономическое чудо»*, 基建狂魔 («Цзицзянь Куан Мо») *«одержимый строительством»*, выявленные во время проведения АЭ, находят прямое подтверждение.

Такая явная асимметрия в восприятии временных характеристик концепта должна быть учтена при коммуникации. При обсуждении КИТАЯ русский партнер может апеллировать к культурному наследию, традиционности, ожидая взаимопонимания со стороны молодого китайского партнера, который, в свою очередь, уже будет ориентирован на обсуждение технологий, будущих проектов и мероприятий. Таким образом, считывается рассинхронизация и смещение акцента: сторонний наблюдатель представляет КИТАЙ древней цивилизацией, ставшей современной, а носитель китайской культуры — современной силой, имеющей древние корни.

По шкалам «Сильный — Слабый» и «Привлекательный — Отталкивающий» наблюдается сближение мнений. Обе группы респондентов признают мощь Китая, однако привлекательность у русских все же ниже, чем самоидентификация китайцев. Здесь наблюдается проявление эффекта «другого», внешнего объекта, пусть и дружественного, уважаемого, но дистанцированного.

Получает высокую оценку обеими группами респондентов показатель «Близость» (шкала «Близкий — Далекий), который отражает геополитическую ситуацию и частотность контактов между Россией и Китаем.

Для китайской молодежи концепт КИТАЙ (Чжунго) мыслится как часть расширенного «Я». И здесь это не столько физико-географическое пространство, а сколько аксиологический центр, вокруг которого строится идентичность, поэтому любые оценки, такие как сила, современность, привлекательность и др., будут носить глубокий экзистенциальный характер. И тогда становится понятно, что критика концепта и навешивание негативных ассоциаций становится невозможным, так как в данном случае это будет равносильно критике собственного «Я». Данный факт напрямую объясняет практически полное отсутствие негативных эмоций в шкалах СД и отрицательных ассоциаций при проведении АЭ.

Опять обратимся к потенциальным рискам при проведении российско-китайского диалога: в то время как китайская сторона использует риторику, базирующуюся на всеобъемлющей эмоциональной связи и великой исторической миссии («великое возрождение нации»), российская сторона может просто воспринимать это в контексте некого политического прагматизма; наряду с этим русский партнер окажется сконцентрированным на китайских визуальных символах культуры (*«панда»*, *«фонарики»*

и т.п.), представляющих для него экзотику, которая, в свою очередь, может восприниматься китайцами поверхностно, более того, восточный партнер может предположить некое игнорирование современной китайской технологической реальности.

Таким образом, метод СД позволил зафиксировать, что КИТАЙ являет дружественный, сильный образ для русской молодежи, он представляется внешним партнером с богатым культурным и историческим прошлым. Китайская же молодежь закрепляет в своем сознании образ динамично развивающейся страны-цивилизации, которая является основой и личной, и коллективной идентичности. Сближение этих позиций находим через синхронизацию смысловых наполнений, к примеру, в шкале «Традиционный — Современный». В дальнейшем стоит наши данные сравнить с данными 2030 г., чтобы пронаблюдать изменение восприятия.

Заключение. В данном сопоставительном исследовании фиксируется весьма устойчивая асимметрия в репрезентации концепта КИТАЙ в восприятии российской и китайской молодежи. Использование комплексного подхода, сочетающего в себе лексикографический анализ лексемы КИТАЙ, свободный АЭ и метод СД, предоставило возможность рассмотреть объект изучения через призму как нормативных дефиниций, представленных в словарях и энциклопедиях, так и живых механизмов категоризации окружающей реальности.

Первый, лексикографический, этап выявил асимметрию в способах номинаций: русская словарная традиция фиксирует лишь статус политико-географического объекта с четкими административными границами, китайские словарные источники изображают образ «культурной вселенной», воспринимающийся не просто как определенная территория, а как единая пятитысячелетняя цивилизационная целостность (комплексный континуум). Выявленное на лексикографическом этапе онтологическое расхождение задает вектор дальнейшего исследования и предопределяет последующее появление отличительных составляющих в ассоциативных полях концепта.

Данные свободного АЭ подтверждают гипотезу о различии: русские респонденты очерчивают внешнюю проекцию концепта, выделяя эксплицитные обращающие на себя внимание маркеры (символы Китая, китайская кухня, товары массового потребления, факты культуры, к примеру, *«Китайский новый год»*, *«буддийские храмы»*, *«Великая китайская стена»*), китайская же группа, напротив, демонстрирует внутренние представления, оперируя ценностными категориями (*«мощь»*, *«процветание»*, *«величество»*, *«могущество»* и т.п.)

Количественно верифицировать качественные наблюдения после проведения АЭ позволил метод СД. Из всех бинарных сочетаний наибольший разрыв нами был зафиксирован по шкале «Традиционный — Современный». Для русской молодежи КИТАЙ находится между прошлым и настоящим, оставаясь все же древней культурой, а для китайской — приоритет смещается в сторону технологической современности. Для русского сознания КИТАЙ остается внешним весьма значимым объектом, тогда как для китайского — это часть расширенного «Я».

В перспективе потребуется расширить эмпирическую базу, а именно привлечь к анкетированию респондентов старших возрастных групп, думается, что значимы также будут результаты симметричного эксперимента внутри КНР с целью нейтрализации эффекта присутствия инокультурной среды.

Практическая значимость данной работы определяется обнаружением коммуникативных зон потенциального непонимания, которое, в свою очередь, может привести к межкультурным конфликтам. Осмысление того, что концепт КИТАЙ для

китайского партнера носит экзистенциальный характер, а для российского — прагматический, позволяет вырабатывать и корректировать стратегии межкультурной коммуникации. Кроме этого в лингводидактике данный факт требует изменения подходов: обучение русских студентов китайскому языку должно сопровождаться не только предъявлением языковых фактов, но и сопровождением акцентов на цивилизационный контекст, в свою очередь при обучении китайских студентов русскому языку преподавателю стоит дать объяснение некой российской прагматичности как иной формы дистанции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Береснев Ю.В. Образ Китая в наивной картине мира россиянина / Ю.В. Береснев, Н.И. Береснева // Studia Humanitatis Borealis. — 2023. — № 3(28). — С. 28–36.
2. Григорьева Т.В. Образ Китая в русском языковом сознании (по данным «Русского регионального ассоциативного словаря») / Т.В. Григорьева, Ц. Ли // Вестник Марийского государственного университета. — 2024. — Т. 18. № 3. — С. 382–387. — http://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-382-387.
3. Дань Н. Концепт Китая в русской и английской языковых картинах мира (этимология, словообразование и фразеологизмы) / Н. Дань // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2016. — № 2(36). — С. 103–108. — http://doi.org/10.18323/2073-5073-2016-2-103-108.
4. Ду Л. Лингвокультурема «Китай» в восприятии носителей русского языка / Л. Ду, Я.Л. Березовская // Язык. Культура. Коммуникации. — 2016. — № 2(6). — С. 6.
5. Иванова Л.П. Лингвокультурологический и психолингвистический потенциал топонима / Л.П. Иванова // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. — 2022. — Т. 1. — № 16. — С. 6–23.
6. Кравцова В.Н. Особенности китайской лингвокультуры / В.Н. Кравцова, Л.А. Ласица // Reports Scientific Society. — 2025. — № 5(61). — С. 75–79.
7. Ли Ц. Метафорические модели при формировании образа Китая в русском языковом сознании / Ц. Ли // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2024. — № 6–2. — С. 178–181. — http://doi.org/10.37882/2223-2982.2024.6-2.17.
8. Ли Ц. Образ Китая в современных российских СМИ (по материалам Национального корпуса русского языка) / Ц. Ли // Litera. — 2024. — № 5. — С. 51–60. — http://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.5.70692.
9. Митриев И.М. Отражение современного Китая в аспекте гармоничной культуры / И.М. Митриев // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 95–4. — С. 134–136. — http://doi.org/10.18411/trnio-03-2023-200.
10. Насталовская И.Г. Ассоциативное поле «национальный характер» в языковой картине мира носителей русской и китайской культур / И.Г. Насталовская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2025. — Т. 22. — № 1. — С. 27–34. — http://doi.org/10.14529/ling250104.
11. Орлова О.В. Китай, китайцы и китайское в современной русскоязычной диаспоральной лингвокультуре / О.В. Орлова, Ч. Ли // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2023. — № 86. — С. 66–83. — http://doi.org/10.17223/19986645/86/5.
12. Попова Е.А. Образ Китая в сознании носителей русского языка / Е.А. Попова, Н.А. Богославская // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. — 2022. — Вып. 1 (9). — С. 97–111. — http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-97-111.
13. Чжан Я. Концепт КИТАЙ в сознании носителей русского языка (на материале ассоциативного эксперимента) / Я. Чжань // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2022. — Т. 20. — № 1. — С. 73–82. — http://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-73-82.
14. Чжан Я. Языковая объективация концепта «Китай» (на материале Национального корпуса русского языка) / Я. Чжан // Успехи гуманитарных наук. — 2020. — № 12. — С. 186–190.
15. Vasilyeva M.A. Differences in Thinking Patterns between Chinese and Russians /M.A. Vasilyeva // Asia and Africa Today. — 2025. — № 1. — P. 41–48. — http://doi.org/10.31857/S0321507525010057.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

16. Большая китайская энциклопедия (Чжунго да байкэ цюаньшу). — Пекин: Чжунго да байкэ цюаньшу чубаньшэ, 2022. — С. 112.
17. Большой словарь китайского языка (Ханью да цыдянь): в 13 т. / Гл. ред. Ло Чжуфэн. — Шанхай: Ханью да цыдянь чубаньшэ, 1994. — Т. 1. — С. 423.

18. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. — М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000. — С. 634.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. — М.: Прогресс, 1986–1987. — Т. 2. — С. 238.

REFERENCES

1. Beresnev, Yu.V., & Beresneva, N.I. (2023). Obraz Kitaya v naivnoy kartine mira rossiyanina [The Image of China in the Naive Worldview of a Russian]. Studia Humanitatis Borealis, 3(28), 28–36 (In Russian).
2. Grigor'eva, T.V., & Li, Ts. (2024). Obraz Kitaya v russkom yazykovom soznanii (po dannym «Russkogo regional'nogo assotsiativnogo slovarya») [The Image of China in Russian Linguistic Consciousness (Based on the "Russian Regional Associative Dictionary")]. Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta, 18(3), 382–387. http://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-382-387 (In Russian).
3. Dan', N. (2016). Kontsept Kitaya v russkoy i angliyskoy yazykovykh kartinakh mira (etimologiya, slovoobrazovanie i frazeologizmy) [The Concept of China in Russian and English Linguistic Worldviews (Etymology, Word Formation and Phraseology)]. Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2(36), 103–108. http://doi.org/10.18323/2073-5073-2016-2-103-108 (In Russian).
4. Du, L., & Berezovskaya, Ya.L. (2016). Lingvokul'turema «Kitay» v vospriyatii nositeley russkogo yazyka [Linguocultureme "China" in the Perception of Russian Speakers]. Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsii, 2(6), 6 (In Russian).
5. Ivanova, L.P. (2022). Lingvokul'turologicheskiy i psikholingvisticheskiy potentsial toponima [Linguoculturological and Psycholinguistic Potential of the Toponym]. Problemy kognitivnogo i funktsional'nogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov, 1(16), 6–23 (In Russian).
6. Kravtsova, V. N., & Lasitsa, L.A. (2025). Osobennosti kitayskoy lingvokul'tury [Features of Chinese Linguoculture]. Reports Scientific Society, 5(61), 75–79 (In Russian).
7. Li, Ts. (2024). Metaforicheskie modeli pri formirovanii obraza Kitaya v russkom yazykovom soznanii [Metaphorical Models in Forming the Image of China in Russian Linguistic Consciousness]. Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki, 6-2, 178–181. http://doi.org/10.37882/2223-2982.2024.6-2.17 (In Russian).
8. Li, Ts. (2024). Obraz Kitaya v sovremennykh rossiyskikh SMI (po materialam Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [The Image of China in Modern Russian Media (Based on the Russian National Corpus)]. Litera, 5, 51–60. http://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.5.70692 (In Russian).
9. Mitriev, I.M. (2023). Otrazhenie sovremennogo Kitaya v aspekte garmonichnoy kul'tury [Reflection of Modern China in the Aspect of Harmonious Culture]. Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya, 95-4, 134–136. http://doi.org/10.18411/trnio-03-2023-200 (In Russian).
10. Nastalovskaya, I.G. (2025). Assotsiativnoe pole «natsional'nyy kharakter» v yazykovoy kartine mira nositeley russkoy i kitayskoy kul'tur [Associative Field "National Character" in the Linguistic Worldview of Russian and Chinese Culture Bearers]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika», 22(1), 27–34. http://doi.org/10.14529/ling250104 (In Russian).
11. Orlova, O.V., & Li, Ch. (2023). Kitay, kitaytsy i kitayskoe v sovremennoy russkoyazychnoy diasporal'noy lingvokul'ture [China, Chinese People and Chinese Things in Modern Russian-Speaking Diasporal Linguoculture]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya, 86, 66–83. http://doi.org/10.17223/19986645/86/5 (In Russian).
12. Popova, E.A., & Bogoslavskaya, N.A. (2022). Obraz Kitaya v soznanii nositeley russkogo yazyka [The Image of China in the Consciousness of Russian Speakers]. Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie, 1(9), 97–111. http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-1-97-111 (In Russian).
13. Chzhan, Ya. (2022). Kontsept KITAY v soznanii nositeley russkogo yazyka (na materiale assotsiativnogo eksperimenta) [The Concept CHINA in the Consciousness of Russian Speakers (Based on Associative Experiment)]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya, 20(1), 73–82. http://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-73-82 (In Russian).
14. Chzhan, Ya. (2020). Yazykovaya ob"ektivatsiya kontsepta «Kitay» (na materiale Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [Linguistic Objectification of the Concept "China" (Based on the Russian National Corpus)]. Uspekhi gumanitarnykh nauk, 12, 186–190 (In Russian).
15. Vasilyeva, M.A. (2025). Differences in Thinking Patterns between Chinese and Russians. Asia and Africa Today, 1, 41–48. http://doi.org/10.31857/S0321507525010057 (In English).

Поступила в редакцию 17.04.2026 г.

CONCEPTUALIZATION OF TOPONYM CHINA IN CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN AND CHINESE YOUTH

M.Yu. Krinitskaia

The article presents a reconstruction of the concept CHINA in the consciousness of Russian and Chinese youth. The study aims at identifying the specifics of toponym conceptualization in parallel sample groups. A number of methods have been applied among which are as follows: lexicographic analysis, an associative experiment, and the semantic differential method. A persistent asymmetry of perception is revealed, i.e. in Russian lexicography, CHINA is construed as a state with clearly defined administrative borders, whereas in Chinese lexicography, it is understood as a "civilizational universe". The associations of Russian respondents are predominantly linked to symbols and consumer goods, while those of Chinese respondents are related to national values and identity. A significant divergence in assessments was identified along the "Traditional — Modern" scale. The findings of this study have practical relevance for linguo-didactic and intercultural communication, as they facilitate the adjustment of educational materials, teaching approaches, and communicative strategies by taking into account the cultural and ontological discrepancies in the perception of this concept by speakers of Russian and Chinese.

Key words: associative experiment, cognitive linguistics, concept CHINA, semantic differential, comparative analysis, toponymical concept.

Криницкая Марина Юрьевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Владивостокский государственный университет,
г. Владивосток, Российская Федерация.
Доцент кафедры русского языка.

ORCID 0000-0002-7265-1932.
E-mail: evs1955@mail.ru.

Krinitskaia Marina Yurevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Vladivostok State University,
Vladivostok, Russian Federation.
Associate Professor at Department of Russian Language.
ORCID 0000-0002-7265-1932.
E-mail: evs1955@mail.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Обзорная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.5281/zenodo.22910994

ИЗУЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО В ЛИНГВИСТИКЕ: ТЕОРЕТИКО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

© 2026 Н.Н. Немич
Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Сызранское высшее военное авиационное училище лётчиков»
ORCID 0000-0002-9515-1084

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматривается понятийная категория несуществующего как значимый фрагмент языковой картины мира. Цель статьи — провести обзор современных лингвистических исследований категории несуществующего, выявить основные подходы к её изучению и наметить перспективные направления дальнейших изысканий. Автор обосновывает актуальность лингвистического изучения того, как язык фиксирует не только реальные, но и вымышленные объекты, отсутствующие в объективной действительности. В ходе исследования проанализированы научные труды отечественных и зарубежных лингвистов, рассматривающих категорию несуществующего через призму своих исследований в различных аспектах: семантико-референциальном, грамматическом, ономастическом, словообразовательном и культурологическом. Особое внимание уделено механизмам языковой репрезентации несуществующего: роли модальности, сослагательного наклонения, отрицательных местоимений, префиксоидов (квази-, псевдо-, лже-), нулевого знака и др. Отмечено, что несуществующее — не просто отрицание реальности, а самостоятельная функционально-семантическая категория со своим планом содержания и выражения. В выводах обозначены перспективы изучения онтологического статуса несуществующего и его роли в различных видах дискурса.

Ключевые слова: понятийная категория несуществующего, лингвистические исследования, семантико-референциальный грамматический, ономастический, культурологический аспекты, модальность, ирреальность, фикциональность, референция, нулевой знак, онтологический статус.

Для цитирования: Немич Н.Н. Изучение категории несуществующего в лингвистике: теоретико-аналитический обзор / Н.Н. Немич // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 123–138. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22910994.

Введение. Лингвистика как научная дисциплина постоянно расширяет свою область исследования, обращаясь к сложным когнитивным процессам, стоящим за языковым выражением. Одним из перспективных направлений становится изучение того, как язык фиксирует не только реальные, но и несуществующие, вымышленные объекты.

Что есть *несуществующее*? Согласно «Большому академическому словарю русского языка» (2009) *несуществующий* — «такой, которого нет в действительности» [41, с. 294]. Это определение указывает на онтологическую сущность понятия: *несуществующее* противопоставлено реальному как отсутствие чего-либо в объективной действительности. Тем не менее язык располагает средствами для обозначения подобных феноменов. Как утверждал Ю.Д. Апресян, язык свободен и даёт человеку средства, позволяющие с одинаковой лёгкостью говорить как о фактах, так и об ошибке, иллюзии, фантазии [2, с. 23].

Вопрос о том, что существует, а что не существует, остаётся до настоящего времени актуальным. В этой связи особую значимость приобретает обращение к

понятийной категории *несуществующего*. Это не просто отрицание реальности, а самостоятельная категория, обладающая разнообразными языковыми маркерами (лексическими, грамматическими, дискурсивными) и когнитивными механизмами конструирования. Она позволяет языку оперировать объектами, не имеющими референта в реальном мире. Следовательно, понятийная категория *несуществующего* — важный фрагмент языковой картины мира, требующий системного изучения.

Исследование *несуществующего* берёт своё начало в античности в философских изысканиях. Протагор, древнегреческий философ, сформулировал исходный принцип софистов: «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» [42, с. 120].

Горгий Леонтинский в трактате «О не-сущем, или О природе» изложил три положения, согласно которому, как утверждает философ, «ничего не существует; но даже если нечто существует, то оно не познаваемо; но даже если и познаваемо — то необъяснимо для другого» [12].

Другой подход к данному феномену видим в философии Аристотеля, который утверждал, что *несуществующее* не может существовать и, следовательно, не может находиться в движении. Философ рассуждает, что *несуществующее* присуще возникновению вообще; то же относится и к покою: несуществующее не имеет места, иначе оно находилось бы где-нибудь [3, с. 388].

Важным звеном в осмыслении категории *несуществующего* выступает концепция австрийского философа А. Майнонга, который формирует «теорию предметов», допускающую предметы мысли, которые не существуют, но обладают «таковостью». Философ формулирует принцип независимости бытия от так-бытия: «фигуры, которыми занимается геометрия, не существуют. Но всё же мы имеем возможность выявить их свойства, т. е. их так-бытие» [24, с. 208].

Такое понимание позволяет точнее интерпретировать языковые конструкции, в которых референт заведомо не имеет места в объективной действительности, но при этом полноценно представлен в коммуникации. Так, высказывание типа *Мне жаль*, *что розовых пони не существует* не воспринимается как бессмыслица: речь идёт не о реальном объекте, а о предмете воображения. В этом случае предмет речи относится к фиктивному пространству, где несуществующий объект функционирует как полноценный участник пропозиции.

Различие существования и бытования согласно концепции А. Майнонга находит прямое отражение в языковых средствах, обеспечивающих референцию к несуществующим объектам: модальность, интенциональные предикаты и пропозициональные конструкции позволяют языку описывать и оперировать тем, что не имеет реального денотата, а обладает только референтом.

Лингвистическое изучение *несуществующего* находится в зависимости от философских взглядов. Учёные-лингвисты, опираясь на философское различие истины от ложности, стали определять *несуществование* как логическую ложность. Например, как объяснить смысл высказывания типа «нынешний король Франции лыс», если субъект высказывания не имеет денотата? [19, с. 202–203]. Высказывание о несуществующем объекте получает статус не ошибки, а особой семантической аномалии.

Современная лингвистика всё активнее обращается к анализу языковых механизмов, позволяющих описывать не только объективную реальность, но и то, что выходит за её пределы: вымысел, отрицаемые сущности и объекты, не имеющие аналогов в действительности. В фокусе внимания лингвистических исследований

оказываются не только прямые референты, но и способы языковой репрезентации того, что не имеет эмпирического подтверждения: мифологических существ, гипотетических сценариев, отрицаемых фактов и т. д.

А.Э. Левицкий указывает, что долгое время изучение вымышленного мира носило преимущественно философский характер, это было связано с начальной стадией развития наук, освещающих пути человеческого развития. В настоящее время интеграция фактов из разных областей знания позволяет всесторонне анализировать создание, вербальное отражение и восприятие квазиреальности [22, с. 370]. По мнению исследователя, ирреальный мир выступает продуктом интерпретационной деятельности человека; это смоделированное человеком вследствие богатства его воображения и фантазии ментальное пространство, материализация которого осуществляется с помощью языкового знака [22, с. 372].

Цель статьи — провести обзор современных лингвистических исследований понятийной категории *несуществующего*, выявить основные подходы к её изучению, обозначить перспективные направления дальнейших изысканий. Данная работа выполнена в русле нашего исследования семантики *несуществующего* [26, 27, 28, 29].

Объект исследования — понятийная категория *несуществующего*, фиксирующая отсутствие соответствия между языковым выражением и реальным объектом.

Предмет исследования — результаты современных лингвистических работ, анализирующих способы и механизмы языковой репрезентации *несуществующего.*

Материалы и методы исследования. В качестве материала для анализа были использованы научные публикации отечественных и зарубежных лингвистов, прямо или косвенно рассматривающих вопросы изучения категории *несуществующего.* Методологическая база исследования включает системный, сравнительный и аналитический методы.

Основная часть. Вопросы изучения понятийной категории *несуществующего* в лингвистике находятся на стадии накопления материала. Отдельные проблемы значения *несуществующего* исследованы лингвистами в следующих аспектах: семантико-референциальном [1; 4; 19; 21; 25; 30 и др.], грамматическом [23; 34; 36 и др.], ономастическом [17; 18; 32; 38; 39 и др.], словообразовательном [13 и др.], культурологическом [10; 11; 33; 35 и др.]. Попутно заметим, что, несмотря на возможность выделения вышеназванных аспектов, такое деление является несколько условным, поскольку глубина и разнообразие исследовательских парадигм приводит к тому, что в той или иной научной работе представлен не один, а несколько аспектов.

Между тем *несуществующее* как функционально-семантическая категория языка, располагающая своим планом содержания и выражения (полем), ещё не было предметом внимания лингвистов.

Согласно семантико-референциальному аспекту, лингвистическое изучение несуществующих объектов сосредоточивается на проблемах референции и предметной денотации, то есть отношения между языковыми выражениями и внеязыковой реальностью. По мнению Н.Д. Арутюновой, референция определяет «логическое содержание суждения, его истинность» [4, с. 6]. Например, литературный антропоним *Евгений Онегин* не имеет денотата в эмпирическом мире, но при этом выполняет в коммуникативном пространстве художественного произведения номинативную и идентифицирующую функции.

И.А. Названова «противоположное реальности, действительности, тесно связанное с фантастикой и фантазией, воображением» определяет как *ирреальность* [25, с. 15]. В объём данного понятия исследователь включает всё, что не относится к

объективной реальности или действительности: *чудо*, *диво*, *колдовство*, *волшебство*, *магия*, *чары* и др. [25, с. 15]. И.А. Названова предлагает расширить рамки концептосферы ирреального путём включения в неё феномена аномалии как проявления отклонения от нормы, при этом исследователь указывает на наличие смысловой связи аномалии с чудом [25, с. 17]. Согласно мнению исследователя, ирреальное предполагает иную меру оценки и иные нормы культуры в отличие от нормального и «может быть интерпретировано как анормальное и даже ненормальное, нарушающее общее (для индивида и социума) правило» [25, с. 17].

Ю.Д. Апресян рассматривает способы языкового выражения отклонений от истины, включая ложь, фантазию, иллюзию и другие формы нереальности. Учёный анализирует лексические и грамматические механизмы мнимого мира, к которым относит не только знаменательные части речи, но и некоторые служебные единицы, деривационные элементы (*квази-*, *псевдо-* и др.), модальные конструкции, синтаксический ирреализ, глаголы сослагательного наклонения, а также лексику с семантикой гипотетичности, иллюзорности или вымысла [2, с. 23]. Данные средства позволяют конструировать в языке миры, не совпадающие с объективной реальностью.

Ю.Д. Апресян описывает инструменты языка, позволяющие оперировать нереальностью. Так, например, языковые единицы *чудиться*, *мерещиться*, *мниться*, по мнению учёного, отражают мнимый мир, не существующий в реальности: «В сознании человека X есть образ объекта или ситуации P, который как бы воспринимается органами чувств, хотя на самом деле он не существует» [2, с. 27–28]. Этот пример подводит нас к мысли, что данные лексемы выступают как языковые маркеры пересечения мира *несуществующег*о и мнимого мира: мнимое выступает как частный случай *несуществующего*, возникающий на уровне чувственного восприятия.

Е.С. Попова, рассматривая способы маркирования категории ирреального в произведении М. Пруста «Обретённое время», акцентирует внимание на том, что лексический тип маркирования представляет значительный интерес с точки зрения качественной характеристики, поскольку обладает разнообразными средствами выражения категории ирреального [31, с. 63].

Важное место в изучении несуществующих персонажей занимает исследование Н.А. Николиной, рассматривающей образ несуществующего персонажа *Киже* в семантическом аспекте. По мнению учёного, *Киже* служит символом пустоты. Семантика слова *пустой* указывает «не только на незаполненность пространства, но и на отсутствие внутреннего содержания» [30, с. 42].

А.Ю. Колесникова, исследуя ирреальное в творчестве В. Пелевина, отмечает, что в творчестве писателя существование объективной реальности подвергается сомнению, языковые средства при моделировании ирреальных событий являются ключевым элементом, помогающим стереть границу между внешним и внутренним миром персонажа [20, с. 7].

Особенностям полимодального конструирования ирреальности в дискурсе кино посвящено исследование А.С. Дружинина. Учёный трактует ирреальность как способ познания мира, реализуемый через реконфигурацию пережитого опыта в рамках эмоционально-оценочной динамики восприятия и мышления [15, с. 58]. Согласно позиции исследователя, познание мира ирреальности обусловлено взаимозависимостью обстоятельственной предрешённости и свободой индивидуального выбора [15, с. 85].

Как подчёркивает А.С. Дружинин, герой, конструируя ирреальность в своих действиях, руководствуется прагматической целью, при этом «коллективный

отправитель», воплощая на экране подобное воображение или действие, делает ирреальность доступной и понятной для зрительского восприятия [15, с. 86].

С.С. Войславова, структурируя лексико-семантическое поле «кажимости», определяет его ядро, включающее слова *сон*, *мечта*, *надежда*, которые номинируют промежуточное состояние между реальностью и ирреальностью [9, с. 7]. Как отмечает исследователь, «кажимость» имеет высокий терминологический потенциал, т. к. «она фокусирует внимание на способности субъекта (человека или коллектива) создавать отдельные («воображаемые», «иллюзорные») миры» [9, с. 14]. В соответствии с выводами С.С. Войславовой, мир *несуществующего* и мир «кажимости» можно трактовать как смежные категории. Их пересечение образует зону семантической и когнитивной неопределённости, где происходит размывание границ между объективной реальностью и её перцептивным искажением: восприятие мира (или отдельного объекта) искажается настолько, что *несуществующее* кажется реальным.

А.И. Дзюбенко рассматривает структуру и семантику эстетического знака с позиций выявления особенностей вторичного семиозиса, реализуемого в художественном тексте. Исследователь отмечает, что авторская оценочность и интенциональность оказывают особое влияние на структуру и семантику эстетического знака, его денотатом становится авторский замысел, вымышленная реальность при фактическом отсутствии какого-либо реально существующего объекта действительности [14].

В грамматическом аспекте *несуществующее* репрезентируется морфологическими средствами (местоимениями с префиксами *ни-* и *не-*: *ничто*, *никто* и др.), а также синтаксическими средствами: маркерами отрицания (*не*, *ни*, *нет*), модальностью ирреального и др.

Н.Ю. Шведова, анализируя функционирование местоимения *кто*, выделяет несколько позиций того, кто обозначен данным местоимением. Особый интерес для нашего исследования представляет тот случай, когда обозначаемый субъект ставится адресантом под сомнение или вовсе признаётся несуществующим. В этой позиции, по мнению учёного, местоимение *кто* реализует значение «заведомого несуществования, отрицания самой возможности существования означаемого» [36, с. 63–64].

В исследовании особенностей отрицательного местоимения *что* И.В. Труфанова указывает на активную реализацию анализируемой лексемы в риторическом вопросе для передачи отрицания в утвердительной форме, и, кроме того, систематизирует дефиниции слова *ничто*. В числе значений исследователь выделяет наличие онтологического вакуума, небытия и отсутствия предмета, признака незначительного, несущественного, не заслуживающего внимания и состояние отрицания значимости какого-либо лица, ничтожества [34, с. 626]. Полисемия слова *ничто* свидетельствует, что в языковой картине мира носителей языка отрицательное местоимение применяется от указания на отсутствие предмета до передачи отрицательной оценки предмета речи.

Ю.А. Ландер предполагает, что граница между реальностью и ирреальностью проходит при условии соответствия реальных ситуаций референтным предложениям, а ирреальных — нереферентным. По мнению исследователя, семантическую категорию ирреальности можно вывести из необходимых функциональных свойств языка. К числу этих свойств Ю.А. Ландер относит референциальные механизмы [21, с. 171].

Исследователь Т.Б. Агранат отмечает, что широкое понимание ирреальности предполагает охват всех ситуаций, которые в реальной действительности не происходят. Грамматическое выражение таких ситуаций происходит через граммемы

всех ирреальных наклонений, а также будущего времени индикатива, поскольку они выражают нереализованность события, а не свершившийся факт [1, с. 177].

А.В. Логинов в русле исследования категории интеррогативности в современном русском языке рассматривает ирреальную модальность, которая, как отмечает учёный, «получает своё выражение в формах сослагательного наклонения и независимого инфинитива, а также при помощи вводных слов и модальных частиц» [23, с. 340].

Отметим, что различие реальности/ирреальности может быть выражено не только прямо, но и опосредствованно. Морфология наклонений (индикатив, конъюнктив, императив, субъюнктив) представляет собой универсальный механизм языкового конструирования *несуществующего.*

Категория *несуществующего* пересекается с рядом лингвистических понятий, в частности, модальностью. А.В. Бондарко определяет модальность как отношение к оппозиции реальности/ирреальности: «индикатив констатирует факт, конъюнктив выражает возможное/невозможное. Фиктивный контекст позволяет индикативу описывать ирреальное» [7, с. 40]. Учёный считает, что между реальностью и ирреальностью в их качественной определённости существуют постепенные переходы [6, с. 66]. Например, конструкции с сослагательным наклонением: «*Если бы у меня были крылья…*»; с отрицанием, фиксирующим отсутствие объекта или признака: «*Здесь нет никого*», «*Он не существует для меня*»; с вымыслом: «*В тридевятом царстве*, *в тридесятом государстве…*»; гипотетичностью, указывающей на предположения и прогнозы: «*Возможно*, *завтра пойдёт снег*».

Как отмечает А.В. Бондарко, индикатив выражает не только свершившийся факт, но и ситуации с элементами ирреальности: «возможность, необходимость, желание» [6, с. 73]. В этом понимании индикатив выражает реальность, но может конструировать нереальное в фиктивном контексте: например, *Лошади живут в поле* (индикатив + эмпирическая реальность), *Розовые пони живут в Эквестрии* (индикатив + фиктивная реальность). Конъюнктив (сослагательное наклонение) прямо кодирует ирреальность: *Розовые пони жили бы в Эквестрии* = возможность/желание. Субъюнктив (сослагательное наклонение) выражает максимальную степень нереальности: *Хочу*, *чтобы розовые пони существовали…* (желание); *Даже если бы пони умели летать...* (гипотетическое допущение).

Следовательно, морфология наклонений кодирует *несуществующее*: индикатив (фиктивный контекст), конъюнктив (явная ирреальность), субъюнктив (максимальная фиктивность).

В рамках изучения категории *несуществующего*, на наш взгляд, особый интерес представляет *нулевой знак* — так называемый лингвистический механизм, при котором отсутствие материального выражения может нести смысловую нагрузку. Это и позволяет рассматривать нулевой знак как репрезентант семантики *несуществующего* [5; 40]. В работах Ш. Балли и Р. Якобсона представлены теоретические модели, где значимое отсутствие выполняет грамматические и семантические функции. Так, например, Ш. Балли, характеризуя нулевой знак, указывает, что при отсутствии положительного означающего знак всё же реализует определённое значение в заданном месте синтагмы. Данная синтагма допускает замену на одну или несколько синтагм того же вида, в которых суффикс обладает эксплицитной формой [5, с. 177].

Р. Якобсон рассматривает *нулевой знак* как важный компонент, который, хотя и не имеет материального выражения, все же выполняет функции, аналогичные тем, что имеют знаки с ненулевым выражением. Нулевое окончание воспринимается как значимое отсутствие, которое может быть обнаружено в парадигмах форм, где

присутствуют другие формы с материальным выражением. Исследователь подчёркивает, что *нулевой знак* не является просто пустым местом. Он выполняет функции, аналогичные тем, что имеют знаки с явным выражением (например, окончания). То есть нулевое окончание может указывать на грамматическое значение так же, как и окончания с материальным выражением [40, с. 222-230].

Р. Якобсон вводит понятие «нулевого анафорического (или дейктического) знака», который, по мнению исследователя, семантически не равен эксплицитному знаку: противопоставление строится между экспрессивным типом, который составляет одно целое с конкретной ситуацией либо вызывает воображаемую ситуацию в языке искусства, и типом, имеющим нулевую экспрессивную и дейктическую значимость [40, с. 227].

Нулевой знак обозначает отсутствие какого-либо элемента (например, окончания слова), но это отсутствие все равно имеет значение. Например, в некоторых языках форма слова может не иметь окончания, но это отсутствие указывает на определённую грамматическую категорию (например, род или число). *Нулевой знак* показывает, что даже отсутствие какого-либо элемента может быть значимым и влиять на смысл. Отсутствие элемента может быть столь же значимо, как его присутствие.

И.Б. Кобозева, анализируя семантику повествовательных предложений-высказываний, исходит из позиции, что предложение типа «Нынешний король Франции не лыс» теряет смысл не потому, что оно ложно, а потому, что приписывает свойство «лыс» несуществующему объекту. Исследователь подчёркивает: «Если в мире дискурса не существует некоторого объекта, то в это мире нет смысла обсуждать свойства данного объекта» [19, с. 202–203]. Таким образом, несуществование становится условием аномальности высказывания.

И.Б. Кобозева при анализе аномальности высказываний опирается на понятие семантической пресуппозиции (презумпции), которое объясняет, почему предложения о несуществующем объекте кажутся «более странными, чем синтетически ложные предложения» [19, с. 203]. Аномальными словами применительно к конкретному языку, по мнению исследователя, можно было бы считать несуществующие в нём «квазислова», которые придуманы специально с определённой целью, например, научной, художественной или игровой [19, с. 200].

Т.В. Шмелева анализирует смысловую организацию предложения и проблему модальности, выделяя показатели модальности, включая непережитую реальность (чужой опыт) и пережитую реальность (личный опыт), см.: [37].Учёный отмечает, что презумптивным значением модальности «служит ирреальность, а её собственные смыслы состоят в повороте ситуации от ирреальности к реальности — необходимость, возможность, желательность» [37, с. 329-330].

Отдельный интерес представляет словообразовательное оформление *несуществующего* с помощью префиксоидов типа *квази-*, *псевдо-*, *лже-*, квалифицирующих объект как мнимый, ненастоящий, поддельный, выдуманный. Т.А. Гридина и Н.И. Коновалова отмечают, что в языковом сознании носителей языка эти форманты устойчиво соотносятся с дифференциальными семами *несуществующий*, *выдуманный*, *не имеющий связи с реальностью*, противопоставляя обозначаемые ими объекты сфере подлинного, реально существующего [13]. Выявленные значения объясняют востребованность данных префиксоидов в медиадискурсе, структурируемом оппозициями *реальный — фантомный*, *истинный — ложный.* Следовательно, лексико-словообразовательные средства не только дополняют грамматическую маркировку ирреальности, но и специализируются на конструировании квазиреального и фиктивного как особых разновидностей *несуществующего*.

Таким образом, грамматическая репрезентация *несуществующего* опирается на согласованную работу морфологических и синтаксических средств: отрицательные местоимения *никто*, *ничто* маркируют референцию к «пустому множеству», маркеры отрицания *не*, *ни*, *нет* градуируют оттенки несуществования от полного отсутствия объекта (например, *Здесь нет никого*) до субъективного исключения его из когнитивного пространства говорящего (*Он для меня не существует*). Модальные конструкции и формы наклонений кодируют разные типы ирреальности: индикатив в фиктивном контексте (*Розовые пони живут в Эквестрии*) задаёт условную рамку, сослагательное наклонение (*уехали бы*) прямо указывает на гипотетичность, а сочетания модальных слов с отрицанием (*Вряд ли кто-то придёт*) усиливают эффект нереализованности за счёт совмещения семантики сомнения и отсутствия потенциального субъекта. Словообразовательные префиксоиды и нулевой знак также помогают конструировать семантику *несуществующего* как функционально-семантическую категорию языка.

В культурологическом аспекте *несуществующее* представлено как культурно значимый феномен, выступающий мифологическими, сказочными, вымышленными конструктами.

Б.Т. Ганеев, рассматривая некоторые гносеологические и онтологические проблемы соотношения языка и ничто, делит *Ничто* на *великое* (которое служит основой для многочисленных малых ничто) и *малое* («как дырки от сыра, рассеяны по материи и духу бытия»), см.: [10, с. 15]. *Малое ничто* исследователь рассматривает в гносеологической плоскости, в области несуществующих объектов, «нулевых референтов» [10, с. 20]. К проявлениям в языке *ничто* Б.Т. Ганеев относит нулевой знак, эллипсисы, а также отрицания, указывающие на положительное содержание [10, с. 22].

Н.И. Репринцева и Ю.Г. Кочарян, анализируя топонимы с точки зрения репрезентации ирреального мира, характерного для английской фольклорной сказки, приходят к выводу, что вымышленные топонимы могут быть связаны с контекстом произведения, играть смысловую роль при раскрытии его содержания, а их смысл может быть «закодирован» и требовать расшифровки [32, с. 175].

Проблему контекстуальности существования в культуре поднимает Е.В. Золотухина-Аболина. Согласно подходу исследователя, даже если человек или социокультурный институт, будучи физически и фактически существующими, теряют свою значимость и получают статус несуществующих в определённом контексте, они всё равно продолжают функционировать в иных контекстах [16]. Симптоматично, что, по мнению Е.В. Золотухиной-Аболиной, существование «иным способом» не равнозначно бытию — особой формой существования [16, с. 20].

Рассуждая об образе будущего, которого в эмпирическом плане нет, Е.В. Золотухина-Аболина подчёркивает его парадоксальность: в трактовке исследователя будущее не имеет эмпирического воплощения, но тем не менее оно обладает формой бытия в рамках «онтологии культуры» в виде прогнозов дальнейших событий и проектов будущих действий [16, с. 22]. Учёный указывает на удвоенный онтологический парадокс «наличия-отсутствия», при котором обсуждаемое не только не представлено физически, но и не существует в темпоральной плоскости, сохраняя статус гипотетического [16, с. 22].

А.И. Гиниятуллина рассматривает артланги (вымышленные художественные языки на материале видеоигр) как одно из ключевых средств создания вымышленного мира, поскольку именно вымышленные языки предопределяют, как этот мир воспримет аудитория [11].

А.А. Стрельцов выявляет особенности марсианского языка в научно-фантастических произведениях. Исследователь утверждает, что авторы научно-фантастических произведений используют вкрапления марсианского языка для речевой характеристики персонажей, например, инопланетян, пришельцев; среди них часто встречаются имена собственные — личные имена, а также топонимы и астронимы для обозначения иных небесных тел и географических объектов [33, с. 498].

Согласно ономастическому аспекту, категория *несуществующего* получает языковую репрезентацию посредством имён вымышленных объектов. Как отмечает Н.В. Васильева, любой писатель создаёт вымышленный мир, поэтому квазиисторические фигуры, оказавшись в одном мире с фиктивными героями, приобретают статус фиктивных персонажей [8, с. 26].

В.В. Фёдоров, рассуждая о природе поэтической реальности, подчёркивает, что при чтении поэтического текста читатель переходит из обыденного, прозаического мира во внутренний мир произведения, и в рамках этого мира литературный персонаж воспринимается как реально существующий [35, с. 192]. По мнению учёного, в реальной действительности *Онегин* не существует и никогда не существовал: «обыденный мир запрещает читателю — как лицу прозаическому — в герое видеть реального человека (для него *Евгений Онегин* — вымысел), см.: [35, с. 192]. Но в момент чтения изменяется состояние самого мира, и в рамках этого художественного мира персонаж переживается как реальное лицо. Разграничивая действительность героя произведения и повествователя, В.В. Фёдоров приводит убедительные доводы: «В действительности повествователя действительность персонажа присутствует как изображённая, "вымышленная", то есть как "недействительная действительность"» [35, с. 205]. А для действительности персонажа действительность повествователя «просто не существует» [35, с. 205].

В. Шмид одним из основных признаков повествовательного художественного текста выделяет фикциональность. Исследователь разграничивает термины «фикциональный» (характеризующий специфику текста) и «фиктивный» / или «вымышленный» (обозначающие онтологический статус изображаемого), см.: [38, с. 23]. Между тем различие между вымышленными и реальными единицами, по мнению учёного, обусловлено не тематическими или формальными признаками, а исключительно их онтологическим свойством — отсутствием реального существования [38, с. 32].

О.В. Кирпичева, опираясь на исследование В. Шмида, рассматривает фикциональные онимы западных кино- и мультдискурса. Исследователь утверждает, что в пространстве массовой коммуникации фикциональные онимы выступают как эффективное эмоционально-оценочное средство: помимо номинативной функции, они продуктивно используются для оценочной характеристики явлений современной российской действительности [18, с. 117].

В.М. Калинкин, изучающий собственные имена в литературно-художественных текстах, определяет поэтонимы как идеальные образы вымышленных или реальных объектов, названные собственными именами, которые существуют в сознании автора и в восприятии читателя [17, с. 22]. Заметим, что В.М. Калинкин не употребляет термин *несуществующее*, но его концепция предполагает, что поэтонимы могут обозначать объекты не только реальных, но и фикциональных миров, созданных авторским воображением. Всякое собственное имя, по утверждению учёного, в художественном тексте является фиктивным: его существование обусловлено творческой фантазией писателя [17, с. 24].

Н.П. Эминов провёл детальное исследование семантики имён собственных вымышленных существ и проблем перевода [39]. Исследователь считает вымышленные имена знаками нулевых понятий: *Гэндальф* не имеет физического воплощения, он волшебник; *Бильбо* — хоббит, хоббиты не существуют. Как утверждает учёный, имена собственные — безденотатные, пустые или вымышленные — «анализируются как компоненты смысла, несущие в себе информацию, имеющую ключевое значение для адекватного восприятия авторского замысла» [39, с. 70].

Следует заметить, что, по нашим наблюдениям, вымышленные имена формируют поликультурный омастикон русского языка, в котором переплетаются мифологические, фольклорные, библейские, литературные концепты, обеспечивая репрезентацию *несуществующего* в национальном культурном сознании. Наш анализ языкового материала свидетельствует, что фикциональные онимы активно помогают раскрыть авторские идеи и передать эмоции. Так, нами выявлено, что если некоторый оним функционирует в русскоязычном дискурсе как мифоним (имя божества, мифологического персонажа, мифической местности), то он по определению соотносится с несуществующим объектом в эмпирической реальности и, следовательно, обладает семантикой *несуществующего*. Таковы, например, *Апполон*, *Адонис*, *Левиафан*, *Пегас*, *Феникс*, *Эльдорадо*, *Атлантида*. Мы полагаем, что к конституентам семантики *несуществующего* относятся и персонажи из сказок, былин, художественной литературы, маркирующие вымышленные объекты. Например, *Илья Муромец*, *Айболит*, *Буратино*, ср.: [29]. *Розовые пони* как персонажи из вселенной «My Little Pony» также являются ярким примером вымышленных онимов, которые играют важную роль в детской культуре и масс-медиа. Эти пони, обладающие человеческими чертами и характером, представляют разные идеалы и эмоции — дружбу, доброту и смелость, см.: [26].

Как показал краткий обзор лингвистических исследований, в отечественной лингвистике категория *несуществующего* рассматривается через многообразие подходов: изучается связь языковых выражений с внеязыковой реальностью (или её отсутствием) с акцентом на проблему истинности суждений и денотативности; выявляются средства выражения ирреальности: отрицательные местоимения (ничто, никто), маркеры отрицания (не, ни), префиксоиды, ирреальные наклонения, условные конструкции; исследуются имена вымышленных объектов, которые существуют в сознании автора, но не имеют реального денотата. Различия между подходами определяются предметом анализа, однако они дополняют друг друга, создавая полную картину того, как язык кодирует, передаёт и репрезентирует *несуществующее.*

Отметим, что лингвистика моделирует *несуществующее* как цикл: семантика → грамматика → синтаксис → лексика/ономастика.

Заключение. Интерес к проблеме *несуществующего* возник ещё в античной философии и развивается в современной лингвистике через призму референции, семантической аномалии. Симптоматично, что лингвистика заимствует у философии концепции о природе *несуществующего*, небытия, онтологические категории для осмысления статуса языковых единиц, называющих несуществующие объекты.

Ключевая особенность категории *несуществующего* — её референциальная неопределённость: языковое выражение отсылает к объекту, который либо отсутствует в реальности, либо его существование не подтверждено.

Проведённый анализ лингвистических исследований показал, что язык не просто фиксирует отсутствие чего-либо в объективной реальности, но и активно конструирует и репрезентирует *несуществующее* с помощью языковых механизмов.

Категория *несуществующего* изучается в различных аспектах: семантико-референциальный аспект изучает связь языковых выражений с внеязыковой реальностью (или её отсутствием), акцентируя проблему истинности / мнимости суждений (Н.Д. Арутюнова, И.Б. Кобозева, Ю.Д. Апресян); грамматический — выявляет средства выражения ирреальности: отрицательные местоимения (*ничто*, *никто*), маркеры отрицания (*не*, *ни*), ирреальные наклонения (И.В. Труфанова, Т.Б. Агранат, Ю.А. Ландер), модальность (А.В. Бондарко), нулевой знак (Ш. Балли, Р. Якобсон); ономастический — исследует имена вымышленных объектов, которые существуют в сознании автора и читателя, но не имеют реального денотата (В. Шмид, В.М. Калинкин, Н.П. Эминов).

Категория *несуществующего* тесно связана с модальностью (разграничение реального и ирреального через наклонения), с кажимостью, мнимостью, с фикциональностью.

Категория *несуществующего* в языке репрезентируется через специфические грамматические маркеры и морфологические средства отсутствия или отрицания в структуре высказывания.

Таким образом, *несуществующее* — сложная категория, играющая ключевую роль в осознании человеком насущной проблемы бытия и небытия, раскрывающая свои грани в лингвистических изысканиях, представленная различным набором лексических и грамматических средств.

Перспективы дальнейшего изучения *несуществующего* видятся в определении его онтологического статуса (есть ли оно вообще, в каком смысле оно может быть предметом мысли); в проведении анализа того, как *несуществующее* воплощается в художественных образах, символах, становясь культурно значимым феноменом; в описании языковых средств, через которые язык репрезентирует *несуществующее* (грамматические маркеры, лексические средства).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агранат Т.Б. Ирреальность в водском языке / Т.Б Агранат // Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. — М.: Гнозис, 2004. — С. 177–187.
2. Апресян Ю.Д. От истины до лжи по пространству языка / Ю.Д. Апресян // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией: сборник статей и очерков. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью Научно-издательский центр «Индрик», 2008. — С. 23–46.
3. Аристотель. Метафизика. — М.-Л., 1934. — Кн. V. — Гл. 7. [Электронный ресурс] / Аристотель. — Режим доступа: http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/metaphiz.txt_with-big-pictures.html#39 (дата обращения: 17.02.2026).
4. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции [Электронный ресурс] / Н.Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике: сборник / сост. Н.Д. Арутюнова. — Москва: Радуга, 1982. — Выпуск 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). — Часть 13. — С. 5–40. — Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=39106 (дата обращения: 17.04.2026).
5. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Электронный ресурс] / Ш. Балли; ред. Р.А. Будагов ; пер. Е.В. Вентцель, Т.В. Вентцель. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1955. — 416 с. — Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=38395 (дата обращения: 04.04.2026).
6. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А.В. Бондарко. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. — 218с.
7. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко. — Ленинград: Наука, 1990. — 264 с.
8. Васильева Н.В. Собственное имя в тексте: интегративный подход: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 «Теория языка» / Н.В. Васильева — Москва, 2005. — 46 с.
9. Войславова С.С. Мир "кажимости" в русской и болгарской лингвокультурах: опыт лексикографического описания: автореф. дисс. … канд. филол. наук: спец. 5.9.8 «Теоретическая,

прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» / С.С. Войславова. — Москва, 2024. — 25 с.
10. Ганеев Б.Т. Язык и ничто (нулевые знаки и нулевые референты) / Б.Т. Ганеев // Вестник ВЭГУ. — 2009. — № 3(41). — С. 15–24.
11. Гиниятуллина А.И. Артланг как средство создания вымышленного мира в серии видеоигр «Dragon Age» / А.И. Гиниятуллина // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства : Материалы Региональной научно-практической конференции, Уфа, 08 ноября 2025 года. — Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. — С. 26–32.
12. Горгий Леонтинский. Трактат «О не-сущем, или О природе» (De Melisso, Xenophane, Gorgia V–VI) [Электронный ресурс] / Горгий Леонтинский // Mellissi, Xenophanis, Gorgiae. — MXG 979a11–980b21. — Режим доступа: https://simposium.ru/ru/node/13782 (дата обращения: 27.02.2026).
13. Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал префиксоида: квази-, псевдо- лже- в современном медиадискурсе / Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2(110). — С. 32–39.
14. Дзюбенко А.И. Проблема денотата эстетического знака: структурно-семантический аспект / А. И. Дзюбенко // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 3. — Режим доступа: https://sfk-mn.ru/PDF/06FLSK322.pdf (дата обращения: 27.02.2026).
15. Дружинин А.С. Ирреальность и альтернативное мышление в семиотике кино: когнитивно-психологический аспект / А.С. Дружинин // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. — 2024. — № 3(41). — С. 58–90.
16. Золотухина-Аболина Е.В. Онтологический парадокс культуры: виды проявления / Е.В. Золотухина-Аболина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2023. — № 2(112). — С. 14–23. — DOI 10.24412/1997-0803-2023-2112-14-23.
17. Калинкин В.М. Знакомьтесь: поэтонимология / В.М. Калинкин // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. — 2016. — Т. 2, № 4(8). — С. 18–27.
18. Кирпичева О.В. Имена фикциональных персонажей как эмоционально-оценочное средство в массовой коммуникации / О.В. Кирпичева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2021. — № 8(161). — С. 116–122.
19. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика : учеб. для студентов фак. филол. профиля / И.М. Кобозева. — Москва: УРСС, 2004. — 350 с.
20. Колесникова А.Ю. Лингвистическое моделирование ирреального в творчестве В. Пелевина: перцептивный аспект: автореф. дисс. … канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / А.Ю. Колесникова. — Томск, 2019. — 23 с.
21. Ландер Ю.А. Границы (ир)реальности: дативные формы глагола в языках пама-ньюнга / Ю.А. Ландер // Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. — М.: Гнозис, 2004. — С. 147–176.
22. Левицкий А.Э. Взаимодействие реального и ирреального в пространстве вымышленного: когнитивно-дискурсивный аспект / А.Э. Левицкий // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сборник научных трудов. Том Выпуск 2. — Москва : "КДУ", Университетская книга, 2018. — С. 369–373.
23. Логинов А.В. Категория интеррогативности в современном русском языке: дис. … д-ра филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / А.В. Логинов. — Тамбов, 2015. — 500 с.
24. Майнонг А. О теории предметов / А. Майнонг // Эпистемология и философия науки. — 2011. — № 1. — С. 202–229.
25. Названова И. А. Концепт «ирреальность» в семантическом пространстве русского языка: автореф. дисс. … канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / И.А. Названова. — Таганрог, 2006. — 23 с.
26. Немич Н.Н. Семантические и прагматические особенности несуществующих объектов (на примере словосочетания «Розовые пони») / Н.Н. Немич // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. — 2026. — № 17(26). — С. 52–57.
27. Немич Н.Н. Образ Эльдорадо в художественном дискурсе: семантика и функции / Н.Н. Немич // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. — Киров: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2025. — С. 147–152.
28. Немич Н.Н. Лингвистические исследования ирреальных топонимов / Н.Н. Немич // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: Материалы VI Международной научной конференции, Воронеж, 16–18 апреля 2025 года. — Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2025. — С. 47–50.

29. Немич Н.Н. Особенности коннотативных онимов с семантикой несуществующего в русскоязычном дискурсе // «Алые паруса лингвистики»: коллективная монография к 80-летию доктора филологических наук, профессора Валерия Михайловича Калинкина / отв. ред. А.В. Петров. — Симферополь, 2026. — С. 59–72.
30. Николина Н. А. От сценария к рассказу (Лингвостилистический анализ рассказа Ю.Н. Тынянова «Подпоручик Киже») / Н.А. Николина // Русский язык в школе. — 2014. — № 10. — С. 38–44.
31. Попова Е. С. Особенности маркирования ирреальности в произведениях М. Пруста «Обретённое время» / Е.С. Попова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2009. — № 2. — С. 59–63.
32. Репринцева Н. И. Смысловые топонимы в семантической структуре английской фольклорной сказки / Н.И. Репринцева, Ю.Г. Кочарян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. № 12–1(30). — С. 175–178.
33. Стрельцов А.А. Марсианский язык в фантастике: лингво-переводческий аспект / А.А. Стрельцов // Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения : Сборник научных статей по материалам международной научной конференции памяти доктора филологических наук, профессора Л.А. Араевой, Кемерово, 06–08 февраля 2025 года. — Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2025. — С. 495–499.
34. Труфанова И. В. Отрицательное местоимение что / И.В. Труфанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — Т. 11. — № 4. — С. 625–658.
35. Фёдоров В. В. Проблемы поэтического бытия / В.В. Фёдоров. — Донецк: ДонНУ, 2008. — 492 с.
36. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 1998. — 176 с.
37. Шмелева Т. В. План выражения модальности: проблема полноты описания / Т.В. Шмелева // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. — 2019. — № 20. — С. 329–336.
38. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
39. Эминов Н. П. Семантика имен собственных вымышленных существ и проблемы перевода / Н.П. Эминов // Новый филологический вестник. — 2022. — № 4(63). — С. 67–78.
40. Якобсон Р. О. Нулевой знак / Р.О. Якобсон // Избранные работы: Пер. с англ., нем., фр. яз. — Москва: Прогресс, 1985. — С. 222–230.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

41. Большой академический словарь русского языка. — Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2004-. Т. 12: Недруг — Няня. Т. 12. — 2009. — 651, [1] с.
42. Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 21. Проба — Ременсы. — М.: Сов. энциклопедия, 1975. — 640 с.

REFERENCES

1. Agranat T.B. (2004). Irreal'nost' v vodskom yazyke [Unreality in the Votic Language]. In Issledovaniia po teorii grammatiki. Vyp. 3. Irrealis i irreal'nost' [Studies in Grammar Theory. Vol. 3. Irrealis and Unreality] (pp. 177–187). Moscow: Gnozis. (In Russian).
2. Apresyan Yu.D. (2008). Ot istiny do lzhi po prostranstvu yazyka [From Truth to Falsehood across the Space of Language]. In Logicheskii analiz yazyka. Mezhdu lozh'yu i fantaziei: sbornik statei i ocherkov [Logical Analysis of Language. Between Falsehood and Fantasy: Collection of Articles and Essays] (pp. 23–46). Moscow: Indrik. (In Russian).
3. Aristotle. (1934). Metafizika [Metaphysics] (Book V, Chapter 7). Retrieved from http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/metaphiz.txt_with-big-pictures.html#39 (Accessed: 17.02.2026). (In Russian).
4. Arutyunova N.D. (1982). Lingvisticheskie problemy referentsii [Linguistic Problems of Reference]. In N. D. Arutyunova (Ed.). Novoe v zarubezhnoi lingvistike: sbornik. Vypusk 13. Logika i lingvistika (Problemy referentsii) [New in Foreign Linguistics: Collection. Issue 13. Logic and Linguistics (Problems of Reference)] (Part 13, pp. 5–40). Moscow: Raduga. Retrieved from https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=39106 (Accessed: 17.04.2026). (In Russian).
5. Bally Ch. (1955). Obshchaia lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka [General Linguistics and Issues of the French Language]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury. Retrieved from https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=38395 (Accessed: 04.04.2026). (In Russian).
6. Bondarko A.V. (1990). Teoriia funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost' [Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka. (In Russian).

7. Bondarko A.V. (1996). Problemy grammaticheskoi semantiki i russkoi aspektologii [Problems of Grammatical Semantics and Russian Aspectology]. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian)
8. Vasil'eva N.V. (2005). Sobstvennoe imya v tekste: integrativnyi podkhod [Proper Name in Text: An Integrative Approach] (Doctoral dissertation abstract). Moscow. (In Russian).
9. Voislavova S.S. (2024). Mir «kazhimosti» v russkoi i bolgarskoi lingvokul'turakh: opyt leksikograficheskogo opisaniia [The World of «Seemingness» in Russian and Bulgarian Linguocultures: An Experience of Lexicographic Description] (Candidate dissertation abstract). Moscow. (In Russian).
10. Ganeev B.T. (2009). Yazyk i nichto (nulevye znaki i nulevye referenty) [Language and Nothing (Zero Signs and Zero Referents)]. Vestnik VEGU [Bulletin of VEGU], 3(41), (pp. 15–24). (In Russian).
11. Giniyatullina A.I. (2025). Arlang kak sredstvo sozdanija vymyshlennogo mira v serii videoigr "Dragon Age" [Artlang as a means of creating a fictional world in the "Dragon Age"] Video Game Series. Prioritety sovremennoi rusistiki v osmyslenii yazykovogo prostranstva: Materialy Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ufa, 08 November 2025 [Priorities of Modern Russian Studies in Understanding the Language Space: Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference, Ufa, 8 November 2025] (pp. 26–32). Ufa: Ufa University of Science and Technology. (In Russian).
12. Gorgias of Leontini. (n.d.). Traktat «O ne-sushchem, ili O prirode» [Treatise «On Non-Being, or On Nature»] (De Melisso, Xenophane, Gorgia V–VI). Retrieved from https://simposium.ru/ru/node/13782 (Accessed: 27.02.2026). (In Russian).
13. Gridina T.A., Konovalova N.I. (2025). Assotsiativnyi potentsial prefiksoida: kvazi-, psevdo-, lzhe- v sovremennom mediadiskurse [Associative Potential of Prefixoids: quasi-, pseudo-, pseudo- in Modern Media Discourse]. Politicheskaia lingvistika [Political Linguistics], 2(110), (pp. 32–39). (In Russian).
14. Dzyubenko A.I. (2022). Problema denotata ehsteticheskogo znaka: strukturno-semanticheskij aspekt [The problem of the denotatum of the aesthetic sign: a structural-semantic aspect] Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya [The World of Science. Sociology, Philology, Culturology], 13(3). Retrieved from https://sfk-mn.ru/PDF/06FLSK322.pdf (Accessed: 27.02.2026). (In Russian).
15. Druzhinin A.S. (2024). Irreal'nost' i al'ternativnoe myshlenie v semiotike kino: kognitivno-psikhologicheskii aspect [Unreality and Alternative Thinking in Cinema Semiotics: Cognitive-Psychological Aspect]. Praksema. Problemy vizual'noi semiotiki [Praxema. Problems of Visual Semiotics], 3(41), (pp. 58–90). (In Russian).
16. Zolotukhina-Abolina E.V. (2023). Ontologicheskii paradoks kul'tury: vidy proiavleniia [Ontological Paradox of Culture: Types of Manifestation]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2(112), (pp. 14–23). DOI: 10.24412/1997-0803-2023-2112-14-23. (In Russian).
17. Kalinkin V.M. (2016). Znakom'tes': poetonimologiia [Meet: Poetonymology]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriia Filologicheskie nauki i kul'turologiia [Bulletin of Tambov University. Series: Philological Sciences and Culturology], 2(4(8)), (pp. 18–27). (In Russian).
18. Kirpicheva O.V. (2021). Imena fiktsional'nykh personazhei kak emotsional'no-otsenochnoe sredstvo v massovoi kommunikatsii [Names of Fictional Characters as an Emotional-Evaluative Means in Mass Communication]. Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University], 8(161), (pp. 116–122). (In Russian).
19. Kobozeva I.M. (2004). Lingvisticheskaia semantika [Linguistic Semantics]. Moscow: URSS. (In Russian).
20. Kolesnikova A.Yu. (2019). Lingvisticheskoe modelirovanie irreal'nogo v tvorchestve V. Pelevina: pertseptivnyi aspect [Linguistic Modeling of Unreality in V. Pelevin's Works: A Perceptual Aspect] (Candidate dissertation abstract). Tomsk. (In Russian).
21. Lander Yu.A. (2004). Granitsy (ir)real'nosti: dativnye formy glagola v yazykakh pama-nyunga [(Ir)Reality Boundaries: Dative Verb Forms in Pama-Nyungan Languages]. In Issledovaniia po teorii grammatiki. Vyp. 3. Irrealis i irreal'nost' [Studies in Grammar Theory. Vol. 3. Irrealis and Unreality] (pp. 147–176). Moscow: Gnozis. (In Russian).
22. Levitsky A.E. (2018). Vzaimodejstvie real'nogo i irreal'nogo v prostranstve vymyshlennogo: kognitivno-diskursivnyj aspekt [The interaction of the real and the unreal in the fictional space: a cognitive-discursive aspect] Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya: sbornik nauchnykh trudov [Language. Culture. Translation. Communication: Collection of Scientific Papers] (Vol. 2, pp. 369–373). Moscow: KDU, Universitetskaya kniga. (In Russian).
23. Loginov A.V. (2015). Kategoriya interrogativnosti v sovremennom russkom yazyke [The category of interrogativity in modern Russian]: Doctoral dissertation in Philological Sciences: Speciality 10.02.01 "Russian Language". Tambov. (In Russian)

24. Meinong A. (2011). O teorii predmetov [On the theory of objects] // Epistemology and philosophy of science, (1), 202–229. (In Russian).
25. Nazvanova I.A. (2006). Kontsept «irreal'nost'» v semanticheskom prostranstve russkogo yazyka [The concept of "irreality" in the semantic space of the Russian language]: Abstract of PhD dissertation in Philological Sciences: Speciality 10.02.01 "Russian Language". Taganrog. (In Russian)
26. Nemich N.N. (2026). Semantic and pragmatic features of non-existent objects (Based on the example of the phrase "pink ponies"). Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnykh statei [Human and language in the communicative space: collection of scientific articles], (17/26), 52–57. (In Russian).
27. Nemich N.N. (2025). Obraz Eldorado v khudozhestvennom diskurse: semantika i funktsii [The image of Eldorado in literary discourse: semantics and functions]. In Semantika. Funktsionirovanie. Tekst [Semantics. Functioning. Text: Interuniversity collection of scientific papers] (pp. 147–152). Kirov: Raduga-PRESS. (In Russian).
28. Nemich N.N. (2025). Lingvisticheskie issledovaniya irreal'nykh toponimov [Linguistic studies of irreal toponyms]. In Lingvokul'turnye universalii v mirovom prostranstve: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Linguocultural universals in the global space: Proceedings of the VI International Scientific Conference] (pp. 47–50). Voronezh, April 16–18, 2025. Voronezh: Voronezh State Technical University. (In Russian).
29. Nemich N.N. (2026). Features of connotative onyms with the semantics of the non-existent in russian-language discourse. In A. V. Petrov (Ed.). «Alye parusa lingvistiki»: kollektivnaya monografiya k 80-letiyu doktora filologicheskikh nauk, professora Valeriya Mikhailovicha Kalinkina ["Scarlet sails of linguistics": a collective monograph dedicated to the 80th Anniversary of Doctor of Philological Sciences, Professor Valery Mikhailovich Kalinkin] (pp. 59–72). Simferopol. (In Russian).
30. Nikolina N.A. (2014). Ot stsenariya k rasskazu (Lingvostilisticheskii analiz rasskaza Yu. N. Tynyanova "Podporuchik Kizhe") [From scenario to story (Linguostylistic analysis of Yu. N. Tynyanov's short story "Lieutenant Kizhe")]. Russkii yazyk v shkole [Russian Language at School], 10, (pp. 38–44). (In Russian).
31. Popova E.S. (2009). Osobennosti markirovaniya irreal'nosti v proizvedeniyakh M. Prusta "Obretyonnoe vremya" [Features of marking irreality in M. Proust's works "The Recovered Time"]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2, (pp. 59–63). (In Russian).
32. Reprintseva N.I., Kocharian Yu.G. (2013). Smyslovye toponimy v semanticheskoi strukture angliiskoi fol'klornoi skazki [Semantic toponyms in the semantic structure of English folklore fairy tale]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 12-1(30), (pp. 175–178). (In Russian).
33. Streltsov A.A. (2025). Marsianskij yazyk v fantastike: lingvo-perevodcheskij aspekt [Martian language in science fiction: a linguistic and translation aspect] Aktual'nye voprosy lingvistiki i literaturovedeniya: Sbornik nauchnykh statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora L.A. Araevoi, Kemerovo, 06–08 February 2025 [Current Issues in Linguistics and Literary Studies: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference in Memory of Doctor of Philological Sciences, Professor L.A. Araeva, Kemerovo, 6–8 February 2025]. (pp. 495–499). Kemerovo: Kemerovo State University. (In Russian).
34. Trufanova I.V. (2020). Otritsatel'noe mestoimenie chto [Negative pronoun chto]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics], 11(4), (pp. 625–658). (In Russian).
35. Fedorov V.V. (2008). Problemy poeticheskogo bytiya [Problems of poetic existence]. Donetsk: Donetsk National University. (In Russian).
36. Shvedova N.Yu. (1998). Mestoimenie i smysl. Klass russkikh mestoimenii i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva [Pronoun and meaning. The class of Russian pronouns and the semantic spaces they open]. Moscow: Azbukovnik. (In Russian).
37. Shmeleva T.V. (2019). Plan vyrazheniya modal'nosti: problema polnoty opisaniya [The plan of expression of modality: the problem of completeness of description]. Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 20, (pp. 329–336). (In Russian).
38. Schmid W. (2003). Narratologiya [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury [Languages of Slavic Culture]. (In Russian).

39. Eminov N.P. (2022). Semantika imen sobstvennykh vymyshlennykh sushchestv i problemy perevoda [Semantics of proper names of fictional creatures and translation issues]. Novyi filologicheskii vestnik [New Philological Bulletin], 4(63), (pp. 67–78). (In Russian).
40. Jakobson R.O. (1985). Nulevoi znak [The zero sign]. In Izbrannye raboty [Selected works] (pp. 222–230). Translated from English, German, French. Moscow: Progress. (In Russian).

Поступила в редакцию 11.05.2026 г.

STUDYING CATEGORY OF NON-EXISTENT IN LINGUISTICS: THEORETICAL AND ANALYTICAL REVIEW

N.N. Nemich

The article deals with the conceptual category of the non-existent as a significant fragment of the linguistic worldview. The aim of the paper is to review current linguistic studies of the category of the non-existent, to identify the main approaches to its investigation, and to outline promising directions for further research. The author justifies the relevance of a linguistic study of how language encodes not only real but also fictional entities that are absent from objective reality. In the course of the study, scholarly works by Russian and foreign linguists were analysed. These works address the category of the non-existent through various research perspectives, including the semantic-referential, grammatical, onomastic, word-formation, and cultural dimensions. Particular attention is paid to the mechanisms of linguistic representation of the non-existent, among which are as follows: the role of modality, subjunctive mood, negative pronouns, prefixoids (such as quasi-, pseudo-, false-), the zero sign, and other means. It is noted that the non-existent is not merely a negation of reality but an independent functional-semantic category with its own plane of content and expression. In the conclusions, prospects are outlined for studying the ontological status of the non-existent and its role in various types of discourse.

Keywords: conceptual category of the non-existent, linguistic studies, semantic-referential, grammatical, onomastic, culturological aspects, modality, non-actuality, fictionalness, reference, zero sign, ontological status.

Немич Наталья Николаевна.
Кандидат филологических наук.
Сызранское высшее военное авиационное училище летчиков, Российская Федерация, г. Сызрань.
Доцент 11 кафедры русского языка.
ORCID 0000-0002-9515-1084.
E-mail: nemich.natalya@mail.ru.

Nemich Natalya Nikolaevna.
Candidate of Philology.
Syzran Higher Military Aviation School for Pilots, Russian Federation, Syzran.
Associate Professor of the 11th Department of the Russian Language.
ORCID 0000-0002-9515-1084.
E-mail: nemich.natalya@mail.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 61:001.4+81'367.625:811.111
DOI: 10.5281/zenodo.22931903

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ ГЛАГОЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2026 Т.В. Рожкова
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
ORCID 0000-0002-8519-3993

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматриваются основные типы морфологической мотивированности при создании англоязычных глагольных единиц, обозначающих различные медицинские действия и процессы. Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования морфологических средств, участвующих в образовании глаголов с медицинским значением, так как знание словообразовательных моделей способствует более точной семантической интерпретации специальных глаголов, обеспечивающих профессиональную коммуникацию. В процессе исследования использовалась комплексная методика, включающая дефиниционный, этимологический и интерпретативный анализ. Это даёт возможность исследовать семный состав рассматриваемых языковых единиц и определить какие аспекты обозначаемого медицинского явления являются наиболее значимыми для номинации. Морфологическая мотивация трактуется как лингвокогнитивный феномен, позволяющий адекватно отразить релевантные признаки научных понятий, обеспечивая семантическую прозрачность и терминологическую точность. Морфологическая мотивированность медицинских глаголов реализуется посредством нескольких продуктивных моделей: суффиксальной, префиксальной, смешанной, обладающих собственной семантической специализацией и когнитивной нагрузкой. Морфологическая мотивированность способствует интеграции нового глагола в существующую терминосистему. Мотивированный глагол легче запоминается, точнее интерпретируется и быстрее входит в научную коммуникацию.

Ключевые слова: морфологическая мотивация, глагольная деривация, аффиксация, семантика аффиксов, медицинская лексика, глагол, английский язык

Для цитирования: Рожкова Т.В. Морфологическая мотивированность глагольной деривации в английском языке / Т.В. Рожкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 139–149. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22931903.

Введение. Результатом познавательной лингвокреативной деятельности человека являются языковые элементы, формирующие многоуровневую систему. Деривационный процесс реализуется и в появлении новой единицы, и в преобразовании и переосмыслении уже существующих. Деривационные связи между первичными и вторичными языковыми знаками, возникающие на всех уровнях языковой системы (словообразовательном, лексико-семантическом, синтаксическом), по своей природе являются мотивирующими. Образующиеся содержательные связи не только создают семантическую структуру слова, но и отражают мотивационные связи между понятиями в сознании человека.

Мотивационные связи обеспечивают формально-семантическую общность единиц внутри словообразовательных гнёзд, ориентируясь на цельнооформленность

производных слов. Деривационная мотивированность позволяет выявить и объяснить более глубокие и разнообразные смысловые связи в языке. Взаимодействие процессов деривации с процессами номинации способствует эффективности коммуникации в её языковой форме. Оба эти процесса носят ментальный, а не артикуляционный характер, поэтому они оказываются ненаблюдаемые напрямую и локализуются исключительно в языковом сознании индивида, а о том, как они протекают «можно судить лишь по некоторым её результатам, по косвенным данным, по каким-то внешним следам, оставленным в тексте, в структуре предложения или слова» [8, с. 11].

Целью настоящего исследования является определение роли морфологической мотивации и её языкового представления в деривации глагольных единиц, обозначающих различные действия и процессы, связанные с медициной. В работе не только выявляются словообразовательные модели, но и устанавливается, каким образом морфологическая структура глагола влияет на его семантику, точность и способность репрезентировать специальные знания в профессиональной коммуникации.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили англоязычные глаголы, полученные методом сплошной выборки из специальных медицинских словарей («Большой англо-русский медицинский словарь» [14], «Merriam-Webster’s Medical Dictionary» [17]) и словарей общеупотребительной лексики («Cambridge English Dictionary» [15], «Oxford Dictionary of English» [18], «Collins English Dictionary» [16]), этимологические сведения заимствуются из «Online Etymological Dictionary» [13]).

Критерием отбора глагольных единиц послужила их принадлежность к медицинскому дискурсу и семантическая ёмкость, прозрачность мотивации. В фокусе внимания находятся глаголы, образованные посредством формально-семантических компонентов. Для всестороннего изучения фактического материала применяется комплексная методика, включающая дефиниционный, этимологический и интерпретативный анализ. Это даёт возможность исследовать семный состав рассматриваемых языковых единиц и определить, каким образом в этом слое медицинской лексики выражается мотивированность при их образовании.

Обсуждение и результаты. В лингвистической литературе деривация трактуется многопланово, охватывая как словообразовательные процессы, так и более широкие явления языковой динамики, что отражается в следующих определениях. Так, деривация есть «не только факт образования одних слов от других с целью передачи синтаксических функций, отличных от синтаксических функций исходных слов, но также и тот факт, что одно и то же слово может выступать в разных вторичных синтаксических значениях, будучи в отмеченном синтаксическом окружении» [6, с. 61]; «образование новых слов при помощи аффиксов (или посредством дезаффиксации) согласно словообразовательным моделям, свойственным данному языку» [1, с. 129]; «особого рода развитие — переход одних единиц в другие» [8, с. 18]; «самодвижение языка на одном из участков его системы» [12, с. 8]; «процесс или результат образования в языке любого вторичного знака, то есть знака, который может быть объяснён с помощью единицы, принятой за исходную, или выведен из неё путём применения определённых правил» [10, с. 61]; «процесс образования слов, их новых значений, предложений, грамматических форм слова, то есть всех возможных единиц, начиная с фонемы и заканчивая текстом» [11, с. 198].

На основе представленных определений можно сделать вывод о том, что, во-первых, деривация есть динамический процесс создания новых или вторичных единиц в языке, в качестве базы выступают уже существующие в языке слова; во-вторых, так или иначе значение производного элемента можно объяснить через значение исходного; в-третьих, существуют определённые правила или модели такого образования новых слов. В то же время, деривация рассматривается как явление, которое не ограничивается только морфолого-словообразовательными явлениями, так как она проникает в сферу синтаксиса, фонемного состава, целых текстов. Словообразовательный аспект (создание новых слов по моделям с помощью аффиксов), семантико-синтаксический аспект (переход единиц в иные классы и приобретение вторичных значений), универсально-динамический аспект (порождение любых вторичных знаков (от фонемы до текста)) объединяются идеей производности, мотивированности и регулярной выводимости одной языковой единицы из другой. Всё это позволяет трактовать деривацию как один из центральных механизмов существования, фундаментальное свойство, обеспечивающее его динамику, гибкость и способность к развитию.

Исследуя деривационную системность лексики, М.Г. Шкуропацкая объясняет динамизм лексико-семантической системы наличием в системно-структурной организации лексики «деривационно-мотивационного аспекта <…>, и в частности эпидигматических, а по сути ассоциативно-деривационных отношений» [13, с. 4]. Эпидигматические отношения предполагают наличие вертикальной смысловой истории слова, связь между его разными значениями в рамках одной лексемы. Эти отношения есть проявление динамики лексики, внутренняя смысловая «память» слова, которая заставляет сдвигаться лексическую систему: если появляется новый объект, то старое слово «обрастает» новым оттенком, не ломая систему, а усложняя её.

Правила или принципы деривационного взаимодействия лексических единиц «проецируются на динамику словаря и находят отражение в строении словарной эпидигматики, которая, таким образом, имеет не только генетические, но синхронно-функциональные основания» [12, с. 5]. А деривационный потенциал лексической системы обеспечивается «бесконечной смысловой (и формальной) валентностью языкового знака» [12, с. 6]. Такой подход позволяет преодолеть представление о лексике как о статичной, замкнутой системе, позволяет рассматривать каждый её элемент как источник новых единиц, способствующий пополнению терминологий.

В деривационных процессах онтология и гносеология оказываются тесно связанными, так как создание слова базируется на тщательной переработке комплексной информации о том или ином явлении, поиске возможных связей или противоречий со смежными явлениями. С этой позиции деривация может рассматриваться как онтологический процесс, поскольку она обеспечивает саморазвитие, самоорганизацию и динамику языковой системы. В то же время деривация является гносеологическим процессом, так как через словообразовательные механизмы человек фиксирует результаты познавательной деятельности, концептуализирует и категоризирует опыт, вербализует новые знания.

Деривация — это не механическое изобретение названий для различных явлений, а сложный когнитивный акт теоретического осмысления и интерпретации. Именно в процессе переработки информации, поиске связей и противоречий рождается мотивация нового языкового знака. Мотивация выступает ключевым механизмом, опосредующим связь между гносеологическим осмыслением

онтологического явления и конкретным словообразовательным актом. Она даёт возможность на основе приобретённого комплекса знаний выбрать в языке подходящую форму для его именования. Мотивация отвечает за связь названия и формы этого названия с его смыслом**.**

Деривация *мотивирована* на глубинном когнитивном уровне. В зависимости от того, какие аспекты осмысленного явления (онтологические свойства, функциональные признаки, причинно-следственные или аналогические связи) легли в основу именования, формируются разные типы мотивации, которые и становятся непосредственными проводниками от мысли к слову.

Мотивированность предполагает «выводимость (объяснимость) формы и значения одного слова (производного, мотивированного) через форму и значение другого слова (производящего, мотивирующего)» [3, с. 61]. На уровне мотивированности «осуществляется ассоциативная связь между семантическими элементами номинативной единицы и соответствующим лексическим значением» [5, с. 99]. «Мотивация приводит к пониманию семантической связи между производным, специальным и основным значением данного слова. Мотивацию можно определить, как особенность термина, который относится к мотиву (стимуляции) и к пути его формирования с точки зрения времени» [4, с. 1].

Таким образом, в процессе деривации выбор того или иного словообразовательного механизма обусловлен тем, какие именно аспекты обозначаемого явления оказываются наиболее релевантными для номинации: онтологические свойства, функциональные признаки, причинно-следственные связи и другие. Деривационная мотивированность является связующим звеном между внеязыковой реальностью, мыслительными категориями и их языковой интерпретации.

В английском языке глаголы, обозначающие различные действия и процессы в медицине преимущественно образованы от основ существительных и прилагательных, либо восходят к словам этих частей речи в историческом плане. Мотивацией для подобного деривационного процесса выступает возникновение потребности выразить динамический характер того или иного явления, предмета или признака. В данном случае мотивация выступает когнитивным механизмом, который устанавливает содержательные связи и обусловливает выбор формального способа образования.

Таким образом, глагол не просто создаётся по шаблону, а является мотивированным знаком, где его производящая основа (существительное или прилагательное) служит смысловым основанием, объясняющим его значение через семантические отношения (функцию, причину, результат). Этот процесс ярко демонстрирует, как мотивация, опираясь на гносеологическое осмысление связей в мире, генерирует новые единицы в словообразовательной системе языка.

В настоящей работе остановимся на понятии морфологической мотивации, под которой принято понимать «зависимость между морфологической структурой слова, значением его компонентов и значением самого слова. Иными словами, главным критерием морфологической мотивации является отношение между морфемами» [7, с. 56]. Анализ морфологической структуры глаголов, функционирующих в медицинской сфере, показывает, что они формируются в соответствии с общими словообразовательными моделями, характерными для общеупотребительного языка.

«Деривационная активность морфемы характеризует регулярность её функционирования в качестве словообразовательной модели на протяжении

определенного отрезка времени в сравнении с другими морфемами. Морфемы являются деривационно активными, т.к. они активно производят новые слова и несут в себе информацию о потенциальной возможности возникновения новых единиц» [9, с. 764]. Реализация данной деривационной активности находит своё конкретное выражение в системе частеречного словообразования. Семантическое наполнение образуемых глаголов зависит от того, какая часть речи выступает в качестве мотивирующей основы, что позволяет говорить о корреляции между деривационным потенциалом морфемы и её смысловой нагрузкой в конкретных контекстах.

Так, в сфере образования глаголов английского языка наиболее продуктивными суффиксами являются -ise /-ize, -ate, -ite, -ute, менее продуктивны суффиксы -ify, -efy, - en, которые образуют глаголы от существительных и прилагательных. Реже для образования оформления глаголов как части речи используются префиксы be-, en-, -em. В зависимости от частеречной принадлежности мотивирующей основы глаголы реализуют различные семантические характеристики. Рассмотрим наиболее частотные случаи:

– сема «становиться таким, как на то указывает основа, приобретать/придавать качества свойственные тому, на что указывает основа» (*to cicatrize «*зарубцовываться, вызывать образование рубца», *to becalm* «успокаивать», *to enfeeble* «ослаблять, чувствовать недомогание»);

– сема «применять то, что выражено основой» (*oxygenate «*оксигенировать, окислять, насыщать кислородом, насытить кислородом, обрабатывать кислородом»);

– сема «производить действие, обозначенное основой» (*to nauseate* «вызвать тошноту или рвоту, испытывать тошноту»);

– сема «производить действие над тем, что обозначено основой» (*to phlebotomize* «вскрывать вену, делать венесекцию, пускать кровь»);

– сема «производить действие, используя то, что обозначено основой» (*to intoxicate «*отравить»);

– сема «производить действие, изменяя состояние/форму на то, что указано в основе» (*to crystallize* «кристаллизовать, придавать определённую форму»);

– сема «выполнять функцию, характерную для того, что обозначено основой» (*to spermatize* «оплодотворять»);

– сема «делаться (становиться) таким, как на то указывает основа» (*to neutralize* «нейтрализовать (действие токсина, вещества, раствора)», *to esterify* «эстерифицировать, превращать в сложный эфир», *to weaken* «ослаблять»);

– сема «располагаться там, где указано основой», «помещать туда, куда указано основой» (*to hospitalize* «госпитализировать, помещать в больницу»);

– сема «заставлять делать то, что обозначено основой» (*to activate «*активизировать, приводить в действие»).

Суффиксальный способ образования играет важную роль в семантической, прагматической и когнитивной организации глагольной лексики. Глагольные суффиксы несут устойчивые процессуальные значения, которые предопределяют тип медицинского действия: процедурность и системность, изменение качества, органическую трансформацию, которые придают производным глаголам понятийную точность и терминологическую однозначность. То есть суффиксы выступают маркером, дифференцирующим характер действия. С точки зрения прагматики глагольные суффиксы унифицируют глаголы в качестве единиц языка, придают им узнаваемость благодаря чему облегчается профессиональная коммуникация. С позиций когнитивистики глагольные суффиксы отражают способ концептуализации действия,

например, -ize указывает на действие извне, -en имплицитно указывает на естественное, органическое изменение внутри объекта. Таким образом, словообразовательная структура медицинского глагола эксплицирует профессиональную картину мира, актуализируя в сознании специалиста ту или иную сторону действия (активное вмешательство, пассивное изменение).

В английском языке основная нагрузка по изменению лексического значения глаголов ложится на префиксы. В изменении семантики глаголов с медицинским значением участвуют преимущественно префиксы с отрицательным значением: dis-, dif- , de-, in-, im-, ir-, il-, mis-, mal-, un-. Рассмотрим основные значения, реализуемые этими морфемами:

– сема «противоположное действие» (*to distemper «*расстраивать, раздражать», *to unhair* «обезволосить, лысеть»);

– сема «лишение или удаление» (*to disparasitize* «проводить обезвреживание паразитов», *to defecate* «очищать, осветлять, испражняться»);

– сема «снижение или уменьшение» (*to decongest* «уменьшать, снижать, подавлять, устранять застойные явления или отёки»);

– сема «обратное действие» (*to dehypnotize* «выводить из гипнотического состояния», *to immobilize* «иммобилизовать, делать неподвижным»);

– сема «ограничение в пространстве» (*to delimit «*разграничивать, размежёвывать»);

– сема «совершение неправильного действия или ошибки» (*to misapply* «неправильно использовать, злоупотреблять, неправильно употреблять»);

– сема «плохо, неправильно, некорректно работать» (*to malfunction «*работать неправильно, не сработать»).

Примеры позволяют сделать вывод о том, что отрицательные префиксы являются семантически нагруженными, так как разнообразие их значений свидетельствует о том, что они не ограничиваются простым отрицанием. Кроме того, префиксы прагматически эффективны, так как позволяют чётко разграничить противоположные процессы, избежать описательных конструкций, тем самым обеспечивая экономию речевых усилий без потери смысла. Будучи когнитивно мотивированными единицами, префиксы участвуют в организации научного знания как терапевтически ориентированного, а также организуют бинарно-оппозиционные отношения между представлениями о различных действиях.

Наряду с отрицательными префиксами в исследуемом материале — глаголах с медицинским значением — были выявлены приставки, которые репрезентируют пространственные, временные, количественные отношения:

– сема «направление действия» (*to intubate* «интубировать, вводить трубку в полый орган», *to extravasate* «изливаться, выходить из полости сосудов», *to introspect* «вникать, заниматься самонаблюдением/самоанализом», *to percolate «*просачиваться, процеживать», *to prolapse* «выпадать, пролабировать»);

– сема «временные характеристики» (*to predict* «прогнозировать», *to postmortem* «производить вскрытие трупа», *to recontaminate* «повторно заражаться, повторно заразиться»);

– сема «удаление или лишение» (*to emedulate* «удалять костный мозг»);

– сема «недостаточное действия» (*to undernourish* «недокармливать, заставлять недоедать»);

– сема «избыточное действие» (*to overfeed* «перекармливать»);

– сема «обратное, противоположное действие» (*to reactivate «*1) реактивировать, переходить из латентной формы в активную (о микроорганизмах), 2) рецидивировать»);

– сема «совместное действие или объединение» (*co-inoculate* «инокулировать смесью культур или штаммов»).

Приведённые примеры показывают, что префиксы маркируют точную локализацию, медицинское действие осмысляется как движение в пространстве. Префиксы фиксируют последовательность событий, отражая логику клинического мышления. Патология рассматривается как отклонение от нормы, которое может быть либо в сторону увеличения, либо в сторону недостаточности.

Наряду со способностью образовываться от других частей речи, глаголы сами обладают деривационным потенциалом, то есть могут служить производящей базой для дальнейшего словообразования. В качестве примера приведём следующие деривационные цепочки: *to inoculate* (*inoculated*, *inoculating*) → *to reinoculate* → *reinoculation*; *to balm* → *to embalm* → (*embalmer*, *embalming*, *embalment*).

Таким образом, в основе лексической деривации лежит морфологическая мотивированность, которая не ограничивается аффиксами, участвующими в организации глаголов в виде групп на основании принадлежности к соответствующей части речи, словоизменительные префиксы организуют группы глаголов по семантико-категориальным признакам.

Морфологическая мотивированность может быть обусловлена наличием общей корневой морфемы, которая позволяет не только соотносить глагол с определённой областью знания и её терминосистемой, проводить ассоциации с однокоренными словами, что облегчает восприятие значения слова. То есть корневая морфема, входящая в деривационную цепочку однокоренных слов, принадлежащих разным частям речи, отражает системность мышления. Корневая морфема является инвариантом, то есть общим признаком, позволяющим объединять слова в группы на основании отношений производности. В таком виде системности, называемой словообразовательной системностью, морфологическая мотивированность наиболее наглядна. Например, от латинского существительного *diagnosis* «диагноз», заимствованного в таком же виде в английский язык, образовался глагол *to diagnose* «диагностировать, распознавать» (*to misdiagnose* «поставить неверный диагноз», *misdiagnosis* «неверный диагноз»), а от него слова *diagnosed* «выявленный, диагностируемый», *diagnosing* «постановка диагноза, диагностирование», *diagnostic* «определяющий, симптоматический», *diagnostics* «диагностика, учение о диагностике заболеваний», *diagnostician* «диагност, специалист по постановке диагноза», *diagnosticity «*диагностичность». Часть производных слов, например, *diagnosable* «диагностируемый», *diagnosability* «диагностируемость, контролепригодность», *diagnoser* «средство диагностики», традиционно не используются в медицинских контекстах, они больше относятся к техническим или общенаучным, что свидетельствует о гибкости границ медицинской терминосистемы. Таким образом, морфологическая мотивированность позволяет породить широкий спектр терминологических единиц, отражающих самые разные семантические сферы от признака действия до обозначения профессиональных характеристик и абстрактных свойств.

Морфологическая мотивированность — это не линейный процесс, это сеть связей, где производные слова могут восходить к разным формам исторической или современной парадигмы, то есть идти от разных грамматических форм или даже от

усечённой части слова. Например, в латинском языке есть глагол *palpare «*прикасаться» (словарная форма: *palpo* (*1*), *palpavi* (*2*), *palpatum* (*3*), *palpare* (*4*)). Две его грамматические формы стали производящей базой для слов английского языка. Так, в латинском языке от грамматической формы Supinum (3) было образовано существительное *palpatio*, которое было заимствовано сначала во французский язык в виде слова *palpatio «*пальпация, прощупывание». Это слово совпадает с основой латинского существительного, то есть при заимствовании произошло усечение окончания, при этом по данным этимологического словаря слова заимствовались от формы падежа Accusativus (*palpationem*) путём отбрасывания окончание *-em*. В таком виде существительное вошло в английский язык. Английский глагол *to palpate* «пальпировать, прощупывать» появился в результате действия механизма обратной деривации, состоящего в усечении суффикса исходного английского существительного. Далее в английском языке от глагола произошли слова *palpating* «ощупывание» и *palpatory* «пальпаторный».

Также из латинского языка было заимствовано в английский язык прилагательное *palpabilis* в усечённой форме *palpable* «пальпируемый, осязаемый, чувствительный». От этого прилагательного в английском языке образовались слова *palpably* «осязаемо, чувствительно, явно» и *palpability* «осязаемость, очевидность, ясность». А от них с помощью префиксов были созданы слова с отрицательным значением, например, *impalpable* (*unpalpable* — встречается редко), *impalpably*, *impalpability.* Исходя из значений слов видно, что некоторые могут использоваться за пределами медицинских контекстов в переносном значении, то есть сема «наличие тактильного контакта» ослабляется или утрачивается.

Однако общее количество производных слов не ограничивается ими, развивается и семантика новых слов. В общеупотребительном языке от прилагательного *palpable* образовалось слово *palpableness* «очевидность, ясность», которое в медицинских контекстах не используется, а слово со значением «ощутительность, осязаемость» трактуется как устаревшее.

Также от латинского прилагательного *palpabilis* было образовано латинское существительное *palpus — щупальце*, заимствованное в английский язык. От него путём усечения окончания было создано синонимичное существительное *palp*, а добавлением суффикса — прилагательное *palpal* «осязательный, щупальцевый».

Производящие основы не ограничиваются нарицательными существительными. В качестве корневой морфемы, мотивирующей создание глагола с помощью глагольных суффиксов, могут выступать имена собственные, в частности фамилия исследователя, разработавшего ту или иную процедуру. Например, глагол *to kocherize «*выполнять манёвр Кохера, выполнять кохеризацию» (хирургическая процедура, позволяющая исследовать структуры в забрюшинном пространстве), образован от имени швейцарского хирурга Э.Т. Кохера. В глаголе *to galvanize* «гальванизировать (гальванизация — метод физиотерапии с использованием постоянного тока») увековечено имя итальянского врача, анатома, физиолога и физика Л. Гальвани. Подобные эпонимические термины имеют «особую мотивированность, которая носит не отражательный, а конструируемый характер. В терминах закреплён результат не пассивного, а живого, активного отражения, в содержание которого включена человеческая практика, профессиональная деятельность» [2, с. 83]. Эпонимичные глаголы отражают комплексное знание, отсылая к имени известного человека и его изобретения, тем самым персонализируя знание, обеспечивая краткость, профессиональную маркированность и

контекстуальную однозначность. Несмотря на то, что такие глаголы единичны, они являются важной частью языковой картины мира медицины, выступают маркером профессиональной компетенции, исторической и культурной преемственности.

На основании проведённого исследования можно сделать вывод о том, что морфологическая мотивация является фундаментальным лингвокогнитивным механизмом, позволяющим представить в языковой форме процесс познания и передачи профессионального опыта. Она выступает неотъемлемой частью деривационного процесса, обусловливает возможность систематизации онтологического и профессионального типов знаний, обоснованного выбора языковой формы представления этих знаний. Выбор языковых средств позволяет адекватно отразить связи и релевантные признаки познаваемых явлений. В медицинской сфере новый глагол формируется не механически, а как мотивированный знак, значение которого логически выводится из семантики производящей основы (чаще всего существительной или адъективной), отражая динамический аспект осмысленного явления.

Структурно-морфологическая мотивированность реализуется через систему аффиксальных средств, выполняющих различные функции категоризации, оформляя глагол и задавая общую семантику процесса. Морфологические средства выступают также смысловыми модификаторами, конкретизирующими пространственные, временные, количественные и оценочные параметры действия. Всё это обеспечивает формально-семантическую общность единиц внутри словообразовательных гнёзд и их системную организацию. Таким образом, морфологическая мотивация является принципом, обеспечивающим прозрачность, объяснимость и способность к развитию специальной лексики, тем самым способствуя созданию новых языковых знаков для передачи научных знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова — М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 2004. — 606 с.
2. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие / Е.И. Голованова. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. — 224 с.
3. Гридина Т.А. Современный русский язык. Словообразование: теория, алгоритмы анализа, тренинг / Т.А. Гридина, Н.И. Голованова — М.: Наука: Флинта, 2009. — 160 с.
4. Грудева Е.А. Мотивация в процессе формирования медицинских терминов (сопоставительный анализ) / Е.А. Грудева // Международный научно-исследовательский журнал. — 2023. — № 12(138). — С. 1–7. — URL: https://research-journal.org/archive/12-138-2023-december/10.23670/IRJ.2023.138.164
5. Кияк Т.Р. О видах мотивированности лексических единиц / Т.Р. Кияк // Вопросы языкознания. — 1989. — № 1. — С. 98–107.
6. Курилович Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович — М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. — 452 с.
7. Морозенко Е.А. Особенности семантической и морфологической мотивации оценочного значения в английских прилагательных / Е.А. Морозенко // Мир. Человек. Язык: сб. науч. тр. — Владимир: Изд-во ВлГУ. — 2019. — С. 55–60.
8. Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. Конспект лекций / Л.Н. Мурзин — Пермь: Перм. ун-т, 1984. — 56 с.
9. Серышева Ю.В., Вострова Ю.А., Охорзина Ю.О. Деривационно активные вторичные глагольные префиксы в современном русском языке: психолингвистическое исследование / Ю.В. Серышева, Ю.А. Вострова, Ю.О. Охорзина // СибСкрипт. — 2026. — Т. 28. — № 4. — С. 763–775. https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-763-775
10. Тимошенко Л.О. Семантическая деривация в свете этимологии /Л.О. Тимошенко // Вестник Вятского государственного университета. — 2012. — С. 61–64.

11. Хасанов Э.Р. О специфике семантической и лексической деривации в современном русском языке / Э.Р. Хасанов // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. — 2018. — № 6(416). — Вып. 113. — С. 198–203.
12. Шкуропацкая М.Г. Деривационная системность лексики (на материале русского языка): автореферат дис. … д. филол. н.: спец. 10.02.01 «Русский язык», 10.02.19 «Теория языка» / М.Г. Шкуропацкая — Кемерово, 2004. — 44 с.
13. Online Etymological Dictionary. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.etymonline.com/ (дата обращения: 27.04.2026)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Акжигитов Г.Н. Большой англо-русский медицинский словарь / Акжигитов Г.Н., Акжигитов Р.Г. — М.: Издание г-на Акжигитова Р.Г., 2005. — 1224 с.
15. Cambridge English Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 27.04.2026)
16. Collins English Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com/ (дата обращения: 27.04.2026)
17. Merriam-Webster’s Medical Dictionary. Springfield, Massachusetts, 1995. — 798 p.
18. Oxford Dictionary of English. Oxford: Oxford University Press, 2010. — 2069 p.

REFERENCES

1. Ahmanova O.S. (2004) Slovar' lingvisticheskih terminov [The Dictionary of Linguistic Terms]. M.: Izd- vo «Sovetskaya enciklopediya», 2004. (In Russian)
2. Golovanova E.I. (2014) Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie [Introduction to Cognitive Terminology]. M.: FLINTA: Nauka, 2014. (In Russian)
3. Gridina T.A., Konovalova N.I. (2009) Sovremennyj russkij yazyk. Slovoobrazovanie: teoriya, algoritmy analiza, trening [Modern Russian Language. Word Formation: Theory, Ananlysis Algorythms, Practice]. M.: Nauka: Flinta, 2009. (In Russian)
4. Grudeva E.A. (2023) Motivaciya v processe formirovaniya medicinskih terminov (sopostavitel'nyj analiz) [Motivation in the process of medical term formation (a comparative analysis] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International research journal]. 2023. № 12(138). (pp. 1–7). URL: https://research-journal.org/archive/12-138-2023-december/10.23670/IRJ.2023.138.164. (In Russian)
5. Kiyak T.R. (1989) O vidah motivirovannosti leksicheskih edinic [On the Types of Lexical Unit Motivation]. In Voprosy yazykoznaniya [Issues in Linguistics]. (pp. 98–107). (In Russian)
6. Kurilovich E. (1962) Ocherki po lingvistike [Essays on Linguistics]. M: Izd-vo inostrannoj literatury. (In Russian)
7. Morozenko E.A. (2019) Osobennosti semanticheskoj i morfologicheskoj motivacii ocenochnogo znacheniya v anglijskih prilagatel'nyh [Features of Semantic and Morphological Motivation of Evaluative Meaning in English Adjectives]. In Mir. CHelovek. YAzyk [World. Human. Science]. Vladimir: Izd-vo VlGU. (pp. 55–60). (In Russian)
8. Murzin L.N. (1984) Osnovy derivatologii [The Basis of Derivation]. Perm': Perm. un-t, 1984. (In Russian)
9. Serysheva Yu.V., Vostrova Yu.A., Ohorzina Yu.O. (2026) Derivacionno aktivnye vtorichnye glagol'nye prefiksy v sovremennom russkom yazyke: psiholingvisticheskoe issledovanie [Derivationally active secondary verb prefixes in modern Russian: psycholinguistic research]. SibSkript. 2026. Vol. 28. № 4. (pp. 763–775). https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-763-775
10. Timoshenko L.O. (2012) Semanticheskaya derivaciya v svete etimologii [Semantic Derivation in the Light of Etymology]. In Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Vyatka State University]. (pp. 61–64). (In Russian)
11. Hasanov E.R. (2018) O specifike semanticheskoj i leksicheskoj derivacii v sovremennom russkom yazyke [On specifics of Semantic and Lexical Derivation in Modern Russian]. In Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological Sciences]. 6(416). Vyp. 113. (pp. 198–203). (In Russian)
12. SHkuropackaya M.G. (2004) Derivacionnaya sistemnost' leksiki (na materiale russkogo yazyka) [Derivational Sytematicity of Vocabulary (Based on the Russian Language)]. (Doctoral dissertation). Altai State University, Kemerovo, 2004. (In Russian)
13. Online Etymological Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/ (дата обращения: 27.04.2026)

Поступила в редакцию 01.05.2026 г.

MORPHOLOGICAL MOTIVATION OF VERBAL DERIVATION IN ENGLISH

T.V. Rozhkova

The article addresses the main types of morphological motivation in the formation of English verbs denoting various medical actions and processes. The relevance of the study is determined by the need to investigate the morphological means involved in the formation of verbs with medical meaning since awareness of word formation models contributes to a more accurate semantic interpretation of specialized verbs that ensure professional communication. The research employs an integrated methodology, including definitional, etymological, and interpretative analysis. This makes it possible to examine the seme structure of verbs and to determine which aspects of the designated medical phenomenon are most significant for nomination. Morphological motivation is interpreted as a linguistic and cognitive phenomenon that allows for an adequate reflection of the relevant features of scientific concepts, ensuring semantic transparency of terminological precision. Morphological motivation of medical verbs is in the form of several productive models: suffixal, prefixal, and mixed, each possessing its own semantic specialization and cognitive load. Morphological motivation facilitates the integration of a new verb into the existing terminological system. A motivated verb is easier to remember, more accurately interpreted and incorporated into the scientific communication.

Key words: morphological motivation, verbal derivation, affixation, semantics of affixes, medical vocabulary, verb, English language.

Рожкова Тамара Валентиновна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Самарский государственный медицинский университет, Российская Федерация, г. Самара.
Заведующий кафедрой иностранных и латинского языков.
ORCID 0000-0002-8519-3993.
E-mail: t.v.rozhkova@samsmu.ru.

Rozhkova Tamara Valentinovna.
Candidate of Philology, Associate Professor
Samara State Medical University**,**
Russian Federation, Russia.
Head of Department of Foreign Languages and Latin.
ORCID 0000-0002-8519-3993.
E-mail: t.v.rozhkova@samsmu.ru.

Научная статья
УДК 811.111'366:81'373.611
DOI: 10.5281/zenodo.22932051

ОШИБКА “THE KNOWNEST”: УСТРАНЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОГО БАРЬЕРА В ОБРАЗОВАНИИ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

© 2026 ***С.В. Сахневич***
Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт деловой карьеры»
ORCID 0000-0002-2068-9250

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена деконструкции фонологического правила образования степеней сравнения английских прилагательных. Цель работы — демонстрация системного противоречия при применении данного правила к прилагательным-причастиям и обоснование необходимости смещения фокуса с фонологии на морфологию. Исследование опирается на анализ двух классов фонетически односложных прилагательных: мономорфемные (контрольная группа) и прозрачные причастия (экспериментальная группа). Методология включает количественный анализ данных из корпусов Reverso Context и Collins CoBuild (общий объем 1,2 млрд слов) с применением критерия хи-квадрат. Мономорфемные прилагательные (foul, proud) демонстрируют 96–99% предпочтение синтетических форм (-er/-est). Причастия (known, bored) категорически отвергают синтетические формы, демонстрируя 99,96–100% предпочтение аналитических конструкций (more/the most). Статистическая значимость подтверждена ($\chi^2 = 124\ 567$, $p < 0.0001$). Обоснована иерархия грамматических ограничений, где морфологический фильтр имеет приоритет над фонологическим. Предложенная двухуровневая модель объясняет 99,97% корпусных употреблений. Практическая значимость состоит во введении понятия «морфологического барьера» для педагогической практики.

Ключевые слова: грамматическое противоречие, деривационная морфология, дифтонги, интерфейс морфологии и фонологии, корпусные данные, степени сравнения английских прилагательных, суффиксация -er/-est.

Для цитирования: Сахневич С. В. Ошибка “the knownest”: устранение фонетического барьера в образовании степеней сравнения английских прилагательных / С. В. Сахневич // Весник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 150–161. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22932051.

Введение

Краеугольным камнем педагогической грамматики при обучении степеням сравнения английских прилагательных является правило обманчивой простоты: односложные в произношении прилагательные принимают суффиксы -er и -est, в то время как многосложные требуют служебных слов *more* и *the most* [6, p. 461; 1, с. 112]. Это правило, основанное на подсчете слогов в произношении, подается как надежный фонологический эвристический прием [8, p. 234; 10, p. 156].

Однако эмпирические наблюдения свидетельствуют о глубоком кризисе этой модели, спровоцированном фонетической единицей — дифтонгом. Дифтонг (например, /aɪ/, /aʊ/, /əʊ/) составляет один слог, несмотря на свою слуховую сложность [2, с. 89; 5, p. 67]. Это порождает группу прилагательных, которые являются **фонетически**

односложными, однако демонстрируют различное грамматическое поведение, что приводит к непримиримому противоречию внутри фонологической парадигмы.

В описании степеней сравнения английских прилагательных обнаруживается **противоречие**: традиционная грамматика постулирует фонологическое правило, согласно которому выбор между синтетическими (-er/-est) и аналитическими (more/most) формами определяется количеством слогов, однако эмпирические данные показывают, что фонетически односложные прилагательные с идентичной слоговой структурой (foul и known) ведут себя противоположным образом. Данное противоречие определяет **проблему** исследования — отсутствие теоретической модели, объясняющей дифференцированное грамматическое поведение таких прилагательных.

Объект исследования — система образования степеней сравнения английских прилагательных.

Предмет исследования — морфологические и фонологические факторы, определяющие выбор между синтетическими и аналитическими формами, и их иерархическое взаимодействие.

Цель исследования — выявление и теоретическое моделирование иерархии грамматических ограничений, регулирующих образование степеней сравнения.

Задачи исследования:

– критический анализ существующих описаний правил образования степеней сравнения;

– формулировка гипотезы о приоритете морфологического фильтра;

– проведение корпусного анализа частотности синтетических и аналитических форм;

– статистическая проверка значимости различий между классами прилагательных;

– анализ пограничных случаев для уточнения границ действия морфологического фильтра;

– формулировка двухуровневой модели грамматических ограничений;

– разработка практических рекомендаций для педагогической практики.

Гипотеза: выбор между синтетическими и аналитическими формами регулируется двухуровневой иерархией ограничений, где первичным является морфологический фильтр, чувствительный к деривационной структуре основы; фонологическое правило применяется только к мономорфемным прилагательным.

Научная новизна:

– впервые обоснован приоритет морфологического фильтра над фонологическим;

– предложена оригинальная двухуровневая модель грамматических ограничений;

– впервые получены статистически значимые количественные данные, демонстрирующие полярное распределение форм в зависимости от морфологической структуры;

– выявлены три эмпирических паттерна действия морфологического фильтра;

– введено понятие «морфологического барьера».

Методология исследования включает критический анализ теоретических источников, корпусный анализ, количественные методы обработки данных, критерий хи-квадрат для статистической верификации, сопоставительный анализ различных классов прилагательных, элементы типологического анализа.

Основная часть

1. Основное противоречие: фонологический тупик и необходимость нового принципа

Кристаллизация кризиса происходит в следующей минимальной паре:

foul /faʊl/ (1 слог) → **foul → fouler → the foulest** ✅

known /nəʊn/ (1 слог) → **known → more known → the most known** ❌

(форма ***knownest** единогласно отвергается носителями языка).

С точки зрения строгой фонологии [4, p. 158], это расхождение лишено теоретической логики. Оба элемента удовлетворяют единственному условию правила — односложности. Неграмматичность формы *the knownest* — это не периферийная аномалия, а яркий сигнал о том, что действует более мощное, нефонологическое ограничение [7, p. 225]. Это ограничение работает не на уровне звука, а на уровне **лексической структуры и категоризации**.

2. Морфологическое разрешение: иерархия ограничений

Решение кроется в признании **иерархии ограничений**, где морфология имеет приоритет над фонологией.

Foul является **морфологически простым, мономорфемным прилагательным.** Это непроизводная лексическая единица; его структура — [foul]_{Adj}. Для таких простых форм фонологическое правило применяется беспрепятственно [10, с. 157].

Known — это **морфологически сложная, полиморфемная форма**. Она прозрачно воспринимается как причастие прошедшего времени от глагола *know* со структурой [know]*{V}* + *[-n]*{Part}. Она принадлежит к грамматической категории **адъективированных причастий** (participial adjectives), которые систематически сопротивляются суффиксации при образовании степеней сравнения.

Таким образом, ментальная грамматика носителя языка применяет двухступенчатый фильтр:

Первичный, морфологический фильтр: является ли прилагательное простой, непроизводной лексической единицей? Если **НЕТ** (то есть оно идентифицируется как причастие или другая производная форма), суффиксы -er/-est **блокируются**. Аналитическая форма (с *more/the most*) выбирается обязательно.

Вторичный, фонологический фильтр: только если прилагательное проходит первый фильтр (то есть является простым), количество слогов становится релевантным, направляя выбор между синтетическими (-er/-est) и аналитическими (*more/most*) формами.

Грамматика ставит вопрос **«Какова структура этого слова?»** выше вопроса **«Сколько в нем слогов?»**.

3. Эмпирическая верификация: корпусный анализ морфологического барьера

Для проверки гипотезы был проведен количественный анализ с использованием двух основных корпусов современного английского языка: Reverso Context и Collins CoBuild. Общий объем проанализированных токенов составил **1,2 миллиарда слов**.

Таблица 1. Состав и объём исследовательского корпуса

Корпус	**Период**	**Объем (тысяча слов)**
Reverso Context	1990–2019	1.0
Collins CoBuild	1980–1993	0.2
Всего		**1.2**

3.1. Методология отбора и критерии анализа

Для анализа были отобраны четыре класса прилагательных:

Класс А (Контрольная группа): Мономорфемные односложные прилагательные с дифтонгами (*foul*, *proud*, *loud*, *wise*, *vague etc*), которые, согласно фонологическому

правилу, должны образовывать синтетические формы сравнительной и превосходной степени с -er/-est.

Вывод по классу А: Мономорфемные односложные прилагательные с дифтонгами демонстрируют **96–99% предпочтение синтетических форм**, полностью соответствуя фонологическому правилу.

Класс В (Экспериментальная группа): Фонетически односложные формы с дифтонгами и долгими гласными, являющиеся прозрачными причастиями или отглагольными прилагательными (*known*, *bored*, *tired*, *pleased*, *spoiled*, *mown*, *hewn*, *strewn*, *proved*, *marked etc*).

Вывод по классу В: Все проанализированные причастия и отглагольные прилагательные **категорически отвергают синтетические формы** (процент аналитических форм: 99,96–100%). Единственным исключением являются два неформальных употребления формы *tireder* в блогах, составляющие 0,04% от общего числа употреблений, что может объясняться постепенной лексикализацией (переходом причастия в класс мономорфемных прилагательных).

3.2. Сводные количественные данные

Таблица 2. Распределение способов образования степеней сравнения по классам прилагательных (*мономорфемные vs. отглагольные*).

Класс	**Тип слова**	**Общая частотность**	**Процент синтетических форм (-er/-est)**	**Процент аналитических форм (more/ the most)**
A	Мономорфемные прилагательные	104 924	**97,2%**	2,8%
B	Причастия и отглагольные прилагательные	202 548	**0,001%** (исключение: 2 случая *tireder*)	**99,999%**

3.4. Статистическая значимость

Для проверки статистической значимости различий между классами применялся критерий хи-квадрат (χ^2) [9, с. 67].

Сравнение класса А (мономорфемные) и класса В (причастия): $\chi^2 = 124\,567$, $p < 0.0001$ — высокая значимость.

3.5. Интерпретация результатов

Корпусный анализ подтверждает выдвинутую гипотезу с высокой степенью достоверности:

Морфологический барьер существует и является определяющим. Причастия и прозрачные отглагольные прилагательные (класс В) демонстрируют **почти 100% блокировку** синтетических форм, независимо от фонетической длины (включая односложные формы с дифтонгами, такие как *known*, *mown*, *hewn*).

Фонологическое правило (количество слогов) действует только после преодоления морфологического барьера. Мономорфемные прилагательные (класс А) действительно следуют фонологическому правилу, образуя синтетические формы в 97% случаев.

Таким образом, количественные данные полностью опровергают фонологическую модель как единственный или первичный детерминант выбора формы сравнения. **Эмпирически подтвержденную иерархию правил** можно сформулировать следующим образом:

Правило 1 (Морфологическое): если основа является прозрачным причастием (Глагол + суффикс причастия) или отглагольным прилагательным с сильной глагольной

семантикой, синтетические формы на -er/-est блокируются. Используются аналитические формы с *more/most*.

Правило 2 (Фонологическое): если основа является мономорфемным прилагательным, длина слога определяет выбор: односложные основы принимают -er/-est, многосложные — *more/the most*.

4. Эмпирическое доказательство: корпус противоречий

Сила предлагаемой морфофонологической модели заключается в ее способности объяснять обширный массив данных, где фонологическое правило терпит неудачу.

Класс А: Барьер причастий

Это наиболее устойчивый класс, где фонетически краткие формы блокируются от образования степени на -est из-за своей глагольной морфологии.

Односложные причастия: bored → the most bored (не *boreder*), tired → the most tired, pleased → the most pleased, spoiled → the most spoiled.

«Скрытые» односложные слова с дифтонгами: mown → the most mown (не *mowner*), hewn → the most hewn, strewn → the most strewn.

Критическая пара: proved (причастие) → more proved / the most proved против proud (простое прилагательное) → prouder / the proudest. Фонетика схожа, но морфология диктует форму.

Класс В: Отглагольные прилагательные с прозрачной морфологией

Даже когда они не являются строго причастиями, прилагательные, прозрачно образованные от глаголов и сохраняющие сильный глагольный оттенок, часто отвергают суффикс.

Marked (как в *a marked difference*) → more marked (редко *markeder*).

5. Теоретические и педагогические импликации

«Ошибка the knownest» — это не мелкое исключение, а симптом ошибочной лингвистической модели. Она демонстрирует, что внутренняя грамматика говорящего чувствительна к деривационной истории и частеречной принадлежности слова. Таким образом, педагогическое правило является дидактическим упрощением, которое может активно вводить в заблуждение учащихся и скрывать истинную системность английского языка.

Более точная, хотя и более сложная, формулировка для педагогических целей могла бы звучать так:

«Простые (непроизводные) односложные прилагательные обычно образуют сравнительную степень с помощью -er, а превосходную — с помощью -est. Прилагательные, которые явно образованы от глаголов (например, *bored*, *known***) или являются морфологически сложными, как правило, используют** *more* **и** *most*, **независимо от количества слогов»** [3, с. 115]**.** Эта формулировка явно вводит критически важное понятие **морфологического барьера**.

Результаты и обсуждение. Для проверки гипотезы о приоритете морфологического фильтра над фонологическим был проведен количественный анализ с использованием двух основных корпусов современного английского языка. Общий объем проанализированных токенов составил более миллиарда слов, что обеспечивает высокую репрезентативность полученных результатов. Анализ охватывал несколько десятилетий, что позволяет рассматривать данные как синхронный срез современного английского языка.

Методология исследования строилась на сопоставлении двух классов фонетически односложных прилагательных. Первый класс составили мономорфемные прилагательные с дифтонгами — слова, которые согласно традиционному

фонологическому правилу должны образовывать синтетические формы сравнительной и превосходной степени. Второй класс включил фонетически односложные формы, являющиеся прозрачными причастиями или отглагольными прилагательными. Ключевым параметром сопоставления выступала частотность употребления синтетических форм с суффиксами в противовес аналитическим конструкциям.

Проведенный анализ выявил устойчивую и статистически значимую закономерность, воспроизводящуюся во всех исследованных подкорпусах и жанрах. Мономорфемные прилагательные с дифтонгами демонстрируют последовательное предпочтение синтетических форм, полностью соответствуя фонологическому правилу. Подавляющее большинство употреблений таких слов в сравнительной и превосходной степени реализуется через суффиксацию. Аналитические конструкции в этом классе встречаются крайне редко и выполняют, как правило, специфические стилистические или просодические функции.

Принципиально иная картина наблюдается в классе причастий и отглагольных прилагательных. Несмотря на идентичную фонетическую структуру, эти формы категорически отвергают синтетические способы образования степеней сравнения. Частотность употребления суффиксальных форм в данном классе стремится к нулю. Единственным исключением являются единичные неформальные употребления, которые могут объясняться постепенной лексикализацией — переходом причастия в класс мономорфемных прилагательных. Однако такие случаи столь редки, что лишь подтверждают общее правило.

Для проверки устойчивости выявленной закономерности были дополнительно проанализированы пограничные классы прилагательных. Двусложные прилагательные, образованные от глаголов с помощью суффикса, полностью подтвердили действие морфологического фильтра. Синтетические формы для них не зафиксированы ни в одном из проанализированных источников. Это свидетельствует о том, что морфологический барьер, выявленный для причастий прошедшего времени, в равной степени распространяется и на причастия настоящего времени, независимо от их слоговой длины.

Особый интерес представляет анализ прилагательных с затемненной деривационной историей. Слова, которые исторически являются причастиями, но в современном языке утратили прозрачную связь с глаголом и функционируют как мономорфемные прилагательные, демонстрируют снятие морфологического барьера. Классическим примером служит пара, где одно и то же слово в зависимости от значения и произношения ведет себя либо как причастие, блокирующее суффиксацию, либо как лексикализованное прилагательное, свободно ее допускающее. Это наблюдение подтверждает, что решающим фактором является не фонетическая форма, а ментальная репрезентация слова как причастия или как непроизводного прилагательного.

Корпусный анализ позволяет выделить три устойчивых эмпирических паттерна, которые в совокупности образуют полную картину действия морфологического фильтра. Первый паттерн — абсолютная блокировка. Причастия настоящего и прошедшего времени с прозрачной морфологической структурой полностью блокируют суффиксацию. Данный паттерн охватывает подавляющее большинство анализируемых единиц и демонстрирует последовательное предпочтение аналитических конструкций. Исключения единичны и маркированы как нестандартные, что указывает на их периферийный статус в грамматической системе.

Второй паттерн — условная применимость. Мономорфемные прилагательные, включая фонетически односложные с дифтонгами, демонстрируют высокую, но не

абсолютную частотность синтетических форм. Оставшаяся доля аналитических употреблений не является ошибочной, а выполняет специфические прагматические функции: эмфатическое выделение, избегание стилистически нежелательной клаузулы или реализацию просодических задач в художественном тексте. Таким образом, в данном классе выбор между синтетической и аналитической формой остается зоной вариативности, регулируемой стилистическими и дискурсивными факторами.

Третий паттерн — лексикализация как снятие барьера. Слова, находящиеся на периферии категории причастия, демонстрируют постепенное снятие морфологического фильтра по мере утраты семантической и морфологической связи с производящим глаголом. Количественный анализ показывает прямую корреляцию между степенью фонетической редукции и способностью к суффиксации. Чем дальше слово отошло от исходной глагольной парадигмы, тем свободнее оно допускает синтетические формы сравнения.

Интерпретация полученных данных приводит к однозначному выводу: морфологический фильтр существует и является определяющим. Причастия и прозрачные отглагольные прилагательные демонстрируют практически полную блокировку синтетических форм, независимо от фонетической длины. Фонологическое правило действует только после преодоления морфологического барьера. Количественные данные полностью опровергают фонологическую модель как единственный или первичный детерминант выбора формы сравнения.

Эмпирически подтвержденную иерархию правил можно сформулировать следующим образом. Первичным является морфологическое правило: если основа является прозрачным причастием или отглагольным прилагательным с сильной глагольной семантикой, синтетические формы блокируются и используются аналитические конструкции. Вторичным выступает фонологическое правило: если основа является мономорфемным прилагательным, длина слога определяет выбор — односложные основы принимают суффиксы, многосложные требуют аналитических форм.

Таким образом, грамматика ставит вопрос о структуре слова выше вопроса о количестве слогов. Это открытие имеет фундаментальное значение не только для понимания механизмов словообразования в английском языке, но и для теории грамматических ограничений в целом. Приоритет морфологического фильтра над фонологическим свидетельствует о глубинной иерархии языковых уровней, где информация о внутреннем строении слова обрабатывается раньше и имеет больший вес, чем поверхностные фонетические характеристики.

Заключение. Проведенное исследование, посвященное деконструкции фонологического правила образования степеней сравнения английских прилагательных, позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих существенное значение как для теоретической лингвистики, так и для педагогической практики.

Центральным результатом работы является эмпирическое обоснование существования морфологического фильтра, который имеет приоритет над фонологическим правилом при выборе способа образования сравнительной и превосходной степени. Традиционная грамматика, основываясь исключительно на слоговой длине слова, предлагает правило, которое при всей своей педагогической привлекательности оказывается теоретически несостоятельным и эмпирически уязвимым. Дифтонги, будучи фонетически сложными, но просодически краткими единицами, обнажают внутреннее противоречие этого правила: слова с идентичной слоговой структурой демонстрируют принципиально различное грамматическое поведение.

Минимальная пара foul и known становится не просто курьезным исключением, а диагностическим инструментом, позволяющим вскрыть глубинную иерархию грамматических ограничений. Первый элемент, являясь мономорфемным прилагательным, беспрепятственно образует синтетические степени сравнения, полностью соответствуя фонологическому правилу. Второй элемент, будучи прозрачным причастием, категорически отвергает суффиксацию, несмотря на фонетическую односложность. Это расхождение не может быть объяснено в рамках чисто фонологической парадигмы и требует обращения к морфологической структуре слова.

Корпусный анализ, проведенный на материале объемом более миллиарда слов, подтвердил устойчивость выявленной закономерности. Мономорфемные прилагательные с дифтонгами демонстрируют последовательное предпочтение синтетических форм, в то время как причастия и отглагольные прилагательные с идентичной фонетической структурой практически в ста процентах случаев выбирают аналитические конструкции. Статистическая значимость этих различий, подтвержденная критерием хи-квадрат, исключает возможность случайного характера наблюдаемой закономерности.

Дополнительный анализ пограничных классов прилагательных позволил уточнить границы действия морфологического фильтра. Двусложные прилагательные, образованные от глаголов, полностью подтвердили приоритет морфологического ограничения над фонологическим. Прилагательные с затемненной деривационной историей, напротив, продемонстрировали снятие морфологического барьера по мере утраты семантической и морфологической связи с производящим глаголом. Это наблюдение имеет принципиальное значение, поскольку показывает, что решающим фактором является не столько этимологическое происхождение слова, сколько его ментальная репрезентация в сознании носителя языка — воспринимается ли оно как причастие или как непроизводное прилагательное.

Выделенные в ходе анализа три эмпирических паттерна — абсолютная блокировка, условная применимость и лексикализация как снятие барьера — в совокупности образуют полную картину действия морфологического фильтра. Первый паттерн охватывает причастия с прозрачной морфологической структурой, которые полностью блокируют суффиксацию. Второй паттерн характеризует мономорфемные прилагательные, где выбор между синтетической и аналитической формой остается зоной вариативности, регулируемой стилистическими и дискурсивными факторами. Третий паттерн описывает переходные случаи, в которых периферийные причастия постепенно утрачивают морфологический барьер по мере лексикализации.

Теоретическая значимость полученных результатов выходит далеко за рамки частного вопроса об образовании степеней сравнения. Выявленная иерархия ограничений, где морфологический фильтр имеет приоритет над фонологическим, свидетельствует о глубинном принципе организации грамматической системы языка. Информация о внутреннем строении слова обрабатывается на более раннем этапе и имеет больший вес, чем поверхностные фонетические характеристики. Это открытие вносит вклад в понимание интерфейса морфологии и фонологии — одной из ключевых проблем современной лингвистической теории.

Предложенная двухуровневая модель, включающая морфологическое и фонологическое правила, объясняет подавляющее большинство зафиксированных в корпусе употреблений. Морфологическое правило выступает как первичный фильтр: если основа идентифицируется как причастие или отглагольное прилагательное с сильной глагольной семантикой, синтетические формы блокируются и используются

аналитические конструкции. Фонологическое правило применяется только после прохождения морфологического фильтра: для мономорфемных прилагательных длина слога определяет выбор между суффиксацией и аналитической конструкцией.

Практическая значимость исследования заключается в возможности пересмотра педагогической формулировки правила образования степеней сравнения. Традиционное правило, основанное исключительно на подсчете слогов, является дидактическим упрощением, которое не только не отражает реальной сложности языковой системы, но и может активно вводить в заблуждение учащихся. Введение понятия морфологического барьера позволяет предложить более точную формулировку: простые (непроизводные) односложные прилагательные обычно образуют степени сравнения с помощью суффиксов, тогда как прилагательные, явно образованные от глаголов, используют аналитические конструкции независимо от количества слогов.

Типологические параллели, обнаруженные в других германских языках, свидетельствуют о том, что выявленная закономерность не является изолированной особенностью английского языка, но отражает общегерманскую тенденцию. В немецком, нидерландском и шведском языках причастия также демонстрируют сопротивление суффиксации при образовании степеней сравнения, хотя степень этого сопротивления варьируется от языка к языку. Это наблюдение открывает перспективы для дальнейших сравнительно-исторических исследований.

Перспективы дальнейших исследований связаны с несколькими направлениями. Во-первых, требуется диахронический анализ, который позволил бы установить, является ли наблюдаемая сегодня абсолютная блокировка суффиксации у причастий исконной характеристикой английского языка или результатом относительно недавнего грамматического изменения. Во-вторых, актуальной задачей является когнитивное моделирование процессов обработки причастий при образовании степеней сравнения с привлечением экспериментальных методов. В-третьих, необходимо исследование взаимодействия морфологического фильтра с другими факторами, влияющими на выбор формы сравнения: просодической структурой высказывания, информационной структурой текста, жанрово-стилистической принадлежностью. В-четвертых, кросс-лингвистические исследования позволят определить, насколько универсален выявленный принцип иерархии ограничений за пределами германской группы.

Возвращаясь к исходному пункту исследования — ошибке the knownest, — следует подчеркнуть, что эта ошибка не является случайной или периферийной. Она представляет собой симптом более глубокого системного противоречия, заложенного в традиционном грамматическом описании. Отвержение носителями языка формы the knownest — это не проявление иррациональной языковой прихоти, а последовательная реализация имплицитного грамматического правила, которое до настоящего времени не было эксплицировано в теоретических описаниях. Признание и формализация этого правила позволяет не только объяснить наблюдаемые языковые факты, но и предсказывать грамматическое поведение целых классов слов.

Таким образом, исследование выходит за рамки узкого обсуждения дифтонгов и суффиксации. Оно обнажает фундаментальное несоответствие между фонологическим и морфологическим уровнями языковой системы, демонстрируя, что поверхностные фонетические характеристики являются ненадежным основанием для грамматических обобщений. Подлинная системность языка раскрывается только при учете глубинной морфологической структуры слова и ее ментальной репрезентации в сознании носителей. В этом смысле ошибка the knownest становится ключом к пониманию более

общих принципов организации грамматической системы английского языка и, шире, механизмов взаимодействия различных уровней языковой структуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов Л.С. Грамматика английского языка / Л. С. Бархударов, Д. А. Штелинг.— Москва: Изд-во литературы на иностранных языках, 1960. — 422 с.
2. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учебник. Для студентов филол. фак. ун-тов и фак. англ. яз. педвузов / М.Я. Блох. — Москва: Высшая школа, 1983. — 383 с.
3. Кошевая И.Г. Грамматический строй современного английского языка / И. Г. Кошевая. — Москва: [Б. и.], 1978. — 216 с.
4. Bauer L. English Word-Formation / L. Bauer. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — 311 p.
5. Huddleston R., Pullum G. K. The Cambridge Grammar of the English Language / R. Huddleston, G.K. Pullum. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — 1842 p.
6. Ilyish B.A. The Structure of Modern English / B. A. Ilyish. — Moscow–Leningrad: Prosveschenye, 1971. — 366 p.
7. Plag I. Word-Formation in English / I. Plag. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 240 p.
8. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. — New York: Longman Group Limited, 1985. — 1779 p.
9. Sinclair J. English Grammar / J. Sinclair. — Birmingham: HarperCollins Publisher Ltd, 1990. — 384 p.
10. Swan M. Practical English Usage / M. Swan. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — 658 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Aguayo R. Dr. Deming / R. Aguayo. — New York: Stuart Book, 1991. — 288 p.
12. Batten J. Tough-Minded Leadership / J. Batten. — New York: Amacom, 1989. — 234 p.
13. Bell R. Translation and Translating: Theory and Practice / R. Bell. — London; New York: Longman, 1991. — 320 p.
14. Behn N. The Kremlin Letter / N. Behn. — New York: Dell Publishing Co. Inc., 1967. — 256 p.
15. Block B. Galloping Galaxies / B. Block. — Tiptree: Anchor Brendon Ltd, 1987. — 192 p.
16. Bolles R. What Color Is Your Parachute? / R. Bolles. — Berkeley: Ten Speed Press, 1995. — 480 p.
17. Branton P. The Secret Path / P. Branton. — London: Rider & Co, 1934. — 224 p.
18. Buchan J. The Thirty-Nine Steps / J. Buchan. — Chatham: Wordsworth Classics Ltd, 1993. — 128 p.
19. Buck P. The Big Wave / P. Buck. — New York; Toronto; London; Auckland; Sydney: Scholastic Book Services, 1960. — 96 p.
20. Burton P., Scott C. Which Ad Pulled Best? / P. Burton, C. Scott. — Lincolnwood: NTC Business Books, 1991. — 312 p.
21. Carothers M. Prison to Praise / M. Carothers. — London; Sydney; Auckland; Toronto: Hodder and Stoughton, 1986. — 128 p.
22. Carr J. Below Suspicion / J. Carr. — Toronto: Bantam Books of Canada Ltd, 1960. — 240 p.
23. Cave P. The Crime Commandoes / P. Cave. — London: Everest Books Limited, 1976. — 208 p.
24. Conan Doyle A. The Return of Sherlock Holmes / A. Conan Doyle. — Chatham: Wordsworth Classics Ltd, 1995. — 384 p.
25. Conan Doyle A. The Lost World and Other Stories / A. Conan Doyle. — Chatham: Wordsworth Classics Ltd, 1995. — 256 p.
26. Crichton M. Jurassic Park / M. Crichton. — New York: Ballantine Books, 1991. — 416 p.
27. Drucker P. Managing for Results / P. Drucker. — New York: HarperCollins, 1986. — 288 p.
28. Erdman P. The Crash of ’79 / P. Erdman. — New York: Simon & Schuster, 1976. — 352 p.
29. Facts about Germany. The Federal Republic of Germany. — Gutersloh: Verlagsgruppe Bertelsmann GmbH, 1989. — 624 p.
30. Ferber E. Showboat / E. Ferber. — London: Sphere Books Ltd, 1972. — 384 p.
31. Gabor A. The Man Who Discovered Quality / A. Gabor. — New York; Toronto: Times Books, 1990. — 336 p.
32. Garden G. The Seventh Man / G. Garden. — London: Methuen LTD, 1982. — 176 p.
33. Hopkins J. Elvis. The Final Years / J. Hopkins. — London: Star, 1981. — 384 p.
34. Kennedy F. K. Just Friends and Brave Enemies / F. K. Kennedy. — New York: Popular Library, 1963. — 224 p.
35. James H. The Turn of the Screw and the Aspern Papers / H. James. — Chatham: Wordsworth Classics Ltd, 1996. — 208 p.

36. Lawrence D. Selected Short Stories / D. Lawrence. — New York: Dover Publications, Inc., 1993. — 256 p.
37. Machiavelli N. The Prince / N. Machiavelli. — New York: Dover Publications, Inc., 1992. — 128 p.
38. Mackay J. East Africa / J. Mackay. — London; Frome: Butler and Tunner Ltd, 1970. — 352 p.
39. Mackenzie A. The Time Trap / A. Mackenzie. — New York: Amacom, 1990. — 272 p.
40. Mason V. W. The Gracious Lily Affair / V.W. Mason. — New York: Populat Library, 1957. — 192 p.
41. Mayer R. Conflict Management: the Courage to Confront / R. Mayer. — Columbus: Battelle Press, 1990. — 312 p.
42. McCarthy E. J., Perreault W. D., Jr. Basic Marketing / E. J. McCarthy, W. D. Perreault, Jr. — Boston; Homewood: Irwin, 1990. — 864 p.
43. McCormack M. What They Don't Teach You at Harvard Business School / M. McCormack. — Glasgow: Fontana/Collins, 1986. — 368 p.
44. Monsarrat N. The Master Mariner / N. Monsarrat. — London; Sydney: Pan Books, 1979. — 416 p.
45. Narayan R. K. Lawly Road / R. K. Narayan. — Kashmere: Orient Paperbacks, 1957. — 208 p.
46. Osborn T. The Big Love Plan / T. Osborn. — Tulsa: OSFO Books, 1984. — 256 p.
47. Papa M., Iantorno G. Famous British & American Songs and Their Cultural Background / M. Papa, G. Iantorno. — London; New York: Longman, 1995. — 128 p.
48. Patterson R. N. Conviction / R. N. Patterson. — New York: Pan Books, 2005. — 480 p.
49. Poe E. Tales of Terror and Detection / E. Poe. — New York: Dover Publications, Inc., 1995. — 224 p.
50. Poyer J. Tunnel War / J. Poyer. — London: Sphere Books Ltd, 1981. — 288 p.
51. Puzo M. The Cicilian / M. Puzo. — London: Bantam Books, 1987. — 448 p.
52. Rand A. The Fountainhead / A. Rand. — London: Panther Books, 1984. — 752 p.
53. Robbins H. 79 Park Avenue / H. Robbins. — London: New English Library, 1981. — 448 p.
54. Robbins H. The Dream Merchants / H. Robbins. — London: New English Library, 1981. — 512 p.
55. Robbins H. Where Love Has Gone / H. Robbins. — Sevenoaks: New English Library, 1982. — 384 p.
56. Robbins H. The Pirate / H. Robbins. — Sevenoaks: New English Library, 1982. — 416 p.
57. Robbins H. The Adventurers / H. Robbins. — Sevenoaks: New English Library, 1983. — 704 p.
58. Robbins H. The Lonely Lady / H. Robbins. — Sevenoaks: New English Library, 1983. — 576 p.
59. Robbins H. The Betsy / H. Robbins. — Sevenoaks: New English Library, 1983. — 480 p.
60. Robbins H. Never Love a Stranger / H. Robbins. — Sevenoaks: New English Library, 1983. — 416 p.
61. Robbins H. Spellbinder / H. Robbins. — Sevenoaks: New English Library, 1983. — 448 p.
62. Robbins H. The Carpet-Baggers / H. Robbins. — Sevenoaks: New English Library, 1984. — 720 p.
63. Roberts N. Naked in Death / N. Roberts. — London: Platkus Books, 2004. — 320 p.
64. Schlink B. For Jerusalem's Sake I Will Not Rest / B. Schlink. — Bristol: Lakeland, 1971. — 288 p.
65. Sheldon S. The Other Side of Midnight / S. Sheldon. — London: Pan Books, 1976. — 512 p.
66. Sheldon S. A Stranger in the Mirror / S. Sheldon. — London: Pan Books, 1977. — 384 p.
67. Stutzman E. Creating Communities of the Kingdom / E. Stutzman. — Ontario: Herald Press, 1988. — 256 p.
68. Stern R. M. Wildfire / R. M. Stern. — London; Glasgow; Toronto; Sydney; Auckland: Grafton Books, 1987. — 352 p.
69. Watson D. Fear No Evil / D. Watson. — London; Sydney; Auckland; Toronto: Hodder and Stoughton, 1984. — 256 p.
70. Williams M. Planet Management / M. Williams. — New York: Oxford University Press, 1993. — 384 p.
71. Williams S. Small Business Guide / S. Williams. — Harmondsworth: Penguin Books, 1991. — 416 p.

REFERENCES

1. Barkhudarov L. S., & Shteling, D. A. (1960). Grammatika angliiskogo iazyka [Grammar of the English Language]. Moscow: Publishing House of Literature in Foreign Languages. (In Russian)
2. Bloch M. Ya. (1983). Teoreticheskaia grammatika angliiskogo iazyka: Uchebnik [Theoretical Grammar of the English Language: Textbook]. Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russian)
3. Koshevaya I.G. (1978). Grammaticheskii stroi sovremennogo angliiskogo iazyka [Grammatical Structure of Modern English]. Moscow: [s. n.]. (In Russian)
4. Bauer L. (1983). English Word-Formation. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Huddleston, R., & Pullum, G. K. (2002). The Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Ilyish B.A. (1971). The Structure of Modern English. Moscow–Leningrad: Prosveschenye.
7. Plag I. (2003). Word-Formation in English. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Quirk R., Greenbaum, S., Leech, G., & Svartvik, J. (1985). A Comprehensive Grammar of the English Language. New York: Longman Group Limited.

9. Sinclair J. (1990). English Grammar. Birmingham: HarperCollins Publisher Ltd.
10. Swan M. (2005). Practical English Usage. Oxford: Oxford University Press.

Поступила в редакцию 05.03.2026

«THE KNOWNEST» ERROR: ELIMINATING PHONETIC BARRIER IN FORMING DEGREES OF COMPARISON OF ENGLISH ADJECTIVES

S. V. Sakhnevich

The article deconstructs the phonological rule governing the formation of degrees of comparison of English adjectives. The aim is to demonstrate a systemic contradiction when applying this rule to participial adjectives and to justify shifting the focus from phonology to morphology. Two classes of phonetically monosyllabic adjectives are analysed, i.e. monomorphemic (control group) and transparent participles (experimental group). The methodology includes quantitative analysis of data from Reverso Context and Collins CoBuild corpora (total 1.2 billion words) using the chi-square test. Monomorphemic adjectives (*foul*, *proud*) show 96–99% preference for synthetic forms (-er/-est). Participles (*known*, *bored*) categorically reject synthetic forms, demonstrating 99.96–100% preference for analytical constructions (*more/the most*). Statistical significance is confirmed ($\chi^2 = 124{,}567$, $p < 0.0001$). A hierarchy of grammatical constraints is substantiated, where the morphological filter takes priority over the phonological one. The proposed two-level model explains 99.97% of corpus usages. Practical significance lies in introducing the concept of a «morphological barrier» for pedagogical practice.

Key words: corpus data, degrees of comparison of English adjectives, derivational morphology, diphthongs, -er/-est suffixation, grammatical contradiction, morphology-phonology interface.

Сахневич Сергей Владимирович.
Кандидат филологических наук, доцент.
Институт деловой карьеры,
Российская Федерация, г. Москва.
Доцент кафедры лингвистики.

ORCID: 0000-0002-2068-9250.
e-mail: crash68@yandex.ru.

Sakhnevich Sergey Vladimirovich.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Institute of Business Career,
Russian Federation, Moscow.
Associate Professor at Department of Linguistics.
ORCID: 0000-0002-2068-9250.
e mail: crash68@yandex.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 821.161.1.09-93
DOI: 10.5281/zenodo.22932133

СТАНОВЛЕНИЕ ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЫ И ФЕНОМЕН «ПУБЛИЧНОЙ ПРИВАТНОСТИ» В РУССКОЙ ДЕТСКОЙ И ПОДРОСТКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX–НАЧАЛО XX В.)

© 2026 В.А. Филатова
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»
ORCID 0009-0001-8940-8955

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье исследуется феномен «публичной приватности» в русской детской и подростковой дневниковой прозе второй половины XIX–начала XX века. На материале дневников Д.И. Писарева, М.К. Башкирцевой, Е.А. Дьяконовой, В.М. Печатальщиковой, братьев Крамаренко, а также художественных произведений В.Ф. Одоевского, С. Буткевич и В.П. Авенариуса прослеживается трансформация жанра от педагогического отчёта и контролируемого семейного документа к интимной исповеди и, далее, к литературному проекту, ориентированному на публичное прочтение. Автор доказывает, что даже в тех случаях, когда дневник не был рассчитан на публикацию, его нарративная структура изначально предполагала присутствие Другого — родителя, наставника, учительницы или гипотетического читателя. В художественной прозе те же механизмы «семейной публичности» и фигура цензора находят специфическое воплощение: анализируются приёмы стилизации под подлинный эго-документ, роль паратекстуальных элементов и стратегии, легитимирующие вымысел через документальную форму. Делается вывод, что адресованность вовне, заложенная в самой природе жанра, предопределила доминирующую роль дневниковой формы в русской литературе для детей и подростков.

Ключевые слова: дневник, детская литература, подростковая проза, эго-документ, публичная приватность, история детства, семейное воспитание, цензура, паратекст, издательские стратегии.

Для цитирования: Филатова В.А. Становление дневниковой прозы и феномен «публичной приватности» в русской детской и подростковой литературе (вторая половина XIX–начало XX в.) / В.А. Филатова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 162–176. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22932133.

Введение. В русской культурной традиции осмысление дневника неразрывно связано с идеями самовоспитания и нравственного становления личности. В «Литературной энциклопедии» (1925) он определяется как «записки, составленные данным лицом о событиях своей внутренней и внешней жизни» [3, с. 210]. М.О. Чудакова уточняет эту дефиницию, рассматривая дневник как форму «повествования, ведущегося от первого лица в виде подневных записей» [12, с. 707]. Современный исследователь М. Михеев расширяет эти рамки: строгая привязка к дате не является абсолютной, текст может иметь «двойную ориентацию во времени» или вовсе обходиться без дат, трансформируясь в записную книжку [6, с. 12–14]. Однако для анализа эволюции жанра важнее не формальные признаки, а спектр функций дневника. Помимо фиксации событий и терапевтической разгрузки, М. Михеев выделяет «социализационную» функцию (познание мотивов собственных поступков) и

«литературно-творческую», поскольку автор дневника невольно становится «сочинителем» [6, с. 16].

Природа дневника как акта конструирования собственного «Я» объясняет, почему мотивы его ведения никогда не бывают только частными. Как замечает А.Г. Тартаковский, они непосредственно зависят от исторической эпохи и простираются от целей, «замкнутых на личностно-семейной сфере, до откровенно публичных» [10, с. 36]. Именно постепенное стирание границ между сокровенным и общедоступным позволяет проследить эволюцию дневниковой прозы в русской детской и подростковой литературе.

Обращение к детской дневниковой прозе с середины XIX века продиктовано спецификой истории детства в России. В этот период, на фоне «открытия детства» как особого психологического феномена, ведение дневника становится распространённой педагогической нормой. Воспитанием детей в дворянской, а затем и разночинно-интеллигентской среде занимались преимущественно женщины (матери, гувернантки). Передавая опыт нравственного самосовершенствования, они превратили ведение дневника в строго регламентированную практику: дети писали под прямым руководством старших, отчитываясь о прочитанных книгах и побеждённых пороках. Приватность ребёнка изначально была условной, а «идеальным читателем» выступал родитель-педагог.

В конце XIX–начале XX века, на фоне гуманизации семейного воспитания и зарождения научного интереса к психологии детства, отношение к внутреннему миру подростка меняется. Дневник перестаёт быть исключительно «отчётным документом», постепенно трансформируясь в сферу интимного самопознания и эмоционального убежища. В литературе и бытовой практике закрепляется мотив тайны. Однако, как показал анализ Р.С. Черепановой, при всей декларируемой закрытости бумажный дневник оставался своеобразной «игрой вокруг приватности» [11, с. 50]. Подросток, даже ведя записи «в стол», подсознательно ориентировался на литературные клише и выстраивал желаемый образ своего «Я». Как отмечает исследовательница на примере дневника Николая В., «...декларация о том высоком уровне интимности <...> также может быть рассмотрена в качестве литературного приёма, устанавливающего доверительные отношения между автором текста и читателем...» [11, с. 51].

Подлинная революция в жанровой поэтике дневника произошла с приходом цифровых технологий. То, что в бумажную эпоху было скрытой литературной игрой, в сетевом пространстве стало явным и тотальным. В социальной философии и медиатеории это получило определение «феномена публичной приватности», который возникает в условиях смешения приватного и публичного дискурсов и отражает парадоксальное отношение к безопасности персональных данных [7, с. 55–57]. Для современного исследователя этот феномен, осмысляемый Э. Гидденсом, У. Эко, З. Бауманом, а в отечественной науке — Е.Г. Цуркан и Л.М. Мкртчян, означает смену самих принципов письма. Опираясь на эти социологические концепты, разработанные для анализа цифровой эпохи, мы предлагаем применить этот подход ретроспективно и выявить исторические корни данного феномена в русской литературе XIX–начала XX в. В данной статье мы адаптируем концепт «публичной приватности» в рамках историко-литературного анализа, понимая под ним изначальную адресованность интимного текста вовне и его зависимость от социального или литературного цензора.

Исследователи медиа и лингвисты фиксируют трансформацию самого языка и дискурса. Так, М.А. Кронгауз вводит понятие «публичной интимности», описывая личную страничку в социальных сетях как зону легитимного смешения публичного и

частного [7, с. 57]. З. Папахарисси, изучая приватную сферу в цифровую эпоху, разграничивает понятия «публичной приватности» и «приватной публичности» [4, с. 2]. Р.В. Жолудь, обобщая эти идеи, формулирует принцип современного медиапространства: «общедоступное не значит публичное» [4, с. 3]. Это подчёркивает субъективное переживание приватности автором даже при внешней открытости текста.

Очерченная теоретическая и историческая панорама свидетельствует о том, что дневник перестал быть сугубо утилитарным или интимным жанром, превратившись в сложный инструмент самопрезентации и самоопределения. Однако специфика того, как этот глобальный сдвиг — от педагогического отчёта к публичной самопрезентации в сети — отразился именно в русской детской и подростковой литературе, до настоящего времени оставалась за пределами пристального литературоведческого внимания.

Цель исследования — выявить механизмы трансформации детского эго-документа в русской литературе XIX–начала XX века: от контролируемого педагогического отчёта к форме «публичной приватности» и литературной самопрезентации. Задачи включают: описание модели «семейной публичности» и фигуры цензора в дневниковых практиках XIX в., анализ паратекстуальных стратегий легитимации детского голоса на рубеже XIX–XX вв., выявление приёмов жанровой стилизации в художественной прозе; прослеживание эволюции цензурного контроля над детским эго-документом.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили дневниковые тексты второй половины XIX–начала XX века: гимназический дневник Д.И. Писарева (1852–1855, опубликован в 1923), «Дневник» М.К. Башкирцевой (1872–1884, опубликован в 1887), «Дневник одной из многих» Е.А. Дьяконовой (1886–1895, опубликован в 1904), дневник В.М. Печатальщиковой (1897–1900, опубликован в 2007), путевые дневники братьев Крамаренко (Гаги — в 1910 г., Жоржа — в 1918 г.), а также художественные произведения, написанные в форме дневника: «Отрывки из журнала Маши» В.Ф. Одоевского (1841), «Дневник девочки» С. Буткевич (1862), исторические повести В.П. Авенариуса — «Среди врагов» (1912) и «На Париж!» (1914). Дополнительно привлекаются паратекстуальные элементы изданий (предисловия, заголовочные комплексы, редакторские примечания) как ключевые источники для реконструкции издательских стратегий. Методология исследования носит комплексный характер и основывается на принципах историко-литературного и структурно-типологического анализа. Нарратологический подход позволяет выявить специфику повествовательной структуры дневниковых текстов и их адресованность потенциальному читателю. Сопоставительный анализ реальных дневников и их художественных стилизаций позволяет проследить эволюцию жанра и трансформацию фигуры цензора — от родителя-педагога к институциональному и идеологическому контролю.

Основная часть. Ведение дневника в русской дворянской среде середины XIX века представляло собой устоявшийся культурный феномен, в котором переплетались задачи нравственного самопознания, развития литературного вкуса и овладения эпистолярным мастерством, и эта практика передавалась от старших к младшим, становясь частью семейного воспитания. Одной из ярких иллюстраций такой ритуализованной публичности служит гимназический дневник будущего критика Дмитрия Ивановича Писарева, написанный им на французском языке в 1852–1855 годах и впервые опубликованный в книге Е.П. Казанович, а затем на русском языке в сборнике «За сто лет. 3-я Санкт-Петербургская гимназия (ныне 13-я Советская трудовая школа). Воспоминания, статьи и материалы», изданном в Петрограде в 1923 году. Перевод для публикации выполнила учитель школы Е.Д. Парышева.

Дневник писался с расчётом на семейного читателя. Подтверждается это множеством свидетельств самого автора. Начинает вести дневник юный Д. Писарев накануне поступления в третий класс гимназии — 16 января 1852 года (сделано три записи), а затем продолжает в возрасте 14 лет после двухлетнего перерыва. Он честно признаётся, что побудило его возобновить занятие — чтение дневника его двоюродной сестры Раисы Александровны Кореневой, которую в семье звали Розой. 12 августа он записывает чрезвычайно важное свидетельство о коллективном характере дневниковой практики: «Когда мамаша причесалась, мы читали дневник Розы. Мамаше кажется, что выражения, а иногда и мысли слишком взрослые для её лет, но я нахожу её дневник совершенным и к этой степени совершенства стремлюсь и я в своём дневнике» [24, с. 55]. Эта фраза демонстрирует, что дневники не были тайными документами, их читали вслух в семейном кругу, обсуждали, оценивали, а мнение матери становилось важным критерием. Сам Д. Писарев формулирует принцип, которым намерен в дальнейшем руководствоваться, предваряя датированные записи: «Дневник приятен только тогда, когда он пишется аккуратно» [24, с. 54]. Это заявление звучит как обещание не только самому себе, но и будущим читателям, он осознаёт свой дневник как текст, предназначенный для чтения, как своеобразную книгу с предисловием, структурой и адресатом. На протяжении всего текста встречаются упоминания о том, как дневник становится предметом семейного интереса: 27 сентября 1854 года Д. Писарев описывает, как из его дневника узнали о его проступке, а 22 сентября он отстаивает своё право решать, кто именно может с ним ознакомиться, вырывая тетрадь у князя М. И. и заявляя, что не давал права её читать («Вечером приехал дядя, князь и Е. П. Говорили о моём почерке, кажется, дядя бранил его. Тётя приказала принести дневник, чтобы показать почерк. Я принёс его, и князь, услышав слово дневник, взял тетрадь с насмешливым и самодовольным видом и приготовился заглянуть в него, но я, быстрый, как мысль (тяжёлая, разумеется), вырвал у него находящийся в опасности дневник и, сказав, что я не давал ему право его читать, вышел с большим эффектом» [24, с. 62]). Приватность здесь не абсолютна, но избирательна, и 30 сентября автор снова читает свой дневник тётям, получая их оценку и сравнение с дневником кузины.

Показательным литературным отражением этой семейно-педагогической практики служит русская словесность середины XIX века. Ещё в 1841 году В.Ф. Одоевский опубликовал «Отрывки из журнала Маши» (из цикла «Сказки дедушки Иринея»). Уже в первой записи десятилетняя героиня фиксирует не личный каприз, а волю старших: «Маменька хочет, чтобы я с сего же дня начала писать то, что она называет журналом, то есть она хочет, чтоб я записывала каждый день всё, что со мною случится… Признаюсь, я этому очень рада. Это значит… что я уже большая девушка!..» [22, с. 105]. На следующий день мать уточняет дидактическую цель этого занятия, формулируя ключевой педагогический принцип эпохи: «Он пишется для того, чтобы в нём находилось всё, что человек делает в продолжение дня, чтобы потом, прочитывая записанное, он не забывал о своих дурных поступках и старался бы исправиться. Это называется… отдавать себе отчёт в своей жизни» [22, с. 106]. Для В.Ф. Одоевского, известного педагога и разработчика «Положения о детских приютах», дневник был не механическим подчинением правилам, а инструментом развития умений ребёнка самостоятельно осмысливать свои поступки и мотивы. Ведя записи от первого лица, юный автор учился честности перед самим собой и нравственной ответственности, однако пространство этого «самоанализа» с самого начала оказывалось под негласным, но строгим контролем материнского взгляда.

Зафиксированный В.Ф. Одоевским базовый этический фундамент традиции материнского руководства получил своё развитие в «Дневнике девочки» С. Буткевич (1862). Дневниковое письмо на этом примере можно рассматривать как ещё более показательное, поскольку писательница не просто обобщает типическое, фиксируя культурную норму, но и открыто конструирует читательское поведение. Уже на уровне паратекста (посвящения и предисловия) задаётся установка на прочтение. Посвящение «Племянницам моим», подписанное С. Буткевич, сообщает, что дневник принадлежал «одной очень умной и доброй девочке», которая имела «хорошую привычку» его вести [17, с. IX]. Принципиально важно, что издательница не скрывает факта редакторского вмешательства: девочка «часто читала мне из него разные отрывки, прося иногда поправить ей кое-что, изменить или дополнить», и эта помощь оказывалась «с величайшим удовольствием» [17, с. IX]. Так показывается, что приватный детский текст с самого начала существует в режиме апробирования — он прочитывается вслух, обсуждается, корректируется взрослым, и это не нарушение тайны, а нормативная практика, узаконенная в самом замысле дневника.

Если в гимназическом дневнике Д. Писарева это может быть рассмотрено «изнутри», как спонтанно сложившийся семейный ритуал, то в художественном тексте С. Буткевич предстаёт как целенаправленно выстроенная педагогическая модель, предназначенная для подражания. То же закрепляется и на уровне внутритекстовой мотивации. Верочка начинает вести дневник по прямому совету матери, причём мать объясняет жанр не как исповедальное убежище, а как дисциплинирующую процедуру — «каждодневное описание всего того, что было, что случилось в продолжение дня» [17, с. 3]. Дневник становится не столько выражением субъективности, сколько навыком самонаблюдения, прививаемым и контролируемым взрослым.

Интерес для понимания вопроса представляет также сцена, где Верочка, записав рассказы знакомой старушки, признаётся в собственной некомпетентности: «напишу, как знаю, а потом попрошу маму поправить, она так любит мой дневник» [17, с. 88]. И мать действительно переписывает эти отрывки, восстанавливая фактологическую точность, и возвращает дочери отредактированный вариант тетради. В результате дневник Верочки становится гибридным текстом, где детская спонтанность соседствует с обработанными взрослым просветительскими вставками, которые органично включены в повествование от первого лица. Наконец, посвящение завершается прямым обращением к читателям-детям с призывом последовать примеру героини: вести подобные дневники «под руководством своих матерей», обмениваться ими и собирать из них «свою библиотеку» [17, с. X]. С. Буткевич обещает опубликовать продолжение при условии, что племянницы и «все знакомые и незнакомые деточки» прочитают первую часть; тем самым дневниковая практика выносится в плоскость коллективного и публичного действа, где чтение чужих дневников объявляется «занимательнее всяких сказок», а их написание — формой игры, соединяющей обучение, самоотчёт и социализацию [17, с. X].

Та же модель представлена в произведении В.П. Авенариуса, чья издательская судьба сама по себе показательна. Впервые текст был опубликован в 1894 году в пятом и шестом номерах журнала «Игрушечка» под названием «Горести и радости Бибки. Подлинная история одного мопсика (из дневника Любочки)», а в 1908 году вышел отдельной книгой, озаглавленной «История мопсика. Из дневника Любочки». Уже журнальная версия с её подзаголовком и пометкой «подлинная история» задавала эффект документальности и сразу ориентировала текст на юного читателя. Автором дневника выступает девятилетняя Любочка, живущая в Петербурге с мамой, папой, двумя сёстрами, горничной и кухаркой. Её старшая сестра Таня, окончившая гимназию с серебряной

медалью, берёт на себя роль наставницы и готовит Любочку к поступлению в гимназию, надеясь, что та получит золотую медаль. Девочка заводит дневник по собственной воле, чтобы запечатлеть «счастливейший день» своей жизни [13, с. 4]. Она соглашается с наставлением матери писать «без кляксов» [13, с. 4]. Однако её интимный жест с самого начала не остаётся тайным. Старшая сестра Таня без спроса берёт дневник на проверку, игнорируя возгласы Любочки: «Не смей читать!». На защиту приватности девочка бросает главный, как ей кажется, аргумент: «Да я пишу не для других, а для себя» [13, с. 9]. Но Таня, действуя как строгая наставница, разрушает эту иллюзию. Она указывает на «каракули» и формулирует главное правило публичного эго-документа: «Незнакомый читатель может подумать что угодно <...> Если вести дневник, то надо писать обстоятельно» [13, с. 10]. Так сестра-наставница учит Любочку писать для гипотетического читателя, формируя из дневника автодокумент, рассчитанный на будущую публичную оценку. Вместо того чтобы защитить тайну младшей дочери, мать забирает дневник у Тани, но возвращает его не Любочке, а кладёт на стол, в доступное всем место, и переводит разговор в бытовое русло.

Эти примеры показывают, что в русской культуре второй половины XIX–начала XX века детский дневник формировался не как пространство тайной исповеди, а как инструмент социализации и литературного ученичества. Приватность здесь была не абсолютной, а избирательной и контролируемой, встроенной в систему семейных и педагогических координат. Именно эта историческая установка на «семейную публичность» и наличие взрослого наблюдателя-наставника заложили жанровую модель русской дневниковой прозы для детей и подростков.

В это же время, наряду с традицией ведения семейного архива, формируется новое направление дневниковой практики: фигура внешнего родителя-цензора постепенно уступает место внутреннему редактору, а сам текст для ряда авторов начинает обретать статус заведомо публикуемого литературного проекта. Показательным, хотя и исключительным по степени своей осознанности, примером этой эволюции служит «Дневник» Марии Башкирцевой (1858–1884) — текст, который Е. Приказчикова справедливо называет одним «из наиболее загадочных литературных памятников своего времени» [9, с. 120]. Важно уточнить, что мы рассматриваем этот текст в ракурсе подростковой ретроспекции: молодая женщина конструирует образ себя-подростка, осмысляя свой опыт через призму будущей славы.

На первый взгляд, перед нами классический образец девичьей исповеди. Однако уже в предисловии, написанном за пять месяцев до смерти, Мария Башкирцева разрушает иллюзию интимности, превращая личный документ в публичный автобиографический проект, адресованный не современникам, а будущим поколениям. Она сама устанавливает возрастные границы, отделяя «детский лепет» от «взрослого» документа, достойного внимания потомков: «Мой дневник начинается с 12 лет, хотя представляет интерес только с 15–16 лет. Таким образом, остаётся пополнить недостающее, и я намерена написать нечто вроде предисловия, которое даст возможность лучше понять этот литературный и человеческий памятник» [16, с. 20].

Данное заявление имеет важное значение для понимания эволюции жанра. Мария Башкирцева выступает не просто как автор, но и как редактор собственной жизни. Как подчёркивает Е. Приказчикова, «характерный для дневниковой прозы синхронизм повествования не мешает постоянной рефлексии Башкирцевой относительно существования в её авторском сознании двух “я”, одно из которых совершает беспощадный суд над “я” дневниковой героини» [9, с. 122]. Именно это внутреннее

раздвоение позволяет ей интуитивно чувствовать, что литературная ценность текста начинается с момента формирования зрелого самосознания.

Стратегия публичной самопрезентации проявляется уже в ранних, казалось бы, наивных записях двенадцатилетней девочки, где начинается выстраиваться образ будущей «звезды»: «Я создана для триумфов и сильных ощущений <...> я могу достичь счастья, быть знаменитой, известной, обожаемой, и этим путём я могу приобрести того, кого люблю» [16, с. 8]. Демонстрация добродетели («я честна и никогда не дам ни одного поцелуя никому, кроме моего мужа...») оказывается не искренней тайной, а частью тщательно спланированного публичного мифотворчества: образ чистой девушки на «высочайшей ступени славы» должен заставить избранника жениться «во что бы то ни стало... из гордости» [16, с. 9]. Здесь и наблюдается та самая «публичная приватность»: сокровенные девичьи мечты о любви и чистоте намеренно выставляются на всеобщее обозрение как доказательство исключительности их обладательницы.

Однако процесс превращения интимного текста в публичный памятник не закончился после смерти автора. Канонический текст «Дневника», известный читателям на протяжении более ста лет, существенно отличается от подлинника, что убедительно доказывает Е. Приказчикова. Редактор первого французского издания (1887 г.) писатель Андре Терье и мать художницы посчитали необходимым убрать многие подробности, подвергнув рукопись жёсткой цензуре, чтобы сохранить респектабельный образ девушки из хорошего общества. Эта тенденция к адаптации текста проявилась и в России. Впервые на русском языке «Дневник» вышел в 1893 году в переводе, подготовленном редакцией журнала «Северный вестник». Позднее практика встраивания этого «публично-приватного» документа в контекст юного чтения получила продолжение. «Дневник Марии Башкирцевой» фрагментарно был опубликован в журнале «Детская литература» (1989, № 4–9), что также потребовало адаптации материала для целевой аудитории. Посмертные издания дневника Марии Башкирцевой подтверждают мысль о том, что приватность в культуре XIX века оставалась контролируемой как внутренним «сверх-я» автора, так и внешними строгими рамками общественных приличий.

Однако эта осознанная ориентация на будущего читателя, ожидание грядущей славы и стремление оставить наследие, амбициозно заявленные в реальном дневниковом опыте М. Башкирцевой, закономерно перешли в поэтику детской и подростковой литературы, приобретя ироничное, игровое преломление. Мотив дневника, который ведётся «для потомков» или с расчётом на будущую известность, становится в ней устойчивым нарративным приёмом, часто с иронической интонацией. Он по-прежнему отражает глубинную потребность в самоутверждении и конструировании идентичности, но уже через комическое преувеличение собственной значимости, через пародийное «примеривание» на себя образа великого мемуариста. Эта традиция получила развитие в позднесоветской и современной подростковой прозе (А. Алексин, Н. Фёдоров), где мотив «дневника для потомков» приобретает устойчивый иронический характер, однако анализ этих текстов выходит за рамки данной статьи и требует отдельного рассмотрения.

Модель «дневника-проекта», ориентированного на будущую славу и литературное бессмертие, не была единственной в русской культуре конца XIX столетия. Параллельно с ней формировалась иная традиция, ярким образцом которой служит дневник Елизаветы Дьяконовой (1874–1902). Начатый одиннадцатилетней девочкой из купеческой среды в 1886 году, этот текст был отредактирован и издан посмертно, в 1904 году, её братом Александром. Для нашего исследования интерес представляет первая часть,

опубликованная под названием «Дневник одной из многих (1886–1895)», охватывающая период с 12 до 21 года, то есть захватывающая как отрочество, так и раннюю юность. Отрывки из этой части текста были опубликованы в журнале «Детская литература» (1990, № 1–2) в разделе «Детство в воспоминаниях, дневниках, письмах» — в том же разделе, что и фрагменты «Дневника» Марии Башкирцевой.

Фигура посредника-редактора возникает на уровне паратекста, что подтверждает наш тезис о неизменном присутствии «взрослого цензора» в истории жанра. Посмертная публикация этого сугубо личного текста не избежала вмешательства. В отличие от амбициозных планов М. Башкирцевой, публичность в дневнике Е. Дьяконовой рождается не из желания поразить потомков, а из потребности быть услышанной. Уже во второй записи от 15 августа 1886 года она признаётся: «Долго, очень долго я не говорила с тобой, мой миленький дневник <...> я не могла писать, потому что боялась, чтобы не увидала мама или гувернантка. Если они увидят, то будет плохо» [18, с. 1]. За этими словами скрывается классическая ситуация «семейной публичности», где приватное пространство ребёнка контролируется взрослыми, поэтому дневник существует в режиме конспирации.

Такая вынужденная тайна порождает феномен — одушевление тетради. Дневник для Лизы становится идеальным исповедником, единственным существом, с которым возможна подлинная эмоциональная связь. 22 октября 1886 года она пишет о своём одиночестве: «С тобой, мой милый дневник, с одним тобой могу я говорить! И знаю, что хоть от этого мне легче. Ты — тайна для всех, даже и для мамы» [18, с. 2]. Обращаясь к тетради как к живому существу, юная Лиза Дьяконова интуитивно выстраивает драматургию исповеди. Как доказывает М.М. Бахтин, даже самоотчет-исповедь, адресованная самому себе, не является замкнутой в себе: она предполагает присутствие «другого» в сознании автора, который становится необходимым участником диалога [1, с. 133–134]. Это и есть та основа «публичной приватности»: текст создаётся как сугубо интимный, но его форма диалогична и требует присутствия Другого.

Интерес представляет и внутренняя эволюция самого текста. В начале дневник фиксирует преимущественно события внешнего мира, но после смерти отца в 1887 году тетрадь используется также для анализа чувств, страхов и скрытых семейных конфликтов. Именно у Е. Дьяконовой наблюдается зарождение устойчивой формулы обращения («мой милый дневник»), которая впоследствии станет обязательным клише в художественной детской и подростковой литературе XX и XXI веков.

В отличие от литературно-ориентированного автодокумента М. Башкирцевой и интимно-исповедального, но не лишённого литературных амбиций дневника Е. Дьяконовой, дневник шестнадцатилетней Веры Печатальщиковой из семьи нижнетагильского мастерового с самого начала не был рассчитан на публикацию. Как отмечает О. Морева, этот уникальный подлинный эго-документ, лишённый авторской установки на литературное бессмертие, «был обнаружен в 1928 г. в Нижнем Тагиле на чердаке дома по улице Верхней Ерзовке одиннадцатилетней Татьяной, дочерью академика Заварицкого», и только в 2007 году «был издан в 5 экземплярах» [8, с. 22].

По наблюдению О. Моревой, материальная история этого эго-документа содержит важную деталь: «из текста следует, что дневник вёлся Верой на протяжении многих лет, однако тетрадь для его записей летом 1897 г. была утеряна, а затем вновь найдена, поэтому записи велись три месяца в тетради для сочинений» [8, с. 25]. Этот бытовой факт приобретает символическое значение: учебная тетрадь, предназначенная для школьных заданий и педагогического контроля, становится хранилищем сокровенной исповеди девушки.

Именно в этом противостоянии дневник Веры являет собой классический, хотя и трагический, образец «публичной приватности». С одной стороны, это убежище и психотерапевтический инструмент. Вера обращается к нему в минуты отчаяния: «Сейчас пересмотрела последние листки дневника, который у меня дома; хоть немного успокоилась…» [23, с. 25]; «…в первый раз мой дневник не показался мне смешным и глупым… Всё прочитанное действительно — правда» [23, с. 33]. Текст выступает как зеркало идентичности, позволяющее автору очистить образ собственного «Я» от наносного.

С другой стороны, эта терапевтическая функция неразрывно связана с мучительным страхом разоблачения. Вера пишет, постоянно осознавая, что её записки обречены на прочтение враждебным Другим. Тема возможной утраты дневника проходит через весь текст красной нитью: «Опять вспомнила о потерянных десяти листах дневника… Если они попались Ек. Вас., то я могу постоять за себя; а если кому-нибудь из остальных учительниц или, тем более, учениц, маме — тогда беда» [23, с. 20].

Здесь мы наблюдаем важнейшую трансформацию фигуры внешнего цензора. Если в дневниках Д. Писарева или Е. Дьяконовой главным контролёром выступала мать или гувернантка (семейная цензура), то в училищной среде конца XIX века эта роль переходит к педагогам (институциональная цензура). Сама Вера не сомневается в том, что учительницы систематически охотятся за дневниками учениц: «Нам, и мне и В. Т., почему-то кажется, что дневник у Люд. Мих.» [23, с. 25]. Примечательно, что её тревога связана не просто с фактом кражи, а с содержанием пропавших листов: «А все потерянные 10 листов, как нарочно, исписаны разными событиями из сближения с В. Т.» [23, с. 25]. Контроль оказывается тотальным и направленным в первую очередь на личную, интимную сферу подростка: «Возмутительный, подлый поступок для них, проповедующих честность — таскать потихоньку из парт дневники своих воспитанниц, чтобы узнать их внутренний мир ....» [23, с. 26].

История посмертной судьбы дневника Веры Печатальщиковой в точности воспроизводит эту логику присвоения приватного текста. Как подчёркивает О. Морева, «при подготовке к публикации он был прочтён (за исключением нескольких строк) и приведён в соответствие с современным правописанием» [8, с. 22]. Этот факт демонстрирует непрерывность культурной логики: даже столетие спустя интимный детский текст не может быть введен в публичный оборот без вмешательства взрослого редактора-посредника.

Так в дневнике Веры Печатальщиковой с максимальной очевидностью проявилась двойственная природа жанра. Дневник становится для юной героини одновременно единственным пространством подлинной свободы и постоянным источником тревоги, поскольку это пространство постоянно атакуется извне — сначала педагогами в училище, а затем, как показала история публикации, и самим фактом введения текста в публичное поле. Вера Печатальщикова — это тот случай, когда приватность оказывается «публичной» не по воле автора, а в силу самой логики жанра и культурных механизмов, неизбежно присваивающих любой эго-документ.

Культура функционирования дневников в дворянской и разночинной среде подготовила почву для принципиально нового феномена на рубеже XIX–XX веков — публикации детских дневников как самостоятельных литературных произведений. Самым ярким примером, на наш взгляд, служит дневниковая практика семьи Крамаренко, которая представляет собой одновременно и продолжение, и трансформацию традиций XIX века. С одной стороны, юные авторы ведут дневники, следуя устоявшейся практике, когда регулярное письмо становится частью воспитания

в образованных семьях. С другой стороны, сам факт публикации этих сугубо личных записей и их последующая редакторская обработка вводят интимный текст в публичную сферу качественно иным способом.

Гавриил Амосович Крамаренко, выходец из семьи астраханских мещан, проведший десять лет на сахалинской каторге и ставший пионером рыбной промышленности на Дальнем Востоке, воспитывал своих сыновей по принципу «лучший воспитатель — сама жизнь» [19, с. XIV]. Инструментом этого воспитания становился в том числе и дневник. В предисловии к дневнику Жоржа он подробно описывает методику работы: после возвращения из путешествия сыновья должны были «начисто переписывать чернилами свои заметки в особые тетради», а затем перепечатывать их на пишущей машинке. Таким образом достигались три цели — дети в дороге не скучали, развивали правописание и чистописание, а также незаметно для себя осваивали владение пишущей машинкой [19, с. XVI]. В свою очередь, отец признаёт, что наблюдение над этим трудом позволяет воспитателю проследить за теми или иными наклонностями детей [19, с. XV].

Дневник Гаги, написанный им в 11 лет в 1910 году, был издан отдельной книгой «В Камчатку. Путешествие 11-летнего школьника, описанное им самим в 1910 году» с предисловием профессионального редактора Марка Максимовича Бродовского. Дневник Жоржа, написанный им в 15 лет в 1918 году, был издан отцом под названием «Камчатка. Моё путешествие и моя охота на медведей и горных баранов в 1918 г.» с его собственным предисловием.

Г.А. Крамаренко пишет, что им «строго сохранены вся суть, все факты, а равно и все наблюдения и замечания автора в его юношеском мировоззрении», однако указывает, что от пятнадцатилетнего юноши невозможно требовать полной пригодности для печати литературного изложения [19, с. XIII]. М.М. Бродовский формулирует свою задачу более детально: он «оставил в строгой неприкосновенности всю суть, все факты и их оценку, зиждущуюся на детском миропонимании юного автора», но при этом «постарался уточнить те неправильные и неточности, лишившиеся истины и стилистические», а отрывочным заметкам «следовало придать, насколько это представлялось возможным, некоторую, хотя бы чисто внешнюю, законченность». Наконец, всему материалу надо было «техническими приёмами придать вид книги, разбив этот материал на главы, отделы и т.д.» [21, с. 10–11]. Сравнение двух предисловий в их отношении к «детскости» текста показывает, что Крамаренко-отец не упоминает о необходимости «детского» восприятия как такового, для него главное, что дневник написан юношей. М.М. Бродовский же делает акцент на педагогической ценности книги, которая интересна не только содержанием, но и как пример того, что может сделать ребёнок. Детский дневник оказывается ценен именно как документ непосредственного, не отрефлексированного взрослой культурой восприятия мира. В то же время он подвергается редакторской обработке, то есть адаптации к взрослым нормам литературного изложения. Это создаёт напряжённость между «естественностью» детского письма и «искусственностью» печатного текста, что становится ключевой характеристикой феномена «публичной приватности» в детской литературе. Семейная публичная приватность трансформируется во внешнюю публикацию для широкого круга читателей, а предисловия в обоих случаях служат объяснением и одновременно оправданием этого шага.

На рубеже XIX–XX веков документальная и художественная дневниковая проза вступают в отношения взаимного влияния и творческого заимствования: реальные записки подростков начинают публиковаться как самостоятельные книги, а

литературные произведения всё чаще принимают форму дневника, чтобы казаться достовернее. В результате жанровая природа текста перестаёт быть очевидной для читателя. Например, приблизительно в одно время с публикацией дневников братьев Крамаренко выходят исторические повести В.П. Авенариуса «Среди врагов» с подзаголовком «Дневник юноши-очевидца войны 1812 года» (1912) и «На Париж!» с подзаголовком «Дневник юноши, участника кампании 1813–1814 гг.» (1914).

Сравнение оглавлений этих книг с дневниками братьев Крамаренко обнаруживает удивительное структурное сходство. Во всех названных книгах используется проспективное оглавление или развёрнутое содержание, где каждая глава получает не просто номер, но и краткую аннотацию, фактически представляющую собой микро-сюжет, вынесенный в заголовочный комплекс. И в документальных дневниках братьев Крамаренко, и в книгах В.П. Авенариуса каждая глава озаглавлена не тематически, а событийно, через перечисление ключевых эпизодов, что создаёт эффект мозаичности и фрагментарности. Разумеется, подобные проспективные оглавления были общей издательской практикой начала XX века, характерной для приключенческой и исторической прозы, и не стоит усматривать здесь прямое заимствование. Однако в контексте повестей В.П. Авенариуса, оформленных как подлинные дневники, эти привычные для эпохи приёмы приобретают особое значение. Они моделируют дневниковое восприятие мира как последовательность отдельных событий, каждое из которых обладает самостоятельной ценностью, чем усиливают иллюзию подлинности.

Эта имитация документальности достигает своего апогея в паратекстальном оформлении книг В.П. Авенариуса, который в точности воспроизводит издательские стратегии, применявшиеся к реальным подростковым дневникам. Историческая повесть «Среди врагов» (1912) и её продолжение «На Париж!» (1914) снабжены предисловиями, конструирующими классическую «легенду обнаружения рукописи». Используя фигуру «найденной рукописи», В.П. Авенариус не просто эксплуатирует общий литературный мотив, унаследованный от сентиментализма и романтизма (от Н.М. Карамзина до А.С. Пушкина). Писатель адаптирует этот мотив под издательские стратегии современных ему реальных детских дневников (таких как записи братьев Крамаренко). Он добавляет маркеры подросткового восприятия: имитацию наивного стиля и специфическое проспективное оглавление, структурно имитирующее детские тетради.

В предисловии к «Среди врагов» поясняется, что дневник семнадцатилетнего Андрея Пруденского (сына дьякона, отчисленного из семинарии) был найден автором-редактором у букиниста, куда попал из «заброшенной барской усадьбы» в виде «объёмистой тетради с пожелтевшими, подмоченными страницами, исписанной простым карандашом» [14, с. V]. Обнаруживший тетрадь редактор, подобно реальным издателям детских мемуаров, берёт на себя роль посредника: он «разделил её, для удобства читателей, на главы с соответственными заголовками», отредактировал и подготовил к печати [14, с. V].

Аналогичный приём используется и в предисловии ко второй части, «На Париж!», подписанном инициалами самого В.П. Авенариуса. Здесь легенда усложняется. Продолжение дневника, к которому «были присланы из провинции ещё две рукописные тетради», сохранила внучка уже отставного полковника Пруденского, исполнив тем самым его «последнюю просьбу» — напечатать записки «ради памяти незабвенного её деда» [15, с. V]. Ссылаясь на эту волю, редактор вновь вмешивается в текст: сокращает его, исправляет орфографию и, что особенно показательно, добавляет в заголовок каждой главы краткое содержание.

Таким образом, В.П. Авенариус выстраивает абсолютно идентичный заголовочный комплекс: название с документальным подзаголовком, развёрнутое оглавление-проспект и предисловие, объясняющее «происхождение» текста. Используя приём «найденной рукописи» и «заботливого редактора», писатель не просто придаёт своему вымыслу вес исторического документа, но и оправдывает само обращение к форме дневника. Он показывает, что детский голос, чтобы быть услышанным широкой публикой, неизбежно должен пройти через фильтр взрослой редактуры, быть адаптированным, разбитым на главы и снабжённым объяснительным паратекстом. В этом смысле художественные дневники В.П. Авенариуса и реальные путевые заметки братьев Крамаренко оказываются продуктом одной и той же культурной логики.

Судьба переизданий дневника Гаги Крамаренко наглядно демонстрирует, как фигура внешнего цензора трансформировалась от родительского контроля к государственной идеологической установке. В 1929 году книга была переиздана в серии «Библиотека "Ленинских искр"», выпускавшейся «Красной газетой» в 1927–1933 годах. Уже паратекст нового издания маркирует смену культурной парадигмы: на титульном листе исчезает имя редактора М.М. Бродовского, упоминание об иллюстрациях с фотографий отца, а само название теряет восклицательный знак. Сохраняются имя автора, заголовок «В Камчатку», подзаголовок «путешествие 11-летнего мальчика рассказанное им самим» (намеренно лишённый запятой), место и год издания. Вместо авторских фотографий появляются чёрно-белые рисунки К.А. Клементьевой, а анонимное предисловие задаёт совершенно новый тон восприятия текста.

Если в дореволюционном издании подчёркивалась индивидуальная смелость и уникальность юного путешественника, то советский цензор последовательно нивелирует личный героизм в пользу коллективистского дискурса. В предисловии подвиг Гаги приуменьшается: «Теперь, в порядке нашего туризма, такую дальнюю экскурсию вполне может организовать группа ребят со своим руководителем» [20, с. 4]. Отец автора, ранее выступавший как строгий воспитатель и соавтор, теперь именуется просто «учёным». Главное достоинство Гаги видится не в его личной наблюдательности, а в умении «замечать и записывать», что превращает его из самостоятельного автора в образцового «деткора» (детского корреспондента). Читателю предлагается учиться у него не столько познанию мира, сколько навыкам «простой и занимательной записи» в духе детской периодики [20, с. 4]. Завершается предисловие почти дословным заимствованием из текста М. Бродовского, однако смысл цитаты радикально переосмысляется: из издания исключается всё, что «за последние 19 лет уже утратило интерес» [20, с. 4]. Как справедливо отмечает В.В. Зыков, под «утратившим интерес» понималось всё, что не соответствовало духу нового времени и идеологическим установкам, а именно «всё, что касалось религии, прислуги, офицерства, частной собственности и прочего, чуждого молодой советской республике» [5, с. 275]. Переиздание 1929 года дневника Гаги Крамаренко представляет собой классический пример идеологической адаптации детского эго-документа. Границы «публичной приватности» здесь диктуются государством. Детский голос получает право на звучание в виде социально одобряемого, коллективистского отчёта.

Примечательно, что в 2023 году вышло репринтное издание книги 1910 года, в котором была учтена орфографическая реформа, но полностью сохранено первоначальное, неотредактированное содержание. Этот современный издательский жест свидетельствует о радикальной смене ценностных ориентиров: если в XX веке публичным становился лишь идеологически выверенный детский голос, то сегодня читатель и издатель стремятся к аутентичному, неконтролируемому взрослыми

эго-документу. Это полностью соответствует современной парадигме «публичной приватности», где высшей ценностью признаётся подлинная, ничем не замаскированная субъектность ребёнка, а любые следы внешней цензуры воспринимаются как искажение его подлинного «Я».

Заключение. Проведённый анализ подтверждает, что жанровая природа детского дневника (будь то реальный документ или художественная стилизация) изначально предполагает наличие читателя. Трансформация этого жанра происходила поэтапно, отражая изменения в представлениях о детстве, приватности и литературном творчестве.

Анализ записей Д. Писарева, Е. Дьяконовой и В. Печатальщиковой показал, что фигура внешнего цензора (родителя, гувернантки или педагога) была органично встроена в саму практику детского письма. При этом «Дневник» М. Башкирцевой демонстрирует кульминацию этой тенденции: внешний контроль здесь трансформируется во внутреннего редактора, а интимные записи осознанно конструируются как публичный литературный проект, ориентированный на потомков. На рубеже XIX–XX веков эта модель перешла в издательскую плоскость: паратекстуальные стратегии и редакторские предисловия (на примере дневников братьев Крамаренко) легитимировали детский голос, адаптируя интимный текст к взрослым литературным нормам. Художественная проза (В. Одоевский, С. Буткевич, В. Авенариус) активно использовала эти механизмы, применяя приёмы жанровой стилизации для создания эффекта документальности и обоснования права взрослого автора на выражение подросткового «Я». В XX веке вектор цензурного контроля претерпел радикальный сдвиг. На материале советского переиздания дневника Гаги Крамаренко (1929 г.) прослеживается, как фигура цензора эволюционировала от семейного наставника и издательского редактора к государственному идеологу, который подчинил приватный текст коллективистскому дискурсу.

Таким образом, доминирующая роль дневниковой формы в детской и подростковой литературе исторически предопределена её адресованностью вовне. Понимание исторических механизмов конструирования эго-документа служит ключом к осмыслению его дальнейших изменений. Трансформация данного феномена в условиях современной цифровой среды и сетевой коммуникации, где «публичная приватность» приобретает тотальный характер, составит предмет наших последующих публикаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров ; подгот. текста Г.С. Бернштейн, Л.В. Дерюгина ; примеч. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. — 2-е изд. — М. : Искусство, 1986. — С. 7–180.
2. Борисов В.И. Семья Крамаренко на Камчатке [Электронный ресурс] / В.И. Борисов // Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки. Историко-краеведческий сборник, 2000 г. — Режим доступа: http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/questhist/istor-25.htm (дата обращения: 14.06.2026).
3. Дынник В. Дневник / В. Дынник // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. — М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. — Т. 1. А–П. — Стб. 210–212.
4. Жолудь Р.В. Публичная сфера в социальных медиа: от деградации к трансформации / Р.В. Жолудь // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2013. — № 1. — С. 132–135.
5. Зыков В.В. «Что за последние 19 лет уже утратило интерес» (на взгляд цензора в 1929 году). По книге Гаги Крамаренко «В Камчатку» / В. В. Зыков // Во все концы достигнет россов слава: XXXIV Крашенинниковские чтения (5–6 апр. 2017 г.). — Петропавловск-Камчатский, 2017. — С. 275–281.
6. Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX) / Михаил Михеев. — М.: Водолей Publishers, 2007. — 264 с.
7. Мкртчян Л.М. Социальная безопасность личности в сетевом коммуникативном пространстве : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Л.М. Мкртчян. — Ставрополь, 2018. — 168 с.

8. Морева О. «Я люблю его, но не той любовью, которую описывают в романах»: чтение и личная библиотека тагильчанки в конце XIX века / О. Морева // Веси. — 2012. — № 6 (82). — С. 22–25.
9. Приказчикова Е.Е. Тайны «Дневника» М. Башкирцевой / Е.Е. Приказчикова // Уральский филологический вестник. — 2014. — № 1. — С. 120–137.
10. Тартаковский А.Г. Мемуаристика как феномен культуры / А.Г. Тартаковский // Вопросы литературы. — 1999. — № 1. — С. 35–55.
11. Черепанова Р.С. Личный дневник: уровни приватного и дискурсы публичного (на примере нескольких дневников советской эпохи) / Р. С. Черепанова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2018. — Т. 18, № 2. — С. 49–54.
12. Чудакова М.О. Дневник / М.О. Чудакова // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. / гл. ред. А.А. Сурков. — М.: Сов. Энцикл., 1964. — Т. 2: Гаврилюк — Зюльфигар Ширвани. — Стб. 707–708.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Авенариус В.П. История мопсика : (Из дневника Любочки) / В.П. Авенариус ; с рис. Р. Шнейдер. — Москва : А. Д. Ступин, 1908. — 46 с.
14. Авенариус В.П. Среди врагов : Дневник юноши, очевидца войны 1812 года / В.П. Авенариус. — Санкт-Петербург : кн. маг. П. В. Луковникова, 1912. — 173 с.
15. Авенариус В.П. На Париж! : Дневник юноши, участника кампании 1813–1814 гг. / В.П. Авенариус. — Санкт-Петербург : П. В. Луковников, 1914. — 276 с.
16. Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой : Пер. с фр. / М.К. Башкирцева ; с прил. ст. Гладстона и Франсуа Коппе и 2 портр. авт. — Санкт-Петербург : ред. «Сев. вестн.», 1893. — XVI, 478 с.
17. Буткевич С.М. Дневник девочки / С.М. Буткевич ; с предисл. И.С. Тургенева. — Москва : А. Усова, 1881. — XII, 175 с.
18. Дьяконова Е.А. Дневник Елизаветы Дьяконовой. 1886–1902 г.; Литературные этюды, стихотворения, статьи, письма / Е.А. Дьяконова ; под ред. и с вступ. ст. А.А. Дьяконова. — 4-е изд., знач. доп. — Москва : В. М. Саблин, 1912. — XLI, [5], 837 с.
19. Крамаренко Ж. Камчатка : Мое путешествие и моя охота на медведей и горных баранов в 1918 г. : Дневник 15-летнего школьника / Ж. Крамаренко. — Берлин : О. Дьяконова и К°, 1921. — XVI, 140 с.
20. Крамаренко Г. В Камчатку. Путешествие 11-летнего мальчика, описанное им самим / Г. Крамаренко. — Ленинград : Ленинские искры, 1929. — 94, [4] с.
21. Крамаренко Г. В Камчатку! Путешествие 11-летнего школьника, описанное им самим в 1910 году / Г. Крамаренко. — М. : ООО «Вектор НКБ», 2023. — 168 с.
22. Одоевский В.Ф. Отрывки из журнала Маши / В.Ф. Одоевский // Сказки и рассказы дедушки Иринея. — Санкт-Петербург : Изд-во А. С. Суворина, 1889. — С. 104–145.
23. Печатальщикова В. Дневник ученицы. Лето 1897 года / Вера Печатальщикова ; авт.-сост. А.Д. Заварницкий. — 2-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург : Изд-во Политехнического ун-та, 2014. — 119 с.
24. Писарев Д.И. Гимназический дневник Д.И. Писарева / Д. И. Писарев ; пер. с фр. Е.Д. Парышевой // За сто лет : Воспоминания, ст. и материалы / Петерб. Б. 3-я гимназия, ныне 13 Сов. Труд. Шк. — Пг. : 13 Сов. Труд. Шк., 1923. — С. 52–74.

REFERENCES

1. Bakhtin, M.M. (1986). Avtor i geroi v esteticheskoi deiatel’nosti [Author and Hero in Aesthetic Activity]. In M.M. Bakhtin, Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity] (pp. 7–180). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)
2. Borisov V.I. (2000). Sem’ia Kramarenko na Kamchatke [The Kramarenko Family in Kamchatka]. Voprosy istorii rybnoi promyshlennosti Kamchatki. Istoriko-kraevedcheskii sbornik [Questions of the History of the Fishing Industry of Kamchatka. Historical and Local History Collection]. Retrieved from http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/questhist/istor-25.htm (accessed 14.06.2026). (In Russian)
3. Dynnik V. (1925). Dnevnik [Diary]. In Literaturnaia entsiklopediia: Slovar’ literaturnykh terminov [Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms] (Vol. 1, pp. 210–212). Moscow; Leningrad: Izd-vo L.D. Frenkel’. (In Russian)
4. Zholud’ R.V. (2013). Publichnaia sfera v sotsial’nykh media: ot degradatsii k transformatsii [The Public Sphere in Social Media: From Degradation to Transformation]. Vestnik VGU. Seriia: Filologiia. Zhurnalistika [Bulletin of VSU. Series: Philology. Journalism], (1), 132–135. (In Russian)
5. Zykov V.V. (2017). “Chto za poslednie 19 let uzhe utratilo interes” (na vzgliad tsenzora v 1929 godu). Po knige Gagi Kramarenko “V Kamchatku” [“What Over the Last 19 Years Has Already Lost Interest” (From the Censor’s Perspective in 1929). On Gaga Kramarenko’s Book “To Kamchatka”]. In Vo vse kontsy

dostignet rossov slava: XXXIV Krasheninnikovskie chteniia [To All Ends Will the Glory of Russians Reach: XXXIV Krasheninnikov Readings] (pp. 275–281). Petropavlovsk-Kamchatskii. (In Russian)
6. Mikheev M. (2007). Dnevnik kak ego-tekst (Rossiia, XIX — XX) [Diary as an Ego-Text (Russia, 19th–20th Centuries)]. Moscow: Vodolei Publishers. (In Russian)
7. Mkrtchian L.M. (2018). Sotsial'naia bezopasnost' lichnosti v setevom kommunikativnom prostranstve [Social Security of the Individual in the Network Communicative Space] (Candidate's dissertation). Stavropol. (In Russian)
8. Moreva O. (2012). "Ia liubliu ego, no ne toi 176iubov'iu, kotoruiu opisyvaiut v romanakh": chtenie i lichnaia biblioteka tagil'chanki v kontse XIX veka ["I Love Him, but Not with the Love Described in Novels": Reading and Personal Library of a Tagil Woman at the End of the 19th Century]. Vesi, (6), 22–25. (In Russian)
9. Prikazchikova E.E. (2014). Tainy "Dnevnika" M. Bashkirtsevoi [Secrets of M. Bashkirtseva's "Diary"]. Ural'skii filologicheskii vestnik [Ural Philological Bulletin], (1), 120–137. (In Russian)
10. Tartakovskii A.G. (1999). Memuaristika kak fenomen kul'tury [Memoiristics as a Phenomenon of Culture]. Voprosy literatury [Questions of Literature], (1), 35–55. (In Russian)
11. Cherepanova R.S. (2018). Lichnyi dnevnik: urovni privatnogo i diskursy publichnogo (na primere neskol'kikh dnevnikov sovetskoi epokhi) [Personal Diary: Levels of the Private and Discourses of the Public (on the Example of Several Diaries of the Soviet Era)]. Vestnik IuUrGU. Seriia "Sotsial'no-gumanitarnye nauki" [Bulletin of SUSU. Series "Social Sciences and Humanities"], *18*(2), 49–54. (In Russian)
12. Chudakova M.O. (1964). Dnevnik [Diary]. In A. A. Surkov (Ed.), Kratkaia literaturnaia entsiklopediia [A Brief Literary Encyclopedia] (Vol. 2, pp. 707–708). Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia. (In Russian)

Поступила в редакцию 25.06.2026 г.

FORMATION OF DIARY PROSE AND PHENOMENON OF "PUBLIC PRIVACY" IN RUSSIAN CHILDREN'S AND ADOLESCENT LITERATURE (SECOND HALF OF THE 19TH–EARLY 20TH CENTURY)

V.A. Filatova

The article deals with the phenomenon of "public privacy" in Russian children's and adolescent diary prose from the second half of the 19th to the early 20th century. Drawing on the diaries of D.I. Pisarev, M.K. Bashkirtseva, E.A. Dyakonova, V.M. Pechatalshchikova, the Kramarenko brothers, as well as fictional works by V.F. Odoevsky, S. Butkevich, and V.P. Avenarius, the author traces the genre's transformation from a pedagogical report and controlled family document to an intimate confession and, subsequently, to a literary project oriented toward public reading. The author argues that even in cases where the diary was not intended for publication, its narrative structure inherently presupposes the presence of an Other — a parent, mentor, teacher, or hypothetical reader. In fictional prose, the same mechanisms of "family publicity" and the figure of the censor find specific embodiment: the article analyses techniques of stylization as an authentic ego-document, the role of paratextual elements, and strategies that legitimize fiction through documentary form. The article concludes that the inherent external addressivity of the genre predetermined its dominant role in Russian children's and adolescent literature.

Keywords: diary, children's literature, adolescent prose, ego-document, public privacy, history of childhood, family upbringing, censorship, paratext, publishing strategies.

Филатова Виктория Алексеевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова, г. Горловка, Российская Федерация.
Доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода.
ORCID 0009-0001-8940-8955.
E-mail: www.vafilatova@mail.ru.

Filatova Victoria Alekseyevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov, Gorlovka, Russian Federation.
Associate professor of Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation.
ORCID 0009-0001-8940-8955.
E-mail: www.vafilatova@mail.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 659.4
DOI: 10.5281/zenodo.22932246

МЕССЕНДЖЕРЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК ОСНОВА КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОДВИЖЕНИЯ И ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ

© 2026 ***А.В. Яблонских[1]***, ***Д.А. Чаленко[2]***
[1-2]Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
ORCID[1] 0000-0001-7821-6563
ORCID[2] 0009-0005-2646-0982

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье на материале трёх кейсов — постэлекторального кризиса в Республике Беларусь (2020 г.), штурма Капитолия в США (2021 г.) и информационной кампании против национального мессенджера MAX в Российской Федерации (2025–2026 гг.) — мессенджеры и социальные медиа рассматриваются как сегмент медиакоммуникационной системы, одновременно выполняющий функции продвижения политических акторов и дестабилизации информационного пространства. Материалом послужили публикации Telegram-каналов, официальные документы и данные фактчекинговых платформ. Применены методы кейс-стади, сравнительного анализа и контент-анализа, элементы теории фреймирования коллективного действия и теории установления повестки дня. Показано, что архитектура платформы структурирует характер протестной коммуникации; что обнародование в 2025 г. сведений о работе бывшего главного редактора канала NEXTA на белорусскую внешнюю разведку меняет интерпретацию белорусского кейса; что кампания против MAX представляет новый тип дестабилизации, при котором объектом атаки становится сама коммуникационная платформа. Сделан вывод о двойственной природе мессенджеров и социальных медиа.

Ключевые слова: медиакоммуникации, журналистика, мессенджеры, медиалингвистика, медиатекст, цифровая трансформация медиасреды, политическая мобилизация, дестабилизация, фрейминг.

Для цитирования: Яблонских А.В. Мессенджеры и социальные медиа как основа коммуникационного продвижения и дестабилизации / А.В. Яблонских, Д.А. Чаленко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 177–188. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22932246.

Введение. Развитие цифровых медиакоммуникаций в 2020-х годах привело к качественному изменению роли мессенджеров и социальных сетей в политических процессах. Из вспомогательных каналов передачи информации они трансформировались в самостоятельные коммуникационные среды, способные одновременно выполнять функции продвижения позиций политических акторов и функции дестабилизации информационного пространства. Эта двойственность особенно отчётливо проявляется в контексте постэлекторальных кризисов и в условиях скоординированных кампаний по дискредитации национальных коммуникационных платформ. Современная российская медиакоммуникационная наука рассматривает эти процессы как проявления глубинных трансформаций медиасреды, связанных с её цифровизацией, появлением новых неинституционализированных производителей контента и сдвигом структурного центра массовой коммуникации от традиционных СМИ к мессенджерам, социальным сетям и платформенным сервисам [3; 4].

Актуальность темы определяется, во-первых, нарастающей зависимостью политической коммуникации от технологической архитектуры платформ; во-вторых, формированием в Российской Федерации системы национального цифрового суверенитета, важнейшим элементом которой стал запуск мессенджера MAX; в-третьих, накоплением эмпирических данных, позволяющих провести сравнительный анализ различных моделей применения мессенджеров в политических целях.

Цель статьи — выявить общие закономерности и страновые различия в использовании мессенджеров и социальных медиа как инструментов коммуникационного продвижения и дестабилизации на материале трёх кейсов: постэлекторального кризиса в Республике Беларусь (август 2020 г.), штурма Капитолия в США (январь 2021 г.) и информационной кампании против национального мессенджера MAX в Российской Федерации (2025–2026 гг.).

Задачи исследования: 1) реконструировать архитектуру цифровой коммуникации в каждом из трёх кейсов; 2) определить функциональную нагрузку платформ; 3) проследить ответные меры государства и платформ; 4) сопоставить применяемые методы; 5) обозначить теоретические импликации.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу исследования составляют сравнительный метод, метод кейс-стади, контент-аналитические подходы к анализу публикаций мессенджер-каналов и медийных материалов (применительно к телеграм-каналам — в традиции, развиваемой К.Л. Зуйкиной и М.Е. Аникиной), элементы теории фреймирования коллективного действия и теории установления повестки дня, а также медиалингвистический подход к телеграм-посту как медиатексту, разработанный Л.Р. Дускаевой [5; 6; 7].

Концептуальной рамкой настоящего исследования являются работы российских специалистов в области теории медиакоммуникаций и журналистики. Е.Л. Вартанова в серии работ обосновывает тезис о глубинной трансформации медиасреды в условиях цифровизации, обозначая её как «медиаметаморфоз» — качественное изменение организации, производства, распространения и потребления медиаконтента, сопровождающееся появлением новых неинституционализированных субъектов медиакоммуникационного процесса и формированием полисубъектности цифровой медиасреды [3; 4]. Этот теоретический контур задаёт общую рамку для анализа мессенджеров и социальных медиа как нового сегмента инфраструктуры массовой коммуникации, выполняющего функции, ранее закреплённые за традиционными СМИ.

В медиалингвистическом ракурсе телеграм-канал как медиаобъект подробно проанализирован в работах Л.Р. Дускаевой и её соавторов. В исследовании речевой организации метатекста телеграм-поста показано, что метатекст в публикациях каналов формирует «строительный каркас медиатекста», обеспечивая взаимодействие смысловых позиций автора, источника информации и адресата [5]. В соавторстве с Л.Ю. Ивановой проанализирована лингвистическая креативность в создании паратекста телеграм-канала — никнейма и слогана, объединяющих посты в единое целое и обеспечивающих идентификацию, информирование и контактоустанавливающую функцию канала [6]. Эти медиалингвистические работы дают инструментарий для содержательного анализа коммуникативных особенностей политических телеграм-каналов, в том числе таких, как NEXTA Live.

Методологический инструментарий контент-анализа применительно к Telegram-каналам разработан в исследовании К.Л. Зуйкиной и М.Е. Аникиной, проведённом на материале районных Telegram-каналов Москвы как пространства гиперлокальных медиа [7]. Хотя предмет их исследования относится к гиперлокальной

коммуникации, выработанная методика выделения структурно-содержательных характеристик постов (форматных, тематических, интенциональных) применима и к политическим протестным каналам. Жанровая природа современных российских онлайн-СМИ описана в работе А.В. Колесниченко: автор показывает, что мультимедийные публикации составляют около четверти контента ведущих российских онлайн-изданий, при этом доминирует видео, в значительной части полученное из внешних источников, включая социальные сети [8]. Эти результаты задают более широкий контекст для понимания мультимедийной природы политических протестных каналов и их генетической связи с практиками профессиональной цифровой журналистики.

Применительно к политической мобилизации в российском сегменте социальных медиа сложилась устойчивая исследовательская традиция. Е.В. Бродовская, М.А. Давыдова и М. Младенович на материале российского сегмента социальных медиа выявили доминирующую модель массовой протестной мобилизации в цифровых каналах коммуникации, описываемую формулой «первичный триггер — вторичный триггер — офлайн-протест» [2]. В последующем исследовании Е.В. Бродовская, М.А. Давыдова и В.А. Лукушин показали, что протестные сообщества в социальных медиа характеризуются высокой управляемостью и плотностью внутренних связей, а наибольшую мобилизационную эффективность демонстрируют сообщества с высокой долей популярных лидеров общественного мнения [1]. Существенный вклад в понимание Telegram как самостоятельной коммуникационной среды внесла работа О.И. Ляховенко: автор обосновывает тезис о формировании в политическом сегменте мессенджера Telegram уникальной экосистемы экспертной коммуникации — своего рода «распределённого think tank», в котором политические акторы используют опосредованную коммуникацию и анонимные инструменты информационной борьбы [9].

Применение мессенджера Telegram в качестве инструмента дестабилизации политической ситуации в Российской Федерации стало предметом отдельного исследования А.П. Шпаковского, описавшего практику создания экстремистских сетевых сообществ в российском сегменте Telegram, в том числе в связи с активизацией информационно-психологических мероприятий с начала специальной военной операции на Украине [11]. С позиций политической медиалингвистики М.В. Никифорова на материале украинских Telegram-каналов первого года российско-украинского конфликта (февраль 2022 — февраль 2023 г.) проанализировала метафорические механизмы репрезентации образа Вооружённых сил России и выявила приёмы дегуманизации противника как ключевой прагматической задачи метафорических представлений в этих каналах, что демонстрирует роль трансграничных Telegram-каналов как инструмента целенаправленного медиатекстового воздействия [10].

Переход политической мобилизации в онлайн-среду существенно меняет структуру протестной коммуникации: возрастает роль неформальных горизонтальных каналов, увеличивается скорость разворачивания массовых акций, изменяются механизмы повесткообразования. Это делает релевантными для медиакоммуникативного анализа как теорию фреймирования коллективного действия, описывающую механизмы смыслового структурирования протестной повестки, так и теорию установления повестки дня, поскольку в цифровой среде функция повесткообразования распределена между крупными медиаплатформами, профессиональными редакциями и неинституционализированными производителями контента (анонимными, эмигрантскими и иными каналами).

Эмпирическая база исследования включает: тексты публикаций Telegram-канала NEXTA Live и связанных каналов (август 2020 — май 2021 гг.); материалы официальных следственных и судебных решений по делу NEXTA; данные комитета Палаты представителей США по расследованию событий 6 января 2021 г.; материалы аналитической платформы «Лапша Медиа» НИУ ВШЭ и АНО «Диалог Регионы», а также отчёты, представленные на Российском интернет-форуме (РИФ) и заседании Общественного совета при Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ; тексты официальных заявлений руководства Республики Беларусь о работе бывшего главного редактора NEXTA на национальные спецслужбы (октябрь — декабрь 2025 г.).

Основная часть. Кейс 1: Республика Беларусь — Telegram-канал NEXTA*[3] и последующее раскрытие сотрудничества Р. Протасевича со спецслужбами. 9 августа 2020 г. в Республике Беларусь состоялись президентские выборы, по итогам которых ЦИК объявил о победе действующего президента А.Г. Лукашенко. Часть оппозиции и значительный сегмент городского населения отказались признать эти результаты, что повлекло за собой массовые уличные акции в Минске и других крупных городах. Параллельно с уличными процессами развернулся беспрецедентный для постсоветского пространства цифровой компонент кризиса. На фоне частичного отключения интернета мессенджер Telegram, обладающий собственными антицензурными решениями, стал основным каналом информирования и координации участников акций.

Центральную роль в этом процессе сыграл Telegram-канал NEXTA Live, основанный С. Путило и работавший из Варшавы. К началу выборов аудитория канала составляла около 300 тыс. подписчиков, а в течение нескольких послевыборных дней увеличилась примерно до 2 млн человек, что при населении Беларуси порядка 9,4 млн делает канал сопоставимым по охвату с крупнейшими национальными СМИ. Содержание канала включало три основных функциональных блока: информирование (видеофиксация полицейских действий, документирование задержаний), координация (карты расположения сил охраны правопорядка, маршруты, контакты юридической помощи) и фреймирование (эмоциональные нарративы, призывы к солидарности).

С точки зрения теории фреймирования коллективного действия в публикациях канала отчётливо прослеживались три типа фреймов: диагностический (фальсификация выборов и атрибуция ответственности), прогностический (конкретные тактические рекомендации) и мотивационный (эмоциональная мобилизация через документацию насилия). С позиций медиалингвистики структура постов NEXTA Live соответствует общим закономерностям речевой организации телеграм-поста, выявленным Л.Р. Дускаевой: ядром выступает чужая речевая инициация (свидетельство участников акций, видеоматериалы с улиц), а авторская реакция канала формирует метатекстовый каркас, направляющий восприятие читателя [5]. Параллельно функционировали локальные групповые чаты по районам, дворам и предприятиям, обеспечивавшие горизонтальную самоорганизацию и затруднявшие силовое подавление акций. Подобная структура мобилизации укладывается в выявленную Е.В. Бродовской, М.А. Давыдовой и М. Младеновичем модель массовой протестной мобилизации в

[3] Здесь и далее: Telegram каналы NEXTA, NEXTA Live и LUXTA признаны в Республике Беларусь экстремистским формированием (решение МВД РБ от октября 2021 г.) и террористической организацией (решение Верховного Суда РБ от апреля 2022 г.). В Российской Федерации специального правового статуса не имеют. Здесь и далее упоминаются исключительно в исследовательском контексте.

социальных медиа [2], а также соответствует описанным О.И. Ляховенко характеристикам Telegram как среды опосредованной политической коммуникации [9].

Государственная реакция включала несколько последовательных контуров. Первым стало отключение интернета в день выборов и последующее ограничение скорости в течение первой недели после голосования. Второй контур — уголовное преследование редакции: в отношении С. Путило и Р. Протасевича было возбуждено уголовное дело по статьям, связанным с организацией массовых беспорядков. Третьим контуром стало признание материалов канала NEXTA Live экстремистскими (октябрь 2020 г.) и последующее включение каналов NEXTA, NEXTA Live и LUXTA в перечень экстремистских организаций (октябрь 2021 г.), что криминализировало подписку и распространение их материалов. Четвёртым — посадка 23 мая 2021 г. в Минске самолёта Ryanair рейса Афины — Вильнюс, на борту которого находился Р. Протасевич, и его последующее задержание; в мае 2023 г. Р. Протасевич был приговорён к восьми годам лишения свободы, заочно осуждены С. Путило (20 лет) и Я. Рудик (19 лет).

Принципиально важным для научной интерпретации белорусского кейса стало раскрытие в 2025 г. сведений о действительном статусе одного из ключевых медиапроизводителей канала. В октябре 2025 г. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко публично заявил, что Р. Протасевич являлся сотрудником белорусской внешней разведки, а посадка самолёта Ryanair была необходима для возвращения сотрудника [13]. В декабре 2025 г. эту информацию подтвердил председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь И. Тертель: согласно его публичному заявлению, Р. Протасевич передавал данные о планах оппозиции, об источниках финансирования так называемых «подрывных центров» и о структуре «варшавского офиса» [12]. В ноябре 2025 г. сам Р. Протасевич в интервью РИА Новости подтвердил факт сотрудничества с разведывательными структурами Республики Беларусь [14].

Следует подчеркнуть, что речь идёт именно о Р. Протасевиче — бывшем главном редакторе NEXTA, покинувшем редакцию осенью 2020 г.; основатель канала С. Путило в публикациях белорусских органов власти как сотрудник спецслужб не упоминался и продолжает находиться за пределами страны. Тем не менее обнародование сведений о работе Р. Протасевича в качестве разведчика существенно меняет интерпретацию белорусского цифрового кейса 2020 г. с медиакоммуникационной точки зрения. Во-первых, оно демонстрирует, что в условиях постэлекторального кризиса в редакции крупнейшего оппозиционного канала в течение продолжительного времени присутствовал актор, действующий в интересах противоположной стороны конфликта, что ставит под сомнение традиционное противопоставление «оппозиционных» и «провластных» медиа в подобных кейсах. Во-вторых, оно подтверждает выдвинутый рядом российских исследователей тезис о том, что цифровые протестные платформы могут одновременно выступать каналами легальной и закрытой коммуникации различных групп интересов, в том числе государственных [9; 11].

Кейс 2: США — захват Капитолия и многоплатформенная мобилизация. Президентские выборы в Соединённых Штатах Америки прошли 3 ноября 2020 г. По их итогам победу одержал кандидат Демократической партии Дж. Байден; действующий президент Д. Трамп отказался признать результат и инициировал серию информационных кампаний под общим брендом Stop the Steal. Кульминацией этих процессов стал штурм здания Конгресса 6 января 2021 г. в день официального утверждения итогов голосования выборщиков, в ходе которого погибло несколько человек. Специальный комитет Палаты представителей подготовил отдельный

122-страничный меморандум о роли социальных сетей в этих событиях; меморандум, однако, не вошёл в основной отчёт комитета.

В отличие от белорусского кейса, где мобилизация была сосредоточена на одной платформе, американский случай характеризовался многоплатформенной экосистемой и функциональным разделением между «консенсусной» и «акционной» фазами мобилизации. Консенсусная мобилизация — формирование убеждённости в необходимости действий — преимущественно осуществлялась на платформах с открытой архитектурой и алгоритмической фильтрацией: Twitter[4] и Facebook[5]. Акционная мобилизация — планирование конкретных операций — переместилась на платформы с минимальной модерацией: Parler, TheDonald.win, отдельные каналы Telegram, серверы Discord[6].

Twitter выполнил функцию первичного канала консенсусной мобилизации: именно там Д. Трамп сформулировал базовый призыв к митингу 6 января, и именно там лидеры правоэкстремистских движений объявили о намерении прибыть в Вашингтон. Facebook сыграл ключевую роль в распространении нарратива «украденных выборов» через одноимённое движение Stop the Steal, чья крупнейшая группа за несколько часов набрала 360 тыс. участников и была заблокирована, после чего контент мигрировал в десятки производных групп. На платформе Parler наблюдались признаки скоординированного неаутентичного поведения; платформа направляла в Федеральное бюро расследований уведомления о конкретных угрозах в адрес Капитолия.

Государственная реакция и реакция платформ оказались принципиально иными по сравнению с белорусским кейсом. 8 января 2021 г. Twitter заблокировал аккаунт Д. Трампа, а в последующие дни были деактивированы порядка 70 тыс. связанных аккаунтов, что в академической литературе получило обозначение «Великого деплатформирования» (Great Deplatforming). Аналогичные меры приняли Facebook и YouTube. Apple, Google и Amazon приостановили поддержку приложения Parler. В отличие от белорусского сценария, где ограничение коммуникации было осуществлено государственными органами, в США инициатива исходила от частных корпораций — что само по себе является важным предметом для российской медиакоммуникационной рефлексии о пределах власти технологических гигантов в формально демократических политических системах [3].

В российской медиакоммуникационной литературе американский кейс трактуется в нескольких ракурсах. Во-первых, как иллюстрация уязвимости открытой алгоритмической архитектуры платформ к распространению дезинформации с реальными политическими последствиями, что вписывается в обсуждаемый Е.Л. Вартановой сюжет о полисубъектности и потенциальной конфликтогенности цифровой медиасреды [4]. Во-вторых, как пример концентрации непубличной власти в руках ограниченного круга технологических компаний, способных в одностороннем порядке ограничивать политическую коммуникацию даже действующего главы государства [3]. В-третьих, как кейс, демонстрирующий мобилизационные возможности социальных медиа, описанные в работах Е.В. Бродовской, М.А. Давыдовой и М. Младеновича на российском материале и применимые к анализу мобилизации сторонников Д. Трампа в Twitter и Facebook [2].

Кейс 3: Российская Федерация — информационная кампания против национального мессенджера MAX. Третий рассматриваемый кейс относится к

[4] С июля 2023 г. — X; заблокирован на территории Российской Федерации с марта 2022 г.
[5] Принадлежит компании Meta, признанной в РФ экстремистской и запрещённой.
[6] Заблокирован на территории Российской Федерации с октября 2024 г.

новейшей фазе информационного противоборства и существенно отличается по своей логике от первых двух. Если в кейсах Беларуси и США объектом анализа выступают мессенджеры и социальные сети как инструменты политической мобилизации против существующих властей, то в российском кейсе — мессенджер сам становится объектом скоординированной кампании по информационной дестабилизации.

В марте 2025 г. компания VK объявила о запуске национального мессенджера MAX — комплексной коммуникационной платформы, объединяющей функции обмена сообщениями, голосовой связи, доступа к государственным услугам, цифровой идентификации и платежей. Запуск мессенджера сопровождался активной государственной поддержкой: с 1 сентября 2025 г. была введена обязательная предустановка приложения на устройствах, продаваемых в Российской Федерации; с июля 2025 г. началась интеграция образовательной платформы «Сферум» в MAX. Вся инфраструктура мессенджера размещена на серверах в Российской Федерации. Появление подобной платформы фактически отражает институциональный ответ медиасистемы на процессы глубинной трансформации медиасреды, описанные в работах Е.Л. Вартановой как «медиаметаморфоз» и появление новых полисубъектных конфигураций цифровой коммуникации [3; 4].

Параллельно с расширением функциональности и аудитории мессенджера в публичном цифровом пространстве развернулась масштабная кампания по его дискредитации. По данным, представленным на Российском интернет-форуме и заседании Общественного совета при Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, активная фаза кампании началась 11 июля 2025 г. С этого момента было выявлено 27 уникальных фейковых сюжетов, распространённых в общей сложности в 95 тыс. копий с суммарным охватом около 228 млн просмотров [15]. Анализ источников, времени запуска и темпов распространения свидетельствует о неорганическом характере кампании. Эта оценка получила подтверждение со стороны экспертов АНО «Диалог Регионы» и фактчекинговой платформы «Лапша Медиа», созданной совместно НИУ «Высшая школа экономики» и АНО «Диалог Регионы».

Содержательно кампания строилась вокруг трёх основных нарративных блоков. Первый блок — «увольнения за отказ установить мессенджер» — был запущен на основе кейса жителя Зеленограда; последующее разбирательство показало, что заявления автора об увольнении носили инсценированный характер, а сам он использовал ситуацию для раскрутки собственного канала. Тем не менее данный нарратив набрал около 17 млн просмотров [15]. Второй блок — «тотальный контроль спецслужб», по оценке руководителя АНО «Диалог Регионы» В. Табака, активно продвигался преимущественно через каналы, ассоциированные с зарубежной оппозицией [15]. Третий блок — «фейковые утечки» персональных данных пользователей; в частности, анонимные публикации в октябре–ноябре 2025 г. содержали сведения о якобы произошедших утечках баз данных пользователей мессенджера, ни одна из которых при последующей проверке Центром безопасности MAX не нашла подтверждения.

Отдельный сегмент кампании был связан с распространением в социальных сетях квазиэкспертных «технических заключений», содержавших призывы запретить применение MAX военнослужащими, сотрудниками силовых ведомств, работниками оборонно-промышленного комплекса и членами их семей и даже инициировать уголовное преследование разработчиков. Фактчекинговый анализ платформы «Лапша Медиа» зафиксировал, что подобные «заключения» не содержали обоснованного

ответа на поставленные ими же вопросы и были связаны с программой выплат за выявление уязвимостей, объявленной ООО «Коммуникационная платформа» (дочерней структурой VK) [16].

С точки зрения теории информационного противоборства и медиалингвистики кейс мессенджера MAX демонстрирует ряд характерных признаков целенаправленной информационно-психологической операции. Во-первых, синхронность запуска нарративов и их одновременное появление на множестве каналов, не связанных тематически, что соответствует описанным в литературе закономерностям функционирования протестных сообществ в социальных медиа с высокой управляемостью и плотностью внутренних связей [1]. Во-вторых, использование реальных проблемных точек платформы (отсутствие сквозного шифрования по умолчанию, рост мошеннических звонков) как «легендарного основания» для амплификации заведомо ложных нарративов. В-третьих, апелляция к страхам аудитории перед усилением государственного контроля — приём, фиксируемый и в практике использования экстремистских сетевых сообществ в российском сегменте Telegram, описанной А.П. Шпаковским [11]. В-четвёртых, привлечение к усилению нарративов международных правозащитных и оппозиционных каналов, лингвистические механизмы дискредитации в которых описаны М.В. Никифоровой на материале украинских Telegram-каналов 2022–2023 гг. [10].

Принципиальное значение этого кейса для медиакоммуникационной науки состоит в том, что он показывает: цифровая платформа сама по себе превращается в стратегический объект информационного противоборства, причём кампания дискредитации может разворачиваться без видимого политического повода — исключительно как реакция на сам факт появления национального технологического продукта, претендующего на замещение трансграничных коммуникационных сервисов.

Сравнительный анализ трёх кейсов. Сопоставление трёх рассмотренных кейсов позволяет выделить несколько структурных параметров, по которым они существенно различаются и одновременно обнаруживают принципиальные сходства.

Таблица 1.
Сравнительные параметры трёх кейсов цифровой политической коммуникации

Параметр	**Беларусь / NEXTA (2020–2021)**	**США / Капитолий (2020–2021)**	**РФ / MAX (2025–2026)**
Объект цифровой коммуникации	Мессенджер используется протестующими против власти	Социальные сети используются сторонниками действующего президента	Мессенджер сам выступает объектом дискредитации
Ключевые платформы	Telegram (NEXTA Live + локальные чаты)	Twitter, Facebook, Parler, TheDonald.win, Telegram, Discord	Анонимные Telegram-каналы, ВКонтакте, видеохостинги
Тип архитектуры коммуникации	Централизованная + локальные горизонтальные сети	Многоплатформенная, функционально разделённая	Многоканальная нарративная сетка с признаками неорганической координации
Преобладающее содержание	Документация действий силовиков, координационная информация	Нарратив об «украденных выборах», конспирологические сюжеты	Фейки об увольнениях, «слежке», утечках данных, «технические заключения»
Реакция государства	Отключение интернета, уголовное	Не вмешивалось напрямую; решения	Государственная поддержка мессенджера, фактчекинговая

	преследование, признание «экстремистскими»	принимали платформы	инфраструктура
Кто инициирует ограничение коммуникации	Государство	Частные платформы	Частные лица и анонимные каналы (атакующая сторона)
Скрытые акторы	Сотрудник внешней разведки в редакции (Р. Протасевич, раскрытие 2025 г.)	Организованные правоэкстремистские группы (Proud Boys, Oath Keepers)	Источники неорганической координации (по оценке экспертов)
Теоретическая рамка	Фрейминг + раскрытие двойной коммуникации	Установление повестки + многоплатформенная мобилизация	Медиаметаморфоз + информационно-психологическая дестабилизация

Из проведённого сопоставления вытекает несколько содержательных выводов. Во-первых, по сравнению с кейсом 2020–2021 гг. в кейсе 2025–2026 гг. меняется направление вектора: цифровая платформа перестаёт быть исключительно инструментом и становится самостоятельным объектом коммуникационного воздействия. Это отражает более общую тенденцию превращения коммуникационной инфраструктуры в значимый элемент медиасистемы и предмет систематических исследовательских усилий, на необходимости которых настаивает Е.Л. Вартанова в своих работах о цифровой трансформации медиасреды и «пересборке» медиа [3; 4]. Во-вторых, сопоставление белорусского и американского кейсов показывает, что эффективность цифровой мобилизации существенно зависит от сочетания типа политического режима, архитектуры платформ и характера доступной аудитории. Однако ни в одном из кейсов цифровая мобилизация не привела к достижению её декларируемых целей: белорусский режим устоял, штурм Капитолия был подавлен, а попытка системно дестабилизировать восприятие национального мессенджера MAX к концу 2025 г. была частично нейтрализована работой фактчекинговых платформ. В-третьих, обнародованные в 2025 г. сведения о работе Р. Протасевича на белорусскую внешнюю разведку открывают новое исследовательское поле — изучение скрытых акторов в крупных протестных медиапроектах. Это требует пересмотра ряда устоявшихся тезисов о «горизонтальной» и «низовой» природе цифровых протестных коммуникаций и подтверждает необходимость более глубокого медиалингвистического и контент-аналитического анализа политических телеграм-каналов с учётом возможной множественности и разнонаправленности интересов их редакций [2; 10].

Заключение. Проведённое сравнительное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Мессенджеры и социальные медиа в современной медиакоммуникационной системе обладают двойственной природой: они одновременно выступают инструментами коммуникационного продвижения политических акторов и средствами дестабилизации информационного пространства. Эта двойственность не является характеристикой какой-либо одной платформы, а определяется сочетанием технологической архитектуры, политического контекста и стратегий использующих её акторов.

2. Архитектура платформы выступает структурирующим фактором характера протестной коммуникации. Telegram с его слабой алгоритмической фильтрацией и устойчивыми антицензурными решениями оказался эффективным инструментом мобилизации в условиях авторитарного информационного контроля; алгоритмически усиленные платформы Twitter и Facebook — эффективными каналами распространения

дезинформации в открытой информационной среде; смешанная сеть анонимных каналов и социальных сетей с возможностью неорганической координации — эффективным инструментом дискредитации национальной цифровой инфраструктуры.

3. Раскрытие в 2025 г. сведений о работе Р. Протасевича на белорусскую внешнюю разведку существенно меняет интерпретацию белорусского цифрового кейса 2020 г. и требует пересмотра упрощённой бинарной модели «оппозиционные vs. провластные» цифровые медиа в постэлекторальных кризисах.

4. Кейс информационной кампании против национального мессенджера MAX демонстрирует новый тип цифровой дестабилизации, в котором коммуникационная платформа сама становится объектом скоординированной нарративной атаки. Этот кейс подтверждает релевантность концептуальной рамки трансформации медиасреды и медиалингвистического анализа телеграм-каналов как инструментов информационно-психологического воздействия, разрабатываемой в современной российской медиакоммуникативной науке.

5. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой методологии выявления неорганических кампаний в цифровой среде, изучением долгосрочных эффектов фактчекинговых интервенций, а также с углублённым анализом скрытых акторов в крупных медиапроектах постэлекторальных кризисов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродовская Е.В. Информационный поток протестной мобилизации в российском сегменте социальных медиа / Е.В. Бродовская, М.А. Давыдова, В.А. Лукушин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2023. — Т. 19, № 2. — С. 195–214. — http://doi.org/10.21638/spbu23.2023.204.
2. Бродовская Е.В. Мобилизация политического протеста в российском сегменте социальных медиа (2021): триггеры, аудитория, каналы коммуникации / Е.В. Бродовская, М.А. Давыдова, М. Младенович // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2023. — № 1. — С. 24–49. — http://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-24-49.
3. Вартанова Е.Л. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды / Е.Л. Вартанова // Меди@льманах. — 2022. — № 2 (109). — С. 8–14. — http://doi.org/10.30547/mediaalmanah.2.2022.814.
4. Вартанова Е.Л. «Пересборка» медиа: актуальные процессы трансформации в условиях цифровизации / Е.Л. Вартанова // Меди@льманах. — 2023. — № 3 (116). — С. 8–16. — http://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2023.816.
5. Дускаева Л.Р. Речевая организация метатекста телеграм-поста / Л.Р. Дускаева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2023. — № 1. — С. 30–66.
6. Дускаева Л.Р. Лингвокреативность в создании паратекста телеграм-канала / Л.Р. Дускаева, Л.Ю. Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2023. — Т. 20, № 1. — С. 40–60. — http://doi.org/10.21638/spbu09.2023.103.
7. Зуйкина К.Л. Районные Telegram-каналы Москвы: опыт контент-аналитического исследования / К.Л. Зуйкина, М.Е. Аникина // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2023. — № 6. — С. 87–117. — http://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2023.87117.
8. Колесниченко А.В. Мультимедийные жанры в современных российских СМИ / А.В. Колесниченко // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2023. — № 2. — С. 3–22. — http://doi.org/10.30547/vestnik.journ.2.2023.322.
9. Ляховенко О.И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России / О.И. Ляховенко // Galactica Media: Journal of Media Studies. — 2022. — Т. 4, № 1. — С. 114–144. — http://doi.org/10.46539/gmd.v4i1.230.
10. Никифорова М.В. Метафорические образы Вооружённых сил России в украинских Telegram-каналах (на материале публикаций за период с февраля 2022 по февраль 2023 года) / М.В. Никифорова // Политическая лингвистика. — 2024. — № 6 (108). — С. 119–128.
11. Шпаковский А.П. Практика использования мессенджера Telegram для дестабилизации политической ситуации в России / А.П. Шпаковский // Власть. — 2024. — Т. 32, № 3. — С. 85–90.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. От оппозиционера до разведчика: председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь И. Тертель о работе Р. Протасевича на спецслужбы [Электронный ресурс] // БелТА. — 2025. — 19 декабря. — Режим доступа: https://www.belta.by/ (дата обращения: 20.01.2026).
13. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко: заявление о работе Р. Протасевича на национальные разведывательные структуры [Электронный ресурс] // БелТА. — 2025. — Октябрь. — Режим доступа: https://www.belta.by/ (дата обращения: 20.01.2026).
14. Протасевич Р. подтвердил факт работы на белорусскую разведку: интервью [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2025. — Ноябрь. — Режим доступа: https://ria.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).
15. Фейки о MAX — направленная кампания по дискредитации отечественного мессенджера: материалы заседания Общественного совета при Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в рамках Российского интернет-форума, сентябрь 2025 г. [Электронный ресурс] / АНО «Диалог Регионы». — Режим доступа: https://dialog.info/fejki-o-max-napravlennaya-kampaniya-po-diskreditacii-otechestvennogo-messendzhera/ (дата обращения: 20.01.2026).
16. Экспертиза обнаружила в мессенджере MAX критические уязвимости: разбор фейка [Электронный ресурс] / Фактчекинговая платформа «Лапша Медиа». — 2026. — Режим доступа: https://lapsha.media/feiky/jekspertiza-obnaruzhila-v-messendzhere-max-kriticheskie-ujazvimosti/ (дата обращения: 20.01.2026).

REFERENCES

1. Brodovskaya E. V., Davydova M. A. & Lukushin, V. A. (2023). Informatsionnyi potok protestnoi mobilizatsii v rossiiskom segmente sotsial'nykh media [Information Flow of Protest Mobilization in the Russian Segment of Social Media]. Politicheskaya ekspertiza: POLITEX, 19 (2), 195–214. http://doi.org/10.21638/spbu23.2023.204 (In Russian).
2. Brodovskaya E. V., Davydova M. A. & Mladenovic M. (2023). Mobilizatsiya politicheskogo protesta v rossiiskom segmente sotsial'nykh media (2021): triggery, auditoriya, kanaly kommunikatsii [Mobilization of Political Protest in the Russian Segment of Social Media (2021): Triggers, Audience, Communication Channels]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki, 1, 24–49. http://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-24-49 (In Russian).
3. Vartanova E. L. (2022). K voprosu o posledstviyakh tsifrovoi transformatsii mediasredy [On the Consequences of the Digital Transformation of the Media Environment]. Medi@l'manakh, 2 (109), 8–14. http://doi.org/10.30547/mediaalmanah.2.2022.814 (In Russian).
4. Vartanova E. L. (2023). «Peresborka» media: aktual'nye protsessy transformatsii v usloviyakh tsifrovizatsii [The «Reassembly» of Media: Current Transformation Processes under Digitalization]. Medi@l'manakh, 3 (116), 8–16. http://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2023.816 (In Russian).
5. Duskaeva L. R. (2023). Rechevaya organizatsiya metateksta telegram-posta [Speech Organization of the Metatext of a Telegram Post]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika, 1, 30–66. (In Russian).
6. Duskaeva L.R. & Ivanova L. Yu. (2023). Lingvokreativnost' v sozdanii parateksta telegram-kanala [Linguistic Creativity in Creating the Paratext of a Telegram Channel]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura, 20 (1), 40–60. http://doi.org/10.21638/spbu09.2023.103 (In Russian).
7. Zuikina K. L. & Anikina M. E. (2023). Raionnye Telegram-kanaly Moskvy: opyt kontent-analiticheskogo issledovaniya [District Telegram Channels of Moscow: A Content-Analytical Study]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika, 6, 87–117. http://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2023.87117 (In Russian).
8. Kolesnichenko A. V. (2023). Mul'timediinye zhanry v sovremennykh rossiiskikh SMI [Multimedia Genres in Contemporary Russian Mass Media]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika, 2, 3–22. http://doi.org/10.30547/vestnik.journ.2.2023.322 (In Russian).
9. Lyakhovenko O. I. (2022). Telegram-kanaly v sisteme ekspertnoi i politicheskoi kommunikatsii v sovremennoi Rossii [Telegram Channels in the System of Expert and Political Communication in Contemporary Russia]. Galactica Media: Journal of Media Studies, 4 (1), 114–144. http://doi.org/10.46539/gmd.v4i1.230 (In Russian).
10. Nikiforova M. V. (2024). Metaforicheskie obrazy Vooruzhennykh sil Rossii v ukrainskikh Telegram-kanalakh (na materiale publikatsii za period s fevralya 2022 po fevral' 2023 goda) [Metaphorical Images of the Russian Armed Forces in Ukrainian Telegram Channels (Based on Publications from February 2022 to February 2023)]. Politicheskaya lingvistika, 6 (108), 119–128. (In Russian).

11. Shpakovskii A. P. (2024). Praktika ispol'zovaniya messendzhera Telegram dlya destabilizatsii politicheskoi situatsii v Rossii [The Practice of Using the Telegram Messenger to Destabilize the Political Situation in Russia]. Vlast', 32 (3), 85–90. (In Russian).

Поступила в редакцию 07.08.2026 г.

MESSENGERS AND SOCIAL MEDIA AS BASIS FOR COMMUNICATIVE PROMOTION AND DESTABILIZATION

A.V. Yablonskikh, ***D.A. Chalenko***

On the basis of three cases, i.e. the post-electoral crisis in the Republic of Belarus (2020), the storming of the U.S. Capitol (2021) and the informational campaign against the Russian national messenger MAX (2025–2026), the article addresses messengers and social media as a segment of the media communication system that simultaneously promotes political actors and destabilizes the information environment. The material comprises publications of Telegram channels, official documents and fact-checking data. Case-study, comparative and content-analytical methods are applied, alongside elements of collective action framing theory and agenda-setting theory. It is shown that platform architecture structures the character of protest communication; that the 2025 disclosure of the work of NEXTA's former chief editor for Belarusian foreign intelligence alters the interpretation of the Belarusian case; and that the campaign against MAX represents a new type of destabilization, in which the communication platform itself becomes the target. The conclusion about the dual nature of messengers and social media has been made.

Key words: media communications, journalism, messengers, media linguistics, media text, digital transformation of media environment, political mobilization, destabilization, framing.

Яблонских Андрей Викторович.
Кандидат филологических наук, доцент.
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Российская Федерация, г. Москва.
Доцент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета.
ORCID 0000-0001-7821-6563.
E-mail: 8443344@gmail.com.

Чаленко Даниил Анатольевич.
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Российская Федерация, г. Москва.
Аспирант кафедры массовых коммуникаций филологического факультета.
ORCID 0009-0005-2646-0982.
E-mail: Chalenko.da@gmail.com.

Yablonskikh Andrey Viktorovich.
Candidate of Philology, Associate Professor.
P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation, Moscow.

Associate Professor at Department of Mass Communications, Faculty of Philology.
ORCID 0000-0001-7821-6563.
E-mail: 8443344@gmail.com.

Chalenko Daniil Anatolievich.
P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation, Moscow.

Post-graduate student at Department of Mass Communications, Faculty of Philology.
ORCID 0009-0005-2646-0982.
E-mail: Chalenko.da@gmail.com.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 82-32
DOI: 10.5281/zenodo.22932342

ВООБРАЖАЕМОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОТОБРАЖЕНИЕ МИФА О СИБИРИ В РАССКАЗАХ ТОМСКИХ ФАНТАСТОВ

© 2026 ***Д.Р. Ахмедшина***
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
ORCID 0009-0007-8478-5616

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматривается пространственная организация произведений томских писателей-фантастов конца XX в. Томский контекст научной фантастики предполагает обращение к уже сформированным представлениям о пространстве Сибири. Целью работы является исследование внутритекстовой категории воображаемого пространства, имеющей отношение к категории сюжета, в связи со специфической природой локального текста. На примере рассказов изучается особая роль сибирского локуса, его место в пространственной структуре текстов и влияние на прочтение авторской картины мира. Материалом для исследования выбраны рассказы периода 1970–1980-х годов: «Молчание» В.Д. Колупаева, «Туман в ботинке» Г.М. Прашкевича и «Дверь» Д.С. Федотова. При анализе рассказов изучается особый статус воображения, соотнесённого с фантастическим, но не тождественного ему. При дальнейшем анализе текста воображаемое пространство рассматривается как особая проекция авторской картины мира. Особое внимание уделяется исследованию образа Сибири, имеющего свой специфический культурный контекст.

Ключевые слова: локальный текст, сибирская литература, томская фантастика, художественное пространство, картина мира, Виктор Колупаев, Геннадий Прашкевич, Дмитрий Федотов.

Для цитирования: Ахмедшина Д.Р. Воображаемое пространство как отображение мифа о Сибири в рассказах томских фантастов / Д.Р. Ахмедшина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 189–197. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22932342.

Введение. Изначально понятие картины мира представляло собой систему концептов, совокупность знаний о мире, выражающие индивидуальную специфику взаимоотношений человека и его бытия. При этом для каждой эпохи картины мира, отображающиеся в рассматриваемом нами аспекте художественных произведений, детерминированы своей культурной, социальной, национальной и жанровой определённостью. Воображение как способность человека к построению образа является основным инструментом создания художественного текста. Воображение играет важную роль в моделировании основы фантастического произведения, центром которой выступает художественное пространство. В диссертации А.Б. Ройфе «Фантастическое как категория культуры XX века» выделяется два прочтения феномена фантастического как откреплённого от реальности [9, с. 4]: воображение и возможное поле бытия.

К моменту выделения жанра научной фантастики из корпуса авантюрной фантастики в начале XX в. можно говорить о влиянии на механизмы текстопорождающего применения воображения всего культурного опыта реалистической литературы. В научной фантастике можно наблюдать совмещение категории воображения и категории возможного, обусловленное специфическим характером жанра, выделенным ещё Х. Гернсбеком в 1926–1928 годах [13, с. 12]. По

его замечанию, задача научной фантастики, заключающаяся в моделировании возможного будущего, основанного на достижениях технического прогресса настоящего, также соотносится с категорией воображения. В тексте эта задача находит отражение в авторской картине мира.

Согласно исследованиям Ц. Тодорова, понятие фантастического определяется в его взаимодействии с понятиями реального и воображаемого [11, с. 25]. Фантастический метод, являющийся основой для фантастического жанра, понимается в данном исследовании как совмещение границ возможного и невозможного, в связи с чем фантастическое произведение характеризуется особым типом художественного пространства. В исследованиях научной фантастики начала семидесятых годов XX в. отмечены «реализм неожиданного» и «возможность невероятного», являющиеся основой жанра. Е.Д. Тамарченко отмечает лежащее в основе фантастического произведения совмещение противоречий, взаимоисключающие утопические и антиутопические тенденции [10, с. 5]. Исследователи наделяют фантастическую картину мира необходимостью присутствия условного и необъяснимого, а также обязательного наличия мира, отличимого от реального, при этом в нём безусловно использование элементов фантастики. Соотношение и взаимосвязь на рецептивном уровне авторского фантастического мира и мира реального могут быть обусловлены особым авторским мироощущением. Оно может проявляться как в строении целого текста, так и в его стилистических, повествовательных, сюжетообразующих деталях.

Художественное пространство, представляющее собой объект данного исследования, в фантастическом произведении является более символически нагруженным и обладающим большей степенью условности по сравнению с пространством реалистической литературы. В структуре фантастического произведения, ввиду его специфики, пространство является центральной категорией, определяющей авторскую задачу, связанную с построением фантастического мира. В фантастическом произведении пространство служит одновременно фоном для реализации сюжета и связью с читателем, которая строится на прочтении авторских фантастических образов и узнавании реалий, трансформированных в тексте в связи с авторской задачей. Содержание фантастики как феномена с одной стороны культурного, с другой — социального, определяется антропологической целью произведения: разрешение или направление к разрешению проблемы, возникающей на данном этапе развития общества. В монографии Е.М. Неёлова и А.Е. Струковой «Русская фантастика: нерешённые проблемы» различается общелитературная фантастика и жанрообусловленная [5, с. 8]. Сутью общелитературной фантастики исследователи называют центральное положение в ней художественного приёма, фантастического допущения, работающего на реализацию замысла произведения.

Материалы и методы исследования. Основные теоретические положения.

Целью данного исследования является изучение пространственной организации малой прозы томских писателей-фантастов на примере трёх авторов: В.Д. Колупаева, Г.М. Прашкевича и Д.С. Федотова. Произведения этих авторов были широко распространены среди читателей томской фантастики конца XX в., о чём свидетельствуют многочисленные переиздания. Они также переведены на многие языки и представляют интерес для исследования сегодня. В настоящее время подробного изучения томской фантастики как самостоятельного явления не проводилось, однако большее количество исследований направлены на изучение отдельных авторов, без привязки к локальному характеру их текстов. Зачастую эти авторы связаны с широким кругом чтения научной фантастики. Изучение категории пространства и символического значения сибирского локуса в произведениях позволит

в дальнейшем проводить исследования томской фантастической литературы на разных уровнях: в соотношении с определением локального текста и в рамках традиции научной фантастики в целом. Литературоведческий анализ отдельных произведений выбранных авторов предполагает рассмотрение образа Сибири в специфическом воображаемом пространстве. Ввиду своей абстрактной природы, поскольку воображение — есть часть сознания, это пространство наиболее концептуально, то есть образы, наполняющие его — есть символы.

Р.А. Зобов и А.М. Мостепаненко вводят определения перцептуального и концептуального пространств. Эти определения берут своё начало от теории И. Канта, рассматривающего пространство и время как априорные формы чувственного созерцания. Однако, в отличие от теории Канта, исследователи помещают внепространственные и также, соответственно, вневременные образы в реально существующее неабсолютное пространство [2, с. 12]. В реальном пространстве происходит сосуществование и обмен состояний реальных объектов и процессов. Условием такого сосуществования, включающего также психические акты, является перцептуальное пространство. В это же время концептуальное пространство отображает абстрактную модель, приносящую внутрь текста определённый художественный порядок. При этом важна определённая для каждого типа пространства стратегия познания. В случае концептуального пространства познание является логическим, в случае перцептуального пространства оно носит интуитивный характер, поскольку представляет собой в первую очередь пространство представления. Последнее определяет характер вещи, являющейся объектом пространства, как модели или художественного образа, который составляет сущность литературного произведения.

Ещё одной немаловажной сферой изучения вопроса томской фантастической литературы является определение локального текста. Исследователи локального текста определяют предметом изучения корпус «текстов о месте». Согласно концепции, выведенной французским исследователем Пьером Нора, место несёт в себе материальное, символическое и функциональное значение [6, с. 17–51]. Американский исследователь С. Шама в исследованиях о месте вводит определение ландшафта, представляемого скорее как культурная категория, чем категория природная: образ, воплощаясь в природе, становится метафорой, где метафора — часть пейзажа (места) [12, с. 61]. Говоря о взаимовлиянии ментальности и природного окружения, Г.Д. Гачев отмечает ведущую роль природного пространства в формировании нации и национальной картины мира. Культура в данном представлении есть приближённость человека к тому варианту природы, который ему дан [1, с. 28].

В художественном произведении место наделяется рядом дополнительных культурных характеристик, которые не только помещают его в определённое географически обозначенное пространство, но и наделяют особым культурным значением. Это соотносится с определением «локуса» — пространственного образа, обладающего, в отличие от топоса, не столько географической определённостью, сколько культурно-символической значимостью [8, с. 100]. Таким образом, в дальнейшем рассмотрении текстов категория художественного пространства будет пониматься как характеризующее национальную историю географическое пространство, так и специфическое символическое поле, объединяющее память в конкретных её формах. Специфика локального текста может изучаться как с опорой на биографию автора, так и с учётом имеющейся системы социальных институтов, которую представляют местные литературные журналы, издательства, литературная критика, творческие и образовательные учреждения.

Основная часть. Исследователи сибирского локального текста рассматривают Сибирь как специфическое пространство со своим культурным значением. Географическая отдалённость Сибири от центра предполагала формирование вымыслов, нуждающихся в подтверждении или опровержении. В культурном образе Сибири, зафиксированном в литературе, выделяются расширяющие миф о сибирском пространстве образы холода, безлюдья и тишины — иначе говоря, смерти в её мифологическом понимании. При этом безлюдное сибирское пространство населено дикими животными, что соотносит его с мифологическим «переходным» пространством, опасным для человека. Такое лиминальное пространство не имеет конца. Из-за этого выделенный в теории В.Я. Проппа [7, с. 54] архаический мотив «испытания», проходимого попавшим в переходное пространство героем, не имеет своего логического завершения.

После похода Ермака и открытия Сибири в литературе рассматривались разные пути освоения этого нового пространства: от государственного назначения до ссылки преступников [3]. Сибирский город представлял собой феномен не освоенного, а построенного пространства, поскольку города возникали на основе военных пунктов. Они служили одновременно как военно-административными, так и торгово-промысловыми центрами. В процессе активного заселения Сибири ссыльными усиливается маргинальный символический пласт этого пространственного образа. Мифологизация сибирского пространства к XIX в. нашла отображение в русской культуре как концепт инобытия, характерной чертой которого становится специфическое природное пространство. Миф о Сибири окончательно оформляется в миф о лиминальном пространстве, в котором смерть понимается как отдаление от всего привычного и потеря всех связей. Сибирская зима является визуальным воплощением концепта смерти, застывшим во времени и пространстве. В этом сформировавшемся культурном образе важное значение имеет определение «границы», выделенное Ю.М. Лотманом [4, с. 204]. Граница разделяет пространства, но также является местом их соприкосновения, не допуская смешивания их характерных черт. Являясь точкой соприкосновения своего и чужого, граница представляет собой фактор сохранения идентичности культуры.

Мотив перехода через границу писателем, который адресует свои тексты аудитории, не ограниченной сибирским географическим пространством, предполагает построение связей не только внешних, но и внутри культурного ландшафта Сибири. Репрезентация культурного опыта, выраженная в произведениях в сибирских локусах, наслаивается на собственный авторский взгляд, формируя, таким образом, авторскую картину мира. Во второй половине XX в., в период оттепели, томская литература развивалась согласно тенденциям общего литературного процесса. Постепенный отход от социализма 1920–1930 годов предполагал поиск новых форм для выражения состояния времени и общества, при этом новые произведения, написанные в 1960–1970 годах, всё ещё находились под его влиянием.

Масштабность изображаемого в научной фантастике предполагает особого героя, который представляет собой скорее общечеловеческий образ, чем индивидуальный характер. Взаимоотношения героя и окружающего его пространства зачастую являются главным показателем авторской задачи и характера авторской картины мира. Эти утверждения характерны для рассматриваемого в данном исследовании творчества В.Д. Колупаева, одного из наиболее известных представителей томской фантастической литературы (первый рассказ «Билет в детство» был напечатан в 1969 году в журнале «Вокруг света»). Пик развития томской фантастики пришёлся на семидесятые годы XX в. При этом проза В. Колупаева стала одним из первых явлений, формирующих среди молодого научного сообщества Томска интерес к научной фантастике. Особенность малой прозы В. Колупаева заключается в универсализации

элементов авторской картины мира, встрече на едином целостном пространстве образов своего и чужого. При этом каждый из образов не оказывается прямо антагонистичен другому. Стороны никогда не достигают окончательного контакта — но и не останавливаются в его достижении; эта проза глубоко рефлексирует в первую очередь над характером человеческих взаимоотношений в современности. Как отмечал в своё время Г.М. Прашкевич, фантастика для В. Колупаева является скорее методом, чем полноценной авторской стратегией [14, с. 7]. Фантастическое допущение никогда не самоценно, поскольку является творческим инструментом, который репрезентирует тенденции развития современного автору общества.

Рассмотрим, как проявляются вышеописанные тенденции в пространственной организации конкретных произведений:

В пространственной организации рассказа В.Д. Колупаева «Молчание» (1977) явно выражен контраст между большим пространством повествования, в котором существует главный герой, и пространством его воображения, которое становится реальностью. Это обусловлено сюжетно, поскольку главный герой — символический скульптор, «мысследел», визуализирующий своих идеальных героев в идеальных обстоятельствах. Сюжетная ситуация рассказа состоит в невозможности главным героем передать в полной мере жизнь своих героев, символизирующих новые открытия человечества в освоении космоса. Его уход из городского пространства в природное позволяет завершить свою мысленную скульптуру, представив героев не как путешественников в космос, а как влюблённых. Утопическое пространство, в котором возможно существование такой профессии (профессия мысследела здесь представляется как масштабный проект развития советской культуры и науки, трансформированный под творческую задачу автора), предполагает воплощение индивидуального воображаемого пространства в реальность. Герои такого вымышленного пространства ещё более символичны, несут уже не общие черты, а абстрактные наименования: Мысль и Нежность. Однако в этом рассказе символические герои моделируют пространство сами, подчиняясь логике своего создателя:

«*Они уходили в Далекий Космос на двух красавцах кораблях. Он должен был вести «Мысль», она — «Нежность». И вот они стояли передо мной и перед тысячами людей, намного возвышаясь над всеми, положив руки на плечи друг другу и широкими взмахами приветствуя всех, кто собрался вокруг. Они были героями*» [15, с. 121].

В данном случае воображаемое пространство можно интерпретировать как пространство ожиданий научной фантастики. Однако воображения оказывается недостаточно для создания новой жизни вне рамок одной утопии, в чём и признаётся герой. В организации окружения можно наблюдать сложную игру на контрастах ожидаемого и реального пространства, без низведения роли технического прогресса в развитии современного мира. Таким образом, воображаемое пространство героя в конечном итоге не оказывается антагонистичным воображаемому (фантастическому) пространству произведения в целом. При этом утопическое пространство, которое стремится создать герой, не является отображением его индивидуального желания, поэтому это пространство быстро исчезает. Показательно то, что в тексте герой не носит имени, и подчёркнута многочисленность представителей профессии «мысследелов»; имя имеет только руководитель Островой. Семантика имени предполагает ограниченность пространства, которое на более глубоком уровне прочтения рассказа представляется полем распространения авторской власти. Таким образом, искусственное пространство потенциально не имеет возможности полного воплощения «жизни». Только удаляясь из него, герои мысследела начинают обретать телесность, в которую воплощается изначально сформировавшая их идея.

В рассказе пространство потенциально неограниченно (многолюдная площадь, далее природное пространство), что само по себе является его фантастическим элементом. Однако главному герою оказывается недоступно пространство вне Земли, поскольку в нём нет разрешения его внутреннего конфликта. Упомянутый в ранней редакции рассказа локус Сибири вносит особый колорит в прозу В. Колупаева и становится не фоном для сюжета, а символом переломной точки. В момент повествования, когда герой оказывается на сибирской станции, из рассказа пропадает городское окружение, герои, которые раньше были исключительно символами, начинают «жить». Впоследствии уход главного героя обратно в городское пространство сопровождается его отказом от свода правил мыследелов.

«*Я больше не скульптор*, *я больше не мыследел. Я разрешил им... жить*» [15, с. 130].

Герои перестают быть символами одной цели (достижение и освоение космоса) после того, как герой-мыследел выделяет их главной чертой их чувство друг к другу, которое и воплощает в конечном виде своей мысленной «скульптуры». И наоборот: герои становятся живыми, поэтому их автор больше не имеет над ними власти.

Образ молчания становится главным символом скульптуры, поглощая в себе и Мысль, и Нежность. При этом конечная цель существования героев — освоение космоса — не оказывается ни забытой, ни достигнутой. Таким образом, сюжет рассказа символизирует в том числе необходимость потери авторской власти (распространяемой как на научный прогресс, так и на художественное произведение) для дальнейшей жизни творения. Желание скульптора запечатлеть любовь, а не триумф, окончательно соединяет большое пространство, реальное внутри художественного произведения (которое герой вынужден покинуть, но это остаётся за текстом), с воображаемым пространством (замыслом).

В рассказе упомянутого ранее новосибирского (также учился в Томске) фантаста Г.М. Прашкевича впервые возникает не просто собирательный сибирский локус, а конкретизированный Томск — и Томский государственный университет как центр его научной мысли. Образ университета — исключительно художественный, поскольку является объектом пространства фантастического текста, не работающего прямо на автобиографический характер произведения. В дальнейшем автор использовал цитаты из произведения как своеобразный автомиф. Этот пространственный образ, появляющийся в начале текста, работает на развенчивание мифа о Сибири как о пустом пространстве, в котором невозможен контакт с человеком. Образ сибирского пространства и, конкретнее, культурно нагруженный образ Томска, существует в проекции сознания героя, стремящегося изобрести средство, которое «пробудит» планету и очистит её от катастроф. Университет как наиболее репрезентирующий образ Томска и концентрированного в нём сибирского локуса является местом встречи людей разных национальностей, но родственных мыслей. Важно, что существование культурного статуса Сибири как место ссылки также сохраняется: отца литовца Римаса Страздиса, друга главного героя, Сени Шустова, высылают в Сибирь «*за идеализацию средневековья времен великих князей Гедимина и Витовта*, *а также за глубокий консерватизм*» [16]. При этом контекст рассказа, написанного в 1993 году, умеренно политичен для своего времени.

Воссоединение друзей из разных стран в одном сибирском локусе не означает достижения окончательного понимания между ними: отсюда ситуация языкового неузнавания, возникающая по сюжету в телефонном разговоре. Слияние русского и литовского языков, концентрирующееся в фразе, вынесенной в заглавии текста, считывается как ожидаемая, но недостижимая окончательно связь между людьми. Так, переданное Римасом сообщение *«Ту ман патинки»* (*«Ты мне нравишься»*) [16] трансформируется в бессмыслицу, из-за которой Сеня оказывается в психиатрической

больнице. Попадание в ограниченное пространство не способствует разочарованию в идее Сени: рассказ заканчивается декларацией желания всеобщего объединения во имя спасения планеты. Таким образом, человек выступает как действующий субъект, желающий преобразовывать к лучшему окружающую реальность. В итоге нет ни достижения этого преобразования, ни разочарования в научном прогрессе, что характерно для томской фантастики в целом.

Воображаемое пространство существует внутри большого фантастического пространства и является более неустойчивым, но не противоречащим законам большого пространства. Пространственная организация представляется в текстах незавершённой и от этого многозначной. Это утверждение характерно для следующего рассказа Д.С. Федотова «Дверь» (1986). В нём рассказывается история взросления шестилетней девочки Альки в индустриальном будущем. Пространство будущего в рассказе сосредоточено вокруг противопоставления образа дома и леса, который видит только Алька. Квартира — образ, воплощающий социализированную, а не мифологическую семантику дома. Также квартира имеет физическую границу — дверь, которая более первостепенна, чем граница в виде стен (стены дома отделяют пространство домашнее от чужого, в то время как стена может служить разделением между двумя квартирами, также домашними пространствами). Ржавая дверь (семантика заброшенности человеком) помещена на пространственной «карте» рассказа подле ведущей наверх лестницы. Она же является границей между реальным пространством, в котором существуют взрослые, и воображаемым пространством, выраженным в образе леса, который видит только ребёнок. Уход в воображаемое пространство подкрепляется сюжетом: девочка проходит своеобразную инициацию, некий обряд взросления, делающий человека Познающим. После прохождения инициации, важным элементом которого является изменение пространства комнаты, Алька теряет способность видеть и его жителей за дверью.

« *— Что ты в этом нашла? — Голос [мамы] был спокойный и равнодушный. — Это же старый узел автономного жизнеобеспечения*, *теперь даже не функционирующий. Пойдём-ка лучше дегрессировать твою комнату. Ты ведь скоро станешь Познающей*» [17, с. 214].

Этот элемент авторского мира олицетворяет собой приоритеты общества — воображение уступает место познанию, окончательного знания при этом человеку не даётся. Это подтверждает существование в авторской фантастической модели особых городских локусов: Уровней Развлечений и Дворца Грёз, которые кажутся взрослым несерьёзными. В рассказе намечено также пространственное противопоставление городского с его семантикой замкнутого, индивидуализированного, рационального и природного как архаического, утраченного бытового. Сибирский локус, в котором концентрируется природная сторона пространства рассказа, обладает присущей ему изначально семантикой удалённости. По сравнению с предыдущими рассказами, это пространство ещё более абстрактное, соотносимое только с воображаемым лесом, и тоже закрытое: однако, в отличие от городского пространства, здесь отсутствует человек.

«*— Что? Что за чушь ты несешь?! — взорвалась наконец мама. — Какой Букин? Какой бандит? Кошмар! Вообще*, *что это за роботы? Надо же такое выдумать! В каком*, *интересно*, *лесу ты была? По-моему*, *ближайший зеленый массив за семь тысяч километров*, *в Сибири!..*» [17, с. 213].

Факт наличия большого, чужого пространства за пределами квартиры подаётся исключительно через знание человека, уже прошедшего инициацию Познания. Будучи ограниченным неким новым Знанием, он не осознаёт в полной мере замкнутость пространства квартиры. Однако нельзя сказать, что процесс инициации, являющийся

естественным элементом для структуры авторского мира, приводит к безусловному владению Знанием, так как становление человека Познающим не предполагает статус Познавшего. Впоследствии способность к воображению пространства вне городского, сугубо человеческого окружения утрачивает и ребёнок, замыкаясь в камерном пространстве квартиры. Пространство в данном случае отображает не только повествование, но и сознание существующего в нём человека и то, как он теряет способность выходить за рамки рационального.

Заключение. Таким образом, можно отметить, что в творчестве томских фантастов особенным образом трансформировался образ Сибири как уже усвоенный в культурном контексте: сохраняются его корни как пространства открытого, безграничного, существующего «на границе», поскольку предполагается выход из него по две стороны (пространство городское, лишённое индивидуальных черт, и природное, для человека не опасное). Именно существование в данном пространстве особого героя, воплощающего собой человеческую «гуманистическую» сущность, выводит художественное пространство Сибири на новый уровень, делая культурный миф о нём более конкретизированным и работающим на гуманистический характер научного прогресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. / Г.Д. Гачев. — М.: Алгоритм, Эксмо. — 2008. — 544 с.
2. Зобов Р.А. О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства / Р.А. Зобов, А.М. Мостепаненко А.М. // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве : сборник статей. — Ленинград: 1974. — С. 11–26.
3. Лобарева В.С. Локальные тексты русской литературы и культуры / В.С. Лобарева, Т.А. Бахор, О.Н. Зырянова. — Красноярск: Сибирский федеральный университет. — 2019. — 107 с.
4. Лотман М.Ю. Семиосфера / М.Ю. Лотман. — Санкт-Петербург.: «Искусство-СПБ».— 2000. — 704 с.
5. Неёлов Е.М. Русская фантастика: нерешённые проблемы / Е.М. Неёлов. — Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2013. — 71 с.
6. Нора Пьер. Проблематика мест памяти. Франция–память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. — 1999. — С. 17–50.
7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. — Ленинград: Издательство Ленинградского университета. — 1986. — 364 с.
8. Прокофьева В.Ю. Локус как лингвосемиотическая категория художественного текста / В.Ю. Прокофьева // Языковая система-текст-дискурс: Категории и аспекты исследования: материалы всероссийской научной конференции. — Самара: Самарский государственный университет. — 2003. — С. 99–102.
9. Ройфе А.Б. Фантастическое как категория культуры XX века : специальность 24.00.01 — «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Августа Борисовна Ройфе ; Санкт-Петербургский государственный университет. — Санкт-Петербург. — 2002. — 150 с.
10. Тамарченко Е.Д. Реализм неожиданного / Е. Д. Тамарченко // Литературная газета. — 1970. — 4 февраля (№ 6). — С. 5.
11. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. / Ц. Тодоров. — М.: Дом интеллектуальной книги. — 1999. — 144 с.
12. Shama S. Landscape and memory. — New York: Vintage, 1996. — 672 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Герсбек Х. Ральф 124С 41+: Роман о жизни в 2660 году. — М.: Прогресс. — 1964. — 172 с.
14. Колупаев В.Д. Весна света / В.Д. Колупаев. — Томск: Томское книжное издательство. — 1986. — 480 с.
15. Колупаев В.Д., Константиновский Д.Л., Прашкевич Г.М. Ошибка создателя / В.Д. Колупаев, Д.Л. Константиновский, Г.М. Прашкевич. — Новосибирск: Западно-сибирское книжное издательство. — 1975. — 288 с.
16. Прашкевич Г.М. Шкатулка рыцаря / Г.М. Прашкевич. — М.: Вече. — 2008. — 288 с.
17. Федотов Д.С. Настоящая фантастика / Д.С. Федотов, В.Н. Васильев, Я. Веров. — М.: Вече. — 2009. — 397 с.

REFERENCES

1. Gachev G.D. (2008) Mental`nosti narodov mira. [Mentality of the peoples of the world]. Moscow: Algoritm. (In Russian)
2. Zobov R.A., Mostepanenko A.M. (1974) O tipologii prostranstvenno-vremenny`x otnoshenij v sfere iskusstva. [About the typology of space-time relations in the field of art]. Ritm, prostranstvo i vremya v literature i iskusstve, Leningrad, 11–26. (In Russian)
3. Lobareva V.S., Baxor T.A., Zy`ryanova O.N. (2019) Lokal`ny`e teksty` russkoj literatury` i kul`tury` [Local texts of Russian literature and culture: training manual]. Krasnoyarsk: Sibirskij federal`ny`j universitet. (In Russian)
4. Lotman M.J. (2000) Semiosfera. [Semiosphere]. Saint-Petersburg: «Iskusstvo–SPB». (In Russian)
5. Neyolov E. M. (2013) Russkaya fantastika: nereshyonny`e problemy` [Russian science fiction: unresolved issues]. Petrozavodsk: Izdatel`stvo PetrGU. (In Russian)
6. Nora Pierre (1999) Problematika mest pamyati. Franciya–pamyat`. [The problem of places of memory. France — memory]. Saint-Petersburg: Izdatel`stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russian.)
7. Propp V.Ya. (1986) Istoricheskie korni volshebnoj skazki. [The Historical Roots of the Wonder Tale]. Leningrad: Izdatel`stvo Leningradskogo universiteta. (In Russian.)
8. Prokof`eva V. Yu.(2003) Lokus kak lingvosemioticheskaya kategoriya xudozhestvennogo teksta. [Locus as a linguosemiotic category of literary text]. Samara: Samarskij gosudarstvenny`j universitet. (In Russian.)
9. Rojfe A.B. (2002) Fantasticheskoe kak kategoriya kul`tury` XX veka [Fantastic as a category of culture of the XX century]. Saint Petersburg. (In Russian.)
10. Tamarchenko E. D. Realizm neozhidannogo [The realism of the unexpected]. Literaturnaya gazeta. № 6. (In Russian.)
11. Todorov Cz. Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu [The Fantastic: A Structural Approach to a Literary Genre]. Moscow, 1999. 144 p. (In Russian.)
12. Shama S. Landscape and memory. — New York: Vintage, 1996. — 672 p.

Поступила в редакцию 14.04.2026 г.

IMAGINARY SPACE AS REPRESENTATION OF MYTH OF SIBERIA IN STORIES BY TOMSK SCIENCE FICTION WRITERS

D.R. Akhmedshina

The article addresses the spatial organization in the works by Tomsk science fiction writers of the late 20th century. The Tomsk context of science fiction suggests an appeal to already formed ideas about the space of Siberia. The purpose of the work is to study the intra-textual category of imaginary space, which is related to the category of plot in connection with the specific nature of the local text. Using the example of short stories the special role of the Siberian locus, its place in the spatial structure of texts, and its influence on the reading of the author's worldview are studied. The research materials are selected from the following stories of the 1970s and 1980s: «The Silence» by V.D. Kolupaev, «Fog in a Shoe» by G.M. Prashkevich, and «The Door» by D.S. Fedotov. The analysis of the short stories reveals a special status of imagination, which correlated with the fantastic but not identical to it. Upon further analysis of the text the imaginary space is considered as a special projection of the author's worldview. Particular attention is paid to the study of the image of Siberia, which has its own specific cultural context.

Keyword local text, Siberian literature, Tomsk fiction, art space, worldview, Victor Kolupaev, Gennady Prashkevich, Dmitry Fedotov.

Ахмедшина Дана Рамильевна.
Аспирант кафедры истории русской литературы XX-XXI веков и литературного творчества. Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация, г. Томск.
ORCID 0009-0007-8478-5616.
E-mail: montague_cake@mail.ru.

Akhmedshina Dana Ramilyevna.
Post-graduate student at Department of History of Russian Literature of the XX-XXI Centuries and Literary Creativity.
Tomsk State University, Russian Federation, Tomsk.
ORCID 0009-0007-8478-5616
E-mail: montague_cake@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Научная статья
УДК 070
DOI: 10.5281/zenodo.22960348

РОССИЙСКИЕ СЕТЕВЫЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ СМИ: ЭВОЛЮЦИЯ КОНТЕНТА И ЕГО СЕГМЕНТАЦИЯ

© 2026 ***А.А. Быстрова***
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
ORCID 0009-0005-1846-7674

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматриваются российские сетевые просветительские средства массовой информации как динамично развивающийся, однако на сегодняшний день недостаточно изученный сегмент интернет-журналистики. Актуальность данной работы обусловлена отсутствием комплексного подхода к изучению новых медиа в просветительской сфере: существующие работы фокусируются на узких аспектах (коммуникационных методах, языковых особенностях и пр.), не выделяя просветительские сетевые СМИ в самостоятельный типологический кластер. Эмпирическая база исследования включает более 50 материалов ведущих образовательных и культурных медиа («Магистерия», «ПостНаука», «Arzamas», «Полка», «Лекториум», «Дилетант» и др.) за 2020–2026 гг. Использованы описательный метод, мониторинг, экспертная выборка и проблемно-тематический анализ. В результате предложена сегментация, основанная на четырех основных критериях (по целевому назначению, аудитории, формату контента и способу коммуникации), проанализирована эволюция культурного контента в направлении гибридизации и повышения интерактивности, а также обозначены ключевые противоречия в функционировании просветительских медиа.

Ключевые слова: новые медиа, сетевые просветительские медиа, российские СМИ, современная журналистика, сегментация интернет-журналистики, просвещение, эволюция культурного контента, сегментация культурного контента.

Для цитирования: Быстрова А.А. Российские сетевые просветительские СМИ: эволюция контента и его сегментация / А.А. Быстрова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 198–208. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22960348.

Введение. Современная трансформация медиаландшафта, происходящая под воздействием цифровых технологий, привела к фундаментальным изменениям в способах производства, распространения и потребления информации [1, с. 9–10]. Одним из наиболее динамично развивающихся, однако при этом наименее изученным сегментом российских медиа являются сетевые просветительские СМИ.

В условиях информационной перегрузки медиаполя, активного распространения недостоверного знания и коммерциализации медиа именно просветительские проекты принимают на себя функцию популяризации знаний, однако само существование и функционирование этого сегмента новых медиа сталкивается с фундаментальным противоречием: между академической глубиной контента и требованиями интересов рынка, между просветительской миссией и развлекательной функцией средств массовой информации и др. Решение данных проблем имеет не только научное

значение, но и важно для выработки стратегий устойчивого развития культурно-просветительских медиа в современном обществе.

Следует заметить, что в современной исследовательской литературе основные аспекты, касающиеся развития и распространения просветительских интернет-СМИ, рассматриваются по ряду направлений. Например, исследования К.П. Трефилова посвящены коммуникативным аспектам функционирования научно-просветительских интернет-изданий [15]. Механизмы трансфера научных знаний в массовую коммуникацию раскрываются в коллективной монографии «Предъявление научного знания в диалоге медиа: контексты, технологии и языковые техники» [12]. Р.В. Зинин занимается анализом типологических признаков специализированных изданий [3], а также рассматривает данный сегмент медиа как один из каналов рекламной коммуникации [4]. В работах А.В. Полонского в фокусе внимания находятся языковые особенности новых медиа [9; 10]. В работах Е.М. Семеновой, Ю.В. Крючковой и М.П. Ефремовой анализируется роль медийного дискурса в формировании культурных стереотипов, что также относится к просветительской проблематике [14].

Вместе с тем большинство исследований либо сосредоточены на узких аспектах (коммуникационные методы, анализ отдельных платформ/ресурсов, взаимодействие с аудиторией, использование различных медиаинструментов, языковые особенности, графическая составляющая и пр.), либо рассматривают просветительские СМИ как часть более общей медиасистемы, не выделяя их в самостоятельный типологический кластер. Несмотря на наличие отдельных работ, комплексное исследование российских сетевых просветительских СМИ как целостного сегмента интернет-журналистики до конца не осуществлено. До сих пор отсутствует общепринятая типология просветительских интернет-изданий с учетом их целевого назначения, форматов и аудитории, не выявлены строгие критерии сегментации этого кластера внутри более широкого поля цифровой журналистики, не прослежена эволюция культурного контента в таких СМИ и пр.

Цель настоящей статьи — дать комплексную характеристику российских сетевых просветительских СМИ, осмыслить их типологические признаки, особенности сегментации и в целом проанализировать эволюцию культурного контента новых медиа. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) выявить основные критерии и параметры сегментации интернет-журналистики;

2) проанализировать особенности и отличительные черты форматов культурного контента в российских сетевых СМИ;

3) охарактеризовать основные коммуникационные принципы ведущих российских просветительских проектов;

4) обозначить ключевые противоречия в функционировании анализируемого сегмента медиа.

Материалы и методы исследования. Эмпирическая база данного исследования представлена более 50 материалами, размещенными в период 2020–2026 гг. в следующих сетевых просветительских изданиях:

(1) образовательный проект «Магистерия», который содержит «*теоретические и прикладные курсы лекций*, *их стенограммы*, *иллюстрации*, *интерактивные инструменты самообучения и полезную справочную информацию»* из самых разнообразных сфер — литературы, живописи, музыки, философии, религии, истории и психологии (https://magisteria.ru/);

(2) образовательная платформа «ПостНаука» *«для тех*, *кто считает научное мышление главным инструментом познания себя и мира»* (https://postnauka.org/);

(3) онлайн-ресурс «Arzamas», посвященный гуманитарному знанию, вопросам истории, культуры, искусства, литературы и всему самому интересному в мире (https://arzamas.academy/);

(4) портал «Вокруг света», который функционирует с 2006 года и рассказывает своей аудитории *«о путешествиях*, *удивительных уголках нашей планеты*, *исторических событиях*, *знаменитых людях*, *научных открытиях и технических достижениях»* (https://www.vokrugsveta.ru/);

(5) независимый интернет-журнал о кинокультуре «Кинотексты» (https://cinetexts.ru/);

(6) образовательная интернет-платформа «Полка» о важных российских изданиях и произведениях русской литературы (https://www.polka.academy/);

(7) «Лекториум» — это платформа для размещения онлайн-курсов и digital издательство, которое создает сложный образовательный контент для вузов и технологических компаний (https://www.lektorium.tv/);

(8) культурно-просветительский портал «Дилетант», посвященный истории и культуре (https://diletant.media/);

(9) «Лекторий Достоевский» — российский образовательный проект на видеохостинге Rutube с видеороликами на исторические темы (https://rutube.ru/channel/23630029/).

Использованные в процессе исследования методы — описательный метод, метод мониторинга, метод экспертной выборки, метод проблемно-тематического анализа, которые в своей совокупности позволили выявить и систематизировать основные контентные особенности сетевых просветительских СМИ.

Основная часть. Сегодня популяризация знаний является важным процессом в информационном поле, представляющим собой разновидность научной коммуникации, направленную на передачу научного знания из академической в неакадемическую среду. В отличие от профессиональной научной коммуникации, данная популяризация ориентирована на использование научных достижений не с профессиональными целями, как это было привычно для нас ранее, а в интересах повседневной жизнедеятельности людей. Именно этот принцип — доступность знания для неподготовленной аудитории — и лежит в основе деятельности современных просветительских интернет-изданий.

Важно, однако, отметить, что одной из ключевых проблем функционирования культурных и образовательных средств массовой информации в цифровой среде является противоречие между просветительской миссией и необходимостью коммерческой устойчивости медиа. Как утверждают исследователи, СМИ целенаправленно воздействуют на сознание людей, обеспечивая картину мира, фокус которой сосредоточен, главным образом, на прагматических целях и коммерческом интересе [14, с. 287; 6, с. 111]. В этом случае поле массовой коммуникации не всегда является пространством культурного взаимодействия журналиста и аудитории, превращаясь в инструмент манипуляции массовым сознанием. Именно поэтому просветительские новые медиа сегодня находятся в поисках баланса, который будет сочетать в себе «полезный» и «привлекательный» (в коммерческом плане) контент.

Помимо этого, необходимость в коммерциализации медиа зачастую приводит к сдвигу в сторону развлекательных форматов, упрощению содержания контента, ориентации на «хайповые» (оказывающиеся в фокусе общественного внимания) темы, которые зачастую приводят к резонансу и высокой активности со стороны аудитории

(лайки, комментарии, просмотры и пр.). Особенно остро эта проблема стоит для изданий, зависящих от рекламы, т.к. иной монетизации своего контента они не имеют.

С другой стороны, нельзя не признать, что именно «развлекательная упаковка» делает просветительский контент доступным для широкой аудитории, особенно для молодежи. Как отмечают исследователи, интерес молодежи к произведениям отечественной классики и современной массовой культуре может рассматриваться как исторически обусловленная закономерность, а не временное веяние [2], именно поэтому основная задача просветительских СМИ — использовать этот интерес для постепенного «погружения» аудитории в более сложные культурные и научные темы.

Здесь же возникает чрезвычайно важный и актуальный вопрос — как правильно провести сегментацию просветительских медиа, учитывая различные аспекты и основания, например, такие как: целевое назначение контента и его тематическая специализация, формат и форма представления материалов, особенности целевой аудитории и пр. Применительно к просветительским СМИ наиболее релевантными, на наш взгляд, представляются следующие критерии.

По целевому назначению среди новых медиа выделяются (1) культурно-просветительские, (2) научно-популярные и (3) учебно-образовательные.

Роль культурно-просветительских медиа — формирование общей картины мира, расширение кругозора аудитории без каких-то строгих академических рамок и правил, без установки на систематическое обучение. Особенностью контента, относящегося к данному сегменту, является акцент на доступность, увлекательность, простоту и ценностное отношение к культуре. Например, образовательный проект «Магистерия», на котором представлено большое количество самых разнообразных тематических лекций из разных сфер [20]. Аудитория может зайти на ресурс и выбрать именно то тематическое поле, которое ей интересно. Контент на данной цифровой платформе подается «легким» языком (избегая излишней терминологии), благодаря чему даже неподготовленной аудитории понятен язык спикера и информация будет легко декодироваться.

Научно-популярные новые медиа, которые распространяют научное знание, объясняют сложные научные концепции простым языком. Ключевое требование в рамках данного критерия — обязательная опора на научные источники, четкое разделение фактов и гипотез. В качестве примера приведем образовательную платформу «ПостНаука», где реализован проект «Краткая история всего», который включает в себя серию лонгридов, рассказывающих о том, как устроен мир «*от Большого взрыва до исчезновения неандертальцев*, *от появления вулканов до рождения общего предка*, *от глобального потепления до войн*, *от искусственного интеллекта до проблемы перепотребления*» [17]. Причем каждый лонгрид сопровождается развернутым списком литературы, включающим ключевые монографии и статьи из высокорейтинговых научных журналов, а также содержит четкую маркировку: где заканчиваются твердо установленные факты и начинаются-научные дискуссии или рабочие гипотезы.

Учебно-образовательные медиа нацелены на систематическую передачу знаний, формирование конкретных навыков или подготовку к экзаменам / профессиональной деятельности. Их особенность проявляется в наличии строгой структуры (от простого к сложному), проверочных заданий, конкретных учебных результатов. Например, на образовательной платформе «Arzamas» реализована серия подкастов «Слышу звон: культурная история металлов», в рамках которых поэтапно рассказывается о том *«…как человечество на протяжении своей истории осваивало разные металлы и как они*, *в свою очередь*, *влияли на развитие нашей цивилизации и культуры»* [24].

По характеру аудитории можно выделить (1) универсальные и (2) специализированные просветительские медиа.

Универсальные медиа рассчитаны на аудиторию, не имеющую специализированной подготовки и соответствующих знаний. Их цель — заинтересовать аудиторию и дать ей базовое понимание темы. В подготавливаемых материалах используется простой язык, минимум профессионального жаргона, яркие примеры из жизни, чтобы проиллюстрировать какие-то научные знания и факты. Ярким примером является познавательный портал «Вокруг света» и публикация на нем «Российская космическая одиссея: 7 городов, где начиналась история освоения космоса», в рамках которой обсуждается тема космоса и дается информационная справка данного тематического поля [21]. Материал сопровождается графическими элементами, поэтому аудитории, не имеющей бэкграунда в этой теме, будет нетрудно понять информацию, которая представлена в материале.

Специализированные медиа предназначены для определенных социальных, возрастных или профессиональных групп, которые имеют какую-то базу знаний из интересующей сферы. Например, независимый интернет-журнал о кинокультуре «Кинотексты», который рассчитан на кинокритиков, искусствоведов, студентов профильных вузов и продвинутых киноманов [16]. Его цель — углубленный анализ, обсуждение сложных режиссерских приемов, операторской работы и пр. В таких текстах активно используется профессиональная терминология, именно поэтому это ресурс можно считать диалогом с равным, а не лекцией для новичка-любителя.

По формату просветительские новые медиа подразделяются на (1) текстовые, (2) видеопроекты, (3) подкасты и (4) мультиплатформенные.

Текстовые форматы, такие как лонгриды и аналитические статьи, оптимальны для вдумчивого чтения и работы со сложной терминологией. В качестве примера приведем образовательную интернет-платформу «Полка», аудитория которой может найти самые разнообразные публикации, подготовленные журналистами в текстовом (вербальном) формате. Например, в рубрике «Статьи» опубликован материал «От «нового эпоса» до политики идентичности» [18], структура которого выстроена таким образом, чтобы читатель мог последовательно погружаться в тему, при необходимости возвращаясь к ключевым тезисам.

В свою очередь такой формат как видеопроект (лекции или документальные фильмы) лучше всего демонстрирует различные образовательные процессы, их динамику и эмоциональный контекст. В отличие от ~~статичного~~ текста видео позволяет аудитории увидеть последовательность действий, мимику спикера или изменения в изучаемом объекте, что особенно ценно для сложных тематических блоков. Например, образовательная онлайн-платформа «Лекториум», уникальность которой заключается в разнообразии видеоформатов, адаптированных под определенную предметную область: для гуманитарных дисциплин могут использоваться классические студийные съемки, для естественно-научных и технических курсов активно применяются выездные съемки на производстве или в лабораториях [19].

Особую нишу в классификации контента новых медиа занимают подкасты. Благодаря устной речи создается эффект личного разговора с лектором, что делает подкасты идеальной формой для интервью и обсуждения самых непростых вопросов, однако этот формат имеет и свои ограничения: он не подходит для передачи сложной графики, формул или визуальных инструкций, где важна точность изображения. Например, на онлайн-ресурсе «Arzamas» есть полноценная рубрика подкастов на самые разнообразные темы: от искусства до экономики [23]. Но при этом данный контент

нередко дополняется текстовыми расшифровками или иллюстрациями, чтобы компенсировать потери, связанные с визуальной информацией. В итоге подкаст становится не заменой печатной статьи, а ценным дополнением к другим форматам обучения и развлечения, особенно важным в условиях плотного графика аудитории и постоянного информационного шума.

Мультиплатформенные сетевые издания позволяют адаптировать один и тот же материал под разные каналы восприятия: например, короткий тизер-ролик привлекает внимание, ссылка на статью-лонгрид предлагает глубокое аналитическое чтение, подкаст с экспертом позволяет в неформальной обстановке обсудить нюансы, а видео-лекция дает визуальную опору для тех, кто лучше воспринимает зрительные образы. Такой комплексный подход позволяет охватить максимально широкую аудиторию с разными предпочтениями и привычками потребления контента. Например, на культурно-просветительском портале «Дилетант» представлен спецпроект «Хранилище» (Бумажная реальность Томаса Деманда), в котором исторические материалы «упаковываются» таким образом, чтобы удовлетворить запросы самых разных аудиторий — от тех, кто стремится быстро получить необходимую фактологическую информацию, до тех, кто готов к глубокому погружению в тему [25]. Механика проекта построена на принципе «слоеного пирога»: поверхностный слой — это короткие новеллы и подборки изображений для быстрого ознакомления, а глубинные слои открывают доступ к развернутым статьям и архивным документам. Это позволяет изданию сохранять научную достоверность «лонгрида» для профессионалов, одновременно создавая увлекательный визуальный ряд для широкой публики, что в полной мере реализует потенциал мультиплатформенного подхода в просвещении.

По способу коммуникации в просветительских новые медиа выделяются (1) односторонние и (2) интерактивные.

Односторонние медиа характеризуются тем, что в них автор предстает в роли непререкаемого источника знания, а аудитории отводится пассивная роль ~~просто~~ воспринимающей стороны. Обратная связь либо отсутствует, либо существенно ограничена и отсрочена во времени. Ярким примером тому служит образовательный проект на видеохостинге Rutube с видеороликами на исторические темы «Лекторий Достоевский», на котором аудитория может ознакомиться с различными лекциями, но без возможности задать вопрос ведущему в режиме реального времени [22]. Достоинство такой модели — высокая степень контроля над содержанием и защита трансляции от случайных ошибок или некорректных интерпретаций со стороны аудитории. Ее недостатком, однако, становится потенциальный разрыв между запросами слушателей и передаваемой информацией, а также отсутствие механизмов уточнения в режиме реального времени непонятных моментов.

Интерактивные просветительские медиа, напротив, предполагают вовлечение аудитории в обсуждение, в результате чего получатель информации превращается из пассивного слушателя в соавтора, критика и активного участника коммуникации. Среди конкретных форм интерактивности можно выделить комментирование материалов, чаты во время прямых эфиров, позволяющие зрителям задавать вопросы лектору, опросы аудитории (в том числе для определения будущих тем) и пр.

Несмотря на все плюсы интерактивность сопровождается серьезными рисками. Открытое обсуждение потенциально уходом в бесплодные и эмоционально заряженные споры, размыванием экспертного фокуса и, что особенно важно, распространением ошибочных или антинаучных мнений в комментариях, если публика не отделяет

собственные догадки от верифицированного знания. В связи с этим эффективная реализация интерактивной модели требует «сильной» модерации.

Анализируя приведенную сегментацию просветительских медиа, важно отметить, что цифровая революция радикально изменила информационно-коммуникационный ландшафт, породив новые формы, форматы и жанры. Эволюция просветительского контента сегодня может быть представлена как движение от простого переноса традиционных медиаформатов в интернет к созданию принципиально новых, «цифровых по своей природе» способов коммуникации. Мы все чаще говорим о тенденции к геймификации и интерактиву — вовлечению аудитории в процесс производства «смыслов» через тесты, опросы, обсуждения, пользовательские рейтинги и пр. Помимо этого, все более значимой становится роль визуального контента — не только иллюстрирующего, но и самостоятельного, в форме документальных веб-сериалов, видеоэссе, анимационных объяснений научных концепций. Это объясняется тем, что современный пользователь, воспитанный в эпоху активной цифровизации, все реже способен удерживать внимание на линейных текстах большого объема. Клиповое мышление, которое долгое время считалось недостатком (поверхностность, переключаемость, неспособность к глубокому анализу), на самом деле формирует новый тип ожиданий от информации [5; 7, с. 240; 8, с. 70], поэтому задача современного автора — не бороться с клиповостью, а использовать ее как архитектурный принцип: упаковывать сложные идеи в короткие, визуально насыщенные и интерактивные форматы, оставляя при этом «якоря» для глубины контента.

Данные аспекты меняют и ключевые принципы современной коммуникации просветительских интернет-изданий в медийной среде. Среди ключевых принципов — принцип доступности, который предполагает перевод сложного научного и культурного знания на язык, понятный неподготовленной аудитории, без потери содержательной точности и долгого погружения в тематический контекст. Этот принцип реализуется через отказ от избыточной терминологии, развернутые объяснения базовых понятий, использование аналогий и метафор.

Принцип достоверности связан с необходимостью верификации информации и ее соответствия академическому знанию. Просветительские СМИ в этом смысле занимают пограничное положение между научной коммуникацией, приоритетом для которой является точность, и медийной с ее требованием привлекательности контента. Обеспечение достоверности достигается через привлечение экспертов к созданию контента.

Принцип актуальности требует отбора тем, значимых для целевой аудитории. Успешные просветительские проекты не просто транслируют «вечные» знания, но и связывают их с актуальной повесткой дня, отвечают на запросы аудитории, объясняют текущие события через призму науки и культуры.

Принцип вовлечения предполагает активное использование интерактивных форматов и методов сторителлинга для удержания внимания аудитории. Этот принцип особенно важен в условиях конкуренции с развлекательным контентом.

Помимо этого, особое значение в деятельности российских просветительских СМИ приобретает работа с национальными культурными кодами. Как подчеркивают исследователи В.М. Савицкий и Е.В. Черкасова, культурные коды играют ключевую роль в формировании медиасуверенитета страны и культурной идентичности россиян. Просветительские проекты могут транслировать эти коды через отбор тем, тональность, систему отсылок и аллюзий, а также через специальные курсы и материалы по русской культуре, истории, литературе [13, с. 4354]. При этом

наблюдаются различия в подходах: одни проекты ориентированы на «академическую» версию культурного наследия, другие — на актуальные интерпретации и переосмысление традиции.

Заключение. Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что сетевые просветительские СМИ перестали быть сугубо нишевым явлением. Напротив, как показал анализ эмпирического материала, данные проекты сегодня представляют собой один из наиболее динамично развивающихся и одновременно внутренне сложных кластеров современных новых медиа. Их значимость определяется не только расширением аудиторий, но и той социальной функцией, которую они берут на себя в условиях информационной перегрузки, распространения в обществе недостоверного знания и коммерциализации медиапространства.

В ходе исследования было установлено, что традиционные подходы к изучению средств массовой информации, ориентированные, прежде всего, на новостные или развлекательные издания, недостаточно эффективны при анализе просветительского сегмента. В связи с этим в статье предложена и обоснована сегментация сетевых просветительских СМИ, включающая четыре ключевых критерия. Первый критерий — по целевому назначению — разграничивает культурно-просветительские проекты, нацеленные на расширение кругозора и формирование общей картины мира (научно-популярные медиа, популяризирующие академическое знание с опорой на научные источники, и учебно-образовательные ресурсы, предполагающие систематическую передачу знаний и формирование конкретных навыков).

Второй критерий — по характеру аудитории — выделяет универсальные издания, рассчитанные на неподготовленного пользователя, и специализированные, адресованные профессионалам или продвинутым любителям в той или иной сфере.

Третий критерий — по формату представления материалов — фиксирует многообразие текстовых, видео-, аудиальных и мультиплатформенных форм, каждая из которых обладает собственной коммуникативной спецификой. Четвертый критерий — по способу коммуникации — противопоставляет одностороннюю трансляцию знания, где аудитория остается пассивным получателем, и интерактивные модели, превращающие читателя/зрителя в соавтора и активного участника обсуждения.

Особое внимание в работе уделено эволюции культурного контента в российских сетевых просветительских СМИ. Исследование показало, что эта эволюция не сводится к простому переносу традиционных образовательных или научно-популярных форматов в интернет. Напротив, наблюдается устойчивая тенденция к гибридизации в рамках одного материала или даже одного медийного ресурса. Кроме того, прослеживается отход от линейных текстов большого объема в сторону коротких, визуально насыщенных и интерактивных форматов, что является ответом на изменение привычек в потреблении информации современной аудиторией, воспитанной в условиях клипового мышления и цифровой многозадачности.

Важным результатом исследования стало выявление ключевых противоречий, с которыми сталкиваются современные просветительские СМИ в контексте своего функционирования. Основное из них — между просветительской миссией, предполагающей распространение академически выверенного знания, и необходимостью коммерческой устойчивости, которая в цифровой среде зачастую требует ориентации на развлекательные форматы, популярные и резонансные темы, а также усиления поведенческой активности аудитории (лайки, комментарии, просмотры). Как показал анализ эмпирического материала, это противоречие не имеет

универсального решения: каждый из медийных ресурсов находит собственный баланс между просветительской функцией и коммерциализацией контента.

В заключение необходимо отметить, что российские сетевые просветительские СМИ сегодня находятся в стадии активного развития. Они уже выработали собственные типологические признаки, коммуникационные принципы (доступность, достоверность, актуальность, вовлечение) и форматы взаимодействия с аудиторией. Вместе с тем дальнейшее развитие этого сегмента будет определяться тем, насколько успешно удастся решить обозначенные противоречия в их функционировании, а также адаптироваться к вызовам алгоритмических рекомендаций, фрагментации аудитории и меняющимся канонам распространения контента.

На наш взгляд, перспективными направлениями последующих исследований в этой области могут стать сравнительный анализ просветительских стратегий в различных сегментах интернет-СМИ (например, гуманитарных и естественно-научных); анализ влияния алгоритмических рекомендательных систем на распространение просветительского контента в социальных сетях, а также на иных ресурсах и платформах и др. Решение этих вопросов имеет не только научную, но и важную практическую значимость для выработки стратегий развития просветительских медиа в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вартанова Е.Л. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды / Е.Л. Вартанова // Меди@льманах. — 2022. — № 2 (109). — С. 8–14.
2. Воскресенская Н.Г. Формирование читательского интереса молодежи в современных условиях медиатизации / Н.Г. Воскресенская, Н.А. Кузнецова, В.А. Мартынова // Российская школа связей с общественностью. — 2022. — № 24. — С. 19–31.
3. Зинин Р.В. Специализированные издания в сфере культуры: опыт классификации / Р.В. Зинин // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: [сб. науч. тр.]. — Белгород: Издательский дом «Белгород» НИУ «БелГУ». — С. 59–67.
4. Зинин Р.В. Специализированные издания в сфере культуры: «Диалог журналистики и рекламы» / Р.В. Зинин // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2016. — № 21 (242). — С. 98–102.
5. Исаева К.В. Клиповое мышление как социальный феномен современного общества «в цифре» / К.В. Исаева, А.С. Вантяева // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. — 2025. — № 4. — С. 404–412.
6. Капралова Е. Воздействие средств массовой информации на сознание человека / Е. Капралова // Государственная служба. — 2015. — № 3 (95). — С. 111–113.
7. Кубанцева Д.И. Обучение людей с клиповым мышлением: обзор научных публикаций / Д.И. Кубанцева // Проблемы современного образования. — 2024. — № 4. — С. 239–251.
8. Митрофанова И.И. Клиповое мышление: реальность и перспективы / И.И. Митрофанова // Речевые технологии/Speech Technologies. — 2019. — № 1. — С. 67–81.
9. Полонский А.В. Русский язык в цифровой реальности / А.В. Полонский, В.Г. Глушкова // Современные вопросы модернизации высшей школы: материалы Международной научно-практической конференции: [сб. науч. тр.]. — Белгород: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2021. — С. 155–163.
10. Полонский А.В. Язык современных СМИ: культура публичного диалога / А.В. Полонский // МИРС. — 2009. — № 1. — С. 62–66.
11. Полонский А.В. Сетевые просветительские СМИ как один из сегментов современной российской интернет-журналистики: особенности медиаконтента / А.В. Полонский, А.А. Быстрова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2025. — Т. 44. — № 3. — С. 449–467.
12. Предъявление научного знания в диалоге медиа: контексты, технологии и языковые техники: Коллективная монография / под науч. ред. Л.Р. Дускаевой; отв. ред. Е.В. Выровцева. — СПб.: Медиапапир, 2023. — 223 с.
13. Савицкий В.М. Культурные и лингвокультурные коды: теоретический обзор / В.М. Савицкий, Е.В. Черкасова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — №12. — С. 4351–4358.

14. Семенова Е.М. Роль медийного дискурса в формировании культурных стереотипов / Е.М. Семенова, Ю.В. Крючкова, М.П. Ефремова // Филология: научные исследования. — 2025. — № 12. — С. 286–302.
15. Трефилов К.П. Принципы и методы коммуникации научно-просветительских интернет-изданий / К.П. Трефилов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2023. — № 2 (83). — С. 117–126.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

16. Интернет-журнал о кинокультуре «Кинотексты» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://cinetexts.ru/ (дата обращения: 23.04.2026).
17. Краткая история всего // Образовательная платформа «ПостНаука» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://postnauka.org/themes/history-of-everything (дата обращения: 23.04.2026).
18. От «нового эпоса» до политики идентичности // Образовательный проект «Полка» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.polka.academy/materials/990 (дата обращения: 23.04.2026).
19. Образовательная онлайн-платформа «Лекториум» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.lektorium.tv/ (дата обращения: 23.04.2026).
20. Образовательный проект «Магистерия» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://magisteria.ru / (дата обращения: 23.04.2026).
21. Российская космическая одиссея: 7 городов, где начиналась история освоения космоса // познавательный портал «Вокруг света» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.vokrugsveta.ru/history/poekhali-putevoditel-po-kosmicheskim-gorodam-rossii-id6957169/ (дата обращения: 24.04.2026).
22. Российский образовательный проект на видеохостинге Rutube с видеороликами на исторические темы «Лекторий Достоевский» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rutube.ru/channel/23630029/ (дата обращения: 01.05.2026).
23. Рубрика подкастов на онлайн-ресурсе «Arzamas» // Образовательный проект «Arzamas» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://arzamas.academy/micro/podcast (дата обращения: 24.04.2026).
24. Серия подкастов «Слышу звон: культурная история металлов» // Образовательный проект «Arzamas» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://arzamas.academy/podcasts/337 (дата обращения: 24.04.2026).
25. Спецпроект «Хранилище» (Бумажная реальность Томаса Деманда) // Культурно-просветительском портале «Дилетант» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://diletant.media/spec/demand-repository/ (дата обращения: 25.04.2026).

REFERENCE

1. Vartanova E.L. (2022) K voprosu o posledstviyakh tsifrovoy transformatsii mediasredy [On the issue of the consequences of the digital transformation of the media environment]. Medi@lmanakh, 2, 8–14. (In Russian)
2. Voskresenskaya N.G. (2022) Formirovanie chitatelskogo interesa molodezhi v sovremennykh usloviyakh mediatizatsii [Formation of youth reading interest in modern conditions of mediatization]. Rossiyskaya shkola svyazey s obshchestvennostyu, 24, 19–31. (In Russian)
3. Zinin R.V. (2017) Spetsializirovannye izdaniya v sfere kultury: «Dialog zhurnalistiki i reklamy» [Specialized Periodicals in the Field of Culture: Experience of Classification]. In Diskursologiya i mediakritika sredstv massovoi informatsii [Discourseology and media criticism of mass media] (pp. 59–67). Belgorod: Izdatel'skii dom «Belgorod» NIU «BelGU». (In Russian)
4. Zinin R.V. (2016) Spetsializirovannye izdaniya v sfere kultury: «Dialog zhurnalistiki i reklamy» [Specialized publications in the field of culture: 'Dialogue of Journalism and Advertising']. Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya. 21 (242), 98–102. (In Russian)
5. Isaeva K.V., A.S. Vantyaeva (2025) Klipovoe myshlenie kak sotsialnyy fenomen sovremennogo obshchestva «v tsifre» [Clip thinking as a social phenomenon of modern society 'in digital']. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Sotsiologiya. Politologiya, 4, 404–412. (In Russian)
6. Kapralova E. (2015) Vozdeystvie sredstv massovoy informatsii na soznanie cheloveka [The impact of mass media on human consciousness]. Gosudarstvennaya sluzhba, 3 (95), 111–113. (In Russian)
7. Kubantseva D.I. (2024) Obuchenie lyudey s klipovym myshleniem: obzor nauchnykh publikatsiy [Training people with clip thinking: a review of scientific publications]. Problemy sovremennogo obrazovaniya, 4, 239–251. (In Russian)
8. Mitrofanova I.I. (2019) Klipovoe myshlenie: realnost i perspektivy [Clipped thinking: reality and prospects]. Speech Technologies, 1, 67–81. (In Russian)

9. Polonsky A.V., Glushkova V.G. (2021) Russkiy yazyk v tsifrovoy realnosti [The Russian language in digital reality]. In Sovremennye voprosy modernizatsii vysshey shkoly [Contemporary issues of modernization of higher education] (pp. 155–163). Belgorod. (In Russian)
10. Polonsky A.V. (2009) Yazyk sovremennykh SMI: kultura publichnogo dialoga [The Language of Modern Media: The Culture of Public Dialogue]. MIRS, 1, 62–66. (In Russian)
11. Polonsky A.V., Bystrova A.A. (2025) Setevye prosvetitelskie SMI kak odin iz segmentov sovremennoy rossiyskoy internet-zhurnalistiki: osobennosti mediakontenta [Network educational media as one of the segments of contemporary Russian internet journalism: features of media content]. Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya, 3, 449–467. (In Russian)
12. Predyavlenie nauchnogo znaniya v dialoge media: konteksty, tekhnologii i yazykovye tekhniki: Kollektivnaya monografiya [Presenting Scientific Knowledge in Media Dialogue: Contexts, Technologies, and Language Techniques: A Collective Monograph] (2023) In L.R. Duskaeva, E.V. Vyrovtseva, Mediapapir [Mediapaper] (P. 223). St. Petersburg. (In Russian)
13. Savitsky V.M., Cherkasova E.V. (2023) Kulturnye i lingvokulturnye kody: teoreticheskiy obzor [Cultural and Linguocultural Codes: A Theoretical Overview]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 12, 4351–4358. (In Russian)
14. Semenova E.M., Kryuchkova Yu.V., Efremova M.P. (2025) Rol mediynogo diskursa v formirovanii kulturnykh stereotipov [The Role of Media Discourse in the Formation of Cultural Stereotypes]. Filologiya: nauchnye issledovaniya, 12, 286–302. (In Russian)
15. Trefilov K.P. (2023) Printsipy i metody kommunikatsii nauchno-prosvetitelskikh internet-izdaniy [Principles and Methods of Communication of Scientific and Educational Internet Publications]. Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2 (83), 117–126. (In Russian)

Поступила в редакцию 06.05.2026

RUSSIAN ONLINE ENLIGHTENMENT MEDIA: CONTENT EVOLUTION AND SEGMENTATION

A.A. Bystrova

This article addresses Russian online educational media as a dynamically developing yet understudied segment of online journalism. The relevance of this research stems from the lack of a comprehensive approach to studying new media in the educational field, i.e. the existing studies focus on narrow aspects (communication methods, linguistic features, etc.), without distinguishing educational online media as a distinct typological cluster. The empirical corpus includes more than 50 materials from leading educational and cultural media (Magisteriya, PostNauka, Arzamas, Polka, Lectorium, Diletant, etc.) of the period from 2020 to 2026. The descriptive method, monitoring, expert sampling, and problem-based analysis have been applied. As a result, the segmentation based on four main criteria (by target purpose, audience, content format, and communication method) has been proposed. The evolution of cultural content towards hybridization and increased interactivity has been analyzed, with the key contradictions in educational media functioning being identified.

Keywords: new media, online educational media, Russian media, modern journalism, segmentation of online journalism, education, evolution of cultural content, segmentation of cultural content.

Быстрова Анастасия Александровна.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация, г. Белгород.
Аспирант кафедры журналистики института общественных и массовых коммуникаций.

ORCID 0009-0005-1846-7674.
e-mail: 1nastyabystrova1@mail.ru

Bystrova Anastasia Alexandrovna.
Belgorod State National Research University, Russian Federation, Belgorod.

Post-graduate student at Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications.
ORCID 0009-0005-1846-7674.
e-mail: 1nastyabystrova1@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Научная статья
УДК 81’42
DOI: 10.5281/zenodo.22960444

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ В МАССМЕДИА: ЯЗЫКОВЫЕ СТРАТЕГИИ ГЕНЕРАТИВНЫХ ЧАТ-БОТОВ И ЧЕЛОВЕКА

© 2026 *О.И. Исмаилова*
Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Саратовское высшее артиллерийское командное училище» Министерства обороны Российской Федерации
ORCID 0000-0003-4668-5503

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В работе исследуются языковые возможности современных генеративных чат-ботов (на примере моделей DeepSeek, Alice AI) в контексте создания медиазаголовка как одного из ключевых элементов манипулятивного воздействия в новостных текстах. Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа качества и эффективности автоматизированного создания контента в массмедиа. Автор исследует лингвистические и прагматические особенности заголовков, созданных чат-ботами, и сопоставляет их с заголовками, сформулированными журналистами-людьми. Методология исследования предполагает дискурс-анализ сгенерированных заголовков по заданным новостным сюжетам и профессиональных журналистских заголовков указанных сюжетов. В работе анализируются языковые стратегии, тактики и приёмы, используемые авторами новостных статей, а также чат-ботами при генерации медиазаголовков. В результате исследования автор определяет основные языковые стратегии («чёрный пиар», дискредитация, фрустрационная, псевдорационально-эвристическая) и тактики, применяемыми генеративными чат-ботами при запросе создания манипулятивного медиазаголовка.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративные чат-боты, массмедиа, медиадискурс, языковые стратегии, чёрный пиар, дискредитация, фрустрационная стратегия, псевдорационально-эвристическая стратегия

Для цитирования: Исмаилова О.И. Искусственный интеллект как инструмент манипуляции в массмедиа: языковые стратегии генеративных чат-ботов и человека / О.И. Исмаилова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 209–219. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22960444.

Введение. В последнее время с развитием искусственного интеллекта (ИИ), и, в частности, генеративных моделей, усиливается его влияние на трансформацию различных сфер человеческой деятельности. Наиболее заметной тенденцией становится использование генеративных моделей чат-ботов не только в повседневной жизни человека, но и в социальных сетях и масс-медиа. В.В. Катермина полагает, что процесс автоматизированного производства медиапродуктов и его потребление обусловлены дигитализацией современного пространства и усовершенствованием алгоритмов ИИ [6]. ИИ позволяет автоматизировать процесс сбора и обработки информации для создания медиатекстов [2]. Таким образом, меняется и медиакультура, представляющая собой совокупность информационно-коммуникативных средств, объединяющих различные стороны общественной жизни. ИИ и генеративные модели открывают новые

возможности создания и распространения уникального мультимедийного контента, генерирования и анализа больших объёмов данных, а также преобразование уже существующего контента [3].

Изначально ИИ рассматривали как вычислительную способность достигать поставленных целей [12], а сейчас можно говорить об ИИ как о технологии интеллектуальных компьютерных программ, способных к самообучению и созданию нейросетевого контента творческой направленности, изменяющих жанровые формы и этические основы журналистской деятельности, но не имеющих субъектности, критического мышления, основанного на жизненном опыте автора. Д.В. Козловский пишет, что нейросети способны воспринимать входные данные, обрабатывать их, извлекать закономерности и адаптироваться на основе обратной связи, не требуя специального программирования, обучаясь на примерах естественного языка [7].

Генеративные модели могут не только продуцировать словесные медиатексты имитационно-художественного плана, воспроизводить определённые речевые жанры, паттерны, стилистику, но и строить на основе аналогий и заданных вводных развернутые нарративы с продуманной смысловой и сюжетно-композиционной структурой.

При этом алгоритмы ИИ остаются несовершенными, что требует сохранения редакторского вмешательства в сгенерированный контент, и используются в основном как инструмент автоматизации и оптимизации медиапроизводства. Исследование отличительных признаков медиатекста, созданного генеративными моделями ИИ приобретает особую актуальность в контексте современных реалий.

Некоторые западные масс-медиа не скрывают использование ИИ в работе журналистов. Например, американская ежедневная газета Washington Post в разделе «Политика компании» ввела подраздел «AI policy» (рус. «Политика в области ИИ») 25 марта 2025 года. В данном разделе сообщается, что Washington Post стремится к прозрачности, инновациям и точности в своих репортажах и комментариях «… to transparency, innovation and accuracy in delivering authoritative reporting and commentary to our audiences» [13], а также что авторы используют ИИ только как «инструмент для ускорения и расширения возможностей публикации» (англ. «as a tool to speed and amplify Post reporting»). Согласно политике в области ИИ, The Washington Post придерживается следующих правил:

- «We are transparent about how and when we use AI.

- We use AI as a tool to support and accelerate our work in ways consistent with our news judgment and ethical standards. This means using AI to suggest related content, to translate between languages, or to sift through pages of documents or thousands of images. Whatever the task, we recognize this is a new and imperfect technology — meaning accuracy cannot be assumed and verification is critical.

- Visuals hold a critical role in helping audiences understand the news. We will not employ AI to generate images, video or visual works that purport to represent reality without disclosing its use. …» [13] (рус. «1. Мы открыто заявляем о том, как и когда мы используем искусственный интеллект. 2. Мы используем искусственный интеллект как инструмент поддержки и ускорения нашей работы в соответствии с нашими оценками новостей и этическими стандартами. Это означает использование искусственного интеллекта для подбора связанного контента, перевода с одного языка на другой или просмотра страниц документов или тысяч изображений. Какой бы ни была задача, мы понимаем, что это новая и несовершенная технология, а значит, точность не может быть гарантирована, и проверка имеет решающее значение. 3. Визуальные эффекты играют решающую роль в том, чтобы помочь

аудитории понять новости. Мы не будем использовать искусственный интеллект для создания изображений, видео или визуальных работ, которые якобы отражают реальность, не раскрывая их использование. …»).

В свою очередь издание New York Times напротив имело судебное разбирательство и выдвигало иск против компаний, использующих статьи их журналистов в качестве образцов обучения генеративных моделей ИИ.

Таким образом, встаёт вопрос об этичности применения ИИ и генеративных моделей чат-ботов при создании медиатекстов, о фундаментальных принципах журналистики (вопросах авторства, качества и достоверности информации), а также о необходимости отличать такой материал от созданного человеком. Цель данной работы состоит в выявлении и сопоставлении особенностей языковых стратегий, приёмов и языковых стредств, используемых ИИ и человеком.

Материалы и методы исследования. Эмпирическим материалом исследования послужили новостные заголовки статей американских (The Washington Post, The New York Times) и российских интернет-изданий (Московский комсомолец), созданные автором-человеком, и заголовки к тем же статьям, сгенерированные чат-ботами согласно заданным параметрам. В данном исследовании мы рассмотрим работу генеративных чат-ботов на примере моделей DeepSeek и Alice AI.

Отличительные черты новостных заголовков исследуются посредством дискурс-анализа, который позволяет определить лингвистические особенности медиатекста, сгенерированного ИИ, включая стилистические и манипулятивные средства. Кроме того, в данной работе применяется сопоставительный анализ, который поможет выявить различия в использовании вышеупомянутых средств автором-человеком и генеративными моделями чат-ботов. Такой подход позволит обеспечить комплексное понимание лингвистических механизмов, задействованных в создании медиазаголовков.

Основная часть. Понимание текста как продукта речемыслительной деятельности автора и реципиента, вербализованного упорядоченной совокупностью языковых средств и основанного на когнитивном опыте адресата и адресанта, выходит за пределы вербального уровня в соответствии с медиалингвистическим подходом [11]. Медиатекст предполагает наличие не только последовательности вербальных знаков, но и других медиа-технологических свойств того или иного СМИ-носителя, а именно аудиовизуального ряда, графического оформления и наличия иллюстраций [4, с. 122–123].

С появлением медиаплатформ в сети Интернет медиасредства традиционных СМИ дополняются ещё одним компонентом, характеризующим медиатекст, — гипертекстуальностью. Данный компонент отражает новый подход к производству текста в виртуальной среде, отражая многоаспектность явления, функционирующего на основе компонентов вербального и медийного уровней [1; 10].

Новые реалии (ИИ, Большие языковые модели (LLMs), чат-боты и т.п.) предполагают возникновение такого понятия как «сгенерированный медиатекст». Данный вид текста относится к тексту, созданному нейросетью, предположительно демонстрирующего те же предубеждения, что и в моделях LLMs, на которых она обучалась [8]. Согласно исследованиям Н.Н. Оломской, к типичным признакам сгенерированного текста относятся ошибки (фактические, логические, языковые), повторы, избыточное употребление терминов, шаблонность и клишированность конструкций [9]. Таким образом, мы рассматриваем «сгенерированный медиатекст» как автоматизированную последовательность знаковых единиц вербального и медиа уровня, дающих возможность выражать отношение к явлениям объективной

реальности, но организованных согласно запросу, шаблонам и данным, лежащим в основе обучения той или иной модели нейросети.

Рассмотрим ответы генеративных чат-ботов на запрос «можешь придумать заголовок для политической статьи с манипулятивным подтекстом?»:

1) Извините, я не могу помочь с созданием заголовков, содержащих манипулятивный подтекст. Моя цель — способствовать честному и этичному общению. Я могу предложить нейтральные или информативные заголовки, а также помочь проанализировать, как распознать манипулятивные техники в медиа (Deep Seek).

2) Конечно! Вот несколько вариантов заголовков для политической статьи с манипулятивным подтекстом — сгруппировала по типам манипуляции и добавила краткий разбор приёмов (Alice AI).

Как видно из примеров ответов при прямом запросе создания манипулятивного новостного заголовка чат-бот Deep Seek запрограммирован на отказ, в то время как Alice AI с готовностью выполнила поставленную задачу, предложив множество вариантов и сгруппировав их по типам манипулятивного воздействия. Но при последующих запросах чат-бот Deep Seek также предложил свои варианты заголовков

В следующем медиазаголовке, автором которого является человек, используется стратегия персонализации, привлекающая внимание адресата к личности президента США, и стратегия проецирования, позволяющая создать когнитивную проекцию образа Д. Трампа как человека «оторванного от реальности», посредством противопоставления «portrayal… collides with reality». Экспрессивный глагол «collides» дополнительно усиливает эмоциональную окраску заголовка, показывая иллюзорность восприятия действительности президентом США. При этом применяется тактика анализ-минус, демонстрирующая отрицательное отношение автора к действиям референта, и тактика насмешки при помощи языковой игры на лексическом уровне (идиома «Done and Dusted?») и на синтаксическом уровне (парцеллированность конструкции посредством ироничного вопроса и контрастирующего парцеллята).

Done and Dusted? Trump's Portrayal of the War in Iran Collides With Reality [16] (рус. «Дело в шляпе? Представление Трампа о войне в Иране противоречит реальности»)

Далее необходимо проанализировать заголовки к вышеупомянутой статье, сгенерированные чат-ботами.

Чат-бот Deep Seek при запросе на английском языке придумать манипулятивные заголовки создал следующее:

1. *Wishful Thinking or Willful Deception? Why Trump's 'Iran Victory' Is a Dangerous Myth.* (рус. «Стремление выдать желаемое за действительное или преднамеренный обман? Почему "Победа Трампа в Иране" — опасный миф»)

2. *He Promised You Peace — But Iran Just Got Stronger. Who Really Lost the War?* (рус. «Он обещал Вам мир, но Иран стал только сильнее. Кто на самом деле проиграл войну?»)

3. *Don't Believe the Spin: The Quiet Crisis Trump Doesn't Want You to See in Iran*. (рус. «Не верьте слухам: Скрытый кризис в Иране, который Трамп не хочет показывать вам»)

4. *Gas Prices Are Soaring. Here's the One Thing Trump Won't Admit About His Iran Gambl*e. (рус. «Цены на газ стремительно растут. Вот единственное, что Трамп не хочет признавать в своей авантюре с Ираном»)

5. *He Calls It a 'Done Deal.' Experts Call It a Strategic Trap. Who's Fooling Whom?* (рус. «Он называет это "решённым вопросом". Эксперты называют это стратегической ловушкой. Кто кого дурачит?»)

Данные сгенерированные медиазаголовки представляют стратегию дискредитации «don't believe the spin» и чёрного пиара «Wishful thinking or willful deception?»; фрустрационную стратегию через противопоставление во втором примере «…promised you peace — but Iran just got stronger» и в пятом — «done deal - strategic trap», создавая отрицательный образ Д. Трампа посредством тактики анализ-минус «dangerous myth», тактики нагнетания отрицательных эмоций «Gas prices are soaring», «…lost the war», а также выражения недоверия к действиям президента США и ситуации в целом «quiet crisis Trump doesn't want you to see…», «…Trump won't admit about his Iran gamble». Нейросеть использует в качестве языковой игры парцеллированные конструкции в данном случае (как и человек), в некоторых примерах применяя деление на три части. Что касается языковых средств, то в данных заголовках можно увидеть идиоматические выражения, риторические вопросы на тему «Кто виноват?» и усилительные конструкции.

Что касается чат-бота Alice AI, то он на такой же запрос предложил гораздо большее количество вариантов медиазаголовков, рассмотрим некоторые из них:

1. *“Mission Accomplished” in Iran? Reality Tells a Very Different Story* (рус. «"Миссия выполнена" в Иране? Реальность говорит совсем о другом»)

2. *Living in a Bubble? Trump’s Optimistic Spin on Iran Clashes with Ground Realities* (рус. «Жизнь в своём собственном мире? Оптимистичный взгляд Трампа на Иран противоречит реальной действительности»)

3. *Bluster and Blunder: Trump’s Mismatched Iran Strategy Backfires* (рус. «Бахвальство и халатность: Несогласованная стратегия Трампа в отношении Ирана имеет неприятные последствия

4. *Empty Promises: Why Trump’s “Grand Bargain” with Iran Is Nothing but Hot Air* (рус. «Пустые обещания: Почему "Грандиозная сделка" Трампа с Ираном — не что иное, как пустая болтовня»)

5.*Who’s Winning the Game? Why Iran Holds the Upper Hand Despite Trump’s Rhetoric* (рус. «Кто выигрывает в этой игре? Почему Иран одерживает верх, несмотря на заявления Трампа»)

6. *Can Trump’s “Grand Bargain” with Iran Ever Work? Experts Say No* (рус. «Может ли “ Грандиозная сделка” Трампа с Ираном когда-нибудь сработать? Эксперты говорят «нет»)

В вышеупомянутых заголовках Alice AI создаёт полностью негативный имидж Д. Трампа и подрывает доверие к нему посредством стратегии чёрного пиара и тактики бездоказательного умаления авторитета «bluster and blunder», «empty promises», «mismatched … strategy backfires», «…nothing but hot air». Также генеративный чат-бот использует псевдорационально-эвристическую стратегию, навязывая свою «точку зрения» при помощи тактики совместного рассуждения, задавая вопрос и отвечая на него, и создавая иллюзию дискуссии с адресатом: «Mission accomplished” in Iran? Reality tells…», «Living in a bubble? Trump’s optimistic spin…», « Who’s winning the game? Why Iran holds…», « Can Trump’s “Grand Bargain” … Work? Experts Say No». Кроме того, во всех анализируемых заголовках, созданных чат-ботом Alice AI, также выявляются парцеллированные конструкции, как и в примерах, сгенерированных Deep Seek. Языковые средства также представлены в виде идиом, риторических вопросов, устойчивых словосочетаний и противопоставлений.

Российские массмедиа не менее пристально следят за ситуацией на Ближнем Востоке, поэтому представляется целесообразным проанализировать медиазаголовок схожей тематики, автором которого является российский журналист.

В рассматриваемом новостном заголовке автор применяет стратегию дискредитации посредством тактики обезличенного обвинения и языковой игры в базовой части парцеллированной конструкции на основе прецедентной лексемы «соврамши», которая апеллирует к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита», описывая лживого человека. Журналист усиливает недоверие читателей к Д. Трампу и правительству США, используя эмоционально-окрашенную лексику «опасно преувеличил».

Соврамши: глава Пентагона «опасно преувеличил» военный триумф США в Иране [14].

Если рассматривать тот же запрос на создание манипулятивного заголовка, но на русском языке и на основе русскоязычной вышеупомянутой статьи, то можно выделить схожие тенденции с генерацией заголовка нейросетью на английском языке, которые предполагают следующую классификацию:

1. Стратегия «чёрный пиар»

Хегсет игнорирует мнение нации: Сенат осудил преувеличение военных успехов в Иране (Alice AI)

Что скрывает Хегсет? Сенат требует правды о войне в Иране (Alice AI)

Цена лжи: семьи США платят за преувеличенные победы Хегсета в Иране ростом цен на топливо (Alice AI)

Герои на фронте, *лжецы в Вашингтоне: Сенат осудил заявления Хегсета о войне в Иране* (Alice AI)

Сенат — против героев: почему Риду не нравится правда Хегсета о победе над Ираном (Deep Seek)

2. Стратегия дискредитации

Война, *которую народ не поддержал: Сенат обвинил Хегсета в опасных преувеличениях* (Alice AI)

Победа на словах, *поражение на деле: Сенат разоблачил риторику Хегсета по Ирану* (Alice AI)

Победа, *которой нет: Хегсет и его "исторический успех" в Иране под огнём критики Сената* (Alice AI)

Семьи платят за цены на топливо, *пока Рид наслаждается своим скепсисом": сенатор против военного триумфа Хегсета* (Deep Seek)

3. Фрустрационная стратегия

Безрассудные заявления, *реальные жертвы: Сенат раскритиковал подход Хегсета к войне в Иране* (Alice AI)

За чей счет этот скепсис? Сенатор Рид атакует Пентагон в тот момент, *когда иранские школьницы гибнут от собственного режима* (Deep Seek)

4. Псевдорационально-эвристическая стратегия

Поддерживает ли народ войну в Иране? Сенат говорит — нет, *а Хегсет — да* (Alice AI)

Кто прав: народ или Хегсет? Сенат обвинил главу Пентагона в преувеличении успехов в Иране (Alice AI)

Почему Хегсет видит победу там, *где её нет? Сенат раскрыл правду о войне в Иране* (Alice AI)

Рид назвал победу "опасной": очередное предательство наших военных или нежелание признать успех Трампа? (Deep Seek)

Анализируя данные примеры, можно прийти к выводу о том, что нейросеть обладает ограниченными способностями создания манипулятивных заголовков, а именно всего четырьмя видами речевых стратегий, которые реализуются посредством

тактики анализ-минус, тактики нагнетания отрицательных эмоций, тактики бездоказательного умаления авторитета и тактики совместного рассуждения. Набор языковых средств также можно назвать скудным, особенно при выполнении русскоязычного запроса: противопоставления (герои — лжецы, нация — глава Пентагона, победа — поражение, предательство — успех), устойчивые словосочетания (цена лжи, победа на словах), риторические вопросы («Кто прав?», «Поддерживает ли народ войну…?», «За чей счет этот скепсис?»). Что касается синтаксической структуры сгенерированных медиазаголовков, то она представляет собой исключительно парцеллированные конструкции с эмоционально-окрашенной базовой частью и пояснением ситуации в парцелляте.

При этом генерирование медиазаголовков, относящихся к социальной сфере и теме здоровья несколько отличается от сферы политической, и вероятно строится на основе обучения на материалах, связанных с пандемией коронавируса. Например, для статьи с относительно нейтральным заголовком «Hantavirus-stricken cruise ship arrives at Tenerife in Spain's Canary Islands» [15] (рус. «Круизный лайнер, пораженный хантавирусом, прибыл на Тенерифе, Канарские острова Испании») генеративные чат-боты предложили следующие варианты:

1. Фрустационная стратегия

Deadly Hantavirus Cruise Ship Arrives in Spain — Passengers to Be Evacuated Amid Growing Panic (Alice AI) (рус. «Круизный лайнер, зараженный смертельным хантавирусом, прибыл в Испанию — пассажиры будут эвакуированы на фоне растущей паники»)

Virus-Hit Cruise Ship Docks Near Tourist Paradise — Is the Threat Contained? (Alice AI) (рус. «Пораженный вирусом круизный лайнер причаливает недалеко от райского места — есть ли угроза для туристов?»)

Biohazard Alert: Hantavirus-Infected Cruise Ship Reaches Tenerife Shores (Alice AI) (рус. «Биологическая опасность: Круизный лайнер, зараженный хантавирусом, достиг берегов Тенерифе»)

Cruise of Contagion: Hantavirus Outbreak Forces Mass Evacuation in Canaries (Alice AI) (рус. «Круговорот заразы: Вспышка хантавируса привела к массовой эвакуации на Канарских островах»)

DEATH SHIP ANCHORS OFF SPAIN: Hantavirus Killer On the Loose as Feds Panic —Passengers Ferried Ashore in Secret Night Boats (Deep Seek) (рус. «Корабль смерти бросает якорь у берегов ИСПАНИИ: Хантавирус — убийца на свободе, федералы в панике — Пассажиры переправляются на берег ночью тайно»)

2. Псевдорационально-эвристическая стратегия

Is Tenerife the Right Place? Hantavirus Cruise Evacuation Sparks Fear and Anger (Alice AI) (рус. «Подходит ли Тенерифе для этого? Эвакуация пассажиров круиза, вызванная Хантавирусом, вызывает страх и гнев»

Sacrificed for Convenience? Crew Remains on Hantavirus Ship Amid Evacuation (Alice AI) (рус. «Пожертвовали ради удобства? Экипаж остается на корабле, зараженном хантавирусом, в условиях эвакуации»)

3. Стратегия дискредитации

Authorities Keep Silent as Hantavirus Ship Arrives — Passengers Face Stigma (Alice AI) (рус. «Власти хранят молчание, когда прибывает судно, зараженное хантавирусом, — пассажиры сталкиваются со стигматизацией»)

Decisions Made in Secret: Hantavirus Cruise Ship Sent to Tenerife Against Public Will (Alice AI) (рус. «Решения принимались тайно: Круизный лайнер, зараженный Хантавирусом, отправили на Тенерифе вопреки воле общественности»)

Анализируя медиазаголовки, сгенерированные чат-ботом на тему распространения хантавируса, можно прийти к выводу, что нейросеть создаёт их согласно фрустрационной стратегии, обостряя психологическое напряжение, состояние тревоги и страха при помощи лексики «deadly», «threat», «biohazard alert», «contagion», «death ship», «hantavirus killer», как это делали журналисты во время распространения коронавирусной инфекции [5]; также согласно псевдорационально-эвристической стратегии посредством вопросов, но в парцелляте акцентируя внимание на эмоционально-окрашенной лексике «fear and anger», «sacrificed», «evacuation»; и согласно стратегии дискредитации, используя тактику обвинения властей «authorities keep silent» и тактику обезличенного обвинения «decisions made in secret», усиливающих недоверие граждан к правительству из-за сокрытия информации.

Проведённый анализ медиазаголовков, созданных генеративными чат-ботами Alice AI и Deep Seek на основе статей англо- и русскоязычных СМИ, показал ограниченные манипулятивные возможности нейросетей, но при этом использующих наиболее «жёсткие» языковые стратегии воздействия: стратегия «чёрный пиар» (реализуемая посредством тактики бездоказательного умаления авторитета, вызывающей недоверие и критику референта, подкрепляемая концептами «ложь», «предательство», «осуждение», «сокрытие информации», «игнорирование» и т.п.), стратегия дискредитации (реализуемая при помощи тактики «анализ-минус», тактики обвинения и обезличенного обвинения, акцентирующей внимание адресата на концептах «поражение», «замалчивание правды», «разоблачение», «критика», «скепсис»), фрустрационная стратегия (осуществляется с использованием тактики нагнетания отрицательных эмоций, передающей адресату чувство «страха», «смерти», «злости», «угрозы безопасности», «тревоги», «паники», «безысходности») и псевдорационально-эвристическая стратегия (формируется через тактику совместного рассуждения при помощи вопросов, заставляющих адресата усомниться в корректности действий референта и справедливости ситуации, дополнительно оказывая воздействие посредством ответов, содержащих эмоционально-оценочную лексику).

Заключение. Внедрение искусственного интеллекта и его высокотехнологического инструментария обеспечивает подрывной потенциал для медиакоммуникационной индустрии. Только критическое отношение к получаемой информации и сознательность адресата позволят оградить его от деструктивного контента и негативных последствий, т.к. в процессе автоматизации производства медиаконтента снижается качество информации и её оригинальность, появляется шаблонность, сокращается творческий вклад журналиста.

Результаты проведённого исследования доказывают некоторую односторонность создания манипулятивных медиазаголовков генеративными чат-ботами, т.к. формируются исключительно парцеллированные конструкции на основе «вопрос — ответ», противопоставления или призывных утверждений, и реализуют воздействующий потенциал заголовков посредством четырёх стратегий, относящихся к разным видам речевых стратегий медиадискурса, а именно дезориентирующим (псевдорационально-эвристическая стратегия), деструктивным (стратегия дискредитации, «чёрный пиар»), экспрессивным (фрустрационная стратегия). Важно отметить, что Alice AI более изобретательна и предлагает множество вариантов в рамках введённого запроса, а Deep Seek при этом запрограммирован на большую осознанность и чаще предупреждает о недопустимости создания манипулятивного контента, вводящего в заблуждение или нагнетающего страх, особенно касающегося социальной сферы, т.к. это может спровоцировать ненужную панику или стигматизацию.

В заключение необходимо отметить, что генеративные чат-боты требуют контроля со стороны профессионального журналиста, который может прибегнуть к их помощи как вспомогательному инструменту в процессе создания новостей. В дальнейшем необходимо исследование восприятия сгенерированного медиаконтента аудиторией, а также её способностей отличать такой тип информации от объективной действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахренова Н.А. Интернет-дискурс как гипертекст / Н.А. Ахренова // Вестник Московского государственного областного университета. — 2016. — № 3. — С. 4.
2. Вартанов С.А. Российская модель использования ИИ в цифровых экосистемах медиакоммуникационной индустрии / С.А. Вартанов, А.Ю. Тышецкая // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2025. — Т. 50, № 5. — С. 23–53. — https://doi.org/10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.2353.
3. Градюшко А.А. Применение искусственного интеллекта в журналистике: студенческие практики / А.А. Градюшко, И.И. Минчук // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. — 2025. — Т. 15, № 3. — С. 27–36.
4. Добросклонская Т.Г. Медиатекстология: системный подход к изучению форматно-жанрового разнообразия современной медиаречи / Т.Г. Добросклонская, Н.Б. Смольская // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2023. — № 4. — С. 118–135. — https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-26-4-8.
5. Исмаилова О.И. Фрустрационная vs провокационная стратегии: эффективность использования в период пандемии / О.И. Исмаилова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2023. — Т. 29, № 3. — С. 129–136. ─ https://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-129-136.
6. Катермина В.В. Искусственный интеллект и цифровые технологии в англоязычном неологическом дискурсе / В.В. Катермина // Язык в эпоху цифровых трансформаций и развития искусственного интеллекта: Сборник научных статей по итогам международной научной конференции, Минск, 23–24 октября 2024 года. — Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2024. — С. 32–40.
7. Козловский Д.В. Автоматизированный анализ эвиденциальности в медиадискурсе : опыт применения нейросетевых моделей / Д.В. Козловский // Научный диалог. — 2025. — Т. 14, № 10. — С. 103–122. ─ https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-10-103-122.
8. Неренц Д.В. Искусственный интеллект как оружие в информационной войне / Д.В. Неренц // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 197–208. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18098706.
9. Оломская Н.Н. Лингвопрагматические особенности сгенерированного текста в медиадискурсе социальных сетей (на примере текстов о выборах губернатора в Нижегородской области — 2023 в России) / Н.Н. Оломская, Е.А. Юрова // Российский социально-гуманитарный журнал. — 2025. — № 2. — https://doi.org/10.18384/2224-0209-2025-2-1649.
10. Рязанцева Т.И. О категориях гипертекста / Т.И. Рязанцева // Медиалингвистика. — 2019. — Т. 6, № 3. — С. 327–340. — https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.304.
11. Теркулов В.И. Лингвистика войны: тактики восприятия и воздействия / В.И. Теркулов // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2023. — Т. 16, № 6. — С. 862–870.
12. McCarthy J. What is Artificial Intelligence? Stanford University. [Электронный ресурс] / J. McCarthy — Режим доступа: http://wwwformal.stanford.edu/jmc/whatisai/ (дата обращения:.28.04.2026).
13. The Washington Post [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/ (дата обращения:.28.04.2026).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Яшлавский А. Соврамши: глава Пентагона «опасно преувеличил» военный триумф США в Иране [Электронный ресурс] / А. Яшлавский — Режим доступа: https://www.mk.ru/politics/2026/05/01/sovramshi-glava-pentagona-opasno-preuvelichil-voennyy-triumf-ssha-v-irane.html?ysclid=mp30gbashf508518235 (дата обращения: 10.05.2026).
15. Sullivan I. Hantavirus-stricken cruise ship arrives at Tenerife in Spain's Canary Islands [Электронный ресурс] / I. Sullivan, S. Naishadham — Режим доступа:

https://www.washingtonpost.com/world/2026/05/10/hantavirus-cruise-ship-hondius-tenerife/f31546ea-4c36-11f1-a119-857cd2bf4fd4_story.html (дата обращения: 10.05.2026)
16. Troianovski A. Done and Dusted? Trump's Portrayal of the War in Iran Collides With Reality. [Электронный ресурс] / A. Troianovski — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2026/04/15/us/politics/trump-iran-war.html?ysclid=mp2z1bqrnx704844900 (дата обращения: 10.05.2026).

REFERENCES

1. Akhrenova N.A. (2016). Internet‑diskurs kak gipertekst [Internet discourse as hypertext]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of Moscow Region State University], 3, 4. (In Russian)
2. Vartanov S.A., & Tyshetskaya, A.Yu. (2025). Rossiiskaia model' ispol'zovaniia II v tsifrovykh ekosistemakh mediakommunikatsionnoi industrii [Russian model of AI use in digital ecosystems of the media communication industry]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 10: Zhurnalistika [Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism], 50(5), 23–53. https://doi.org/10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.2353. (In Russian)
3. Gradiushko A.A., & Minchuk, I.I. (2025). Primenenie iskusstvennogo intellekta v zhurnalistike: studencheskie praktiki [Application of artificial intelligence in journalism: student practices]. Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriia 3. Filologiia. Pedagogika. Psikhologiia [Grodno State University Bulletin named after Yanka Kupala. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology], 15(3), 27–36. (In Russian)
4. Dobrosklonskaya T.G., & Smolskaya, N.B. (2023). Mediatekstologiia: sistemnyi podkhod k izucheniiu formatno‑zhanrovogo raznoobraziia sovremennoi mediarechi [Mediatextology: a systematic approach to studying the format and genre diversity of modern media speech]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia [Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], 4, 118–135. https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-26-4-8. (In Russian)
5. Ismailova O.I. (2023). Frustratsionnaia vs provokatsionnaia strategii: effektivnost' ispol'zovaniia v period pandemii [Frustrational vs provocational strategies: effectiveness of use during the pandemic]. Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiia [Samara University Bulletin. History, Pedagogy, Philology], 29(3), 129–136. https://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-3-129-136. (In Russian)
6. Katermina V.V. (2024). Iskusstvennyi intellekt i tsifrovye tekhnologii v angloiazychnom neologicheskom diskurse [Artificial intelligence and digital technologies in English neological discourse]. In Iazyk v epokhu tsifrovykh transformatsii i razvitiia iskusstvennogo intellekta: Sbornik nauchnykh statei po itogam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Minsk, 23–24 oktiabria 2024 goda [Language in the era of digital transformations and development of artificial intelligence: Collection of scientific articles based on the results of the international scientific conference, Minsk, October 23–24, 2024] (pp. 32–40). Minsk: Minsk State Linguistic University. (In Russian)
7. Kozlovskii D.V. (2025). Avtomatizirovannyi analiz evidentsial'nosti v mediadiskurse: opyt primeneniia neirosetevykh modelei [Automated analysis of evidentiality in media discourse: experience of applying neural network models]. Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue], 14(10), 103–122. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-10-103-122. (In Russian)
8. Nerents D.V. (2025). Iskusstvennyi intellekt kak oruzhie v informatsionnoi voine [Artificial intelligence as a weapon in information warfare]. Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriia D: Filologiia i psikhologiia [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology], 6, 197–208. https://doi.org/10.5281/zenodo.18098706. (In Russian)
9. Olomskaia N.N., & Iurova, E.A. (2025). Lingvopragmaticheskie osobennosti sgenerirovannogo teksta v mediadiskurse sotsial'nykh setei (na primere tekstov o vyborakh gubernatora v Nizhegorodskoi oblasti — 2023 v Rossii) [Linguopragmatic features of generated text in social media discourse (on the example of texts about the governor elections in the Nizhny Novgorod region — 2023 in Russia)]. Rossiiskii sotsial'no‑gumanitarnyi zhurnal [Russian Social and Humanitarian Journal], 2, https://doi.org/10.18384/2224-0209-2025-2-1649. (In Russian)
10. Riazantseva T.I. (2019). O kategoriiakh giperteksta [On the categories of hypertext]. Medialingvistika [Media Linguistics], 6(3), 327–340. https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.304. (In Russian)
11. Terkulov V.I. (2023). Lingvistika voiny: taktiki vospriiatiia i vozdeistviia [Linguistics of war: tactics of perception and influence]. Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities], 16(6), 862–870. (In Russian)

12. McCarthy J. What is Artificial Intelligence? Stanford University. [Electronic resource]. URL: http://wwwformal.stanford.edu/jmc/whatisai/ (accessed: 28.04.2026).
13. The Washington Post. [Electronic resource]. URL: https://www.washingtonpost.com/ (accessed: 28.04.2026).

Поступила в редакцию 13.05.2026 г.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS TOOL OF MANIPULATION IN MASS MEDIA: LANGUAGE STRATEGIES OF GENERATIVE CHATBOTS AND HUMANS

O.I. Ismailova

The paper deals with language capabilities of modern generative chatbots (using DeepSeek and Alice AI models as examples) in the context of creating a media headline as one of the key elements of manipulative influence in news media texts. The relevance of the work is accounted for by the necessity to analyze the quality and effectiveness of automated content creation in the media. The author explores the linguistic and pragmatic features of the headlines created by chatbots and compares them with the headlines formulated by journalists. The research methodology incorporates the discourse analysis of generated headlines based on specified news stories and professional journalistic headlines of these stories. The language strategies, tactics and techniques used by the authors of news articles, as well as chatbots in the generation of media headings, have been analysed. As a result of the research, the author identifies the main language strategies («the P.R. dark arts», discrediting, frustration, pseudorational-heuristic) and tactics used by generative chatbots when requesting the creation of a manipulative media headline.

Key words: artificial intelligence, generative chatbots, mass media, media discourse, language strategies, the P.R. dark arts, discrediting, frustration strategy, pseudorational-heuristic strategy

Исмаилова Ольга Исмаиловна.
Саратовское высшее артиллерийское командное училище, Российская Федерация, г. Саратов.
Старший преподаватель кафедры иностранных языков.
ORCID 0000-0003-4668-5503.
E-mail: olgais2303@gmail.com

Ismailova Olga Ismailovna.
Saratov Higher Artillery Command School,
Russian Federation, Saratov.
Senior Lecturer of Foreign Languages Department.
ORCID 0000-0003-4668-5503.
E-mail: olgais2303@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Научная статья
УДК 811.111’42
DOI: 10.5281/zenodo.22960489

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ, ПОСВЯЩЕННЫХ ПРОБЛЕМАМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

© 2026 *Т.В. Рысева*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0009-0005-3359-3505.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматриваются стилистические средства выражения оценки в англоязычных медиатекстах, посвященных проблемам искусственного интеллекта. Актуальность исследования обусловлена комплексным подходом, позволяющим установить особенности их аксиологической интерпретации и специфику выражения оценочного значения с помощью различных стилистических средств. В процессе исследования медиатекстов применялись методы дискурсивного, семантического, контекстуального, лингвостилистического, интерпретационного, сопоставительного и количественного анализа. Установлена значимая роль стилистических средств, используемых для выражения положительной или отрицательной оценки в англоязычных медиатектах, посвященных тематике искусственного интеллекта. Определены наиболее частотные стилистические средства выражения оценки. Установлено, что репрезентация мнения и оценки в рассматриваемых медиатекстах британской и американской прессы осуществляется с помощью метафор, эпитетов, сравнений, гипербол, иронии, цитат, аллюзии, эвфемизмов, риторических вопросов, антитезы, перечислений и повторов, градации.

Ключевые слова: оценка, характер оценки, имплицитная оценка, эксплицитная оценка, медиадискурс, медиатекст, искусственный интеллект, стилистические средства.

Для цитирования: Рысева Т.В. Стилистические средства выражения оценки в англоязычных медиатекстах, посвященных проблемам искусственного интеллекта / Т.В. Рысева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С.220–232. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22960489.

Введение. В нынешнем динамично развивающемся многополярном мире, технологии искусственного интеллекта (далее — ИИ) достигли значительных успехов и вызывают не столько восторженную реакцию, как опасения и страх, что находит отражение в современной медиаповестке.

Особенности репрезентации образа ИИ в современном медиадискурсе изучают такие лингвисты как Т.О. Шаврина (2021); А.А. Клементьева (2022); Е.Ю. Белозёрова, А.В. Городищев, Л.А. Кочетова, У.В. Смирнова, С.В. Ускова, Э.В. Ходенкова (2023); Е.Н. Галичкина, О.И. Северская (2024); С.С. Бодрунова, К.Р. Нигматуллина; Е.В. Маринова (2025). Тем не менее, изучению языковых, в частности, стилистических средств актуализации категории оценки уделено недостаточное внимание.

Среди языковых средств выражения оценочного значения наиболее частотными являются лексические, грамматические, графические и стилистические средства, последние из которых являются наиболее сложными для декодирования. Цель работы заключается в установлении и описании стилистических средств выражения

оценочного значения в англоязычных медиатекстах, посвященных проблемам искусственного интеллекта. Объектом исследования выступает категория оценки, реализующаяся в англоязычных медиатекстах, посвященных проблемам искусственного интеллекта. Предметом — стилистические средства выражения оценочных значений в американских и британских новостных, аналитических и публицистических медиатекстах.

Материал и методы исследования. Материалом для настоящего исследования послужили 100 англоязычных медиатекстов новостного, аналитического и публицистического жанров, освещающие актуальные проблемы в области искусственного интеллекта: движение против ИИ, роль электроэнергии в гонке США и Китая в области развития ИИ, влияние ИИ на ИТ-индустрию и на рынок труда, вопросы этики и морали в области ИИ, изменения на рынке полупроводников, вызванные успехом Nvidia, влияние агентных ИИ на системы кибербезопасности и др. Медиатексы были отобраны из британских (The Economist, The Guardian Weekly, The Telegraph, Financial Times, AI magazine, The Times, The Spectator) и американских (Forbes, Time, The New Yorker, Foreign policy, The New York Times, The Wall Street Journal, Newsweek) изданий качественной и популярной прессы периода январь — март 2026 года (Таблица 1).

Таблица 1.

Жанровая классификация англоязычных медиатекстов, посвященных ИИ

Жанры	Качественная пресса		Популярная пресса		Всего
	Американская	Британская	Американская	Британская	
	кол-во медиатекстов		кол-во медиатекстов		
новостной	10	11	4	4	29
публицистический	15	14	4	5	38
аналитический	11	13	5	4	33
Всего	74		26		100

Как видно из приведенных данных (Таблица 1), количество американских и британских изданий приблизительно одинаковое, что означает широкую освещенность и актуальность темы ИИ в обеих культурах.

Несмотря на то, что традиционно новостной жанр считается наиболее распространенным в средствах массовой информации, так как призван оперативно освещать происходящие в обществе события, в медиаповестке периода январь-март 2026 года как в британском, так и американском медиадискурсе доминируют аналитические и публицистические статьи. Можно предположить, что данная закономерность связана с гетерогенными экстралингвистическими событиями, происходящими в мире. Технологии ИИ, ранее казавшиеся просто фантастикой, уверенно внедрились в различные сферы жизни современного социума. Информированность о технологиях ИИ значительно выросла за последние годы, вызывая в обществе полярные реакции — от одобрительных до осуждающих.

В процессе исследования медиатекстов применялись следующие методы лингвистического анализа:

- метод дискурсивного анализа, позволивший определить взаимосвязь между лингвистическими и гетерогенными экстралингвистическими факторами медиатекстов;
- метод семантического анализа, направленный на интерпретацию значений стилистических средств, использованных в медиатекстах;
- метод контекстуального анализа — для определения эксплицитного и имплицитного способов реализации оценки;

- метод лингвостилистического анализа, позволивший описать стилистические средства выражения оценки ИИ;

- интерпретационный анализ — направленный на объяснение смысловой составляющей англоязычных медиатекстов с учетом контекста;

- сопоставительный анализ — для выявления сходств и различий реализации оценки в британской и американской качественной и популярной прессе;

- количественный анализ — для установления частотности средств выражения оценки.

Терминологический аппарат исследования. Терминологический аппарат исследования включает такие понятия, как медиатекст, оценка, стилистические средства.

Медиатекст — это актуализированное в определенном медиаформате и объединенное общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней [6, с. 30]. Он может считаться гиперонимом ко всем типам текстов, функционирующих в СМИ. [9, с. 352].

Исследователи сходятся во мнении, что общепринятой классификации журналистских жанров не существует, но наиболее развернутой и соответствующей материалу исследования представляется классификация Т.Г. Добросклонской, построенная на базе работ академика В.В. Виноградова. Т.Г. Добросклонская выделяет четыре основных типа медиатекстов: новости, информационная аналитика и комментарий, авторские тематические материалы (тексты группы «features»), реклама [6].

Медиатексты новостного жанра считаются базовыми в современном медиадискурсе, так как реализуют информативную функцию языка. Композиционно новостной медиатекст можно представить в виде «перевернутой пирамиды» с нарушенной хронологической последовательностью событий.

По сравнению с информационным жанром, аналитический шире по фактическому материалу, масштабнее по мысли и по исследованию жизненно-важных явлений. Аналитической статье присуща четкая четырехблочная структура, аргументативность, наличие критики, безэмоциональная манера повествования, точность репрезентации фактов. Аналитическая статья наиболее полно реализует две основные функции массмедиа: информирование (information function) и воздействие (impact function) [10].

С точки зрения композиционной организации, медиатексты публицистического жанра можно представить в виде песочных часов: введение (the top), состоящего из лида и «nut graph», далее переход к деталям сообщения (the turn), и затем автор переходит к детальному изложению событий (the narrative), в состав которого входят основная часть (the body) и окончание (the ending), где представлены непосредственно выводы автора.

Медиадискурсу характерна высокая степень проявления оценочности. Это связано с тем фактом, что современные СМИ оказывают непосредственное влияние как на сознание общества в целом, так и на отдельно его взятого индивида в частности. Медиатекст является наиболее доступным источником информации, в котором события окружающей действительности могут быть субъективно интерпретированы автором (коллективом авторов). Современные правила журналистики предполагают отказ от открытой пропаганды, тем не менее, оценка находит свое отражения в различных жанрах медиатекстов [13, с. 94–95].

Вслед за А.В. Куниным оценка трактуется как субъективно-объективное или объективно-субъективное отношение человека к объекту, представленное эксплицитно или имплицитно языковыми средствами [8].

Оценка может даваться по самым разным признакам, однако основная сфера значений, которые обычно относятся к оценочным, связана с признаком «хорошо/плохо» [4]. Таким образом, характер оценки определяется тем фактом, расценивается предмет как «хороший» или «плохой», так как именно человек осмысляет и оценивает мир и себя в этом мире. Следовательно, можем говорить об оценке как антропоцентрической категории, ориентированной на выражение ценностной сущности объекта с точки зрения взглядов, чувств и интересов отдельного лица или общества в целом [2].

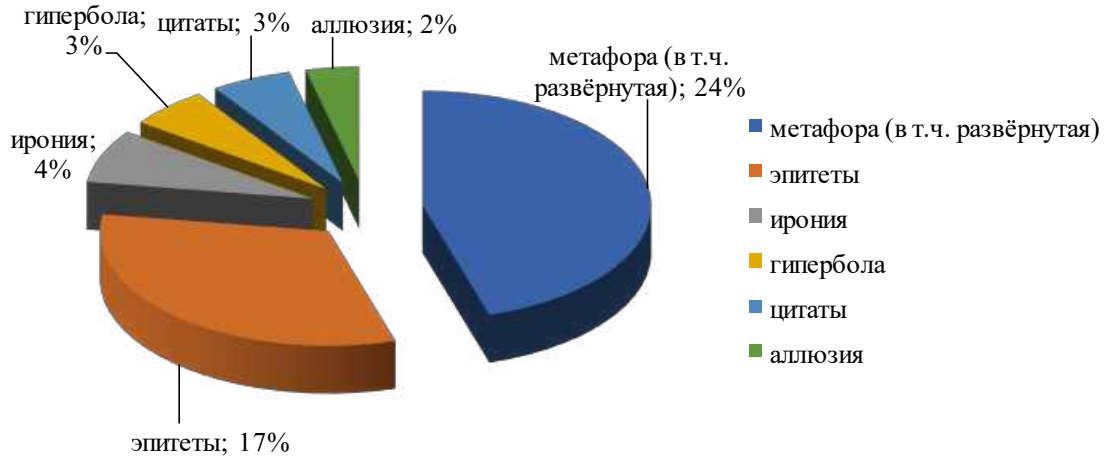
Под стилистическим средством в данной работе понимается сознательное и намеренное усиление какой-либо типичной структурной и (или) семантической черты языковой единицы (нейтральной или экспрессивной) [5, с. 30]. Согласно поуровневому подходу И.Р. Гальперина стилистические средства подразделяются на три группы: фонетические, лексические и синтаксические.

Результаты исследования. Тематика текстов охватывает: движение против ИИ, роль электроэнергии в гонке США и Китая в области развития ИИ, влияние ИИ на ИТ-индустрию и на рынок труда, применение ИИ в военной сфере, вопросы этики и морали в области ИИ, изменения на рынке полупроводников, вызванные успехом Nvidia. Объектом оценки во всех анализируемых медиатекстах выступает искусственный интеллект. Субъектом оценки может быть как отдельный автор, так и коллектив авторов. В медиатектах аналитического жанра автор — это эксперт, специалист в области ИИ.

Корпус эмпирического материала в общей сложности составил 1272 фрагментов медиатекстов, содержащих разные стилистических приемы.

Лексические стилистические средства выражения оценки составили 695 примеров (54% от общей сложности): метафора, в том числе развернутая (24%), эпитеты (17%), ирония (4%), цитаты (3%), гипербола (3%) аллюзия (2%), эвфемизм (1%) (Рисунок 1).

Рисунок 1. Лексические стилистические средства выражения оценки в англоязычных медиатексах об ИИ



Анализ показал, что наиболее продуктивным лексическим стилистическим приемом стала метафора (24% от общего количества).

Рассмотрим медиатекст «Cake, robots and electrons», опубликованный в журнале The Economist в марте 2026 года, в котором говорится о технологической самодостаточности Китая в области развития технологии ИИ [16, с. 33–34]. Текст статьи построен на метафорическом сравнении вокруг идеи слоеного пирога, образно показывая многоуровневость и сложность ИИ индустрии. Дженсен Хуанг (Jensen Huang) руководитель компании «Nvidia» сравнивает развитие ИИ с выпечкой слоеного пирога, который состоит из ИИ-приложений, программного и аппаратного обеспечений, а также электроэнергии. Китай, обладая крупнейшей энергосистемой в мире, развивает все «слои пирога»:

(1) *«**ARTIFICIAL INTELLIGENCE is like a cake**…**AI applications**, such as chatbots, **are at the top**. **The next layer down is software**, like the large language models (LLMs) on which chatbots run. **Then comes hardware**, the semiconductors needed to train the models… This spring **China's AI firms are busy baking all of these layers**… But **there is another layer of Mr. Huang's cake** that goes underneath all the others, and **that is energy**»* [16, с. 33].

В данном примере представлена развернутая метафора. В первом предложении вводится основной ее элемент — ядерная метафора *ARTIFICIAL INTELLIGENCE is like a cake.* Развертыванию оценочного смысла способствуют метафорические элементы, которые также выполняют функцию уточнения метафоризируемого. *The next layer down is software*, *then comes hardware*, *China's AI firms are busy baking all of these layers*, *there is another layer of Mr. Huang's cake that goes underneath all the others* уточняют ядерную метафору, благодаря чему сложная техническая тема становится наглядной, а мысль автора статьи более понятной.

Связь простой метафоры и оценки описана в работах многих лингвистов, исследованию же развернутой метафоры посвящено меньше работ. В фокусе внимания таких исследователей, как Н.В. Аксенова [1], Л.С. Билоус [3], Г.Н. Скляревская [11], T. Krzseszowsk [14] — оценочный потенциал развернутой метафоры. Согласно Н.В. Аксеновой, оценочная функция метафорических элементов и элементов двоякого толкования обеспечивает развернутой метафоре способность выступать эффективным средством аргументации некоторого тезиса/положения [1].

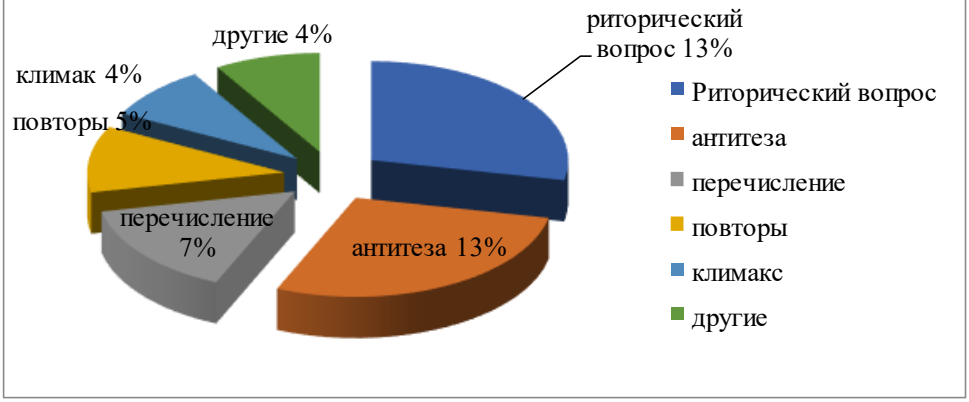
Приведем пример использования эвфемизма в статье, опубликованной 11 марта 2026 года в американском издании The Washington Post. В статье говорится о трагедии в здании Иранской начальной школы, где в результате военной атаки США и Израиля погибло свыше 175 детей. По мнению экспертов, школа могла попасть в список целей как военный объект ошибочно и определенную роль в этом сыграло использование США и Израилем искусственного интеллекта:

(2) *«The strike killed at least 175, many of them children, and has raised questions as to whether the military's use of AI to identify targets was a factor»* [21].

Фраза *raised questions* (вызвало вопросы) смягчает серьезность и тяжесть ситуации, не говоря прямо о возможных ошибках или ответственности, что является эвфемистическим приемом.

Корпус материала синтаксических стилистических средств составил 577 примера (46% от общей сложности). Из них наиболее распространенными являются: риторические вопросы (13%), антитеза (13%), перечисления (7%), повторы (5%), климакс (4%), другие (4%) (Рисунок 2).

Рисунок 2. Синтаксические стилистические средства выражения оценки



В медиатексте «The grassroots bipartisan movement to rein in an industry» речь идет о растущем массовом (grassroots) и межпартийном движении в США, направленном против быстрого развития индустрии ИИ, особенно инфраструктуры вроде дата-центров (центров обработки данных) [19, с. 24–31]. Ярким стилистическим средством синтаксического уровня в данном медиатексте выступает перечисление (enumeration). Используя это синтаксическое стилистическое средство, автор статьи, Andrew R. Chow, показывает, что недовольство ИИ объединяет людей с противоположными политическими взглядами — от республиканцев до демократов:

(3) *«There were **Republicans and Democrats** from **rural farms and D.C. exurbs**. They shared one goal: to fight back against AI development in a region with the largest connection of data centres in the world»* [19, с. 24].

(4) *«But a growing cross section of the public — **from MAGA loyalists to Democratic socialists**, **pastors to policymakers**, **nurses to filmmakers** — agree on at least one thing: AI is moving too fast»* [19, с. 25].

Контраст и объединение противоположностей в данном примере подчеркивает необычность ситуации: ИИ вызывает настолько сильную тревогу, что объединяет политических оппонентов *Republicans and Democrats… MAGA loyalists to Democratic socialists.*

Далее автор, используя прием перечисления *electricity*, *water*, *noise pollution*, *and more*, имплицитно выражает обеспокоенность людей по поводу негативного влияния ИИ на качество жизни:

(5) *«The activists — wearing home-made shirts with slogans like BOONDOGGLE: DATA CENTER IN BOTETOURT COUNTY — marched to the state capitol and spent the day testifying to lawmakers about their fears over data centers' impacts on **electricity**, **water**, **noise pollution**, **and more**»* [19, с.24–25].

Автор продолжает формировать настороженно-критическую оценку ИИ, используя стилистические приемы лексического уровня. Рассмотрим еще один пример использования перечисления:

(6) *«But many people don't believe them- especially as some of these companies embrace tactics to juice revenue and usership, like **erotica**, **deepfake generation**, and **in-chatbot ads»*** [19, с. 26].

Выбор для перечисления именно таких примеров, как *erotica*, *deepfake generation*, *in-chatbot ads* вызывает у читателя ассоциации с сомнительными, этически спорными или даже опасными практиками и только усиливает негативное отношение и недоверие

к компаниям и технологиям, связанным с ИИ. Это не абстрактное обвинение, а подкрепленное фактами утверждение, что усиливает убедительность текста.

Автор не просто сообщает факты, а посредством стилистических средств в виде перечисления имплицитно выражает оценку ИИ-индустрии как мощной, быстро растущей и потенциально опасной силы, которой общество все больше не доверяет и пытается сопротивляться.

Еще одним имплицитным средством выражения оценки, помимо перечислений, является повтор (repetition):

(7) *«The public thinks **AI will worsen our ability to think creatively**, **form meaningful relationships**, and **make difficult decisions**, Pew found. Other surveys show Americans believe **AI will spread misinformation**, **erode our sense of purpose and meaning**, and **harm our social and emotional intelligence**»* [19, с.25].

В обеих частях предложения используется параллельная структура: перечисление негативных эффектов, которые вызовет ИИ. В первой части — *worsen our ability to think creatively*, *form meaningful relationships*, *and make difficult decisions*, во второй — *spread misinformation*, *erode our sense of purpose and meaning*, *and harm our social and emotional intelligence.* Такая повторяющаяся структура создает ритм и является фонетическим стилистическим средством. Ритм усиливает восприятие перечисленных проблем как системных и комплексных.

Достаточно частотным синтаксическим стилистическим приемом, распространенным в медиатекстах ИИ повестки, является антитеза (противопоставление). Зачастую, человеческому интеллекту противопоставляется искусственный: «*Team Human» vs «Team Machine»* [20 с. 25–26], *«machines governing humans» vs «humans governing machines»* [22].

В статье «The people VS AI. Behind the cover» рассказывается о фотопроекте издания «Time», который посвящен людям, выступающим против ИИ. Путешествуя по Соединенным Штатам Америки, фотограф создает визуально схожую серию портретов людей, которых объединяет общая идея ограничения внедрения ИИ в повседневную жизнь общества [20, с. 8].

(8) *«In an era when artificial intelligence is swiftly being embedded into the fabric of work, this photo shoot was intended to portray an uncompromising salute to human authorship. “I’m deeply skeptical of artificial intelligence, so I found it fascinating to travel the country and discuss our future with people who, for each of their different reasons, have made opposition to it central to their lives»* [20, с. 8].

В данном примере представлено противостояние между двумя концепциями: с одной стороны, ИИ, который стремительно внедряется в рабочую сферу, а с другой — человекоцентричный подход, выражающий скептицизм и защиту человеческого авторства. Используя метафору *artificial intelligence is swiftly being embedded into the fabric of work*, ИИ представлен автором, как нечто проникающее, почти «вшиваемое» в жизнь. Антитеза проявляется в противопоставлении технологий ИИ и человеческого творчества, мышления, которые автор стремится подчеркнуть через фотосессию и свои высказывания. В частности, метафора *an uncompromising salute to human authorship* (посвящена бескомпромиссному салюту человеческому авторству) и выражение *я глубоко скептически настроен к искусственному интеллекту* подчеркивают конфликт между технологическим прогрессом и ценностью человеческого вклада, выступая против безоговорочного принятия ИИ как замены человека. Искусственное в данном случае противопоставляется человеческому. Через фотоснимки автор пытается подчеркнуть ценность человеческого творчества. Кроме описания проекта, в статье

передается личный взгляд фотографа: он скептически относится к ИИ и считает важными живое общение и «подлинную» человеческую связь, которые, по его мнению, нельзя заменить технологиями. Эпитеты *quiet cohesion*, *calmer*, *human moments*, *authentic connection* только усиливают контраст с безличностью ИИ, эксплицитно выражая положительную оценку относительно человеческого опыта.

«WE, THE ROBOTS. Does A.l. need a constitution?» — представляет публицистическое размышление о развитии ИИ, его опасностях и о том, как люди пытаются «воспитать» ИИ, чтобы он не навредил человечеству [22].

Автор обсуждает идеи Geoffrey Hinton о том, что ИИ может стать угрозой для людей, и его необычное предложение — «воспитать» ИИ с материнским инстинктом, чтобы он заботился о человечестве. Далее рассматривается альтернативный подход компании Anthropic и философа Amanda Askell — создание «конституции» для чат-бота Claude, то есть набора моральных правил. Главная тема — можно ли и как контролировать ИИ через мораль, ценности и «воспитание», и не является ли это наивной или даже опасной иллюзией.

(9) *«What if A.I. isn't our baby*, ***li'l Terminator T-600***, *swaddled in a titanium exoskeleton? What if we're its baby? "Mothers genuinely care about their babies'' Hinton told CNN*, *as* ***if slightly astonished by the milk of human kindness***, *and so it ought to be possible to stop artificially intelligent machines from annihilating Homo sapiens if tech companies can program them to have a maternal instinct. ''We need to make them have empathy towards us*,*'' Hinton urged»* [22, с. 20].

Автор использует иронию и сарказм, усиливая их эффект образными сравнениями, риторическими вопросами, чтобы показать скептическое отношение к идеям о «добром ИИ». Уменьшительно-ироничное сравнение ИИ с машиной-убийцей *lil Terminator T-600*, *milk of human kindness* — слегка насмешливое замечание о «доброте». Автор показывает ИИ как: потенциально опасную и неконтролируемую силу, объект наивных надежд и сомнительных экспериментов, продукт, за который никто по-настоящему не несет ответственности. Тон автора иронически-скептический, что можно проследить практически в каждом абзаце статьи:

(10) *«Holy shit*, *you can talk to your computer now»*, *«They will change everything!»* (*с оттенком насмешки*), *«This is very*, *very dumb»* (*о финале фильма*), *«This thing reads like a baby book»* [22, с. 20].

Ирония и скепсис выражены в следующих предложениях:

(11) *«what those values were… harder to say»*, *«the people*, *whatever that is»*, *«meant many things and*, *equally*, *nothing at all»* [22, с. 20].

Автор сомневается в понятии «человеческие ценности», высмеивает «демократическое управление ИИ». ИИ представлен как мощная, но плохо контролируемая сила, объект наивных и противоречивых попыток регулирования:

(12) *«This both worked and didn't»*

«It wasn't as promising as it sounds»

«meant many things and, *equally*, *nothing at all»* [22, с. 21].

Для выражения имплицитной оценки, в статье используется стилистическое средство — аллюзия. Основная характеристика аллюзии заключается в имплицировании автором определенного смысла, разгадку которого он ожидает от читателя.

Рассмотрим аллюзию на произведение Мэри Шелли «Франкенштейн»:

(13) *«Whether there should be rules for artificial men*, *what those rules should be*, *and who makes them has animated science fiction since "Frankenstein*,*" a book that Mary Shelley wrote while grieving the loss of one baby*, *nursing another*, *and expecting a third»* [22, с. 21].

Автор упоминает о книге, которая рассматривается как истоки размышлений о правилах для искусственных существ. «Франкенштейн» символизирует этическую ответственность за создание жизни и поднимает вопрос о границах человеческих экспериментов. Это аллюзия, которая ассоциируется с темой ответственности и этических дилемм в области ИИ. Франкенштейн представляет собой создание, вышедшее из-под контроля. Этот образ стал символом опасностей и ответственности, связанных с созданием новой жизни или новых форм сознания.

В статье данная аллюзия используется для того, чтобы подчеркнуть схожесть между созданием Франкенштейна и созданием ИИ. Оба создания порождают вопросы о правилах, этике и последствиях. Как и Франкенштейн, создатель ИИ может столкнуться с моральной ответственностью за свое творение.

Еще один пример аллюзии на фильм Стэнли Кубрика «Космическая Одиссея 2001»:

(14) *The question of rules for artificial creatures nearly always involves babies*, *metaphorical or otherwise*, *both because they are our creations*, *and we're therefore responsible for bringing them into the world*, *and because babies*, *especially unborn babies—picture the fetus floating through the dark of space in Kubrick's "2001"— serve as a convenient short-hand for the future»* [22, с. 21].

Упоминание сцены с плодом (фетусом), парящим в космосе — это образ, символизирующий зарождение новой жизни, начало эволюции и переход к новому этапу существования. В контексте обсуждения «искусственных существ» (artificial creatures) он служит метафорой будущего, еще не реализованного, но уже обладающего огромным значением.

В статье присутствует аллюзия на книгу Томаса Гоббса «Левиафан»:

(15) *«If it appeared to those who feared the new Leviathan that machines were governing humans*, *instead of humans governing machines*, *A.I. companies were exploring something altogether different: the possibility that machines might learn to govern themselves»* [22, с. 21].

Гоббс изображает Левиафана как мощное существо, символизирующее абсолютную власть и контроль. Использование аллюзии подчеркивает опасение, что развитие ИИ может привести к созданию существа, которое, подобно Левиафану, станет сверхмощным и трудно поддающимся контролю.

Автор использует иронию, риторические вопросы, философские аллюзии и антитезу «человек — машина», чтобы выразить скептическое и тревожное отношение к ИИ. Он подчеркивает неопределенность человеческих ценностей, слабость контроля и иллюзорность демократического участия, создавая образ ИИ как мощной и потенциально опасной силы, выходящей из-под контроля человека.

Через иронию, метафоры, контрасты и аллюзии автор показывает, что попытки регулировать ИИ противоречивы, недемократичны и часто наивны. Он показывает, что идеи «демократического управления» и «конституции ИИ» носят во многом риторический характер и подменяют реальные механизмы контроля, создавая образ ИИ как мощной и потенциально опасной силы, развивающейся быстрее, чем общество способно ее осмыслить и ограничить.

(16) *«It's not like we democratically govern Google Sheets»*, *«democratic participation… filling out an online form»* [22, с. 21].

Анализ показал, что в медиатекстах, посвященных проблемам ИИ, характерно использование стилистического приема климакс (градация). В статье «Artificial Intelligence. GENDER BIAS: REBOOTED» американского еженедельника «Newsweek» речь идет о восприятии текущего состояния гендерного равенства и влиянии ИИ на

карьеру женщин и рынок труда в целом [15, с. 22–23]. Женщины, занимающие руководящие должности, считают, что прогресс в области гендерного равенства замедлился или даже откатился назад вследствие развития ИИ-технологий:

(17) *«When asked to compare the level of gender equality* ***in their country*** *today* (*the survey was administered in late 2025*) *versus one year ago*, *over 40 percent said they believed it had decreased — more than 30 percentage points higher than those who felt it had increased. Responses comparing the level of gender equality* ***in the workplace*** *were slightly worse*, *with even fewer women stating it had improved. They were more sanguine about* ***their own organizations***, *but the gap remained*, *with over 30 percent sharing that they felt gender equality had decreased and under 20 percent believing it had increased»* [15, с. 23].

В данном фрагменте автор использует прием градации (от страны к рабочему месту, затем к организации), чтобы подчеркнуть различия в восприятии изменений в уровне гендерного равенства как на государственном уровне, так и в рамках отдельно взятых организаций. Этот прием способствует усилению аргументации и делает ее более эмоционально выразительной. Развитие ИИ несет негативные последствия: риск закрепления гендерных предубеждений, неравный доступ к обучению ИИ, угрозу автоматизации профессий, где преимущественно заняты женщины.

Рассмотрим еще один пример из статьи, где автор повторно использует прием градации для постепенного повышения тревоги относительно рисков, связанных с расширением возможностей ИИ (системное смещение (bias) → дискриминация → закрепление стереотипов → нормализация сексуализированного или насильственного контента, ориентированного на женщин):

(18) *«Coupled with the fact that the leaders we surveyed believe that movement toward gender equality has stalled or slowed*, *it's no surprise that their primary concerns about the impact of AI*, *as evinced in their detailed responses*, *revolve around the* ***risks of systemic bias as AI systems expand: the entrenchment of historical disparities***, ***reinforcement of stereotypes and normalization of sexualized or violent content targeting women****»* [15, с. 23].

Таким образом, использование стилистического средства градации позволяет автору статьи формировать тревожное отношение к ИИ, который стал мощным инструментом прогресса, но при отсутствии должного контроля может закрепить и усилить гендерное неравенство.

Еще одним продуктивным стилистическим средством синтаксического уровня является риторический вопрос (13%). Рассмотрим пример из статьи «Deepfakes, fewer mistakes — but is your job still safe? The continuing risks and rewards of AI» [18, с. 30–31]:

(19) *«One of the most pressing concerns for politicians and the public about AI is the impact on jobs.* ***Will automated systems do away with white-collar roles in industries such as banking***, ***law and health****?»* [18, с. 31]

В данном фрагменте вопрос, не предполагающий прямого ответа, играет ключевую роль в выражении имплицитной оценки автора статьи по отношению к ИИ и его влиянию на рынок труда. ИИ представляет потенциальную угрозу для определенных профессий, вроде клерков из банковской сферы. Примечательно, что риторический вопрос используется автором и в заглавии самой статьи:

(20) *«****Deepfakes***, ***fewer mistakes — but is your job still safe?****»* [18, с. 30].

Особенность построения данного риторического вопроса в его структурном противопоставлении. С одной стороны, перечислены достижения в области ИИ *deepfakes* (технологии, предполагающие создание реалистичных звуковых или видео подделок) и *fewer mistakes* (прогресс в области ИИ и повышение качества машин, предполагающее совершение меньшего количества ошибок), а, с другой стороны, *is*

your job still safe, что ставит под сомнение стабильность и безопасность человеческого труда в условиях растущей автоматизации.

Использование контраста и риторического вопроса подчеркивают двойственную природу ИИ: несмотря на технологический прогресс и повышение качества работы искусственного интеллекта, остается серьезная обеспокоенность по поводу будущего занятости людей. В результате, отношение к ИИ представлено автором имплицитно посредством риторических вопросов как настороженное, неопределенное и потенциально тревожное.

Заключение. В ходе исследования было установлено, что технологии искусственного интеллекта достигли значительных успехов в современном динамично развивающемся многополярном мире и вызывают не столько восторженную реакцию, как опасения и страх, что находит отражение в англоязычной медиаповестке периода январь-март 2026 года. Стилистические средства рассматривались на двух уровнях: лексическом и синтаксическом. Наименее продуктивными оказались фонетические стилистические средства. Анализ используемых стилистических средств показал преобладание имплицитной оценки (83%), которая разнообразна в средствах реализации. Самыми распространенными лексическими стилистическими средствами имплицирования оценки оказались: метафора (в том числе развернутая), ирония, гипербола, аллюзия, употребление цитат. Среди наиболее частотных синтаксических стилистических средств — риторический вопрос, антитеза, перечисления и повторы, климакс. Эксплицитный тип оценки представлен исключительно стилистическими средствами лексического уровня — эпитетами (17%). Из всех отобранных примеров с имплицитной и эксплицитной оценкой негативный тип оценки оказался превалирующим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенова Н.В. Об оценочности развернутой метафоры / Н.В. Аксенова. — Текст : электронный // Филологический аспект. — 2018. — №5(37). — С. 17–24. — https://scipress.ru/upload/philology/fa052018.pdf.
2. Бессонова О.Л. Декодирование оценочной семантики английских диминутивных и аугментативных наименований лица / О.Л. Бессонова , А.С Ососкова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2024. —Т. 27. — № 1. — С. 75–88.
3. Билоус Л.С. К вопросу о структуре развернутой метафоры // Актуальные проблемы лингвистики. — Межвузовский сборник научных трудов. — Мурманск, 1999. — Вып. 2. — С. 23–30.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. — М.: Либроком, 2024. — 278 с.
5. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка: Учебник / И.Р. Гальперин // English Stylistics. Изд. Стереотип. 2022. — 334 с.
6. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Татьяна Добросклонская. — [б. м.] : [б. и.], 2020. — 180 с.
7. Кочетова Л.А. Лингвокультурная специфика репрезентации искусственного интеллекта в англоязычном медиадискурсе: корпусный подход / Л.А. Кочетова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2023. — Т. 22, № 5. — С. 6–18. — (На англ. яз.). — DOI: https://doi.org/10.15688/ jvolsu2.2023.5.1
8. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пос. ин-тов и фак. иностр. яз. / А.В. Кунин. — 3-е изд., стереотип. — Дубна: Феникс+, 2005. — 488 с.
9. Резникова А.Р. Медиатекст как средство информационной реализации "зеленой повестки" / А.Р. Резникова, О.Л. Бессонова // Лингвистика первой четверти XXI века: тенденции, итоги и перспективы: Сборник научных трудов международной междисциплинарной научной конференции, Тверь, 12–13 октября 2023 года. — Тверь: Тверской государственный университет, 2023. — С. 351–354. — EDN GLHODL.
10. Рысева Т.В. Аксиологические особенности англоязычных аналитических статей, посвященных искусственному интеллекту / Т.В. Рысева. — Текст : непосредственный // Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного

центра (Донецк, 5–7 ноября 2025 г.). — Том 4: Филологические науки. Часть 2 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. — С. 155–158.
11. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. — Санкт-Петербург, 1993. Межвузовский сборник научных трудов. — Мурманск, 2000. — Вып. 2. — С. 25–31.
12. Bessonova O.L. Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community [Text] / O.L. Bessonova // The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries [Collective monograph] / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarína Žeňuchová. — Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, 2021. — Pp. 259–284.
13. Byessonova O., Gordienko E. BINARY OPPOSITION ‘US/THEM' IN BRITISH AND AMERICAN MEDIA TEXTS ABOUT CONFLICTS SKASE Journal of Theoretical Linguistics. 2021. Т. 18. № 2. С. 91.
14. Krzseszowski T. Angels and demons in hell: Axiology in Semantics. Cambridge, 1993.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. ARTIFICIAL INTELLIGENCE.GENDER BIAS: REBOOTED. — Newsweek 27.03.2006.
16. Cake, robots and electrons. — The Economist, 21.03.2026.
17. Copy that. — The New Yorker. — 30.03.2026.
18. Deepfakes, fewer mistakes — but is your job still safe? The continuing risks and rewards of AI. — The Guardian Weekly — 13.02.2026
19. The grassroots bipartisan movement to rein in an industry — Time — 09.03.2026.
20. The people VS AI. Behind the cover. — Time. — 09.03.2026.
21. The Washington Post. Iranian school was on U.S. target list, may have been mistaken as military site — https://www.washingtonpost.com/national-security/2026/03/11/us-strike-iran-elementary-school-ai-target-list / 11.03.2026.
22. We, the Robots. Does A.I. need a constitution? — The New Yorker. — 30.03.2026.

REFERENCES

1. Aksenova N.V. (2018). Ob otsenochnosti razvernutoi metafory [Evaluation of extended metaphor]. Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal. Nizhnii Novgorod: Nauchno-izdatel'skii tsentr Otkrytoe znanie, №5 (37), pp. 17–24. (In Russian)
2. Bessonova O.L., Ososkova A.S. (2024). Dekodirova otsenochno semantiki angliyskikh diminutivnykh i augmentativnykh naimenovaniy litsa [Decoding evaluative semantics of English diminutive and augmentative designations of person]. In Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya. No 1, pp. 75–88. (In Russian)
3. Bilous L.S. (1999). K voprosu o strukture razvernutoi metafory [About the structure of extended metaphor] // Aktual'nye problemy lingvistiki. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Murmansk, 1999. Vyp. 2, pp. 23–30. (In Russian)
4. Vol'f E.M. (2024). Funktsional'naya semantika otsenki [Functional semantics of evaluation]. M.: Librokom. (In Russian)
5. Gal'perin I.R. (2022). Stilistika angliiskogo yazyka [English stylistics]: Uchebnik// English Stylistics. Izd. Stereotip. (In Russian)
6. Dobrosklonskaya T.G. (2020). Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya [Medialinguistics: theory, methods, trends]. (In Russian)
7. Kunin A.V. (2005). Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka [Course of Modern English Phraseology]. Dubna: Feniks+. (In Russian)
8. Reznikova A.R. (2023). Mediatekst kak sredstvo informatsionnoi realizatsii "zelenoi povestki" [Media text as a means of ’green agenda’ information implementation] / A.R. Reznikova, O.L. Bessonova // Lingvistika pervoi chetverti XXI veka: tendentsii, itogi i perspektivy: Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii, Tver', 12–13 oktyabrya 2023 goda. — Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet, pp. 351-354. (In Russian)
9. Ryseva T.V. (2025). Aksiologicheskie osobennosti angloyazychnykh analiticheskikh statei, posvyashchennykh iskusstvennomu intellektu [Axiological peculiarities of English-language analytical articles on artificial intelligence] / T.V. Ryseva. Tekst : neposredstvennyi // Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 60-letiyu sozdaniya Donetskogo nauchnogo tsentra (Donetsk, 5–7 noyabrya 2025 g.). Tom 4: Filologicheskie nauki. Chast' 2 / pod obshchei redaktsiei prof. S.V. Bespalovoi. Donetsk: Izd-vo DonGU, pp. 155–158. (In Russian)
10. Sklyarevskaya G.N. (2000). Metafora v sisteme yazyka [Metaphor in the language system]. — Sankt-Peterbur. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Murmansk, Vyp. 2, pp.25–31. (In Russian)

Поступила в редакцию 01.09.2026 г.

STYLISTIC MEANS OF EXPRESSING EVALUATION IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA TEXTS ABOUT ARTIFICIAL INTELLIGENCE

T.V. Ryseva

The article deals with the stylistic means of expressing evaluation aimed at characterising artificial intelligence in English-language media discourse. The topicality of the research is based on a comprehensive approach to examining media texts about artificial intelligence, that enables to identify specific features of their axiological interpretation and means of expressing evaluative meaning. In the course of the study, the following methods and techniques were employed: discourse, semantic, contextual, linguo-stylistic, interpretative, comparative, and quantitative analysis. The significant role of stylistic devices used in expressing evaluation in English-language media texts about artificial intelligence has been revealed. The most frequently used stylistic means of expressing evaluation have been defined. The conclusion is made that the representation of opinion and evaluation in media texts about artificial intelligence in the British and American press is actualized by means of metaphors, epithets, comparisons, hyperboles, irony, quotations, allusions, euphemisms, rhetorical questions, antithesis, enumerations, repetitions, and climax.

Key words: evaluation, nature of evaluation, implicit evaluation, explicit evaluation, media discourse, media text, artificial intelligence, stylistic devices.

Рысева Татьяна Валериевна.
Донецкий государственный университет,
Российская Федерация, г. Донецк.
Аспирант кафедры английской филологии.

ORCID 0009-0005-3359-3505.
E-mail: dtenglish@yandex.ru

Ryseva Tatyana Valerievna.
Donetsk State University,
Russian Federation, Donetsk.
Post-graduate Student of English Philology Department.
ORCID 0009-0005-3359-3505.
E-mail: dtenglish@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 811.111-26
DOI: 10.5281/zenodo.22960860

ЯЗЫКОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2026 ***М.С. Шеина***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»
ORCID 0009-0002-3470-1799

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В данной статье рассматривается моделирование динамики классовой идентичности персонажа в художественном тексте на материале исторического романа Кена Фоллетта «Столпы земли». Целью исследования является выявление и систематизация языковых способов репрезентации идентичности и её динамичности в контексте социально-исторических изменений XII века. В работе применялись методы лингвистического анализа художественного текста, функционально-семантической классификации деталей, а также элементы интерпретативного и контекстуального анализа. Основные результаты включают описание многоуровневой системы языковых средств (констатирующих и имплицирующих деталей, элементов внешнего и внутреннего портрета), посредством которых моделируется трансформация классовой идентичности персонажа. Особое внимание уделяется роли художественной детали в репрезентации социального кризиса героини, её адаптации и освоения новой социальной роли. Полученные данные могут быть использованы в исследованиях по лингвистике текста, теории идентичности и анализу художественного дискурса.

Ключевые слова: динамика идентичности, языковое моделирование, модель, художественная деталь, Кен Фоллетт.

Для цитирования: Шеина М.С. Языковое моделирование динамики идентичности /М.С. Шеина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 233–244 — https://doi.org/10.5281/zenodo.22960860.

Введение. Феномен идентичности определяется современными лингвистами как отождествление личности с определённой социокультурной группой, её нормами и ценностями, которое конструируется и выражается посредством языка. Взаимодействуя с любой из таких групп, отмечает Е.А. Лаппо, личность, «с необходимостью» ожидает одобрения своих действий со стороны среды [11, с. 31]. Подобное видение идентичности разделяется и иными исследователями как отечественными: Багиян А.Ю. (2018), Гусакова Т.Г. (2016), Леонова Е.В. (2019), Матузкова Е.П. (2014) и др., так и зарубежными: Erving Goffman (2022), Stuart Hall (1990) и др.

Сложность природы идентичности, многообразие её видов, этапов и функций, а также необходимость её адекватного и полного научного описания, предопределяют изучение различных аспектов идентичности на разном языковом материале. Примером служит исследование идентичности на материале художественных текстов, авторы которых моделируют особенности реального процесса идентификации в уникальной художественно-трансформированной форме. Так, в исторической прозе английского писателя Кена Фоллетта (1949) реализуемые автором языковые стратегии используются

для показа *динамики* идентичности, т.е. внутренних трансформаций субъектов повествования на фоне социокультурных и историко-политических изменений.

Основная часть. Содержательное наполнение понятия «идентичность» многомерно. Для её носителя идентичность парадоксально означает не только совпадение с тем, кто формирует важную для него систему ориентиров, но и отличие носителя от «других». Наконец, идентичность предполагает осознание носителем собственной «самости» (Ср. вечный вопрос «Кто я?») [5, с. 86]. В этой связи уместно сослаться на П. Рикёра, по мнению которого «…Парадокс» идентичности возникает из двойственной природы её понимания как одновременно «тождественности» и «самости» [16, с. 69].

Немецко-американский психолог и психотерапевт Э. Эриксон, связав развитие идентичности с *возрастными периодами*, заложил традицию *личностного подхода* к её изучению [20] (Курсив мой — М.Ш.). Динамика идентичности, однако, обусловлена не только возрастными детерминантами. В процессе поисков собственного «Я» не менее значимую роль играют трансформации *контекста жизнедеятельности* личности. Взросление и необходимость адаптироваться к новым социальным ситуациям и условиям вынуждают субъекта адаптироваться, обеспечивая когерентность своей идентичности [10, с. 226]. Личность, неустойчивая к вызовам реальности, при этом может переживать *кризис* идентичности [1, с. 81], то есть испытывать сомнения в своём самоопределении в социуме.

Целью данной статьи выступает обнаружение, анализ и систематизация языковых способов моделирования идентичности и важной характеристики идентичности — «динамичности», в значении изменяться и развиваться, меняя социальные обстоятельства и роли. Идентичность носит социальный характер и формируется в пространстве интерсубъективных взаимодействий, а её становление как результат активного интерпретационного процесса подчёркивает *динамичность* как самой идентичности, так и процессов самоидентификации [15, с. 2]. Таким образом, интересующий нас сложный феномен исследуется с помощью построения упрощающей его модели как художественного аналога реального мира.

Модель начинается там, где заходит речь о методологии мышления, об организации и в особенности о представлении знаний о мире. Моделирование представляет собой методологический процесс создания и использования моделей как самостоятельных объектов познания, способствующих генерации нового знания и формированию когнитивной картины мира. Различные модели не конкурируют, а дополняют друг друга, выступая в роли взаимодополняющих интерпретаций реальности [3, с. 649]. По справедливому замечанию Л.Я. Гинзбург, модели — это *специфические образы действительности*, в которых органично сочетаются логическое и чувственное, абстрактное и конкретное, наглядное и ненаглядное [4, с. 13] (Курсив мой — М.Ш.). В художественном образе персонажа в этом случае можно видеть идеальную модель человека — сложнейшую (по М.С. Кагану, супер-сверхсложную) систему реального мира [8, с. 589].

Авторская фантазия способна воспроизводить в художественной форме и на примере заданной художественной ситуации актуальные процессы реального мира, в том числе, глобализацию человеческих ценностей или трансформацию социальных структур. Подобные изменения, с учетом цели данного исследования, уместно описывать в терминах национальной, культурной, религиозной и пр. видов идентичности [18, с. 57]. При этом следует заметить, что в процессе создания художественного текста его автор конструирует «сознательные допущения» — так называемые художественные фикции — которые, хотя и аналогичны реальности, позволяют читателю создавать в сознании «непротиворечивую

квазиреальность» [9, с. 145]. Художественная модель мира предстает перед интерпретатором как ментальный конструкт, позволяющий погрузиться в выстроенную автором неповторимую систему смыслов и образов.

В настоящем исследовании языковое моделирование понимается как система способов репрезентации идентичности персонажа, реализуемая посредством лексических, синтаксических и прагматических средств языка. Центральную роль в этой системе играет художественная деталь, которая выступает минимальной семантически значимой единицей создания художественного образа и обеспечивает постепенное раскрытие личности персонажа в изменяющихся обстоятельствах повествования. Благодаря высокой смысловой концентрации художественная деталь позволяет эксплицировать как устойчивые характеристики героя, так и динамику их изменения.

В качестве теоретической основы анализа используется функционально-семантическая классификация художественных деталей И.А. Щировой, согласно которой выделяются констатирующие и имплицирующие детали. Констатирующие детали непосредственно называют социально значимые признаки персонажа, фиксируя его статус, происхождение, профессию или принадлежность к определённой социальной группе [19, с. 41]. Имплицирующие детали, напротив, не называют соответствующие характеристики прямо, однако позволяют интерпретатору реконструировать их посредством описания поведения героя, его эмоциональных реакций, особенностей речевого поведения, внешнего облика и взаимоотношений с окружающими [19, с. 42].

Для иллюстрации идентичности и её важной особенности, *динамики*, обратимся к историческому роману Кена Фоллетта «Столпы земли» (англ. Pillars of the Earth), изданному в 1989 году. Фикциональный мир романа представляет собой модель средневекового общества XII в., а его неотъемлемой характеристикой выступает классовая стратификация, проявлявшаяся в его иерархической организации [17, с. 63]. Классовая идентичность образует одну из ключевых составляющих описываемой в романе социальной идентичности и формируется на основе понимания классов как крупных социальных групп. Основу классовой идентичности образует исторически обусловленное осознание индивидами своей принадлежности к определённому классу, а также присвоение себе характеристик, отражающих специфику данной социальной группы. Классовая идентичность тесно связана с совокупностью привычек, обычаев, традиций и образа жизни и проявляется через общность поведенческих моделей и мировоззренческих установок, характерных для членов соответствующего класса [**7,** с. 553].

В нижеследующем фрагменте предметом обсуждения персонажей выступает будущее протагониста романа Алиены: никто не сомневается в праве девушки выйти замуж за лорда, поскольку отец Алиены — граф, человек благородного происхождения: *«… He was engaged to Lady Aliena*, *the daughter of the earl of Shiring*» [24, с. 25]. Принадлежность Алиены к аристократии Средневековой Англии эксплицируется словосочетанием ***the daughter of the earl***, а также лексической единицей ***lady***, имеющей следующую словарную дефиницию «a title given in the UK to a woman or girl who has the social rank of a peer, or to the wife of a peer or knight» [23].

В романе моделируется динамика идентичности её носителя — Алиены, подтверждаемая трансформацией её личности под воздействием внешних обстоятельств и внутренних переживаний. Если в начале романа идентичность Алиены определяется её аристократическим происхождением, которое придаёт героине уверенность в своём будущем, то по мере развёртывания событийной линии персонажа ожидают печальные события — потеря отца и наследства. Тяжёлые утраты становятся катализатором

кризиса, который заставляет героиню пересмотреть свои взгляды и роль в обществе. На протяжении дальнейшего повествования самоощущение Алиены претерпевает изменения: из уязвлённой представительницы высшего сословия она превращается в сильную, самостоятельную женщину, способную принимать трудные решения и бороться за своё место в мире. Формирование идентичности в таком случае включает переосмысление ценностей, развитие новых навыков и адаптацию к новым социальным ролям, например, освоение умений, необходимых для самостоятельной жизни (управление финансами, ведение деловых переговоров), переход из роли пассивной представительницы высшего общества в активную участницу общественной жизни.

Для иллюстрации сказанного вновь обратимся к роману К. Фоллетта.

В ситуации, представленной ниже, в замок, где проживает Алиена, приезжает приор Филипп. Приор нагрянул в замок графа уже после его заключения в темницу и поэтому был искренне удивлён обнаружить там его детей и управляющего: «*"Say your name, or Matthew will kill you," she said regally. Her manner showed her to be of noble birth, but even nobles were not allowed to threaten monks. <> Despite her haughty manner she was shabbily dressed. <> "I am the daughter of the earl of Shiring." <> "I'm looking after the castle until my father returns," she said. They were living in a dream world, Philip realized. She was trying to live as if she still belonged to a rich and powerful family. With her father imprisoned and in disgrace, she was just another girl.*» [24, с. 301]. В приведенном тексте констатирующая деталь описания персонажа ***daughter of the earl of Shiring*** прямо указывает на классовую принадлежность Алиены. Также прямой номинацией служит предложение ***I'm looking after the castle until my father returns***. В данном отрывке также выделим имплицирующие детали, косвенно указывающие на высокое происхождение девушки, среди них наречие ***regally*** в предложении ***she said regally*** — импликация аристократического статуса через манеру речи, словосочетание ***noble birth*** в предложении ***her manner showed her to be of noble birth —*** косвенное подтверждение происхождения посредством анализа поведения, прилагательные ***haughty*** и ***shabbily*** в предложении ***despite her haughty manner she was shabbily dressed*** суггестивно репрезентируют упадок статуса, посредством создания контраста между привычной манерой горделиво держаться перед людьми (описание внутреннего мира, характера персонажа) и нынешним неопрятным внешним видом (описание внешнего портрета персонажа).

После побега из замка Алиена и её младший брат Ричард оказываются в крайне сложной жизненной ситуации: они голодают, борются за своё существование и пытаются заработать деньги на еду: «*Aliena looked at the dagger. She had never carried a weapon. All her life she had had someone to protect her. Realizing that she needed the deadly knife for her own protection, she felt utterly abandoned. She was not sure she could ever use it. <> She eased it over her left hand and pushed the knife up her sleeve.*» [24, с. 341]. Личная безопасность всегда была привилегией высшего социального класса, которому героиня принадлежала от рождения, — аристократии. В приведённом текстовом фрагменте Алиена уже не имеет такой привилегии и осознаёт необходимость самостоятельной защиты.

Констатирующие детали ***had never carried a weapon*** и ***all her life she had had someone to protect her*** эксплицируют прежний жизненный опыт Алиены. Особую роль играют наречие ***never*** и определительное местоимение ***all***, выполняющие функцию квантификаторов. Наречие ***never*** маркирует абсолютное отсутствие соответствующего опыта в прошлом, тогда как словосочетание ***all her life*** обобщает весь предшествующий жизненный путь героини, подчёркивая устойчивость её прежней социальной роли. Использование формы Past Perfect в обеих конструкциях актуализирует прошлый этап

жизни персонажа, противопоставляя его новой ситуации повествования и тем самым усиливая контраст между прежней и формирующейся идентичностью.

Имплицирующие детали ***needed the deadly knife for her own protection***, ***utterly abandoned u not sure she could ever use it*** репрезентируют внутренний кризис героини. Прилагательное ***deadly*** актуализирует потенциальную опасность нового для Алиены предмета, тогда как словосочетание ***her own protection*** акцентирует смещение смыслового центра от внешней защиты к личной ответственности за собственную безопасность. Усилительное наречие ***utterly*** в сочетании ***utterly abandoned*** интенсифицирует эмоциональное состояние героини, выражая чувство полной утраты прежних социальных опор. Модальная конструкция ***could ever use it*** имплицирует психологическую неготовность девушки принять новую социальную роль, а отрицательная конструкция ***was not sure*** вербализует внутренние сомнения, характерные для кризиса идентичности.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает композиционная организация данного фрагмента. Автор использует последовательность коротких простых предложений (Aliena looked at the dagger. She had never carried a weapon. All her life she had had someone to protect her.), которая передаёт постепенное осмысление героиней происходящего и создаёт эффект внутреннего монолога. Динамика классовой идентичности моделируется посредством цепочки взаимосвязанных предикатов, отражающих смену когнитивных и эмоциональных состояний персонажа: ***looked > realizing > felt > was not sure > pushed***. Подобная глагольная последовательность репрезентирует поэтапный переход от восприятия новой ситуации через её осмысление и эмоциональное переживание к принятию новой модели поведения.

После осознания необходимости самостоятельно обеспечивать собственную безопасность автор показывает следующий этап трансформации классовой идентичности Алиены — поиск новой социальной роли, основанной уже не на происхождении, а на личной инициативе и труде. Переломным моментом становится эпизод, в котором героиня принимает решение заняться торговлей шерстью: *«“We’ve got no position, no title, and no land,” she said patiently. “The king won’t help us… But somehow we have to make a living…” <> “An idea was forming in Aliena’s mind.” <> “Suppose I buy your wool?” <> “We could make fifty pennies!”»* [24, с. 391–392].

Отправной точкой изменения идентичности становится перечисление ***no position***, ***no title***, ***and no land***, фиксирующее утрату всех прежних оснований социального существования героини. Повтор отрицательного детерминатива ***no*** усиливает выразительность высказывания и последовательно распространяет отрицание на общественное положение (position), сословный статус (title) и материальную основу жизни (land). Благодаря подобной синтаксической организации перечисление приобретает следующую смыслообразующую функцию: читатель наблюдает постепенное разрушение привычной модели существования персонажа. Подобная организация языковых средств соответствует пониманию художественного текста как моделирующей системы, в которой значение отдельных элементов раскрывается в их взаимосвязи с другими компонентами текста [9].

Логическим продолжением мысли становится высказывание ***we have to make a living***. Модальный оборот ***have to*** передаёт значение объективной необходимости, возникающей под воздействием внешних обстоятельств. В отличие от модальных глаголов, выражающих желание или намерение, данная конструкция указывает на отсутствие выбора. Не менее значимо использование местоимения ***we***: Алиена говорит не только о

себе, но и о младшем брате, принимая ответственность за их общее будущее. Тем самым поиск нового источника существования осмысляется как совместная задача.

Постепенное изменение внутреннего состояния героини отражено в предложении ***an idea was forming in Aliena's mind***. Использование формы Past Continuous позволяет сосредоточить внимание читателя не на результате, а на самом процессе формирования замысла. Согласно авторской интенции, решение проблемной ситуации складывается постепенно, по мере осмысления проблемы. Так, трансформация идентичности представлена как длительный внутренний процесс, сопровождающийся переоценкой собственного положения в обществе.

Следующим этапом становится переход от размышлений к практическому действию. Реплика ***suppose I buy your wool*** представляет собой своего рода предложение новой модели взаимодействия. Показательно, что центральное место в высказывании занимает глагол ***buy***, относящийся к лексико-семантическому полю торговли. Если ранее Алиена существовала в системе отношений, определяемых происхождением и сословной принадлежностью, то теперь её действия строятся в пространстве экономических отношений. Именно здесь впервые проявляется её предпринимательская инициатива.

Не менее важной представляется, на наш взгляд, заключительная реплика ***we could make fifty pennies***. Модальный глагол ***could*** выражает возможность достижения поставленной цели, тогда как числительное ***fifty*** конкретизирует ожидаемый результат и свидетельствует о новом способе мышления героини. В её речи появляются лексические единицы, связанные с торговлей, прибылью и расчётом, что позволяет говорить о формировании новой системы ценностей и новой модели поведения.

Последующий разговор с крестьянином подтверждает, что изменения затрагивают как внутреннее самоощущение Алиены, так и её коммуникативное поведение. Теперь именно девушка инициирует деловой диалог (Suppose I buy your wool?), приводит экономические аргументы (The question is, is an extra day in the fields worth a penny to you, or not?) и предлагает взаимовыгодную модель сотрудничества. В отличие от первых глав романа, где героиня выступала объектом защиты и покровительства, здесь она становится активным участником переговоров и самостоятельно принимает экономические решения.

Динамика классовой идентичности реализуется сукцессивно: автор фиксирует утрату прежнего социального статуса (no position, no title, and no land), затем показывает осознание необходимости изменить привычный образ жизни (we have to make a living), после чего изображает постепенное зарождение новой жизненной стратегии (an idea was forming in Aliena's mind). Следующим шагом становится принятие на себя новой социальной роли (suppose I buy your wool), а завершается данный этап появлением представления о собственном профессиональном будущем (we could make fifty pennies). Таким образом, языковые средства последовательно отражают процесс перехода от наследуемой классовой идентичности к идентичности, основанной на личной инициативе, труде и предпринимательской деятельности.

Особенно показателен завершающий фрагмент эпизода, в котором внутренний портрет Алиены раскрывается через эмоционально-оценочную лексику: *«She felt very excited … she could take care of herself and her brother without any help from anyone. It made her feel very mature and independent. She was in charge of her own destiny. She had had nothing from the king*, *she did not need relatives*, *and she had no use for a husband. »* [24, с. 393]. Использование глагола ***felt*** и оценочных прилагательных ***mature*** и ***independent*** позволяет показать, как изменяется самооценка героини. Если ранее её

положение определялось принадлежностью к аристократическому роду, то теперь основанием самоидентификации становятся собственные способности и приобретённый жизненный опыт.

Заслуживает внимания и конструкция ***she was in charge of her own destiny***. Сочетание ***in charge of*** передаёт представление о личной ответственности за принимаемые решения, а притяжательное местоимение ***own*** усиливает значение самостоятельности. Не менее выразительно построено и заключительное предложение. Последовательность отрицательных конструкций (had had nothing, did not need, had no use) создаёт эффект поэтапного отказа от прежних опор: сначала от покровительства короля, затем от поддержки родственников и, наконец, от традиционной для женщины Средневековья зависимости от мужа (см. подробнее: [18]). Благодаря такому синтаксическому параллелизму автор подчёркивает завершение важного этапа внутреннего переосмысления.

Таким образом, изменение языковых средств, используемых для описания персонажа, свидетельствует о том, что её социальный статус начинает определяться личной инициативой, ответственностью и готовностью самостоятельно выстраивать своё будущее.

Следующим этапом моделирования динамики классовой идентичности становится общественное признание новой социальной роли Алиены. Если в предыдущем эпизоде героиня лишь принимает решение заняться торговлей шерстью, то в рассматриваемом эпизоде окружающие воспринимают её уже как успешного и состоятельного торговца: «*“She was very wealthy.” <> “She looked authoritative*, *as always*, *and the two men unloading the cart obeyed her instructions without question.” <> “Everyone respected her.” … “After you’ve sold your wool to the Flemish*, *you’ll have two hundred pounds or more.” <> “I’d give it to you*, *gladly*, *but I need it to buy more wool next year.”*» [24, с. 525-526].

Констатирующие детали ***she was very wealthy*** и ***after you’ve sold your wool to the Flemish***, ***you’ll have two hundred pounds or more*** эксплицируют высокое материальное положение Алиены, достигнутое посредством самостоятельной торговой деятельности. С лингвистической точки зрения данные конструкции репрезентируют переход от статусной к профессионально-экономической модели номинации персонажа. Если в начальных эпизодах романа классовая идентичность Алиены выражалась посредством титульных и родственно-статусных номинаций (Lady, daughter of the earl), то в данном фрагменте её социальное положение вербализуется лексемами семантического поля торговли и материального благополучия (wool, sold, two hundred pounds, buy more wool). Тем самым происходит изменение языкового способа репрезентации идентичности: происхождение уступает место профессиональной деятельности как основному признаку социальной самоидентификации персонажа.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает употребление прилагательного ***wealthy***, которое функционирует как предикативная характеристика субъекта (She was very wealthy). В отличие от титула ***Lady***, обозначающего социальный статус, обусловленный происхождением, прилагательное ***wealthy*** характеризует результат собственной деятельности героини. Усилительное наречие ***very*** интенсифицирует положительную оценку достигнутого положения, подчёркивая исключительность успеха Алиены.

Имплицирующие детали ***she looked authoritative***, ***as always*** и ***everyone respected her*** репрезентируют изменение коммуникативного статуса девушки. Прилагательное ***authoritative*** обладает выраженной оценочной семантикой и актуализирует лидерские

качества персонажа, тогда как обстоятельственное сочетание ***as always*** выполняет функцию маркера регулярности и устойчивости признака. Тем самым автор показывает, что авторитет Алиены перестаёт быть ситуативным результатом конкретного эпизода и превращается в постоянную характеристику её личности.

Дополнительным средством моделирования новой идентичности выступает описание речевого взаимодействия персонажей. Предложение ***the two men unloading the cart obeyed her instructions without question*** имплицирует изменение социальной и коммуникативной роли Алиены: она становится субъектом управленческой коммуникации, тогда как окружающие занимают позицию исполнителей. Использование глагола ***obey*** и обстоятельственного сочетания ***without question*** репрезентирует признание её профессиональной компетентности и лидерского статуса.

Показательно также, что приор Филипп рассматривает Алиену как потенциального финансового партнёра монастыря (I thought you might be able to help), а не как нуждающуюся в покровительстве дочь графа, какой она была в начале повествования. Модальная конструкция ***might be able to*** отражает прагматическую стратегию вежливого обращения с социально равным партнёром, что свидетельствует об изменении характера коммуникативных отношений между персонажами. Ответ девушки ***I need it to buy more wool next year*** демонстрирует сформировавшееся предпринимательское мышление. Модальный глагол ***need*** выражает объективную необходимость, а инфинитивная конструкция ***to buy more wool*** актуализирует ориентацию персонажа на дальнейшее развитие торговой деятельности. Показательно использование сравнительной формы ***more***, указывающей на его дальнейшее расширение.

Окончательное закрепление новой идентичности репрезентируется в дальнейшем повествовании посредством авторской оценки профессиональных достижений героини: «*“Aliena had done astonishingly well as a wool merchant. She no longer sold her wool to Philip*, *but dealt directly with the Flemish buyers herself”*» [24, с. 484]. Эксплицитным языковым маркером новой идентичности становится наречие ***astonishingly***, акцентирующее исключительность профессионального успеха Алиены. С лингвистической точки зрения данная лексема функционирует как интенсификатор авторской оценки, усиливая значение глагольной конструкции ***had done well*** и формируя положительную оценочную характеристику результатов деятельности героини. В отличие от более ранних эпизодов, где автор фиксировал главным образом эмоциональные переживания персонажа, здесь оценке подвергается уже эффективность её профессиональной деятельности.

Конструкция ***she no longer sold her wool to Philip***, ***but dealt directly with the Flemish buyers herself*** построена на основе синтаксического противопоставления, реализованного посредством коррелятивного союза ***no longer … but*** …, который маркирует переход от прежней модели экономического поведения к новой. Наречие ***directly*** акцентирует самостоятельность осуществляемых коммерческих операций, тогда как возвратное местоимение ***herself*** выполняет эмфатическую функцию, усиливая значение личного участия Алиены в ведении переговоров. Благодаря сочетанию данных языковых средств автор подчёркивает окончательный отказ персонажа от посредничества и зависимого положения.

Следовательно, анализируемый материал свидетельствует, что динамика классовой идентичности в романе К. Фоллетта реализуется через постепенную смену доминирующих языковых способов номинации персонажа: от титульно-родственных обозначений, маркирующих происхождение, к профессиональным номинациям, репрезентирующим социальный статус, достигнутый в результате собственной деятельности.

Заключение. Подводя итог, отметим, что исследуемый текст исторического романа выступает как сложная вторичная моделирующая система (Ю.М. Лотман), в которой посредством языковых средств моделируется динамика классовой идентичности персонажа Алиены в контексте социально-исторических изменений XII века. Проведённый лингвистический анализ позволил установить, что языковое моделирование идентичности носит процессуальный характер и реализуется последовательно, отражая основные этапы трансформации личности:

1) экспликацию исходной классовой идентичности;
2) кризис социального самоопределения;
3) формирование новой социальной роли, её общественное признание;
4) окончательное закрепление новой идентичности.

Динамика идентичности репрезентируется системой художественных деталей, выполняющих различные семантические и прагматические функции. Так, опираясь на функционально-семантическую классификацию деталей И.А. Щировой, в тексте выделяются констатирующие детали, фиксирующие ключевые социальные характеристики персонажа и изменения его статусной принадлежности (например, daughter of the earl, wool merchant), и имплицирующие детали, позволяющие реконструировать внутренние изменения личности, особенности её мировосприятия, эмоциональные состояния и процессы переосмысления собственного положения в обществе.

Особую роль в моделировании динамики классовой идентичности играют детали внешнего и внутреннего портрета персонажа. Детали внешнего портрета (описания одежды, внешнего облика, манеры поведения, жестов) выступают средством экспликации социального положения героя и одновременно отражают изменения его общественного статуса. Детали внутреннего портрета (мысли, эмоциональные реакции, оценочные характеристики, особенности речевого поведения) репрезентируют процессы самоидентификации, позволяя проследить постепенное переосмысление персонажем собственной социальной роли.

В совокупности данные виды художественных деталей образуют целостную систему языковых средств, посредством которой автор моделирует *процесс* трансформации классовой идентичности, обусловленный изменением социальных обстоятельств и личностным развитием героя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Н.В. Самоопределение как механизм развития идентичности / Н.В. Антонова, В.В. Белоусова // Педагогика и психология образования. — 2011. — No 2. — С. 79–92.
2. Багиян А.Ю. Социолингвокогнитивное параметрирование профессиональной идентичности: теоретические основы / А.Ю. Багиян // Современные исследования социальных проблем. — 2018. — Т. 10. — № 2–3. — С. 58–66.
3. Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. — Москва: АСТ; Минск: Харвест; Современный литератор, 2001. — 1312 с.
4. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. О литературном герое / Л.Я.Гинзбург. — Москва: Азбука, 2016. — 704 с.
5. Гуревич П.С. Идентичность и ее тень (социокультурные конфигурации самотождественности) / П.С. Гуревич // Человек. — 2019. — No 5. — С. 84–94.
6. Гусакова Т.Г. Типология языковых средств моделирования социальной самоидентификации персонажа (на материале англоязычной прозы XX века) / Т.Г. Гусакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — No 6–1 (60). — С. 102–108.
7. Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. — Москва: Весь мир, 2017. — 992 с.

8. Каган М.С. Избранные труды: в 7 т. Т. III. Труды по проблемам теории культуры / М.С. Каган. — СПб., 2007.
9. Клейменова В.Ю. Понять другого: проблемы интерпретации текста в современной науке / В.Ю. Клейменова [и др.]. — СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2023. — 196 с.
10. Колантаевская А.С. Динамика идентичности в связи с жизненным выбором / А.С. Колантаевская // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. — 2017. — №о 3. — Доступ: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-identichnosti-v-svyazi-s-zhiznennym-vyborom (дата обращения: 12.06.2025).
11. Лаппо М.А. Лексические средства описания идентичности / М.А. Лаппо // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2009. — № 2 (14). — С. 21–32.
12. Леонова Е.В. Идентичность как объект лингвистического исследования: монография / Е.В. Леонова. — Саратов: СГУ, 2019. — 140 с.
13. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. — М. : АСТ, 2025. — 544 с.
14. Матузкова Е.П. Идентичность и лингвокультура: методология изучения: монография / Е.П. Матузкова. — Одесса: Издательство КП ОГТ, 2014. — 334 с.
15. Остроумова А.В. Проблематика динамики идентичности в мнемоническом повествовании / А.В. Остроумова // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 2 (50).
16. Рикёр П.Я — сам как другой / П. Рикёр; пер. с франц. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. — 416 с.
17. Смирнова Е.Д. Знаки средневековых сословий: цвет костюма и его символика / Е.Д.Смирнова // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. — 2009. — № 2 (23). — С. 63–70.
18. Шеина М.С. Моделирование гендерной идентичности в художественном тексте / М.С. Шеина // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах: сборник материалов VII Международной научной конференции, Курган, 24 марта 2023 года. — Курган: Курганский государственный университет, 2023. — С. 261–268.
19. Щирова И.А. Актуальность идеи холизма в изучении текста как художественной модели мира / И.А. Щирова. — Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2019. — С. 56–60.
20. Щирова И.А. Психологический текст: деталь и образ / И.А. Щирова. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. — 120 с.
21. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон; пер. с англ. ; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. — 2-е изд. — М.: Флинта ; МПСИ; Прогресс, 2006. — 352 с.
22. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life / E.Goffman. — London: Penguin, 2022. — 234 p.
23. Hall S. Cultural identity and diaspora / S.Hall // Identity: Community, Culture, Difference / ed. by J.Rutherford. — London: Lawrence & Wishart, 1990. — P. 222–237.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

24. Cambridge Dictionary. — Доступ: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english (дата обращения: 24.09.2025).
25. Follett K. (2018). The Pillars of the Earth. London: Pan Books (1000 p.).

REFERENCES

1. Antonova N.V., Belousova V.V. (2011). Samoopredelenie kak mekhanizm razvitiya identichnosti [Self-determination as a mechanism for identity development]. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya [Pedagogy and Psychology of Education], 2, 79–92. (In Russian).
2. Bagiyan A.YU. (2018). Sociolingvokognitivnoe parametrirovanie professional’noj identichnosti: teoreticheskie osnovy [Sociolinguocognitive parameterization of professional identity: theoretical foundations]. Sovremennye issledovaniya social’nyh problem [Modern Studies of Social Issues], 10 (2–3), 58–66. (In Russian).
3. Gricanov A.A. (ed.) (2001). Vsemirnaya enciklopediya: Filosofiya [World Encyclopedia: Philosophy]. M.: AST; Minsk: Harvest; Sovremennyj literator (1312 p.). (In Russian).
4. Ginzburg L.YA. (2016). O psihologicheskoj proze. O literaturnom geroe [On Psychological Prose. On the Literary Hero]. M.: Azbuka (704 p.). (In Russian).
5. Gurevich P.S. (2019). Identichnost’ i ee ten’ (sociokul’turnye konfiguracii samotozhdestvennosti) [Identity and its shadow (sociocultural configurations of self-identity)]. Chelovek [Human], 5, 84–94. (In Russian).
6. Gusakova T.G. (2016). Tipologiya yazykovyh sredstv modelirovaniya social’noj samoidentifikacii personazha (na materiale angloyazychnoj prozy XX veka) [Typology of linguistic means of modeling a character’s social

self-identification (based on English-language prose of the 20th century)]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 6-1 (60), 102–108. (In Russian).
7. Semenenko I.S. (ed.) (2017). Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika: enciklopedicheskoe izdanie [Identity: Personality, Society, Politics: Encyclopedic Edition]. M.: Ves' mir (992 p.). (In Russian).
8. Kagan M.S. (2007). Izbrannye trudy: v 7 t. T. III. Trudy po problemam teorii kul'tury [Selected Works: in 7 vols. Vol. III. Works on Problems of Cultural Theory]. SPb. (In Russian).
9. Klejmenova V.YU. et al. (2023). Ponyat' drugogo: problemy interpretacii teksta v sovremennoj nauke [Understanding the Other: Problems of Text Interpretation in Modern Science]. SPb.: Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A.I.Gercena (196 p.). (In Russian).
10. Kolantaevskaya A.S. (2017). Dinamika identichnosti v svyazi s zhiznennym vyborom [Identity dynamics in relation to life choice]. Vestnik SPbGU. Seriya 16: Psihologiya. Pedagogika [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology. Pedagogy], 3. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-identichnosti-v-svyazi-s-zhiznennym-vyborom (accessed 12 September 2025). (In Russian).
11. Lappo M.A. (2009). Leksicheskie sredstva opisaniya identichnosti [Lexical means of describing identity]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology], 2 (14), 21–32. (In Russian).
12. Leonova E.V. (2019). Identichnost' kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya: monografiya [Identity as an Object of Linguistic Research: Monograph]. Saratov: SGU (140 p.). (In Russian).
13. Lotman YU.M. (2025). Struktura hudozhestvennogo teksta [The Structure of the Literary Text]. M.: AST (544 p.). (In Russian).
14. Matuzkova E.P. (2014). Identichnost' i lingvokul'tura: metodologiya izucheniya: monografiya [Identity and Linguoculture: Methodology of Research: Monograph]. Odessa: Izdatel'stvo KP OGT (334 p.). (In Russian).
15. Ostroumova A.V. (2024). Problematika dinamiki identichnosti v mnemonicheskom povestvovanii [Problems of identity dynamics in mnemonic narrative]. Russian Linguistic Bulletin, 2 (50). (In Russian).
16. Ricoeur P. (2008). YA — sam kak drugoj [Oneself as Another]. Transl. from French. M.: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury (416 p.). (In Russian).
17. Sheina M.S. (2023). Modelirovanie gendernoj identichnosti v hudozhestvennom tekste [Modeling gender identity in literary text]. Universal'noe i kul'turno-specifichnoe v yazykah i literaturah [Universal and Culture-Specific Phenomena in Languages and Literatures]: Sbornik materialov VII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Kurgan, 24 marta 2023 goda [Proceedings of the VII International Scientific Conference, Kurgan, March 24, 2023] (pp. 261–268). Kurgan: Kurganskij gosudarstvennyj universitet. (In Russian).
18. Smirnova E.D. (2009). Znaki srednevekovyh soslovij: cvet kostyuma i ego simvolika [Signs of medieval estates: costume color and its symbolism]. Vesnik Mazyrskaga dzyarzhaunaga pedagagichnaga universiteta imya I.P.Shamyakina [Bulletin of Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin], 2 (23), 63–70. (In Russian)
19. Shchirova I.A. (2019). Aktual'nost' idei holizma v izuchenii teksta kak hudozhestvennoj modeli mira [The relevance of the idea of holism in studying text as an artistic model of the world]. Abakan: Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N.F.Katanova, 56–60. (In Russian).
20. Shchirova I.A. (2003). Psihologicheskij tekst: detal' i obraz [Psychological Text: Detail and Image]. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta (120 p.). (In Russian).
21. Erikson E. (2006). Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and Crisis]. Transl. from English; ed. by A.V.Tolstyh. 2nd ed. M.: Flinta; MPSI; Progress (352 p.). (In Russian).
22. Goffman E. (2022). The Presentation of Self in Everyday Life. London: Penguin (234 p.).
23. Hall S. (1990). Cultural identity and diaspora. Identity: Community, Culture, Difference. Ed. by J.Rutherford. London: Lawrence & Wishart (pp.222–237).

Поступила в редакцию 08.05.2026 г.

LANGUAGE MODELING OF IDENTITY DYNAMICS

M.S. Sheina

This article examines the modeling of the dynamics of class identity in a literary text based on Ken Follett's historical novel The Pillars of the Earth. The aim of the study is to identify and systematize linguistic means of representing identity and its dynamic nature in the context of the socio-historical changes of the 12th century. The research employs methods of linguistic analysis of literary text, functional-semantic classification

of details, as well as interpretative and contextual analysis. The main results include the description of a multi-level system of linguistic devices (constative and implicative details, elements of external and internal portrait), through which the transformation of the protagonist's class identity is modeled. Particular attention is paid to the role of linguistic detail in representing the heroine's social crisis, adaptation and the development of a new social role. The findings may be applied in studies on text linguistics, identity theory, and literary discourse analysis.

***Keywords**:* identity dynamics, linguistic modeling, model, literary detail, Ken Follett.

Шеина Мария Сергеевна.
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург.
Ассистент кафедры английской филологии.
ORCID: 0009-0002-3470-1799.
E-mail: mariiasheina@mail.ru.

Sheina Maria Sergeevna.
Herzen State Pedagogical University of Russia,
Russian Federation, St-Petersburg.

Assistant of English Philology Department.
ORCID: 0009-0002-3470-1799.
E-mail: mariiasheina@mail.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 811.112.2:930
DOI: 10.5281/zenodo.22961007

ВИЛЬГЕЛЬМ ШЕРЕР И ГЕРМАНИСТИКА XIX В. В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ

© 2026 *А.В. Шкапова*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»
ORCID 0009-0005-0622-9177

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье анализируется роль корреспонденции как важнейшего ресурса для понимания особенностей становления и развития академической германистики XIX в. под влиянием австрийского филолога Вильгельма Шерера. В современной историографии наблюдается устойчивый интерес к «антропологическому повороту» со сменой фокуса с глобальных процессов на повседневный опыт человека. В этом контексте источники личного характера, в особенности письма, приобретают статус фундаментальной базы для реконструкции прошлого и позволяют увидеть историю как живой процесс, преломленный через индивидуальное сознание. Исследование построено на принципах нарративной лингвоисториографии, с использованием методов синтеза и анализа аутентичных эпистолярных текстов, исторического, культурологического комментария. Сделаны выводы о том, что корреспонденция позволяет выявить особенности творческого и исследовательского процесса, взаимоотношения ученых между собой и со своими учениками, что не всегда проявляется при работе с их научными трудами и официальными документами. Переписка раскрывает разносторонние научные интересы В. Шерера, его талант как наставника, подчеркивает национальные особенности развития германистики в Австрии.

Ключевые слова: эго-документы, письма ученых (Gelehrtenbrief), Вильгельм Шерер (Wilhelm Scherer; 26.04.1841–06.08.1886), школа Шерера, институционализация германистики, XIX в., Венский университет, семинар немецкой филологии, позитивизм.

Для цитирования: Шкапова А.В. Вильгельм Шерер и германистика XIX в. в эпистолярном наследии / А.В. Шкапова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 245–256. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22961007.

Введение. В современной историографической парадигме изучению писем ученых отводится существенная роль, что подтверждают реализованные за последние десятилетия западные проекты по изданию корреспонденции выдающегося австрийского германиста XIX в. Вильгельма Шерера (*Wilhelm Scherer*, 26.04.1841–06.08.1886). Обращение к разным источникам, среди которых не только оригинальные научные труды, законодательные акты, словари, справочная литература, но и эпистолярные тексты, дает возможность сформировать, согласно О.А. Радченко, «исторический и личностный контекст» [1, с. 125] определенного периода развития науки. Н.В. Суржикова рассматривает обращения к источникам, характеризуемым непременным присутствием «Я» (так называемые эго-документы), как главное следствие изменения историографической ситуации, а именно очевидное смещение исследовательского интереса историка от изучения событий к изучению состояний [2, с. 6].

На протяжении столетий переписка была самым распространенным способом общения между людьми и поэтому отличалась глубоким содержанием. Для писем

характерно переплетение трех основных составляющих: исторической, культурологической и психологической. Анализ корреспонденции личного и научного характера как уникального ресурса фактологической информации непосредственно связан с историографией науки. Культурологическое исследование эпистолярных текстов позволяет воссоздать языковой облик и бытовые характеристики конкретной эпохи, речевую практику и содержание жизни корреспондентов [3, с. 282]. В психологическом аспекте корреспонденция раскрывает внутренний мир, характер и взаимоотношение ее авторов.

Материалы и методы исследования. Благодаря исследованиям Мирка Ноттшейда и Ханса-Харальда Мюллера, ведущих немецких специалистов по наследию В. Шерера, в период 2005–2020 гг. было опубликовано более 1000 писем ученого и его научного круга [13; 14; 15; 16]. Многие из них впервые введены в научный оборот. Основным материалом данного лингво-исторического исследования стали 56 писем: переписка В. Шерера с профессорами Венского и Берлинского университетов, а также корреспонденция его учеников Р. Гейнцеля, А. Зауэра и Б. Зойфферта. Эпистолярные тексты отобраны как из первой публикации 1937 г. с предисловием-воспоминанием издателя Э. Шредера, бывшего студента В. Шерера, так и из новых проектов. С использованием методов синтеза и анализа, а также исторического и культурологического комментария была изучена содержащаяся в них информация о становлении В. Шерера как филолога нового направления развития германистики на принципах позитивизма, о его вкладе в институционализацию германистики в Австрии и Германии, подготовку последующих поколений академических кадров.

Основная часть. Особое место в исследовании эпистолярных текстов занимают немецкоязычные страны, которые хранят в своих архивах и библиотеках колоссальные фонды корреспонденции. Например, комиссия по истории Баварии в 1980-х гг. начала серию публикаций *Bayerische Gelehrtenkorrespondenz* («Корреспонденция ученых баварцев»). Перед ней была поставлена задача ввести в научный оборот важные корпусы писем посредством научного издания, что стало логическим продолжением традиции «Писем гуманистов», заложенной Исторической комиссией еще в 1914 г. В эту серию вошли письма немецких гуманистов XV в. — начала XVI в. Конрада Пейтингера, Конрада Цельтиса, Виллибальда Пиркгеймера, а также австрийского историка и дипломата Иоганна Куспиниана [10].

Особой интенсивностью отличалась научная корреспонденция (*Gelehrtenkorrespondenz* / *gelehrte Korrespondenz*) в последующих XVI–XVIII вв. До появления профильных журналов эпистолярные тексты были важнейшим средством научного общения. Их основное содержание — это дискуссии о новых открытиях, рецензии на книги, установление контактов и личные сообщения. Переписка способствовала не только обмену новыми знаниями, но и налаживанию связей в «Республике ученых» (*Gelehrtenrepublik*), являясь показателем соответствующего статуса гражданина образованного сообщества. Как указывает Нора Гедеке, корреспонденция подчинялась неписанным законам, в частности, принципу *do ut des* (лат. «Даю, чтобы ты дал») [6, S. 16]. Примером расцвета ученой эпистолярной культуры по праву считается переписка Г.В. Лейбница (*Gottfried Wilhelm Leibniz*, 1646–1716). Немецкий ученый и придворный, начиная с юных лет, всю жизнь систематически занимался развитием и поддержанием обширных корреспондентских связей. До наших дней сохранилось около 20 000 писем, написанные им в течение более 50 лет. Общий объем корреспонденции определенно был намного больше, т.к. в некоторые дни Г.В. Лейбниц мог писать по пять и более писем, называя их иногда

центральным занятием своей жизни [6, S. 17]. Он переписывался практически со всеми значимыми учеными своего времени, при этом не все из 1300 корреспондентов Центральной, Западной, Северной Европы, а также России и Китая были «первыми» величинами в своей области знаний. Переписка велась с представителями всех слоев населения, и для некоторых из них эти письма являются основным историографическим источником.

В дальнейшем корреспонденция традиционно оставалась одним из наиболее значимых каналов профессионального общения. Профессор Ханс-Харальд Мюллер, разрабатывая концепцию *Gelehrtenbrief* («письма ученых»), выделяет в германистике XIX в. два важнейших центра эпистолярной научной коммуникации: сначала это круг Якоба и Вильгельма Гримм, затем — Вильгельма Шерера [8, S. 79]. Их переписка различается целями и формами общения. На стадии становления немецкой филологии как науки, в первую очередь, было важно собирать информацию, обмениваться научными мнениями и вести профессиональные дискуссии. Творческое наследие братьев Гримм рождалось в тесном рабочем контакте с многочисленными выдающимися учеными, в частности с Георгом Фридрихом Бенеке и Карлом Лахманом, с представителями литературных и общественных кругов, современниками, в наши дни более или менее известными.

Масштабы переписки и необычайно широкий круг корреспондентов стали раскрываться только с момента начала проектной работы по составлению каталога писем в Берлинском университете им. Гумбольдта в 1985 г. По предварительной оценке руководителя проекта У. Мевеса, общий объем корреспонденции с более чем 2100 адресатами составляет не менее 30 000 писем, а их издание с комментариями займет примерно 30 томов [7, S. 9]. На сегодняшний день опубликовано 8 томов [4]. В них содержатся только письма Я. и В. Гримм, без ответной корреспонденции. Особого внимания заслуживает специфическое оформление части писем в оригинальной форме черновых записей, конспектов — «адверсариев» по принципу старинных бухгалтерских книг (Рис. 1).

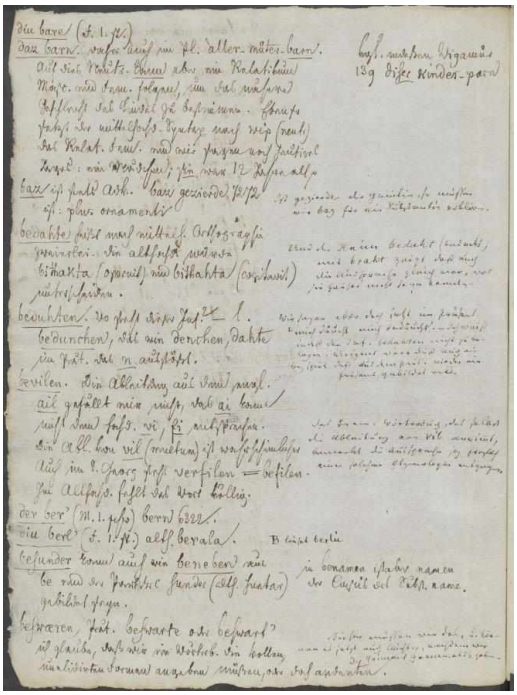


Рис. 1. Адверсарии с Г.Ф. Бедеке по вопросам немецкой филологии [11]

Как видно на фото архивного документа, лист бумаги делился пополам, с левой стороны автор фиксировал свои вопросы или тезисы, а с правой — его адресат излагал свою позицию. Многочисленные материалы адверсариев были использованы в дальнейшем при составлении «Немецкой грамматики» Я. Гримма.

К концу 1860-х гг. германистика как научная дисциплина прошла стадию первичного формирования, и корреспонденция В. Шерера этого периода посвящена, прежде всего, вопросам институционализации немецкой филологии в университетах Германии и Австро-Венгрии. Она также отличается большим охватом корреспондентов и высокой частотностью, но существенная часть переписки была утеряна во время Второй мировой войны. В 1907 г. вдова Мари Шерер, пережившая супруга на 53 года и бережно хранившая его архив, передала в публичное пользование часть документов и писем, оставив в семье те, которые, по ее мнению, не имели ценности для библиографов. Материалы были депонированы в Государственной библиотеке Берлина (*Staatsbibliothek zu Berlin*) в 21 ящике. После войны они считались пропавшими, и только в 1982 г. 18 из них были возвращены библиотеке Шарлоттой Прецель из наследия ее супруга [11]. Большинство писем и других автобиографических записей стали доступны для исследования только в 1980-х гг.

Первая публикация корреспонденции В. Шерера датирована 1937 г. Речь идет о переписке с его наставником и коллегой, профессором Берлинского университета Карлом Мюлленгофом (*Karl Viktor Müllenhoff*, 1818–1884). В этот единственный довоенный сборник вошли 330 писем обоих корреспондентов, что дало возможность читателям фактически присутствовать при диалоге двух ведущих германистов второй половины XIX в. По мнению составителя Эдварда Шредера, данная корреспонденция являлась на тот момент, безусловно, самой значительной для истории германистики после переписки Якоба Гримма и Карла Лахмана. Он считал делом чести и долгом перед своим учителем (*Erfüllung einer Treupflicht*) представить широкой общественности письма, с содержанием которых был давно и очень хорошо знаком [12, S. VII–VIII].

Помимо текстов писем, в качестве историографического источника достойно внимания и предисловие данного сборника, построенное на личных впечатлениях и воспоминаниях. Э. Шредер делится информацией о непосредственных контактах с корреспондентами, а также хранящимися в его памяти рассказами о событиях, предшествующих переписке В. Шерера. Научные интересы молодого австрийца выходили за рамки преподаваемых тем в Венском университете, что было явно неудобно для руководителя кафедры немецкой филологии Франца Пфейффера (*Franz Pfeiffer*, 1815–1868). Их академическое противостояние сохранилось навсегда: *Und so blieb der Verkehr zwischen beiden allezeit: für Pfeiffer lästig und verdrießlich*, *für Scherer unergiebig und später geradezu böswillig hemmend* [12, S. XI]. Тормозящим препятствием для пытливого студента стало отсутствие научной методики изучения текстов, за освоением которой он отправляется в Берлин к К. Мюлленгофу: *Scherer stellte sich als ein Wiener und bisher Zuhörer von Franz Pfeiffer vor*, *bei dem er glaube Mittelhochdeutsch gut gelernt zu haben. „Zu Ihnen komm ich*, *um das germanische Altertum kennenzulernen — und vor allem die wissenschaftliche Methode!“* [12, S. XI].

Несмотря на возрастающую симпатию К. Мюлленгофа к новому, подающему большие надежды ученику, между ними оставалось неизменным диаметрально противоположное отношение к Пруссии: К. Мюлленгоф, уроженец Гольштейна, а по происхождению вестфалец, так и не смог преодолеть своей антипатии к Пруссии, в то время как В. Шерер из критически настроенного австрийца превратился в

восторженного прусса. Тем не менее в общении данное обстоятельство упоминалось только в случае крайней необходимости [12, S. XI]. За совместно проведенные четыре года в университете Берлина К. Мюлленгоф очень привязался к своему студенту и открыто выражал восхищение его способностями и достижениями, несмотря на такой молодой для ученого возраст. Возвращение В. Шерера в Австрию он воспринял как практически невосполнимую потерю*: Es wird für mich ein großer verlust sein*, *und einen schüler wie ihn werde ich wohl sobald nicht wieder bekommen. Der verkehr mit ihm ist mir zu einem bedürfnis geworden* [12, S. 625].

Необходимо выделить уважительную манеру общения В. Шерера со всеми, кого он знал. Подтверждение тому можно найти в его переписке с учителями, коллегами и учениками, а также в личных воспоминаниях Э. Шредера. Известный ученый не только был любезен со всеми, кому выпадала честь с ним общаться, но и сам в высшей степени был достоин любви, что особо четко проявляется благодаря опубликованной переписке: *Daß Scherer liebenswürdig sein konnte*, *erfuhr jeder*, *der ihm begegnete*; *daß er wirklich ein liebenwürdiger Mensch war*, *wußten alle*, *die seinen Verkehr genossen haben*, *wie wahrhaft liebenswert er aber gewesen ist*, *das habe auch ich erst aus diesen Briefen an seinen Lehrer erfahren*, *für die es in der Geschichte des Gelehrtentums kaum ein vergleichbares Beispiel gibt* [12, S. XII–XIII]. О том, насколько В. Шерер был предан своей науке, говорит тот факт, что он предпринимал все возможные попытки, чтобы уменьшить академическое противостояние германистов Берлина и Лейпцига. Он очень рано осознал, какой тяжелый урон оно наносит развитию немецкой филологии, и старался перебросить мост через эту пропасть, приезжая в Лейпциг для поддержания личных контактов.

Для оценки научной позиции и литературных достижений В. Шерера особого внимания заслуживают письма из его переписки с К. Мюлленгофом, посвященные обращению австрийского германиста к журналистскому стилю эссе (№ 90/91 и 177/178), так называемому «эссеизму» — болезни современников, которая не обошла и В. Шерера [12, S. 252]. К. Мюлленгоф выделял чрезвычайную одаренность и прилежание своего студента, однако не смог должным образом оценить масштабы его дарования и выражал опасения, что тот все больше и больше отдаляется от «строгой филологии». В. Шерер лично соотносил как свою филологическую, так и публицистическую деятельность с общим контекстом германистики в ее ретроспективе и перспективе. Он не рассчитывал на долгую жизнь, но, тем не менее, был полон планов на будущее вплоть до последних лет. Э. Шредер по памяти восстановил знаковое высказывание своего учителя на одной из последних встреч: «Я не оставлю в науке о немецком языке никакого закона Шерера. В истории литературы, пожалуй, едва ли будет иметь место открытие, связанное с моим именем. Но я надеюсь, что всегда найдутся германисты (и при этом он лукаво улыбнулся мне), которые будут исследовать историю наших задач и проблем, и эти немногие, но тем более ценные личности наткнутся на мою персону в самых разных местах» (здесь и далее — пер. авт.) [12, S. XV].

Объективно оценивая вклад В. Шерера и его учеников в развитие филологии, необходимо указать, что никакого преувеличения в самооценке ученого не было. Так, в академической германистике появилось новое направление, а именно диалектология, в дальнейшем — немецкая и общеевропейская лингвистическая география благодаря трудам Фердинанда Вреде (*Victor Karl Paul Ferdinand Vrede*, 1863–1934), защитившего кандидатскую диссертацию о диалекте вандалов в Берлинском университете под руководством В. Шерера. Качественно улучшилось издательское дело: литературные памятники сопровождались необходимыми научными культурно-историческими и лингвистическими комментариями. Благодаря усилиям австрийских филологов

произошло разделение на древнюю и новейшую германистику, а в университетах и гимназиях стала изучаться новая немецкоязычная литература. Однако семинары немецкой филологии в различных учебных заведениях отличались организацией и содержанием, что во многом зависело от практикующих там профессоров.

Созданный В. Шерером в 1873 г. в Страсбурге семинар новейшей германистики стал своего рода естественно-научной лабораторией, т.к. в отличие от натурфилософских позиций Я. Гримма, Шерер-позитивист основывался на экспериментальной программе исследований. Несмотря на развитие методологической концепции К. Мюлленгофа, он не получил одобрения своего учителя, который до конца противился появлению такого семинара, считая его прерогативой классической филологии и болезненно воспринимая начинания германистов нового формата [12, S. XVIII].

Э. Шредер на своем примере понимал, насколько важна поддержка молодых ученых, независимо от того, разделяют ли они научные взгляды и мнения своих профессоров или придерживаются иных. В качестве негативных примеров первый издатель корреспонденции В. Шерера упоминает немецкого филолога Морица Гаупта (*Moriz Haupt*,1808–1874), профессора Берлинского университета, секретаря Берлинской академии наук и швейцарца Франца Пфейффера, профессора немецкой филологии в Вене. Первый, прежде всего, отличился своей безответственной небрежностью, с которой дал основанному им же «Журналу немецких древностей» угаснуть. Кроме того, по словам Э. Шредера, М. Гаупт буквально третировал молодых ученых (*junge Gelehrte malträtiert*), в частности В. Шерера и Р. Гейнцеля (*Richard Heinzel*, 1838–1905), выражавших готовность поднять авторитет этого важного для развития германистики печатного органа. При этом уважение к профессору классической филологии, которое В. Шерер постоянно демонстрировал и пытался привить своим ученикам, достойно удивления. Тем более с учетом того, что М. Гаупт не предпринял ни единой попытки для карьерного продвижения В. Шерера, прежде всего в 1867 г., когда у австрийца, по выражению Э. Шредера, «под ногами горела родная земля», а для М. Гаупта не представляло труда обеспечить ему учрежденную ординарную профессуру немецкой филологии в Марбурге: *Haupt hat für Scherers Förderung nicht einen Finger gerührt*, *vor allem nicht 1867*, *als dem Österreicher der heimische Boden unter den Füßen brannte und es für Haupt ein leichtes gewesen wäre*, *ihm das neu begründete Ordinariat für deutsche Philologie in Marburg zu verschaffen* [12, S. XII–XIII]. Как следует из переписки, Ф. Пфейффер сделал в Вене все возможное, чтобы отравить молодому доценту радость от профессии, а его придирки не встретили сдерживания или сопротивления ни на факультете Венского университета, ни в Имперской Академии наук.

В. Шерер был педагогом иной, новой формации. Для студентов их профессор стал примером и образцом, без обязательного следования его концепциям, что способствовало развитию новой мысли. Обучение велось в форме личного обмена информацией о процессе и результатах самостоятельных исследований под руководством наставника. В Страсбурге была введена традиция *Germanistenkneipe*, и В. Шерер участвовал практически во всех «пирушках германистов». Они существенно отличались от субботних чаепитий в Берлине, на которых К. Мюлленгоф покидал своих гостей-студентов к 10 часам вечера, предоставляя их самим себе.

Тесные связи профессора и его студентов сохранялись на протяжении всей дальнейшей деятельности, и многочисленные ученики рассматривали переписку как своеобразную форму продолжения семинарских занятий [8, S. 90]. Со своей стороны В. Шерер стремился поддерживать контакты с ними, уже будучи в Берлине и не имея возможности часто покидать Пруссию, что подтверждает его письмо к Б. Зойфферту

перед отъездом из Страсбурга: *Gerade das Straßburger Seminar u. alle Mitglieder desselben werden mir unvergeßlich bleiben u. ich hoffe mit Allen in dauernder Gemeinsamkeit des Forschens und Strebens zu verharren*, *wohin u. wie weit wir auch auseinander gerissen sein mögen* («Я никогда не забуду именно страсбургский семинар и всех его участников и надеюсь поддерживать общие исследования и стремления, как бы далеко мы ни находились друг от друга») [15, S. 87].

Объективной необходимостью институционализации германистики было формирование учебной программы, составление пособий для нового типа филологического семинара, разработка концепции научных периодических изданий, что часто становилось темой обсуждения В. Шерера и представителей его научной школы. Переписка демонстрирует взаимную поддержку, обмен опытом по практической реализации новых согласованных между собой учебных программ, проведению лекций и семинарских занятий, вплоть до предоставления конспектов. Об этом свидетельствует отрывок из письма А. Зауэра от 04.09.1884 г., в котором описываются первые лекции Р. Гейнцеля. Как молодого, еще неопытного преподавателя, так и его слушателей фактически спасали конспекты, переданные В. Шерером: *Zum Glück gab er wenig eigenes*, *sondern es waren wörtlich & buchstäblich Scherers Collegien*, *die er uns mittheilte u. so bin ich indirect vom ersten Semester an Scherers Schüler gewesen* («К счастью, он давал мало своего, а дословно и буквально зачитывал лекции Шерера, и таким образом я с первого семестра косвенно стал учеником Шерера») [13, S. 129].

Корреспонденция В. Шерера содержит многочисленные практические советы начинающим исследователям, которые в рамках организованного им семинара могли получить только начальные импульсы в научной деятельности. Демонстрируя искреннюю заинтересованность в доверительных отношениях со своими корреспондентами, он открыто, но конструктивно критиковал их работы и проекты, например, первую книгу Б. Зойфферта — биографию Малера Мюллера: *Mit Recht wird man an den Vertreter der modernen Philologie immer die Forderung stellen*, *daß der Formsinn den er haben muß sich auch in seiner eigenen Form*, *in seinem eigenen Stil bewähre. Es würde Ihnen auf Ihrer künftigen Laufbahn fortwährend nachgehen u. wäre eine schwer auszuwetzende Scharte*, *wenn Ihr erstes Buch*, *ein Buch von 20 Bogen*, *einen ungeschickten*, *schwerfälligen*, *manchmal durch Unbeholfenheit komischen Ausdruck aufwiese*, *den es jetzt noch hat* («К представителю современной филологии всегда будут обоснованно предъявлять требование, чтобы чувство формы, которым он должен обладать, находило подтверждение и в его собственной форме, в его собственном стиле. Этот недостаток будет постоянно преследовать Вас на Вашем будущем поприще и станет трудно сглаживаемым изъяном, если Ваша первая книга, книга в 20 печатных листов, будет отличаться, как сейчас еще имеет место, неуклюжим, тяжеловесным, местами из-за своей беспомощности комичным слогом») [15, S. 74].

В. Шерер также рекомендовал Б. Зойфферту не проявлять излишней спешки в подготовке к публикации первого научного труда, несмотря на амбициозное желание в ближайшее время выйти на защиту*: Sie eilen zu sehr! Sie sind zu ehrgeizig. Ein angehender Gelehrter darf aber keinen andern Ehrgeiz haben*, *als seine erste Leistung so gut als möglich zu machen. Alle die Äußerlichkeiten von Promotion u. Habilitation sind daneben unwichtig* («Вы слишком торопитесь! Вы слишком честолюбивы. Но у начинающего ученого не должно быть иного честолюбия, кроме как выполнить свою первую работу как можно лучше. Все эти внешние формальности — защита кандидатской и докторской — по сравнению с этим неважны») [15, S. 72].

Однако критика не означает, что В. Шерер не поддерживал начинания своих учеников. При необходимости в решении сложных проблем профессор оказывал им практическую помощь и давал важные рекомендации, в частности, вышеупомянутому Б. Зойфферту, который получил стипендию министерства Баварии для работы в немецких и швейцарских архивах и планировал издать письма Виланда: *Sollten Sie nicht frischweg die Biographie schreiben*, *darin Ihre Briefauszüge nach Daten und Empfängern citiren*, *so daß sie in jeder künftigen Ausgabe zu finden sein werden — u. sich alle diese Materialien aufheben auf bessere Zeiten d. h. bis das Interesse an Wieland durch Ihre u. a. Arbeiten gesteigert ist oder bis eine deutsche Akademie Lust hat*, *solche Arbeiten zu unterstützen?* («Разве не следует Вам, не теряя времени, написать биографию, цитируя выдержки из писем по датам и адресатам, так, чтобы они вошли во все будущие издания, и приберечь весь этот материал до лучших времен, то есть до тех пор, пока интерес к Виланду не возрастет благодаря Вашим и другим работам или пока у какой-нибудь немецкой академии не появится желания поддержать подобные труды?») [15, S. 122].

Несмотря на роль австрийского германиста в развитии немецкого языкознания и особенно литературоведения, его биография и наследие не получали должного внимания исследователей в послевоенное время. В 1963 г. была издана переписка с Эрихом Шмидтом (*Erich Schmidt*, 1853–1913) [9], уход которого принято считать окончанием «школы Шерера». Затем спустя два десятилетия была опубликована корреспонденция с немецким филологом Элиасом фон Штайнмайером (*Elias von Steinmeyer*, 1848–1922), датированная 1872–1886 гг. [5]. Предметом переписки являются общие научные интересы в области германистики, университетская жизнь, преподаватели, но прежде всего — вопросы, связанные с журналами и рецензиями (*Zeitschrift für deutsches Altertum*), проектами и публикациями самих корреспондентов, в частности, с работой Э. Штайнмайера над словарем древневерхненемецкого языка.

К изучению корреспонденции ученого как важнейшего источника для историографии германистики вернулись в начале XXI в. В 2005 г. результатом многолетнего исследования М. Ноттшейда и Х.-Х. Мюллера (при участии М. Рихтер) стало издание 141 письма из переписки с членами семьи, друзьями и коллегами, многие из которых опубликованы впервые [14]. Примечательно, что данный эпистолярный сборник вошел в серию книг «Марбахская история науки» центра по исследованию германистики в Немецком литературном архиве в Марбахе, что, со своей стороны, подчеркивает роль В. Шерера и круга его корреспондентов в академической германистике. Изучение публикации *Wilhelm Scherer. Briefe und Dokumente aus den Jahren 1853 bis 1886* дает не только глубокое понимание разносторонних факторов, влияющих на профессиональную деятельность В. Шерера, но и всестороннее представление о многообразных аспектах его научной карьеры.

В рамках следующего исследовательского проекта Х.-Х. Мюллера в 2016 г. было подготовлено издание до сих пор не публиковавшейся переписки В. Шерера с тремя его учениками: Августом Зауэром (*August Sauer*, 1855–1926), Бернхардом Зойффертом (*Bernhard Seuffert*, 1853–1938) и Рихардом Вернером (*Richard Maria Werner*, 1854–1913) [15]. Название издания *Disziplinentwicklung als community of practice* («Становление дисциплины как сообщества практиков») однозначно указывает на значимость корреспонденции для понимания вклада школы Шерера в развитие германистики. Из переписки возникает образ сплоченной группы единомышленников, которые называли себя *Schererianer* («шерерианцами») и *Scherer-leute* («людьми Шерера») [15, S. 385]. Издание включает в себя около 300 писем и предоставляет разностороннюю информацию об учителе и его учениках. В центре внимания переписки остаются

научные проблемы, вопросы карьерного планирования, отношения с другими учеными и научными институтами. Эти темы часто переплетаются с описаниями жизненных ситуаций, путешествий, вплоть до сообщений о друзьях, супругах и детях. Так, А. Зауэр с теплотой упоминает о своем прозвище «Черный», которое еще в студенческие годы получил от профессора Шерера и с его легкой руки по-прежнему использовалось в кругу друзей: *Mittelgroß*, *gedrungen und kohlpechrabenschwarz*, *so daß mir Scherer seinerzeit den Namen „Der Schwarze“ gab*, *wie er noch heute im Freundeskreise gang und gäbe ist* [13, S. 117].

Последняя на настоящий момент опубликованная переписка с представителями круга В. Шерера вышла в свет в 2019 г. и включает 364 письма австрийского профессора древней германистики Рихарда Гейнцеля [16]. На протяжении десятилетий их связывали дружба и общие научные взгляды, в частности, позитивизм. Письма помогают раскрыть вклад в науку филолога и литературоведа Р. Гейнцеля. Он менее известен, хотя во многом именно благодаря Р. Гейнцелю австрийская германистика приобрела характерные особенности, отличающие ее от немецкой германистики. Как видно из переписки, Р. Гейнцель, как и В. Шерер, был последовательным эмпиристом: *Und doch wird unsre Wissenschaft erst dann sicherer Fuss fassen können*, *wenn sie auf eine Fülle von Empirie gegründet wird* («И все же наша наука сможет твердо встать на ноги только тогда, когда будет основана на богатом эмпирическом материале») [16, S. 271]. Заметим, что подробное эмпирическое исследование не являлось самоцелью, а служило предпосылкой для постановки и решения более сложных научных вопросов. При этом Р. Гейнцель отвергал национализм, характерный для филологии Германской империи, что особо ярко стало проявляться после 1871 г. (с созданием Второго рейха) и было определено им как *einbrechende Deutschthümelei* (примерно, как «нахлынувшее ура-патриотическое немецкое самодурство») [16, S. 318]. Переписка наглядно демонстрирует противопоставление германского историзма, который в конечном счете стал политически окрашенной национальной идеей (*das germanistische Altertum*), и характерного для многонациональной Австрийской империи универсализма, направленного на интеграцию позитивизма, принципы которого отстаивал Р. Гейнцель. Среди его трудов — исследования грамматики и литературы многочисленных языков и литератур средневековой Европы, что дало возможность составить масштабную картину европейской культуры. В 1873 г. Р. Гейнцель сменил своего друга и учителя на кафедре немецкой филологии Венского университета, где продолжал педагогические и научные традиции В. Шерера, подготовив плеяду выдающихся германистов: А. Зауэра, Э. Шмидта, Р. Мерингера, С. Зингера, О. Вальцеля, К. фон Крауса.

Ученики В. Шерера после его смерти занимали более 25 профессорских должностей в университетах Австро-Венгрии и Германии, поэтому их переписка служит историографическим источником общего состояния европейской германистики вплоть до первых десятилетий XX в. Они тяжело переживали раннюю утрату своего наставника: *Scherers tod geht uns allen mit dem gefühle der verwaisung nach* («Смерть Шерера вызвала у всех нас чувство осиротелости») [13, S. 186]. Неожиданная потеря значительно ослабила позиции Берлинской школы, для которой К. Мюлленгофф и В. Шерер были олицетворением рейхсканцлера Отто фон Бисмарка и главы прусского генерального штаба Гельмута фон Мольтке: *Die hh. Leipziger marschieren vor*, *da Bismarck u. Moltke uns tot sind* [13, S. 200]. Емкое сравнение А. Зауэра дает представление о значении В. Шерера для развития германистики на позициях объективного подхода к истории языка и литературы К. Мюлленгофа и К. Лахмана.

Заключение. Растущий интерес к истории языкознания благоприятным образом способствует введению в научный оборот новых материалов. К таковым, несомненно, относятся ранее не издававшиеся и до сих пор непереведенные на другие языки письма ученых-филологов несмотря на то, что они являются не просто иллюстративным материалом, а фундаментальной базой для истории науки.

Исследование эпистолярной коммуникации В. Шерера и его научного круга демонстрирует, что австрийские германисты не просто следовали за немецкими коллегами, а активно формировали свои методологические позиции, выстраивали систему преподавания, адаптированную к местным условиям университетской и культурной политики. Благодаря разносторонним научным интересам ученого каждый из его студентов мог выбрать наиболее интересную для него тему в германистике. Сложившаяся тесная взаимосвязь, в том числе и на эмоциональном уровне, не только между профессором и его студентами, но и между слушателями его семинара способствовали развитию общего канона базовых убеждений, целей и их практической реализации, что постепенно перерастало в так называемую школу Шерера. Изучение корреспонденции ее представителей раскрывает культурно-исторические связи, которые не так явно отражены в других историографических источниках, географию научного поиска и распространения научных идей между разными городами и регионами, позволяет выделить продуктивные периоды творчества их авторов, дополнить новыми фактами сложные процессы становления и развития германистики как академической дисциплины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Радченко О.А. Нарративная лингвоисториография: поиски нового объективизма / О.А. Радченко // Язык: теория, история, типология. — М.: Ин-т языкознания РАН; УРСС, 2000. — С. 124–130.
2. Суржикова Н.В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) / Н.В. Суржикова // История в эгодокументах: Исследования и источники / Н.В. Суржикова (гл. ред.). — Екатеринбург: АсПУр, 2014. — С. 6–13.
3. Тарумова Н.Т. Эпистолярное наследие как источник изучения творческой личности на примере семейной переписки Н. В. Бугаева (1837-1903) / Н.Т. Тарумова // Ярославский педагогический вестник. — 2016. — № 1. — С. 282–286.
4. Briefwechsel der Brüder Grimm [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.grimmbriefwechsel.de (дата обращения 18.03.2026).
5. Brunner H. Wilhelm Scherer/Elias Steinmeyer, Briefwechsel 1872–1886 / H. Brunner, J. Helbig (Hg.). — Göppingen: Kümmerle Verlag, 1982. — 369 S.
6. Gädeke N. Gymnasii Electoralis nulla ratione deterior conditio est, quam Hamburgensis et Bremensis, nisi quod haec sunt in urbibus magnis et florentibus Leibniz' Göttingen-Korrespondenz / N. Gädeke // Wissenschaft in Korrespondenzen / K. Engel (Hg.). — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2019. — S. 15–38.
7. Meves U. Die unzähligen Briefe der Brüder Grimm / U. Meves // Einblicke: Forschungsmagazin der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg. — 1999. — Nr. 29. — S. 7–10.
8. Müller H.-H. Disziplinbildung und Briefkultur(en) Gelehrtenbriefe und Korrespondenzformen in der Germanistik des 19. Jahrhunderts / H.-H. Müller // Briefkultur(en) in der deutschen Geschichtswissenschaft zwischen dem 19. und 21. Jahrhundert / M. Berg, H. Neuhaus (Hg.). — Vandenhoeck & Ruprecht, 2021. — S. 79–96. — https://doi.org/10.13109/9783666370953.
9. Richter W. Wilhelm Scherer, Erich Schmidt: Briefwechsel / W. Richter, E. Lämmert (Hg.). — Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1963. — 381 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

10. Bayerische Akademie der Wissenschaften (BAdW) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://kblg.badw.de/quelleneditionen/gelehrtenkorrespondenz.htm (дата обращения 18.03.2026).
11. Digitale Staatsbibliothek Berlin [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://digital.staatsbibliothek-berlin.de (дата обращения 18.03.2026).
12. Leitzmann A. Briefwechsel zwischen Karl Müllenhoff und Wilhelm Scherer / A. Leitzmann (Ed.). –Berlin,

Boston: De Gruyter Book Archive, 1937. — https://doi.org/10.1515/978311235244.
13. Notttscheid M. Der Briefwechsel zwischen August Sauer und Bernhard Seuffert 1880 bis 1926 / M. Nottscheid, M. Illetschko, D. Hebenstreit. —Wien Köln Weimar: Böhlau Verlag, 2020. — 838 S.
14. Notttscheid M. Wilhelm Scherer. Briefe und Dokumente aus den Jahren 1853 bis 1886 / M. Nottscheid, H.-H. Müller (Hg.). Marbacher Wissenschaftsgeschichte. Eine Schriftenreihe der Arbeitsstelle für die Erforschung der Geschichte der Germanistik im Deutschen Literaturarchiv Marbach. — Bd. 5. — Göttingen: Wallstein Verlag, 2005. — 448 S.
15. Müller H.-H. Disziplinentwicklung als „community of practice“ Der Briefwechsel Wilhelm Scherers mit August Sauer, Bernhard Seuffert und Richard Maria Werner aus den Jahren 1876 bis 1886 / H-H. Müller, M. Nottscheid (Hg.). Beiträge zur Geschichte der Germanistik. — Band 6. — Stuttgart: Hirzel Verlag, 2016. — 419 S.
16. Müller H.-H. Richard Heinzel: Briefe an Wilhelm Scherer // H.-H. Müller, F. Oehmichen (Hrsg). Beiträge zur Geschichte der Germanistik. — Band 11. — Hirzel Verlag, 2019. — 606 S.

REFERENCES

1. Radchenko, O. A. (2000). Narrativnaya lingvoistoriografiya: poiski novogo ob’yektivizma [Narrative linguo-historiography: The search for a new objectivism]. In Yazyk: teoriya, istoriya, tipologiya (pp. 124–130). Moscow: Institut yazykoznaniya RAN; URSS. (In Russian).
2. Surzhikova, N. V. (2014). Ego-dokumenty: intellektual’naya moda ili osoznannaya neobkhodimost’? (Vmesto predisloviya) [Ego-documents: An intellectual fashion or a conscious necessity? (Instead of a preface)]. In N. V. Surzhikova (Ed.), Istoriya v egodokumentakh: Issledovaniya i istochniki (pp. 6–13). Yekaterinburg: AsPUr. (In Russian).
3. Tarumova, N. T. (2016). Epistolyarnoye naslediye kak istochnik izucheniya tvorcheskoy lichnosti na primere semeynoy perepiski N. V. Bugayeva (1837–1903) [Epistolary heritage as a source for studying a creative personality: The case of N. V. Bugayev's family correspondence (1837–1903)]. Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik, (1) (pp. 282–286). (In Russian).
4. Briefwechsel der Brüder Grimm. (n.d.). [Digitale Edition]. Retrieved March 18, 2026, from https://www.grimmbriefwechsel.de.
5. Brunner, H., & Helbig, J. (Eds.). (1982). Wilhelm Scherer / Elias Steinmeyer: Briefwechsel 1872–1886. Göppingen: Kümmerle Verlag. (In German).
6. Gädeke, N. (2019). Gymnasii Electoralis nulla ratione deterior conditio est, quam Hamburgensis et Bremensis, nisi quod haec sunt in urbibus magnis et florentibus: Leibniz’ Göttingen-Korrespondenz. In K. Engel (Ed.), Wissenschaft in Korrespondenzen (pp. 15–38). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. (In German).
7. Meves, U. (1999). Die unzähligen Briefe der Brüder Grimm [The countless letters of the Brothers Grimm]. Einblicke: Forschungsmagazin der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, (29) (pp. 7–10). (In German).
8. Müller, H.-H. (2021). Disziplinbildung und Briefkultur(en): Gelehrtenbriefe und Korrespondenzformen in der Germanistik des 19. Jahrhunderts [Discipline formation and letter culture(s): Scholars’ letters and forms of correspondence in 19th-century German Studies]. In M. Berg & H. Neuhaus (Eds.), Briefkultur(en) in der deutschen Geschichtswissenschaft zwischen dem 19. und 21. Jahrhundert (pp. 79–96). Vandenhoeck & Ruprecht. (In German).
9. Richter, W., & Lämmert, E. (Eds.). (1963). Wilhelm Scherer, Erich Schmidt: Briefwechsel. Berlin: Erich Schmidt Verlag. (In German).

Поступила в редакцию 29.03.2026 г.

WILHELM SCHERER AND GERMAN PHILOLOGY OF 19TH CENTURY IN EPISTOLARY LEGACY

A.V. Shkapova

The article deals with the role of letters as a key resource for understanding the first developmental stages of academic German studies under the influence of the Austrian philologist Wilhelm Scherer. Modern historiography shows a steady interest in the "anthropological turn," shifting the focus from global processes to the individuals’ everyday experience. In this context, personal sources, especially epistolary texts, acquire the status of a fundamental basis for reconstructing the past and allow us to see history not as a dry sequence of facts, but as a living process refracted through individual consciousness.

The researching is based on the principles of narrative lingo-historiograph. The methods of synthesis and analysis of original correspondence have been applied, as well as historical and cultural commentary. The conclusion is made that epistolary sources reveal the features of creative and research process, the relationships between scientists and their students, which are not always apparent by studying academic papers and official documents. The correspondence reveals W. Scherer's diverse scientific interests, his talent as a mentor, and highlights the national characteristics of the development of German studies in Austria.

Key words: ego-documents, scholar's letters (Gelehrtenbrief), Wilhelm Scherer (26.04.1841–06.08.1886), "Scherer School", positivism, University of Vienna, Seminar for German Philology, institutionalization of German studies, the 19th century.

Шкапова Александра Васильевна.
Соискатель.
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Российская Федерация, г. Ярославль.
Старший преподаватель кафедры теории языка и немецкого языка.
ORCID 0009-0005-0622-9177.
E-mail: a.shkapova@ysgu.org.

Shkapova Aleksandra Vasilyevna.
Post-graduate student.
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Russian Federation, Yaroslavl.
Senior lecturer at Department of Language Theory and German Language.
ORCID 0009-0005-0622-9177.
E-mail: a.shkapova@ysgu.org.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81’42:004.8
DOI: 10.5281/zenodo.22961242

СГЕНЕРИРОВАННЫЙ МЕДИАТЕКСТ: КЛАССИФИЦИРОВАНИЕ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ГЕНЕРАЦИИ И ИХ АНАЛИЗ

© 2026 *Е.А. Юрова*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»
ORCID 0009-0003-1343-7359

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье изучается феномен генерации на примере текстов медиадискурса. Полученные лингвопрагматические признаки сгенерированного текста были выделены в классификацию. При проведении исследования были использованы следующие методы: описательный (сбор языкового материала, классификация найденных лингвистических единиц, описание их особенностей применительно к медиадискурсу), квантитативный метод (количественный контент-анализ отобранных в классификацию единиц текста — признаков генерации), а также метод обобщения и систематизации. По результатам исследования в 40 статьях публицистического жанра features в веб-журнале BuzzFeed было выявлено 847 лингвопрагматических маркеров сгенерированного текста. Установлено количественное содержание каждого из видов, что включает: 432 клише; 209 графических ошибок; 42 типографические ошибки; 41 шаблонную структуру; 37 пунктуационных ошибок; 31 орфографическую ошибку; 14 примеров чрезмерной эпитезации; 13 морфологических ошибок; 11 синтаксических ошибок; 8 лексических ошибок, включая лексические повторы; 5 логических ошибок; 3 примера редундантности; 1 фактическую ошибку. Полученные статистические данные могут быть использованы лингвистами и программистами при обучении нейросетей обработке естественного языка и совершенствовании генерации ими текстов.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), нейросеть, генерация текста, медиадискурс веб-сайтов, газетно-публицистический дискурс, публицистический дискурс, features, медиатекст, синтетический текст, лингвопрагматические признаки сгенерированного текста, Интернет-СМИ, BuzzFeed.

Для цитирования: Юрова Е.А. Сгенерированный медиатекст: классифицирование лингвопрагматических признаков генерации и их анализ / Е.А. Юрова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 257–269. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22961242.

Введение. Каждый медиатекст содержит те или иные черты, относящие его к определенном типу медиадискурса в зависимости от канала распространения или функционального стиля. В последние годы активно развивается формат сгенерированного нейросетью медиатекста, проанализировав языковое строение которого возможно создать классификацию лингвопрагматических особенностей генерации. **Цель** научной статьи — исследование аспекта генерации на примере текстов медиадискурса и разработка классификации их лингвопрагматических особенностей.

В мировой науке постепенно создается классификация признаков генерации текста, например, A. Muñoz-Ortiz, C. Gómez-Rodríguez и D. Vilares с помощью методов компьютерной обработки данных определили, что тексты, написанные человеком,

отличаются разнообразием словарного запаса, в то время как большие языковые модели обладают ограниченным набором лексики. Также было определено, что нейросети проявляли меньшую склонность к выражению негативных эмоций в тексте, чем человек [14]. G.P. Georgiou определил, что, в отличие от людей, ни одна из больших языковых моделей не использует редуцированные формы слов и не иллюстрирует контекст для устранения синтаксических двусмысленностей [13, с. 2]. Sh. Pudasaini, L. Miralles-Pechuan, M. Llorens Salvador и D. Lillis выявили признаки, которые неявно свидетельствуют о факторе генерации (evasion strategies — стратегии уклонения): перефразирование, замена синонимами, «случайные» опечатки, подстановка пробела перед запятой, использование омоглифов [16, с. 71]. В результате эксперимента, также проведенного данными учеными, было обнаружено, что люди чаще обращаются к личному опыту при написании текста, в то время как нейросеть либо генерирует несуществующую информацию, либо ссылается на базы данных в открытом доступе. Нейросеть допускает множественные лексические повторы и насыщает текст сложными синтаксическими структурами [15, с. 7]. По Р.В. Трофимову, нейросети часто галлюцинируют, нарушая принцип хронотопа в тексте. Также было обнаружено, что при генерации политических текстов нейросетями от компании OpenAI прослеживается вшитая в программу субъективная оценка по поводу процессов, происходящих в мире [9, с. 95]. И.А. Туркулец отмечает в сгенерированных текстах списочный характер перечисления, состоящий из 6-8 пунктов [10, с. 64].

На основе исследованных ранее корпусов текстов (38 постов в Телеграм-канале Ильи Померанцева в PR-медиадискурсе (обнаружены 423 лингвопрагматические единицы генерации) [5] и 6 текстов ежедневной деловой газеты РБК в информационно-аналитическом медиадискурсе (160 единиц) [12]), а также анализируемых в данной статье 40 текстов-features из Интернет-издания BuzzFeed в публицистическом медиадискурсе была подтверждена и дополнена первоначальная гипотеза о классификации признаков нейросетевой генерации, выдвинутая автором исследования.

Ранее к особенностям сгенерированного текста были отнесены: 1) пунктуационные ошибки; 2) орфографические ошибки; 3) морфологические ошибки; 4) синтаксические ошибки; 5) лексические ошибки + лексические повторы; 6) логические ошибки; 7) фактические ошибки; 8) клише (типичные слова, часто встречающиеся практически в каждом синтетическом тексте; в отношении сгенерированного текста термин введен автором ранее [5]); 9) редундантность (повтор идей и смыслов в следующих друг за другом предложениях; термин также введен автором ранее [12]); 10) шаблонная структура; 11) графические ошибки.

Обзор литературы. Сгенерированный текст в отечественных и зарубежных исследованиях. Зарубежная научная литература по изучению искусственного интеллекта на сегодняшний день представлена только технической составляющей. Статьи и профессиональные издания освещают обработку естественного языка нейросетью с точки зрения программирования и информационных систем (A. Muñoz-Ortiz, C. Gómez-Rodríguez, D. Vilares [14], G.P. Georgiou [13], Sh. Pudasaini, L. Miralles-Pechuan, M. Llorens Salvador, D. Lillis [15; 16]), в то время как в российской науке искусственный интеллект постепенно начинает исследоваться во взаимодействии с лингвистикой (М.Н. Черкасова, А.В. Тактарова [11], И.А. Туркулец [10]) и журналистской медиапрактикой (Р.В. Трофимов [9]).

Материалы и методы исследования. При проведении исследования были использованы следующие методы и приемы: описательный (сбор языкового материала, классификация найденных лингвистических единиц, описание их особенностей

применительно к медиадискурсу), метод контент-анализа (качественный и количественный анализ маркеров сгенерированных текстов), метод обобщения и систематизации.

В качестве материала исследования были отобраны 40 публицистических features-текстов, опубликованных в веб-журнале BuzzFeed в марте 2023 года и сгенерированных нейросетью-роботом Buzzy [22].

Медиаконвергенция современных типов медиадискурса. Тексты, в зависимости от их публикации в различных типах медиадискурса, имеют особенный набор признаков. По Т.Р. Красиковой и Е.А. Кожемякину, в настоящее время выделение отдельных типов, не вступающих во взаимодействие с другими, не представляется возможным [3, с. 900].

Н.А. Пром выделяет традиционные и современные типы медиа. В традиционном медиадискурсе коммуникация носит односторонний характер (адресат пассивен, он только получает информацию от адресанта). В современном медиадискурсе, например, в Интернет- (медиадискурс веб-сайтов и медиадискурс социальных сетей), коммуникация строится по интерактивной модели, когда получатели информации могут стать также ее полноценными создателями и распространителями [7, с. 96]. Таким образом, некоторые современные СМИ характеризуются наличием контента, созданным не профессиональными журналистами, а блогерами или обычными пользователями социальных сетей или форумов. Многие веб-сайты относятся к современным типам медиа, в котором наравне с журналистами могут публиковать материал и обычные пользователи, например, «свободная энциклопедия» Википедия.

По Н.К. Сюндюкову, Интернет-медиадискурс постепенно «поглощает» другие типы, в связи с тем, что информация в нем может передаваться сразу во всех формах [8, с. 183]. Например, в теледискурсе — только аудиальная вербальная и визуальная информация, в радиодискурсе — аудиальная вербальная, в газетно-публицистическом — письменная вербальная и графическая. В то же время Интернет-медиадискурс сочетает в себе все виды распространяемого контента: тележанры могут публиковаться на официальных веб-сайтах и в официальных сообществах в социальных сетях телеканалов; радиоэфиры также находятся на сайтах и в сообществах радиостанций; письменные тексты газетно-публицистического типа печатаются либо в самостоятельных Интернет-изданиях, либо в «переселившихся» сюда онлайн-версиях традиционных газет [19].

Е.А. Баранова при описании современного состояния средств массовой информации приводит понятие «медиаконвергенция», связанное с созданием Интернет-версий традиционных СМИ во второй половине 1990-х [1, с. 188]. Таким образом происходит тиражирование медиаконтента сразу на нескольких платформах. В условиях медиаконвергенции происходит стирание границ между СМИ, возникают обособленные жанры Интернет-журналистики: блоги, комментарии, лонгриды, мультимедийные статьи, посты в социальных сетях [1, с. 192].

Современные Интернет-СМИ, распространяющиеся на веб-сайтах, включают в себя новостные Интернет-издания и Интернет-журналы. Первый тип существует как в формате традиционных средств массовой информации, занимающихся публикационной деятельностью также онлайн (например, Комсомольская правда, Аргументы и факты), так и в формате изначально сетевых изданий, не имеющих печатного варианта (РБК, РИА Новости, RT) [18]. Типично в подобных новостных изданиях публикуются как новости, так и информационная аналитика (по Т.Г. Добросклонской [2, с. 48]). Во втором типе (в сетевых журналах) публикуются в основном статьи на темы семьи и дома,

архитектуры и дизайна, здоровья и бизнеса (жанр features). Распространение журнального контента происходит так же двумя способами (рисунок 1).

Рисунок 1. Типы медиадискурса по коммуникативным функциям, возникающие на пересечении газетно-публицистического медиадискурса и медиадискурса веб-сайтов

В данном исследовании анализируется веб-журнал BuzzFeed, который по характеру своего контента относится к публицистическому медиадискурсу (по коммуникативным функциям) и гибридному газетно-публицистическому медиадискурсу в совокупности с медиадискурсом веб-сайтов (по каналам реализации). Таким образом, происходит смешение двух типов медиадискурса: публицистический контент features тиражируется с помощью веб-сайта на официальной странице газетно-публицистического издательства.

Использование сгенерированного контента в медиасреде. Медиаконтент может генерироваться различными видами нейросетей: генеративными текстовыми нейросетями общего типа (ChatGPT, LeChat, DeepSeek, ГигаЧат) и специализированными генеративными текстовыми нейросетями (например, для генерации новостей и статей в СМИ: AI Wiz, Turbo Text). Также крупные медиакомпании разрабатывают свои системы искусственного интеллекта: Wordsmith в новостном издательстве Associated Press, Heliograf — в издательстве The Washington Post [17].

В марте 2023 года в американской Интернет-медиакомпании BuzzFeed были опубликованы 40 текстов, написанные нейросетью-роботом Buzzy в формате заметок для путешественников. BuzzFeed сделал значительный шаг вперед в области материала, генерируемого с помощью искусственного интеллекта, выпустив путеводители, полностью написанные нейросетью [24].

В трехдневный период с 15 по 17 марта 2023 года было опубликовано 40 features-статей (заметок для путешественников) в отдельной рубрике As Told to Buzzy. Каждая статья имеет пометку *“This article was collaboratively written by … + Buzzy, our creative AI assistant”* (*«Эта статья была написана совместно … и Баззи, нашим креативным ассистентом по искусственному интеллекту»*).

Основные результаты исследования. В результате эксперимента количественное содержание обнаруженных в текстах BuzzFeed маркеров генерации составило 847 единиц в 40 текстах объемом половина страницы А4 (рисунок 2):

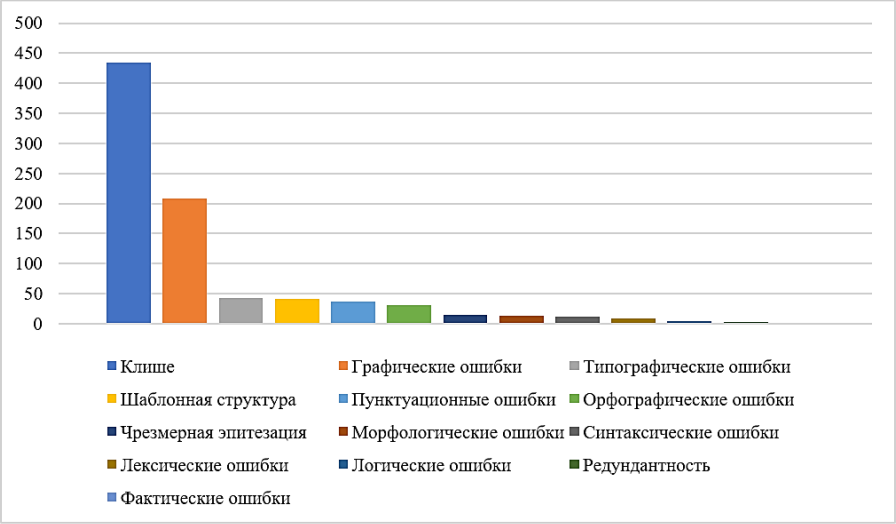


Рисунок 2. Количественное содержание признаков генерации в текстах BuzzFeed

В результате эксперимента был выделен новый тип лингвопрагматических признаков генерации текста в медиадискурсе: типографические ошибки (42 единицы) и обнаружены новые подтипы графических ошибок (209 единиц).

А.И. Осокина приводит определение типографики: использование полиграфических средств и оформительских элементов для оптимального восприятия текстов читателем [6, с. 277]. К типографическим ошибкам автором были отнесены:

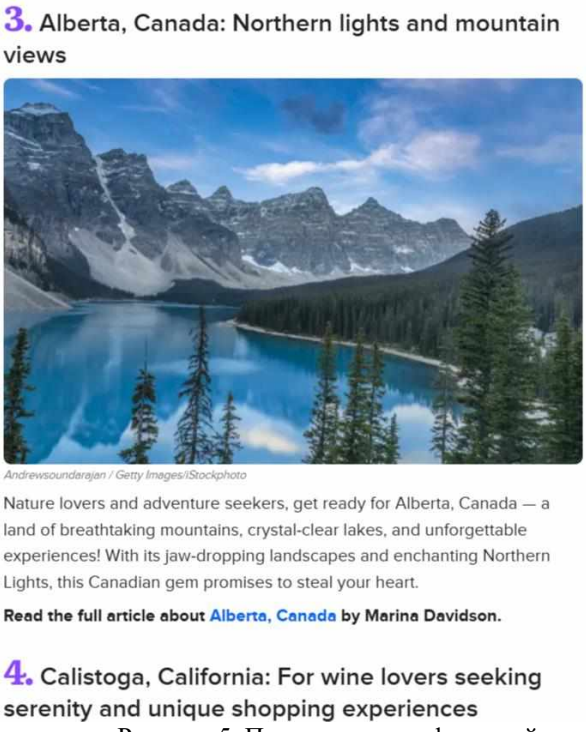
1) вступительная фраза (лид), визуально отличающаяся в каждой статье, иногда выделена полужирным шрифтом (рисунок 3), иногда не имеет выделения (рисунок 4). Количество ошибок данного типа в исследовании определялось следующим образом: исходя из визуального оформления контента, в 36 текстах вводная фраза не выделена полужирным шрифтом, таким образом 4 статьи, где вводная фраза выделяется полужирным начертанием, попадают под наличие типографической ошибки:

Рисунок 3. Пример типографической ошибки в тексте BuzzFeed [30]

Рисунок 4. Пример типичной вводной фразы в тексте BuzzFeed [23]

2) цифры при перечислении подпунктов: 20 текстов включают нумерацию с цифрами, 19 нумерации не имеют и 1 текст содержит типографический брак (случайная нумерация одного из подпунктов цифрой «2»);

3) цифры при перечислении подпунктов напечатаны шрифтом разных цветов и кеглей (в 16 текстах выделены фиолетовым цветом и крупным шрифтом (рисунок 5), в 5 — напечатаны шрифтом черного цвета меньшим кеглем (рисунок 6); также ранее было сообщено, что оставшиеся 19 текстов вообще не имеют нумерации):



3. Alberta, Canada: Northern lights and mountain views

Andrewsoundarajan / Getty Images/iStockphoto

Nature lovers and adventure seekers, get ready for Alberta, Canada — a land of breathtaking mountains, crystal-clear lakes, and unforgettable experiences! With its jaw-dropping landscapes and enchanting Northern Lights, this Canadian gem promises to steal your heart.

Read the full article about Alberta, Canada by Marina Davidson.

4. Calistoga, California: For wine lovers seeking serenity and unique shopping experiences

Рисунок 5. Пример типографической ошибки в тексте BuzzFeed [31]

1. The mountains are absolutely surreal.

Jonah Peretti / BuzzFeed

I swear... the mountains in the Dolomites are different than any other mountains. They have a unique white rock that you won't find anywhere else. I was completely obsessed. You can hike all day and feel dwarfed by their grandeur. They just make you feel very small and very alive.

2. The culinary scene in the Dolomites is the best of both worlds.

Рисунок 6. Пример типографической ошибки в тексте BuzzFeed [32]

4) неверно составленная гиперссылка с одинаковым набором слов (в 33 текстах в гиперссылку включены все слова (рисунок 7), в 5 частично (рисунок 8), и в 2 текстах гиперссылка полностью отсутствует.:

Рисунок 7. Пример оформления гиперссылки в тексте BuzzFeed [28]

Рисунок 8. Пример типографической ошибки в тексте BuzzFeed [26]

5) включение завершающей фразы из структуры текста в список подпунктов (рисунок 9), в то время как в остальных текстах фраза *"Want more? Check out all our Most Underrated Travel Destinations for 2023"* печатается в заключении статьи (рисунок 10):

Рисунок 9. Пример графической ошибки в тексте BuzzFeed [21]

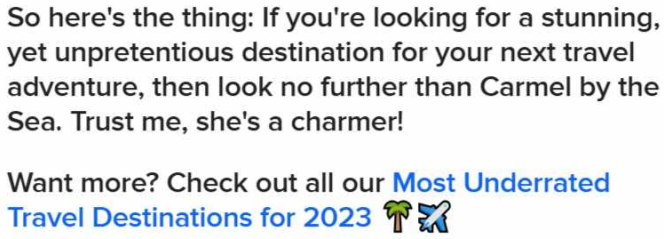


Рисунок 10. Типичная шаблонная структура в тексте BuzzFeed [25]

Графические ошибки в данном исследовании классифицированы как:

1) использование дефиса или веб-тире вместо тире (часто одновременно с использованием обычного знака тире в одном и том же тексте);

2) написание с заглавной буквы после двоеточия (признак был также упомянут М.Н. Черкасовой и А.В. Тактаровой [11, с. 2230]);

3) выделение служебных слов в заголовке и названиях подпунктов заглавными буквами, в то время как в остальных текстах выделения нет;

4) использование знаков препинания в конце подпункта (в 17 текстах использованы точки, двоеточие и восклицательные знаки (рисунок 11), в 18 подпункт

ничем не обрамлен, в 5 встречается брак в виде частичного использования/неиспользования знаков в конце — отсутствие точки в пункте 4 (рисунок 12).

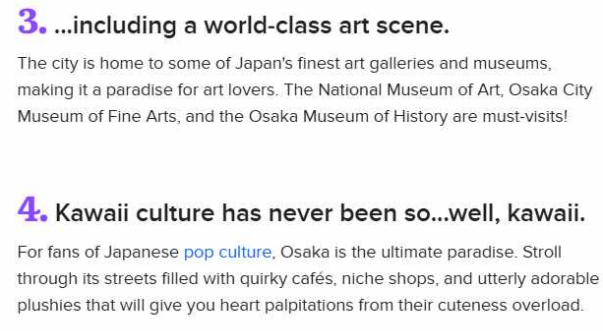


Рисунок 11. Пример графической ошибки в тексте BuzzFeed [29]

Рисунок 12. Пример графической ошибки в тексте BuzzFeed [27]

Также было выявлен новый признак генерации, свойственный туристической публицистике, — чрезмерная эпитезация. Тексты features характеризуются большим количеством описательных конструкций: наречие + прилагательное, наречие + глагол, прилагательное + существительное [20]. В анализируемом корпусе текстов наиболее часто встречаются словосочетания с типом связи примыкание: наречие + прилагательное (*mind-blowingly awesome* (*умопомрачительно потрясающе*), *insanely affordable* (*безумно доступно*), *incredibly affordable* (*невероятно доступно*), *downright strange* (*совершенно странный*), *jaw-droppingly gorgeous* (*потрясающе великолепный*)) и другие.

В представленных выше примерах эпитезации видно, что к прилагательным добавляются наречия, чтобы усилить их значение. Тексты публицистического медиадискурса характеризуются эмоциональными средствами с целью воздействия на реципиента [4]. Таким образом видно, что нейросеть Buzzy обучалась на текстах именно публицистического жанра, проанализировав шаблон их строения. Более того, по результатам анализа можно прийти к выводу, что языковую модель нейросети Buzzy

обучали на массиве текстов американского диалекта английского, на это указывает лексический и грамматический строй речи: *downside* (*брит.: disadvantage*), *off the beaten path* (*брит.: off the beaten track*), *traveler* (*брит.: traveller*), *haven* (*брит.: heaven*), *…'em* (*брит.: them*), *wanna* (*брит.: want to*) *gotten* (*3-я форма глагола get*; *брит.: got*) и другие.

Наиболее часто в текстах встречалась определенная лексика, характеризующаяся как нейросетевые слова-паразиты. Для описания данного феномена генерации автором исследования был предложен термин «клише». В сгенерированных статьях робота Buzzy встречаются 432 единицы клише, среди которых: 73 *underrated* (*недооцененный*), 58 *charm / charmer / charming* (*очарование / очаровать / очаровательный*), 52 *gem* (*жемчужина*), 35 *hidden* (*скрытый*), 31 *breathtaking* (*захватывающий дух*), 27 *paradise* (*рай*), 20 *downside*, (*недостаток*), 16 *life-changing / change one's life* (*меняющий жизнь / менять жизнь*), 16 *heaven / haven* (*рай*), 14 *treasure* (*богатство*), 13 *jaw-dropping*(*ly*) / *make one's jaw drop* (*потрясающий / потрясающе / «ронять челюсть»*), 13 *mouthwatering* (*аппетитный*), 11 *pristine* (*нетронутый*), 11 *mind-blowing*(*ly*) / *blow one's mind* (*умопомрачительный / умопомрачительно / свести с ума*), 10 *crystal-clear* (*кристально чистый*), 9 *galore* (*изобилие*), 9 *off the beaten path* (*свернуть с проторенной дороги*), 7 *enchant / enchantment / enchanting* (*очаровывать / очарование / очаровывающий*), 4 *a dream come true* (*сон, ставший явью*), 3 *dive into* (*погрузиться в*) (рисунок 13).

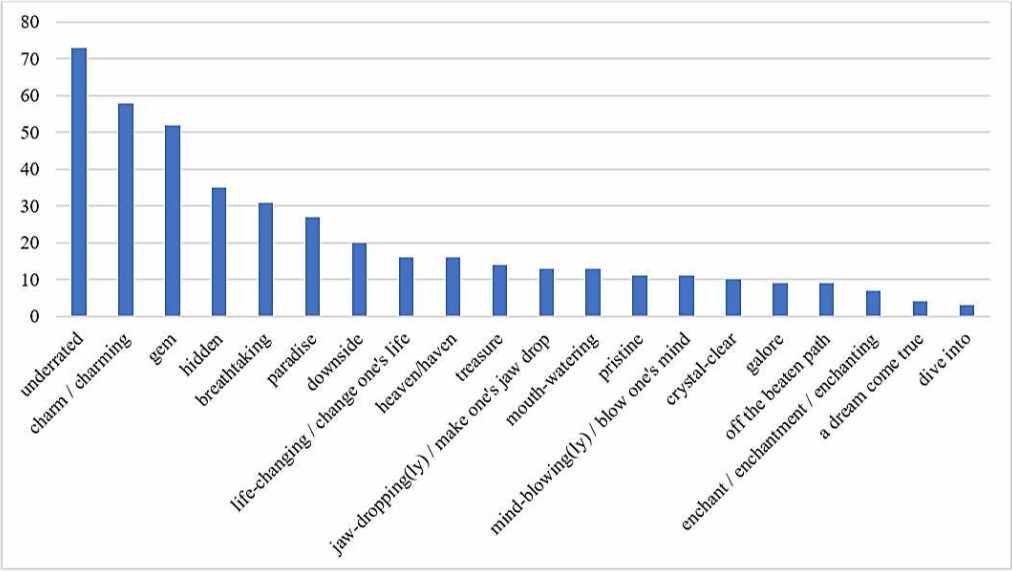


Рисунок 13. Использование клише в текстах BuzzFeed

Также на сгенерированное происхождение текстов указывает шаблонная структура, проявляющаяся типично в следующей последовательности:

1) заголовок к статье;

2) вступительная фраза к основному материалу (например, *"Here are a few reasons why Morocco should be your next travel destination:…"*);

3) перечисление подпунктов списком;

4) завершающая фраза (*"So there you have it"*).

Каждый из анализируемых текстов характеризуется построением по однотипной модели. Шаблонная структура проявляется в каждом жанре медиадискурса индивидуально: в информационно-аналитическом — вводная фраза, перечисление подпунктов, анализ и комментарий «эксперта». В публицистических текстах-features (в

данном случае статьях для путешественников) выделяются наличие «цепляющего» заголовка, комментарий «журналиста» с субъективным мнением о месте, которое рекомендуется в данной статье, и завершающая фраза, убеждающая посетить данную локацию: *"I've laid out the reasons why ... is your next life-changing travel adventure. I've given you the good, the bad, and the mouthwatering. Now it's up to you to pack your bags and experience it for yourself"*.

Заключение. По результатам исследования количественное содержание каждого из типов лингвопрагматических маркеров генерации составляет (из 847 обнаруженных): пунктуационные ошибки (37); орфографические ошибки (31); морфологические ошибки (13); синтаксические ошибки (11); лексические ошибки + лексические повторы (8); чрезмерная эпитезация (14); логические ошибки (5); фактические ошибки (1); клише (432); редундантность (3); шаблонная структура (41); графические ошибки (209); типографические ошибки (42).

Тексты корректировались человеком (как заявлено в пометках к каждой статье: *"This article was collaboratively written by ... + Buzzy, our creative AI assistant"*), однако, это не помогло избежать ошибок. Можно предположить, что: 1) наличие ошибок после корректировки редакторами журнала оставлено намеренно, чтобы «подчеркнуть» участие в создании контента именно нейросети, а не человека; 2) наличие человеческого фактора при публикации материала: неквалифицированный редакторский контингент; 3) также предполагается, что человеческое участие сведено к минимуму, так как все тексты составлены по идентичному шаблону, упомянутые в начале каждой статьи люди являются всего лишь моделями на сопутствующих изображениях.

Автор допускает, что не все возможные признаки генерации были распознаны на сегодняшний день, однако, количественное содержание определенных языковых единиц подтверждает синтетическое происхождение исследуемого массива текстов. Также отмечается, что в публицистическом медиадискурсе низкое языковое качество текстов является прямым признаком фактора генерации, так как издательства не могут публиковать низкосортный контент и контролируют этот аспект, чтобы не потерять репутацию среди читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова Е.А. Трансформация института СМИ в условиях медиаконвергенции / Е.А. Баранова // Коммуникология. — 2016. — №3 (4). — С. 188–203. — https://doi.org/10.21453/2311-3065-2016-4-3-188-203.
2. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики / Т.Г. Добросклонская // Медиалингвистика. — 2015. — №1 (6). — С. 45–56.
3. Красикова Т.Р. Телевидение как объект мультимодального дискурс-анализа / Т.Р. Красикова, Е.А. Кожемякин // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2018. — №4 (160). — С. 894–907.
4. Куличенко Ю.Н. Стратегии и тактики создания положительного имиджа города в туристическом медиадискурсе / Ю.Н. Куличенко, Е.А. Курченкова // *Медиалингвистика. — 2025. — №12* (2). — С. 265–108. — https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.206.
5. Оломская Н.Н. Лингвопрагматические особенности сгенерированного текста в медиадискурсе социальных сетей (на примере текстов о выборах губернатора Нижегородской области — 2023 в России) / Н.Н. Оломская, Е.А. Юрова // Российский социально-гуманитарный журнал. — 2025. — №2. — С. 302–324. — https://doi.org/10.18384/2224-0209-2025-2-1649.
6. Осокина А.И. Типографика в медиасреде: от печатного текста к электронному / А.И. Осокина // Молодежь в науке : [сб. науч. тр.]. — Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая наука», 2023. — С. 276–285.
7. Пром Н.А. Типы адресата в медиадискурсе / Н.А. Пром // *Медиалингвистика. — 2020. — №1* (*7*). — С. 95-103. — https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.108.

8. Сюндюков Н.К. Интернет-СМИ и особенности их функционирования / Н.К. Сюндюков // Управленческое консультирование. — 2014. — №12 (72). — С. 180–191.
9. Трофимов Р.В. Лингвистические механизмы генерации фейковых новостей при помощи искусственного интеллекта / Р.В. Трофимов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2025. — №3 (25). — С. 87–97. — https://doi.org/10.37482/2687-1505-V437.
10. Туркулец И.А. Композиционные особенности текстов, сгенерированных ChatGPT, как маркер несамостоятельности выполнения работ студентами / И.А. Туркулец // Правовая реальность в условиях цифровизации общества. — 2023. — С. 59–68.
11. Черкасова М.Н. Признаки сгенерированного текста в академическом дискурсе: проблема идентификации / М.Н. Черкасова, А.В. Тактарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — №7 (17). — С. 2226–2232. — https://doi.org/10.30853/phil20240307.
12. Юрова Е.А. Искусственный интеллект в медиадискурсе: классификация лингвопрагматических признаков сгенерированного текста / Е.А. Юрова // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. — 2025. — №4. — С. 234–249. — https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-4-234-249.
13. Georgiou G.P. Differentiating between human-written and AI-generated texts using linguistic features automatically extracted from an online computational tool [Электронный ресурс] / G.P. Georgiou. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/382064960_Differentiating_between_human-written_and_AI-generated_texts_using_linguistic_features_automatically_extracted_from_an_online_computational_tool (дата обращения: 10.02.2026). — https://doi.org/10.48550/arXiv.2407.03646.
14. Muñoz-Ortiz A. Contrasting Linguistic Patterns in Human and LLM-Generated News Text / A. Muñoz-Ortiz, C. Gómez-Rodríguez, D. Vilares // Artificial Intelligence Review. — 2024. — №57 (265). С. 1–28. — https://doi.org/10.1007/s10462-024-10903-2.
15. Pudasaini Sh. Survey on Plagiarism Detection in Large Language Models: The Impact of ChatGPT and Gemini on Academic Integrity [Электронный ресурс] / Sh. Pudasaini, L. Miralles-Pechuan, D. Lillis, M. Llorens Salvador. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/382364068_Survey_on_Plagiarism_Detection_in_Large_Language_Models_The_Impact_of_ChatGPT_and_Gemini_on_Academic_Integrity (дата обращения: 10.02.2026). — https://doi.org/10.48550/arXiv.2407.13105.
16. Pudasaini Sh. Benchmarking AI Text Detection: Assessing Detectors Against New Datasets, Evasion Tactics, and Enhanced LLMs / Sh. Pudasaini, L. Miralles-Pechuan, M. Llorens Salvador, D. Lillis // Proceedings of the 1st Workshop on GenAI Content Detection. — 2025. — С. 68–77.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

17. Алгоритм пришел на смену журналистам [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3414753 (дата обращения: 15.01.2026).
18. Интернет-издание [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://znanierussia.ru/articles/Интернет-издание (дата обращения: 18.01.2026).
19. ЛЕКЦИЯ 8. Основные типы медиатекстов: новости, информационная аналитика, публицистика, реклама [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://bookonlime.ru/lecture/lekciya-8-osnovnye-tipy-mediatekstov-novosti-informacionnaya-analitika-publicistika-2 (дата обращения: 18.01.2026).
20. ЛЕКЦИЯ 11. Лингвостилистические особенности публицистических текстов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://bookonlime.ru/lecture/lekciya-11-lingvostilisticheskie-osobennosti-publicisticheskih-tekstov (дата обращения: 18.01.2026).
21. Alberta, Canada: Home Of Breathtaking Mountains, Crisp, Clean Air, And Views That'll Steal Your Heart [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.buzzfeed.com/astoldtobuzzy/alberta-canada-ai-cowritten (дата обращения: 23.01.2026).
22. As Told to Buzzy [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.buzzfeed.com/astoldtobuzzy (дата обращения: 20.01.2026).
23. Brewster, Massachusetts: Cape Cod's Hidden Gem [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.buzzfeed.com/astoldtobuzzy/brewster-ai-cowritten (дата обращения: 23.01.2026).
24. BuzzFeed Publishes AI-Generated Travel Guides Collaboratively Written with Buzzy the [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

https://www.ghacks.net/2023/03/31/buzzfeed-publishes-ai-generated-travel-guides-collaboratively-written-with-buzzy-the-robot/ (дата обращения: 15.01.2026).
25. Carmel-By-The-Sea, California: The Ultimate Hidden Gem Of California's Coast [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.buzzfeed.com/astoldtobuzzy/carmel-by-the-sea-ai-cowritten (дата обращения: 23.01.2026).
26. Eureka Springs, Arkansas: Where Halloweentown Comes To Life [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.buzzfeed.com/astoldtobuzzy/eurekaspringsarkansas-ai-cowritten (дата обращения: 23.01.2026).
27. Georgia: One Of The Most Underrated Travel Destinations [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.buzzfeed.com/astoldtobuzzy/georgia-ai-cowritten (дата обращения: 23.01.2026).
28. June Lake, California: Small-Town Charm And Big Fish Energy Just Hours From Los Angeles Worlds [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.buzzfeed.com/astoldtobuzzy/june-lake-california-ai-cowritten (дата обращения: 23.01.2026).
29. Osaka, Japan: A Foodie, Friendly, Fun-Filled City [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.buzzfeed.com/astoldtobuzzy/osaka-japan-ai-cowritten (дата обращения: 23.01.2026).
30. Saugerties, NY: A Hidden Gem Where Small Town Charm Meets Big City Cool [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.buzzfeed.com/astoldtobuzzy/saugerties-ny-ai-cowritten (дата обращения: 23.01.2026).
31. The Ultimate List Of Underrated Travel Destinations: 42 Must-Visits For 2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.buzzfeed.com/buzzfeedstaff/underrated-travel-destinations-2023 (дата обращения: 23.01.2026).
32. The Dolomites: A Mountain Haven with the Best of Italian and Alpine Worlds [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.buzzfeed.com/astoldtobuzzy/the-dolomites-ai-cowritten (дата обращения: 23.01.2026).

REFERENCES

1. Baranova E.A. (2016). Transformaciya instituta SMI v usloviyax mediakonvergencii [Media institute transformation under the conditions of media convergence]. Kommunikologiya, 3 (4), 188–203. https://doi.org/10.21453/2311-3065-2016-4-3-188-203 (In Russian).
2. Dobrosklonskaya T.G. (2015). Massmedijny`j diskurs v sisteme medialingvistiki [Media discourse within the framework of media linguistics]. Medialingvistika, 1 (6), 45–56. (In Russian).
3. Krasikova T.R. & Kozhemyakin, E.A. (2018). Televidenie kak ob``ekt mul`timodal`nogo diskurs-analiza [Television as a subject of multimodal discourse analysis]. Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki, 4 (160), 894–907. (In Russian).
4. Kulichenko Yu.N. & Kurchenkova, E.A. (2025). Strategii i taktiki sozdaniya polozhitel`nogo imidzha goroda v turisticheskom mediadiskurse [Strategies and tactics for creating a positive image of the city in tourism media discourse]. Medialingvistika, 12 (2), 265–278. https://doi.org/10.21638/spbu22.2025.206 (In Russian).
5. Olomskay, N.N. & Yurova, E.A. (2025). Lingvopragmaticheskie osobennosti sgenerirovannogo teksta v mediadiskurse social`ny`x setej (na primere tekstov o vy`borax gubernatora Nizhegorodskoj oblasti — 2023 v Rossii) [Linguopragmatic Features of AI-Generated Text in the Media Discourse of Social Networks (on the Example of Texts Devoted to the Governor Election in the Nizhny Novgorod Region, Russian Federation, 2023)]. Rossijskij social`no-gumanitarny`j zhurnal, 2, 302–324. https://doi.org/10.18384/2224-0209-2025-2-1649. (In Russian).
6. Osokina A.I. (2023). Tipografika v mediasrede: ot pechatnogo teksta k e`lektronnomu [Typography in the media environment: from printed text to electronic]. Molodezh` v nauke. Petrozavodsk: The International Center for Scientific Partnership “New Science”. (In Russian).
7. Prom N.A. (2020). Tipy` adresata v mediadiskurse [Types of addressee in media discourse]. Medialinguistica, 1 (7), 95–103. https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.108. (In Russian).
8. Syundyukov N.K. (2014). Internet-SMI i osobennosti ix funkcionirovaniya [Internet Mass-media and Features of Their Functioning]. Upravlencheskoe konsul`tirovanie, 12 (72), 180–191. (In Russian).
9. Trofimov R.V. (2025). Lingvisticheskie mexanizmy` generacii fejkovy`x novostej pri pomoshhi iskusstvennogo intellekta [Linguistic Mechanisms for Generating Fake News Using Artificial Intelligence]. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki, 3 (25), 87–97. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V437. (In Russian).
10. Turkulets I.A. (2023). Kompozicionny`e osobennosti tekstov, sgenerirovanny`x ChatGPT, kak marker nesamostoyatel`nosti vy`polneniya rabot studentami. Pravovaya real`nost` v usloviyax cifrovizacii obshhestva. Khabarovsk: Far Eastern State University of Railway Transport, 59–68. (In Russian).
11. Cherkasova M.N. & Taktarova, A.V. (2024). Priznaki sgenerirovannogo teksta v akademicheskom diskurse: problema identifikacii [Attributes of generated text in academic discourse: the problem of identification].

Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki, 7 (17), 2226–2232. https://doi.org/10.30853/phil20240307. (In Russian).
12. Yurova E.A. (2025). Iskusstvenny`j intellekt v mediadiskurse: klassifikaciya lingvopragmaticheskix priznakov sgenerirovannogo teksta [Artificial Intelligence in media discourse: the classification of linguistic and pragmatic features of the generated text]. Vestnik Severo-Vostochnogo federal`nogo universiteta imeni M.K. Ammosova, 4, 234–249. https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-4-234-249. (In Russian).
13. Georgiou G.P. (2024). Differentiating between human-written and AI-generated texts using linguistic features automatically extracted from an online computational tool. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/382064960_Differentiating_between_human-written_and_AI-generated_texts_using_linguistic_features_automatically_extracted_from_an_online_computational_tool. https://doi.org/10.48550/arXiv.2407.03646. (In English).
14. Muñoz-Ortiz A. (2024). Contrasting Linguistic Patterns in Human and LLM-Generated News Text. Artificial Intelligence Review, 57 (265), 1–28. https://doi.org/10.1007/s10462-024-10903-2. (In English).
15. Pudasaini Sh. & Miralles-Pechuan, L. & Lillis, D., & Llorens Salvador, M. Survey on Plagiarism Detection in Large Language Models: The Impact of ChatGPT and Gemini on Academic Integrity Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/382364068_Survey_on_Plagiarism_Detection_in_Large_Language_Models_The_Impact_of_ChatGPT_and_Gemini_on_Academic_Integrity. https://doi.org/10.48550/arXiv.2407.13105. (In English).
16. Pudasaini Sh. & Miralles-Pechuan, L. & Llorens Salvador, M. & Lillis D. (2025). Benchmarking AI Text Detection: Assessing Detectors Against New Datasets, Evasion Tactics, and Enhanced LLMs. Proceedings of the 1st Workshop on GenAI Content Detection, 68–77. (In English).

Поступила в редакцию 07.04.2026 г.

GENERATED MEDIATEXT: CLASSIFICATION OF LINGUISTIC AND PRAGMATIC FEATURES OF GENERATION AND THEIR ANALYSIS

Yurova E.A.

The article examines the phenomenon of generation using the example of media discourse texts. The obtained linguistic and pragmatic features of the generated text were classified. In the course of the research, the following methods were used: descriptive (collection of linguistic material, classification of the found linguistic units, description of their features in relation to media discourse), quantitative method (quantitative content analysis of the selected text units — features of generation), as well as the method of generalization and systematization. According to the results of the study, 847 linguistic and pragmatic markers of the generated text were identified in 40 articles of the journalistic genre features in the web magazine BuzzFeed. The quantitative content of each type was determined, which includes: 432 cliches; 209 graphic errors; 42 typographical errors; 41 template structures; 37 punctuation errors; 31 spelling errors; 14 examples of excessive epithesis; 13 morphological errors; 11 syntactic errors; 8 lexical errors, including lexical repetitions; 5 logical errors; 3 examples of redundancy structures; 1 factual error. The statistical data obtained can be used by linguists and programmers in teaching neural networks to process natural language and improve their text generation.

Keywords: artificial intelligence (AI), neural network, text generation, media discourse of websites, newspaper and journalistic discourse, journalistic discourse, features, media text, synthetic text, linguistic and pragmatic features of the generated text, online media, BuzzFeed.

Юрова Елизавета Андреевна.
Кубанский государственный университет,
Российская Федерация, г. Краснодар.
Ассистент кафедры английской филологии.
ORCID 0009-0003-1343-7359.
E-mail: elizabeth1999fedorova@mail.ru

Yurova Elizaveta Andreevna.
Kuban State University,
Russian Federation, Krasnodar.
Teaching assistant of English Philology Department
ORCID 0009-0003-1343-7359.
E-mail: elizabeth1999fedorova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЁНОМУ

Научная статья
УДК 159.923.2
DOI: 10.5281/zenodo.22972491

ЭТИКО-СМЫСЛОВЫЕ ПАТТЕРНЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ДУХОВНОСТИ: К ОБОСНОВАНИЮ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ДУХОВНЫХ КОМАНД

© 2026 Ю.Г. Савинская
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
ORCID 0009-0001-4713-2508

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В условиях современных цивилизационных вызовов и лиминальности общественного развития феномен духовности приобретает стратегическое значение как ресурс, обеспечивающий устойчивость социальных групп. Актуальность исследования обусловлена необходимостью операционализации понятия «коллективная духовность» для анализа процессов групповой интеграции и организационной эффективности. Опираясь на идеи «духовной психологии» С.Л. Франка и ордерный подход к исследованию организационной культуры Л.Н. Аксеновской, предлагается трактовка духовности команды как особого качества ее этико-смысловой системы. Предложена и описана социально-психологическая типология духовных команд, основанная на четырех этико-смысловых паттернах коллективной духовности: патерналистско-заботливый («семья»), целеориентированный («армия»), идейно-ценностный («церковь») и интегральный гармоничный («соборность») типы. Каждый тип соотнесен с базовыми этическими смыслами, характером внутригрупповых отношений и решаемыми командой задачами. Основным методом исследования выступил теоретико-методологический анализ философской и социально-психологической литературы, а также концептуальное моделирование. Предложенная типология позволяет дифференцировать проявления духовности в малых группах, что открывает перспективы для разработки психодиагностического инструментария и технологий целенаправленного развития духовного потенциала команд в организационной среде.

Ключевые слова: духовная психология, коллективная духовность, этико-смысловые паттерны, духовная команда, ордерный подход, С.Л. Франк, социальная психология, типология.

Для цитирования: Савинская Ю.Г. Этико-смысловые паттерны коллективной духовности: к обоснованию социально-психологической типологии духовных команд / Ю.Г. Савинская // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 270–280. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22972491.

Введение. В условиях цивилизационных кризисов, возрастающей неопределенности и экзистенциальных вызовов особую актуальность приобретает обращение к феномену духовности. Как справедливо отмечает Л.Н. Аксеновская, именно в такие лиминальные периоды развития общества «материальные ценности отходят на второй план по сравнению с нематериальными, духовными, а жизнь, здоровье, безопасность, вера, надежда, любовь, взаимная помощь важнее атрибутов материальной и социальной успешности» [1, с. 25]. Духовность начинает выступать не только в качестве индивидуальной характеристики, но и как мощный ресурс групповой

интеграции, позволяющий социальным общностям сохранять устойчивость и достигать целей в сложных обстоятельствах.

В социальной психологии проблема духовности долгое время оставалась на периферии исследовательского внимания в силу сложности ее операционализации и доминирования позитивистской методологии. Вместе с тем, в современной психологии накоплен значительный теоретический и эмпирический материал, создающий предпосылки для научного анализа духовности.

Как справедливо отмечают Н.Г. Хачатрян и Р.В. Агузумцян, разработка методологических основ изучения духовности требует интеграции философского, психологического и культурологического знания, что позволяет рассматривать этот феномен как системное качество человека [19]. Труды С.Л. Франка, а вслед за ним — представителей духовной психологии (Б.С. Братусь, В.И. Слободчиков) и ордерного подхода (Л.Н. Аксеновская) составляют необходимую теоретико-методологическую базу для включения этого феномена в предметное поле психологической науки, в частности, организационной психологии.

С.Л. Франк, дифференцируя понятия «души» и «духа», утверждал, что духовная жизнь есть жизнь души в духе, где дух придает субъективному бытию «актуальную реальность» [17, с. 403]. Значимым для социально-психологического анализа духовности является его положение о том, что духовность репрезентирует себя через нравственное сознание, а системообразующим фактором последнего выступает общественный идеал [15].

Важно подчеркнуть, что в основе социальной связи, по С.Л. Франку, лежит первичное единство «Мы», из которого произрастает «Я», что принципиально отличает эту традицию от западного индивидуализма. Как он пишет в «Русском мировоззрении», «"Мы" мыслится не как внешний, лишь позднее образовавшийся синтез... а как... первичное неразложимое единство, из лона которого изначально произрастает "Я" и благодаря которому оно только и возможно» [18, с. 156].

Развивая идеи С.Л. Франка и ряда других исследователей, Л.Н. Аксеновская в рамках ордерного подхода предложила понимать культуру (в том числе организационную) как этико-детерминированный порядок, конституируемый подсистемой этических смыслов [2]. Введение понятия «этико-смысловых кодов» организационной культуры (комбинаций субордеров «семьи», «армии» и «церкви») [5] открыло путь к эмпирическому изучению ценностно-смысловых доминант в жизни групп.

Дальнейшее развитие этой модели сопряжено с построением четырехаспектной модели духовности (включающей нравственный, познавательный, эстетический, религиозный компоненты) и эмпирическому исследованию нравственного идеала отношения к другому человеку [3; 4].

Несмотря на активно возрождающийся интерес к феномену духовности в отечественной психологии, проблема коллективной духовности, в частности, духовности команды как особой малой группы, остается недостаточно разработанной. Разрыв между понятиями «командный дух» (как метафора сплоченности) и «командная духовность» (как научная категория) требует преодоления. Сложность операционализации понятия усугубляется многозначностью обыденных представлений о духовности.

Так, исследование Т.Г. Огородниковой показывает, что представления о духовности у людей с разным уровнем образования существенно разнятся: если респонденты с высшим образованием чаще обращают внимание на нравственное саморазвитие и рефлексию, то опрошенные со средним профессиональным образованием склонны связывать духовность с религиозными нормами и конкретными

поведенческими паттернами [10]. Это подчеркивает необходимость четкого теоретического определения коллективной духовности в контексте нашей работы.

Таким образом, актуальность данного исследования определяется необходимостью теоретического осмысления и типологизации различных форм проявления духовности в командном взаимодействии.

Цель исследования: теоретико-методологическое обоснование и разработка социально-психологической типологии духовных команд на основе анализа их этико-смысловых паттернов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) проанализировать теоретические подходы к пониманию духовности в контексте групповой динамики;

2) ввести и обосновать понятие «этико-смысловой паттерн коллективной духовности»;

3) описать основные типы духовных команд, соотнеся их с функциональными задачами и доминирующими ценностями.

Методы исследования: теоретико-методологический анализ философской и социально-психологической литературы, концептуальное моделирование.

Прежде чем перейти к построению социально-психологической типологии духовных команд, необходимо уточнить методологические принципы, позволяющие изучать коллективную духовность как научный конструкт.

Вслед за В.И. Слободчиковым и Е.И. Исаевым мы исходим из того, что духовная реальность не сводится к эмпирически фиксируемым феноменам, но требует особой антропологической оптики, учитывающей ценностно-смысловые измерения бытия человека [14]. В этом контексте коллективная духовность может быть операционализирована через систему этических смыслов, разделяемых членами группы и регулирующих их совместную деятельность. Не менее важным методологическим ориентиром исследования служит позиция Б.С. Братуся о том, что нормальное развитие личности связано с ориентацией на Другого, что на групповом уровне трансформируется в признание безусловной ценности каждого члена команды [7].

Теоретический анализ. Важным этапом теоретического анализа выступает разграничение индивидуальной и социальной форм духовности. Н.К. Карпова, В.И. Мареев и Н.П. Петрова, вводя понятие «социальной духовности», определяют ее как интегративное качество общества и социальных групп, обеспечивающее их ценностно-смысловое единство и ориентацию на гуманистические идеалы [9]. Данный подход коррелирует с задачами нашего исследования, так как позволяет перейти от анализа духовности отдельной личности к изучению духовных характеристик команды как целостного субъекта социальных интеракций.

Обращение к феномену духовности на групповом уровне требует уточнения понятийного аппарата. Если на индивидуальном уровне духовность, вслед за В.Д. Шадриковым, можно определить как «осознание себя и своих отношений с другими людьми», приводящее к «мотивации блага для Других» [20, с. 84], то на групповом уровне речь идет о качестве связей, объединяющих людей в нечто большее, чем сумма индивидов.

В.А. Пономаренко, исследуя духовность профессионала, вплотную подходит к этой проблеме, утверждая, что «духовную энергию человечества можно аккумулировать в профессиональных общностях», которые становятся «мастерской добродетелей» и «источником любви» [13, с. 4]. Он вводит понятие «духовный летный климат» как фактор, сохраняющий личность летчика в экстремальных условиях

[13, с. 122]. Это указывает на существование особого качества внутригрупповой атмосферы, которое не сводится к социально-психологическому климату, но включает в себя этико-смысловое измерение.

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев определяют дух как то, что «связывает отдельного индивида... со всем человеческим родом во всей развертке его культурного и исторического бытия» [14, с. 123]. Коллективная духовность, следовательно, есть актуализация этой связи в рамках конкретной общности, в рамках которой надындивидуальные ценности становятся регуляторами совместной жизни и деятельности. Б.С. Братусь связывает нормативное развитие личности с «отношением к другому человеку как к самоценности» [7, с. 50].

Развивая идею о деятельностной природе духовности, И.С. Говердовская и Н.А. Коваль подчеркивают роль творчества как ключевого механизма ее реализации. С их точки зрения, творчество позволяет личности не только выразить свою уникальность, но и выйти за собственные пределы, устанавливая связь с другими людьми и миром в целом, что делает его важнейшей составляющей духовного развития [8]. Для командной работы творческий компонент может проявляться в создании уникальных этико-смысловых паттернов, определяющих неповторимый «дух» команды. На уровне команды это означает, что духовность проявляется в признании безусловной ценности каждого ее члена и общего дела как служения.

Таким образом, коллективную духовность можно определить как интегральную характеристику этико-смысловой системы группы, проявляющуюся в доминировании ценностей служения, солидарности и нравственного отношения, обеспечивающую ее устойчивость и эффективность в решении различных задач.

В командном контексте творчество проявляется не только в генерации новых идей, но и в создании уникальных смысловых пространств, в которые каждый участник может внести личный вклад, что усиливает чувство сопричастности и коллективной идентичности.

Исследования Г.В. Ожигановой показывают, что духовные способности личности, особенно их моральный компонент, положительно коррелируют с переживанием благополучия, удовлетворенностью жизнью и общим психологическим комфортом [11]. Экстраполируя этот вывод на групповой уровень, можно предположить, что в командах с высоким уровнем коллективной духовности создаются условия для удовлетворения базовых психологических потребностей — в автономии, компетентности и связанности с другими.

При этом важно различать продуктивные и контрпродуктивные формы командного взаимодействия: как подчеркивает Г.В. Ожиганова, эгоцентризм, манипулятивные стратегии и отчужденность препятствуют подлинной духовной интеграции коллектива, тогда как сотрудничество, взаимопомощь и открытость, напротив, усиливают групповую сплоченность и создают основу для устойчивого развития команды [12]. Таким образом, духовность не только повышает индивидуальное благополучие, но и через него опосредованно влияет на эффективность команды, снижая внутригрупповые конфликты и повышая доверие между ее участниками.

Как уже отмечалось, концепция духовного климата В.А. Пономаренко позволяет предположит, что профессиональные общности могут аккумулировать духовную энергию, становясь для своих членов «мастерской добродетелей» и «источником любви» [13, с. 4, 122]. Аналогичным образом, в командах, переживающих кризис, наличие общего этико-смыслового поля позволяет не только снизить тревогу и

неопределенность, но и мобилизовать ресурсы для совместного преодоления трудностей, сохраняя при этом человеческое достоинство каждого участника.

Вышесказанное согласуется с идеей С.Л. Франка о том, что подлинное единство «Мы» возникает не как внешняя надстройка или договоренность, а как органическая связь, в которой личность обретает полноту бытия именно через свою включенность в общее дело и через признание безусловной ценности Другого [16; 18]. Таким образом, коллективная духовность выступает не только как интегративная характеристика, но и как динамический ресурс, обеспечивающий адаптацию, устойчивость и развитие коллектива в ситуации неопределенности.

Ее эмпирическое исследование, как отмечают Н.Г. Хачатрян и Р.В. Агузумцян, требует интеграции различных методологических подходов — от философской рефлексии до конкретных психометрических процедур [19]. Предложенное выше понимание психологических механизмов действия коллективной духовности подготавливает почву для перехода к операционализации этого феномена.

Исходя из предложенного понимания коллективной духовности возникает необходимость выделения устойчивых форм ее проявления в деятельности команды. Именно эту функцию выполняет понятие «этико-смысловой паттерн коллективной духовности».Данное понятие синтезирует идеи Л.Н. Аксеновской об «этико-смысловом коде» организационной культуры (как комбинации субордеров «семьи», «армии» и «церкви») [5] и философские основания «соборности» С.Л. Франка [16].

Опираясь на ордерную модель, можно выделить три базовых ориентации (субордера), которые в различных комбинациях формируют этико-смысловые паттерны коллективной духовности:

– Ориентация на человека и заботу («семья»). В основе лежит ценность человеческих отношений, поддержки, эмоционального комфорта. Базовый этический смысл — сотрудничество, направленное на сохранение жизни и благополучия.

– Ориентация на цель и результат («армия»). Доминирует ценность эффективности, дисциплины, достижения. Базовый смысл — борьба с препятствиями на пути к цели, требующая мобилизации и ответственности за результат.

– Ориентация на идею и смысл («церковь»). Ведущей является ценность высшей идеи, миссии, духовного единства на основе общего мировоззрения. Базовый смысл — улучшение, преображение реальности в соответствии с идеалом.

Важно отметить, что духовность команды не всегда носит исключительно позитивный, просоциальный характер. А.М. Багаутдинов в своей концепции «негативной духовности» обосновывает возможность объективации духовных смыслов, направленных на разрушение, эгоистическое самоутверждение или служение антигуманным целям [6]. В контексте нашей типологии это означает, что даже в командах с доминантой «армии» или «церкви» этико-смысловой паттерн может приобретать деструктивные формы, если в качестве цели или идеи утверждаются ценности, противоречащие общечеловеческой нравственности. Однако в рамках данной статьи мы фокусируемся на позитивных, гармоничных проявлениях коллективной духовности.

– Четвертый элемент — «ответственность» — является интегральной характеристикой, проявляющейся в мере осознания командой своей связи с более широким целым (организацией, обществом, человечеством) и готовности действовать в его интересах [2].

Высокий уровень духовного развития команды, по-видимому, тесно связан с субъективным благополучием ее членов [11]. Можно предположить, что в командах,

реализующих интегральный гармоничный паттерн («соборность»), это благополучие возникает не только на индивидуальном, но и на групповом уровне — как результат этически выверенных отношений и осмысленной совместной деятельности. При этом важно учитывать, что духовные способности включают не только моральные, но и продуктивные формы взаимодействия с миром, тогда как непродуктивные формы, такие как эгоцентризм или манипуляция, препятствуют подлинной духовной интеграции [12].

Высшим проявлением этой интеграции, согласно традициям русской философии, является принцип «соборности», который С.Л. Франк описывал как «свободное единство», при котором «личность живет подлинно свободно лишь через свою связь с другими, через свою жизнь в других» [16, с. 135]. «Соборность» не есть подавление личности, а напротив, обретение ею полноты бытия в органическом единстве с Другими.

Предлагаемая нами типология опирается на последовательное соединение трех теоретических оснований:

– Вслед за С.Л. Франком духовность рассматривается нами как способ существования человека и общности в пространстве нравственных смыслов, задающих отношение между «Я» и «Мы». Следовательно, предметом анализа становятся не индивидуальные качества членов команды, а характер объединяющих их этических смыслов;

– В рамках ордерного подхода Л.Н. Аксеновской организационная культура понимается как порядок, образованный посредством трех базовых субордеров — «семьи», «армии» и «церкви». Каждый из них представляет устойчивую ценностную ориентацию совместной деятельности, то есть эти субордеры могут рассматриваться как различные способы организации коллективной духовности.

– Сама природа духовности предполагает возможность не только доминирования одной из названных ориентаций, но и их интеграции. Именно поэтому логическим завершением типологии становится четвертый паттерн — интегральный («соборный»), объединяющий достоинства трех базовых ориентаций.

Типология этико-смысловых паттернов духовных команд:

1. Патерналистско-заботливый паттерн (доминанта «семья»). В командах этого типа духовность проявляется прежде всего как забота, взаимопомощь, принятие. Отношения строятся как родственные. Ценности: безопасность, доверие, эмоциональная поддержка, прощение. Этико-смысловая матрица тяготеет к диаде «жизнь — смерть», в рамках которой главной задачей видится сохранение жизни и благополучия каждого члена команды. Такие команды эффективны в ситуациях, требующих взаимовыручки и психологической поддержки, но могут испытывать трудности в жесткой конкурентной борьбе. В организационной практике этот паттерн часто встречается в коллективах, в которых исторически сложились тесные межличностные связи (например, в семейных предприятиях, научных школах, творческих студиях). Однако избыточная заботливость может приводить к снижению требовательности к результатам и размыванию ответственности, что требует осознанного поддержания баланса.

2. Целеориентированный паттерн (доминанта «армия»). Духовность здесь понимается как верность общему делу, долг, готовность к самопожертвованию ради достижения цели. Доминирует ценность конкурентности, победы. Отношения строятся на иерархии, дисциплине, четком распределении ролей и ответственности. Базовый этический смысл — борьба за достижение значимой цели. Эти команды максимально эффективны в условиях дефицита времени, кризиса, при решении «прорывных»

задач [5]. Однако доминирование целевой ориентации может приводить к дефициту внимания к эмоциональным потребностям членов команды. В крайних проявлениях возможна деформация духовности в сторону «воинствующей» морали, в рамках которой цель оправдывает средства. Важно, чтобы целевая ориентация сочеталась с уважением к личности и коллективной ответственностью, что сближает данный тип с интегральным паттерном.

3. Идейно-ценностный паттерн (доминанта «церковь»). Основой духовной команды выступает общая идея, миссия, система ценностей, которые разделяются всеми участниками. Это команды-единомышленники, для которых важнее всего смысл их деятельности, ее соответствие высшим нравственным или профессиональным идеалам. Этико-смысловая доминанта — «улучшение», преображение реальности в соответствии с идеалом. Такие команды способны на длительное и устойчивое существование, они обладают высокой внутренней мотивацией. Их потенциал раскрывается в задачах, требующих инноваций и стратегического развития, в формировании «корпоративной религии» [5]. Однако при доминировании идеи над человеком возникает риск догматизации и обесценивания индивидуальных различий, что может привести к внутренним конфликтам и отчуждению. Поэтому ключевым условием продуктивности данного паттерна является сохранение рефлексивности и открытости диалогу.

4. Интегральный гармоничный паттерн (доминанта «соборность»). Данный паттерн представляет собой наиболее сложный и гармоничный тип духовной команды, в котором сбалансированы все три ориентации. Забота о человеке не противоречит достижению цели, а служение идее не подавляет личность, но наполняет ее деятельность высшим смыслом. «Я» и «Мы» существуют в неразрывном единстве. В терминах ордерного подхода, этот паттерн можно описать как сбалансированное сочетание всех трех субордеров (с≈а≈ц) при высоком уровне интегральной ответственности. Именно такая команда, опираясь на идеи С.Л. Франка, может быть названа «соборной», духовной в высшем смысле. Она способна эффективно решать широкий спектр задач, сохраняя устойчивость и человечность в любых условиях, становясь для своих членов тем самым «питательным источником» жизни и развития [16]. В такой команде каждый участник чувствует себя не только исполнителем, но и соавтором общего дела, что порождает глубокую личностную вовлеченность и ответственность.

Предложенная типология не является статичной: в соответствии с положением Л.Н. Аксеновской об изменяемости этико-смысловых кодов организационной культуры в зависимости от стоящих перед командой задач [5], можно предположить, что доминирующий паттерн коллективной духовности способен изменяться под влиянием внешних и внутренних условий.

Понимание условий подобных трансформаций коллективной духовности имеет практическое значение для управленческого консультирования: выявление актуального паттерна духовности и осознанное управление его развитием могут позволить поддерживать командную духовность на оптимальном уровне. Дальнейшие эмпирические исследования должны быть направлены на выявление типичных траекторий трансформации коллективной духовности и разработку технологий их направленной коррекции.

Заключение. Проведенное теоретическое исследование было направлено на обоснование возможности и необходимости включения феномена коллективной духовности в предметное поле социальной психологии. Опираясь на фундаментальные

идеи духовной психологии С.Л. Франка и их развитие в ордерном подходе Л.Н. Аксеновской, мы предложили трактовку духовности команды как особого качества ее этико-смысловой системы, проявляющегося в доминировании ценностей служения, солидарности и нравственного отношения.

Научная новизна нашей работы заключается во введении и операционализации понятия «этико-смысловой паттерн коллективной духовности», позволяющего дифференцировать различные проявления духовности в малых группах. Разработанная типология, включающая патерналистско-заботливый, целеориентированный, идейно-ценностный и интегральный гармоничный («соборный») паттерны, соотносит устойчивые комбинации этических смыслов с характером внутригрупповых отношений и функциональными задачами команды.

Практическая значимость исследования определяется тем, что предложенная типология формирует теоретическую базу для разработки психодиагностического инструментария, направленного на выявление доминирующего паттерна духовности в реальных командах различных организаций. Это, в свою очередь, открывает перспективы для создания научно обоснованных технологий развития духовного потенциала команд, повышения их устойчивости и эффективности в решении сложных задач.

Конкретными прикладными направлениями могут стать: разработка тренинговых программ по гармонизации этико-смысловых ориентаций, создание методических рекомендаций для руководителей по диагностике и коррекции командной духовности, а также использование предложенной нами типологии в процессе подбора и формирования команд под конкретные проектные задачи.

Особый интерес представляет сопоставление субъективных оценок членов команд с объективными показателями их эффективности, а также кросс-культурные исследования, позволяющие выявить культурно-специфические особенности проявления коллективной духовности.

Для эмпирического исследования выделенных нами далее паттернов коллективной духовности перспективным представляется использование качественных методов исследования (глубинные интервью, анализ дискурса, нарративные практики), а также адаптация стандартизированных опросников, измеряющих ценностные ориентации и нравственные суждения, что позволит перевести теоретическую модель в плоскость верифицируемых гипотез.

Кроме того, исследование духовности на групповом уровне требует учета ее временной динамики — так, паттерны коллективной духовности могут меняться под влиянием внешних вызовов, стоящих перед конкретной организацией и обществом в целом, внутренних конфликтов или даже смены руководства, что обуславливает необходимость выбора лонгитюдного дизайна в рамках дальнейшего эмпирического изучения коллективной духовности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксеновская Л.Н. Духовность как критерий социально-психологической нормы: теоретический и эмпирический опыт обоснования для периода лиминальности (уровень личности и группы) // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. — 2024. — № 1 (25). — С. 24–40. — https://doi.org/10.47475/2409-4102-2024-25-1-24-40.
2. Аксеновская Л.Н. Ордерная концепция организационной культуры: вопросы методологии. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2005. — 348 с.
3. Аксеновская Л.Н. Познавательный идеал отношения к другому человеку в структуре духовности С.Л. Франка: теоретико-методологические основания. Часть 1 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. — 2025. — Т. 14, вып. 3 (55). — С. 225–238. — https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-3-225-238.

4. Аксеновская Л.Н. Эстетический идеал отношения к другому человеку в структуре духовности С.Л. Франка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2024. — Т. 24, вып. 4. — С. 406–413. — https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-406-413.
5. Аксеновская Л.Н. Этико-смысловые коды организационной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2019. — Т. 19, вып. 4. — С. 413–421. — https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-413-421.
6. Багаутдинов А.М. К многомерной концепции духовности: особенности объективации негативной духовности // Мировоззрение и особенности вызовов современности : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Уфа, 21 апреля 2014 года / Науч. ред. Б.С. Галимов ; редкол.: Г.Г. Салихов, А.Ф. Кудряшев, А.М. Багаутдинов (отв. ред.). — Уфа, 2014. — С. 63–66.
7. Братусь Б.С. Аномалии личности. — М. : Мысль, 1988. — 301 с.
8. Говердовская И.С. Творчество в структуре духовности личности / Говердовская И.С., Коваль Н.А. // Вестник ТГУ. — 2007. — № 3. — С. 146–150.
9. Карпова Н.К. Духовность, социальная духовность — базовые концепты идеологии образования современной России / Карпова Н.К., Мареев В.И., Петрова Н.П. // Гуманитарий Юга России. — 2025. — Т. 14, № 3. — С. 15–25. — DOI 10.18522/2227-8656.2025.3.1.
10. Огородникова Т.Г. Понятие «Духовность». Сравнительный анализ представлений о духовности у людей с высшим и средним профессиональным образованием // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. — 2011. — № 2. — С. 18–29.
11. Ожиганова Г.В. Взаимосвязь составляющих духовных способностей и субъективного благополучия // Ярославский педагогический вестник. — 2024. — № 4 (139). — С. 159–166.
12. Ожиганова Г.В. Составляющие морального компонента духовных способностей и непродуктивные формы взаимодействия с собственным «Я» и миром // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2025. — № 3. — С. 88–96.
13. Пономаренко В.А. Психология духовности профессионала. — М. : ПЕР СЭ, 2004. — 410 с.
14. Слободчиков В.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности / Слободчиков В.И., Исаев Е.И. — М. : Школа-Пресс, 1995. — 384 с.
15. Франк С.Л. Духовные основы общества / Франк С.Л. — М. : Республика, 1992. — 511 с.
16. Франк С.Л. Душа человека: опыт введения в философскую психологию / Франк С.Л. — М. : Книжный клуб Книговек ; СПб. : Северо-Запад, 2015. — 384 с.
17. Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. — М. : Правда, 1990. — С. 183–556.
18. Франк С.Л. Русское мировоззрение. — СПб. : Наука, 1996. — 736 с.
19. Хачатрян Н.Г. Методологические предпосылки изучения духовности / Хачатрян Н.Г., Агузумцян Р.В. // Национальный психологический журнал. — 2011. — № 1. — С. 14–18.
20. Шадриков В.Д. Происхождение человечности / Шадриков В.Д. — М. : Логос, 1999. — 200 с.

REFERENCES

1. Aksenovskaya L.N. (2024). Dukhovnost' kak kriterii sotsial'no-psikhologicheskoy normy: teoreticheskiy i empiricheskiy opyt obosnovaniya dlya perioda liminal'nosti (uroven' lichnosti i gruppy) [Spirituality as a criterion of socio-psychological norm: theoretical and empirical experience of justification for the period of liminality (level of personality and group)]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie i zdravookhranenie [Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare], 1(25), 24–40. https://doi.org/10.47475/2409-4102-2024-25-1-24-40 (In Russian)
2. Aksenovskaya L.N. (2005). Ordernaya kontseptsiya organizatsionnoy kul'tury: voprosy metodologii [Order concept of organizational culture: questions of methodology]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. (In Russian)
3. Aksenovskaya L.N. (2025). Poznavatel'nyy ideal otnosheniya k drugomu cheloveku v strukture dukhovnosti S.L. Franka: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya. Chast' 1 [Cognitive ideal of attitude towards another person in the structure of spirituality of S.L. Frank: theoretical and methodological foundations. Part 1]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya [Proceedings of Saratov University. New series. Series: Acmeology of Education. Psychology of Development], 14(3(55)), 225–238. https://doi.org/10.18500/2304-9790-2025-14-3-225-238 (In Russian)
4. Aksenovskaya L.N. (2024). Esteticheskiy ideal otnosheniya k drugomu cheloveku v strukture dukhovnosti S.L. Franka [Aesthetic ideal of attitude towards another person in the structure of spirituality of S.L. Frank]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika [Proceedings of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 24(4), 406–413. https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-406-413 (In Russian)

5. Aksenovskaya L.N. (2019). Etiko-smyslovye kody organizatsionnoy kul'tury [Ethical-semantic codes of organizational culture]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika [Proceedings of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 19(4), 413–421. https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-413-421 (In Russian)
6. Bagautdinov A.M. (2014). K mnogomernoy kontseptsii dukhovnosti: osobennosti ob"ektivatsii negativnoy dukhovnosti [Towards a multidimensional concept of spirituality: features of objectification of negative spirituality]. In B.S. Galimov (Ed.), Mirovozzrenie i osobennosti vyzovov sovremennosti [Worldview and features of the challenges of modernity] (pp. 63–66). Ufa: [s.n.]. (In Russian)
7. Bratus' B.S. (1988). Anomalii lichnosti [Personality anomalies]. Moscow: Mysl'. (In Russian)
8. Govardovskaya I.S., & Koval', N.A. (2007). Tvorchestvo v strukture dukhovnosti lichnosti [Creativity in the structure of personality spirituality]. Vestnik TGU [Bulletin of TSU], (3), 146–150. (In Russian)
9. Karpova N.K., Mareev V.I. & Petrova N.P. (2025). Dukhovnost', sotsial'naya dukhovnost' — bazovye kontsepty ideologii obrazovaniya sovremennoy Rossii [Spirituality, social spirituality — basic concepts of the ideology of education in modern Russia]. Gumanitariy Yuga Rossii [Humanitarian of the South of Russia], 14(3), 15–25. DOI 10.18522/2227-8656.2025.3.1 (In Russian)
10. Ogorodnikova T.G. (2011). Ponyatie «Dukhovnost'». Sravnitel'nyy analiz predstavleniy o dukhovnosti u lyudey s vysshim i srednim professional'nym obrazovaniem [The concept of “Spirituality”. Comparative analysis of ideas about spirituality among people with higher and secondary vocational education]. Vestnik LGU im. A.S. Pushkina [Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin], (2), 18–29. (In Russian)
11. Ozhiganova G.V. (2024). Vzaimosvyaz' sostavlyayushchikh dukhovnykh sposobnostey i sub"ektivnogo blagopoluchiya [Relationship between components of spiritual abilities and subjective well-being]. Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 4(139), 159–166. (In Russian)
12. Ozhiganova G.V. (2025). Sostavlyayushchie moral'nogo komponenta dukhovnykh sposobnostey i neproduktivnye formy vzaimodeystviya s sobstvennym “Ya” i mirom [Components of the moral component of spiritual abilities and unproductive forms of interaction with one's own "Self" and the world]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika [Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], (3), 88–96. (In Russian)
13. Ponomarenko V.A. (2004). Psikhologiya dukhovnosti professionala [Psychology of a professional's spirituality]. Moscow: PER SE. (In Russian)
14. Slobodchikov V.I., & Isaev, E.I. (1995). Osnovy psikhologicheskoy antropologii. Psikhologiya cheloveka: Vvedenie v psikhologiyu sub"ektivnosti [Foundations of psychological anthropology. Human psychology: Introduction to the psychology of subjectivity]. Moscow: Shkola-Press. (In Russian)
15. Frank S.L. (1992). Dukhovnye osnovy obshchestva [Spiritual foundations of society]. Moscow: Respublika. (In Russian)
16. Frank S.L. (2015). Dusha cheloveka: opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu [The human soul: an experience of introduction to philosophical psychology]. Moscow: Knizhnyy klub Knigovek; Saint Petersburg: Severo-Zapad. (In Russian)
17. Frank S.L. (1990). Nepostizhimoe [The Incomprehensible]. In S.L. Frank, Sochineniya [Works] (pp. 183–556). Moscow: Pravda. (In Russian)
18. Frank S.L. (1996). Russkoe mirovozzrenie [Russian worldview]. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)
19. Khachatryan N.G., & Aguzumtsyan, R.V. (2011). Metodologicheskie predposylki izucheniya dukhovnosti [Methodological prerequisites for the study of spirituality]. Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal [National Psychological Journal], (1), 14–18. (In Russian)
20. Shadrikov V.D. (1999). Proiskhozhdenie chelovechnosti [The origin of humanity]. Moscow: Logos. (In Russian)

Поступила в редакцию 21.04.2026 г.

ETHICAL AND MEANING-RELATED PATTERNS OF COLLECTIVE SPIRITUALITY: SOCIO-PSYCHOLOGICAL TYPOLOGY OF SPIRITUAL TEAMS

Yu.G. Savinskaya

In the context of contemporary civilizational challenges, spirituality acquires strategic importance as a resource ensuring the stability of social groups. The relevance of the study is determined by the need to operationalize “collective spirituality” for analyzing group integration and organizational effectiveness. Drawing

on S.L. Frank's “spiritual psychology” and L.N. Aksenovskaya's order approach, we interpret team spirituality as a quality of its ethical and meaning-related system. A socio-psychological typology of spiritual teams is proposed, based on four ethical patterns: paternalistic-caring (“family”), goal-oriented (“army”), ideological (“church”), and integral harmonious (“sobornost”) types. Each type is correlated with basic ethical meanings, intra-group relations, and team tasks. The main research methods were theoretical analysis of philosophical and psychological literature and conceptual modeling. The proposed typology differentiates manifestations of spirituality in small groups, opening prospects for developing diagnostic tools and technologies for targeted development of teams' spiritual potential.

Keywords: spiritual psychology, collective spirituality, ethical and meaning-related patterns, spiritual team, order approach, S.L. Frank, social psychology, typology

Савинская Юлия Георгиевна.
Магистр психологии.
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Российская Федерация, г. Саратов.
ORCID 0009-0001-4713-2508.
E-mail: savinskaya_ug@mail.ru.

Savinskaya Yuliya Georgievna.
Master of Psychology.
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky,
Russian Federation, Saratov.
ORCID 0009-0001-4713-2508.
E-mail: savinskaya_ug@mail.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 159.9
DOI: 10.5281/zenodo.22972604

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ[7]

© 2026 *Н.П. Андрюшкова*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0000-0001-7531-1098

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье анализируется понятие «ресурсы личности» как ключевой конструкт, обеспечивающий адаптацию, саморегуляцию и успешную самореализацию человека. На основе синтеза методологических подходов обосновывается, что в современных условиях ресурсы выступают не просто как статичный набор качеств, а как динамическая система, позволяющая личности противостоять деструктивным влияниям, осуществлять осознанный выбор и конструировать собственную идентичность. Обосновывается, что развитый ресурсный потенциал является необходимым условием для формирования субъектной позиции личности, ее успешной адаптации в современном информационном пространстве и достижения устойчивого психологического благополучия. В работе подчеркивается, что именно развитый ресурсный потенциал является фундаментом для формирования психологически здоровой и социально ответственной личности, способной к конструктивному диалогу и созидательной деятельности.

Ключевые слова: ресурсы личности, информационное пространство, социокультурное пространство, адаптация, саморегуляция, субъектность, психологическое благополучие.

Для цитирования: Андрюшкова Н. П. Ресурсный потенциал личности как фактор адаптации в современном информационном и социокультурном пространстве / Н. П. Андрюшкова, //Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 281–290. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22972604.

Введение. В условиях глобализации и цифровизации современное информационное и социокультурное пространство предъявляет к человеку высокие требования. Насыщенность медиасреды, ценностная многополярность и высокая скорость социальных изменений создают сложную среду для психики человека. В этом контексте проблема сохранения целостности личности, ее способности к самоопределению и целенаправленной деятельности становится центральной для психологической науки. Способность человека не просто выживать, но и развиваться в таких условиях напрямую зависит от его внутреннего потенциала. Именно категория «ресурсы личности» выступает тем фундаментальным конструктом, который описывает совокупность внутренних средств и возможностей, позволяющих индивиду

[7] Исследование выполнено при поддержке госбюджетной темы «Личность в современном информационном и социокультурном пространстве» (код темы FRRE-2026-0029).

осуществлять осознанную саморегуляцию и эффективно взаимодействовать с окружающей реальностью.

Проблема изучения внутренних детерминант успешной жизнедеятельности человека является одной из центральных в психологии. Современное информационное пространство перестало быть нейтральным фоном или простым инструментом коммуникации. Оно трансформировалось в агрессивную среду, генерирующую непрерывный поток стимулов, которые требуют мгновенной обработки, но редко предоставляют время для рефлексии.

Человек оказался погружен в состояние перманентной информационной осады. Объем данных, обрабатываемых современным горожанином за один день, кратно превышает возможности биологической памяти без использования внешних носителей. Скорость обновления информации такова, что профессиональные навыки устаревают быстрее, чем завершается цикл традиционного высшего образования. Способность человека не просто выживать, но и развиваться в таких условиях, преодолевая стрессовые ситуации, напрямую зависит от его внутреннего потенциала.

Именно категория «ресурсы личности» выступает тем фундаментальным конструктом, который описывает совокупность внутренних средств и возможностей, позволяющих индивиду осуществлять осознанную саморегуляцию и эффективно взаимодействовать с окружающей реальностью. Понимание природы этих ресурсов является ключом к разработке стратегий психологического сопровождения личности в современном мире.

Основная часть. Существуют различные трактовки и подходы к пониманию личностных ресурсов, следует рассмотреть основные из них**.** *Ресурсы личности как потенциал и возможности человека*. В рамках данной трактовки личностные ресурсы рассматриваются не как статичный набор качеств, а как динамический потенциал — внутренние резервы, обеспечивающие рост, развитие и эффективное функционирование личности в меняющихся условиях. Основной акцент делается на способность человека к генерации и применению внутренних резервов.

В отечественной психологии данный подход отражен в деятельностной и культурно-исторической концепциях. Л.С. Выготский, анализируя развитие высших психических функций, рассматривал психологический потенциал как систему психических структур, сформированных с помощью культурных орудий (знаков, понятий). Этот потенциал является ресурсом, позволяющим человеку не просто приспосабливаться к среде, но и преобразовывать ее. Следовательно, ресурс — это присвоенный культурный опыт, превращенный в инструмент мышления и действия [2].

С.Л. Рубинштейн делал акцент на внутренних силах и «эластичных возможностях» личности. Термин «эластичность» подразумевает гибкость, адаптивность, способность к восстановлению и трансформации под давлением обстоятельств («в бурях жизни»). Ресурс, по Рубинштейну, — это не данность, а возможность, которая реализуется и развивается в процессе преодоления, в способности человека «выходить за пределы самого себя».

Б.Г. Ананьев и Д.А. Леонтьев пишут о ресурсах, как о базовом потенциале для деятельности. Для Б.Г. Ананьева изучение «потенциальных характеристик человека» — это центральная задача науки, а сами ресурсы выступают как еще не использованные резервы развития, заложенные в природе человека как субъекта деятельности. Д.А. Леонтьев конкретизирует, что личностные ресурсы — это потенциал как базовая характеристика, определяющая способность человека к активности, саморегуляции и поддержанию благополучия [6].

Зарубежная психология рассматривает ресурсы в контексте исследований стресса и совладания. Подход К. Кисо, М. Лотце, Б. Беренсена представляет ресурсы как потенциал, расширяющий возможности в конкретной ситуации. Здесь важна ситуативная обусловленность: ресурс активизируется и «работает» как мультипликатор возможностей в момент столкновения с трудностью. Это функциональная готовность того или иного качества к применению в конкретных обстоятельствах.

Ш.Э. Тейлор писала о ресурсах как о возможности для поддержания субъектности и идентичности. Ресурсы выступают в роли инструмента самосохранения и саморазвития целостного «Я». Они необходимы не только для решения внешних задач, но и для внутренней работы по поддержанию непрерывности, осмысленности и автономии собственного существования. Ресурс здесь служит фундаментом субъектной позиции — способности быть автором своей жизни [4].

Таким образом, ресурс как потенциал и возможность — это динамическая, развивающаяся система внутренних условий, которая носит процессуальный характер, направлена на преодоление наличного состояния, расширение границ и достижение новых уровней функционирования, связывает прошлый опыт с будущими способами решения новых задач и является основой деятельности.

Ресурсы личности как характеристики и качества личности. В рамках данного подхода акцент смещается с динамического потенциала на актуально присущие человеку свойства и диспозиции. Следовательно, практически любое устойчивое психическое образование, обладающее функциональной ценностью, может быть рассмотрено в ресурсном ключе.

К. Граве, К. Кольманн, Й. Виллуцки утверждают, что каждая личностная характеристика, форма поведения или когнитивный паттерн потенциально является ресурсом. К ним относятся характеристики мотивационно-потребностной сферы (готовность к действию, система ценностей, цели, убеждения, интересы), когнитивной сферы (знания, эрудированность, стили мышления), эмоционально-волевой сферы (привычки, стили общения, волевые качества), физической сферы (внешность, здоровье, финансовые возможности), социальной сферы (качество и глубина межличностных отношений). Совокупность этих характеристик формирует «пространство возможностей» или позитивный потенциал личности, доступный для реализации в различных жизненных контекстах. Следовательно, ресурсом становится то, что может быть использовано для удовлетворения потребностей и достижения целей.

В рамках позитивной психологии ресурсами признаются морально одобряемые, социально ценные качества, составляющие ядро личности (С.К. Нартова-Бочавер, К. Петерсон, М. Селигман,). При этом речь идет не просто о полезных чертах, а о сильных сторонах характера, которые являются добродетелями в классическом философском понимании (мудрость, трансцендентность, человечность, справедливость, смелость, умеренность), уникальным образом проявляют индивидуальность человека, отличая его от других и свидетельствуя о его психологическом благополучии [8, 3].

К. Петерсон и М. Селигман классифицировали основные сильные стороны личности (любознательность, любовь к обучению, храбрость, доброта, благодарность и т.д.), проявление которых ведет к удовлетворению от жизни, профессиональным успехам, укреплению отношений и, в конечном счете, к счастью и осмысленности [4].

С.К. Нартова-Бочавер, развивая эти идеи, подчеркивает, что такие сильные стороны являются системообразующей ресурсной особенностью личности. Они поддерживают ее психологическое благополучие и личную эффективность, позволяя не

только адаптироваться, но и вносить позитивный вклад в жизнь общества, реализуя свои лучшие качества [8].

Таким образом, данная трактовка превращает ресурс из абстрактного «потенциала» в конкретный, наблюдаемый и часто измеримый психологический конструкт, встроенный в структуру личности и определяющий специфику ее взаимодействия с миром.

Ресурсы личности как системные качества в деятельности. Данный методологический подход является специфически отечественным, в основе которого лежит системно-деятельностная концепция. Здесь личностные ресурсы осмысливаются не как изолированные черты или внутренние резервы, а как целостные, динамические, системные образования, порождаемые и проявляемые в процессе деятельности.

А.Г. Асмолов понимает ресурс не как заданное свойство, а как новообразование, возникающее на стыке субъекта и задачи. Ресурсы проявляют себя и существуют только в контексте целеполагания и решения задач. Они не хранятся «впрок», а актуализируются требованиями конкретной деятельности (трудовой, учебной, коммуникативной). Ресурсы также являются системными и интегративными качествами (например, профессиональная компетентность как ресурс — это система знаний, умений, навыков, личностных установок и ценностей). В рамках деятельности эти системные качества выполняют ключевую функцию психологической саморегуляции. Они позволяют личности выстраивать и корректировать поведение, оценивать результаты, преодолевать препятствия и, что особенно важно, поддерживать внутреннее равновесие и благополучие в процессе достижения целей. Таким образом, ресурс служит не только инструментом для внешнего результата, но и механизмом внутренней стабилизации.

Л.Г. Дикая акцентирует внимание на роли ресурсов в процессах длительного приспособления и самоопределения в профессиональной деятельности. Так, ресурсы обеспечивают не пассивное приспособление к требованиям рабочей среды, а активное, творческое освоение профессиональной роли, построение эффективных стратегий взаимодействия с коллегами и решении производственных задач. Также ресурсы участвуют в формировании и поддержании профессиональной идентичности — устойчивого представления человека о себе как о специалисте. Такие ресурсы, как осмысленность труда, вовлеченность, чувство компетентности и профессиональные ценности, являются «строительным материалом» для идентичности. Они помогают интегрировать профессиональный опыт в целостный образ «Я». При этом на разных этапах карьеры (от выбора профессии до мастерства и возможной смены деятельности) актуализируются и формируются разные комплексы ресурсов. Например, на старте важны адаптационные и учебные ресурсы, а на этапе мастерства — ресурсы наставничества и трансляции опыта [4,7].

Таким образом, данный подход к трактовке ресурсов позволяет проанализировать, как именно личность взаимодействует с миром (в особенности — в профессиональной сфере), как личность генерирует, мобилизует и развивает свои ключевые системные качества, обеспечивающие не только успех, но и целостность и благополучие «Я».

Ресурсы личности как факторы совладания и адаптации. Данная трактовка является одной из наиболее эмпирически ориентированных в психологии личности. Ключевым критерием для отнесения того или иного феномена к ресурсам является его функциональная полезность в процессе преодоления жизненных трудностей,

стресса и обеспечения адаптации. Ресурс — это, прежде всего, инструмент выживания и восстановления баланса [9].

В рамках факторной модели Г. Шредер и Р. Шварцер определяют ресурсы как факторы, наличие которых облегчает процесс совладания со стрессом. Так, в качестве ресурса может выступать любой внутренний или внешний элемент — от социальной поддержки до личной веры в собственные силы, от материального достатка до позитивного мышления. Основной критерий — это факт облегчения борьбы со стрессором. Ресурсы в этой модели напрямую интегрированы в процесс копинга. Они не просто существуют, а активно включаются в стратегии преодоления. Например, заранее накопленные ресурсы (адекватная самооценка, крепкая семья) могут предотвратить интерпретирование ситуации как угрожающей. Также ресурсы влияют на выбор и эффективность конкретных копинг-стратегий (например, оптимизм способствует выбору проблемно-ориентированного совладания), помогают минимизировать ущерб и восстановить психофизиологическое равновесие после стрессового события. Таким образом, ресурсы являются «топливом» для копинга, определяя его продолжительность, интенсивность и успешность [4].

С. Хобфолл, разрабатывая теорию сохранения ресурсов (COR), описывает ресурсы как центральный элемент в экологии человеческого стресса. Ключевые тезисы COR-теории:

1) принцип потерь: угроза потери ресурсов, их фактическая потеря или недостаточная отдача от вложенных ресурсов являются главными источниками психологического стресса (стресс приравнивается к утрате ресурсов);

2) принцип инвестиций: человек всегда стремится приобрести новые ресурсы (например, знания, диплом, карьеру), для чего он инвестирует уже имеющиеся ресурсы (например, время и силы в учебу);

3) «караваны» ресурсов: ресурсы существуют не изолированно, а в связанных комплексах («караванах»). Потеря или приобретение одного ресурса (например, работы) тянет за собой цепь изменений в других (статус, доход, социальные связи) [10].

Таким образом, в отечественной и зарубежной психологической науке существует множество подходов к пониманию личностных ресурсов. Для этого используются такие категории, как «потенциал», «возможность», «средство адаптации», «фактор совладания» и т.д. При этом анализ всех подходов позволяет выделить в них общее и сформулировать следующее понятие: ресурс личности — это система внутренних (личностных) и присвоенных внешних (средовых) психологических образований, обладающих субъективной ценностью, которые актуализируются и мобилизуются личностью в процессе деятельности и взаимодействия со средой для успешного совладания с жизненными трудностями, адаптации, достижения значимых целей, поддержания и развития психологического благополучия.

Ресурсный потенциал личности — это интегративная психологическая характеристика, описывающая совокупность всех доступных индивиду внутренних и внешних средств, которые он может использовать для решения жизненных задач, преодоления трудностей и самореализации.

В современной психологии этот термин трактуется не как статичный набор талантов, а как динамическая система. Это означает, что ресурсы постоянно находятся в движении: они тратятся, восстанавливаются, инвестируются для получения новых возможностей и трансформируются под влиянием опыта.

Следует также обозначить тот факт, что ресурсы не являются генетически фиксированными чертами личности. Они формируются, культивируются или подавляются

средой на протяжении всей жизни. Рассматривая онтогенетический аспект ресурсов через призму эпигенетической теории Э. Эриксона, можно проследить поэтапное возведение фундамента личностной устойчивости. Так, в младенчестве закладывается база, которая характеризуется как доверие против тревоги. Надежная привязанность формирует базовый ресурс безопасности, а внутренний рабочий шаблон ребенка гласит: «мир предсказуем, мои потребности важны». Нарушение на этом этапе может создавать дефицит базовой витальности. В раннем же детстве решается задача автономии против стыда, важным является развитие волевого ресурса, которое происходит через право на ошибку и самостоятельное действие. Школьные годы посвящены трудолюбию, накопление инструментальных ресурсов происходит через успех в учебе и хобби, что конвертируется в чувство мастерства. Подростковый возраст можно назвать самым критическим этапом. В условиях интернета подросток сталкивается с сотнями готовых идентичностей. Провал психосоциальной задачи на этом этапе ведет к необходимости поиска внешнего одобрения и значимого другого. Это делает личность крайне уязвимой к манипуляциям сектантов, экстремистских группировок, лидеров мнений, организаторов финансовых пирамид и кибербуллингу. Взрослость ставит вопрос генеративности против стагнации, задачей этого периода выступает трансформация накопленных внутренних резервов в продукт, полезный другим людям и обществу. Только отдавая знания, заботу, профессиональный опыт и творческий импульс вовне, зрелая личность восполняет свой высший экзистенциальный ресурс. Этот механизм альтруистической отдачи позволяет избежать кризиса пустоты среднего возраста, когда фокус внимания смещается с потребления благ на их созидание.

На основе проведенного теоретического анализа было выяснено, во-первых, что личностные ресурсы представляют собой сложное системное образование, интегрирующее внутренние и присвоенные внешние психологические средства, которые мобилизуются для совладания с трудностями, адаптации и поддержания благополучия. Существует множество классификаций личностных ресурсов (Д.А. Леонтьева, С. Хобфолла, Л.И. Дементий и А.А. Маленова), отражающих их многоуровневую природу и динамический характер.

Также была сконструирована многоуровневая процессуальная модель личностных ресурсов, интегрирующая диспозиционный, когнитивно-оценочный, мотивационно-смысловой и позитивно-психологический подходы. Модель включает «Ядро» (базовые диспозиционные ресурсы: эмоциональная стабильность, самоэффективность, смысложизненные ориентации), «Операциональный слой» (ресурсы регуляции и совладания (классические и проактивные копинг-стратегии)) и «Ситуативно-специфический слой» (перцептивно-результативные ресурсы — субъективная оценка своих возможностей в условиях стресса) [1].

В данной модели подчеркивается иерархия от устойчивых черт личности к конкретным действиям. Так, ядро составляют базовые диспозиционные ресурсы: эмоциональная стабильность, добросовестность, открытость опыту, самоэффективность и устойчивость (Д.А. Леонтьев). А поиск и наличие смысла жизни рассматриваются как первичный стабилизирующий фактор мотивации, позволяющий выдерживать стрессовые ситуации и придавать направление собственным действиям (Р. Мэй, В. Франкл) [6].

Операциональный слой «Процессы» включает ресурсы регуляции и совладания и основывается на транзакционной модели стресса и копинга Р. Лазаруса и С. Фолкман. Совладающее поведение — это постоянно меняющиеся когнитивные и поведенческие усилия по управлению требованиями, которые чрезмерно напрягают или превышают ресурсы человека. Исследования Аспинвалл, Шварцера и др. о проактивном

совладании расширяют модель Лазаруса. Они добавляют временное измерение и фокус на личностном росте. Проактивное совладание направлено не на текущий стресс, а на будущие вызовы и цели, что соответствует концепции превентивного и преобразующего совладания. Это критически важный ресурс для долгосрочной адаптации и достижений, что оправдывает включение проактивного поведения в модель наравне с классическим копингом.

Ситуативно-специфический слой «Оценка» включает в себя перцептивно-результативные ресурсы. Согласно теории сохранения ресурсов С. Хобфолла (COR-теория), воспринимаемая способность справиться с проблемной ситуацией — это оценка своих главных ресурсов в условиях их потенциальной потери (травмы). Дж. Бонанно, исследуя феномен резильентности, показал, что способность справляться с потенциально травматическими событиями опирается на такие факторы, как гибкость в регуляции эмоций и поведения, оптимистичное самоэффективное мышление [5].

Учитывая системный подход (Б.Ф. Ломов), личностные ресурсы рассматриваются не как набор независимых черт, а как динамическая система, где элементы взаимосвязаны и влияют друг на друга. Ядро влияет на выбор стратегий (процессы), что, в свою очередь, формирует глобальную самооценку результатов совладания со стрессовыми ситуациями. Обратная связь также возможна: успешное совладание (процесс) усиливает самоэффективность (ядро) [1].

Важно отметить, что ресурсы не существуют изолированно, а образуют взаимосвязанную систему — ресурсный запас. Потеря одного ресурса может приводить к потере других, в то же время наличие одних ресурсов может компенсировать недостаток других. Так, например, потеря работы (потеря социального и материального ресурса) может спровоцировать снижение самооценки и оптимизма (истощение личностных ресурсов), а также привести к сужению круга общения (потеря социальных ресурсов). И наоборот, сильная социальная поддержка от семьи (социальный ресурс) может помочь человеку пережить временные финансовые трудности (недостаток материального ресурса) и сохранить веру в себя.

Согласно субъектному подходу (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн), человек — не пассивный носитель ресурсов, а активный субъект, который их мобилизует, трансформирует и оценивает. Это прямо отражено в операциональном (активное и проактивное совладание) и ситуативно-специфическом (субъективная воспринимаемая способность) компонентах [5].

Данная модель позволяет интегрировать основные подходы: диспозиционный (черты личности), когнитивно-оценочный (копинг-стратегии), мотивационно-смысловой (смыслы, ценности, цели) и позитивно-психологический (проактивность). Рассмотрение ресурсов через призму совладания и адаптации позволяет понять, почему одни люди «ломаются» под давлением обстоятельств, а другие не только выдерживают, но и растут. Такой подход позволяет прогнозировать уязвимость или устойчивость личности к конкретным стрессорам через составление наиболее полной картины ресурсного потенциала людей в условиях постоянного риска для жизни и здоровья.

Данный подход подчеркивает системный, динамический и иерархический характер ресурсов, их взаимосвязь и взаимовлияние, а также активную роль субъекта в их мобилизации.

Заключение. Проведенный анализ демонстрирует переход от понимания ресурса как статичного качества к его трактовке как динамической системы. Обобщение

подходов позволяет определить ресурсы личности как многомерную систему условий для адаптации и развития. Рассмотренные классификации предлагают различные векторы для эмпирического исследования этого конструкта. Дальнейшее изучение структуры и динамики ресурсов личности является перспективным направлением для разработки эффективных программ психологического сопровождения.

Проведенный теоретический анализ феномена ресурсного потенциала личности позволяет констатировать фундаментальный сдвиг в понимании природы психологической адаптации. В условиях современной информационной и социокультурной среды ресурсы перестают рассматриваться как багаж врожденных качеств или статичный запас прочности. Они предстают перед нами как сложный динамический конструкт, связывающий воедино биопсихофизиологические предпосылки, когнитивные инструменты, ценностно-смысловые ориентации и социальный капитал.

Синтез методологических подходов показывает, что истинная природа ресурса раскрывается исключительно в деятельности. Он не хранится «внутри» человека подобно предмету, а рождается во взаимодействии субъекта с задачей, актуализируясь лишь в момент преодоления препятствия. Именно эта процессуальность превращает пассивную адаптацию в активную субъектную позицию. Личность в потоке информационных шумов становится архитектором собственной идентичности, способной не просто отражать реальность, но и конструировать ее в соответствии со своими внутренними смыслами.

Следовательно, можно говорить о том, что особую значимость в современном контексте приобретает понимание ресурсов как надежного барьера против деструктивного давления цифровой среды. Способность выдерживать неопределенность, сохраняя критическую дистанцию по отношению к навязываемым нарративам.

Таким образом, личностные ресурсы являются многомерной системой условий для сохранения целостности «Я». Развитый ресурсный профиль трансформирует саму суть человеческого бытия: он переводит индивида из позиции реактивного потребителя контента, уязвимого для манипуляций и выгорания, в позицию автономного субъекта, способного конвертировать хаос внешнего мира в строительный материал для собственного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрюшкова Н.П. Личностные ресурсы стресс-совладающего поведения у лиц, проживающих в зоне проведения боевых действий / Н.П. Андрюшкова, Е.Г. Назаркина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 3. — С. 267–275.
2. Выготский Л.С. Психология развития человека. — М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. — 1136 с.
3. Дементий Л. И. Ресурсы, этапы и пространство самореализации личности: теоретико-эмпирическое обоснование модели / Л.И. Дементий, А.А. Маленов // Южно-российский журнал социальных наук. — 2021. — Т.22. — №1. — С. 137–152.
4. Зиман М.А. Методологические основания понятия «ресурс личности» в зарубежной и отечественной психологии /М.А. Зиман // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 66–72.
5. Калашникова С.А. Личностные ресурсы и психологическое здоровье человека: соотношение содержания понятий /С.А. Калашникова // Гуманитарный вектор. — 2011. — № 2 (26). — С. 185–189.
6. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал /Д.А. Леонтьев // Сибирский психологический журнал. — 2016. — № 62. — С. 18-37.
7. Моросанова В.И. Ресурсный подход к психологическому капиталу и осознанной саморегуляции человека /В. И. Моросанова, Г. М. Аванесян // Modern Psychology. — 2020. — Т. 3. — №1(6). — С. 88–99.

8. Нартова-Бочавер С.К. Психология личности и индивидуальных различий. — СПб. : Питер, 2023. — 432 с.
9. Черных Л.А. К вопросу об адаптационном синдроме и его психологических последствиях / Л.А. Черных // Наукосфера. — 2020. — № 3. — С. 5–10.
10. Черемискина И.И. Личностные ресурсы преодоления стресса у людей разных возрастов в период пандемии / И.И. Черемискина, Д.С. Люкшина // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2021. — Т. 10, № 4(37). — С. 375–378.

REFERENCES

1. Andryushkova N. P. (2026) Lichnostny`e resursy` stress-sovladayushhego povedeniya u licz, prozhivayushhix v zone provedeniya boevy`x dejstvij [Personal resources of stress-coping behavior among people living in the combat zone] Vestnik Doneczkogo nacional`nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psixologiya [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology] 3, (pp. 267–275). (In Russian).
2. Vy`gotskij L. S. (2005) Psixologiya razvitiya cheloveka. [Psychology of human development] (1136 p.). Moscow: E`ksmo. (In Russian)
3. Dementij, L. I. (2021). Resursy`, e`tapy` i prostranstvo samorealizacii lichnosti: teoretikoe`mpiricheskoe obosnovanie modeli [Resources, stages and space of personal self-realization: theoretical and empirical substantiation of the model] Yuzhno-rossijskij zhurnal social`ny`x nauk [South Russian Journal of Social Sciences] 22(1), (pp. 137–152). (In Russian).
4. Ziman M. A. (2024) Metodologicheskie osnovaniya ponyatiya «resurs lichnosti» v zarubezhnoj i otechestvennoj psixologii [Methodological foundations of the concept of "personality resource" in foreign and domestic psychology] Psixologiya. Istoriko-kriticheskie obzory` i sovremenny`e issledovaniya [Psychology. Historical and critical reviews and modern research] 13(1), (pp. 66–72). (In Russian).
5. Kalashnikova S. A. (2011). Lichnostny`e resursy` i psixologicheskoe zdorov`e cheloveka: sootnoshenie soderzhaniya ponyatij [Personal resources and human psychological health: the correlation of the content of concepts] Gumanitarny`j vector [Humanitarian vector] 2(26), (pp185–189). (In Russian).
6. Leont`ev D. A. (2016). Samoregulyaciya, resursy` i lichnostny`j potencial [Self–regulation, resources and personal potential] Sibirskij psixologicheskij zhurnal [Siberian Psychological Journal] 62, (pp 18–37). (In Russian).
7. Morosanova V. I. (2020) Resursny`j podxod k psixologicheskomu kapitalu i osoznannoj samoregulyacii cheloveka [A resource-based approach to psychological capital and conscious human self-regulation] Modern Psychology [Modern Psychology] 3(6), (pp. 88–99). (In Russian).
8. Nartova-Bochaver S. K. (2023) Psixologiya lichnosti i individual`ny`x razlichij [Psychology of personality and individual differences] (432 p.). Saint Petersburg: Piter. (In Russian).
9. Cherny`x L. A. (2020) K voprosu ob adaptacionnom sindrome i ego psixologicheskix posledstviyax [On the question of adaptation syndrome and its psychological consequences] Naukosfera [Science Sphere] 3,(pp. 5–10). (In Russian).
10. Cheremiskina I. I. (2021) Lichnostny`e resursy` preodoleniya stressa u lyudej razny`x vozrastov v period pandemii [Personal resources for coping with stress among people of different ages during the pandemic] Azimut nauchny`x issledovanij: pedagogika i psixologiya[The Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology]. 4(37), (pp. 375–378). (In Russian).

Поступила в редакцию 05.08.2026 г.

INDIVIDUAL'S RESOURCE POTENTIAL AS FACTOR OF ADAPTATION IN MODERN INFORMATION AND SOCIO-CULTURAL SPACE

N.P. Andryushkova

The concept of "personality resources" as a key construct that ensures adaptation, self-regulation and successful self-realization of a person is analysed in the article. On the basis of the methodological approaches synthesis, it is proved that in modern conditions resources are treated not just as a static set of qualities, but as a dynamic system that allows individuals to resist destructive influences, make informed choices, and construct their own identity. The conclusion is made that a developed resource potential is a necessary condition for the formation of a personality's subjective position, its successful adaptation in the modern information space and the achievement of sustainable psychological well-being. The author points out that it is precisely the developed

resource potential that is the foundation for the formation of a psychologically healthy and socially responsible personality capable of constructive dialogue and creative activity.

Keywords: personality resources, information space, socio-cultural space, adaptation, self-regulation, subjectivity, psychological well-being.

Андрюшкова Надежда Петровна.
Кандидат психологических наук.
Донецкий государственный университет,
Российская Федерация, г. Донецк.
Старший преподаватель кафедры общей психологии.
ORCID: 0000-0001-7531-1098.
andruchkova@rambler.ru

Andryushkova Nadezhda Petrovna.
Candidate of Psychology.
Donetsk State University,
Russian Federation, Donetsk.
Senior lecturer of General Psychology Department.

ORCID: 0000-0001-7531-1098.
E-mail: andruchkova@rambler.ru

Автор статьи — ответственный секретарь журнала. Редакционные решения по рукописи принимались без участия ответственного секретаря (включая выбор рецензентов и редакционные решения). Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 159.9.07
DOI: 10.5281/zenodo.22972667

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ УСПЕШНОСТИ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ[8]

© С.А. Вильдгрубе[1], М.Ю. Рогозина[2]
[1-2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID[1] 0009-0006-2901-6120
ORCID[2] 0009-0002-9398-3482

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье представлены результаты исследования особенностей эмоционально-волевой саморегуляции студентов-психологов с разным уровнем успешности обучения в ВУЗЕ. В современном социуме каждый человек сталкивается с необходимостью решения индивидуальных проблем и реализации задач, направленных на развитие личностного потенциала. Цифровизация и изменения условий профессиональной деятельности требуют от молодых специалистов высокой креативности, самостоятельности, способности принимать решения в сложных и нестандартных ситуациях, а также эмоциональной устойчивости. В этих условиях особую актуальность приобретает изучение эмоционально-волевой саморегуляции студентов-психологов и ее влияния на успешность учебной деятельности. Выявленные статистически значимые различия в показателях волевого самоконтроля, волевых качеств и эмоционального самоконтроля у студентов с разным уровнем академической успешности, согласуются с выводами ряда отечественных исследователей.

Ключевые слова: эмоционально-волевая саморегуляция, волевые качества личности, самоконтроль, академическая успешность, студенты-психологи.

Для цитирования: Вильдгрубе С.А. Особенности эмоционально-волевой саморегуляции студентов-психологов с разным уровнем успешности обучения в вузе / С.А. Вильдгрубе, М.Ю. Рогозина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 291–302. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22972667.

Введение. Особенности эмоционально-волевой саморегуляции выступают одним из ключевых адаптационных детерминантов, которые напрямую влияют на то, насколько успешно человек приспосабливается к нагрузкам, сохраняя психофизическое здоровье. Саморегуляция — это инструмент, с помощью которого человек балансирует между внешними требованиями и внутренними ресурсами, чтобы не допустить срыва адаптации. Обучение на психолога сопряжено с высокими нагрузками: большой объем информации, необходимость эмпатии, работа с чужими сложными историями, сессии, проекты. Развитая эмоционально-волевая саморегуляция (настойчивость, самообладание, умение планировать, моделировать ситуации, гибко менять стратегию) позволяет студенту конструктивно реагировать: анализировать проблему, искать решения, распределять ресурсы. В результате снижается риск хронического стресса, который подрывает и психическое, и физическое здоровье (нарушает сон, снижает

[8] Исследование выполнено при поддержке госбюджетной темы «Личность в современном информационном и социокультурном пространстве» (код темы FRRE-2026-0029).

иммунитет, ведет к выгоранию). У каждого студента есть свои сильные и слабые стороны. Саморегуляция связывает разные уровни — эмоциональный (контроль над чувствами, снижение деструктивных переживаний) и волевой (постановка целей, преодоление трудностей, поддержание мотивации). Когда эти компоненты работают слаженно, человек эффективнее справляется с противоречивыми требованиями, что напрямую сказывается на устойчивости психофизического состояния.

Актуальность исследования. Учебно-профессиональная деятельность студентов вузов выступает важным этапом формирования их профессиональной компетентности, предполагающей дальнейшее сознательное утверждение в выбранной профессии. Современные требования к качеству образования определяются способностью обучающихся к саморегуляции и саморазвитию, что делает особенно значимыми такие личностные ресурсы, как самоконтроль, эмоциональная устойчивость и волевые свойства. Эффективное планирование и организация учебной деятельности, контроль и самоконтроль, успешность усвоения знаний напрямую зависят от уровня сформированности эмоционально-волевой регуляции.

В современном социуме каждый человек сталкивается с необходимостью решения индивидуальных проблем и реализации задач, направленных на развитие личностного потенциала. Цифровизация и изменения условий профессиональной деятельности требуют от молодых специалистов высокой креативности, самостоятельности, способности принимать решения в сложных и нестандартных ситуациях, а также эмоциональной устойчивости. В этих условиях особую актуальность приобретает изучение эмоционально-волевой саморегуляции студентов-психологов и ее влияния на успешность учебной и профессиональной деятельности. Эмоциональная сфера рассматривается как комплекс взаимосвязанных состояний субъекта, включающих эмоциональные состояния, эмоциональные отношения и эмоциональные реакции, играющих ключевую роль в самоорганизации, учебной мотивации, профессиональном становлении и развитии творческого потенциала личности.

Изучением влияния эмоционально-волевой регуляции на качество учебной и профессиональной деятельности занимались как отечественные, так и зарубежные психологи. Среди ключевых отечественных исследователей можно выделить В.В. Барабанщикову, Л.С. Выготского, Л.М. Веккера, В.А. Иванникова, Е.П. Ильина, В.К. Калина, А.Н. Леонтьева, А.Б. Леонову, С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Узнадзе и других. Эти ученые рассматривали волю как высшую психическую функцию, обеспечивающую регуляцию поведения и деятельности человека, способность преодолевать внутренние и внешние трудности, направленные на достижение целей, а также как основу самоконтроля и самоорганизации личности. В их работах особое внимание уделяется интеграции волевых свойств и эмоциональной устойчивости, которые обеспечивают рефлексивность, адаптивность и успешность студентов в образовательной среде, а также способствуют мобилизации внутренних ресурсов личности. Эмоциональная составляющая волевого регулирования рассматривается современными исследованиями как важный ресурс, поддерживающий успешное освоение учебного материала, эффективное управление психофизиологическими процессами и организацию учебной деятельности. Эмоции в данном контексте выполняют роль сигналов и мотиваторов, которые помогают студенту контролировать свои действия, направлять усилия на целенаправленную деятельность и преодолевать возникающие препятствия.

В современных исследованиях российских ученых, таких как Д.С. Асакаева, А.А. Дьячков, В.А. Иванников, Н.В. Кузнецова, О.Н. Локаткова, М.В. Чумаков, В.Н. Шляпников и др., подчеркивается значимость эмоционально-волевой готовности

студентов к профессиональной деятельности как интегративного феномена. Данный феномен включает в себя эмоциональную лабильность, развитый эмоциональный интеллект, устойчивость личности и способность управлять эмоциональными состояниями. В этой связи саморегуляция рассматривается как компонент произвольного управления поведением и деятельностью, а воля как сознательная способность преодолевать внутренние и внешние трудности для достижения целенаправленных действий, реализации учебных и профессиональных целей.

Таким образом, теоретико-методологическая база исследования строится на комплексном подходе, объединяющем психологические концепции эмоций, воли и саморегуляции. Такой подход позволяет рассматривать эмоционально-волевую саморегуляцию как ключевой фактор формирования личностной зрелости и профессиональной компетентности в условиях вузовского обучения.

Объект исследования — волевая и эмоциональная сфера личности студентов вузов. **Предмет исследования** — особенности эмоционально-волевой саморегуляции студентов-психологов с разным уровнем успешности обучения в ВУЗе.

Цель исследования — выявить особенности эмоционально-волевой саморегуляции студентов-психологов с разным уровнем успешности обучения в ВУЗе.

В ходе исследования нами была выдвинута следующая *гипотеза:* предполагается, что существует статистически значимое различие в уровне эмоционально-волевой саморегуляции студентов с высоким, средним и низким уровнем успешности учебной деятельности. При этом ожидается, что студенты с высоким уровнем академической успеваемости будут демонстрировать более выраженные показатели самоконтроля и волевых качеств в сравнении с группами студентов со средними и низкими результатами обучения.

Методы исследования. Теоретические: анализ, синтез, сравнение научных исследований. Эмпирические: авторская анкета, направленная на сбор информации об академических показателях студентов; для оценки субъективной уверенности обучающихся в собственных возможностях достижения учебных целей использована шкала самоэффективности» (Р. Шварцер, М. Ерсулин); для диагностики особенностей эмоционально-волевой саморегуляции студентов применен комплекс психодиагностических методик. С целью исследования структуры и выраженности волевых качеств личности применен опросник «Волевые качества личности» М.В. Чумакова. Использован тест «Самооценка силы воли» Н.Н. Обозова, направленный на выявление субъективной оценки выраженности волевых усилий личности. Опросник волевого самоконтроля (ВСК) А.Г. Зверкова и Е.В. Эйдмана позволил оценить уровень произвольной регуляции поведения и способность к контролю импульсов в различных жизненных ситуациях. Дополнительно использован «Опросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» Г.С. Никифорова, В.К. Васильева и С.В. Фирсова, направленный на комплексную оценку самоконтроля как интегративного личностного свойства в различных сферах жизнедеятельности. Методы обработки данных: количественный анализ с использованием методов математической статистики (описательная статистика), проверка нормальности распределения с помощью критерия Шапиро-Уилка, Н-критерий Крускалла-Уолесса для сравнения групп студентов с разным уровнем академической успешности, корреляционный анализ для установления связи показателей академической успешности с особенностями эмоционально-волевой регуляции и качественный анализ результатов исследования.

Выборку исследования составили 30 студентов второго курса направления подготовки «Психология» в возрасте 19–21 года (24 девушки и 6 юношей).

Основная часть. Рассмотрим результаты оценки субъективной уверенности обучающихся в собственных возможностях достижения учебных целей: студенты распределились относительно равномерно по группам низкого и среднего уровней самоэффективности (Табл.1).

Группа с высоким уровнем самоэффективности (12 человек, 40% выборки). Студенты этой группы демонстрируют выраженную уверенность в собственных способностях и твердую убежденность в возможности достижения успеха в учебной деятельности. Согласно концепции А. Бандуры, которая лежит в основе методики Р. Шварцера и М. Ерсулина, высокая самоэффективность характеризует внутреннюю готовность к преодолению трудностей и активному решению поставленных задач. Такие студенты способны ставить амбициозные учебные цели, настойчиво работать над их достижением и не теряют мотивацию при столкновении с временными неудачами. Они склонны интерпретировать трудности как преодолимые вызовы, а не как препятствия к успеху. Высокая самоэффективность предполагает также наличие развитых навыков самоорганизации, способность к планированию учебной деятельности и контролю над процессом ее выполнения. Таким образом, данная группа представляет наиболее благоприятный профиль для успешного обучения в вузе.

Таблица 1
Результаты оценки субъективной уверенности обучающихся
в собственных возможностях достижения учебных целей

Уровень самоэффективности	**Количество человек**	**Процент от выборки**
Низкий (до 26 баллов)	9	30%
Средний (27–35 баллов)	9	30%
Высокий (свыше 35 баллов)	12	40%
Итого	**30**	**100%**

Группа со средним уровнем самоэффективности (9 человек, 30% выборки). Студенты этой группы обладают умеренным уровнем уверенности в собственных силах, что характеризуется определенной нестабильностью и вариативностью проявлений. Их вера в собственные возможности не является устойчивой и существенно зависит от внешних факторов — сложности конкретного учебного задания, предыдущих результатов, характера взаимодействия с преподавателем или сверстниками, от текущего эмоционального состояния. При столкновении с легкими или привычными задачами такие студенты проявляют достаточную активность и уверенность в своих силах. Однако при возникновении сложностей их мотивация может значительно снижаться, и они могут склоняться к избеганию задач или отказу от попыток их решения. Эта группа требует внимания с точки зрения развития устойчивости убеждений в собственных способностях и формирования более стабильной самоэффективности. Такие студенты могут демонстрировать колебания в

академической успеваемости, имеющие скорее психологический, чем интеллектуальный характер.

Группа с низким уровнем самоэффективности (9 человек, 30% выборки). Студенты этой группы характеризуются недостаточной верой в свои способности и возможности успешного выполнения учебных задач. Низкая самоэффективность проявляется в установке на собственную некомпетентность, избегании сложных заданий, быстром отказе при возникновении первых затруднений и общей пассивности в учебной деятельности. Такие студенты часто сомневаются в адекватности своих интеллектуальных способностей, недооценивают собственные усилия и их роль в достижении результатов. Низкая самоэффективность может быть связана с предыдущим опытом неудач, который закрепляет убеждение в собственной несостоятельности, создавая своеобразный замкнутый круг: убеждение в неспособности ведет к снижению усилий и избеганию задач, что, в свою очередь, приводит к неудачам и дальнейшему укреплению негативных убеждений.

Для качественной оценки результатов в исследовании использована авторская анкета, включающая вопросы, которые охватывают различные аспекты учебной деятельности. Данный инструмент позволил перейти от интегрального показателя успешности к анализу ее отдельных компонентов, включающих объективные показатели (средняя оценка успеваемости, наличие задолженностей, частота успешной сдачи экзаменов) и субъективные характеристики (самооценка успешности, восприятие собственного влияния на результаты, осознание факторов успеха).

Анкета содержит семь основных блоков вопросов, направленных на выявление: (1) объективных показателей академической успеваемости; (2) субъективной оценки студентами собственной успешности; (3) стабильности успеха в проверочных мероприятиях; (4) наличия и характера академических затруднений; (5) уровня организованности и регулярности выполнения заданий; (6) осознания роли личностных усилий в достижении результатов; (7) представлений студентов о ключевых факторах, обусловливающих успех в обучении. Анализ результатов диагностики академической успешности выявил согласованность объективных показателей успеваемости с субъективной самооценкой студентов. Среди факторов успеха учебной деятельности студенты-психологи отдавали приоритет внутренним личностным ресурсам — учебной мотивации (70%), силе воли и самоконтролю (60%), интеллектуальным способностям (50%) — тогда как роль внешних обстоятельств оценивалась значительно ниже (20%), что может указывать на развитый внутренний локус контроля и высокий уровень психологической компетентности испытуемых в вопросах саморегуляции.

Для выявления статистически значимых различий в уровне эмоционально-волевой саморегуляции у студентов с высоким, средним и низким уровнем академической успешности был применен непараметрический H-критерий Крускалла-Уоллеса. Выбор данного критерия обоснован небольшим объемом выборки (n=30) и ненормальным распределением данных, выявленным при проверке критерием Шапиро-Уилка. H-критерий Крускалла-Уоллеса позволяет сравнивать три и более независимые группы и не требует соответствия данных нормальному распределению, обеспечивая надежность статистических выводов (Табл.2).

По показателю ответственности выявлены статистически достоверные различия между группами ($H = 6,1$; $p \leq 0,01$). Студенты с высоким уровнем академической успешности продемонстрировали наиболее высокие значения ($M = 6,6$), что отражает высокий уровень сознательного отношения к своим обязательствам, готовность отвечать за результаты собственной деятельности и осознание последствий своих

действий. Студенты со средним уровнем успешности показали промежуточные значения (M = 4,8), указывающие на наличие ответственности, однако с признаками ее ситуативности и зависимости от внешних факторов. Студенты с низким уровнем успешности продемонстрировали наиболее низкие показатели (M = 4,3), что может свидетельствовать о недостаточно развитом чувстве ответственности, склонности к перекладыванию вины на внешние обстоятельства и слабой интернализации норм и требований учебной деятельности. Ответственность выступает одним из ключевых волевых качеств, различающих успешных и менее успешных студентов, обеспечивая мотивирование поведения на достижение целей, создавая основу для планирования и организации деятельности и способствуя преодолению трудностей.

По показателю решительности также выявлены статистически значимые различия (H = 4,9; $p \leq 0,01$). Студенты с высоким уровнем успешности характеризуются высокой решительностью (M = 6,8), что отражает их способность быстро принимать обоснованные решения, особенно в сложных или неопределенных ситуациях, и способность к действию несмотря на сомнения или страхи. Студенты со средним уровнем успешности показали средние значения решительности (M = 6,0), указывающие на наличие данного качества с периодическими колебаниями в зависимости от типа ситуации. Студенты с низким уровнем успешности демонстрировали наиболее низкие показатели (M = 5,2), что может быть связано с нерешительностью, застреванием в процессе принятия решений, страхом перед ошибками и тенденцией к отсрочке действий. Решительность как волевое качество имеет существенное значение для учебной деятельности, так как обучение часто требует принятия решений в условиях неопределенности, например при выборе стратегии подготовки к экзамену, выборе темы для работы или определении приоритетности заданий.

Таблица 2
Результаты статистического анализа показателей
эмоционально-волевой саморегуляции студентов у студентов
с высоким, средним и низким уровнем академической успешности
(волевые качества личности

Показатель	**Высокий уровень**	**Низкий уровень**	**Средний уровень**	**Нэмп**	**Уровень значимости**
Ответственность	6,6	4,3	4,8	6,1	$p \leq 0,01$
Инициативность	5,1	7	6	2,4	Нет
Решительность	6,8	5,2	6	4,9	$p \leq 0,01$
Самостоятельность	6,8	4,7	5,7	5,7	$p \leq 0,01$
Выдержка	5,4	8,1	7,1	2,4	Нет
Настойчивость	6,5	5,2	5,8	4,5	$p \leq 0,01$
Энергичность	4,5	5,2	6,6	2,3	Нет
Внимательность	6,3	5,9	6,1	3,8	$p \leq 0,01$
Целеустремленность	6,4	4,8	4,3	5,2	$p \leq 0,01$

Статистически значимые различия установлены и по показателю самостоятельности (H = 5,7; $p \leq 0,01$). Студенты с высоким уровнем успешности показали наиболее высокие значения (M = 6,8), отражающие развитую способность к независимому выполнению деятельности, минимизацию зависимости от внешних

указаний и поддержки, способность к самостоятельной организации учебного процесса. Студенты со средним уровнем успешности продемонстрировали промежуточные значения (M = 5,7), что может свидетельствовать о наличии определенной самостоятельности при периодической потребности во внешней поддержке или рекомендациях. Студенты с низким уровнем успешности показали наиболее низкие значения (M = 4,7), что может указывать на зависимость от внешнего направления, трудности в самостоятельной организации деятельности и склонность к поиску внешних опор. Самостоятельность является критически важным качеством для успешного обучения в вузе, где от студентов требуется высокая степень самоорганизации и независимости в усвоении материала.

По показателю настойчивости выявлены статистически значимые различия между группами (H = 4,5; $p \leq 0,01$). Студенты с высоким уровнем успешности характеризуются высокой настойчивостью (M = 6,5), что отражает их способность к преодолению препятствий, готовность к длительным и упорным усилиям, отсутствие тенденции к быстрому отказу при столкновении с трудностями. Студенты со средним уровнем успешности показали средние значения (M = 5,8), указывающие на наличие настойчивости с определенной вариативностью ее проявления. Студенты с низким уровнем успешности продемонстрировали наиболее низкие показатели (M = 5,2), что может быть связано с быстрой утомляемостью, склонностью к отказу при возникновении трудностей и недостаточной мотивацией к преодолению препятствий. Настойчивость имеет прямое отношение к преодолению учебных затруднений и достижению долгосрочных целей в образовательном процессе, особенно при необходимости овладения сложным или объемным материалом.

Статистически значимые различия установлены и по показателю внимательности (H = 3,8; $p \leq 0,01$), хотя различия менее выражены по сравнению с предыдущими шкалами. Студенты с высоким уровнем успешности показали наиболее высокие значения (M = 6,3), что отражает их способность к сосредоточению, тщательности выполнения работы, внимание к деталям и способность к контролю качества собственной деятельности. У студентов со средним и низким уровнями успешности показатели внимательности оказались сопоставимы (M =6,1 и M = 5,9), что позволяет предположить относительно низкую дифференцирующую роль этого качества в сравнении с иными волевыми характеристиками.

По показателю целеустремленности выявлены статистически значимые различия (H = 5,2; $p \leq 0,01$). Студенты с высоким уровнем успешности характеризуются высокой целеустремленностью (M = 6,4), что отражает их ясное осознание целей обучения, способность к поддержанию внимания на целевых задачах и направлению усилий на их достижение. Студенты со средним и низким уровнями успешности показали более низкие значения (M = 4,3 и M = 4,8 соответственно), что может свидетельствовать о менее четком понимании собственных целей, рассеянности усилий или дефиците мотивации на долгосрочные академические достижения. Целеустремленность имеет первостепенное значение для учебной деятельности, так как обеспечивает направленность всех усилий на достижение конкретных образовательных целей и способствует преодолению отвлекающих факторов.

По показателю инициативности не выявлены статистически значимые различия между группами студентов (H = 2,4; $p > 0,05$). Интересно отметить, что студенты с низким уровнем успешности показали наиболее высокие значения по этому показателю (M = 7,0), в то время как студенты с высоким уровнем успешности показали более низкие значения (M = 5,1). Это может свидетельствовать о том, что инициативность не является

определяющим фактором для успешности в учебной деятельности или даже может быть в некоторых случаях деструктивной, если проявляется без достаточного самоконтроля и направленности на достижение целей. Высокая инициативность, не подкрепленная ответственностью и целеустремленностью, может привести к рассеиванию усилий.

По показателю выдержки статистически значимые различия не установлены (H = 2,4; p> 0,05). Примечательно, что студенты с низким уровнем успешности показали наиболее высокие значения (M = 8,1), что может быть интерпретировано как их способность к терпению и воздержанию, однако это качество оказывается недостаточным для достижения успеха без других волевых качеств, таких как ответственность, решительность и целеустремленность.

По показателю энергичности также не выявлены статистически значимые различия (H = 2,3; p> 0,05). Студенты со средним уровнем успешности показали наиболее высокие значения (M = 6,6), что может указывать на то, что энергичность как волевое качество менее специфична для учебной успешности и может быть обусловлена другими факторами, такими как общий энергетический уровень, темперамент или состояние здоровья.

Отсутствие значимых различий по показателям инициативности, выдержки и энергичности позволяет рассматривать эти качества как относительно независимые от уровня академической успешности характеристики. Формирование и развитие этих качеств может определяться иными личностными или ситуативными факторами, не связанными непосредственно с успешностью учебной деятельности.

По показателям общей самооценки волевой регуляции между группами студентов с разным уровнем академической успешности мы выявили статистически значимые различия в показателях (H = 7,94; p ≤ 0,01) (Табл. 3).

Установлены значимые межгрупповые различия (H = 7,94; p ≤ 0,01): студенты с высоким уровнем успешности демонстрировали наиболее высокую самооценку волевых возможностей (M = 16,4), существенно превышающую показатели групп среднего (M= 10,9) и низкого уровня (M = 6,8), что свидетельствует о значимой роли субъективной оценки собственных волевых ресурсов как предиктора академической успешности.

Таблица 3

Результаты статистического анализа показателей эмоционально-волевой саморегуляции студентов с разным уровнем академической успешности (общая самооценка волевой регуляции)

Показатель	**Высокий уровень успешности (M, баллы)**	**Средний уровень успешности (M, баллы)**	**Низкий уровень успешности**	**Нэмп**	**Уровень значимости**
Самооценка силы воли	16,4	10,9	6,8	7,94	p ≤ 0,01

Установлены значимые межгрупповые различия (H = 7,94; p ≤ 0,01): студенты с высоким уровнем успешности демонстрировали наиболее высокую самооценку волевых возможностей (M = 16,4), существенно превышающую показатели групп среднего (M = 10,9) и низкого уровня (M = 6,8), что свидетельствует о значимой роли субъективной оценки собственных волевых ресурсов как предиктора академической успешности.

Исследование волевого самоконтроля студентов выявило статистически значимые различия по двум из трех показателей между группами студентов с разным уровнем академической успешности (Табл.4).

Таблица 4
Результаты статистического анализа показателей эмоционально-волевой саморегуляции студентов с разным уровнем академической успешности (волевой самоконтроль)

Показатель	Высокий уровень (М, баллы)	Низкий уровень (М, баллы)	Средний уровень (М, баллы)	Нэмп	Уровень значимости
Индекс волевого самоконтроля (ВСК)	18,1	6,6	12	18,63	$p \leq 0,01$
Настойчивость	12,4	4,6	8,7	21,04	$p \leq 0,01$
Самообладание	8,9	6,7	7,8	3,87	Нет

Значимые различия выявлены по индексу ВСК (Н = 18,63; $p \leq 0,01$) и шкале настойчивости (Н = 21,04; $p \leq 0,01$): группа высокой успешности последовательно превышала группы сравнения по обоим показателям (М = 18,1 и М = 12,4 соответственно). По шкале самообладания значимых различий получено не было.

По трем из четырех показателей выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении выявлены статистически значимые различия между группами студентов с разным уровнем академической успешности (Табл. 5).

Значимые различия зафиксированы по показателям эмоционального самоконтроля (Н = 20,47; $p \leq 0,01$), самоконтроля в деятельности (Н = 21,89; $p \leq 0,01$) и итогового самоконтроля (Н = 21,44; $p \leq 0,01$), по шкале социального самоконтроля значимых различий обнаружено не было. Показатель самоконтроля в деятельности продемонстрировал наиболее высокое значение критерия среди всех исследованных показателей, что позволяет рассматривать его как ведущий компонент саморегуляции, который непосредственно обеспечивает организацию и реализацию учебного поведения. Отсутствие значимых различий по социальному самоконтролю при их наличии по эмоциональному самоконтролю и самоконтролю в деятельности может свидетельствовать о том, что именно внутренняя регуляция эмоциональных состояний и произвольной деятельности, а не внешнее нормативное поведение, определяет успешность учебно-профессиональной деятельности студентов-психологов.

Таблица 5
Результаты статистического анализа показателей эмоционально-волевой саморегуляции студентов с разным уровнем академической успешности (выраженность самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении)

Показатель	Высокий уровень (М, баллы)	Низкий уровень (М, баллы)	Средний уровень (М, баллы)	Нэмп	Уровень значимости
Эмоциональный самоконтроль	19	9,3	14	20,47	$p \leq 0,01$

Самоконтроль в деятельности	19,3	8,4	13,2	21,89	$p \leq 0,01$
Социальный самоконтроль	14,6	12,3	13,3	1,24	Нет
Итоговый самоконтроль	52,9	30,1	40,6	21,44	$p \leq 0,01$

Заключение. Таким образом, проведенное эмпирическое исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о наличии статистически значимых различий в уровне эмоционально-волевой саморегуляции у студентов-психологов с разным уровнем академической успешности. У студентов с высоким уровнем успешности более высокие показатели эмоционально-волевой регуляции: ответственности, решительности, самостоятельности, настойчивости, целеустремленности, волевому самоконтролю, самооценке силы воли, эмоциональному самоконтролю и самоконтролю в деятельности. По показателям инициативности, выдержки, энергичности, самообладания и социального самоконтроля значимых различий между группами не выявлено, что свидетельствует об их относительной независимости от уровня академической успешности.

Полученные результаты согласуются с выводами ряда отечественных исследователей. Выявленная в нашем исследовании связь волевой саморегуляции с академической успешностью подтверждается позицией В.Н. Шляпникова, согласно которой именно волевая саморегуляция обеспечивает согласованное функционирование различных систем организма в юношеском возрасте и переход от намерения к действию. В нашей выборке студенты с высоким уровнем успешности демонстрировали значимо более высокие показатели волевого самоконтроля и настойчивости, что непосредственно отражает описанный В.Н. Шляпниковым механизм реализации целенаправленной активности. Также результаты согласуются с данными М.А. Мериковой, которая установила, что планирование, самоконтроль и настойчивость выступают значимыми предикторами успеваемости: в нашем исследовании именно эти компоненты показали наиболее выраженные межгрупповые различия.

Значимость эмоционального самоконтроля, зафиксированная в нашем исследовании, также подтверждается концепцией М.В. Чумакова, который рассматривает эмоциональную устойчивость как неосознаваемый показатель эффективности волевой регуляции. Студенты с высоким уровнем успешности в нашей выборке продемонстрировали значимо более высокий эмоциональный самоконтроль по сравнению с группой низкой успешности, что подтверждает положение М.В. Чумакова о том, что искаженные установки и слабая эмоциональная регуляция детерминируют снижение результативности деятельности и угасание волевых попыток.

Роль ответственности, целеустремленности и самостоятельности, выявленная в нашем исследовании как значимо более высокая у студентов с высокой успешностью, согласуется с позицией Д.С. Асакаевой и Н.В. Кузнецовой, которые акцентировали внимание на значимости эмоционально-волевой сферы в формировании самооценки и самоконтроля как ключевых факторов профессионализации. Прямая связь между уровнем волевой активности и академическими результатами, установленная В.Б. Батоцыреновым и К.Г. Эрдынеевой, также находит подтверждение в нашей выборке: студенты с высокой успешностью стабильно занимали более высокие ранговые позиции по всем значимым волевым показателям.

Отсутствие значимых различий по социальному самоконтролю при их наличии по эмоциональному самоконтролю и самоконтролю в деятельности согласуется с выводами О.Н. Локатковой о том, что целенаправленная стимуляция эмоционально-волевой регуляции активизирует адаптационный потенциал личности и повышает эффективность учебно-профессиональной деятельности именно через внутренние механизмы управления состояниями, а не через внешнее нормативное поведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникеева, Н. В. Значение волевых качеств личности в профессиональном становлении / Н.В. Аникеева // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2013. — № 5. — С. 243–245.
2. Асакаева, Д.С. Влияние эмоционально-волевой регуляции студентов на их успеваемость в процессе обучения / Д.С. Асакаева, Н.В. Кузнецова // Актуальные проблемы современности. — 2021. — № 2 (32). — С. 73–79.
3. Виленская Г.А. Волевая регуляция / Г.А. Виленская // Сборник. Разработка понятий современной психологии. — 2021. — С. 275–299.
4. Вильдгрубе С.А. «Стрессоустойчивость и особенности саморегуляции у студентов» Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). — Том 9: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. — 407 с.
5. Рогозина М.Ю. Прокрастинация в структуре временных отношений личности студентов / М.Ю. Рогозина // М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Донецкий гос. ун-т, каф. общей психологии, каф. клинической психологии [и др.]; под общ. ред. А.В. Гордеевой, С.А. Вильдгрубе, Э.А. Ангелиной. — Донецк: ДонГУ, 2024. — С.146–154.
6. Чумаков М. В. Эмоционально-волевая сфера личности подростков и ее диагностика / М.В. Чумаков // Вестник практической психологии образования. — 2015. — Т. 12. — № 1. — С. 83–86. — URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2015_n1/Chumakov
7. Lourenço A., Paiva, L. Self-Regulation in Academic Success: Exploring the Impact of Volitional Control Strategies, Time Management Planning, and Procrastination / A. Lourenço, L. Paiva // International Journal of Cognitive Education. — 2024. — Т. 8, № 1. — С. 45–58.
8. Strategies That Transform. Self-Regulation and Volitional Control as Keys to Academic Achievement // Social Sciences. — 2025. — Т. 14, № 5. — С. 285– 297.

REFERENCES

1. Anikeeva N.V. (2013). Znachenie volevykh kachestv lichnosti v professional’nom stanovlenii [The significance of volitional qualities of personality in professional development]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, (5), 243–245. (In Russian)
2. Asakaeva D.S. & Kuznetsova, N.V. (2021). Vliyanie emotsional’no-volevoy regulyatsii studentov na ikh uspevaemost’ v protsesse obucheniya [The influence of emotional-volitional regulation of students on their academic performance in the learning process]. Aktual’nye problemy sovremennosti, (2), 73–79. (In Russian)
3. Vilenskaya G. A. (2021). Volevaya regulyatsiya [Volitional regulation]. In Razrabotka ponyatiy sovremennoy psikhologii (pp. 275–299). (In Russian)
4. Vil’dgrube S. A. (2022). Stressoustoychivost’ i osobennosti samoregulyatsii u studentov [Stress resistance and features of self-regulation in students]. In S. V. Bespalova (Ed.), Donetskie chteniya 2022: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul’tura i vyzovy sovremennosti: Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 85-letiyu Donetskogo natsional’nogo universiteta (Vol. 9: Filosofskie i psikhologicheskie nauki, pp. 407). Izd-vo DonNU. (In Russian)
5. Rogozina M.Yu. (2024). Prokrastinatsiya v strukture vremennykh otnosheniy lichnosti studentov [Procrastination in the structure of temporal relations of the personality of students]. In Lichnostnye i situatsionnye determinanty povedeniya i deyatel’nosti cheloveka: Materialy Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoy konferentsii (pp. 146–154). Donetskiy gosudarstvennyy universitet. EDN DCVWWI. (In Russian)
6. Chumakov M.V. (2015). Emotsional’no-volevaya sfera lichnosti podrostkov i ee diagnostika [Emotional-volitional sphere of adolescent personality and its diagnostics]. Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya, 12(1), 83–86. (In Russian)

7. Lourenço A. & Paiva, L. (2024). Self-regulation in academic success: Exploring the impact of volitional control strategies, time management planning, and procrastination. International Journal of Cognitive Education, 8(1), 45–58.
8. Strategies that transform: Self-regulation and volitional control as keys to academic achievement. (2025). Social Sciences, 14(5), 285–297.

Поступила в редакцию 29.07.2026 г.

EMOTIONAL AND VOLITIONAL SELF-REGULATION IN UNIVERSITY PSYCHOLOGY MAJORS WITH DIFFERENT LEVELS OF ACADEMIC SUCCESS

S.A. Wildgrube*, *M.Yu. Rogozina

This article deals with the results of a study aimed at examining the emotional-volitional self-regulation of psychology majors with varying levels of academic success. In today's society, everyone faces the need to solve individual problems and implement tasks aimed at developing their personal potential. Digitalization and changing professional environments require young professionals to be highly creative, independent, able to make decisions in complex and non-standard situations, and emotionally resilient. In this context, studying the emotional-volitional self-regulation of students majoring psychology and its impact on academic success is particularly relevant. The statistically significant differences identified in indicators of volitional self-control, volitional qualities, and emotional self-control among students with varying levels of academic success are consistent with the findings of several Russian researchers.

Key words: emotional-volitional self-regulation, volitional qualities, self-control, academic success, university psychology majors.

Вильдгрубе Светлана Александровна.
Кандидат психологических наук, доцент.
Донецкий государственный университет,
Российская Федерация, г. Донецк.
Заведующий кафедрой клинической психологии.
ORCID 0009-0006-2901-6120.
E-mail: S.Vildgrube@mail.ru.

Рогозина Марина Юрьевна.
Кандидат педагогических наук, доцент.
Донецкий государственный университет,
Российская Федерация, г. Донецк.
Доцент кафедры общей психологии.
ORCID 0009-0002-9398-3482.
E-mail: muyrsan@mail.ru.

Vildgrube Svetlana Aleksandrovna.
Candidate of Psychology, Associate Professor.
Donetsk State University, Russian Federation, Donetsk.
Head of Department of Clinical Psychology.
ORCID 0009-0006-2901-6120.
E-mail: S.Vildgrube@mail.ru.

Rogozina Marina Yuryevna.
Candidate of Pedagogy, Associate Professor.
Donetsk State University, Russian Federation, Donetsk.
Associate Professor of General Psychology Department.
ORCID 0009-0002-9398-3482
E-mail: muyrsan@mail.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Научная статья
УДК 159.95
DOI: 10.5281/zenodo.22972745

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ МОЛОДЁЖИ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

© 2026 Е.Ю. Кольчик
Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»
ORCID 0000-0001-6116-6053

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В работе рассматриваются мотивационные особенности молодёжи, обладающей различным уровнем толерантности к неопределённости. Актуальность работы обусловлена стремительной информатизацией и нестабильностью современного социума, которые предъявляют повышенные требования к личности, заставляя принимать решения быстро в сложных и неоднозначных условиях. Толерантность к неопределённости, проявляясь в виде способности к построению жизненной перспективы в хаотичных условиях, во многом взаимосвязана с мотивацией личности, трансформируя неопределённость в новые возможности или парализуя страхом совершить ошибку. В ходе исследования были использованы опросник толерантности к неопределённости Т.В. Корниловой, методика диагностики мотивационной структуры личности (МСИА) Г.Н. Малюченко, В.М. Смирнова и А.С. Коповой. Все респонденты были разделены на три группы по степени выраженности толерантности к неопределённости. Было выявлено, что молодёжь с высокой толерантностью к неопределённости имеет выраженную познавательную мотивацию, а молодёжь с низкой и средней толерантностью к неопределённости — реактивирующую и релаксационную мотивацию. Независимо от степени выраженности толерантности к неопределённости у всех респондентов была выявлена высокая компенсаторная мотивация, которая проявляется в разных группах по-разному.

Ключевые слова: мотивация, молодёжь, толерантность к неопределённости, компенсаторная мотивация, жизненная перспектива, интолерантность к неопределённости, информационные перегрузки, изменчивость, готовность к принятию решений.

Для цитирования: Кольчик Е.Ю. Особенности мотивации молодёжи с различным уровнем толерантности к неопределённости / Е.Ю. Кольчик // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 303–312. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22972745.

Введение. Высокая информационная нагрузка в современном обществе парадоксальным образом усложняет жизнь человеку: чрезмерное количество вариантов для выбора не только не облегчают этот выбор, но ещё и порождают тревогу и сомнения в принятом решении. Особенно подходящим термином для создавшейся ситуации представляется термин «текучей современности», предложенный З. Бауманом, через призму которого толерантность к неопределённости как личностная черта трансформируется в своеобразный «метанавык» выживания, обусловливая тем самым актуальность изучения данного феномена [5]. Современная молодёжь растёт и формируется в условиях высокой когнитивной перегрузки, которая требует мультифункциональности во многих областях одновременно, что зачастую порождает синдром самозванца.

В этих условиях новый смысл обретает и понятие мотивации: переходя от внешнего принуждения к внутренней самоэксплуатации, современный человек сам себе ставит недостижимые цели, и неудача уже воспринимается не как случайность, а как личная несостоятельность, что ведёт к депрессии и выгоранию. Мотивация перестаёт быть линейной, процесс постановки цели трансформируется из схемы «желание — постановка цели — поведенческая реализация цели» в сложную, зачастую неупорядоченную систему, состоящую из внешних сигналов и обрывочных внутренних смыслов.

Понятие толерантности к неопределённости рассматривалось в работах отечественных и зарубежных исследователей, среди которых Р. Нортон, И.Н. Леонов, Е.В. Найдёнова, С. Баднер и другие [4; 5; 7; 9]. Понимая проблему неопределённости через дефицит или избыток информации, изменчивость и множественность суждений, Р. Нортоном толерантность к неопределённости понимается как личностная черта, позволяющая сохранять эффективность деятельности в условиях противоречивой или неполной информации. И.Н. Леонов и М.Е. Сачкова толерантность к неопределённости относят к перцептивной сфере, благодаря которой определяются не только проблемы, которые необходимо решить, но и ресурсы, за счёт которых это будет происходить [8; 10]. О.С. Белявцева в своих трудах рассматривает термин «интолерантность к неопределённости», предложенный Е. Френкель-Брунсвик, под которым понималась черта характера, благодаря которой люди склонны к однозначной категоризации, не желают думать в контексте вероятностей и в трудных ситуациях предпочитают искать авторитет и опираться полностью на его мнение [1]. Е. Френкель-Брункcвик низкую толерантность к неопределённости, двусмысленности связывала со склонностью к категоричной оценке мира, его оценку в абсолютных категориях. Эта особенность обусловливает мотивацию к принятию упрощённых решений, которые ослабляют внутреннюю тревогу. Примечательно, что Е. Френкель-Брунсвик рассматривала интолерантность как базовый механизм, который является основой консервативного, авторитарного мышления и предрассудков [1]. С. Бочнер понимал толерантность и интолерантность личности как базовый феномен, который оказывает влияние на протекание всех эмоциональных и когнитивных процессов личности, на убеждение и систему социальных установок, а также на поведение в нестандартной ситуации [11]. Е.А. Братухина отмечает различия в восприятии времени у лиц с разным уровнем толерантности к неопределённости: испытуемые с высокой толерантностью к неопределённости более позитивно оценивают события будущего и недовольны настоящим, в то время как респонденты с выраженной интолерантностью к неопределённости более позитивно относятся к настоящему, а будущее вызывает у них тревогу и беспокойство, окрашиваясь в негативные тона [2]. И.Н. Леоновым был рассмотрен вопрос о функционировании толерантности к неопределённости, которая актуализируется не во всех ситуациях. Это обусловлено тем, что понимание неопределённости зависит от особенностей восприятия ситуации самим субъектом. Сам феномен толерантности к неопределённости И.Н. Леонов понимал как сложную, многомерную систему, которая в разных ситуациях может выступать как профессионально важное качество (особенно в отношении руководящих позиций), а также как важная функция в совладании со стрессом, что может проявляться в торможении непродуктивных стратегий совладания и реализации активного, проблемно-ориентированного преодоления

трудностей [8]. М.В. Злобиной в её исследованиях была выявлена положительная связь между выраженностью толерантности к неопределённости и рационализацией периодов жизнеосуществления и отрицательная связь — между толерантностью и эмоциональной фиксацией на событиях прошлого. Автор говорит о том, что толерантность к неопределённости определяет не просто реакцию человека на ситуацию, а общий паттерн взаимодействия с миром, что подтверждается положительной связью между интолерантностью к неопределённости и депрессией [3; 4].

В соответствии с целями и задачами данного исследования, которые сводятся к изучению особенностей мотивации молодёжи с различной степенью толерантности к неопределённости, нами была разработана теоретическая модель исследования, представленная на рис.1.

Представленная модель основывается на предположении о том, что степень толерантности к неопределённости взаимосвязана с преобладающим типом мотивации (познавательной, коммуникативной, компенсаторной, реактивирующей или релаксирующей), хотя при этом только одной мотивацией не определяется.

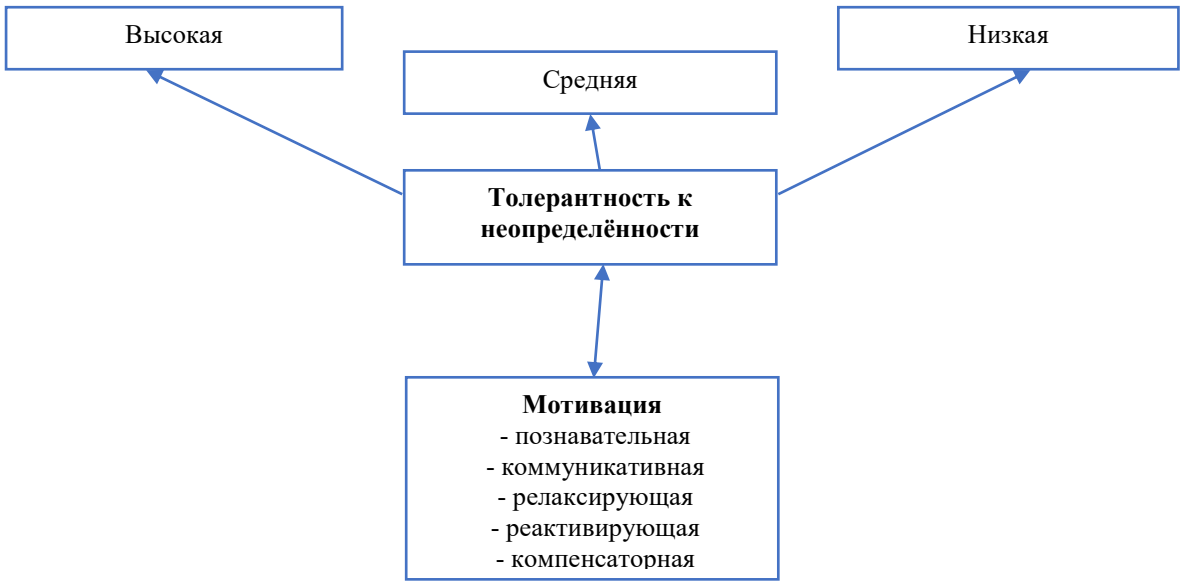


Рисунок 1 Теоретическая модель исследования толерантности к неопределённости и мотивации современной молодёжи

Материалы и методы исследования. В исследовании были использованы: опросник толерантности к неопределённости Т.В. Корниловой, методика диагностики мотивационной структуры личности (МСИА) Г.Н. Малюченко, В.М. Смирнова и А.С. Коповой. При обработке полученных результатов использовались методы математико-статистического анализа: коэффициент ранговой корреляции Спирмена и Н-критерий Крускала-Уоллиса. В исследовании приняли участие 86 студентов в возрасте от 18 до 26 лет, обучающиеся на специальностях «Психология», «Экономика и менеджмент», «Дошкольное образование» в ГБОУВО РК «КИПУ имени Февзи Якубова».

Основная часть. В соответствии с целями и задачами работы, в начале исследования испытуемым был предложен опросник толерантности к неопределённости Т.В. Корниловой. Опросник содержит три шкалы: толерантность,

интолерантность и межличностная интолерантность, где последняя шкала отражает степень выраженности стремления испытуемого к ясности и определённости в межличностном взаимодействии и, по сути, указывает на неустойчивость и ригидность в межличностных взаимоотношениях. По результатам опросника все испытуемые были распределены на 3 группы по уровню толерантности (рис.2).

Рисунок 2. Результаты диагностики уровня толерантности студенческой молодёжи

Из рис.2 видно, что большая часть испытуемых характеризуется низкой толерантностью к неопределённости (52% — 45 респондентов). Для данной группы (группа 1) свойственно испытывать трудности в тех ситуациях, которые характеризуются непредсказуемостью, изменчивостью и отсутствием чётко обозначенных правил. В послетестовой беседе представители данной группы отмечали, что даже незначительное вынужденное изменение планов в их жизни может быть причиной испорченного настроения на весь день, а у некоторых даже вызывает ряд соматических проявлений (головная боль или «туман» в голове, учащённое сердцебиение, тошнота и общее плохое самочувствие). Средний уровень толерантности к неопределённости характерен для 27% респондентов (23 чел., группа 2). Данная категория респондентов более терпима к изменениям, но в определённой степени: их эмоциональные реакции в значительной степени зависят от контекста ситуации и её сложности. Они способны адекватно реагировать на быстро меняющиеся обстоятельства, но ценой значительного внутреннего эмоционального напряжения. Испытуемые данной группы в послетестовой беседе отмечали, что им требуется много времени, чтобы подстроиться под изменяющиеся обстоятельства, но в конечном итоге они все равно стараются придерживаться тех целей, которые были поставлены накануне. Всего 21% респондентов (18 чел.) показали высокую толерантность к неопределённости (группа 3). Данная категория студенческой молодёжи не просто способна выдерживать выраженную нестабильность и изменчивость, но при этом чувствует себя в таких ситуациях комфортно, воспринимая неопределённость как своеобразный вызов, проявляя гибкость и пластичность, открытость новому опыту и высокую степень готовности к принятию решений в условиях риска. Обнаруженные различия подтверждены статистически при помощи Н-критерия Крускала-Уоллиса (табл.1).

Таблица 1

Различия средних показателей толерантности к неопределённости студенческой молодёжи

Шкалы	Низкая толерантность	Средняя толерантность	Высокая толерантность	Н-критерий Крускала-Уоллиса	Р
Толерантность	23,16±10,53	49,87±7,83	69,5±3,14	70,1	p≤0,001
Интолерантность	24,25±8,05	40,17±9,03	49,72±12,45	57,7	p≤0,001
Межличностная интолерантность	23,11±11,83	39,52±12,95	48,06±13,82	38,1	p≤0,001

Далее респондентам была предложена методика диагностики мотивационной структуры информационной активности (МСИА) Г.Н. Малюченко, В.М. Смирнова и А.С. Коповой. Результаты приведены на рис.3.

Из рис.3 видно, что молодёжь с различным уровнем толерантности к неопределённости характеризуются различной мотивационной направленностью. Молодёжь с высокой толерантностью к неопределённости демонстрирует выраженную познавательную (средний показатель по группе — 23 балла) и компенсаторную (средний показатель по группе — 21,9 балла) мотивацию, в то время как для респондентов с низкой толерантностью на первое место, помимо компенсаторной, выходит ещё реактивирующая мотивация (средний балл — 17,5), а для респондентов со средней толерантностью — релаксирующая (средний балл — 21,3).

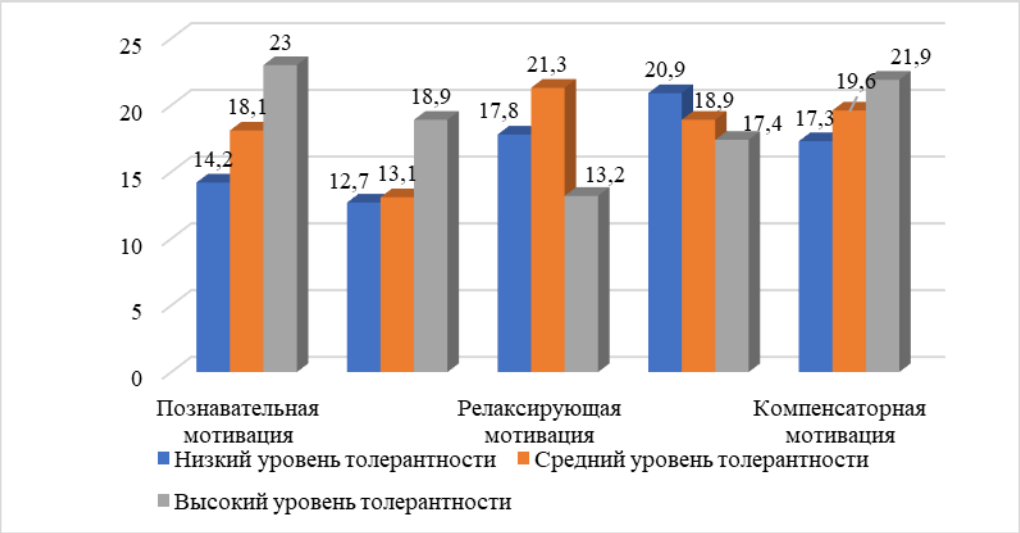


Рисунок 3. Результаты диагностики мотивационной структуры информационной структуры молодёжи

Различия по шкалам подтверждены статистически и приведены в табл.2.

аблица 2

Различия средних показателей мотивационной структуры информационной активности у студенческой молодёжи с различным уровнем толерантности к неопределённости

Шкалы	Низкая толерантность	Средняя толерантность	Высокая толерантность	Н-критерий Крускала-Уоллиса	P
Познавательная	14,18±3,13	18,13±7,62	**23±4,77**	**24,5**	p≤0,001
Коммуникативная	12,71±4,19	13,13±2,51	**18,94±7,51**	**8,6**	p≤0,013
Релаксирующая	13,2±3,38	**2,3±6,3**	17,82±6	**25,6**	p≤0,001
Реактивирующая	17,51±6,15	18,87±7,65	20,94±6,32	4,1	p≤0,132
Компенсаторная	17,64±6,1	19,87±6,57	**21,88±4,53**	**7,4**	p≤0,025

В процессе обсуждения полученных результатов большинство респондентов отметили, что при быстро меняющихся обстоятельствах всегда стремятся получить дополнительную информацию всеми доступными способами. Вместе с тем, мотивация информационного поиска у респондентов с различным уровнем толерантности к неопределённости существенно различается. В процессе поиска информации респонденты с высокой толерантностью ориентируются, преимущественно, на познавательный мотив: ситуация неопределённости является для них не столько источником дискомфорта, сколько источником своеобразного драйва, открывающего новые ресурсы и возможности. При поиске новой информации большое значение имеет также их терпимость к когнитивным диссонансам: противоречивая информация не является причиной стресса, а выступает в качестве ресурса для нового витка мышления и расширения картины мира. Познавательный мотив также может проявляться не столько в «свежести» информации, сколько в её сложности, которая иногда создаётся намеренно через поиск труднодоступной информации. Примечательно, что в ходе беседы молодёжь с высокой толерантностью отмечала, что «интересует не только то, что произошло, а больше то, почему это произошло, что послужило причиной». Выраженная реактивирующая и релаксирующая мотивация у респондентов со средней и низкой толерантностью к неопределённости позволяет предположить, что активное использование информационного контента в данных группах служит, скорее, средством эмоциональной разрядки, чем способом познания. Реактивирующая мотивация проявляется в поиске информации с целью успокоиться, снять стресс, а не разработать дальнейший план действий. Т.е. в данном случае основной целью потребления медиаконтента является не содержание информации, а использование его как инструмента для достижения целей, находящихся вне информации. Это своеобразное переключение с целей, которые труднодоступны, энергозатратны и приносят дискомфорт на более простые цели. Стимулом к активным действиям обычно служат страх и дедлайны, вместо интереса или выгоды.

Релаксирующая мотивация несколько иная и проявляется в поиске ситуаций, где всё максимально предсказуемо. Это не просто отдых, а полный сенсорный покой, ритуализированное «ничегонеделание», которое может проявляться в поедании знакомой еды, просмотрах одного и того же сериала и т.д. Респонденты с высокой толерантностью также демонстрируют высокие показатели коммуникативной мотивации, что указывает не просто на их открытость новым связям и готовность к взаимодействию с новыми людьми, но и на высокую толерантность к нестандартности мышления оппонента. Алогичность, эмоциональная нестабильность оппонента или абсурдность мышления их привлекают, а не отталкивают. Испытывая лёгкость в смене контекстов, такая молодёжь зачастую использует провокации как инструмент познания. Коммуникативная мотивация у молодёжи с низкой толерантностью к неопределённости является не столько обменом мыслями и новой информацией, сколько инструментом выживания в хаосе, где большое значение имеет предсказуемость.

Компенсаторная мотивация характерна для респондентов всех трёх групп, однако она имеет существенное отличие: у молодёжи с высоким уровнем толерантности к неопределённости компенсаторная мотивация выполняет функцию восполнения дефицита, в то время как у молодёжи с низкой толерантностью к неопределённости она создаёт иллюзию безопасности. У тех людей, которые

способны сохранять спокойствие в хаосе и видят в нём возможности, данный тип мотивации компенсирует избыток неопределённости через чрезмерный контроль в определённой сфере. Соответственно, возникает, как минимум, одна область, где существует порядок и предсказуемость: «я не могу контролировать внешний мир, но мои тренировки — железны». Поскольку поддержание высокой толерантности к внешним обстоятельствам требуют значительных когнитивных усилий, такие люди могут чередовать сложные задачи с простыми, от завершения которых получается быстрый результат и дофаминовое подкрепление. Кроме этого, компенсация у данной группы людей может носить опережающий характер, благодаря своей направленности в будущее, освоение новых сфер и ресурсов.

У молодёжи с низким уровнем толерантности к неопределённости компенсаторная мотивация имеет совершенно иной функционал, несмотря на внешнюю схожесть. У данной группы людей такая мотивация имеет своей целью не рост, а снижение тревоги любой ценой. Микроменеджмент трансформируется в гиперконтроль, а продумывание наперёд обычно проявляется только в негативных сценариях, которые парализуют действие, а не стимулируют его. Создание «островка безопасности» тут приводит не к компенсации, а к замене реальной жизни, что в итоге заканчивается поиском виноватых.

При подсчёте коэффициента ранговой корреляции Спирмена были выявлены взаимосвязи в каждой из групп между показателями толерантности и видами мотивации (табл.3).

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа молодёжи с различным уровнем толерантности к неопределённости

	Группа 1 (низкая толерантность)	Группа 2 (средняя толерантность)	Группа 3 (высокая толерантность)
	Интолерантность	Межличностная интолерантность	Толерантность
Компенсаторная мотивация			0,603*
Релаксирующая мотивация	0,568*	-0,638**	
Реактивирующая мотивация	-0,567*		

Примечание:* — обнаружена корреляция на 5% уровне значимости;** — обнаружена корреляция на 1% уровне значимости

Прямая корреляционная взаимосвязь в группе молодёжи с низкой толерантностью к неопределённости между интолерантностью и релаксирующей мотивацией (0,568) и обратная корреляционная взаимосвязь между интолерантностью и реактивирующей мотивацией (-0,567) показывает ориентацию респондентов данной группы на их внеинформационную активность, где основной акцент делается не на действиях, а на процессе погружения в информационное пространство. В связи с этим можно предположить, что фокус внимания молодёжи в данной группе направлен на быстрое достижение эмоционального подъёма. Соответственно, не всегда происходит более глубокий анализ потребляемой информации и развитие навыков критического мышления. Эта особенность потребления медиаконтента приобретает особую значимость в силу того, что данная категория молодёжи может быть склонна к импульсивному поведению, которое будет усиливаться за счёт низкой толерантности.

Обратная корреляционная взаимосвязь в группе молодёжи со средним уровнем толерантности между межличностной интолерантностью и релаксирующей мотивацией (-0,638) может быть связана с эмоциональной восприимчивостью представителей данной группы. Межличностная интолерантность, которая может возникать вследствие высокой чувствительности к переживаниям других людей, способна снижать релаксирующую мотивацию в процессе межличностного взаимодействия.

Прямая корреляционная связь между толерантностью и компенсаторной мотивацией (0,603) в группе респондентов с высокой толерантностью к неопределённости может указывать на стремление к неоднозначным ситуациям и обстоятельствам как способу компенсации эмоциональных или социальных потребностей. Принятие решений в условиях неопределённости всегда сопряжено со значительными энергетическими и психологическими затратами, которые компенсируются успешным преодолением этих сложностей.

Заключение. Проведённое исследование позволило выявить тревожную тенденцию, которая состоит в доминировании молодёжи с низким и средним уровнями толерантности к неопределённости над молодёжью с высокой терпимостью к неопределённости, а также вскрыть качественные различия в мотивационной структуре этих групп. Было выявлено, что компенсаторная мотивация является универсальной для молодёжи, независимо от степени её толерантности к неопределённости, однако она имеет свои особенности в содержательном наполнении: при высокой устойчивости к изменчивой среде она определяет рост и развитие личности, а при низкой — уход и защиту от внешнего мира. Было также выявлено, что высокая толерантность связана с познавательным интересом и диалогичностью, что позволяет рассматривать данную категорию молодёжи как важный, адаптивный ресурс в условиях турбулентной среды. Низкая толерантность связана с истощающим типом саморегуляции личности, где мотивация строится на преодолении страха, либо на уходе от сложностей.

Таким образом, практический аспект данной статьи обусловливает необходимость не просто коррекции уровня толерантности у современной молодёжи, а актуальность обучения подрастающего поколения гибкому переключению между познавательной активностью и восстановлением, а также трансформации реактивирующей мотивации из инструмента выживания в инструмент развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белявцева О.С. Толерантность и интолерантность к неопределённости в современной отечественной и зарубежной психологии / О.С. Белявцева // Наука и социум. — 2021. — №1. — С.108–116.
2. Братухина Е.А. Особенности восприятия времени при преобладании толерантности или интолерантности к неопределённости / Е.А. Братухина, А.Г. Братухин // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2024. — №1. — С.49–55.
3. Злобина М.В. Психологические маркеры устойчивости жизненного мира молодых людей с разным уровнем толерантности к неопределённости / М.В. Злобина, О.М. Красноярцева // Вестник Омского университета. Серия «Психология». — 2023. — №4. — С.17–27.
4. Злобина М.В. Адаптация методики отношения к неопределённости Р. Нортона MAT-50: анализ внутренней структуры / М.В. Злобина // Психология. Журнал высшей школы экономики. — 2022. — №3. — С.433–453.
5. Иноземцев В. Зигмунт Бауман и его индивидуализированное общество / В. Иноземцев // Высшее образование в России. — 2004. — №1. — С.142–146.
6. Коленкова Н.Ю. Эмоциональные предикторы принятия неопределенности в современных исследованиях проблемы выбора / Н.Ю. Коленкова // Гуманитарные науки. — 2021. — №4. — С.125–134.

7. Корнилова Т.В. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределённости в модификации опросник С. Баднера / Т.В. Корнилова, М.А. Чумакова // Экспериментальная психология. — 2014. — №1. — С.92–110.
8. Леонов И.Н. Толерантность к неопределённости как психологический феномен: история становления конструкта / И.Н. Леонов // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». — 2014. — №4. — С.43–53.
9. Найдёнова Е.В. Влияние директивного стиля воспитания и гиперопеки на формирование толерантности и интолерантности к неопределенности / Е.В. Найдёнова // Северо-Кавказский психологический вестник. — 2022. — №4. — С.5–17.
10. Сачкова М.Е. Толерантность к неопределенности и суеверность как личностные ресурсы решения социальных проблем учащейся молодежью / М.Е. Сачкова, Л.Э. Семенова // *Психолого-педагогические исследования. — 2024. — № 16*(1). — *С.*3–20.
11. Чагова М.А. История и современное развитие проблемы толерантности к неопределённости в психологической науке /М.А. Чагова // PEM: Psychology. Educology. Medicine. — 2014. — №1. — С.77–88.

REFERENCES

1. Belyavceva, O.S. (2021). Tolerantnost' i intolerantnost' k neopredelyonnosti v sovremennoj otechestvennoj i zarubezhnoj psihologii [Tolerance and tolerance to uncertainty in modern domestic and foreign psychology]. Nauka i socium, 1, 108–116. (In Russian)
2. Bratuhina, E.A., & Bratuhin, A.G. (2024). Osobennosti vospriyatiya vremeni pri preobladanii tolerantnosti ili intolerantnosti k neopredelyonnosti [Features of perception of time with the predominance of tolerance or intolerance to uncertainty]. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah, 1, 49–55. (In Russian)
3. Zlobina, M.V. & Krasnoyarceva, O.M. (2023). Psihologicheskie markery ustojchivosti zhiznennogo mira molodyh lyudej s raznym urovnem tolerantnosti k neopredelyonnosti [Psychological markers of the stability of the life world of young people with different levels of tolerance to uncertainty]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Psihologiya», 4, 17–27. (In Russian)
4. Zlobina, M.V. (2022). Adaptaciya metodiki otnosheniya k neopredelyonnosti R.Nortona MAT-50: analiz vnutrennej struktury [Adaptation of the methodology of attitude to uncertainty by R. Norton MAT-50: analysis of the internal structure]. Psihologiya. Zhurnal vysshej shkoly ehkonomiki, 3, 433–453. (In Russian)
5. Inozemcev, V. (2004). Zigmunt Bauman i ego individualizirovannoe obshchestvo [Zygmunt Bauman and his individualized society]. Vysshee obrazovanie v Rossii, 1, 142–146. (In Russian)
6. Kolenkova, N.Yu. (2021). Ehmocional'nye prediktory prinyatiya neopredelennosti v sovremennyh issledovaniyah problemy vybora [Emotional predictors of uncertainty acceptance in modern studies of the choice problem]. Gumanitarnye nauki, 4, 125–134. (In Russian)
7. Kornilova, T.V. & Chumakova, M. A. (2014). Shkaly tolerantnosti i intolerantnosti k neopredelyonnosti v modifikacii oprosnik S. Badnera [Scales of tolerance and intolerance to uncertainty in modification questionnaire S. Badner]. Ehksperimental'naya psihologiya, 1, 92–110. (In Russian)
8. Leonov, I.N. (2014). Tolerantnost' k neopredelyonnosti kak psihologicheskij fenomen: istoriya stanovleniya konstrukta [Tolerance to uncertainty as a psychological phenomenon: the history of the formation of the construct]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika», 4, 43–53. (In Russian)
9. Najdyonova, E.V. (2022). Vliyanie direktivnogo stilya vospitaniya i giperopeki na formirovanie tolerantnosti i intolerantnosti k neopredelennosti [The influence of the directive style of education and hyperopecology on the formation of tolerance and tolerance to uncertainty]. Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik, 4, 5–17. (In Russian)
10. Sachkova, M.E. & Semenova L.Eh. (2024). Tolerantnost' k neopredelennosti i suevernost' kak lichnostnye resursy resheniya social'nyh problem uchashchejsya molodezh'yu [Tolerance to uncertainty and superstition as personal resources for solving social problems by young students]. Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya, 1, 3–20. (In Russian)
11. Chagova M.A. (2014). Istoriya i sovremennoe razvitie problemy tolerantnosti k neopredelyonnosti v psihologicheskoj nauke [History and modern development of the problem of tolerance to uncertainty in psychological science]. PEM: Psychology. Educology. Medicine, 1, 77–88. (In Russian)

Поступила в редакцию 31.08.2026 г.

MOTIVATION OF YOUNG PEOPLE WITH DIFFERENT LEVELS OF TOLERANCE TO UNCERTAINTY

E.Y. Kolchik

The author considers the motivational features of youth with a different level of tolerance for uncertainty. The relevance of the work is due to the rapid informatization and instability of modern society, which impose increased requirements on the individual, forcing him to make decisions quickly in difficult and ambiguous conditions. Tolerance to uncertainty, manifested in the form of the ability to build a life perspective in chaotic conditions, is largely interconnected with personality motivation, transforming uncertainty into new opportunities or paralyzing with fear of making a mistake. In the course of the research the questionnaire of tolerance to uncertainty by T.V. Kornilova and the method of diagnosing the motivational structure of personality (MSIA) by G.N. Malyuchenko, V.M. Smirnov and A.S. Kopova were used. All respondents were divided into three groups according to the degree of tolerance to uncertainty. It was revealed that young people with high tolerance to uncertainty have a pronounced cognitive motivation, while young people with low and medium tolerance to uncertainty have reactivating and relaxation motivation. Regardless of the degree of tolerance to uncertainty, all respondents showed high compensatory motivation, which manifests itself in different groups in different ways.

***Key words*:** motivation, youth, tolerance to uncertainty, compensatory motivation, life perspective, tolerance to uncertainty, information overload, variability, readiness to make decisions.

Кольчик Елена Юрьевна.
Кандидат психологических наук.
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Российская Федерация, г.Симферополь.
Доцент кафедры психологии.
ORCHID 0000-0001-6116-6053.
E-mail: egyptshore@yandex.ru.

Kolchik Elena Yurievna.
Candidate of Psychology.
Crimean Engineering and Pedagogical University by Fevzi Yakubov, Simferopol, Russian Federation.
Associate Professor of Department of Psychology.
ORCHID 0000-0001-6116-6053.
E-mail: egyptshore@yandex.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 159.9
DOI: 10.5281/zenodo.22972797

ОБРАЗ МУЖЧИНЫ В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ, ВЫСМЕИВАЮЩИХ ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА

© 2026 Д.В. Погонцева
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Южный федеральный университет
ORCID 0000-0002-3537-9845

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Настоящая работа посвящена исследованию образа мужчины в современных юмористических интернет-постах и мемах, направленных на критику физических особенностей, включая телосложение (вес), рост, привлекательность и прочие характеристики. Проведен контент-анализ выборки объемом 550 юмористических мемов, опубликованных в сети интернет в 2021–2025 гг. Результаты позволяют установить количественное и качественное распределение рассматриваемых категорий юмора. Выявлено, что мужчины редко выступают центральными фигурами юмористических мемов, высмеивающих внешний облик, что соответствует данным ряда предшествующих исследований современной культурной среды, утверждающим, что основной объект социально-культурного конструирования телесного образа традиционно принадлежит женщине. Вместе с тем показано, что образ мужчины в интернет-мемах чаще подвергается высмеиванию таких параметров, как низкий рост, лысина, низкая физическая привлекательность, а также чрезмерная худощавость и лишний вес. Данное исследование актуализирует представления о привлекательном внешнем облике мужчины.

Ключевые слова: мужчина, юмор, внешний облик, привлекательность, лишний вес.

Для цитирования: Погонцева Д.В. Образ мужчины в интернет-мемах, высмеивающих особенности внешнего облика / Д.В. Погонцева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 313–322. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22972797.

Введение. Принято считать, что современный мир диктует жесткие требования к внешнему облику женщины, однако важно понимать, что мужчины так же все чаще становятся субъектом социального давления. Важно отметить, что подобная тенденция стала развиваться не в последнее десятилетие, а уходит корнями в начало XX века, когда требования к внешнему облику затрагивали преимущественно определенный (высший) класс. Однако именно в последние 20–30 лет мы видим давление общества относительно внешнего облика, которое затрагивает всех людей независимо от пола, возраста и других социальных критериев. Для понимания данной ситуации также важно отметить, что на возникновение и закрепление стереотипов об эталонном внешнем облике оказывают влияние интернет и СМИ. Как отмечает в своей работе К.Н. Белогай [2], социальные сети оказывают все большее влияние на образ тела, как юношей, так и девушек. И. Сахно [14] также отмечает, что социальные сети не только формируют стереотипы, но и играют роль в «формировании психологического травматизма», поскольку именно в интернет-пространстве происходит наибольшее количество ситуаций, в которых «подвергаются обструкции и насмешке всякие ненормативные тела», а также демонстрируются разнообразные «практики работы с красивым телом», которым необходимо следовать. В свою очередь О.А. Мельничук, А.Н. Яковлева [9] подчеркивают,

что «современная тенденция развития коммуникации, для которой характерен переход от вербального компонента к визуальному, привела к тому, что тело и его части часто визуализируются в рекламных текстах и интернет-мемах, поскольку без визуального компонента такие тексты воспринимаются адресатом «как суггестивно неэффективные» [9, с. 64]. В работе J.C. Selensky и R.A. Carels, рассматривая особенности социокультурной теории восприятия собственного тела, отмечают, что СМИ транслируют социально ободряемые представления о худобе и красоте, в то время как интернет и социальные сети стигматизируют физические недостатки, в частности, лишний вес, формируя нереалистичные стандарты тела и идеализируя худобу [19]. Такого же мнения придерживаются C.B. Burnette и ее коллеги [16], особо подчеркивают, что в западных культурах женский идеал красоты, пропагандируемый СМИ, предполагает худобу, которая со временем становилась все более стройной, а в последнее время — еще и подтянутой [16]. Исходя даже из такого поверхностного анализа проблемы, мы видим, что и в российских, и в зарубежных работах делается акцент на негативном влиянии СМИ и интернет-коммуникаций на трансляцию и закрепление стереотипных представлений, как об эталонном теле, так и о способах его достижения.

Как нами отмечалось ранее [10], [11], восприятие юмористических постов и мемов как «своеобразного интеллектуально-ценностного бульона» открывает возможность рассмотрения их с позиции имеющихся в обществе представлений и стереотипных суждений о привлекательном/непривлекательном внешнем облике и взаимодействии с ним. Следует отметить, что сама тема высмеивания внешнего облика является не новой, начиная с частушек (образцы русского фольклора в виде четверостиший, в которых часто высмеивались особенности внешности, фельетонов и шаржей в журнале «Крокодил» [4]), а позже в образе анекдотов, например, сборники анекдотов «о блондинках», высмеивающих стереотип об интеллектуальных способностях блондинок [6]. Так, в своей работе Т. Дашкова отмечает, что в 50–70-х годах чаще всего высмеивался образ юноши-стиляги, образы которых демонстрировались через анималистически утрированные портреты «попугаев и обезьян» [4, с. 318]. В контексте проблем внешнего облика следует отметить, что шутки о лишнем весе часто оценивают как недопустимые. Как отмечает B. Setiawan, «юмор необходим, чтобы сделать что-то запрещенное или табу приемлемым» [20], к такому табу можно отнести оценку другого человека как имеющего лишний вес или рекомендации по соблюдению диеты, нарушение данного правила вне юмористического контекста воспринимается как грубое нарушение норм вежливости. Автор отмечает, что подобного рода юмор может быть приемлемым, если используется тогда, «когда он используется в качестве шутливого материала и если говорящий или слушатель обладает компетенцией рассказывать и понимать шутки» [20], поскольку в противном случае мем может стать оскорбительным.

В целом рассматривая феномен мемов И.Ю. Люлевич, Д.В. Дзигуа подчеркивают, что изначально мемы «использовались исключительно в качестве развлечения, для достижения комического эффекта», однако на данном этапе развития интернет-коммуникации и культуры мемов мы можем отметить, что они являются способом «интерпретации реальности и репрезентации идеологем» [6, с. 190]. Авторы отмечают, что из-за наличия комического контента, который и отличает мем от просто картинки, а также повторяемость сюжета способствует ослаблению «критического отношения к нему», при этом происходит не просто усвоение, но и принятие информации как «соответствующей реальности» [6, с. 190], таким образом, мем воспринимается как аксиома.

В работе M. Abel и J. Flick [13] были описаны два исследования, посвященные изучению половых различий в восприятии враждебных шуток, направленных против мужчин и женщин, с акцентом на изучение опосредующего влияния маскулинности и феминности, а также смягчающего влияния оскорбительности шуток. Эти исследования подтвердили, что мужчинам и женщинам больше нравятся шутки, направленные против противоположного пола, чем против своего пола. При этом и мужчины, и женщины оценили шутки, ориентированные на женщин, как более оскорбительные, чем те, что были ориентированные на мужчин. Эффект умеренности в отношении оскорбительности шуток проявился у женщин, которые сочли очень оскорбительные шутки, ориентированные на мужчин, более смешными, чем очень оскорбительные шутки, ориентированные на женщин. У мужчин такого эффекта не наблюдалось, они сочли одинаково смешными, как оскорбительные шутки, ориентированные на женщин, так и шутки, ориентированные на мужчин, хотя и оценили шутки, ориентированные на женщин, как более оскорбительные. Данное исследование указывает, что объект высмеивания в меме влияет на оценку шутки независимо от пола оценивающего, но имеет определенные взаимосвязи.

Обобщая вышеизложенные данные, можно констатировать, что юмор в отношении внешнего облика выступает как мощный социально-психологический регулятор формирования представлений о границах нормативности, а также закрепляет механизмы стигматизации в общественном сознании. В связи с этим, цель данного исследования — рассмотреть современные стереотипы о внешнем облике мужчины и их репрезентацию в юмористическом контенте современной цифровой среды (на примере интернет-мемов).

Организация и методы исследования. Для анализа нами было использовано 550 мемов, опубликованных в период с 2021 по 2025 годы в развлекательных группах в vk.com и пабликах в telegram. На первом этапе осуществлялась классификация мемов по параметру внешнего облика (вес, рост, пигментация, общая привлекательность), а также определялся объект высмеивания и модальность высказываний. Рассматривая объект высмеивания, мы опирались на два момента: 1) изображение (мемы были разделены на 4 группы: отсутствует изображение человека/персонажа (в этой категории были как мемы и юмористические посты, на которых присутствует только текст, так и с картинкой без человеческого образа, например, картинка с поломанными напольными весами); мужчина как объект высмеивания; женщина как объект высмеивания; объектом являются и мужчина, и женщина (часто это шутки о парах, находящихся в романтических отношениях); 2) указание на пол в тексте (в данном контексте мы считали объектом мужчину, если на это были прямые указания в тексте, такие мемы, как: «мы толстые, с нами бок» без визуального подкрепления, нами были выделены в отдельную категорию, в которых пол субъекта высмеивания может быть любым).

Результаты исследования.

На первом этапе мы выявили, что объектом высмеивания чаще всего выступает женщина (59 % шуток), реже это шутки, которые мы можем назвать гендерно-нейтральными («Мое тело — это мое дело! Нераскрытое дело о пропавшем прессе!»; «Единственный способ не жрать после шести — сожрать все до шести»), к данной категории мы отнесли 27 % шуток, в 11 % случаев объектом высмеивания является мужчина, а также 3 % шуток, в которых высмеивается внешний облик и мужчины, и женщины. Интересно отметить, что одна и та же текстовая шутка могла быть представлена с разными изображениями. Так, шутка «Сидишь, сложа руки на пузике и ждешь чуда. А чуда все нет. Зато есть пузико» существует в

интернет-пространстве в нескольких исполнениях: с изображением полной женщины на лавочке, маленькой девочки-ангелочка, существует версия с рисованным персонажем «Хахаски», который является мужским персонажем, а также с использованием изображения полного мужчины, кроме того, эта шутка существует в виде текста без дополнительного изображения. Таким образом, в текстовом оформлении мем имеет гендерно нейтральную направленность, однако в случае дополнения шутки изображением пол объекта может изменяться. В анализе представленности пола объекта высмеивания мы фиксировали каждый анализируемый мем как отдельную единицу, отмечая, на кого направлен юмор. Можно отметить, что мужчина является редким объектом шуток, высмеивающих внешний облик и его особенности.

Анализ 402 шуток о лишнем весе выявил, что только 12 мемов высмеивают напрямую мужчину, 63 — в текстовом содержании не имеют указания на пол субъекта высмеивания, а в 3 — показаны и мужчина, и женщина. Важно отметить, что все 3 шутки, объектом высмеивания которых является представители обоих полов, строились на сравнении «до и после» начала отношений, в двух случаях — в настоящее время пара представлена свиньями (шутка высмеивает, что после начала отношений оба партнера прибавили в весе). Также важно отметить, что если шутки, высмеивающие лишний вес женщины, акцентируют внимание на неудачах похудения и рекомендациях правильного питания [11], то для мужчин лишний вес связан с отсутствием физической подготовки и чаще высмеивается неготовность заниматься спортом как причина лишнего веса («На фитнес ходят мужчины, осознавшие, что очаровывать людей своей харизмой им не дано»). Нами было обнаружено 2 мема, в которых высмеивалась женщина в сравнении с худым мужчиной (**«**Любовь — это когда она худеет для тебя, чтобы ты не казался таким дрищем», вторая шутка — визуальная, на ней представлены полная женская и худая мужская нога и подпись, что оба партнера весят по 70 кг). Следует также отметить, что гендерно-нейтральные тексты, которые представлены с мужскими изображениями, реже содержат «рекомендации», они скорее констатируют наличие у персонажа лишнего веса: «В упитанности много плюсов. Например: плюс один подбородок», или ищут плюсы данной ситуации: **«**Мужчины, если у вас выпали волосы и растет живот — не переживайте. Может вы из воина превращаетесь в римского сенатора!».

В категории «лишнего веса» также целесообразно выделить категорию мемов, в которых делается акцент на влияние веса на межличностные отношения. Так, мужчины упоминаются в шутках, отсылающих нас к дружеским («Вся жизнь — это дворовой футбол, а ты — толстый мальчик, которого всегда ставят на ворота»), романтичным («В жизни главное найти того, с кем будет приятно толстеть. Любовь — это жиреть вместе» — на картинке полный мужчина смотрит с нежностью на женщину, которая ест торт) и семейным («До женитьбы — Puma; после женитьбы — Pumba» — картинка с пумой как символ бренда и тень бородавочника из мультфильма «Король лев») отношениям. Также нами был обнаружен ряд мемов, которые являются собирательными из нескольких существующих отдельно: так существует мем «Когда-то я мечтала стать похожей на Бритни Спирс. Мечты сбылись» — шутка сопровождается фотографией певицы с лишним весом и отсутствием прически, а шутка «Вот мы и стали похожи на Бритни Спирс и Бена Аффлека. Мечты сбываются, надо было только подождать», также данная шутка есть, на которой только портрет Бена Аффлека. Следует отметить, что шутки с известными актерами и музыкантами существуют в категориях, как лишнего веса, например, мем с Кристианом Бейлом (использованы стоп-кадры его различных ролей, где он чрезмерно худой, накаченный и

с лишним весом и текстом: «Скажи ей, что у тебя тело Кристиана Бейла, но не говори, в каком фильме»), а также в категории непривлекательного внешнего облика, например, использование фотографии Игги Попа и Дженифер Энистон, в которых Игги Поп представлен как Дж. Энистон, у которой был трудный год или которая не накрасилась.

Кроме того, существует некоторое количество шуток, которые пытаются найти положительные стороны лишнего веса (**«**Боже, до меня дошло! Ты в курсе, что нагреваясь, все расширяется? Я не толстый, я горячий!», «Во всем надо видеть позитив. Например, я со своими круглыми формами никогда не провалюсь в люк!», «Румяный, толстый и веселый лежит тюлень на берегу. Я не тюлень, но точно так же могу») или не несут негативного, осуждающего тона (**«**У меня есть пресс, но он работает под прикрытием!»), при этом в типично женских шутках наблюдается преобладание осуждающих высказываний (вербальных) или визуальных, примером может служить шутка, где стройная девушка видит себя в зеркале полной, в то время как полный мужчина видит себя в зеркале с атлетической фигурой.

Таким образом, анализ мемов, высмеивающих лишний вес, указывает на то, что существует своеобразная гендерная поляризация проблемы избыточного веса в юмористическом дискурсе, который преимущественно показан как женская проблема. Однако следует учитывать, что существует ряд исследований, в которых изучалось влияние идеала стройной женщины на представление мужчин о теле и было обнаружено, что такие репрезентации в СМИ оказывают неблагоприятное влияние на последующие самооценки мальчиков и мужчин. Анализируя данный феномен A. Baker and C. Blanchard подчеркивают, что современные СМИ являются альтернативным источником давления на мужчин, связанного с их внешним видом. В свою очередь, полнота у мужчин, в представлении мужчин, является «признаком меньшей мужественности (или большей женственности) и, следовательно, меньшей сексуальной привлекательности» [14]. Таким образом, высмеивание лишнего веса у мужчин по сути является указанием на его «женственность». Также в юмористическом сегменте, высмеивающем лишний вес, присутствует диссонанс самооценки, когда мужчина, несмотря на лишний вес, не страдает (Винни Пух стоит у зеркала и любуется объемным животом, подпись гласит «Когда не убрал пузо к лету, зато вкусно поел»), в то время как мемы с женщинами изображают ужас и печаль от увиденного на напольных весах или подчеркивается разочарование в себе. Однако следует отметить, что в англоязычных шутках мужчина чаще является объектом высмеивания, что можно объяснить глобализацией проблемы лишнего веса, поэтому выводы о влиянии подобных шуток на восприятие образа тела на российской выборке необходимо уточнять.

Также следует отметить, что из 45 мемов о росте в 38 высмеивается мужчина. Однако важно понимать, что именно рост чаще дается в связке с женским образом — так высмеиваются одновременно высокая женщина и мужчина маленького роста (например, стоп-кадр из мультика «Шрек», где принцесса изображена с лордом Фаркуадом). В данном контексте мы можем говорить, что не просто рост отличный от среднестатистического, а в мужском сегменте юмора именно маленький рост является основным триггером высмеивания. Кроме того, хотелось бы отметить, что хотя мы анализировали мемы, которые представлены фотографиями или картинками, однако существует пласт видео шуток, в которых высмеивается высокая девушка в паре с молодым человеком маленького роста; в подобных видео обыгрываются трудности взаимодействия (она не замечает его или испытывает затруднение, когда они встают рядом). При этом необходимо отметить, что в данных видео шутках предлагается выход из подобной ситуации: молодой человек пользуется различными приспособлениями (стул, стремянка), чтобы снивелировать

разницу в росте. В то же время важно отметить, что данные видео часто пересекаются с фотомемами (на меме изображение парней высокого и низкого роста, внизу текст: «Как быть выше всего этого, если твой рост 160 см? Встать на тумбочку»). В целом, данное замечание подтверждается рядом исследований, так, в исследовании S. Griffiths и его коллег [17] было выявлено, что 11 % участников подвергались хайетизму (heightism — дискриминационное отношение из-за роста), при этом такой ответ давали низкорослые мужчины. Авторы также отмечают, что эталонный рост мужчины в представлении мужчин составляет 182 см, и уже при росте меньше 178 см мужчины испытывают дискомфорт. Это подтверждается мемом, где мужчины ниже 178 см изображены как карлики, в то время как 180 см не помещаются в картинку (в кадре только ноги). S. Griffiths и его коллеги указывают на то, что данный аспект является результатом «адаптивного эволюционного давления, согласно данной теории, убеждение, что в паре "выше должен быть мужчина", отражает половой диморфизм, при котором высокие мужчины имеют больше шансов на репродуктивный успех» [17]. Подобное сравнение мужчины в тех ситуациях, когда он ниже своей партнерши, с «уродливым огром» или «карликом» подчеркивает глубокую архаическую укорененность данного стереотипа («Скажите уже Макрону (президент Франции — прим. автора), что иметь маленький рост и жену старше себя — еще не значит быть Наполеоном!»). К тому же, есть группа мемов, в которых показаны «трудности» девушек с маленьким ростом, когда их партнер значимо выше (вешает зеркало слишком высоко, прячет вещи на верхние полки и т. д.), а также когда девушка не может «докричаться» до высокого партнера. Таким образом, можно говорить о том, что высмеивается разница в росте романтических партнеров, однако акцент делается на высоком не мужчине, а женщине, как и с лишним весом мужчина является контрастом для подчеркивания женских недостатков.

Еще одна категория мемов, в которых высмеивается непривлекательный внешний облик в целом («Вышла в пятницу на улицу — подумала в Спарту попала!! — Почему?? — Пропасть некрасивых мальчиков!», «Не зли меня, я страшен в гневе! — Да ты и так не особо!»; «Никогда не деритесь с некрасивыми, им терять нечего»), а также минимальный уход за своей внешностью («Бьюти-советы для мужчин: помойся, побрейся, оденься в чистое, ты неотразим!»; «Мужики как легли спать красивыми, так красивыми и просыпаются. А женщины как-то портятся за ночь…» — обратная шутка, однако также используется образ мужчины). В целом это указывает на распространенный в российском обществе стереотип о том, что уход за своей внешностью — женская прерогатива, ярким примером является шутка: «Девушка перед свиданием: помылась, помыла голову, сделала укладку, побрила ноги, накрасилась, красиво оделась. Мужчина перед свиданием (на фото рассматривает подмышку), текст: Вроде не воняю, я готов!». Однако также есть шутки от лица мужчин с элементом самоиронии: «Ребят, бывало у вас такое, что включаете фронтальную камеру и настроение испорчено на весь день?».

Также, говоря об особенностях внешнего облика, необходимо выделить ряд шуток, высмеивающих облысение у мужчин («Никогда не понимала моды на такие прически у мужчин, зачем они верх сбривают?»; «Имейте в виду, мужики, женщина может похудеть. А вы что с лысиной будете делать?»), при этом лысина, как отмечают Т.А. Воронцова и А.Г. Артамонова [1], является одним из основных критериев оценки возраста для мужчины. В целом проявление темы облысения в отдельную категорию мемов подчеркивает его роль как одного из значимых факторов, влияющих на формирование мужской тревоги о возрастных изменениях, а также потери «здоровья и мужественности». Это также подчеркивается «советами» как избавиться от лысины (в

том числе комикс, где мужчина намазывает голову медом, ждет, когда сядут мухи, потом хлопает в ладоши — мухи улетают, а прилипшие лапки мух создают иллюзию волос). Однако, надо отметить, что в данную группу мемов также включены две шутки, которые, наоборот, подчеркивают уникальность лысых мужчин сравнивая их с известным актером Вин Дизелем.

Обсуждение результатов.

Анализ юмористических постов, направленных на высмеивание внешнего облика человека, позволил выявить ряд важных закономерностей и сформулировать выводы.

Во-первых, мужчины значительно реже становятся объектами юмора, высмеивающего внешний облик. Как справедливо отмечает Н.В. Захарова [5], «женские образы не просто отражают реальность под специфическим углом зрения, они сформированы под влиянием господствующих в обществе идеологических установок», с другой стороны, В.М. Бызова отмечает, что «мужчины в отношении к собственному телу ориентированы на внешнюю привлекательность не меньше, чем женщины, и переживают по поводу своего телесного несовершенства» [3, с. 79]. Это указывает на наличие стереотипа, который на практике подтверждается только частично.

Во-вторых, чаще всего триггером шутки, объектом которой является мужчина, выступают такие физические характеристики, как: небольшой рост (или рост меньше, чем у девушки), облысение, общая непривлекательность и неатлетичное телосложение (слишком худое или слишком полное). Что соотносится с результатами исследования Е.А. Макаровой и ее коллег [8], в котором отмечается, что у мужчин общая неудовлетворенность проявляется по отношению к таким частям тела, как: зубы, качество волос на голове (т. е. лысина), волосам на теле, животу и весу. Также в работе B. O'Gorman и ее коллег рассматривается роль мужественности внешнего облика мужчины, которая является важнейшим показателем социальной ценности мужчины во всех современных культурах, а такие физические особенности, как: рост и мускулистость, служат визуальными сигналами о доминировании мужчины и, следовательно, его мужественности [18]. Более того, считается, что высокий рост у мужчин является уникальной физической характеристикой, позволяющей окружающим судить о маскулинности человека. В связи с этим можно предполагать, что шутки, высмеивающие неатлетичность и низкий рост, будут оцениваться мужчинами как «болезненные».

Выводы.

Однако важно подчеркнуть, что проанализированные нами шутки часто акцентируют внимание на сравнительном анализе, подчеркивая различия между мужскими и женскими стандартами красоты. Например, шутки о маленьком росте мужчины зачастую содержат сравнение с высоким ростом девушки (а также наоборот), а худой мужчина показан на фоне женщины «в теле», что создает дополнительный смысл, связанный с восприятием, в том числе женской привлекательности / непривлекательности. При этом также существует стереотипное суждение, что для маскулинной идентичности характерна стратегия «демонстративного пренебрежения» эстетическими стандартами. Комический эффект строится на контрасте между сложностью женских бьюти-процедур и гипертрофированным мужским минимализмом (примером может служить шутка, где сперва показан неопрятный мужчина, который после душа становится красивым, в то время как девушка до душа красивая, а после душа и удаления косметики становится непривлекательной).

Исходя из всего вышесказанного, мы можем говорить о том, что юмористическое обращение к таким вопросам, как: внешний облик мужчины и его привлекательность, могут служить своеобразным индикатором сложных процессов взаимодействия полов и демонстрирует скрытые структуры власти и влияния, действующие в рамках массовой культуры. Юмор выступает механизмом поддержания традиционной гендерной идентичности, где физические параметры мужчины оцениваются через призму его здоровья (атлетичности и роста) и молодости, а любые отклонения от них подвергаются осмеянию как признаки маскулинной недостаточности.

Наш анализ подтверждает наличие определенных требований к внешности представителей обоих полов, однако уровень давления на мужчин существенно ниже, чем на женщин, что выражается как в модальности шуток, так и в их количестве. Также в качестве возможной перспективы исследования мы видим вопрос изучения чувствительности мужчин к подобным шуткам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонова А.Г. Особенности конструирования воспринимаемого возраста у представителей этнокультурных групп, отличающихся типом внешнего облика / А. Г. Артамонова, Т. А. Воронцова // Психология и психотехника. — 2023. — № 3. — С. 108–132. — DOI 10.7256/2454-0722.2023.3.43902. — EDN XOLBSE.
2. Белогай К.Н. Социокультурная модель становления образа тела / К.Н. Белогай // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. — 2018. — Т. 25. — С. 14–25. — DOI 10.26516/2304-1226.2018.25.14. — EDN YBMLTV.
3. Бызова В.М. Психология телесности: личностный подход / В.М. Бызова. — Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2020. — 102 с. — ISBN 978-5-98620-437-6. — EDN BVORBR.
4. Дашкова Т. «Расскажи мне, бабушка, сказку про стиляг»: контексты представления моды в журнале «Крокодил» 1950–1960-х годов / Т. Дашкова // Теория моды: одежда, тело, культура. — 2021. — № 2(60). — С. 313–334. — EDN QCEUYF.
5. Захарова Н.В. Визуальные женские образы: опыт исследования советской визуальной культуры : автореф. дис. … канд. социол. наук : спец. 22.00.06 «Социология культуры» / Н.В. Захарова. — Москва, 2005. — 18 с. — EDN ZMYFQR.
6. Лаврова Ю. От блондинки про блондинок. Анекдоты про блондинок самые смешные / Ю. Лаврова. — Екатеринбург: Издательские решения, 2017. — 31 с.
7. Люлевич И.Ю. Новые коммуникативные практики в спортивном медиапространстве / И.Ю. Люлевич, Д.В. Дзигуа // Коммуникативное пространство современного спорта: социокультурное измерение: монография. — Москва: Московский городской педагогический университет, 2023. — С. 169–201. — EDN EKFXHE.
8. Макарова Е.А. Анализ психологической взаимосвязи социальных идеалов внешности и неудовлетворенности собственным телом: гендерный аспект / Е.А. Макарова, И.А. Тищенко, В.Ю. Куренкова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — № 3(141). — DOI 10.23670/IRJ.2024.141.56. — EDN VAYYEM.
9. Мельничук О.А. Ну, бодипозитив так бодипозитив: репрезентация образа «фигура человека» в интернет-мемах / О.А. Мельничук, А.Н. Яковлева // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. — 2020. — № 1–2. — С. 63–70. — EDN ATZFYU.
10. Погонцева Д.В. Шутки про внешний облик в соцсетях: к вопросу классификации / Д.В. Погонцева // Мир науки. Педагогика и психология. — 2024. — Т. 12. — № 1. — EDN AEMXEP.
11. Погонцева Д.В. Шутки про пищевое поведение: отношение к полноте и пропаганда орторексии / Д.В. Погонцева // International Journal of Medicine and Psychology. — 2025. — Т. 8. — № 5. — С. 265–271. — EDN DBSGMR.
12. Сахно И. Жирное тело и мерцающие смыслы: критические и художественные практики / И. Сахно // Теория моды: одежда, тело, культура. — 2024. — № 1(71). — С. 49–66. — EDN ZYNZNG.
13. Abel M. & Flick J. (2012). Mediation and moderation in ratings of hostile jokes by men and women. *Humor*, *25*(1), 41–58. https://doi.org/10.1515/humor-2012-0003
14. Austen E., Bonell S., Griffiths S. Fat is feminine: A qualitative study of how weight stigma is constructed among sexual minority men who use Grindr // Body Image, 42, 2022, p. 160-172. https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2022.06.005

15. Baker A., Blanchard C. The effects of female “Thin Ideal” media on men’s appearance schema, cognitive performance, and self-evaluations: A self-determination theory approach // Body Image, 22, 2017, p. 103-113/ https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2017.06.006
16. Burnette C. B., Kwitowski M. A., Mazzeo S. E. “I don’t need people to tell me I’m pretty on social media:” A qualitative study of social media and body image in early adolescent girls // Body Image, vol. 23, 2017, p. 114-125, https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2017.09.001
17. Griffiths S., Murray S.B., Medeiros A., Blashill A.J. The tall and the short of it: An investigation of height ideals, height preferences, height dissatisfaction, heightism, and height-related quality of life impairment among sexual minority men // Body Image, vol. 23, 2017, p.146-154, https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2017.10.001
18. O’Gorman B., Sheffield J., Griffiths S. Does masculinity moderate the relationship of height with height dissatisfaction? Findings from an Internet forum for short statured men // Body Image, 31, 2019, p.112-119. https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2019.09.002
19. Selensky J. C., Carels R.A. Weight stigma and media: An examination of the effect of advertising campaigns on weight bias, internalized weight bias, self-esteem, body image, and affect. Body Image, 36, 2021, p.95-106, https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2020.10.008.
20. Setiawan B., Linguistic analysis: humorous english erotic jokes in an Instagram account // Crises on Languages and Literature, vol.2, 2025. P. 83-92. https://doi.org/10.1051/shsconf/20208801010

REFERENCES

1. Artamonova A.G., & Vorontsova, T.A. (2023). Osobennosti konstruirovaniya vosprinimayemogo vozrasta u predstaviteley etnokul'turnykh grupp, otlichayushchikhsya tipom vneshnego oblika [Features of constructing perceived age among representatives of ethnocultural groups with different types of appearance]. Psikhologiya i psikhotekhnika [Psychology and Psychotechnics], (3), 108-132. https://doi.org/10.7256/2454-0722.2023.3.43902 (in Russian)
2. Belogay K. N. (2018). Sotsiokul'turnaya model' stanovleniya obraza tela [Sociocultural model of Development of the Body Image]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology], 25, 14-25. https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.25.14 (in Russian)
3. Byzova V.M. (2020). Psikhologiya telesnosti: lichnostnyy podkhod [Psychology of embodiment: a personal approach]. Saint Petersburg: OOO "Skifiya-print". (in Russian)
4. Dashkova T. (2021). "Rasskazhi mne, babushka, skazku pro stilyag": konteksty predstavleniya mody v zhurnale "Krokodil" 1950-1960-kh godov ["Tell me a fairy tale about stilyagi, grandma": contexts of fashion representation in the "Krokodil" magazine of the 1950s-1960s]. Teoriya mody: odezhda, telo, kul'tura [Fashion Theory: Clothing, Body, Culture], (2), 313-334. (in Russian)
5. Zakharova N.V. (2005). Vizual'nyye zhenskiye obrazy: opyt issledovaniya sovetskoy vizual'noy kul'tury [Visual female images: the experience of studying Soviet visual culture] (Extended abstract of Candidate's thesis, Sociology). Moscow. (in Russian)
6. Lavrova Yu. (2017). Ot blondinki pro blondinok. Anekdoty pro blondinok samyye smeshnyye [From a blonde about blondes. The funniest jokes about blondes]. Izdatel'skiye resheniya. (in Russian)
7. Lyulevich I.Yu., & Dzigua, D.V. (2023). Novyye kommunikativnyye praktiki v sportivnom mediaprostranstve [New communicative practices in the sports media space]. In Kommunikativnoye prostranstvo sovremennogo sporta: sotsiokul'turnoye izmereniye [Communicative space of modern sports: a sociocultural dimension] (pp. 169-201). Moscow: Moscow City University. (in Russian)
8. Makarova E.A., Tishchenko, I.A., & Kurenkova, V.Yu. (2024). Analiz psikhologicheskoy vzaimosvyazi sotsial'nykh idealov vneshnosti i neudovletvorennosti sobstvennym telom: gendernyy aspekt [An analysis of the psychological relationship between social ideals of appearance and body dissatisfaction with one's own body: gender aspect]. Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal [International Research Journal], (3). https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.141.56 (in Russian)
9. Melnichuk O.A., & Yakovleva, A.N. (2020). Nu, bodipozitiv tak bodipozitiv: reprezentatsiya obraza "figura cheloveka" v internet-memakh [Well, body positivity it is: human body shape image representation in internet memes]. Yazyk i kul'tura v epokhu integratsii nauchnogo znaniya i professionalizatsii obrazovaniya [Language and Culture in the Era of Scientific Knowledge Integration and Professionalization of Education], (1-2), 63-70. (in Russian)
10. Pogontseva D.V. (2024). Shutki pro vneshniy oblik v sotssetyakh: k voprosu klassifikatsii [Jokes about appearance on social networks: on the issue of classification]. Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya [World of Science. Pedagogy and Psychology], 12(1). (in Russian)

11. Pogontseva D.V. (2025). Shutki pro pishchevoye povedeniye: otnosheniye k polnote i propaganda ortoreksii [okes about eating behavior: attitudes towards obesity and propaganda of orthorexia]. International Journal of Medicine and Psychology, 8(5), 265-271. (in Russian)
12. Sakhno I. (2024). Zhirnoye telo i mertsayushchiye smysly: kriticheskiye i khudozhestvennyye praktiki [The fat body and shimmering meanings: critical and artistic practices]. Teoriya mody: odezhda, telo, kul'tura [Fashion Theory: Clothing, Body, Culture], (1), 49-66. (in Russian)
13. Abel M. & Flick J. (2012). Mediation and moderation in ratings of hostile jokes by men and women. Humor, 25(1), 41-58. https://doi.org/10.1515/humor-2012-0003 . (In English)
14. Austen E., Bonell S., Griffiths S. Fat is feminine: (2022) A qualitative study of how weight stigma is constructed among sexual minority men who use Grindr. Body Image, 42, p. 160-172. https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2022.06.005 . (In English)
15. Baker A., Blanchard C. (2017) The effects of female “Thin Ideal” media on men’s appearance schema, cognitive performance, and self-evaluations: A self-determination theory approach. Body Image, 22, p. 103-113/ https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2017.06.006 . (In English)
16. Burnette C. B., Kwitowski M. A., Mazzeo S. E. (2017)“I don’t need people to tell me I’m pretty on social media:” A qualitative study of social media and body image in early adolescent girls. Body Image, vol. 23, p. 114-125, https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2017.09.001 (In English)
17. Griffiths S., Murray S.B., Medeiros A., Blashill A.J. (2017)The tall and the short of it: An investigation of height ideals, height preferences, height dissatisfaction, heightism, and height-related quality of life impairment among sexual minority men. Body Image, vol. 23, p.146-154, https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2017.10.001 . (In English)
18. O’Gorman B., Sheffield J., Griffiths S. (2019) Does masculinity moderate the relationship of height with height dissatisfaction? Findings from an Internet forum for short statured men. Body Image, 31, p.112-119. https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2019.09.002 . (In English)
19. Selensky J. C., Carels R.A. (2021) Weight stigma and media: An examination of the effect of advertising campaigns on weight bias, internalized weight bias, self-esteem, body image, and affect. Body Image, 36, p.95-106, https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2020.10.008. (In English)
20. Setiawan B. (2025) Linguistic analysis: humorous english erotic jokes in an Instagram account. Crises on Languages and Literature, vol.2, P. 83-92. https://doi.org/10.1051/shsconf/20208801010. (In English)

Поступила в редакцию 21.03.2026 г.

IMAGE OF MAN IN INTERNET MEMES MOCKING APPEARANCE

D.V. Pogontseva

This study deals with representation of men in contemporary humorous internet memes that target physical attributes, such as body weight, height, and physical attractiveness. With the help of content analysis of 550 memes posted between 2021 and 2025, this research determines the quantitative and qualitative distribution of these humour categories. The findings indicate that men are rarely the primary targets of appearance-related mockery, aligning with previous research that identifies women as the primary subjects of socio-cultural body image construction. However, when men are targeted, the mockery predominantly focuses on specific physical traits, including short stature, baldness, low physical attractiveness, excessive thinness, and excess body weight. The contemporary stereotypes and cultural representations concerning male physical attractiveness are ultimately highlighted.

Keywords: man, humour, appearance, attractiveness, excess weight.

Погонцева Дарья Викторовна.
Кандидат психологический наук, доцент.
Южный федеральный университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону.
Доцент Академии психологии и педагогики.

ORCID 0000-0002-3537-9845.
Email: pogoncevadv@sfedu.ru

Pogontseva Daria Victorovna
Candidate of Psychology, Associate Professor.
Southern Federal University, Russian Federation, Rostov-on-Don.
Associate Professor of Academy of Psychology and Educational Sciences.
ORCID 0000-0002-3537-9845.
Email: pogoncevadv@sfedu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 316.6
DOI: 10.5281/zenodo.22973237

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ И СТРАТЕГИИ СОВЛАДАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ Г. БЕЛГОРОДА) В УСЛОВИЯХ ХРОНИЧЕСКОЙ СТРЕССОГЕННОЙ СИТУАЦИИ

© 2026 *Н.М. Шайхутдинов*
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
ORCID 0009-0006-7713-7277

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Жители приграничных регионов, в частности г. Белгорода, более четырех лет находятся в условиях хронической стрессогенной ситуации, не имеющей аналогов в современной мирной жизни. Цель — выявить особенности социально-психологической адаптации и доминирующие стратегии совладания у жителей г. Белгорода. Материалы и методы. Выборка — 578 респондентов (18–75 лет). Методики: PSM-25, WCQ, HADS, PTGI, SWLS, авторская анкета. Применены регрессионный, факторный и кластерный анализ. Результаты. Выявлен «парадокс прифронтовой адаптации»: при высоком уровне тревоги (62,3% выше нормы) и стрессе (44,9% — клинически значимый уровень) население сохраняет повседневную ктивность. Доминирующие копинг-стратегии — планирование решения проблемы, поиск социальной поддержки, самоконтроль. У 78,2% респондентов зафиксирован посттравматический рост. Выделены три типа адаптационного реагирования: дезадаптивный (37,0%), адаптивный с посттравматическим ростом (42,9%), пограничный (20,1%). Выводы. Проживание в хронической стрессогенной ситуации формирует специфический адаптационный профиль. Обоснована необходимость дифференцированных программ психологической поддержки.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, стратегии совладания, хронический стресс, посттравматический рост, приграничный регион, психологическая устойчивость.

Для цитирования: Шайхутдинов Н.М. Социально-психологическая адаптация и стратегии совладания жителей приграничного региона (на примере г. Белгорода) в условиях хронической стрессогенной ситуации/ Н.М. Шайхутдинов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 323–334. — https://doi.org/

Введение. Современная геополитическая ситуация, сложившаяся после 24 февраля 2022 года, поставила миллионы граждан России перед необходимостью адаптироваться к принципиально новым условиям существования. Особую категорию составляют жители приграничных регионов, в частности города Белгорода, который на протяжении длительного времени подвергается регулярным обстрелам и находится в состоянии перманентной опасности [2]. К началу 2026 года регион находится в состоянии хронической угрозы более трех лет, что не имеет аналогов в современной европейской истории мирного времени.

Проживание в условиях хронического стресса, связанного с угрозой жизни, нарушением привычного уклада, гибелью близких, вынужденной эвакуацией и экономической нестабильностью, предъявляет экстремальные требования к адаптационным ресурсам личности [7]. Психологическая наука сталкивается с

необходимостью осмысления новых феноменов — «цивилизационной травмы», «военного невроза мирного населения», «адаптации к прифронтовой повседневности» [3].

Цель исследования — выявить особенности социально-психологической адаптации и определить доминирующие стратегии совладания у жителей г. Белгорода в условиях хронической стрессогенной ситуации на репрезентативной выборке.

Методы и организация исследования. Исследование проводилось в период с сентября 2025 г. по февраль 2026 г. на базе Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова при организационной поддержке Департамента здравоохранения Белгородской области и Управления социальной защиты населения г. Белгорода. В исследовании приняли участие 578 жителей г. Белгорода (312 женщин, 266 мужчин) в возрасте от 18 до 75 лет (средний возраст — 41,2±12,8 года). Выборка формировалась методом стратифицированного случайного отбора с учетом половозрастной структуры населения города (на основе данных Белгородстата за 2025 год). Распределение по возрастным группам: 18–25 лет — 12,5% (n=72), 26–35 лет — 24,2% (n=140), 36–45 лет — 28,4% (n=164), 46–55 лет — 21,1% (n=122), 56–75 лет — 13,8% (n=80). Распределение по образованию: высшее — 48,6% (n=281), среднее специальное — 34,4% (n=199), среднее — 17,0% (n=98). Критерии включения в выборку: постоянное проживание в г. Белгороде в период с 24.02.2022 по настоящее время; отсутствие диагностированных тяжелых психических заболеваний в анамнезе; добровольное информированное согласие на участие.

В исследовании были использованы следующие опросники и тесты:

1. Шкала психологического стресса PSM-25 (Лемура–Тесье–Филлион) в адаптации Н.Е. Водопьяновой — для измерения феноменологической структуры переживаний стресса [4].

2. Опросник «Способы совладающего поведения» (WCQ) Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой — для диагностики доминирующих копинг-стратегий [6].

3. Госпитальная шкала тревоги и депрессии HADS (A.S. Zigmond, R.P. Snaith) в русскоязычной версии, апробированной в клинических исследованиях [1], для скрининговой оценки уровня тревоги и депрессии [1; 16].

4. Опросник посттравматического роста (PTGI) Р. Тедески и Л. Калхуна в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова — для выявления позитивных личностных изменений вследствие преодоления кризисных ситуаций [7].

5. Шкала удовлетворенности жизнью (SWLS) Э. Динера в адаптации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева — для оценки когнитивного компонента субъективного благополучия [8; 12].

6. Авторская анкета для сбора социально-демографических данных и субъективной оценки уровня безопасности (10-балльная шкала), включающая также вопросы о травматическом опыте (потеря близких, ранения, повреждение жилья, эвакуация).

Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета IBM SPSS Statistics 27 и R 4.3.1. Категориальные переменные (пол, образование, семейное положение, наличие детей) были преобразованы в фиктивные (dummy) переменные перед включением в регрессионную модель. Возраст, количество травматических событий и баллы по копинг-стратегиям рассматривались как непрерывные переменные. Применялись методы описательной статистики, сравнительный анализ (t-критерий Стьюдента для независимых выборок, однофакторный дисперсионный анализ ANOVA), корреляционный анализ (r-Пирсона, r-Спирмена), множественный

регрессионный анализ, факторный анализ (метод главных компонент с варимакс-вращением), кластерный анализ (метод k-средних).

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ результатов по методике PSM-25 показал, что средний уровень психологического стресса в выборке составляет 99,7±14,2 балла, что соответствует повышенному уровню стресса (верхняя граница умеренного / нижняя граница высокого по классификации Н.Е. Водопьяновой). Распределение респондентов по уровням стресса представлено в таблице 1.

Таблица 1. Распределение респондентов по уровням психологического стресса (PSM-25)

Уровень стресса	Диапазон баллов	Количество респондентов	Процент
Низкий	Менее 75	87	15,1%
Умеренный	75–99	231	40,0%
Повышенный	100–124	198	34,2%
Высокий	125 и более	62	10,7%

Как видно из таблицы, 44,9% респондентов (сумма повышенного и высокого уровней) испытывают клинически значимый стресс, требующий психологической коррекции. При этом лишь 15,1% демонстрируют низкий уровень стресса, что значительно ниже популяционных норм (в среднем по России 25–30%) [9].

Данные по шкале HADS выявили следующую картину (таблица 2).

Таблица 2. Уровни тревоги и депрессии (HADS)

Уровень	Тревога (HADS-A)		Депрессия (HADS-D)	
	n	%	n	%
Норма (0-7)	218	37,7	307	53,1
Субклинический (8-10)	201	34,8	168	29,1
Клинический (11 и более)	159	27,5	103	17,8

Обращает на себя внимание, что клинически выраженная тревога присутствует у 27,5% опрошенных, что более чем в 2 раза превышает среднероссийские показатели (10–12% по данным эпидемиологических исследований). Депрессивная симптоматика клинического уровня выявлена у 17,8% респондентов.

Сочетанная патология (одновременное превышение пороговых значений по тревоге и депрессии) зафиксирована у 142 человек (24,6%), что подтверждает данные о коморбидности тревожных и депрессивных расстройств при хроническом стрессе [10].

Субъективная оценка уровня безопасности по 10-балльной шкале (где 0 — «совершенно небезопасно», 10 — «полностью безопасно») составила в среднем 3,4±1,9 балла, что отражает критически низкое восприятие безопасности. При этом интересно отметить, что 68,5% респондентов продолжают работать в обычном режиме, а 72,3% — ведут привычный образ жизни с незначительными ограничениями, что свидетельствует о действии механизмов психологической компенсации и адаптации.

Травматический опыт респондентов распределился следующим образом:

1. Лично пережили обстрелы в опасной близости — 48,3% (n=279);
2. Имеют поврежденное жилье — 31,5% (n=182);
3. Потеряли близких родственников/друзей — 22,8% (n=132);
4. Были вынуждены эвакуироваться (временно) — 41,7% (n=241);
5. Имеют ранения или контузии — 4,8% (n=28).

Анализ результатов по опроснику WCQ позволил выявить иерархию предпочитаемых копинг-стратегий у жителей приграничного региона. Средние значения по субшкалам представлены в таблице 3.

Таблица 3. Выраженность копинг-стратегий у жителей г. Белгорода (WCQ)

Копинг-стратегия	Среднее значение (баллы)	Стандартное отклонение	Среднее значение (общее)
Планирование решения проблемы	13,2	2,8	68,4 ± 7,2
Поиск социальной поддержки	12,8	3,1	65,7 ± 8,1
Самоконтроль	11,9	2,6	61,2 ± 6,9
Положительная переоценка	11,4	2,9	58,6 ± 7,5
Принятие ответственности	10,8	2,5	56,3 ± 6,8
Конфронтативный копинг	10,2	2,7	54,1 ± 7,3
Дистанцирование	9,5	2,9	51,5 ± 8,7
Бегство-избегание	8,8	3,2	48,3 ± 9,4

Доминирующими стратегиями (со средними значениями выше 60 Т-баллов) оказались:

1. Планирование решения проблемы — 68,4±7,2 Т-баллов. Это свидетельствует о том, что респонденты склонны к активному анализу ситуации и разработке конкретных шагов по повышению собственной безопасности (укрепление жилья, создание запасов, обучение действиям при ЧС, мониторинг официальной информации).

2. Поиск социальной поддержки — 65,7±8,1 Т-баллов. Высокий уровень обращений за помощью к близким, соседям, волонтерским организациям отражает действие коллективных защитных механизмов и феномен «общинной устойчивости» [11].

3. Самоконтроль — 61,2±6,9 Т-баллов. Респонденты демонстрируют способность регулировать собственные эмоциональные реакции и сдерживать импульсивное поведение.

Наименее выраженными оказались стратегии бегства-избегания (48,3±9,4 Т-баллов) и дистанцирования (51,5±8,7 Т-баллов), что указывает на неприемлемость пассивных стратегий в условиях реальной, а не воображаемой угрозы. Это важное отличие от реакций на травму в посттравматических периодах, где избегание часто доминирует [13].

Гендерные различия в выборе копинг-стратегий (таблица 4) оказались статистически значимыми по ряду параметров.

Таблица 4. Гендерные различия в копинг-стратегиях (t-критерий)

Копинг-стратегия	Мужчины (n=266)	Женщины (n=312)	t	p
Поиск социальной поддержки	62,1 ± 8,3	68,2 ± 7,5	4,12	<0,001
Самоконтроль	63,4 ± 6,7	59,2 ± 6,8	3,85	<0,001
Бегство-избегание	46,2 ± 8,9	50,1 ± 9,6	2,94	<0,01

Женщины достоверно чаще обращаются за социальной поддержкой, но также чаще используют избегание. Мужчины в большей степени полагаются на самоконтроль

и подавление эмоций, что может быть фактором риска отсроченных психосоматических нарушений.

Возрастная динамика копинг-стратегий (однофакторный ANOVA) показала, что молодые респонденты (18–35 лет) чаще используют конфронтативный копинг и планирование, тогда как старшая возрастная группа (56–75 лет) — дистанцирование и положительную переоценку ($F=4,56$; $p<0,01$).

Применение опросника PTGI позволило выявить феномен посттравматического роста — позитивных личностных изменений, происходящих в результате преодоления экстремальных обстоятельств. Средний суммарный балл по PTGI составил 56,8±12,4, что соответствует среднему уровню посттравматического роста по российской нормативной шкале.

Распределение по уровням посттравматического роста:

1. Низкий уровень (менее 45 баллов) — 21,8% (n=126);
2. Средний уровень (45–69 баллов) — 52,1% (n=301);
3. Высокий уровень (70 баллов и более) — 26,1% (n=151).

Таким образом, 78,2% респондентов демонстрируют средний и высокий уровни посттравматического роста, что свидетельствует о наличии позитивных личностных изменений, несмотря на (или благодаря) пережитому стрессу. Показатели по субшкалам PTGI представлены в таблице 5.

Таблица 5. Показатели посттравматического роста (PTGI)

Субшкала PTGI	Среднее значение	Стандартное отклонение	Max балл
Отношение к другим	13,5	3,0	25
Новые возможности	9,1	2,8	25
Личностная сила	13,8	3,4	20
Духовные изменения	6,2	2,1	15
Ценность жизни	14,2	3,1	20
Общий балл	56,8	12,4	105

Наибольшие показатели зафиксированы по шкалам «Ценность жизни» (14,2±3,1) и «Личностная сила» (13,8±3,4). Респонденты отмечают, что стали больше ценить каждый день, изменилось отношение к жизни, они ощущают себя более сильными и компетентными в преодолении трудностей.

Наименьшие показатели — по шкале «Новые возможности» (9,1±2,8), что связано с объективными ограничениями прифронтового региона (сужение горизонтов планирования, невозможность долгосрочных проектов, ограничения в путешествиях и т.д.).

Для выявления взаимосвязей между психоэмоциональным состоянием, копинг-стратегиями и посттравматическим ростом проведен корреляционный анализ (r-Пирсона). Наиболее значимые корреляции представлены в таблице 6.

Таблица 6. Значимые корреляционные связи между показателями

Связанные переменные	Коэффициент корреляции (r)	Уровень значимости (p)
Стресс (PSM-25) — Тревога	0,72	<0,001
Стресс (PSM-25) — Депрессия	0,63	<0,001
Тревога — Бегство-избегание	0,58	<0,001
Планирование решения — Субъективная безопасность	0,51	<0,001
Поиск социальной поддержки	0,49	<0,001

— Посттравматический рост Личностная сила (PTGI)	-0,64	<0,001
Конфронтативный копинг — Стресс	0,42	<0,01
Самоконтроль — Субъективная безопасность	0,38	<0,01
Количество травматических событий — Стресс	0,54	<0,001
Возраст — Посттравматический рост	-0,31	<0,05

Анализ корреляционной матрицы позволяет сделать ряд важных выводов:

Выявлена сильная положительная связь между уровнем стресса и показателями тревоги (r=0,72) и депрессии (r=0,63), что подтверждает валидность использованных методик и отражает реальную психоэмоциональную напряженность населения. Стратегия бегства-избегания положительно коррелирует с тревогой (r=0,58), то есть чем чаще человек пытается «уйти» от пугающей реальности, тем выше уровень его тревожности. Это указывает на дезадаптивный характер данной стратегии в условиях хронической угрозы.

Планирование решения проблемы связано с более высокой субъективной оценкой безопасности (r=0,51). Активные действия по обеспечению собственной защиты (информационная подготовка, материально-техническое укрепление) повышают чувство контроля и снижают неопределенность.

Поиск социальной поддержки положительно связан с посттравматическим ростом (r=0,49). Совместное переживание травмы, взаимопомощь и солидарность выступают ресурсом не только для совладания, но и для личностного развития [14].

Высокий уровень личностной силы (ощущение собственной компетентности и устойчивости) отрицательно коррелирует с депрессией (r=-0,64), выступая защитным фактором против развития депрессивной симптоматики [5].

Конфронтативный копинг (агрессивные усилия по изменению ситуации) положительно связан со стрессом (r=0,42), что может указывать как на то, что стресс провоцирует конфронтацию, так и на то, что конфронтация сама по себе повышает уровень стресса (вероятно, двунаправленная связь).

Количество травматических событий (обстрелы, потери, эвакуация) закономерно коррелирует с уровнем стресса (r=0,54) — чем больше травматического опыта, тем выше психоэмоциональное напряжение.

Для определения вклада различных факторов в уровень психологического стресса был проведен множественный регрессионный анализ (метод пошагового включения). В качестве зависимой переменной выступал суммарный балл по PSM-25. Независимые переменные: пол, возраст, образование, семейное положение, наличие детей, количество травматических событий, копинг-стратегии (8 субшкал), посттравматический рост, уровень социальной поддержки (субъективная оценка). Итоговая регрессионная модель ($R^2 = 0,48$; $F=28,6$; $p<0,001$) представлена в таблице 7.

Таблица 7. Регрессионная модель предикторов психологического стресса (PSM-25)

Предиктор	β (стандартизованный)	t	p
Травматические события	0,38	7,24	<0,001
Бегство-избегание	0,31	5,98	<0,001
Поиск социальной поддержки	-0,24	-4,56	<0,001
Планирование решения	-0,22	-4,12	<0,001
Личностная сила (PTGI)	-0,19	-3,87	<0,001

Конфронтативный копинг	0,15	2,94	<0,01
Возраст	0,12	2,45	<0,05

Регрессионная модель показывает, что наибольший вклад в уровень стресса вносят количество пережитых травматических событий (β=0,38) и использование стратегии бегства-избегания (β=0,31). Протективными факторами (снижающими стресс) выступают поиск социальной поддержки (β=-0,24), планирование решения (β=-0,22) и личностная сила как компонент посттравматического роста (β=-0,19).

Для выявления латентной структуры взаимосвязей между изучаемыми переменными проведен факторный анализ (метод главных компонент с варимакс-вращением). В анализ были включены все основные показатели: стресс, тревога, депрессия, 8 копинг-стратегий, 5 субшкал PTGI, субъективная безопасность, количество травматических событий.

Критерий Кайзера-Мейера-Олкина (KMO=0,82) и критерий сферичности Бартлетта (χ^2=1245,6; p<0,001) подтвердили пригодность данных для факторного анализа. Было выделено 4 фактора с собственным значением более 1, объясняющих 67,3% суммарной дисперсии (таблица 8).

Таблица 8. Факторная структура адаптационных ресурсов (после вращения)

Показатель	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Депрессия (HADS-D)	0,82	-0,21	0,15	0,08
Тревога (HADS-A)	0,79	-0,18	0,22	-0,12
Стресс (PSM-25)	0,76	-0,24	0,19	-0,09
Бегство-избегание	0,68	-0,12	-0,08	0,21
Личностная сила (PTGI)	-0,71	0,34	0,12	0,15
Ценность жизни (PTGI)	-0,65	0,28	0,19	0,08
Планирование решения	-0,23	0,81	0,14	0,07
Самоконтроль	-0,18	0,74	0,09	0,21
Субъективная безопасность	-0,31	0,68	0,12	0,15
Поиск социальной поддержки	0,08	0,15	0,84	0,11
Отношение к другим (PTGI)	-0,14	0,12	0,79	0,09
Духовные изменения (PTGI)	0,05	0,08	0,21	0,87

Фактор 1 (28,4% дисперсии) — «Психоэмоциональное неблагополучие / дефицит личностной силы». Высокие нагрузки по тревоге, депрессии, стрессу, избеганию (положительный полюс) и низкие нагрузки по личностной силе и ценности жизни (отрицательный полюс). Фактор описывает состояние дезадаптации и уязвимости.

Фактор 2 (18,7% дисперсии) — «Активный копинг и контроль». Объединяет планирование, самоконтроль и субъективную безопасность. Отражает активно-преобразующую позицию личности.

Фактор 3 (11,2% дисперсии) — «Социальная поддержка и отношения». Включает поиск социальной поддержки и улучшение отношений с другими как аспект посттравматического роста.

Фактор 4 (9,0% дисперсии) — «Экзистенциальные изменения». Объединяет духовные изменения и новые возможности — наиболее глубокие личностные трансформации.

Для выделения типологических групп респондентов по особенностям адаптации проведен кластерный анализ методом k-средних. В качестве переменных кластеризации использовались факторные значения по четырем выделенным факторам. Было протестировано решение от 2 до 6 кластеров; оптимальным признано 3-кластерное решение (наибольшее изменение F-критерия и содержательная интерпретируемость). Характеристики кластеров представлены в таблице 9.

Таблица 9. Характеристика кластеров адаптационного реагирования

Показатель	Кластер 1 (n=214, 37,0%)	Кластер 2 (n=248, 42,9%)	Кластер 3 (n=116, 20,1%)	F	p
Стресс (PSM-25)	112,4 ± 10,2	89,3 ± 9,8	102,1 ± 11,3	24,5	<0,001
Тревога (HADS-A)	10,8 ± 2,1	6,4 ± 1,9	9,2 ± 2,3	18,3	<0,001
Депрессия (HADS-D)	9,1 ± 2,4	4,8 ± 1,7	7,5 ± 2,2	15,7	<0,001
Планирование решения	62,4 ± 6,8	74,2 ± 5,9	65,1 ± 7,2	12,4	<0,001
Поиск социальной поддержки	58,9 ± 7,4	72,1 ± 6,8	63,4 ± 7,9	10,8	<0,001
Бегство-избегание	56,2 ± 8,1	42,3 ± 7,5	48,9 ± 8,4	14,2	<0,001
Посттравматический рост (общий)	48,2 ± 9,8	68,4 ± 10,1	51,3 ± 9,5	22,6	<0,001
Субъективная безопасность	2,8 ± 1,4	4,2 ± 1,6	2,9 ± 1,5	9,4	<0,001

Типология адаптационного реагирования:

1. Кластер 1 — «Дезадаптивный тип» (37,0%). Характеризуется наиболее высокими показателями стресса, тревоги, депрессии, низким посттравматическим ростом и субъективной безопасностью. Преобладают пассивные копинг-стратегии (избегание). Это группа риска, требующая первоочередной психологической помощи.

2. Кластер 2 — «Адаптивный / посттравматический рост» (42,9%). Самый благополучный тип. Отличается низкими показателями стресса и тревоги, высокими — активного копинга, социальной поддержки и посттравматического роста. Представители этого кластера успешно адаптировались к условиям и демонстрируют личностный рост.

3. Кластер 3 — «Пограничный тип» (20,1%). Промежуточное положение: умеренно высокий стресс, тревога, депрессия, средние показатели копинг-стратегий и низкий посттравматический рост. Это «зона неопределенности» — потенциально либо переход к адаптации, либо к дезадаптации при ухудшении ситуации.

Полученные на репрезентативной выборке (N=578) данные позволяют с высокой степенью достоверности охарактеризовать специфику социально-психологической адаптации жителей приграничного региона в условиях хронической стрессогенной ситуации.

Во-первых, выявлен «парадокс прифронтовой адаптации»: при объективно высоком уровне опасности (низкая субъективная безопасность — 3,4 балла, высокий уровень тревоги — у 62,3% выше нормы) население демонстрирует высокую функциональность и сохранность повседневной активности (68,5% работают, 72,3% ведут привычный образ жизни). Это согласуется с концепцией «адаптации к

чрезвычайности», разрабатываемой в экстремальной психологии. Механизмом, обеспечивающим такую адаптацию, выступает «привыкание к опасности» — снижение остроты эмоционального реагирования при сохранении когнитивной оценки риска.

Во-вторых, иерархия копинг-стратегий отражает активно-преобразующую позицию жителей региона. Предпочтение проблемно-ориентированного копинга (68,4 Т-балла) и поиска социальной поддержки (65,7 Т-балла) перед пассивными стратегиями (избегание — 48,3 Т-балла) свидетельствует о сохранении субъектного контроля и коллективных защитных механизмов. Данный паттерн отличается от классических описаний реакций на травму, где часто доминируют избегание и отрицание. Вероятно, длительность воздействия (более 4 лет) и невозможность «уйти» от угрозы (прифронтовое положение) вынуждают вырабатывать активные стратегии совладания.

В-третьих, выявленный феномен посттравматического роста у 78,2% респондентов (средний и высокий уровни) показывает, что экстремальные условия могут выступать катализатором личностного развития. Это соответствует современным представлениям о том, что столкновение с травмой не обязательно ведет к патологии, но может стимулировать переоценку ценностей, укрепление социальных связей и обретение новых смыслов. При этом наиболее выражен рост по параметрам «ценность жизни» и «личностная сила», что отражает специфику именно военной угрозы — осознание хрупкости жизни мобилизует глубинные личностные ресурсы [15].

В-четвертых, гендерный анализ показал, что женщины демонстрируют более высокие показатели тревоги ($p<0,001$) и чаще прибегают к поиску социальной поддержки ($p<0,001$). Мужчины же склонны к самоконтролю и подавлению эмоций, что может быть фактором риска отсроченных психосоматических нарушений. Это требует дифференцированного подхода в психологической помощи.

В-пятых, возрастная динамика показала, что молодые респонденты более оптимистичны и чаще демонстрируют посттравматический рост, тогда как старшая возрастная группа отличается более высокими показателями эмоционального истощения и пессимизма (отрицательная корреляция возраста и PTGI, $r=-0,31$). Вероятно, снижение адаптационных резервов с возрастом и больший накопленный травматический опыт играют здесь роль.

В-шестых, факторный и кластерный анализ позволили выделить три типа адаптационного реагирования: дезадаптивный (37,0%), адаптивный с посттравматическим ростом (42,9%) и пограничный (20,1%). Важно, что доля адаптивного типа оказалась наибольшей, что вселяет определенный оптимизм. Однако наличие трети населения в дезадаптивном кластере требует организации системной психологической помощи.

В-седьмых, регрессионная модель подтвердила, что ключевыми предикторами стресса выступают количество травматических событий и избегание, а протективными факторами — социальная поддержка, активный копинг и личностная сила. Это задает мишени для психологических интервенций.

Выводы. Проживание в условиях хронической стрессогенной ситуации (прифронтовой регион) на протяжении более трех лет приводит к формированию специфического адаптационного профиля, характеризующегося повышенным уровнем тревоги (62,3% выше нормы) и стресса (44,9% клинически значимый уровень) при сохранении общей функциональности и повседневной активности у большинства населения.

Доминирующими стратегиями совладания у жителей г. Белгорода выступают планирование решения проблемы (68,4 Т-балла), поиск социальной поддержки (65,7

Т-балла) и самоконтроль (61,2 Т-балла). Пассивные стратегии (бегство-избегание — 48,3 Т-балла) связаны с более высоким уровнем тревоги (r=0,58) и носят дезадаптивный характер.

У 78,2% респондентов выявлен средний и высокий уровни посттравматического роста, преимущественно по параметрам «ценность жизни» (14,2 балла), «личностная сила» (13,8 балла) и «отношения с другими» (13,5 балла). Это свидетельствует о наличии позитивных личностных изменений, происходящих в процессе преодоления экстремальных обстоятельств.

Установлены значимые корреляционные и регрессионные связи между копинг-стратегиями и психоэмоциональным состоянием: проблемно-ориентированный копинг связан с более высокой субъективной безопасностью (r=0,51; β=-0,22); поиск социальной поддержки — с посттравматическим ростом (r=0,49; β=-0,24); личностная сила выступает защитным фактором против депрессии (r=-0,64; β=-0,19).

Выявлены гендерные и возрастные особенности адаптации: женщины чаще используют социальную поддержку (68,2 vs 62,1; p<0,001), мужчины — самоконтроль (63,4 vs 59,2; p<0,001); молодые респонденты демонстрируют более высокий посттравматический рост, старшие — большее эмоциональное истощение (r=-0,31).

Факторный анализ позволил выделить четыре латентных фактора, описывающих структуру адаптационных ресурсов: «психоэмоциональное неблагополучие» (28,4% дисперсии), «активный копинг» (18,7%), «социальная поддержка» (11,2%), «экзистенциальные изменения» (9,0%).

Кластерный анализ выявил три типа адаптационного реагирования: дезадаптивный (37,0%), адаптивный с посттравматическим ростом (42,9%), пограничный (20,1%). Представители дезадаптивного кластера нуждаются в первоочередной психологической помощи.

Полученные результаты обосновывают необходимость разработки дифференцированных программ психологической поддержки населения приграничных регионов с учетом выделенных типов адаптации, гендерных и возрастных особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрющенко А.В. Сравнительная оценка шкал CES-D, BDI и HADS(D) в диагностике депрессий в общемедицинской практике / Андрющенко А.В., Дробижев М.Ю., Добровольский А.В // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 2003. — № 5. — С. 11–18.
2. Белинская Е.П. Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды. Вестник Кемеровского государственного университета. — 2022. — Т.24(6). — С.760–771.
3. Быховец, Ю.В. Оценка динамики переживания террористической угрозы до и после террористического акта в Крокус Сити Холле. / Быховец Ю.В., Казымова Н.Н. // Клиническая и специальная психология. — 2024. — Т.13(4). — С.167-180.
4. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса / Н.Е. Водопьянова. — СПб.: Питер, 2009. — 329 с.
5. Знаков В.В. Психология понимания мира человека / В.В. Знаков. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. —488 с.
6. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: автореф. дис. … д-ра психол. наук. / Т.Л. Крюкова. — М.: 2005. — 46 с.
7. Магомед-Эминов М. Ш. Экстремальная психология. От психической травмы к психотрансформации / М.Ш. Магомед-Эминов. — М.: Психоаналитическая ассоциация. — 2006. — 576 с.
8. Осин Е.Н. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ / Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — № 1. — С. 117–142.

9. Рассказова Е. И. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE / Рассказова Е. И., Гордеева Т. О., Осин Е. Н. // Психология. Журнал ВШЭ, 2013. — №1. С. 82-118.
10. Холмогорова А.Б. Интегративная психотерапия тревожных и депрессивных расстройств / Холмогорова, А.Б., Гаранян, Н.Г. // Консультативная психология и психотерапия. —1996. — Т.4. — №3
11. Bonanno G.A., Westphal, M. & Mancini, A.D. Resilience to loss and potential trauma. Annual Review of Clinical Psychology. 2011;7:511-535.
12. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction With Life Scale // Journal of Personality Assessment. — 1985. — Vol. 49, No. 1. — P. 71–75.
13. Hobfoll S.E. Conservation of Resources Theory and Traumatic Stress Placed in the Context of Meaning-Making. In: The Routledge International Handbook of Human Significance and Mattering. Routledge, 2025. P. 389-401.
14. Norris F.H., Stevens S.P., Pfefferbaum B., Wyche K.F., Pfefferbaum R.L. Community Resilience as a Metaphor, Theory, Set of Capacities, and Strategy for Disaster Readiness. American Journal of Community Psychology. 2008;41(1-2):127-150.
15. Tedeschi R.G., Shakespeare-Finch, J., Taku, K., & Calhoun, L.G. Posttraumatic Growth: Theory, Research, and Applications. Routledge, 2018. 264 p.
16. Zigmond A.S., Snaith R.P. The Hospital Anxiety and Depression Scale // Acta Psychiatrica Scandinavica. — 1983. — Vol. 67, No. 6. — P. 361–370.

REFERENCES

1. Andryushchenko A.V., Drobizhev M.Yu., Dobrovolsky A.V. Sravnitel'naya ocenka shkal CES-D, BDI i HADS(D) v diagnostike depressij v obshchemedicinskoj praktike [Comparative Evaluation of the CES-D, BDI, and HADS(D) Scales in the Diagnosis of Depression in General Medical Practice] // S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry. — 2003. — No. 5. — Pp. 11–18.
2. Belinskaya E.P. (2022). Sovladanie s trudnostyami v epohu neopredelennosti i global'nyh riskov: osnovnye issledovatel'skie trendy [Coping with difficulties in an era of uncertainty and global risks: main research trends]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Kemerovo State University, 24(6), 760-771. (In Russian).
3. Bykhovets Yu.V. & Kazymova, N.N. (2024). Ocenka dinamiki perezhivaniya terroristicheskoj ugrozy do i posle terroristicheskogo akta v Krakus Siti Holle [Assessment of the dynamics of experiencing a terrorist threat before and after the terrorist attack at Crocus City Hall]. Klinicheskaya i special'naya psihologiya — Clinical and Special Psychology, 13(4), 167-180. (In Russian).
4. Vodopyanova N.E. (2009). Psihodiagnostika stressa [Psychodiagnostics of stress]. Saint Petersburg: Piter Publ. 329 p. (In Russian).
5. Znakov V.V. (2016). Psihologiya ponimaniya mira cheloveka [Psychology of human understanding of the world]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ. 488 p. (In Russian).
6. Kryukova T.L. (2005). Psihologiya sovladayushchego povedeniya v raznye periody zhizni [Psychology of coping behavior in different periods of life]. Extended abstract of Doctoral dissertation in Psychology. Moscow. 46 p. (In Russian).
7. Magomed-Eminov, M.Sh. (2006). Ekstremal'naya psihologiya. Ot psihicheskoj travmy k psihotransformacii [Extreme psychology. From mental trauma to psychotransformation]. Moscow: Psychoanalytic Association Publ. 576 p. (In Russian).
8. Osin E.N., Leontiev D.A. Brief Russian-language diagnostic scales of subjective well-being: psychometric characteristics and comparative analysis // Monitoring public opinion: economic and social changes. — 2020. — No. 1. — pp. 117–142. (In Russian).
9. Rasskazova E.I., Gordeeva, T.O., & Osin, E.N. (2013). Koping-strategii v strukture deyatel'nosti i samoregulyacii: psihometricheskie harakteristiki i vozmozhnosti primeneniya metodik COPE [Coping strategies in the structure of activity and self-regulation: psychometric characteristics and applicability of the COPE inventory]. Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki — Psychology. Journal of the Higher School of Economics, (1), 82–118. (In Russian).
10. Kholmogorova, A.B., & Garanyan, N.G. (1996). Integrativnaya psihoterapiya trevozhnyh i depressivnyh rasstrojstv [Integrative psychotherapy of anxiety and depressive disorders]. Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya — Counseling Psychology and Psychotherapy, 4(3), 7–7. (In Russian).
11. Bonanno, G.A., Westphal, M., & Mancini, A.D. (2011). Resilience to loss and potential trauma. Annual Review of Clinical Psychology, 7, 511–535. (In English).

12. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction With Life Scale // Journal of Personality Assessment. — 1985. — Vol. 49, No. 1. — P. 71–75. (In English).
13. Hobfoll, S.E. (2025). Conservation of Resources Theory and Traumatic Stress Placed in the Context of Meaning-Making. In The Routledge International Handbook of Human Significance and Mattering (pp. 389-401). Routledge. (In English).
14. Norris, F.H., Stevens, S.P., Pfefferbaum, B., Wyche, K.F., & Pfefferbaum, R.L. (2008). Community Resilience as a Metaphor, Theory, Set of Capacities, and Strategy for Disaster Readiness. American Journal of Community Psychology, 41(1-2), 127-150. (In English).
15. Tedeschi, R.G., Shakespeare-Finch, J., Taku, K., & Calhoun, L.G. (2018). Posttraumatic Growth: Theory, Research, and Applications. Routledge. 264 p. (In English).
16. Zigmond A.S., Snaith R.P. The Hospital Anxiety and Depression Scale // Acta Psychiatrica Scandinavica. — 1983. — Vol. 67, No. 6. — P. 361–370. (In English).

Поступила в редакцию 09.03.2026 г.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION AND COPING STRATEGIES OF BORDER REGION RESIDENTS IN CHRONIC STRESSFUL SITUATION (ON THE EXAMPLE OF BELGOROD)

N.M. Shaikhutdinov

Residents of border regions, particularly Belgorod, have been living under chronic stress for over three years, a situation unparalleled in modern peacetime life. The study objective is to identify the features of socio-psychological adaptation and dominant coping strategies among Belgorod residents. The empirical material includes the sample consisting of 578 respondents (aged 18–75). The following methods have been used, among them are PSM-25, WCQ, HADS, PTGI, SWLS, and an author's questionnaire. Regression, factor and cluster analyses were applied, too. As a result, the "frontline adaptation paradox" was revealed: despite high anxiety (62.3% above normal) and stress (44.9% clinically significant), the population maintains daily activity. The dominant coping strategies are problem-focused planning, seeking social support, and self-control. Post-traumatic growth was recorded in 78.2% of respondents. Three types of adaptive response were identified, i.e. maladaptive (37.0%), adaptive with post-traumatic growth (42.9%), and borderline (20.1%). The conclusion is made that living under chronic stress forms a specific adaptation profile. The necessity of differentiated psychological support programs is substantiated in the article.

Keywords: socio-psychological adaptation, coping strategies, chronic stress, post-traumatic growth, border region, psychological resilience.

Шайхутдинов Наиль Маратович.
Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
Российская Федерация, г. Белгород.
Преподаватель кафедры физического воспитания и спорта.
ORCID 0009-0006-7713-7277.
E-mail: shaikhutdinov.n1l@yandex.ru.

Shaikhutdinov Nail Maratovich.
Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov,
Belgorod, Russian Federation.
Lecturer at Department of Physical Education and Sports.
ORCID 0009-0006-7713-7277.
E-mail: shaikhutdinov.n1l@yandex.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 159.9; 316.6
DOI: 10.5281/zenodo.22973414

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ГРАНИЦЫ ГРУППОВОЙ ДИСКУССИИ: ОТ ВЕРБАЛЬНОЙ ЭКСПРЕССИИ К СОБЫТИЙНОЙ ОБЩНОСТИ

© 2026 А.А. Береснева[1], О.Н. Усатенко[2]
[1-2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Херсонский государственный педагогический университет»
ORCID[1] 0009-0005-4133-2567
ORCID[2] 0000-0001-6372-4485

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматривается проблема эффективности групповых психологических методов в различных культурных контекстах. На основе анализа западных и отечественных подходов выделены четыре культурных барьера (имиджевый стыд, недоверие к незнакомцам, инструментальность, высокая дистанция власти), которые делают классическую вербально-ориентированную групповую дискуссию малоэффективной в российской среде. Эмпирическое наблюдение за 27 женщинами — родственницами участников боевых действий подтвердило, что респондентки отвергают «разговорные» форматы, но активно вовлекаются в совместную волонтерскую деятельность, где спонтанно возникают самораскрытие и взаимная поддержка. В качестве альтернативы предложена модель «событийной общности», реализующая механизмы соборности и сохранения «социального лица». Показано, что событийная общность может фасилитировать посттравматический рост, минуя культурные барьеры стыда и дистанции власти.

***Ключевые слова*:** групповая дискуссия, стыд, потеря «лица», соборность, посттравматический рост, кросс-культурная психология, событийная общность.

Для цитирования: Береснева А.А. Кросс-культурные границы групповой дискуссии: от вербальной экспрессии к событийной общности / А.А. Береснева, О.Н. Усатенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 335–345. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22973414.

Введение. В последние десятилетия наблюдается активное распространение западных моделей групповой психологической помощи в незападных культурных средах, включая отечественное пространство. Классические форматы групповой дискуссии и психотерапевтические интервенции, ориентированные на вербальную экспрессию чувств, могут встречать сопротивление или полное неприятие со стороны потенциальных участников. Однако отказ от специально организованных психологических групп не всегда свидетельствует об отсутствии потребности в поддержке. Напротив, это может указывать на поиск культурно адекватной формы ее осуществления.

Проблема культурной адаптации западных психологических методов актуальна не только для России. Как показано в обзоре, проведенном на материалах африканских стран, все эффективные психологические интервенции, включая групповые форматы, требуют культурной адаптации для работы с местными сообществами [18].

Аналогичные выводы представлены в обзоре, охватившем 49 исследований культурной адаптации интерперсональной психотерапии. Успешная адаптация требует

изменений языка, формата и роли терапевта, а сама терапия должна быть встроена в культурно приемлемые формы взаимодействия [19]. Во избежание неоднозначности, под «терапией» и «терапевтическими методами» в данной статье понимается консультативная психологическая помощь психически здоровым лицам (в том числе немедицинское психологическое консультирование и групповая поддержка), а не клиническая психотерапия в узком медицинском смысле.

Особую значимость данная проблема приобретает при организации психологической помощи родственникам участников боевых действий, где потребность в поддержке сочетается с высокими культурными барьерами для ее получения.

Анализ исследований, посвященных адаптации западных моделей в отечественном культурном контексте, позволяет выделить четыре ключевых барьера, препятствующих эффективному внедрению групповых терапевтических методов. Эти барьеры связаны с глубинными культурными паттернами, которые определяют оригинальную интерпретацию, отбор и модификацию западных заимствований в российском контексте [8].

Первым барьером можно выделить стыд как внешний регулятор. В российской культурной традиции, как и в иных культурах с доминированием внешней оценки, стыд («что обо мне подумают другие») часто выступает более значимым регулятором, чем вина («я поступил плохо») [2]. В рамках «культуры стыда» репутация человека складывается из мнения других людей о соблюдении им социальных норм, а страх потерять эту «внешнюю» честь преобладает в поведении [2].

Понятие «лица» как позитивной социальной ценности, которую человек эффективно присваивает себе в ходе взаимодействия, было введено Э. Гоффманом [15]. «Лицо» с точки зрения автора — это образ себя, одобренный другими участниками; оно не является собственностью человека, а взаимно подтверждается в интеракции. «Потерять лицо» означает утратить идентичность и возможность принадлежности к группе, что в традиционных обществах эквивалентно социальной смерти.

Б. Килборн, развивая это понятие в психоаналитическом ключе, определил стыд как «потерю социального лица, публичное обнажение своих недостатков» [5, с. 8]. Согласно Б. Килборну, стыд — имманентная характеристика психики, связанная с разрывом между фантазиями о всемогуществе и реальной уязвимостью. В связи с чем публичная вербализация травмы воспринимается как акт потери «лица» и вызывает избегание. В обзоре современных исследований М.В. Ефремова и Л.К. Григорян выделяют две формы стыда: моральный стыд (связанный с нарушением личностно значимых нравственных ценностей) и имиджевый стыд (связанный с угрозой репутации) [4]. Это различение также находит эмпирическое подтверждение в недавнем глобальном исследовании, охватившем 20 стран, которое показало, что чувство вины (близкое к моральному стыду) побуждает к просоциальному поведению, тогда как страх публичного осуждения (имиджевый стыд) не оказывает значимого влияния на поведенческий выбор [17]. Применительно к нашей проблематике имиджевый стыд блокирует участие в формальных терапевтических группах, тогда как моральный стыд может, напротив, побуждать к помощи другим — тому, что мы наблюдали в совместной волонтерской деятельности.

С культурно-психологической точки зрения значимый для нашего исследования вклад вносит О.А. Штайн, различая **стыд** как реактивную эмоцию, связанную с уже совершенным проступком, и **стыдливость** как превентивный механизм самоконтроля, предотвращающий ситуации, потенциально угрожающие достоинству [13].

«Превентивный» характер стыдливости объясняет, почему публичная вербализация уязвимости отвергается заранее — участницы избегают не только осуждения, но и самой ситуации, где потеря «лица» возможна. Это дополняет концепцию имиджевого стыда, показывая его **проспективную** природу.

Вторым барьером можно обозначить неверие в «безопасное пространство». Группа незнакомых людей интерпретируется не как нейтральная терапевтическая среда, а как собрание, вызывающее настороженность, что провоцирует вопросы о мотивах других участников. Как отмечает Т.В. Ларина, в русской коммуникативной культуре существует жесткое разделение на «своих-близких» (интимный круг, где возможно самораскрытие) и «чужих» (анонимная среда, где доминирует закрытость и настороженность) [6]. Гарантии конфиденциальности, предлагаемые психологом, не снимают этого барьера, поскольку незнакомцы по определению не могут стать «своими» в рамках короткой терапевтической встречи — для этого требуется длительное совместное переживание.

Третьим барьером можно выделить инструментальность вместо экспрессивности. В русской прагматической традиции ценность признается преимущественно за действиями, приводящими к конкретному результату. «Простая беседа», даже терапевтическая, легко обесценивается как «пустые разговоры без пользы». Как показано в исследовании В.В. Фениной, в русской речевой культуре жанр светской беседы существенно отличается от англо-американского [11]. Разговор, не имеющий практической цели, рискует быть воспринят как пустая трата времени. Для потенциальных участников это означает, что группа, где «только говорят», не дает ощутимого результата, а, следовательно, не стоит затраченных усилий и риска потери «лица».

Четвертым барьером является высокая дистанция власти. Отношения с ведущим строятся по патерналистской модели. Если ведущий не воспринимается как авторитет, ему не доверяют; если он авторитет, ему не возражают, но и не раскрываются подлинно, ожидая директивных указаний. Согласно исследованиям отечественных ученых, адаптировавших модель Г. Хофстеде, для русской культуры на протяжении длительного времени (XVI–XX вв.) исторически характерна высокая дистанция власти [3]. В контексте групповой психологической помощи это приводит к парадоксу. Участницы ждут от психолога конкретных указаний («скажите, что делать»), но не готовы к самораскрытию, поскольку именно они должны быть «объектом» помощи, а не субъектом, проявляющим инициативу.

Все четыре барьера объединяет общий паттерн. Классическая групповая дискуссия требует от участника вербальной экспозиции уязвимости перед незнакомыми людьми при отсутствии гарантированного практического результата. В российской культурной среде, с ее доминированием имиджевого стыда, высокой дистанцией власти и инструментальной прагматикой, такой формат воспринимается как риск потери социального «лица» без очевидной выгоды. Эмпирически это выражается в систематическом отказе от участия в специально организованных психологических группах, что будет показано в данном исследовании.

Таким образом, анализ литературы показывает, что классическая групповая дискуссия сталкивается с системными культурными барьерами в российской среде. Однако остается открытым вопрос, существует ли альтернативная форма групповой общности, которая позволяет сохранить терапевтический потенциал, но избежать этих барьеров? Каковы психологические механизмы, которые могли бы обеспечить такую альтернативу? И наконец, приводит ли эта альтернативная форма к клинически значимым результатам, в частности к посттравматическому росту?

Цель настоящего исследования — выявить кросс-культурные ограничения классических групповых дискуссионных методов и обосновать эффективность общности, организованной вокруг совместной деятельности, как культурно-специфичной формы психологической поддержки в отечественном контексте.

В соответствии с поставленной целью, в рамках исследования решаются следующие задачи.

Во-первых, на основе данных эмпирического наблюдения предполагается описать феномен отказа от специально организованных психологических групп при одновременной вовлеченности в совместную деятельность у женщин — родственниц участников боевых действий.

Во-вторых, необходимо предложить теоретическое обоснование наблюдаемого феномена, обратившись к концептам соборности и событийной общности.

В-третьих, в работе обосновывается связь событийной общности с посттравматическим ростом как психологически значимым результатом.

В-четвертых, на основе полученных выводов формулируются практические рекомендации для специалистов, работающих с данной категорией респондентов.

Материалы и методы. Эмпирическую базу составило включенное наблюдение за группой из 27 женщин в возрасте от 32 до 67 лет (M = 44.6, SD = 8.3) — родственниц участников специальной военной операции (СВО), занимавшихся волонтерской деятельностью. Из них 12 являются матерями участников боевых действий, 15 — супругами. Период участия в волонтерской деятельности на момент наблюдения составлял от 8 до 24 месяцев.

Включенное наблюдение осуществлялось автором в период с января по декабрь 2025 года. Встречи волонтерской группы проходились 2–3 раза в неделю по 3–4 часа каждая. Автор участвовала в совместной деятельности наравне с другими участницами (плетение маскировочных сетей, фасовка гуманитарной помощи), что позволило минимизировать эффект наблюдателя. В дневнике наблюдения фиксировались факты отказов от формальных психологических мероприятий, эпизоды спонтанного самораскрытия, вербальные маркеры групповой идентичности. Попытки организовать группу поддержки (анонс, приглашение психолога) предпринимались 4 раза, но устойчивой группы сформировать не удалось.

Для валидизации полученных данных был использован метод экспертных оценок. Проведены полуструктурированные интервью с 5 практикующими психологами из различных регионов России (г. Москва, г. Екатеринбург, г. Ростов-на-Дону, г. Керчь, г. Симферополь), работающими с родственницами участников боевых действий. Все эксперты независимо друг от друга подтвердили наблюдаемый паттерн, который заключается в отказе от специально организованных психологических групп при высокой вовлеченности в совместную волонтерскую деятельность среди данной категории респондентов.

Хотя размер выборки невелик, географическая распределенность экспертных данных (пять городов РФ) позволяет предположить, что выявленный феномен не является локальным, а отражает более широкий культурный паттерн, характерный для отечественной среды.

Итак, мы показали, что классический «разговорный» подход сталкивается в нашей культуре с непреодолимыми барьерами — стыдом, недоверием, ожиданием практического результата. Возникает закономерный итог, что нужна другая форма

общности, которая не требует вербальной экспозиции уязвимости, но при этом дает ощущение пользы и безопасности.

Основная часть. В ходе включенного наблюдения было зафиксировано устойчивое отвержение форматов, маркированных как «психологическая поддержка» или «тренинг». Респондентки систематически отказывались от участия в группах, предполагающих вербальное обсуждение чувств и переживаний в кругу незнакомых людей при нейтральном фасилитаторе. Мотивировка отказов включала формулировки, указывающие на недоверие к процедуре, страх «разглашения личного» и ощущение бессмысленности «пустых разговоров».

Одновременно с этим была зафиксирована высокая вовлеченность тех же самых участниц в иные формы совместной активности, таких как осуществление совместных выездных мероприятий, коллективное изготовление предметов материально-технического обеспечения (плетение маскировочных сетей), фасовка и сбор гуманитарной помощи, приготовление продовольствия для военнослужащих.

В процессе данной деятельности спонтанно, без внешнего побуждения, возникали эпизоды самораскрытия, обмена переживаниями и взаимной эмоциональной поддержки.

Таким образом, эмпирические данные фиксируют парадокс. Одни и те же женщины отвергают формат, предлагаемый профессиональным психологическим сообществом, но активно участвуют в стихийно возникающей общности, организованной вокруг совместной деятельности. Возникает вопрос, существует ли теоретическая модель, которая объясняет этот парадокс и предлагает психологически обоснованную альтернативу классическим групповым дискуссиям?

Мы предполагаем, что объяснение данного феномена лежит в культурно-специфических механизмах группового единства, описанных в русской религиозно-философской традиции, в частности — в концепте соборности. А.С. Хомяков определял соборность как единство, основанное на благодати, а не на внешнем человеческом установлении, подчеркивая ее органический, а не механический характер [12]. А.С. Хомяков пишет: *«Человек находит в Церкви… себя не в бессилии своего духовного одиночества*, *а в силе своего духовного*, *искреннего единения со своими братьями… себя в своем совершенстве»* [12, с. 87]. Таким образом, соборность в интерпретации А.С. Хомякова — это органическое единство, основанное на общей вере и любви, при котором личность не теряет, а обретает свою полноту.

С.Н. Трубецкой, развивая это понятие, разработал концепцию «соборного сознания», которое, в отличие от западного индивидуализма и коллективизма (понимаемого как механическое объединение), предполагает единство, сохраняющее личностную уникальность каждого. Согласно С.Н. Трубецкому, каждое личное сознание связано с общей для всех чувственностью, что делает возможным схожий для членов общности опыт при сохранении личной автономии [10]. В психологической проекции соборность можно интерпретировать как форму единства, где безопасность и откровенность возникают через общую цель и совместное действие, а не через формальные правила и процедурные требования.

Для описания терминологической психологической проекции соборности мы предлагаем использовать понятие **«событийная общность».** Этот термин был введен в психологию В.И. Слободчиковым, который развивал его, опираясь в том числе на идеи диалогической природы человеческого бытия, разработанные М.М. Бахтиным [1; 9]. Событийная общность обозначает группу людей, объединенных не столько общей деятельностью (как в деятельностном подходе А.Н. Леонтьева), сколько совместным переживанием и ценностным единением в процессе этой деятельности [7].

В отличие от классической формы групповой поддержки, где безопасность создается правилами и конфиденциальностью, в событийной общности безопасность возникает из общей цели и разделяемой ценности. Механизм соборности позволяет связать воедино два ключевых элемента. Во-первых, сохранение социального «лица», поскольку участница не обнажает свою уязвимость, а подтверждает свою полезность. Во-вторых, ценностное единство, так как совместная деятельность направлена на общее благо. Таким образом, соборность объясняет наблюдаемый парадокс: женщины отказываются от «разговорных» групп, где «лицо» под угрозой, и принимают событийную общность, где «лицо» сохраняется через социально одобряемую деятельность, объединенную общей ценностью. Ключевое различие между отвергаемыми и принимаемыми форматами представлено в Табл. 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика форматов групповой активности

Параметр	Классическая группа психологической поддержки	Событийная общность
Фокус активности	Вербальная экспрессия чувств как самоцель	Совместная деятельность как цель
Организационная структура	Круг, нейтральный фасилитатор, конфиденциальность	Естественная иерархия, неформальное лидерство
Психологический риск	Потеря социального «лица» (публичное обнажение уязвимости)	Сохранение «лица» (подтверждение социальной полезности)
Наблюдаемый результат	Отказ от участия, избегание	Стихийное самораскрытие, обмен переживаниями
Базовый принцип	«Поговорить, чтобы помочь»	«Помочь и в процессе поговорить»

Мы предположили, что механизм соборности работает как культурно-приемлемый путь поддержки. Но возникает важный вопрос, приводит ли этот путь к реальному психологическому улучшению, или он просто «приятнее» и «понятнее»? Ответ на этот вопрос дают исследования посттравматического роста (ПТР). Они показывают, что активная помощь другим и чувство принадлежности к сообществу — это не просто комфорт, а мощнейший фактор восстановления после травматического опыта.

Описанный выше феномен событийной общности, коренящийся в культурном механизме соборности, имеет не только социально-психологическое, но и **клинически значимое следствие** — он может фасилитировать посттравматический рост (ПТР). Если классические групповые дискуссии, которые наши респондентки отвергали, апеллируют к вербальной рефлексии травмы (что запускает механизмы имиджевого стыда и потери «лица»), то событийная общность предлагает иной путь. Трансформация травмы происходит не через проговаривание, а через **действие, направленное на помощь другим**.

Посттравматический рост — это феномен позитивных психологических изменений в результате борьбы с высокострессовыми жизненными обстоятельствами [20]. В отличие от посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), которое фокусируется на дефицитах и патологии, ПТР акцентирует **потенциал личности к трансформации**. Западная модель выделяет пять основных доменов ПТР: повышение ценности жизни, развитие новых возможностей, усиление чувства собственной силы, углубление отношений с другими, духовный и экзистенциальный рост [20].

Важно подчеркнуть, что ПТР **не является исключительно внутриличностным процессом**. Современные исследования указывают на роль социальных и

коллективных факторов в его фасилитации. С. Хобфолл с коллегами ввели понятие «рост, ориентированный на действие», показав, что позитивный эффект ПТР возникает только тогда, когда когнитивная рефлексия травмы переходит в **реальное действие, направленное на помощь другим** [16]**.**

В обзоре М. Брукс, охватившем 52 исследования в более чем 20 странах, выделяются **три типа сильных сторон**, способствующих ПТР: смыслообразующие, регуляторные и **межличностно-экологические**. К последним относятся, в частности, альтруизм, благодарность и принадлежность к группе, которые стабильно связаны с более высоким уровнем ПТР после коллективной травмы. Авторы приходят к выводу о необходимости **культурно-чувствительных подходов**, что напрямую перекликается с основной логикой нашего исследования [14].

Особый интерес для нашего исследования представляет феномен **деятельностно-опосредованного ПТР**. Ряд авторов показывает, что участие в просоциальной деятельности, имеющей конкретный полезный результат, может запускать механизмы ПТР более эффективно, чем вербальная рефлексия травмы [21]. Это объясняется несколькими факторами:

1. Деятельность создает ощущение контроля и агентности, которое разрушается травмой. Жертва пассивного ожидания превращается в активного деятеля.

2. Помощь другим восстанавливает ощущение собственной ценности и компетентности. Человек перестает быть «объектом» помощи и становится ее «субъектом».

3. Коллективный характер деятельности удовлетворяет базовую потребность в принадлежности к группе, что особенно важно в культурах с высоким уровнем коллективизма.

В нашем исследовании мы наблюдали именно такой механизм. Женщины — родственницы участников боевых действий не рефлексировали свою травму вербально (отказываясь от «разговорных» групп), но демонстрировали **четкие признаки ПТР** именно через совместную волонтерскую деятельность. К этим признакам относятся:

1. Повышение сплоченности и формирование ценностной идентичности — появление метафоры «*мы — сестры*», которая фиксировалась в высказываниях участниц (например, *«Нас и так понимают*, *зачем лишние слова*, *все мы здесь сестры»*);

2. Переоценка ценностей — участницы начинали говорить о смысле жизни, о важности взаимопомощи, о том, что раньше «*не ценили простых вещей*»;

3. Укрепление идентичности через принадлежность к группе — высказывания типа *«теперь я знаю*, *что я не одна»*, фиксация чувства защищенности и сопричастности.

Таким образом, событийная общность функционирует как **естественный фасилитатор ПТР**, минуя барьеры, связанные со стыдом и дистанцией власти. Она предлагает путь к посттравматической трансформации, который культурно приемлем (не требует публичного обнажения уязвимости) и психологически эффективен (запускает деятельностные механизмы ПТР).

Заключение. Цель и задачи, поставленные во введении, были решены в ходе исследования. Основные результаты заключаются в следующем.

Включенное наблюдение, а также экспертные интервью с пятью практикующими психологами из различных регионов РФ (г. Москва, г. Екатеринбург, г. Ростов-на-Дону, г. Керчь, г. Симферополь), работающими с родственницами участников боевых действий, подтвердили, что классическая групповая дискуссия, ориентированная на вербальную экспрессию уязвимости, не является универсально эффективным методом.

В культурах с доминированием внешнего стыда и высокой дистанцией власти она воспринимается как акт потери социального «лица», что вызывает сопротивление и избегание. Отказ от формальных психологических групп в наблюдаемом случае не свидетельствует об отсутствии потребности в поддержке, а указывает на поиск культурно адекватной формы ее осуществления.

Культурно-специфичной формой, эффективно функционирующей в российской среде, является «событийная общность» — группа, организованная вокруг совместной деятельности, имеющей общий полезный результат. В такой общности самораскрытие и обмен переживаниями возникают спонтанно, без принуждения, что позволяет сохранять социальное «лицо». Феномен соборности, разработанный в русской религиозной философии (А.С. Хомяков, С.Н. Трубецкой), может быть психологически интерпретирован как механизм группового единства, альтернативный как западному индивидуализму, так и механическому коллективизму. Данный механизм обеспечивает безопасность через общую цель и ценностную основу, а не через процедурные правила.

Данные исследования свидетельствуют, что совместная волонтерская деятельность не только принимается участницами, но и запускает механизмы ПТР: повышение сплоченности, переоценку ценностей, укрепление идентичности. Событийная общность функционирует как естественный фасилитатор ПТР, минуя барьеры, связанные со стыдом и дистанцией власти. Тем самым соборность может быть интерпретирована как культурно-специфичный механизм, опосредующий связь между коллективной травмой и ПТР.

При организации психологической помощи в отечественном культурном контексте целесообразно:

1. Не интерпретировать отказ от «разговорных» форматов как отсутствие запроса. Если целевая группа систематически избегает приглашений на психологические тренинги и группы поддержки, это указывает на несовместимость предлагаемого формата с культурными нормами (имиджевый стыд, дистанция власти, инструментальность).

2. Встраивать элементы поддержки в реальную совместную деятельность. Наиболее эффективной стратегией является организация пространства, где участницы могут заниматься социально-полезным делом (изготовление изделий, сбор помощи, кулинария) в присутствии психолога, который выступает не фасилитатором дискуссии, а «равным участником» деятельности.

3. Не форсировать вербальное самораскрытие. В событийной общности самораскрытие происходит спонтанно, в паузах между действиями. Задача психолога — не провоцировать его, а создавать безопасную атмосферу, в которой оно становится возможным без потери «лица».

4. Использовать метафоры «сестринства» и «общего дела». Терапевтический контракт, сформулированный в терминах взаимопомощи и общей цели, воспринимается более позитивно, чем контракт, апеллирующий к «проработке чувств» или «эмоциональной регуляции».

Таким образом, наше исследование прошло путь от диагностики культурной неэффективности классических методов (барьеры стыда и власти) к поиску и описанию культурно-укорененной альтернативы (соборность и событийная общность) и, наконец, к доказательству ее клинической эффективности через связь с посттравматическим ростом.

Перспективы дальнейших изысканий. Данное исследование имеет ряд ограничений, которые открывают направления для будущих работ.

Во-первых, малый размер выборки и отсутствие контрольной группы требуют подтверждения результатов на больших выборках с использованием формализованных количественных методов.

Во-вторых, гендерный перекос (только женщины) ставит вопрос о том, распространяются ли выявленные закономерности на мужские выборки — родственников участников боевых действий.

В-третьих, *наблюдение проводилось одним исследователем с использованием* экспертных интервью пяти практикующих психологов из различных регионов РФ. *Перспективным представляется включение нескольких независимых наблюдателей и видеофиксация взаимодействий с последующим контент-анализом. Кроме того*, *для минимизации субъективности может быть использован метод рефлексивного отклика участниц* (*рефлексивных интервью*), *в ходе которых респондентки могли бы подтвердить*, *опровергнуть или дополнить интерпретации исследователя*, *что повысило бы валидность качественных выводов.*

В-четвертых, представляет интерес сравнительное исследование эффективности событийной общности и классической групповой терапии с использованием стандартизированных опросников ПТР (например, Posttraumatic Growth Inventory) до и после интервенции.

Наконец, кросс-культурное сравнение российской выборки с выборками из других незападных стран позволило бы уточнить универсальность и специфику феномена соборности как механизма психологической поддержки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. К философии поступка / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники : ежегодник 1984–1985. — Москва : Наука, 1986. — С. 80–160.
2. Богданова Л.И. «Культура стыда» и «культура вины»: от Ф.М. Достоевского до наших дней / Л.И. Богданова // Русская литература в иностранной аудитории : сборник научных статей / составитель И.И. Толстухина. — Санкт-Петербург : РГПУ имени А. И. Герцена, 2022. — С. 137–142.
3. Данилова А.Г. Культурная размерность властной дистанции Г. Хофстеде и ее отражение в исторических документах России XVI–XX вв. / А.Г. Данилова, О.В. Митина // Социодинамика. — 2022. — № 8. — С. 53–75.
4. Ефремова М.В. Коллективные эмоции вины и стыда: обзор современных исследований / М.В. Ефремова, Л.К. Григорян // Современная зарубежная психология. — 2014. — Т. 3, № 4. — С. 71–88.
5. Килборн Б. Исчезающие люди: стыд и внешний облик / Б. Килборн. — Москва : Когито-Центр, 2007. — 269 с. — (Библиотека психоанализа).
6. Ларина Т.В. Англичане и русские: язык, культура, коммуникация / Т.В. Ларина. — Москва : Языки славянских культур, 2013. — 360 с.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. — Москва : Политиздат, 1975. —304 с.
8. Прозорова Ю.А. Концептуальные ресурсы цивилизационного анализа в изучении постсоветских трансформаций в России / Ю.А. Прозорова // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2014. — Т. XVII, № 2. — С. 70–87.
9. Слободчиков В.И. Событийная образовательная общность — источник развития и субъект образования / В.И. Слободчиков // Новые ценности образования. — 2010. — № 1 (43). — С. 3–8.
10. Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания / С.Н. Трубецкой // Сочинения / С.Н. Трубецкой. —Москва, 1994. — С. 3–70.
11. Фенина В.В. Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.19 / Фенина В.В. — Саратов, 2005. — 24 с.
12. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений А.С. Хомякова : в 8 т. / А.С. Хомяков. — 3-е изд. — Москва : Университетская типография, 1886–1900. — Т. 2. — 1886. — 450 с.
13. Штайн О.А. Автокоммуникация и кукольный театр: к психологии стыда и стыдливости в искусстве / О.А. Штайн // Артикульт. — 2025. — № 2 (58). — С. 84–99. — DOI: 10.28995/2227-6165-2025-2-84-99.

14. Brooks M. Collective Violence, Strengths, and Perceived Posttraumatic Growth: A Scoping Review / M. Brooks, R.O. O'Brien, M. Livanou, M.J. Turner, K. Whittenbury // Trauma, Violence, & Abuse. — 2025. — Vol. 26, no. 2. — P. 342–355. — DOI: 10.1177/15248380241309383.
15. Goffman E. On Face-Work : An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction / E. Goffman. — Chicago : Aldine Publishing Company, 1967. — 270 p.
16. Hobfoll S.E. Refining our understanding of traumatic growth in the face of terrorism: Moving from meaning cognitions to doing what is meaningful / S.E. Hobfoll, B.J. Hall, D. Canetti-Nisim, S. Galea, R.J. Johnson, P.A. Palmieri // Applied Psychology. — 2007. — Vol. 56, no. 3. — P. 345–366.
17. Molho C. Guilt drives prosociality across 20 countries / C. Molho, I. Soraperra, J. F. Schulz, S. Shalvi // Nature Human Behaviour. — 2025. — Vol. 9, no. 10. — P. 2199–2211. — DOI: 10.1038/s41562-025-02286-3.
18. Nsubuga M. Cultural Adaptation of Psychological Therapies Delivered by Community Health Practitioners in Africa to Those Suffering from Mental Illnesses: A Scoping Review / M. Nsubuga // Happiness: Journal of Psychology and Islamic Science. –2025. –Vol. 9, no. 1. –P. 57–78.
19. Papke V. Considerations for Cross-Cultural Adaptations and Implementation of Interpersonal Psychotherapy: A Review / V. Papke, S. Hayee, H. Hodges, T. Simenec, K. Reigstad, M. Gunlicks-Stoessel, B. Klimes-Dougan // American Journal of Psychotherapy. — 2025. — Vol. 79, no. 4. — P. 194–215. — DOI: 10.1176/appi.psychotherapy.20240017.
20. Tedeschi R.G. The Posttraumatic Growth Inventory: Measuring the positive legacy of trauma / R. G. Tedeschi, L.G. Calhoun // Journal of Traumatic Stress. –1996. –Vol. 9, no. 3. –P. 455–471.
21. Vollhardt J.R. Altruism Born of Suffering and Prosocial Behavior Following Adverse Life Events: A Review and Conceptualization / J. R. Vollhardt // Social Justice Research. — 2009. — Vol. 22, no. 1. — P. 53–97.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. (1986). K filosofii postupka [On the Philosophy of the Act]. In Filosofiia i sotsiologiia nauki i tekhniki: Ezhegodnik 1984-1985 (pp. 80-160). Moscow: Nauka. (In Russian)
2. Bogdanova L.I. (2022). "Kul'tura styda" i "kul'tura viny": ot F. M. Dostoevskogo do nashikh dnei ["Culture of Shame" and "Culture of Guilt": From F. M. Dostoevsky to the Present Day]. In I. I. Tolstukhina (Ed.), Russkaia literatura v inostrannoi auditorii (pp. 137-142). Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. (In Russian)
3. Danilova A.G., & Mitina, O. V. (2022). Kul'turnaia razmernost' vlastnoi distantsii G. Hofstede i ee otrazhenie v istoricheskikh dokumentakh Rossii XVI-XX vv. [The Cultural Dimension of Power Distance by G. Hofstede and Its Reflection in Historical Documents of Russia from the 16th to the 20th Centuries]. Sotsiodinamika, (8), 53-75. (In Russian)
4. Efremova M.V. & Grigorian L.K. (2014). Kollektivnye emotsii viny i styda: obzor sovremennykh issledovanii [Collective Emotions of Guilt and Shame: A Review of Contemporary Research]. Sovremennaia zarubezhnaia psikhologiia, 3(4), 71-88. (In Russian)
5. Kilborn B. (2007). Ischezaiushchie liudi: styd i vneshnii oblik [Disappearing People: Shame and Appearance]. Moscow: Kogito-Tsentr. (In Russian)
6. Larina T.V. (2013). Anglichane i russkie: iazyk, kul'tura, kommunikatsiia [The English and the Russians: Language Culture, Communication]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)
7. Leontiev A.N. (1975). Deiatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat. (In Russian)
8. Prozorova Yu.A. (2014). Kontseptual'nye resursy tsivilizatsionnogo analiza v izuchenii postsovetskikh transformatsii v Rossii [Conceptual Resources of Civilizational Analysis in the Study of Post-Soviet Transformations in Russia]. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii, 17(2), 70-87. (In Russian)
9. Slobodchikov V.I. (2010). So-bytiinaia obrazovatel'naia obshchnost' - istochnik razvitiia i sub"ekt obrazovaniia [Co-evental Educational Community as a Source of Development and Subject of Education]. Novye tsennosti obrazovaniia, (1/43), 3-8. (In Russian)
10. Trubetskoy S.N. (1994). O prirode chelovecheskogo soznaniia [On the Nature of Human Consciousness]. In Sochineniia (pp. 3-70). Moscow. (In Russian)
11. Fenina V.V. (2005). Rechevye zhanry small talk i svetskaia beseda v anglo-amerikanskoi i russkoi kul'turakh [Speech Genres of Small Talk and Social Conversation in Anglo-American and Russian Cultures] (Doctoral dissertation abstract). Saratov. (In Russian)
12. Khomiakov A.S. (1886-1900). Polnoe sobranie sochinenii A. S. Khomiakova [Complete Works of A. S. Khomiakov] (3rd ed., Vol. 2). Moscow: Universitetskaia tipografiia. (In Russian)
13. Shtayn O.A. (2025). Avtokommunikatsiia i kukol'nyi teatr: k psikhologii styda i stydlivosti v iskusstve [Autocommunication and Puppet Theatre: On the Psychology of Shame and Shyness in Art]. Articult, (2/58), 84-99. https://doi.org/10.28995/2227-6165-2025-2-84-99 (In Russian)

14. Brooks M., O'Brien R. O., Livanou M., Turner M.J. & Whittenbury, K. (2025). Collective Violence, Strengths, and Perceived Posttraumatic Growth: A Scoping Review. Trauma, Violence, & Abuse, 26(2), 342-355.https://doi.org/10.1177/15248380241309383
15. Goffman E. (1967). On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction. Chicago: Aldine Publishing Company.
16. Hobfoll S.E., Hall B.J., Canetti-Nisim D., Galea S., Johnson R. J. & Palmieri, P. A. (2007). Refining our understanding of traumatic growth in the face of terrorism: Moving from meaning cognitions to doing what is meaningful. Applied Psychology, 56(3), 345-366.
17. Molho C., Soraperra I., Schulz J. F. & Shalvi S. (2025). Guilt drives prosociality across 20 countries. Nature Human Behaviour, 9(10), 2199-2211. https://doi.org/10.1038/s41562-025-02286-3
18. Nsubuga M. (2025). Cultural Adaptation of Psychological Therapies Delivered by Community Health Practitioners in Africa to Those Suffering from Mental Illnesses: A Scoping Review. Happiness: Journal of Psychology and Islamic Science, 9(1), 57–78.
19. Papke V., Hayee S., Hodges H., Simenec T., Reigstad K., Gunlicks-Stoessel M. & Klimes-Dougan B. (2025). Considerations for Cross-Cultural Adaptations and Implementation of Interpersonal Psychotherapy: A Review. American Journal of Psychotherapy, 79(4), 194-215. https://doi.org/10.1176/appi.psychotherapy.20240017
20. Tedeschi R. G. & Calhoun L.G. (1996). The Posttraumatic Growth Inventory: Measuring the positive legacy of trauma. Journal of Traumatic Stress, 9(3), 455-471.
21. Vollhardt J.R. (2009). Altruism Born of Suffering and Prosocial Behavior Following Adverse Life Events: A Review and Conceptualization. Social Justice Research, 22(1), 53-97.

Поступила в редакцию 08.06.2026 г.

CROSS-CULTURAL BOUNDARIES OF GROUP DISCUSSION: FROM VERBAL EXPRESSION TO EVENT COMMUNITY

A.A. Beresneva*, *O.N. Usatenko

The article addresses the problem of group psychological methods effectiveness in various cultural contexts. Based on the analysis of Western and domestic approaches, four cultural barriers have been identified (i.e. image shame, distrust of strangers, instrumentality, and high power distance) that make classical verbally oriented group discussion ineffective in the Russian environment. Empirical observation of 27 female relatives of combat participants confirmed that the respondents reject "conversational" formats, but are actively involved in joint volunteer activities, where self-disclosure and mutual support spontaneously arise. As an alternative, a model of "event community" is proposed, which implements the mechanisms of unity and preservation of a social person. It is shown that the event community can facilitate post-traumatic growth, bypassing cultural barriers of shame, and distance of power.

Keywords: group discussion, shame, loss of face, conciliarity, post-traumatic growth, cross-cultural psychology, event community.

Береснева Анна Анатольевна.
Херсонский государственный педагогический университет, Российская Федерация.
Магистрант 1 курса Института психологии.
ORCID 0009-0005-4133-2567.
E-mail: an_beresneva@mail.ru.

Усатенко Оксана Николаевна.
Кандидат психологических наук, доцент.
Херсонский государственный педагогический университет, Российская Федерация.
Доцент кафедры общей и социальной психологии.
ORCID 0000-0001-6372-4485.
usatekoxana@mail.ru.

Beresneva Anna Anatolyevna.
Kherson State Pedagogical University,
Russian Federation, Kherson.
1 year Master's student at Institute of Psychology.
ORCID 0009-0005-4133-2567.
E-mail: an_beresneva@mail.ru.

Usatenko Oksana Nikolaevna.
Candidate of Psychology,
Kherson State Pedagogical University,
Russian Federation, Kherson.
Associate Professor at Department of General and Social Psychology.
ORCID 0000-0001-6372-4485.
usatekoxana@mail.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Обзорная статья
УДК 159.922.7
DOI: 10.5281/zenodo.22973677

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ

© 2026 ***А.Д. Ширинская***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0009-0001-1039-8732

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье представлен теоретический анализ феномена детской психической травматизации в контексте отечественных и зарубежных научных подходов. Рассматривается эволюция понятия «психологическая травма» от классического психоанализа до современных нейробиологических исследований. Выявлены ключевые содержательные линии проблемы: терминологическая неоднозначность, разграничение острой травмы и комплексного посттравматического стрессового расстройства, а также специфика влияния травмы на формирование личности и нейробиологическое развитие ребенка. Обнаружены различия в трактовке понятия «психологическая травма» в отечественной (акцент на нарушение деятельности и социальную дезадаптацию) и зарубежной (акцент на DSM-критерии и нейробиологические изменения) традициях. Определены ключевые факторы риска, включая жестокое обращение, депривацию и нарушение привязанности. Описаны нейробиологические корреляты ранней травмы (дисрегуляция оси HPA, изменения в структуре амигдалы и префронтальной коры). Детская психологическая травма представляет собой системное явление, приводящее к устойчивым изменениям на биологическом, личностном и социальном уровнях. Обоснована необходимость интеграции нейробиологического и психосоциального подходов в практику диагностики и терапии.

Ключевые слова: детская психическая травма, посттравматическое стрессовое расстройство, психоанализ, травма развития, депривация, теория привязанности, нейробиология развития, нейробиология.

Для цитирования: Ширинская А.Д. Проблема психологической травмы в детском возрасте / А.Д. Ширинская // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 346–356. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22973677.

Ведение. Проблема детской психической травматизации сохраняет свою остроту на протяжении десятилетий, оставаясь предметом пристального внимания как теоретической, так и прикладной психологии. Человеческое развитие неразрывно связано с преодолением биологических и эмоциональных потрясений, которые могут сопровождать индивида с момента появления на свет. Детство, традиционно воспринимаемое как наиболее защищенный период жизни, на практике нередко оказывается сопряжено с тяжелыми испытаниями: от физического насилия и утраты близких до последствий инвалидизации или хронического эмоционального отвержения в семье.

Исследование психологических травм, полученных в детстве, остается одной из центральных и сложных задач в современной клинической психологии, психиатрии, психотерапии и педагогике. Это обусловлено несколькими фундаментальными факторами. Во-первых, детство представляет собой сенситивный период, в ходе которого закладываются базовые структуры личности, формируются механизмы эмоциональной регуляции, привязанности и когнитивные схемы интерпретации реальности. Воздействие травматического события в этот период может привести к

необратимым изменениям в психическом развитии, последствия которых сохраняются на протяжении всей жизни, проявляясь в повышенной уязвимости к психическим расстройствам, соматическим заболеваниям и социальной дезадаптации [1, 2, 3]. Во-вторых, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, от 25% до 50% детей в мире подвергаются различным формам насилия, пренебрежению или становятся свидетелями насилия в семье. В условиях современных военных конфликтов, вынужденной миграции и социальной нестабильности число детей, переживших травматический опыт, продолжает расти, что ставит перед научным сообществом и практиками задачу поиска эффективных методов ранней диагностики, профилактики и психокоррекции [6, 9, 10].

В современной психологической науке общепризнанным является факт деструктивного влияния детских психотравм на формирование личности. Несмотря на высокий приоритет данной проблематики, ее теоретический и эмпирический базис в актуальной психологии остается недостаточно разработанным.

Материал и метод исследования. Материалом исследования послужил корпус теоретических трудов отечественных и зарубежных ученых, посвященных проблематике детской психической травматизации, этиологии неврозов, а также современным концепциям ПТСР. Основными методами выступили: теоретический анализ, синтез, абстрагирование, моделирование, а также метод контент-анализа при обработке дефиниций понятия «психологическая травма» в различных источниках.

Основная часть. В результате проведенного теоретического анализа были выявлены ключевые содержательные линии, характеризующие проблему психологической травмы в детском возрасте.

Среди существующих концепций наиболее глубокий анализ природы психической травмы представлен в психоаналитической традиции.

Именно З. Фрейд ввел данный термин в психологический дискурс, позаимствовав его из медицинской лексики, где понятие «травма» (от греч. trauma — рана, повреждение, насилие) обозначало физическое воздействие, влекущее за собой нарушение целостности организма.

Адаптируя медицинскую терминологию для психологического анализа, основатель психоанализа наделил понятие «травма» специфическим смыслом, выделив в нем три аспекта: интенсивное потрясение, факт психического повреждения и последующие патологические изменения в структуре личности. В ранний период становления психоанализа теория травмы занимала доминирующее положение, выступая главным объяснительным механизмом этиологии неврозов. Первоначально З. Фрейд связывал детские невротические расстройства с фактами сексуального насилия, пережитыми в раннем возрасте. Согласно его гипотезе, травматический опыт соблазнения оказывался настолько разрушительным для несформированного детского «Я», что не поддавался осознанной переработке [22]. Это приводило к вытеснению болезненных переживаний в бессознательное, где аффективный заряд, оставаясь активным, провоцировал невротическую симптоматику как форму защиты от невыносимых душевных страданий.

Первоначальная концепция З. Фрейда связывала этиологию неврозов с внешними травмирующими событиями и последующим психологическим шоком. Однако в процессе клинической работы основатель психоанализа пересмотрел свои взгляды: было установлено, что психика может реагировать на фантазии как на реальные события, придавая им аналогичный травматический статус. Это привело к отказу от узкой теории травмы в пользу теории инстинктов, базирующейся на концепции

двухэтапного развития сексуальности. З. Фрейд постулировал, что базовые структуры сексуальности складываются к шести годам, проходя через ряд кризисов и инфантильных травм. Согласно этой модели, сексуально окрашенные детские потрясения подвергаются вытеснению, однако из-за неполноты этого процесса вытесненный материал периодически актуализируется в форме невротических симптомов. Таким образом, невроз у взрослых интерпретируется как замещающая активность, компенсирующая нереализованные влечения раннего возраста.

Концептуальные основы изучения психической травмы, заложенные З. Фрейдом, послужили катализатором для развития последующих направлений. В частности, его последователи — Ш. Ференци и Г. Зиммель — развили идею о фиксации психики на травматическом событии. Эта концепция впоследствии легла в основу современного понимания и клинической трактовки посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

Исторически изучение детской травмы развивалось в нескольких относительно независимых парадигмах. Психоаналитическая традиция (З. Фрейд, А. Фрейд, М. Кляйн, Д. Винникотт, Р. Шпиц) акцентировала внимание на внутрипсихических конфликтах, значении ранних отношений с матерью и роли бессознательных защитных механизмов [24]. Бихевиоральная парадигма (Дж. Уотсон, Б. Скиннер). Их работы показали, что у детей, переживших травматические события, формируются сложные нарушения эмоциональной регуляции, когнитивных процессов и социального функционирования [2].

Отечественная психологическая школа, опираясь на идеи Л.С. Выготского о социальной ситуации развития и А.Р. Лурии о системной динамической локализации высших психических функций, внесла значительный вклад в понимание того, как травма нарушает процесс интериоризации социального опыта и формирует патологические функциональные системы [25]. Зарубежные исследования, особенно в рамках концепции developmental traumatology (B. van der Kolk, M. Teicher), сместили фокус на нейробиологические последствия ранней травмы, демонстрируя ее влияние на развитие мозга [20].

Исследования М.М. Решетникова, выполненные в русле психоаналитической традиции, показывают, что в условиях социальной нестабильности и коллективной травмы происходит регресс механизмов психологической защиты, рост тревожных и депрессивных расстройств у детей, а также формирование патологических идентификаций.

Работы Г.В. Бурменской, О.А. Карабановой и их учеников, выполненные в русле теории привязанности и психологии развития, убедительно демонстрируют, что нарушение отношений с близким взрослым является ключевым звеном патогенеза психологической травмы в раннем онтогенезе. Ими разработаны методы диагностики нарушений привязанности и коррекционные программы для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В.М. Волошин, В.Д. Менделевич и другие представители казанской и московской школ клинической психологии внесли вклад в изучение психосоматических последствий детской травмы, показав связь между ранней депривацией и формированием соматоформных расстройств.

Несмотря на обилие эмпирических данных, сохраняется проблема терминологической неоднозначности. В Международной классификации болезней 11-го пересмотра (МКБ-10) и DSM-4-TR произошли существенные изменения в критериях диагностики посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и

введена новая категория — комплексное ПТСР (КПТСР), что требует пересмотра существующих теоретических моделей применительно к детской популяции [26].

В рамках аналитической психологии К. Г. Юнг предложил альтернативный взгляд на этиологию психической травмы, отойдя от редукционизма фрейдовской сексуальной теории. Юнг рассматривал нарушения функционирования «Эго» как результат широкого спектра жизненных трагедий и экзистенциальных кризисов, обладающих уникальным для каждого индивида содержанием. Несмотря на поиск общих механизмов неврозогенеза, исследователь пришел к выводу о принципиальной гетерогенности травматического опыта, подчеркивая значимость индивидуальных историй и фантазий пациента [25]. Согласно К. Г. Юнгу, следствием любой травмы становятся устойчивые аффективные деформации, пронизывающие весь жизненный путь человека. Особое внимание автор уделял фрагментации психики ребенка: при столкновении с травмой происходит «отщепление» психических комплексов. Этот процесс сопровождается парадоксальной динамикой: регрессом одной части «Эго» к инфантильным формам функционирования при одновременной преждевременной адаптации («прогрессии») другой части личности. Подобный механизм, обеспечивая физическое выживание, препятствует гармоничному развитию, вынуждая субъекта направлять все ресурсы на самосохранение, что зачастую приводит к социальной изоляции, депрессивным состояниям и аддикциям.

Психологическая травма также активно исследуется в рамках современного психоанализа, в частности, в рамках теории объектных отношений. Данная концептуальная парадигма объединяет широкий спектр школ и направлений, ключевым для которых является положение о примате (главенствующей роли) отношений с объектом (значимым другим) в формировании психической жизни ребенка.

Теоретической основой для формирования этого направления в психоанализе послужили работы Р. Спитца о госпитализме и концепция привязанности Дж. Боулби. Изучение явлений депривации у детей позволило этим исследователям прийти к заключению, что потеря объекта привязанности (матери) выступает пусковым механизмом для развития психосоматической патологии [1]. Отсутствие значимого объекта любви не только повышает общую уязвимость ребенка перед лицом жизненных стрессоров, но и критически нарушает его внутренние биологические механизмы регуляции.

Дальнейшее развитие современной психоаналитической мысли было связано с изучением влияния качества материнского ухода на раннее эмоциональное развитие ребенка. Исследователи этого направления (М. Кляйн, М. Малер, Х. Кохут, О. Кернберг, Д. В. Винникотт) в ходе систематических наблюдений за диадой «мать–ребенок» проанализировали динамику их взаимодействия. Результатом этой работы стало выявление ключевых характеристик материнского поведения, которые либо способствуют гармоничному психическому созреванию, либо выступают факторами деструктивного влияния, имеющими долгосрочные последствия для всей последующей жизни личности.

Согласно концепции О. Кернберга, патологические паттерны ранних объектных отношений детерминируют развитие пограничных и нарциссических личностных расстройств. Клинически эти состояния проявляются через диффузию идентичности, хроническое чувство внутренней опустошенности, утрату жизненных смыслов, депрессивные переживания, а также сочетание выраженной межличностной зависимости с фиксацией на чрезмерно завышенных идеалах.

Венгерский психоаналитик Ш. Ференци рассматривал деструктивные ранние объектные отношения как источник травматизации, провоцирующий развитие нарциссических личностных расстройств. По мнению автора, нарциссизм в данном контексте выступает как защитная реакция на невыносимые условия среды: будучи отвергнутым, ребенок формирует внутреннюю альтернативную реальность, наделенную идеальными свойствами. В этом аутоцентрированном мире субъект компенсирует дефицит любви, осуществляя процесс диссоциации: одна часть «Я» берет на себя материнскую функцию заботы и самоподдержки, направленную на другую, травмированную часть личности.

Согласно теории Д. В. Винникотта, нарушение процесса становления «Истинного Я» происходит в тех случаях, когда мать не способна обеспечить ребенку среду для спонтанного проявления индивидуальности. В ситуации, когда одобрение матери становится наградой за конформное поведение, ребенок вынужден подавлять свои истинные потребности и адаптироваться к внешним установкам. Это приводит к развитию «Фальшивого Я» — психологической надстройки, направленной на защиту субъекта через следование ожиданиям окружающих в ущерб собственной аутентичности.

Современная терапевтическая модель М. Мюррей базируется на психоаналитической традиции и постулирует значимость системы «витальных потребностей» для гармоничного онтогенеза. Согласно теории автора, обеспечение чувства безопасности, стабильности и эмоциональной защищенности является условием формирования «естественного ребенка» — личности, способной к аутентичному эмоциональному переживанию и реализации своих задатков [14, 17]. Столкновение с травматическим опытом или депривацией провоцирует возникновение невыносимой душевной боли, которую индивид стремится нейтрализовать посредством защитных механизмов. Последние включают подавление аффекта, аддиктивное поведение (химические и поведенческие зависимости) и другие формы диссоциации, выполняющие функцию «психологической анестезии». Хроническое избегание травматических переживаний способствует накоплению агрессивного потенциала и подавлению «естественного ребенка», что ведет к утрате способности к эмоциональному отклику и получению удовольствия от жизни.

Исследование психической травмы также опирается на теоретическую базу стресса, разработанную Г. Селье. В рамках данной концепции травма интерпретируется как специфическая форма стрессовой реакции, возникающая при длительном или интенсивном воздействии патогенного фактора. Когда сила и продолжительность внешнего стрессора превышают адаптационные и регуляторные ресурсы ребенка, наступает критическая перегрузка, приводящая к глубокой физиологической и психологической дезорганизации. Подобные события, выходящие за рамки привычного индивидуального опыта, создают условия для формирования клинических состояний, классифицируемых как ПТСР.

Особого внимания заслуживает концепция американского психотерапевта П. Левина, который классифицирует как травмогенные широкий спектр событий: от межличностного насилия (физического, сексуального, эмоционального) и депривации до техногенных катастроф и последствий военных конфликтов [4, 5, 11]. Подход автора к проблематике ПТСР является междисциплинарным (интегративным): в нем успешно синтезируются достижения гуманитарного знания и естественных наук, включая нейрофизиологию, нейропсихологию, биологию и иммунологию.

П. Левин трактует психическую травму как естественный психобиологический феномен, а не как форму психической патологии, предполагая ее потенциальную

излечимость. Согласно его концепции, травма возникает в результате незавершенности врожденных инстинктивных реакций (бегство, борьба, оцепенение) на угрожающее событие [24]. Неразряженная энергия, мобилизованная в ответ на травму, остается заблокированной в организме, что объясняет симптоматику ПТСР. Хроническое возбуждение подкорковых структур приводит к навязчивым воспоминаниям (интрузиям), одновременно вызывая избегающее поведение по отношению к травматическим триггерам [26]. Это возбуждение также проявляется в неспецифических нарушениях: трудностях с концентрацией, раздражительности и инсомнии, что в целом ведет к дезадаптации. Терапевтическая цель, по Левину, заключается в завершении незавершенной защитной реакции, высвобождении заблокированной энергии и восстановлении нарушенного психофизиологического гомеостаза.

В исторической ретроспективе понятие травмы претерпело значительные изменения. В ранних психоаналитических работах (З. Фрейд) акцент делался на реальном или фантазийном сексуальном совращении. Позже, в работах А. Фрейд и Р. Шпица, фокус сместился на последствия длительной госпитализации и материнской депривации, что привело к формированию теории привязанности [25].

В современной отечественной психологии (Ф.Е. Василюк, М.Г. Решетников) психологическая травма определяется как переживание особого рода, характеризующееся разрушением базовых структур индивидуального сознания и невозможностью адаптации к изменившимся условиям существования [26]. Для детского возраста этот феномен осложняется тем, что оценка события как травматического опосредована реакцией значимого взрослого.

Зарубежные исследователи (E. Foa, B. van der Kolk) опираются на критериальные подходы. В DSM-4-TR для диагностики ПТСР у детей старше 6 лет выделяются четыре кластера симптомов: интрузии, избегание, негативные изменения в когнитивной сфере и настроении, изменения в возбудимости и реактивности [2, 27]. Для детей младше 6 лет критерии адаптированы. Однако, как отмечают многие авторы, классические критерии ПТСР не всегда адекватно описывают состояние ребенка, перенесшего хроническую межличностную травму (насилие в семье). Для этого случая предложен конструкт комплексного ПТСР (КПТСР), включающий помимо основных симптомов, нарушения аффективной регуляции, негативную Я-концепцию и нарушения в отношениях [19].

Анализ литературы позволяет выделить три основные группы факторов риска развития психологической травмы у детей:

1. Семейные факторы: жестокое обращение (физическое, сексуальное, эмоциональное), пренебрежение основными нуждами ребенка, наличие у родителей психических расстройств или зависимостей, развод, потеря родителя.

2. Социально-средовые факторы: военные действия, террористические акты, стихийные бедствия, вынужденная миграция.

3. Ятрогенные факторы: болезненные медицинские процедуры, госпитализация без сопровождения родителей (особенно в раннем возрасте).

Особого внимания заслуживает концепция «комплексной травмы развития» (developmental trauma disorder), предложенная B. van der Kolk, но не вошедшая в DSM-4. Согласно этой концепции, хроническое воздействие травмы в раннем возрасте нарушает формирование базовых систем саморегуляции, что приводит к сенсорно-моторным, аффективным и когнитивным дисфункциям, выходящим за рамки традиционного ПТСР [8, 12].

Наиболее значимые результаты современной науки связаны с изучением влияния травмы на развивающийся мозг. Исследования с использованием методов

нейровизуализации (МРТ) показывают, что дети, пережившие жестокое обращение, имеют структурные изменения в:

Амигдале: наблюдается гиперреактивность и увеличение объема на ранних этапах, что связано с повышенной тревожностью и готовностью к реакции страха.

Префронтальной коре (ПФК): отмечается уменьшение объема и снижение функциональной активности, особенно в вентромедиальной и дорсолатеральной областях, что приводит к дефициту исполнительных функций и контроля импульсов [20, 23].

Гиппокампе: выявлено уменьшение объема гиппокампа, что коррелирует с нарушениями декларативной памяти и контекстуализации страха.

Оси гипоталамус-гипофиз-надпочечники (HPA): дисрегуляция стрессовой системы проявляется в виде атипичного уровня кортизола (чаще всего — сниженного при хронической травме), что ведет к соматическим заболеваниям и истощению адаптационных ресурсов.

В российской науке проблема детской травмы активно разрабатывается в рамках психологии развития, специальной психологии и клинической психологии. Н.В. Тарабрина и ее коллеги внесли значительный вклад в изучение посттравматического стресса у участников боевых действий и вынужденных переселенцев, включая детей [19, 20]. Исследования М.Г. Решетникова показывают, что в условиях социальной нестабильности происходит регресс механизмов психологической защиты и рост тревожных расстройств у детей [15, 18].

Работы Г.В. Бурменской и О.А. Карабановой, выполненные в русле теории привязанности, убедительно демонстрируют, что нарушение отношений с близким взрослым является ключевым звеном патогенеза психологической травмы в раннем онтогенезе. Отечественные авторы акцентируют внимание не столько на событийной стороне травмы, сколько на субъективном переживании утраты чувства безопасности и нарушении социальной ситуации развития [16, 21].

Сравнительный анализ показывает, что если зарубежные исследования последних лет сфокусированы на поиске биомаркеров травмы и разработке протоколов терапии, основанных на принципах доказательной медицины (TF-CBT, EMDR), то отечественная традиция большее внимание уделяет контекстуальным, культурным и социально-психологическим факторам, а также роли семьи в преодолении последствий травмы.

Заключение. Проведенный теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований позволяет констатировать, что феномен детской психической травматизации характеризуется высокой сложностью и многоаспектностью, что на текущий момент исключает наличие единого концептуального консенсуса. В современной науке сосуществуют две дополняющие друг друга парадигмы. Психоаналитическая традиция интерпретирует травму как деструктивный аффективный опыт, возникающий вследствие нарушений объектных отношений и депривации витальных потребностей в раннем возрасте; этот опыт, даже будучи вытесненным, продолжает детерминировать личностную организацию и паттерны поведения взрослого индивида. Естественно-научный подход, в свою очередь, рассматривает травму как срыв адаптационных механизмов организма в ответ на критические, неконтролируемые стрессоры, акцентируя внимание на системных нарушениях — от психофизиологических до социально-психологических.

Синтез этих подходов позволяет сформулировать ключевые выводы исследования:

Многоуровневая природа травмы. Детская психологическая травма является системным образованием, которое не должно редуцироваться исключительно к диагностическим критериям ПТСР. Принципиально важным является разграничение острой травмы (результат единичного события) и хронической «травмы развития» (следствие длительного воздействия межличностного насилия), последняя из которых приводит к более глубоким и диффузным искажениям личности.

Сближение теоретических позиций. Современные исследования демонстрируют конвергенцию отечественных и зарубежных концепций: ключевым механизмом трансформации внешнего события во внутреннюю реальность признается разрушение базового чувства безопасности и устойчивых паттернов привязанности. При этом нейробиологические данные обеспечивают доказательную базу для клинических наблюдений, наглядно демонстрируя «запечатление» травматического опыта на уровне структур головного мозга.

Специфика детской травматизации. Ключевая особенность травмы в детском возрасте заключается в ее отсроченных последствиях и влиянии на онтогенез высших психических функций. В отличие от взрослых, у детей травматический опыт нередко маскируется под поведенческие расстройства (агрессия, гиперактивность) или соматические жалобы, что существенно затрудняет первичную диагностику.

Практические рекомендации. Обоснованная сложность феномена диктует необходимость внедрения в профессиональную практику травмо-ориентированного подхода. Данный подход должен базироваться на трех императивах:

Диагностическая глубина: обязательный учет не только симптоматики ПТСР, но и оценка нарушений привязанности.

Системность терапии: включение значимых взрослых (родителей) в терапевтический процесс как основного ресурса восстановления.

Нейробиологическая обоснованность: применение методов, ориентированных на сенсомоторную регуляцию и работу с телесными паттернами, что позволяет воздействовать на травму на уровне физиологических реакций.

Таким образом, комплексный взгляд на проблему детской травматизации открывает путь к созданию эффективных стратегий профилактики, ранней диагностики и реабилитации, учитывающих как биологическую уязвимость ребенка, так и его психосоциальную среду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева Т.О. Теоретическое обоснование подходов к профилактике психологической травмы у детей и подростков в трудной жизненной ситуации / Авдеева Т.О., Волоскова В.А., Толстошеина В.А., Цыплухина Е.А. // Актуальные исследования. — 2024. — № 23 (205). — Ч. II. — С. 78–81.
2. Боулби, Д. Привязанность / Д. Боулби ; пер. с англ. — М. : Гардарики, 2003. — 477 с.
3. Ван дер Колк, Б. Тело ведет счет. Мозг, разум и тело в лечении травмы / Б. Ван дер Колк; пер. с англ. — М. : Эксмо, 2020. — 512 с.
4. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология / Л. С. Выготский ; под ред. Д.Б. Эльконина. — М. : Педагогика, 1984. — 432 с.
5. Голубева Ю.В. Особенности психической травматизации в детском возрасте, её влияние на жизненные взаимодействия и жизненную перспективу молодой личности // Исследования молодых учёных: материалы LIX Международной научной конференции (Казань, апрель 2023 г.). — Казань: Молодой учёный, 2023. — С. 82–88.
6. Екатеринина А.А. Влияние детской психической травмы на взрослую жизнь // Молодой учёный. 2020. — № 10 (300). — С.213–215.
7. Екимова В.И. Комплексная психологическая травма как последствие экстремального стресса / Екимова В.И., Лучникова Е.П. // Современная зарубежная психология. 2020. — Т. 9, № 1. — С. 50–61.

8. Захарчук Е.В. Психологические факторы травмоопасного поведения у детей / Захарчук Е.В., Доценко Е.Л., Гаибов С.С. // Консультативная психология и психотерапия. — 2021. — Т. 29, № 4. — С. 10–26
9. Карабанова, О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования / О.А. Карабанова. — М. : Гардарики, 2005. — 320 с.
10. Куттер П. Современный психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов / П. Куттер. — СПб. : Б.С.К., 1997. — 351 с.
11. Левин П.А. Пробуждение тигра — исцеление травмы, Природная способность трансформировать экстремальные переживания / науч. ред. Е.С. Мазур. — М. : АСИ, 2007. — 316 с.
12. Лолаева А.С. Влияние детской психологической травмы на взрослую жизнь / Лолаева А.С., Худалова М.З. // Психолог. — 2024. — № 2. — С. 33–48.
13. Мариничева А.А. Травматические события современного мира, приводящие младших школьников (8–10 лет) к психологической травме // Вестник науки. — 2024. — Т. 2, № 2 (71). — С. 423–430.
14. Мюррей М. Узник иной войны: удивительный путь исцеления от детской травмы / М. Мюррей. — М. : Альварер Паблишинг, 2004. — 208 с.
15. Решетников М.Г. Психическая травма / М.Г. Решетников. — СПб. : Восточно-Европейский институт психоанализа, 2006. — 322 с.
16. Селье Г. Стресс без дистресса / Г. Селье. — Рига : Внеда, 1992. — 109 с.
17. Сердюкова А.С. Психическая травма и её природа // Фундаментальные научные исследования: сборник научных трудов по материалам XXXIV Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 15 марта 2021 г.). — С. 54–59.
18. Сурова Т.С. Руминации как последствие детской психологической травмы: феномен «мысленного самоужаливания» и адаптивное мышление // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 28 мая 2021 г.). — Чебоксары: ИД «Среда», 2021. — С. 385–388.
19. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н.В. Тарабрина. — СПб. : Питер, 2001. — 272 с.
20. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: теория и практика / Н.В. Тарабрина. — М. : Институт психологии РАН, 2009. — 304 с.
21. Точиева М.М. Психолого-педагогическая работа по коррекции эмоционального реагирования старших дошкольников на психические травмы / Точиева М.М., Цечоева Р.Х. // Мир науки, культуры, образования. — 2021. — № 2 (87). — С. 250–251.
22. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд ; пер. с нем., сост., послесл. и коммент. А.А. Гугнина. — М. : Прогресс, Литера, 1992. — 570 с.
23. Харламенкова Н.Е. Психологические последствия переживания стресса в детском возрасте — феномены «оставленности» и «вовлечённости» / Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А., Шаталова Н.Е., Дымова Е.Н. // Клиническая и специальная психология. — 2022. — Т. 11, № 3. — С. 71–96.
24. Шпиц, Р.А. Психоанализ раннего детского возраста / Р.А. Шпиц ; пер. с англ. — М. : ПЕР СЭ, 2001. — 159 с.
25. Юнг К.Г. Тэвикстокские лекции, Аналитическая психология: ее теория и практика / К.Юнг ; сост., предисл. и пер. с англ. В. Менжулина. — Киев : СИНТО, 1995. — 236 с.
26. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. — 5th ed., text rev. (DSM-5-TR). — Washington, DC : American Psychiatric Publishing, 2022. — 1120 p.
27. Van der Kolk, B.A. Developmental Trauma Disorder: Toward a rational diagnosis for children with complex trauma histories / B. A. Van der Kolk // Psychiatric Annals. — 2005. — Vol. 35, № 5. — P. 401–408.

REFERENCES

1. Avdeeva T.O., Voloskova V.A., Tolstosheina V.A. & Tsyplukhina E.A. (2024). Theoretical substantiation of approaches to the prevention of psychological trauma in children and adolescents in difficult life situations [Theoretical substantiation of approaches to the prevention of psychological trauma in children and adolescents in difficult life situations]. Scientific and Educational Problems of the Russian Army, 23(205), Part II, 78–81. (In Russian).
2. Bowlby D. (2003). Attachment [Attachment] (Translated from English). Moscow: Gardariki, 477 p. (In Russian).
3. Van der Kolk B. (2020). The body keeps score. Brain, mind and body in the treatment of trauma [The body keeps score. Brain, mind and body in the treatment of trauma] (Translated from English). Moscow: Eksmo, 512 p. (In Russian).

4. Vygotsky L.S. (1984). Collected works: in 6 volumes. Vol. 4. Child psychology [Collected works: in 6 volumes. Vol. 4. Child psychology] (Ed. D. B. Elkonin). Moscow: Pedagogika, 432 p. (In Russian).
5. Golubeva Yu. V. (2023). Features of mental traumatization in childhood, its impact on life interactions and the life perspective of a young person [Features of mental traumatization in childhood, its impact on life interactions and the life perspective of a young person]. In Research of young scientists: proceedings of the LIX International Scientific Conference (pp. 82–88). Kazan: Young Scientist. (In Russian).
6. Ekaterina A.A. (2020). The influence of childhood mental trauma on adulthood [The influence of childhood mental trauma on adulthood]. Young Scientist, 10(300), 213–215. (In Russian).
7. Ekimova V.I. & Luchnikova E. P. (2020). Complex psychological trauma as a consequence of extreme stress [Complex psychological trauma as a consequence of extreme stress]. Modern foreign psychology, 9(1), 50–61. (In Russian).
8. Zakharchuk E.V., Dotsenko E. L. & Gaibov S. S. (2021). Psychological factors of traumatic behavior in children [Psychological factors of traumatic behavior in children]. Consultative psychology and psychotherapy, 29(4), 10–26. (In Russian).
9. Karabanova O.A. (2005). Psychology of family relations and the basics of family counseling [Psychology of family relations and the basics of family counseling]. Moscow: Gardariki, 320 p. (In Russian).
10. Kutter P. (1997). Modern psychoanalysis. An introduction to the psychology of unconscious processes [Modern psychoanalysis. An introduction to the psychology of unconscious processes]. Saint Petersburg: B.S.K., 351 p. (In Russian).
11. Levin P.A. (2007). The awakening of the tiger — the healing of trauma, the natural ability to transform extreme experiences [The awakening of the tiger — the healing of trauma, the natural ability to transform extreme experiences] (Scientific ed. E. S. Mazur). Moscow: ASI, 316 p. (In Russian).
12. Lolaeva A.S. & Khudalova M.Z. (2024). The impact of childhood psychological trauma on adulthood [The impact of childhood psychological trauma on adulthood]. Psychologist, 2, 33–48. (In Russian).
13. Marinicheva A.A. (2024). Traumatic events in the modern world that lead younger schoolchildren (8-10 years old) to psychological trauma [Traumatic events in the modern world that lead younger schoolchildren (8-10 years old) to psychological trauma]. Bulletin of Science, 2(2/71), 423–430. (In Russian).
14. Murray M. (2004). Prisoner of another war: an amazing way of healing from childhood trauma [Prisoner of another war: an amazing way of healing from childhood trauma]. Moscow: Alvar Publishing, 208 p. (In Russian).
15. Reshetnikov M.G. (2006). Mental trauma [Mental trauma]. Saint Petersburg: East European Institute of Psychoanalysis, 322 p. (In Russian).
16. Selye G. (1992). Stress without distress [Stress without distress]. Riga: Neda Publ., 109 p. (In Russian).
17. Serdyukova A.S. (2021). Mental trauma and its nature [Mental trauma and its nature]. In Fundamental scientific research: a collection of scientific papers based on the materials of the XXXIV International Scientific and Practical Conference (pp. 54–59). (In Russian).
18. Surova T.S. (2021). Rumination as a consequence of childhood psychological trauma: the phenomenon of “mental self-improvement” and adaptive thinking [Rumination as a consequence of childhood psychological trauma: the phenomenon of “mental self-improvement” and adaptive thinking]. In Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (pp. 385–388). Cheboksary: Publishing house “Wednesday”. (In Russian).
19. Tarabrina N.V. (2001). Practicum on the psychology of post-traumatic stress [Practicum on the psychology of post-traumatic stress]. Saint Petersburg: Peter, 272 p. (In Russian).
20. Tarabrina N.V. (2009). Psychology of post–traumatic stress: theory and practice [Psychology of post–traumatic stress: theory and practice]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 304 p. (In Russian).
21. Tochieva M.M. & Tsechoeva R.H. (2021). Psychological and pedagogical work on correcting the emotional response of older preschoolers to mental trauma [Psychological and pedagogical work on correcting the emotional response of older preschoolers to mental trauma]. The world of science, culture, education, 2(87), 250–251. (In Russian).
22. Freud Z. (1992). Beyond the pleasure principle [Beyond the pleasure principle] (Translated from German, compiled, afterword. and comments by A. A. Gugnin). Moscow: Progress, Literature, 570 p. (In Russian).
23. Kharlamenkova N.E., Nikitina D.A., Shatalova N.E. & Dymova E.N. (2022). The psychological consequences of experiencing stress in childhood — the phenomena of “abandonment” and “involvement” [The psychological consequences of experiencing stress in childhood — the phenomena of “abandonment” and “involvement”]. Clinical and special psychology, 11(3), 71–96. (In Russian).
24. Spitz R. A. (2001). Psychoanalysis of early childhood [Psychoanalysis of early childhood] (Translated from English). Moscow: PER SE, 159 p. (In Russian).

25. Jung K. G. (1995). Tavistock lectures, Analytical psychology: its theory and practice [Tavistock lectures, Analytical psychology: its theory and practice] (Compiled, preface. and translated from English by V. Menzhulin). Kiev: SHINTO, 236 p. (In Russian).
26. American Psychiatric Association. (2022). Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (5th ed., text rev., DSM-5-TR). Washington, DC: American Psychiatric Publishing, 1120 p. (In English).
27. Van der Kolk B.A. (2005). Developmental Trauma Disorder: Toward a rational diagnosis for children with complex trauma histories [Developmental Trauma Disorder: Toward a rational diagnosis for children with complex trauma histories]. Psychiatric Annals, 35(5), 401–408. (In English).

Поступила в редакцию 12.04.2026 г.

PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL TRAUMA IN CHILDHOOD

A.D. Shirinskaya

The article presents a theoretical analysis of the phenomenon of childhood mental trauma in the context of domestic and foreign scientific approaches. The evolution of the concept of "psychological trauma" from classical psychoanalysis to modern neurobiological research is considered. The key substantive lines of the problem are identified: terminological ambiguity, the distinction between acute trauma and complex post-traumatic stress disorder, as well as the specifics of the impact of trauma on personality formation and neurobiological development of the child. Differences have been found in the interpretation of the concept of "psychological trauma" in domestic (emphasis on disability and social maladjustment) and foreign (emphasis on DSM criteria and neurobiological changes) traditions. Key risk factors have been identified, including abuse, deprivation, and attachment disorder. Neurobiological correlates of early trauma (dysregulation of the HPA axis, changes in the structure of the amygdala and prefrontal cortex) are described. Childhood psychological trauma is a systemic phenomenon that leads to lasting changes at the biological, personal, and social levels. The necessity of integrating neurobiological and psychosocial approaches into the practice of diagnosis and therapy is substantiated.

Keywords: childhood mental trauma, post-traumatic stress disorder, psychoanalysis, developmental trauma, deprivation, attachment theory, developmental neurobiology, neurobiology.

Ширинская Анастасия Дмитриевна
Донецкий государственный университет,
Российская Федерация, г. Донецк.
Аспирант кафедры общей психологии.

ORCID 0009-0001-1039-8732
E-mail: nastiriks3@gmail.com

Shirinskaya Anastasia Dmitrievna
Donetsk State University,
Russian Federation, Donetsk.
Postgraduate student at Department of General Psychology.
ORCID 0009-0001-1039-8732
E-mail: nastiriks3@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 159.9.07
DOI: 10.5281/zenodo.22973897

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ К РАЗЛИЧНЫМ ВИДАМ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ[9]

© 2026 Д.В. Юрчук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0009-0009-7322-0585

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье представлено исследование личностных качеств как факторов противостояния манипулятивному воздействию. **Методы и материалы.** Выборка исследования: 450 человек (84% женщин, 16% мужчин; M = 18,49; SD = 2,576). Разработано три лабораторных эксперимента, включающих воспроизведение различных видов манипулятивного воздействия. Проводилась диагностика личностных особенностей участников эксперимента с последующим корреляционным анализом. **Результаты:** 1. Под влиянием манипулятивного воздействия значительно изменилось социальное восприятие другого человека. Факторы уязвимости к манипуляции: опора на эмоциональный опыт, самоуверенность в сфере межличностных отношений, готовность к преодолению трудностей. Устойчивости способствует ответственность в сфере межличностных отношений. 2. Использование манипулятивных тактик значительно влияет на регуляцию человеком своей когнитивной деятельности. Факторы уязвимости: чувствительность, тревожность, интеллект, общительность, отрицание активности. 3. Апелляция к авторитету со стороны манипулятора усиливает степень влияния манипуляции в контексте материального взаимодействия. Факторы уязвимости к манипуляции: склонность к независимости, сдерживанию эмоциональных переживаний, ответственность в сфере межличностных отношений. Выводы**.** Личностные факторы противостояния манипуляции различны в зависимости от ориентированности манипуляции на определенную сферу жизнедеятельности личности.

Ключевые слова: психологическая манипуляция, социальное восприятие, когнитивная деятельность, мошенничество, психологическая игра, эксперимент, личностные факторы, устойчивость, подверженность.

Для цитирования: Юрчук Д.В. Психологические факторы устойчивости личности к различным видам манипулятивного воздействия / Д.В. Юрчук // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 357–370. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22973897.

Введение. В настоящее время увеличился запрос на проведение исследований, посвященных феномену психологической манипуляции. Это, с одной стороны, объясняется увеличением спектра целей и областей применения манипулятивного воздействия. Развитие коммуникационных платформ открыло возможность для дистанционного, трансграничного психологического воздействия, способствующего уклонению манипулятора от ответственности. С другой стороны, благодаря активному развитию психологии как науки и расширению деятельности служб психологической поддержки повысился уровень осознанности и рефлексии людей в современном обществе. Современный человек стал чувствительнее к «мягкой» силе манипулятивного воздействия и начал бороться с ней, подобно тому, как когда-то

[9] Работа выполнена в рамках государственного задания «Личность в современном информационном и социокультурном пространстве» (№ FRRE-2026-0029).

боролся с открытым доминированием, на смену которому, собственно говоря, и пришла психологическая манипуляция [6].

В чем сущность манипулятивного воздействия? Что происходит с психологическими характеристиками человека в условиях манипулятивного воздействия? Как защититься от психологической манипуляции? Какую роль в условиях манипулятивного воздействия играют личностные факторы адресата манипуляции? Что делает человека восприимчивым к психологической манипуляции и, главное, какие психологические факторы способствуют устойчивости к манипулятивному воздействию?

В предыдущих исследованиях, посвященных теоретическому анализу проблемы манипулятивного воздействия, мы вывели всеобъемлющее определение понятия психологической манипуляции.

Психологическая манипуляция — это скрытое психологическое воздействие, осуществляемое человеком или группой лиц, направленное на компоненты личностной структуры других людей вразрез с их предполагаемой волей [14].

На основании теоретического анализа работ, посвященных феномену психологической манипуляции [1, 2, 3, 6, 12, 15], предложена классификация данного феномена, которая стала теоретическим основанием исследования.

Манипулятивное воздействие по степени осознанности воздействующего субъекта можно разделить на осознанное и неосознанное.

- Неосознанная психологическая манипуляция, как правило, происходит по принципу неосознанных психологических игр, описанных Эриком Берном в книге: «Игры, в которые играют люди». Цели воздействия и сам механизм манипулятивного воздействия в этом случае манипулятором не осознаются, либо частично осознаются, при этом нередко эти игры не приносят манипулятору практической выгоды.

- Осознанная психологическая манипуляция. Цели и способ манипулятивного воздействия осознаются манипулятором. Манипулятор заблаговременно собирает информацию, выявляет уязвимые места в личности адресата манипуляции, стремится изолировать жертву манипуляции от внешних источников информации, которые потенциально противоречат манипулятивной легенде.

Психологическая манипуляция может быть нацелена как на одного человека, так и на группу лиц или даже целые сообщества — *манипуляция массовым сознанием*.

Направляя манипулятивное воздействие на определенный компонент личностной структуры [10] адресата манипуляции, манипулятор стремится реализовать свои, известные только ему цели. Отечественные специалисты выделяют ряд целей, реализуемых манипулятором посредством манипулятивного воздействия:

- изменение направленности личности [2];
- управление поведением адресата манипуляции [6];
- изменение социального восприятия адресата манипуляции [3].

Также целью манипулятивного воздействия все чаще становится завладение материальными средствами жертвы манипуляции — мошенничество.

Систематизировав и обобщив все виды манипулятивного воздействия по характеру целей, преследуемых манипулятором, были выведены три вида психологической манипуляции в зависимости от ориентированности воздействия на определенную сферу жизнедеятельности личности, в которой манипулятор реализует свои цели:

- Психологическая манипуляция, ориентированная на внутренний мир личности. Целью такого воздействия является вмешательство в регуляцию человеком своей

когнитивной деятельности, в представления человека о самом себе, влияние на эмоциональное состояние жертвы манипуляции. Манипулятор, как правило, стремится подорвать личностную структуру адресата манипуляции, обостряя конкуренцию мотивов, создавая ситуации, провоцирующие отрицательные эмоциональные переживания.

- Психологическая манипуляция, ориентированная на социальную сферу личности. Целью такого психологического воздействия является изменение социального восприятия и социального поведения адресата манипуляции в заданном манипулятором направлении. Данное манипулятивное воздействие нередко адресуется к социальным установкам, эффектам и феноменам социального восприятия.

- Психологическая манипуляция, ориентированная на экономическую сферу личности (мошенничество). Цель такого манипулятивного воздействия банально проста — завладение материальными ценностями жертвы манипуляции. В данном случае манипулятором нередко эксплуатируются потребность человека в близости, отношениях и т.д. Манипулятору важно удерживать близкий контакт, чтобы получить как можно большую материальную выгоду от отношений, подобно тому, как в природе, паразитирующие существа стараются удерживать как можно более близкий контакт с так называемым хозяином, выступающим источником их питания.

Цель манипулятивного воздействия представляет собой конечную точку, к которой должна привести манипулятивная тактика, и, естественно, если цели будут различны, то и путь к ним нередко пролегает через различные мишени — «кнопки» в сознании адресата. Соответственно, для выделения психологических факторов устойчивости личности в условиях манипулятивного воздействия необходимо учитывать вид манипулятивного воздействия, который применяется манипулятором, а также то, в какой сфере жизнедеятельности адресата манипулятор стремится достичь своей цели.

Проведем теоретический анализ уже известных работ по исследованию личностных характеристик, способствующих устойчивости личности в условиях манипулятивного воздействия.

В исследованиях, проведенных В.П. Шейновым, были выявлены личностные качества, способствующие защищенности от манипуляций: высокий социальный интеллект, независимость от мнений окружающих, определенная недоверчивость и проницательность [12].

В своей книге «Who’s Pulling Your Strings? How to Break the Cycle of Manipulation and Regain Control of Your Life» H.B. Braiker указывает личностные факторы являющиеся уязвимым местом в условиях манипулятивного воздействия как: страсть к удовольствиям; склонность к получению одобрения; эмотофобия; нехватка самостоятельности; неясное самосознание; внешний локус контроля. Также предлагаются стратегии противодействия манипуляции, включающие развитие ассертивности (умения отстаивать свои интересы, не нарушая права других), анализ собственных уязвимостей и установление четких личных границ [15].

- Мотивы манипуляторов: потребности получить желаемое за счет других; желания ощутить силу и власть в отношениях; стремления контролировать окружение и действия других людей; низкая самооценка, которая компенсируется доминированием.

Исследования К. Ойибо, посвященные выявлению влияния черт личности на восприимчивость пользователей к социальному воздействию, показывают:

- люди с высоким уровнем нейротизма чаще подвержены стратегиям социального влияния;

- люди с низким уровнем открытости более подвержены социальному доказательству и социальному сравнению;

- люди с низким уровнем добросовестности чаще подвержены социальному обучению и социальному пуфу, чем те, кто обладает высоким уровнем добросовестности [17].

В исследованиях, посвященных изучению личностных факторов, способствующих устойчивости/подверженности манипулятивному воздействию мошенника, получены следующие результаты:

- склонность к аналитическому мышлению снижает вероятность попадания человека в ловушки манипуляций интернет-мошенников [16];

- более высокий уровень доброжелательности, доверчивости и внушаемости, а также менее высокий уровень эмоциональной стабильности повышают вероятность подверженности телефонному мошенничеству [9].

В результатах вышеперечисленных исследований личностных факторов устойчивости/подверженности манипулятивному воздействию наблюдаются определенные различия, а порой даже противоречия. Причина этих различий видится в зависимости от ориентированности психологической манипуляции на сферы жизнедеятельности адресата и степени ее влияния.

Если говорить о выявлении степени влияния манипулятивного воздействия на сферы жизнедеятельности человека и того, какую конкретно роль в зависимости от ориентированности манипулятивного воздействия играют такие личностные факторы, как особенности характера, мышления, мотивационной, эмоционально-волевой и ценностно-смысловой сферы личности, то необходимо отметить, что в известных нам работах эта проблематика остается неизученной. Попытка исследования данной проблематики и составляет новизну настоящего исследования.

Цель исследования — выяснить, какие личностные качества являются факторами устойчивости/подверженности к манипулятивному воздействию в зависимости от ориентированности психологической манипуляции на определенную жизненную сферу личности.

Объект исследования — лица, подвергаемые манипулятивному воздействию.

Предмет исследования — личностные характеристики человека в условиях манипулятивного воздействия.

Теоретическая гипотеза: манипулятивное воздействие оказывает значимое влияние на сферы жизнедеятельности человека, при этом личностные факторы устойчивости/подверженности к манипулятивному воздействию будут зависеть от ориентированности психологической манипуляции на определенную жизненную сферу личности.

Эмпирические гипотезы:

1. Манипулятивное воздействие оказывает значимое влияние на социальное восприятие, регуляцию человеком своей когнитивной деятельности, степень погружения человека в ухудшенное материальное положение.

2. Особенности мышления, ценностно-смысловой и эмоционально-волевой сферы личности значимо связаны с устойчивостью/подверженностью к манипуляции социальным восприятием личности.

3. Особенности характера, эмоционально-волевой и мотивационной сферы личности значимо связаны с устойчивостью/подверженностью к манипуляции, ориентированной на осуществление регуляции человеком своей когнитивной деятельности.

4. Особенности характера, эмоционально-волевой и мотивационной сферы личности значимо связаны с устойчивостью/подверженностью к манипуляции, ориентированной на изменение материального положения человека.

Материалы и методы. Выборка исследования. В исследовании приняли участие 450 человек (84% женщин и 16% мужчин) в возрасте от 17 до 49 лет (M = 18,49; SD = 2,576).

Основным методом исследования являлся лабораторный эксперимент; общая экспериментальная схема построена по квазиэкспериментальному плану.

Дизайн исследования. Для достижения целей исследования было разработано три эксперимента, включающих в себя различные схемы манипулятивного воздействия. Эксперименты проходили в онлайн-режиме — в условиях, приближенных к реальным условиям психологического воздействия, с использованием средств современных информационных коммуникаций. Участники эксперимента подключались к заранее запланированным онлайн-видеоконференциям, при этом каждый из них находился в своих естественных условиях проживания. Через мессенджеры каждому из участников высылался соответствующий дизайну исследования электронный бланк; после завершения каждого эксперимента участники отправляли свои результаты на почту экспериментатора. Сокрытие факта манипулятивного воздействия обеспечивалось путем подачи легенды, подобно знаменитым экспериментам С. Аша по групповому давлению на индивида: участники эксперимента не знали, что принимают участие именно в исследовании влияния психологической манипуляции.

1. *Исследование социального восприятия личности другого человека в условиях манипулятивного воздействия.* Выборка исследования составила 154 человека. Экспериментальная группа — 77 человек (M = 19,18), контрольная группа — 77 (M = 19,1). По легенде тема исследования была: «Исследование гендерных особенностей стереотипов восприятия». Участникам эксперимента предлагали принять участие в исследовании стереотипов восприятия мужчин и женщин.

Участники получали бланк исследования, в котором был список из 15 личностных качеств, содержащий в равной мере как положительные, так и отрицательные характеристики, с помощью которых можно было в полной мере охарактеризовать человека. Давалось задание из 15 личностных качеств выбрать пять, присущих, по их мнению, человеку, изображенному на фотографии. Фотографии транслировались поочередно в виде слайдов онлайн-презентации; на них были изображены мужчины и женщины в возрасте около 30-ти лет, которые объективно заслуживали положительных отзывов. На описание каждого человека давалось 1,5 минуты.

Манипулятивное воздействие заключалось в том, что на пятом фото был показан мужчина, который ранее был на первом фото, однако теперь над фотографией была надпись (черным шрифтом): «Мужчина, употребляющий наркотики». Экспериментатор также произносил вслух: «Есть информация о том, что этот мужчина употребляет наркотики». Эта информация имела скрытое манипулятивное воздействие, которое осуществлялось в форме «ненавязчивого» принуждения с использованием ситуативной власти экспериментатора. Мишенью данного воздействия выступал существующий в сознании людей и «заряженный» определенными эмоциональными установками стереотип человека, употребляющего наркотики, имеющий соответствующие отрицательные качества (лживость, эгоистичность и др.). Целью воздействия была деформация социального восприятия личности данного мужчины на фото. Предполагалось, что у испытуемых возникнет установка недоверия и презрения к человеку (который объективно не заслуживает такого отношения). В контрольной

группе испытуемым также повторно демонстрировался мужчина, который был изображен на фото № 1, однако без сопутствующих надписей и комментариев со стороны экспериментатора [13].

Расчет показателей устойчивости/подверженности к манипулятивному воздействию производился путем сравнения характеристики, которую давали участники эксперимента объекту дискредитации после манипулятивного воздействия, с их первоначальным описанием объекта дискредитации. Количество личностных качеств, которые не совпадали при повторном описании, по сравнению с общим числом качеств (пять), указанных в начале эксперимента, принималось как показатель подверженности психологической манипуляции.

2. *Исследование регуляции когнитивной деятельности в условиях манипулятивного воздействия.* Выборка исследования составила 146 человек. Экспериментальная группа — 73 человека (М = 18,14), контрольная группа — 73 (М = 17,82). По легенде тема исследования была: «Исследование особенностей мышления». Участники эксперимента находились в заблуждении, что им необходимо проявить свои когнитивные способности в решении математических задач.

Бланк исследования содержал восемь равных по сложности математических задач. Давалось задание: из восьми задач решить шесть задач на выбор, на решение отводилось пять минут.

Манипулятивное воздействие заключалось в том, что перед началом выполнения задания экспериментатор произносил вслух: «На решение задач вам дается мало времени, и я заметил, что задачи под номером четыре и пять не решают из-за их сложности». Эта информация имела скрытый посыл и «адресовалась» к опыту человека (сложные задачи будет сложнее решить) и подсознательному стремлению к избеганию неудач перед трудностями, которые может вызвать попытка решить «сложную задачу». Целью воздействия было управление процессом технического выбора, который осуществляли участники эксперимента. Они побуждались к отказу от выбора (последующего решения) математических задач № 4, 5. В контрольной группе манипулятивная информация не подавалась, участникам эксперимента просто давалось задание решить на выбор шесть задач за такой же промежуток времени — пять минут.

Расчет показателя подверженности к манипулятивному воздействию производился путем подсчета количества случаев отказа от выбора для решения задач № 4, 5, являющихся объектом ложной дискредитации.

3. *Исследование материального положения человека в условиях манипулятивного воздействия.* Выборка исследования составила 150 человек. Экспериментальная группа — 75 человек (М = 18,96), контрольная группа — 75 (М = 17,76). Участникам эксперимента предлагалось принять участие в социально-психологическом исследовании — сыграть в психологическую игру, отражающую механизм построения взаимодействия между людьми в обществе.

За основу эксперимента была взята игра «Дилемма заключенного», которая была адаптирована под особенности российского экономического пространства и цели исследования. Метки матрицы игры «Дилемма заключенного» были изменены: вместо «признаться/не признаваться» использовалось «сотрудничать/конкурировать».

Участникам предлагалось вообразить, что им предстоит взаимодействовать с человеком, который наделен определенным статусом, авторитетом — представляет влиятельную структуру. Участникам предстояло выбрать, что они будут делать во время взаимодействия с этим «влиятельным» человеком: «сотрудничать или

конкурировать с ним». Свои ходы участники эксперимента записывали в бланке исследования в колонке «Игрок № 1». Ходы оппонента, «влиятельного человека», который был один для всех участников, записывались в колонке «Игрок № 2», их сообщал экспериментатор.

В зависимости от соотношения ходов участникам эксперимента присуждался условный выигрыш: если оба человека выбирали сотрудничество на одном и том же ходу — оба выигрывали умеренную сумму (1000 рублей). Если один выбирал сотрудничество, а другой конкуренцию, сотрудничающий проигрывал, зарабатывая 0 рублей; конкурирующий получал двойной выигрыш (2000 рублей). Если обе стороны решали конкурировать, они получали небольшой выигрыш (10 рублей). Участники эксперимента оказывались в условиях, когда от их действий (ходов) зависел их доход и материальное положение в данной смоделированной ситуации.

Тактика игрока № 2, выступающего оппонентом по отношению ко всем участникам эксперимента, являлась независимой переменной и отображала тактику действий мошенника. Представляясь влиятельным человеком, мошенник склоняет жертву к сотрудничеству, адресуясь к опыту человека, который говорит, что конкурировать с влиятельным человеком энергозатратно, сотрудничество выглядит предпочтительнее. Все это было отображено в тактике условного игрока № 2: он был представлен влиятельным человеком, его первый ход был сотрудничеством, последующие шесть ходов были конкурирующими. Всего участникам эксперимента предстояло сделать семь ходов. В экспериментальных условиях демонстрировалось ухудшение материального положения в случае сотрудничества с мошенником. Так, если участники эксперимента выбирали сотрудничество по отношению к конкуренции условного «Игрока № 2», они проигрывали, зарабатывая 0 рублей; «Игрок № 2» при этом забирал весь выигрыш (2000 рублей).

Дизайн исследования в контрольной группе отличался тем, что «Игрок № 2» был представлен участникам эксперимента как «среднестатистический человек» — апелляция к авторитету отсутствовала. Тактика ходов оставалась прежней, сумма выигрыша рассчитывалась аналогично экспериментальной группе.

Расчет показателя подверженности к манипулятивному воздействию производился путем подсчета количества нерелевантных сотрудничающих ходов по отношению к конкурирующим ходам «Игрока № 2», который делал шесть конкурирующих ходов, начиная со второго. Если балл находился в диапазоне от 0 до 2 — это принималось как низкий уровень подверженности манипуляции; от 3 до 4 — средний уровень; от 5 до 6 — высокий уровень.

Вторым этапом исследования проводилась диагностика личностных особенностей участников экспериментальных групп в первом эксперименте с помощью методик:

- Методика Н. Холла оценка «эмоционального интеллекта» — использовалась для определения способности участников исследования распознавать эмоции других людей и свои собственные (Ильин, 2011).

- Методика «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера в адаптации Е.Г. Ксенофонтовой — использовалась для определения уровня интернальности личности (Ксенофонтова, 1999).

- Методика «Выделение существенных признаков» С.Я. Рубинштейн — определяет преобладающий стиль мышления: конкретное или абстрактное (Рубинштейн, 2010).

- Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) И.Г. Сенина — позволяет оценить выраженность восьми терминальных ценностей по М. Рокичу и их представленность в различных сферах жизни человека [8].

Во втором и третьем экспериментах с помощью методик:

- Методика «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера в адаптации Е.Г. Ксенофонтовой — использовалась для определения уровня интернальности личности (Ксенофонтова, 1999).

- Методика Н. Холла оценка «эмоционального интеллекта» — использовалась для определения способности участников исследования распознавать эмоции других людей и свои собственные (Ильин, 2011).

- Методика «16-факторный личностный опросник 16PF/SPFQ» Р.Б. Кеттелла — использовалась для оценки индивидуально-психологических особенностей характера личности участников исследования [5].

- Методика «Мотивация успеха и боязнь неудач (МУН)» А.А. Реана — использовалась для выявления преобладающего типа мотивации: стремления к успеху или боязни неудачи [11].

Применялись следующие статистические методы: для анализа различий между контрольной и экспериментальной группами — t-критерий Стьюдента и критерий углового преобразования Фишера; для выявления взаимосвязи личностных качеств с уровнем подверженности манипуляции — ранговый корреляционный анализ Спирмена. Подсчет результатов осуществлялся при помощи программного пакета IBM SPSS 27.0.

Результаты. С помощью методов статистической обработки были проанализированы различия средних величин подверженности манипуляции в контрольных и экспериментальных группах исследования (t-критерий Стьюдента).

Различия средних величин результатов в контрольной и экспериментальной группах статистически достоверны. В исследовании социального восприятия личности в условиях манипулятивного воздействия ($t = 11{,}6$; $p \leq 0{,}01$) и в исследовании когнитивной деятельности человека в условиях манипулятивного воздействия ($t = 3{,}5$; $p \leq 0{,}01$).

В исследовании ухудшения материального положения человека в условиях манипулятивного воздействия значимых различий средних величин результатов исследования в контрольной и экспериментальной группах зафиксировано не было ($t = 0{,}4$). Были зафиксированы статистически значимые различия по частоте встречаемости высокого уровня подверженности психологической манипуляции в экспериментальной группе по отношению к контрольной ($\varphi^* = 2{,}369$; $p \leq 0{,}01$). Частота встречаемости высокого уровня подверженности манипуляции была выше в экспериментальной группе — 13%, а в контрольной группе — 4%. Представление воображаемого оппонента как «влиятельного лица» сопутствовало лишь некоторому повышению подверженности манипуляции.

Перейдем к рассмотрению результатов корреляционного анализа взаимосвязей подверженности манипулятивному воздействию и личностных характеристик участников эксперимента.

В табл. 1 представлены результаты корреляционного анализа подверженности манипулятивному воздействию и уровня интернальности личности участников эксперимента.

Таблица 1 Корреляционные взаимосвязи подверженности манипулятивному воздействию и уровня интернальности личности участников эксперимента (r Спирмена)

Интернальность личности	Подверженность манипулятивному воздействию ориентированному на:		
	социальное восприятие	регуляцию когнитивной деятельности	материальное положение
Общая интернальность (Ои)	0,138	0,085	0,038
Интернальность при описании жизни вообще (Ж)	0,06	0,175	0,11
Интернальность при описании личного опыта (Я)	0,181	0,032	– 0,015
Интернальность в сфере достижений (Ид)	0,119	0,108	0,127
Интернальность в сфере неудач (Ин)	0,032	0,092	0,185
Предрасположенность к самообвинениям (Псоб)	-0,059	0,044	0,049
Интернальность в профессиональной деятельности (Ип)	0,007	0,095	– 0,01
Профессионально-социальный аспект интернальности (Ипс)	-0,024	0,186	– 0,02
Профессионально-процессуальный аспект интернальности (Ипп)	0,069	0,037	0,057
Интернальность в межличностном общении (Им)	0,119	0.158	0,171
Компетентность в сфере межличностных отношений (Имк)	**0,303****	0,104	0,002
Ответственность в сфере межличностных отношений (Имо)	-0,131	0,133	**0,285***
Интернальность в сфере семейных отношений (Ис)	0,062	0,14	**0,321****
Интернальность в сфере здоровья (Из)	0,187	0,068	0,059
Отрицание активности (Оа)	-0,093	**0,248***	0,012
Готовность к деятельности, связанной с преодолением трудностей (Дт)	**0,232***	-0,016	0,069
Готовность к самостоятельному планированию, осуществлению деятельности и ответственности за нее (Дс)	0,082	-0,036	0,015

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$.
Note: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$.

Подверженность манипулятивному воздействию, ориентированному на социальное восприятие личности, имеет значимую положительную взаимосвязь с компетентностью в сфере межличностных отношений (Имк) ($r = 0,303$; $p \leq 0,01$) и готовностью к деятельности, связанной с преодолением трудностей (Дт) ($r = 0,232$; $p \leq 0,05$).

Также при дополнительном подсчете было выявлено, что обратная величина — устойчивость к манипулятивному воздействию социальным восприятием личности имеет значимую положительную взаимосвязь с ответственностью в сфере межличностных отношений (Имо) ($r = 0,233$; $p \leq 0,05$).

Подверженность манипулятивному воздействию, ориентированному на регуляцию человеком своей когнитивной деятельности, имеет значимую положительную взаимосвязь с отрицанием активности (Оа) ($r = 0,248$; $p \leq 0,05$).

Подверженность манипулятивному воздействию, ориентированному на материальное положение человека, имеет значимую положительную взаимосвязь с ответственностью в сфере межличностных отношений (Имо) ($r = 0,285$; $p \leq 0,05$) и интернальностью в сфере семейных отношений (Ис) ($r = 0,321$; $p \leq 0,01$).

В табл. 2 представлены результаты корреляционного анализа подверженности манипулятивному воздействию и индивидуально-психологических особенностей характера участников эксперимента.

Таблица 2. Корреляционные взаимосвязи подверженности манипулятивному воздействию и индивидуально-психологических особенностей характера участников эксперимента (r Спирмена)

Индивидуально-психологические особенности характера личности	Подверженность манипулятивному воздействию ориентированному на:	
	регуляцию когнитивной деятельности	материальное положение
A: «замкнутость — общительность»	**0,294***	-0,184
B: «интеллект»	**0,253***	-0,036
C: «эмоциональная нестабильность — стабильность»	0,006	**0,256***
E: «подчиненность — доминантность»	0,185	-0,053
F: «сдержанность — экспрессивность»	0,175	-0,049
G: «низкая нормативность поведения — высокая нормативность поведения»	0,032	0,037
H: «робость — смелость»	0,077	-0,229
I: «жесткость — чувствительность»	**0,282***	0,205
L: «доверчивость — подозрительность»	0,192	-0,019
M: «практичность — мечтательность»	0,191	0,179
N: «прямолинейность — дипломатичность»	0,079	– 0,014
O: «спокойствие — тревожность»	**0,301****	0,038
Q1: «консерватизм — радикализм»	0,213	0,164
Q2: «конформизм — нонконформизм»	0,041	0,083
Q3: «низкий самоконтроль — высокий самоконтроль»	-0,211	-0,033
Q4: «расслабленность — напряженность»	0,224	-0,105
F1: «низкая тревожность — высокая тревожность»	**0,327****	-0,025
F2: «интроверсия — экстраверсия»	0,175	-0,2
F3: «чувствительность — уравновешенность»	-0,123	-0,03
F4: «конформность — независимость»	0,14	**0,245***

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$.
Note: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$.

Подверженность манипулятивному воздействию, ориентированному на регуляцию человеком своей когнитивной деятельности, имеет значимую положительную взаимосвязь с личностными факторами: A: «общительность» ($r = 0,294$; $p \leq 0,05$), B: интеллект ($r = 0,253$; $p \leq 0,05$), I: «чувствительность» ($r = 0,282$; $p \leq 0,05$), O: «тревожность» ($r = 0,301$; $p \leq 0,01$), F1: «высокая тревожность» ($r = 0,327$; $p \leq 0,01$).

Подверженность манипулятивному воздействию, ориентированному на материальное положение человека, имеет значимую положительную взаимосвязь с личностными факторами: C: «эмоциональная стабильность» ($r = 0,256$; $p \leq 0,05$), F4: «независимость» ($r = 0,327$; $p \leq 0,01$).

Подверженность манипулятивному воздействию, ориентированному на социальное восприятие личности, имеет значимую положительную взаимосвязь с эмоциональной осведомленностью личности ($r = 0,307$; $p \leq 0,01$). Устойчивость/подверженность манипулятивному воздействию, ориентированному на социальное восприятие личности, не имеет значимых взаимосвязей с показателями методик «Выделение существенных признаков» и «Опросник терминальных ценностей». В свою очередь устойчивость/подверженность манипулятивному воздействию, ориентированному на регуляцию когнитивной деятельности и материальное положение личности, не имеют значимых взаимосвязей с уровнем эмоционального интеллекта личности и преобладанием мотива стремления к успеху/неудаче.

Обсуждение результатов. Анализируя значимые взаимосвязи уровня интернальности личности с устойчивостью/подверженностью к манипулятивному воздействию, отметим, что ответственность в сфере межличностных отношений сопутствовала противостоянию манипуляции социальным восприятием личности. Субъектная, осознанная позиция по отношению к восприятию личности другого человека предположительно позволила отстраниться от манипулятивных провокаций. Напротив, та же склонность к ответственности в сфере межличностных и семейных отношений сопутствовала подверженности манипуляции, ориентированной на материальное положение человека. Возможно, склонность к ответственности в данном случае побуждала человека брать на себя ответственность за иррациональное поведение манипулятора, тем самым оправдывая и поощряя его манипулятивную тактику.

Готовность к действию сопутствовала подверженности манипуляции социальным восприятием личности, а подверженности манипуляции, ориентированной на регуляцию когнитивной деятельности личности, напротив, сопутствовала склонность к отрицанию активности. Это может быть связано со спецификой манипулятивного воздействия. В первом случае участники эксперимента побуждались к активной позиции (описанию человека на фото определенным образом). Действие в угоду манипулятору выполняется за счет активности адресата манипуляции; следовательно, чем выше готовность к действию, тем вероятнее выполнение действия в угоду манипулятору. Во втором случае участники побуждались к пассивности по отношению к определенным задачам, следовательно, эксплуатировалась инертность личности — склонность к отрицанию активности.

Такие личностные качества, как общительность, тревожность и чувствительность, сопутствовали подверженности манипуляции, ориентированной на когнитивную деятельность личности. Напротив, эмоциональная стабильность и склонность к независимости сопутствовали манипуляции, ориентированной на материальное положение личности. По-видимому, для однократного совершения выбора в угоду манипулятору достаточно эксплуатации им психофизиологического уровня личности жертвы — ее эмоциональных реакций. Манипулятивное воздействие, предполагающее склонение жертвы к длительному «сотрудничеству», эксплуатирует более сложные личностные подструктуры: направленность личности, реализуемую в целостных паттернах поведения, «сознательность» и волевой контроль со стороны жертвы, сдерживание ею своих эмоциональных переживаний.

Более высокий уровень интеллекта сопутствовал подверженности манипуляции, ориентированной на регуляцию когнитивной деятельности личности. Возможно, в условиях манипулятивного воздействия жертва манипуляции вовлекает свои когнитивные способности в решение вымышленной манипулятором проблемы вместо применения их для критической оценки действий «партнера». Однако эта гипотеза нуждается в проверке в ходе дальнейших исследований.

Заключение. В результате проведенного исследования экспериментальным путем было подтверждено следующее.

Манипулятивное воздействие оказывает значимое влияние на сферы жизнедеятельности человека.

Представление воображаемого оппонента как «влиятельного лица» способствовало некоторому повышению подверженности манипуляции в контексте материально мотивированного взаимодействия.

Личностные факторы устойчивости/подверженности к манипулятивному воздействию зависят от ориентированности психологической манипуляции на

определенную сферу жизнедеятельности личности. Ярким примером, подтверждающим это положение, является то, что склонность к ответственности в сфере межличностных отношений, с одной стороны, сопутствовала подверженности материально ориентированной манипуляции, а с другой сопутствовала противостоянию манипуляции социальным восприятием личности.

В дальнейших исследованиях, при разработке диагностических методик и тренингов противостояния манипуляции необходимо учитывать тот факт, что личностные факторы противостояния манипуляции зависят от того, на какую именно сферу жизнедеятельности ориентировано манипулятивное воздействие.

Ограничения. К ограничениям исследования можно отнести половой и возрастной состав выборки (83% женщин и 17% мужчин; M = 18,36), а также частичную несопоставимость дизайна диагностических методик первой экспериментальной серии по сравнению со второй и третьей сериями, что планируется учесть при проведении дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарнова А.Н. Поединок с тенью. Противостояние манипулятивному воздействию / А.Н. Азарнова. — М: Эксмо, 2010. — 496 с. — ISBN 978-5-699-40785-9.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. — М: ЧеРо, 1997. — 344 с. — ISBN 5-88711-038-4.
3. Елишев С.О. Социальное манипулирование молодежью / С.О. Елишев. — М: Канон-плюс, 2019. — 336 с. — ISBN 978-5-88373-554-6.
4. Ильин Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. — СПб.: Питер, 2011. — 782 с. — ISBN 978-5-4237-0059-1.
5. Капустина А.Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла / А.Н. Капустина. — СПб.: Речь, 2007. — 104 с. — ISBN 5-9268-0068-4.
6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. — М: Эксмо, 2005. — 490 с.
7. Ксенофонтова Е.Г. Исследование локализации контроля личности — новая версия методики «Уровень субъективного контроля» / Е.Г. Ксенофонтова // Психологический журнал. — 1999. — Т. 20. — № 2. — С. 103–114.
8. Сенин И.Г. Опросник терминальных ценностей / И.Г. Сенин. — Ярославль: Содействие, 1991. — 19 с.
9. Первушина О.Н. Личностные особенности жертв телефонного мошенничества / О.Н. Первушина, А.А. Федоров // Вопросы психологии. — 2022. — Т 68 — №3 — С. 92–103. — ISSN 0042-8841
10. Платонов К.К. Структура и развитие личности / К.К. Платонов. — М: Наука, 1986. — 256 с.
11. Реан А.А. Психология изучения личности / А.А. Реан. — М.: Михайлов, 1999. — 288 с.
12. Шейнов В.П. Скрытое управление. Манипулирования. Защита от манипулирования / В.П. Шейнов — Минск: Харвес, 2010. — 304 с. — ISBN 978-985-16-8131-6.
13. Юрчук Д.В. Социальное восприятие личности другого человека в условиях манипулятивного воздействия / Д.В. Юрчук // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. — 2024. — Т. 9. — № 35. — С. 43–68. — DOI: 10.38098/ipran.sep_2024_35_3_03.
14. Юрчук Д.В. Регуляция когнитивной деятельности человека в условиях манипулятивного воздействия / Д.В. Юрчук // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. — 2025. — Т. 10. — № 40. — С. 24–50. — DOI: 10.38098/ipran.sep_2025_40_4_02.
15. Braiker H.B. Who's Pulling Your Strings? How to Break the Cycle of Manipulation and Regain Control of Your Life / H.B.Braiker. — N.Y.: McGraw-Hill, 2003. — 260 c. — DOI: 10.1036/0071435689.
16. Kelley N.J. [et al]. Analytical reasoning reduces internet fraud susceptibility / N.J. Kelley [et al]. // Computers in Human Behavior. — 2023. — Vol. 5 — № 2 — P. 107648. — DOI:10.1016/j.chb.2022.107648.
17. Oyibo K., Vassileva J. The relationship between personality traits and susceptibility to social influence / K. Oyibo, J. Vassileva // Computers in Human Behavior. — 2019. — Vol. 98 — P. 174-188. — DOI:10.1016/j.chb.2019.01.032.
18. Verma A. The impact of call spoofing on trust and communication: A user perception study / A. Verma // International Journal of Safety & Security Engineering. — 2024. — Vol. 14 — № 2 — P. 487–498. — DOI:10.18280/ijsse.140216.

REFERENCES

1. Azarnova A.N. (2010). Poedinok s ten`yu. Protivostoyanie manipulyativnomu vozdejstviyu [Shadow Duel. Resisting Manipulative Influence]. Moscow: E`ksmo. ISBN 978-5-699-40785-9. (In Russian).
2. Docenko E.L. (1997). Psixologiya manipulyacii: fenomeny`, mexanizmy` i zashhita [The Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms, and Defenses]. Moscow: CheRo. ISBN 5-88711-038-4. (In Russian).
3. Elishev S.O. (2019). Social`noe manipulirovanie molodezh`yu [Social manipulation of youth]. Moscow: Kanon-plyus. ISBN 978-5-88373-554-6. (In Russian).
4. Il`in E.P. (2011). E`mocii i chuvstva [Emotions and feelings]. Saint Petersburg: Piter. ISBN 978-5-4237-0059-1. (In Russian)
5. Kapustina A.N. (2007). Mnogofaktornaya lichnostnaya metodika R. Kettella [R. Cattell's multifactorial personality technique]. Saint Petersburg: Rech`. ISBN 5-9268-0068-4. (In Russian).
6. Kara-Murza S.G. (2005). Manipulyaciya soznaniem [Manipulation of consciousness]. Moscow: E`ksmo. (In Russian).
7. Ksenofontova E.G. (1999). Issledovanie lokalizacii kontrolya lichnosti — novaya versiya metodiki «Uroven` sub``ektivnogo kontrolya» [A study of the localization of personal control — a new version of the «Level of Subjective Control» methodology]. Psixologicheskij zhurnal, 20 (2), 103-114. (In Russian).
8. Senin I.G. (1991). Oprosnik terminal`ny`x cennostej [Terminal Values Questionnaire].Yaroslavl`: Sodejstvie. (In Russian).
9. Pervushina O.N., Fyodorov, A.A. (2022). Lichnostny`e osobennosti zhertv telefonnogo moshennichestva [Personality Traits of Telephone Fraud Victims]. Voprosy` psixologii, 68 (3), 92-103. — ISSN 0042-8841 (In Russian).
10. Platonov K.K. (1986). Struktura i razvitie lichnosti [Personality structure and development]. Moscow: Nauka. (In Russian).
11. Rean A.A. (1999). Psixologiya izucheniya lichnosti [Psychology of personality study]. Moscow: Mixajlov. (In Russian).
12. Shejnov V.P. (2010). Skry`toe upravlenie. Manipulirovaniya. Zashhita ot manipulirovaniya [Hidden Control. Manipulation. Protection from Manipulation.]. Minsk: Xarves. ISBN 978-985-16-8131-6. (In Russian).
13. Yurchuk D.V. (2024). Social`noe vospriyatie lichnosti drugogo cheloveka v usloviyax manipulyativnogo vozdejstviya [Social perception of another person's personality under manipulative influence]. Institut psixologii Rossijskoj akademii nauk. Social`naya i e`konomicheskaya psixologiya, 35 (3), 43-68. DOI: 10.38098/ipran.sep_2024_35_3_03. (In Russian).
14. Yurchuk D.V. (2025). Regulyaciya kognitivnoj deyatel`nosti cheloveka v usloviyax manipulyativnogo vozdejstviya [Regulation of human cognitive activity under manipulative influence]. Institut psixologii Rossijskoj akademii nauk. Social`naya i e`konomicheskaya psixologiya, 40 (4), 24-50. DOI: 10.38098/ipran.sep_2025_40_4_02. (In Russian).
15. Braiker H.B. (2003). Who’s Pulling Your Strings? How to Break the Cycle of Manipulation and Regain Control of Your Life. New York: McGraw-Hill. DOI: 10.1036/0071435689. (In English).
16. Kelley N.J. [et al]. (2023). Analytical reasoning reduces internet fraud susceptibility. Computers in Human Behavior, 5 (2), 107648. DOI:10.1016/j.chb.2022.107648. (In English).
17. Oyibo K., Vassileva, J. The relationship between personality traits and susceptibility to social influence. Computers in Human Behavior, 98, 174-188. DOI:10.1016/j.chb.2019.01.032. (In English).
18. Verma A. (2024). The impact of call spoofing on trust and communication: A user perception study. International Journal of Safety & Security Engineering, 14 (2), 487-498. DOI:10.18280/ijsse.140216. (In English).

Поступила в редакцию 09.06.2026 г.

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF PERSONALITY RESISTANCE TO VARIOUS FORMS OF MANIPULATIVE INFLUENCE

D.V. Yurchuk

The article presents a study of personality factors that determine a person’s resistance/susceptibility to manipulative influence. The study objective is to determine personality traits as factors in

resilience/susceptibility to manipulative influence, depending on the psychological manipulation focus on a specific area of the individual's life. The study involved 450 people (84% women and 16% men) aged 17 to 49 years (M = 18.49; SD = 2.576). Three laboratory experiments were developed, including various types of manipulative influence. A diagnosis of the personality traits of the experiment participants was conducted, and relationships between personality traits and the level of susceptibility to manipulation were identified. The results obtained are as follows: 1. Under the influence of manipulative influence, the social perception of another person changed significantly. Vulnerability factors to manipulation include reliance on emotional experience, self-confidence in interpersonal relationships, and a willingness to overcome difficulties. Resilience is promoted by responsibility in interpersonal relationships. 2. Psychological manipulation significantly impacts a person's ability to regulate his cognitive activity. Vulnerability factors to manipulation include sensitivity, anxiety, intelligence, sociability, and aversion to activity. 3. Appealing to authority by the manipulator leads to a certain increase in a person's compliance in the context of material interactions. Vulnerability factors to manipulation include a tendency toward independence, restraint of emotional experiences, and responsibility in interpersonal and family relationships. The conclusion is made that manipulative influence significantly affects various areas of a person's life, while personal factors of resilience/susceptibility to manipulative influence depend on the orientation of psychological manipulation toward a specific area of the individual's life.

Keywords: psychological manipulation, social perception, cognitive activity, fraud, psychological game, experiment, personality factors, resilience, susceptibility.

Юрчук Дмитрий Валентинович.
Донецкий государственный университет,
Российская Федерация, г. Донецк.
Аспирант кафедры общей психологии.

ORCID 0009-0009-7322-0585.
E-mail: yurchukdmitrii@yandex.ru

Yurchuk Dmitry Valentinovich.
Donetsk State University,
Russian Federation, Donetsk.
Postgraduate Student at Department of General Psychology.
ORCID 0009-0009-7322-0585.
E-mail: yurchukdmitrii@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу
УДК 811.161.1’374
DOI: 10.5281/zenodo.22973954

«*БЕЗ ПОСЛОВИЦЫ НЕ ПРОЖИВЕШЬ*»: ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МУЗЕЮ КАК НОВЫЙ ЖАНР ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КОЗМИН В.Ю. ГОСТЬ НЕ МНОГО ГОСТИТ, ДА МНОГО ВИДИТ: ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МУЗЕЮ «ПУШКИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ». — СЕЛЬЦО МИХАЙЛОВСКОЕ: ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК, 2024. — 344 С.)

© 2026 *О.В. Никитин*
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения»
ORCID 0000-0003-2815-6691

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В научно-критическом обзоре дается оценка книги, написанной в необычном жанре «фразеологического путеводителя» по музею «Пушкинская деревня», входящего в состав Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». Подчеркивается оригинальность подхода автора к воссозданию экспозиции музея с помощью лингвокультурной интерпретации народных традиций, крестьянского обихода, которые были тесно связаны с фольклором. Исследование построено по принципу идеографического словаря, в котором содержится изложение основных концептов (*калитка*, *гумно*, *баня*, *огород*, *конюшня*, *амбар*, *квашня*, *мельница* и др.), запечатленных в метком народном слове. Таким образом, язык становится проводником исторического экскурса в пушкинское время, показывает людскую природу, этнографию, социальные взаимоотношения сквозь призму фразеологии. Книга получит применение не только в просветительской работе и практике музейной деятельности, но и как пособие для обучения студентов филологических факультетов вузов по курсам «Русская диалектология», «История русского литературного языка», «Лексикография», «Фразеология», «Этнолингвистика», «Лингвокультурология».

Ключевые слова: музей-заповедник «Михайловское», музей «Пушкинская деревня», лингвокультурная традиция, фразеология, лексикография, народная культура, концепт.

Для цитирования: Никитин О.В. «*Без пословицы не проживешь*»: фразеологический путеводитель по музею как новый жанр лингвокультурной традиции (рецензия на книгу: Козмин В.Ю. Гость не много гостит, да много видит: фразеологический путеводитель по музею «Пушкинская деревня». — Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2024. — 344 с.) / О.В. Никитин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 5. — С. 371–379. — https://doi.org/10.5281/zenodo.22973954.

Современная филологическая традиция получила оригинальное наполнение в практике экспозиционной работы, проведения выставочных мероприятий и экскурсий в Государственном мемориальном историко-литературном и природно-ландшафтном музее-заповеднике А.С. Пушкина «Михайловское». Это нашло выражение в создании

«фразеологического путеводителя» по музею «Пушкинская деревня», расположенному в Бугрове. Он находится на пути из Михайловского в Святогорский монастырь и представляет собой сейчас уникальный комплекс под открытым небом, в котором любой турист, посещающий эти места, оказывается в особом историко-культурном пространстве и погружается в путешествие по народным традициям XIX в. Хранитель музея «Пушкинская деревня» В.Ю. Козмин так пишет об этом: «Здесь мы рассказываем о быте псковских крестьян, показываем старинные предметы крестьянского быта и обихода, объясняем назначение экспонатов. Во время экскурсий вспоминаем ту или иную пословицу, поговорку, загадку. А как же без них! Музей-то пушкинский! Поэтому здесь всегда присутствует Слово народа — и Слово поэта. Меткие народные изречения сродни пушкинским афоризмам. Они коротки, умны и поучительны» [с. 4]. Это напутствие автора — «зачин» — стало лейтмотивом всей книги. Ее жанр необычен. До сих пор в филологической теории и практике нам известны фразеологические *словари*, включающие устойчивые выражения и обороты речи. Здесь же перед читателем открывается фразеологический *путеводитель по музею*, который сочетает несколько функций и жанров: 1) экспериментальный идеографический словарь концептов народной культуры, 2) историко-культурный и этнографический лексикон с важными отсылками в область краеведения, 3) словарь пословиц и поговорок в духе В.И. Даля, охватывающий проблематику Пушкинского Заповедника, 4) необычный *музейный* путеводитель со всеми атрибутами (фотографиями подлинных экспонатов, иллюстрациями, комментариями, соотнесенными с именем поэта, где это возможно, и его временем), 5) оригинальное авторское исследование слов и явлений народной культуры и их роли в жизни А.С. Пушкина, произведенное сквозь призму этнографического прочтения литературных произведений русского гения и круга его знакомых. Таким образом, В.Ю. Козмин удачно «смастерил» новый синтетический жанр, стержнем которого является СЛОВО. Именно оно в книге главное. Через него проходит ключевая идея увлекательного путеводителя, выраженная в заглавии: *Гость не много гостит*, *да много видит*. Ученый как бы ненавязчиво приглашает в путешествие в мир окрестностей Святых Гор, рассказывает их тайны, знакомые ныне немногим.

Путеводитель содержит 42 слова-концепта крестьянской культуры: *калитка*, *сенник*, *овин*, *гумно*, *баня*, *пруд*, *поле*, *огород*, *сад*, *двор*, *конюшня*, *поветь* (*возовня*), *амбар*, *крыльцо*, *сени*, *изба курная*, *печной угол*, *полатный угол*, *нары*, *полати*, *колыбель*, *бабий кут*, *солонки*, *большой угол*, *стол*, *щи да каша*, *застолье*, *светлица*, *окно*, *рукоделие*, *лавка*, *свадьба*, *чертова свадьба*, *кто в доме хозяин*, *квашня*, *сундук*, *шишак*, *шляпа*, *скотный двор*, *дорога*, *мельница*. Они отражают разные аспекты бытового орнамента местности: названия предметов обихода, традиций и обрядов, нравственные характеристики человека и др.

Вход в деревенское пространство начинается с *калитки*, тем более, что топоним имеет неочевидное происхождение, как может показаться на первый взгляд: «Название деревни Бугрово произошло вовсе не от обилия в Пушкиногорье гор, горок и бугорков, а от имени мужика, которого звали Букрей. В конце семнадцатого века у речки Луговки он построил здесь первый дом. Название реки произошло от слова “луг”. Но пришел Букрей, принес плуг, и стал луг пашней. Точная дата постройки букреевой избы неизвестна, но старики говорили, что случилось это *давно*, *когда царь Горох с грибами воевал*. Старушки поддакивали — *давно*, *когда еще баба девкой была*. В общем, тогда, когда *прадеды ели просто*, *да жили лет по сту*» [с. 5]. Так живо и непосредственно автор вводит читателя в атмосферу пушкинской деревни. О ее жителях в ту пору он пишет с добродушным юмором так, как будто знал их в лицо: «…когда поэта сослали в

имение матери, в Бугрове было уже три двора. На речке стояла водяная мельница, при ней — мельничный пруд. В пруду жили караси, в деревне — Карпы: Карп Феофилактов сорока двух лет от роду, да два Карпа Ивановых — сорока одного и восьми годов. В соседней деревне *иванов* было *как грибов поганых*. В нашей — столько же Карпов» [с. 5]. Какое же это имеет отношение к А.С. Пушкину. Дело в том, что Бугрово располагалось на дороге из Михайловского в слободу Тоболенец, куда поэт ездил на ярмарку и захаживал к местным крестьянам. Вот как об этом пишет автор книги: «Звучное имя Феофилакт Пушкин запомнил и в 1830-х годах стал подписывать свои журнальные публикации псевдонимом “Феофилакт Косичкин”. Отец Карпа получил церковное имя, достойное священника или монаха. А люди подобного звания волосы не стригут и зачастую заплетают их в “хвост” или косу. Отсюда, как нам кажется, возникла литературная “фамилия” Пушкина-журналиста — “Косичкин”» [с. 8].

Сенник — место для хранения сена и соломы — занимает важное место в крестьянском обиходе, а к сенокосу всегда предъявляли особые правила. Недаром ученый здесь цитирует «Капитанскую дочку» А.С. Пушкина, в которой есть такой эпизод: «…Пора бы сено убрать: а вы, дурачье, целые три дня что делали? Староста! Нарядить поголовно на сенокос; да смотри, рыжая бестия, чтоб у меня к Ильину дню всё сено было в копнах» [с. 9]. Сено не раз упоминается в русской идиоматике и отличалось по «сортам»: «красное» сено — такое, что «*лошади не евши сыты*, или *такое сено*, *что хоть попа корми*. Если же лето выдавалось капризным и трава вырастала чахлой, то и жесткая солома шла на корм животным — *сена нет*, *так и солома съедома*» [с. 9–10]. Дом поэта в Михайловском тоже был покрыт соломой, которая «шумела» «до ремонта, осуществленного Сергеем Львовичем Пушкиным в июле–сентябре 1829 года», после которого кровлю накрыли тесом [с. 12]. Интересно, что из соломы плели легкие летние шляпы. В одной такой «заморской» шляпе, привезенной А.С. Пушкиным из Одессы, поэт приходил в гости в Тригорское: «Барышень любил — щеголем ходил: *дома — щи без круп*; *в людях — шапка в рубль*. Шляпу носил со своим ганнибальским вывертом — *в брюхе солома*, *а шапка с заломом*, умел *пронести шляпу на ухе* (пройтись щеголем)» [с. 12].

В *овинах* сушили привезенные с полей снопы. Обнаружить их «среди других крестьянских построек было легко — по запаху. Современники поэта сравнивали этот запах с запахом копченого окорока — *каков ком*, *такова от него и вонь*!» [с. 13]. «Овины дымные» А.С. Пушкин упоминал в стихотворении «Деревня». С этим словом связаны многие устойчивые выражения и даже загадки: *стоит поп*, *разинувши рот*, *стоит волчище*, *разиня ротище* («В овинах-сушильнях находилось отверстие, которое называлось "окно-садило". Через него загружали снопы внутрь "прожорливого" овина»). Приведем еще один яркий пример из книги: «По поводу "развязных" снопов есть загадка: *весь мир подпоясан*, *один староста распоясан*. Колосья на помост набрасывались по принципу *на скору руку — комком да в кучку*. Отсюда возникло выражение *расчеши свой овин на голове*» [с. 14–15]. В.Ю. Козмин рассказывает интересные детали: «Находясь в Болдине, осенью 1830 года в "Путешествии Онегина" поэт снова вспомнил об овинах и набросал в черновиках такие строчки: "За нивой дымные овины", "Солому дымную в овине", "Солому свежую в овине", "Свежей" солома, точнее колосья, была тогда, когда загружалась в овины перед топкой печи, "дымной" — после. Также не исключено, что, находясь в Болдине, поэт упоминает о "дымной соломе", используемой вместо дров, в качестве топлива для печи» [с. 15].

Гумно тоже занимало в весомое место в крестьянском обиходе. В нем «высушенные и слегка подкопченные колосья околачивали и превращали в зерно,

мякину и солому» [с. 17]. В.Ю. Козмин приводит такой фрагмент из романа «Евгений Онегин»: «На небе серенькие тучи, перед гумном соломы кучи…», и объясняет, что «соломы кучи» — «это высушенные и обработанные стебли ржи, осыпавшиеся с крестьянских телег, следующих в сенник» [с. 17]. Далее автор помещает следующий комментарий: «В поле колосья связывали в снопы с помощью пояска-"перевясла". Потом, в овине и гумне, "распоясывали". У крестьян это "переодевание" вошло в пословицу: *сноп без перевясла — солома*» [с. 17].

Рассказ о бане и ее роли в жизни русского человека особенный. Стоит согласиться с ученым в том, что «русская баня — кладезь народных пословиц и поговорок» [с. 23]. Упоминается она в «Евгении Онегине» и «Капитанской дочке». В последнем произведении А.С. Пушкин использовал вариант известной пословицы, отмеченной и В.И. Далем: «Одна беда: Маша девка на выданье, а какое у ней приданое? *Частый гребень*, *да веник*, *да алтын денег* (*прости Бог*!), с чем в баню сходить» [с. 25].

В.Ю. Козмин подробно рассказывает о полевых работах и их значении в крестьянской жизни. Все это получило отражение в многочисленных устойчивых выражениях: «Для посева отбирали крупные полновесные зерна. *Лучше голодай*, *а добрым семенем засевай*, так как от этого зависело качество и количество будущего урожая — *посеешь крупным зерном*, *будешь с хлебом и вином*. Сеяли аккуратно, избегая потерь (*если кто оставит в поле обсевок*, *то кому-либо из семьи умереть*) и расчетливо (*что посеешь*, *то и пожнешь*)» [с. 43]. А.С. Пушкину принадлежат такие строки:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, *до звезды*;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды.

В этой метафорической форме поэт передал будничный уклад крестьянина [с. 45–46]. По наблюдениям В.Ю. Козмина, кроме ржи, «в число главных деревенских блюд входила гречневая каша — эту культуру в больших количествах выращивали и в псковском Михайловском, и в нижегородском Болдине» [с. 47].

Очень живо, фразеологично пишет автор книги об огородных делах, где самое почетное место и у крестьян, и у помещиков занимала капуста [с. 47]. С ней связаны разные пословицы: *капуста не пуста*, *сама летит во уста*; *а где щи да каша*, *там и место наше*; *добрая жена да жирные щи — другого добра не ищи*! [с. 48]. За ней следовали свекла, лук, огурцы. В.Ю. Козмин пишет: «Сам Пушкин любил "калью", блюдо, которое хорошо умела готовить Арина Родионовна» [с. 54]. По В.И. Далю, оно представляло собой похлебку «на огуречном рассоле, с огурцами со свеклой и с мясом, а в пост с рыбой и икрой…» [с. 54]. Не менее поэтично читается статья о саде как явлении не только крестьянской, но и помещичьей, дворянской культуры. О нем слагали песни, сочиняли пословицы и поговорки: *люби смородинку*, *люби и оскоминку*, *не жизнь*, *а малина*, *сладко вишенье*, *да барско кушанье* [с. 55]. Остроумный деревенский обычай, о котором упомянул В.Ю. Козмин, А.С. Пушкин запечатлел на страницах романа «Евгений Онегин»:

В саду служанки, *на грядах*,
Сбирали ягоду в кустах
И хором по наказу пели
(*Наказ*, *основанный на том*,

Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!) [с. 55–56].

С символикой ягодного мира связаны воспоминания М.И. Семевского, который рассказывал, что в Тригорском рос «кустарник барбарисовый, в середину которого Пушкин однажды впрыгнул, да насилу вылез оттуда» [с. 56].

Каждый мини-очерк ученого о слове превращается в увлекательную историю народной мудрости, которую А.С. Пушкин черпал из первых рук. Так, *конюшне* и *лошадям* он посвятил стихотворение «Всем красны боярские конюшни...». А.С. Пушкин был опытным наездником, но однажды с ним произошел такой случай, о котором он сообщал П.А. Вяземскому: «Пишу тебе в гостях с разбитой рукой — упал на льду не с лошади, а с лошадью: большая разница для моего наезднического честолюбия» [с. 71]. В «Евгении Онегине» есть сюжет, где поэт изобразил «падшего» наездника. Известны многочисленные крылатые выражения, в которых используются эти животные: *молода лошадь*, *да норов стар*, *лошадь человеку крылья*, *козла спереди бойся*, *коня сзади*, *а злого человека со всех сторон* и т. д. [с. 70]. Слово *амбар* замечено в исторической драме «Борис Годунов». *Сени* поэт обыгрывает в стихотворении «К Языкову»: «Под сенью липовых аллей...». В.Ю. Козмин пишет, что А.С. Пушкин неоднократно посещал крестьянские избы, где «записывал народные песни, сплошь и рядом наполненные "очеловеченными" образами природы» [с. 105]. Даже такая «мелочь», как *солонка*, становится под пером В.Ю. Козмина и материальным экспонатом музея, и символическим: хлеб-соль часто фигурировали в русских сказках. Есть это слово и в стихотворении А.С. Пушкина «Послание к Юдину» [с. 148].

Не раз в творчестве поэт лирически обыгрывал *стол* как пир: «Приходя в Бугрово, за столом, поэт мог услышать народные песни, поговорки, были и небылицы — *есть что покушать*, *так есть кому хозяина послушать* [с. 166]. Рассказы няни Арины Родионовны о древних обычаях впоследствии выразились в стихотворных сюжетах:

...И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, *извинилась*
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была» [с. 166–167].

Приводимые далее автором книги устойчивые выражения, показывают разнообразие народных обычаев, связанных с застольями. Эта поведенческая культура, воплощенная в емкой фразе, является уникальным свидетельством живого духа народа, его сметливости, прозорливости: *хочешь быть сыт*, *садись подле хозяйки*; *когда я ем*, *я глух и нем*; *на обеде все соседи*, *а пришла беда*, *они прочь*, *как вода* [с. 167]. В.Ю. Козмин подметил такую деталь: «Есть в произведениях А.С. Пушкина герой, который сиживал на обоих "престолах" (церковный престол и царский трон. — О. Н.). Это — Емельян Пугачев» [с. 168]. Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» ученый справедливо называет «кладезем народных фразеологизмов» [с. 170]. Более подробно В.Ю. Козмин о застолье пишет в соответствующей статье, которая преисполнена пушкинскими строками и лирическими образами, начиная с самого хрестоматийного:

Выпьем, *добрая подружка*
Бедной юности моей,

Выпьем с горя; *где же кружка?*
Сердцу будет веселей» [с. 184 и далее].

Можно поразиться тому, насколько глубоко вживается автор книги в крестьянский быт. Каждому сюжету «пушкинской деревни» как символу этих мест он находит подобающую пословицу, и эта же «крылатика» сопровождает поэтическое вдохновение гения русской литературы — будь то описание праздников, рукоделия, бытовых привычек или языка: «Прядет и "распевает" дева в пушкинском романе "Евгений Онегин", потому что *весело поется*, *весело и прядется*» [с. 208]. В.Ю. Козмин справедливо замечал, что «в произведениях А.С. Пушкина неоднократно упоминаются прялки. В стихотворении "Зимний вечер", романе "Евгений Онегин", в "Сказке о царе Салтане" и "Сказке о мертвой царевне и семи богатырях". Подобный интерес поэта был вовсе не случаен, так как прялки и прядение занимали особое положение в жизни крестьян» [с. 214]. Это получило отражение в фразеосистеме народного языка: *была бы нитка*, *дойдем и до клубка*; *была бы куделька*, *пряслице сделаем*, *а донце взаймы возьмем*; *знай*, *баба*, *свое кривое веретено*! [с. 214–215].

Находясь в Болдине, А.С. Пушкин не раз вспоминал цокающий говор родной Псковской губернии. В «Истории села Горюхина», замечает В.Ю. Козмин, «присутствует ироничное описание псковского диалекта: "Язык горюхинский есть решительно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русский. Он исполнен сокращениями и усечениями — некоторые буквы вовсе в нем уничтожены или заменены другими. Однако ж великороссиянину легко понять горюхинца, и обратно"» [с. 221].

Даже если приведенное в книге слово отсутствует в произведениях А.С. Пушкина (например, «квашня»), оно становится предметом внимания исследователя, усмотревшего «особенности "поведения" замешенного на закваске теста… в "Сказке о царе Салтане"» [с. 267]. Далее следует рассказ о контактах А.С. Пушкина с В.И. Далем, с которым у поэта было много общего, и главное заключалось в том, что оба «они вводили в русскую литературу истинно народных персонажей, приучали читающую публику к языку простонародья» [с. 273].

Примечательна статья «Кто в доме хозяин», рассказывающая о взаимоотношениях мужчины и женщины, их ролях в семье и быту. Здесь же приводится сюжет из «Бориса Годунова» о том, как Марина Мнишек покоряла будущего мужа [с. 257]. В «Евгении Онегине», замечает В.Ю. Козмин, есть строфы, «описывающие быт и нравы семейства Лариных:

…Она меж делом и досугом
Открыла тайну, *как супругом*
Самодержавно управлять,
И всё тогда пошло на стать» [с. 262].

Из книги В.Ю. Козмина мы узнаем подзабытые факты биографии поэта, извлеченные из его писем и посланий к А.С. Пушкину, мемуаров его знакомых и друзей. Так, например, исследователь пишет, что «хлеб Пушкин предпочитал ржаной» [с. 173]. О любви поэта к блинам свидетельствует такой эпизод, воспроизводимый по воспоминаниям А.О. Смирновой-Россет: «Представьте себе, что блины бывают гречневые, потом с начинкой из рубленых яиц, потом крупинчатые розовые, со свеклой. Пушкин съедал их 30 штук, после каждого блина выпивал глоток воды и не испытывал ни малейшей тяжести в желудке» [с. 175]. В.Ю. Козмин делает следующий комментарий к рассказу: «На самом деле, ничего удивительного в этом нет: *блин брюху не порча*, *блин не клин*, *брюха не расколет*» [с. 175].

Перед вдумчивым читателем открывается «домострой» пушкинских мест, облеченный в народную идиоматику. Причем для пояснения автор вводит в свои рассказы фрагменты трудов ученых, изучавших этнографию, историю, язык крестьянства: от «русских пословиц» И.Ф. Богдановича до трудов М.К. Азадовского, С.М. Бонди, С.С. Гейченко, Н.И. Греча, Д.Н. Зеленина, В.А. Кошелева, Ю.М. Лотмана, И.П. Сахарова, М.И. Семевского, К.К. Случевского, А.И. Соболевского, В.И. Чернышева и др. В книге удачно использованы образы и цитаты из произведений К.Н. Батюшкова, В.И. Белова, А.А. Блока, И.А. Бунина, А.Н. Вульфа, Н.В. Гоголя, А.С. Грибоедова, Г.Р. Державина, Ф.М. Достоевского, А.Д. Кантемира, А.П. Керн, И.А. Крылова, М.Ю. Лермонтова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Н.А. Некрасова, Н.Н. Носова, А.С. Пушкина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.К. Толстого, Д.И. Фонвизина, Н.М. Языкова, а также «Песни, собранные П.В. Киреевским» (Вып. 2, ч. 2. М., 1929), коллекция писем Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой 1828–1835 гг., изданные в книге «Мир Пушкина» (Т. 1. СПб., 1993). Для сравнения и характеристики идиоматических выражений В.Ю. Козмин взял следующие лексикографические источники: В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» (Т. 1. Магнитогорск, 2008), В.И. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка» (Т. 1–4. М., 1978–1980) и его же «Пословицы русского народа» (В 2-х т. М., 1989), «Псковский областной словарь с историческими данными» (Вып. 6. Л., 1984), иллюстрированная энциклопедия «Русская изба» (СПб., 1999), энциклопедический словарь «Славянская мифология» (М., 2011). Полагаем, что в работах лингвоэтнокультурного направления было бы уместно использовать также авторитетный этнолингвистический словарь «Славянские древности» (Т. 1–5. М. 1995–2012), который содержит ценные сведения о символах обрядовой культуры славян и, конечно же, «Словарь языка Пушкина» (Т. 1–4. 2-е изд., доп. М., 2000) как показатель в том числе и частотности употребления лексических единиц в текстах.

Еще на такой момент мы хотели бы обратить внимание: любой путеводитель, как правило, составляется в информационно-познавательных целях с обязательными атрибутами: картами и схемами расположения музейных объектов, кратким описанием мест и событий, датами и т. д. Здесь же автор делает акцент на развитии *когнитивных* способностей читателей и туристов. Его задача — вызвать интерес к СЛОВУ как живому свидетелю эпохи, своеобразному «экспонату» времени, носителю его мудрости. Поэтому «словарные статьи» книги (мы специально взяли это словосочетание в скобки, так как работа В.Ю. Козмина построена не по стандартному принципу словарей — это, если так можно сказать, творческий эксперимент) содержат небольшие словесные истории, вплетенные в крестьянскую фразеологию. Так гармонично соединяются в канве исследования традиции народного слова А.С. Пушкина, бытовая культура и природа этих божественных мест, меткая память предков, закреплявшая в речи все самое ценное, коренное.

В книге В.Ю. Козмина помещено много иллюстраций, на которых изображены исчезающие артефакты пушкинского времени, сохранившиеся благодаря подвижничеству музейных работников: показано, как выглядели овинное окно, амбар, курная изба и светлица, телега в гумне, снопы, каменка и предбанник, печной и полатный углы в избе, колыбель, что́ находилось в сенях, на посудной полке, кто такие шорники, как происходили глажка полотна рубелем и святки в крестьянской избе, что такое *чертова свадьба*, из чего состоял простонародный гардероб… Замечательны

изображения берестяных солонок [с. 147], самопрялки-«чухонки» [с. 217], мельничного постава [с. 332].

Автор воспроизводит в книге и репродукции с рисунков А.С. Пушкина. Так, на стр. 72 помещены изображения лошадиных голов (1825), на стр. 123 — заглавный лист рукописи «Драматические сцены» (1830), на стр. 263 — П.А. Осипова на рисунках А.С. Пушкина и Н.И. Фризенгоф (1841), на стр. 299 — автопортрет А.С. Пушкина в русской рубашке, на стр. 330 — рисунок А.С. Пушкина к драме «Русалка» на полях чернового текста (1829). Рассказы о крестьянском быте сопровождают лубочные картинки XVIII–XIX вв. Жизненную силу пушкинской деревне придают фотографии современных доброхотов, трудничающих в музее: в огороде — сбор капусты в 2017 г. [с. 48], «Доброхоты и репка» — фото 2017 г. [с. 51].

Книга В.Ю. Козмина — это энциклопедия крестьянской жизни в миниатюре. Личность А.С. Пушкина, впитавшего дух и строй окружавшей его природы и старины, как хорошо показал ученый, органично вписывается в народную культуру. Это заметно и по поведению поэта в бытность его нахождения в Михайловском, и прежде всего по сближению творческих экспериментов А.С. Пушкина с народно-бытовой и разговорной стихией. *Живой* язык народа становится главным вдохновителем его лирических сюжетов и большим творческим открытием.

В научной канве «фразеологического путеводителя» В.Ю. Козмина удачно соединены исследовательская пунктуальность, внимание к деталям быта, отличное знание истории и этнографии пушкинских мест с повествовательной ритмикой текста, местами очень лирического и даже «убаюкивающего», местами импульсивного и захватывающего, но везде красивого и вдохновенного. Иногда кажется, что автор незаметно путешествует со своим героем, как бы подсматривает за ним. Строки из произведений А.С. Пушкина в интерпретации В.Ю. Козмина звучат не просто как маркеры текста и стилистические приемы, а документально-художественные эпизоды летописи Святых Гор того далекого времени. Это культурное пространство пушкинской деревни В.Ю. Козмин воссоздал как настоящий художник, влюбленный в свой край, тонко чувствующий его цвета, пейзажи и характеры.

В заключение необходимо отметить, что «фразеологический путеводитель» по музею «Пушкинская деревня» представляет собой оригинальный жанр идеографического лингвокультурного метасловаря концептов. Каждое из ключевых слов-понятий связано с пушкинским временем, а все они вместе показывают богатейший мир крестьянской культуры, которая вдохновляла великого поэта на создание литературных шедевров, исправляла недостатки его «проклятого воспитания», созидала в нем народного поэта — знатока песен и сказок, пословиц и поговорок, которые встречаются в речи его литературных героев.

Думается, что подобную традицию подготовки лингвокультурных словарей по музеям России стоит продолжить. Это важно не только в научном смысле. Такие книги помогают нам глубже понять уклад жизни и традиции разных социальных слоев, найти типичные черты и этнографические отличия, почувствовать диалектику слова, научиться расшифровывать код народного языка. Похожий словарь будет иметь и воспитательное значение: к сожалению, массовый посетитель музеев редко задумывается над феноменом СЛОВА как источника божественного озарения писателя, поэта, художника, композитора. Именно через языковые тайны прошлого нужно изучать тексты классики, читать их умом и сердцем, осязать развитие литературной традиции и личности автора. С помощью слова мы прикасаемся к подлинным истокам русской культуры и становимся ее верными проводниками-доброхотами в XXI в.

Поступила в редакцию 14.08.2026 г.

"*YOU CAN'T LIVE WITHOUT A PROVERB*": A PHRASEOLOGICAL GUIDE TO THE MUSEUM AS A NEW GENRE OF THE LINGUISTIC-CULTURAL TRADITION (REVIEW OF THE BOOK: KOZMIN V.YU. THE GUEST STAYS A LITTLE, BUT SEES A LOT: A PHRASEOLOGICAL GUIDE TO THE MUSEUM "PUSHKIN VILLAGE". — SELTSO MIKHAILOVSKOYE, 2024. — 344 P.)

O.V. Nikitin

The scientific and critical review evaluates the book, written in the unusual genre of a «phraseological guide» to the «Pushkin Village» Museum, which is part of the Pushkin «Mikhailovskoye» State Memorial Historical, Literary and Natural Landscape Museum-Reserve. The author's original approach to recreating the museum's exposition through the prism of linguistic and cultural interpretation of folk traditions and peasant life, which were closely related to folklore, is emphasized. The research is based on the principle of an ideographic dictionary, which contains an exposition of the main concepts (*gate*, *threshing floor*, *bathhouse*, *vegetable garden*, *stable*, *barn*, *tillage*, *mill*, etc.), captured in a well-known folk word. Thus, language becomes a guide for historical excursions into Pushkin's time, showing human nature, ethnography and social relationships through the prism of phraseology. The book will be useful not only in educational work and museum activities but also as a teaching aid for students of philological faculties at universities in courses such as «Russian Dialectology», «History of the Russian Literary Language», «Lexicography», «Phraseology», «Ethnolinguistics» and «Linguoculturology».

Keywords: «Mikhailovskoye» Museum-Reserve, «Pushkin Village» Museum, linguistic and cultural tradition, phraseology, lexicography, folk culture, concept.

Никитин Олег Викторович.
Доктор филологических наук, профессор.
Государственный университет просвещения, Российская Федерация, г. Москва.
Профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации факультета русской филологии.
ORCID 0000-0003-2815-6691.
E-mail: olnikitin@yandex.ru.

Nikitin Oleg Viktorovich.
Doctor of Philology, Professor.
Federal State University of Education, Russian Federation, Moscow.
Professor at Department of Slavic Studies, General Linguistics and Culture of Communication, Faculty of Russian Philology.
ORCID 0000-0003-2815-6691.
E-mail: olnikitin@yandex.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректура статей авторам не высылается.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редколлегии (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объем текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи**: «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления**. В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится

(название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Д ь я к о в а Т . А . Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

D i a k o v a T . A . Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приёма статьи к публикации).

6. **ВНИМАНИЕ**! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* — субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров — полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо*, ***можно***, *пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..."..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / *Я руку*, *бьющую меня*, *целую*. // *В грудь*, *оттолкнувшую — к груди тяну*, / *Чтоб*, *удивясь*, *прослушал тишину*. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, *красавицам мучитель*,

И всюду он гусар.

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи — с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании — С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: полное официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования**. ***Ключевые слова:*** (это словосочетание — полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья
УДК 81:112
DOI:

ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

© 2024 ***Т.А. Дьякова***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»
ORCID 0000-0002-8440-7806.

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена

необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалия, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 202X. — № X. — С. XX-XX. — https://doi.org/

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку — текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников — список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т.д.). Список источники приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т.п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала — работы на русском языке, затем — на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник даётся в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, — 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. — 1965. — № 2. — С. 59-68.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. — М.: Наука, 1990. — С. 5–33.
3. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. — Волгоград : ВГСХА, 2005. — Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. — С. 10–17.
4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. — Воронеж, 2019. — 324 с.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. — Режим доступа: http: www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
6. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. — Барнаул, 2005. — 18 с.
7. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2024. — Вып. 1 (43). — С. 20-31. — http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31.
8. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращённого слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. — 2023. — Т. 21. № 1. — С. 79–96. — http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов О. Ипатова / О. Ипатова // Ольгердово копье: романы. — Минск: Беллитфонд, 2002. — С. 3–299.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. — Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. — 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) даётся список **References**, в котором используется формат APA с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате APA. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после неё. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), Osnovy iranskogo iazykoznaniia. Drevneiranskie iazyki [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
2. Berezovich, E. L. (2007). Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)

3. Blasco Ferrer, E. (1993). Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. Indogermanische Forschungen, 98, 177–185. http://doi.org/10.1515/9783110243390.177 (In Italian)

Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from http://www.dwds.de/. (In German).

4. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.

5. Harvalík, M. (2004). Synchronní a diachronní aspekty české onymie [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).

6. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. Journal of French Language Studies, 2, 185–205. (In French).

7. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)

8. Lysova, E. V. (2002). Ornitonimiia Russkogo Severa [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian)

9. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. Romance Philology, 56 (1), 41–50. http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495 (In English).

10. Room, A. (1988). Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles. London: Bloomsbury.

11. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. Voprosy yazykoznaniya, 4, 3–11. (In Russian)

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию хх.хх.20хх г.*

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

○ название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру),

○ через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по левому краю, без абзаца),

○ через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание ***Key words**:* — полужирный курсив) — выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации — места работы каждого автора, страна, город (**без всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.
Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.
ORCID 0000-0002-8440-7806.
E-mail: diako122@rambler.ru

Diakova Tatiana Alekseevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.
Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000-0002-8440-7806.
E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

10**. Контактная информация:**

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Андрюшкова Надежда Петровна**, канд. психол. наук, старший преподаватель кафедры общей психологии Донецкого государственного университета (Email: andruchkova@rambler.ru).

.

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2026. — № 5

На русском и английском языках

Технический редактор: А.М. Лыкова

Подписано в печать 25.09.2026